

Б. ШАПОШНИКОВ

МОЗГ АРМИИ

КНИГА ТРЕТЬЯ

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

Б. ШАПОШНИКОВ

МОЗГ АРМИИ

КНИГА ТРЕТЬЯ

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

ОТДЕЛ ВОЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

МОСКВА 1929 ЛЕНИНГРАД

В, 10. Гиз № 28242/м.
Ленинградский Областлит № 24805.
23³/₄ л. Тираж 4000.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ

Стр.

Обширность труда «Мозг армии». — Основы исследования. — Австро-венгерский генеральный штаб. — На чем кончена вторая книга нашего труда. — Отсутствие в труде исчерпывающей полноты по дипломатической истории Европы XX столетия и причины этого. — Настоящая книга доводит события до первых дней войны 1914 года.

13

ГЛАВА I. НА ПОРОГЕ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Задачи внешней политики Австрии на 1914 год по мыслям Конрада. — Характер работы начальника генерального штаба. — Албания и проект Конрада о формировании албанской армии. — Конрад отмежевывается от Франца-Фердинанда. — Участие Вида. — Конрад хлопочет об укреплении румынской границы. — Сравнение военных сил в Европе. — Конрад советует Францу-Иосифу переговорить с Вильгельмом о надвигающейся войне. — 12 марта Конрад советует Берхтольду заключить с Германией договор, подписанный министрами обеих стран. — Конрад о готовности к войне армии монархии. — Конкретные предложения Конрада 4 июня о подготовке к войне с Румынией. — Письмо Конрада к Берхтольду от 22 июня 1914 года об общем политическом положении. — Необходимость войны с Сербией и Черногорией. — Австрия окружена с трех сторон врагами. — Отъезд Конрада 24 июля на маневры в Боснию. — Последнее свидание Конрада с Францем-Фердинандом. — Австрия и Румыния. — Доклад Конраду военного агента из Бухареста. — Конрад и румынский военный агент. — Политика Конрада. — Письмо Конрада 18 марта Берхтольду о необходимости готовиться к войне с Румынией. — 25 марта Конрад предлагает Францу-Иосифу выяснить позицию Румынии. — Поручения Чернина, его отчаяние. — Помощь Чернину военного агента. — Австрия и Германия. — Политика Германии в 1914 году в представлении Тирпица. — «Храбрые трусы». — «Политика без войны». — Мольтке за войну. — Конрад об Италии. — Конрад о будущей войне и его сожаления об отсутствии Бисмарка. — Беседа Конрада с германским послом в Вене. — «Две личности мешают войне: Франц-Фердинанд и кайзер». — Бесполойство Мольтке за осложнения весной. — Итальянская военная миссия в Берлине. — Письмо Конрада к Мольтке от 14 февраля. — «И малый камень бывает причиной крушения». — Письмо Мольтке от 13 марта. — Россия и Франция не хотят войны. — «Англия осторожно сдержанна». — Бесполойство Мольтке за Румынию. — «Турция в военном отношении — нуль». — В Европе напряженное положение. — Вера Мольтке в прочность тройственного союза. — Доклады Вальдерее и Мольтке об усилении военной подготовки населения. — Свидание Мольтке с Конрадом 12 мая в Карлсбаде. — Мольтке считает, что оттяжка войны ухудшает «шансы» середних государств. — «Полно всего только человек...» — Договор генеральных штабов и его сила. — Свидание Вильгельма с Францем-Фердинандом в Конопинге 12 июня. — Меморандум о политике России. — Документ превентивной войны. — Загадочное поведение Италии. — Балканские государства, тяготеющие к тройственному союзу. — Пашич в Петербурге. — Участие сербского генерального штаба в убийстве Франца-Фердинанда. — Осведомлен-

ность об этом Австрии. — Политика России. —хлопыты морского министерства об увеличении флота. — Данилов о политике Германии. Особое совещание 8 февраля 1914 года. — Русский генеральный штаб о константинопольской операции. — Предложения Немида. — Подготовка к захвату проливов. — Данилов против константинопольской операции. — Оправдания Сухомлинова. — Сближение России с Англией. — Старания в этом Франции. — Англо-русское военноморское соглашение. — Десант в Померании. — Сухомлинов о морском соглашении с Англией. — Визиты англичан и французоз в Петербург. — Спокойствие в военных сферах Петербурга. — Выступление Сухомлинова в печати. — «Россия готова». — Беседа Конрада с военным агентом из Петербурга. — Уверенность Извольского в поддержке Франции. — Иная оценка Франции Сухомлиновым. — Франция и Англия. — «Карточный домик» Бетмана

13

ГЛАВА II. САРАЕВСКИЙ ВЫСТРЕЛ И ЕГО СЛЕДСТВИЯ

Сараевский выстрел — не причина мировой войны. — Три линии руководства политикой. — Конрад получает первые известия об убийстве наследника. — Его думы об этом. — Возвращение Конрада 29 июня в Вену. — Постскриптум к меморандуму Берхтольда. — Берхтольд за выдержку в действиях против Сербии. — Смерть начальника итальянского генерального штаба Поллио. — Предложение Конрада выяснить позицию Германии и сомнения в ней у Франца Иосифа. — Конрад и тройственный союз. — Совет Конрада Берхтольду об ответе Германии о целях войны. — Жизнь в Берлине. — Отпуск Мольтке, Ягова и Тирпица. — Злоба Вильгельма и его страхи. — Выговор Цирскому за советы умеренности в Вене. — Впечатления в Берлине от убийства Франца-Фердинанда. — Письмо Франца-Иосифа и пояснения Гойоса. — Решение Берлина от 5 июля оказать поддержку Австрии. — Беседы Вильгельма 5 июля. — В Берлине не верят в возможность европейской войны. — Письмо Фалькенгайна к Мольтке. — Рассуждения Тирпица. — Настроения Петербурга, Царя и Рима по получении известий о событиях в Сараеве. — Тревоги в Сербии. — Заседание совета министров в Вене 7 июля. — Тисса за дипломатический успех. — Решение совета министров о посылке ультиматума в войну. — Доклад Тиссы. — 8 июля Берхтольд набрасывает срок предъявления ультиматума и предлагает Конраду выехать в отпуск. — Письмо Конрада 10 июля к Потioreку. — Серьезность Конрада и ее причины. — Письмо Конрада к Берхтольду от 14 июля. — Конрад настаивает на краткосрочном ультиматуме. — Отъезд Конрада 14 июля в отпуск. — Заседание совета министров в Вене 19 июля и приближение к нему Конрада. — Обсуждение целей войны и протесты Тиссы. — Возвращение Конрада 22 июля из отпуска под охраной. — Проверка Веной времени отъезда Пуанкаре из Петербурга. — Указания Берхтольда в Белград об объявлении войны. — Вручение в Белграде ультиматума. — Отказ Сербии. — Утром 25 июля указ о мобилизации в Вене. — Конрад считает недостаточной дипломатическую подготовку. — Недовольство Вильгельма медленными действиями Австрии. — Цели войны для Австрии по мнению Вильгельма. — «Только сильнее наступать на мозоли этой сволочи». — Ягов запрашивает Вену о целях войны. — Ягов о позиции тройственного согласия и против превентивной войны. — «Когда борьба напращивается, нам нельзя отступать». — Дипломаты против возвращения Вильгельма в Берлин. — Его негодование этим. — Берлин замалчивает свое знакомство с австрийской нотой. — Уверенность в невмешательстве в войну России. — Доклад Лихновского от 16 июля. — «Австрийское высокомерие». — Подкуп Италии и ее претензии. — Спокойствие Мольтке. — Его письма к жене. — Возвращение 26 июля Мольтке в Берлин и его беседа с Яговым. — Спокойствие в Петербурге. — Первые известия о предъявлении Австрией ультиматума Сербии. — Возвращение 18 июля в Петербург Сапонова и его свидание с австрийским послом. — Прибытие Пуанкаре, его переговоры об австро-сербском конфликте. — Получение в Петербурге 24 июля сведений об австрийском ультиматуме. — «Это — европей-

ская война». — Дипломатический завтрак. — Русский генеральный штаб и частная мобилизация. — Совет министров в Красном Селе 24 июля и решение о частной мобилизации. — Свидание Сазонова с Пурталесом. — Руководящие указания Сазонова за границу. — Заседание совета министров в Красном Селе 25 июля. — Оптимизм совета. — Сухомлинов о заседании совета министров. — Оправдания Сухомлинова. — Беседа Сазонова с Бьюкененом. — Оптимизм дипломатов в Петербурге. — Объявление предмобилизационного периода. — Пурталес о неопытности Сазонова в военном деле. — Беседы Пурталеса с Сазоновым и мирное настроение последнего. — Причины сдержанности Сазонова. — «Не давайте слова генеральным штабам!» — Пурталес объясняет Сазонову значение объявления мобилизации в Германии. — Сухомлинов и его беседа с германским военным агентом. — Семейные заботы Данилова. — Данилов в вопросе о частной мобилизации. — Роль Сазонова, по мнению Сухомлинова, в выборе вида мобилизации. — Путешествие Пуанкаре и его тревоги. — Настроения Парижа и выступление германского посла Шена. — Сдержанность Англии. — Грэй о последствиях европейской войны. — Мобилизация английского флота и объяснение ее Греем.

49

ГЛАВА III. ВОЙНА АВСТРИИ С СЕРБИЕЙ И РУССКАЯ МОБИЛИЗАЦИЯ

Порядок изложения по дням. — 27 июля: Проезд через Австрию начальника сербского генерального штаба. — Беседа Конрада с Берхтольдом 26 июля. — Вопрос о времени объявления войны. — Вечером 27 июля Конрад набрасывает Берхтольду ноту для Германии. — Прибытие 27 июля в Берлин Вильгельма. — Мольтке о политическом положении. — «Оно туманно и выяснится не ранее 14 дней». — Здоровье Мольтке. — Совет у Вильгельма, военный министр не приглашен. — Ягов в беседе с английским послом определяет свое отношение к русской мобилизации. — Указания Сазонова Сербии об умеренности. — Уклончивый ответ Румынии. — В Петербурге не верят в территориальную незаинтересованность Австрии. — Переговоры Сазонова с австрийским послом и беседа Берхтольда с русским послом. — Сазонов находит сербский ответ умеренным. — Пурталес у Сазонова с двумя телеграммами канцлера. — «Мобилизация означает войну». — Сазонов говорит о посредничестве держав и пытается создать «золотой мост» для Австрии. — Дамские разговоры о русской военной подготовке. — Извольский в Париже. — Попытки германского посла Шена разединить Россию с Францией. — Твердая решимость Парижа и первые военные меры безопасности. — Ягов указывает, что только нападение России на Австрию вызовет вмешательство Германии. — Путешествие Пуанкаре. — 28 июля: Берлин дает инструкции Венге, как ответить на английское предложение о посредничестве. — Бетман боится ответственности за войну. — Объявление Австрией войны Сербии. — Конрад пишет Берхтольду о необходимости привлечения на сторону тройственного союза Румынии и Болгарии. — Совещание у Берхтольда. — Сомнения Берхтольда в возможности для Австрии вести одновременно войну и с Россией. — Конрад о необходимости к 1 августа выяснить вероятность войны с Россией. — Телеграмма Берхтольда в Берлин о необходимости выступления Германии в Петербурге, по поводу частной русской мобилизации. — Перемена настроения в Петербурге в связи с получением объявления Австрией войны Сербии. — Советы Бьюкенена Сазонову воздержаться от военных мер против Германии. — Полная поддержка Франции. — Телеграмма Сазонова — «ключ положения в Берлине». — Оптимизм Пурталеса и завтрак его с Бьюкененом. — Беседа Пурталеса с Сазоновым. — «Игра краплеными картами». — Второе свидание Сазонова с Пурталесом. — Первая телеграмма Вильгельма. — Сазонов признает непосредственные переговоры с австрийским послом нецелесообразными и возбуждает вопрос о посредничестве Англии. — Сазонов телеграфирует об объявлении частной мобилизации. — Генеральный штаб заготовил два проекта указа о

мобилизации. — В ночь на 29 июля подписан указ об общей мобилизации. — «Вилли» и «Ники», их отношения. — Растерянность Бетмана. — Вильгельм по поводу сербского ответа. — Занятие Белграда, как залог. — Бетман об ответственности за войну и его советы Вене. — Сдержанность Англии. — В Берлине отдано приказание о возвращении войск из лагерей. — Военные меры во Франции. — 29 июля: Открытие военных действий на сербской границе. — Конрад замалчивает о бомбардировке Белграда. — Проект ноты Австрии к Германии, составленный Конрадом. — Втягивание Конрадом Германии в конфликт. — Румынский нейтралитет. — Военный агент из Петербурга сообщает об общей русской мобилизации. — Опасения Конрада не опоздать с мобилизацией против России. — Вторая телеграмма Вильгельма в Петербург и телеграмма «Ники». — Беседа Пурталеса с Сазоновым. — Сазонов заявляет, что мобилизация русской армии не означает еще войны. — Недоверие к Германии. — Объяснения Сазоновым цели русской мобилизации. — Вторая беседа Пурталеса с Сазоновым — инцидент. — Телеграмма Бетмана о прекращении русской мобилизации. — Беседа Янушкевича с германским военным агентом. — Подтверждение из Петергофа общей мобилизации. — Совещание у Янушкевича. — Представление об общей мобилизации утверждено. — Сазонов считается с неизбежностью войны. — Инспириации Сухомлинова. — Базили у Палеолога. — Доброволецкий о подписании указа об общей мобилизации и подготовке его передачи на телеграфе. — Характеристика Сазонова. — «Интимный круг» около Сазонова. — Личность Янушкевича. — Отмена Николаем общей мобилизации. — Тревоги генерального штаба. — Ложь Сухомлинова. — Формулировка начала войны в России. — Ночное свидание Пурталеса с Сазоновым. — Сазонов набрасывает формулу соглашения. — «Сербия не должна быть Бухарой». — Нервное состояние Пурталеса. — Сведения в Петербурге из-за границы. — Тревожный день в Берлине. — «Идиотство» предложений «Ники». Недоверие Вильгельма к Петербургу. — Его злоба к Лондону. — Заявления Грея Лихновскому о позиции Англии. — «Подлый фарисей!.. Гнусная торгашеская сволочь!» — Бетман падает духом. — Его недовольство Веней. — Бетман не хочет плестись в хвосте Вены. — Совещание у Вильгельма и его недовольство канцлером. — Бетман пытается обеспечить нейтралитет Англии. — Беседа Ягова с русским послом и ужас Ягова. — Каутский против генерального штаба. — Экспозе Мольтке. — Важно скорее выяснить вероятность войны с Россией и Францией. — Мольтке о культуртрегерстве Германии. — Мольтке не настаивает на объявлении положения, угрожающего войной. — Фалькенгайн о своей роли и о мобилизации. — Твердое положение в Париже. — Возвращение Пуанкаре. — Совет министров и нота к Англии о посредничестве. — Появление Шена. — Ночное заседание совета министров и ответ Франции Петербургу. — Серьезность Грея. — 30 июля: Тревоги Сазонова и его утренний разговор с Кривошеиным. — Совещание в генеральном штабе. — Николай упрямится в вопросе об объявлении общей мобилизации. — Мольбы Янушкевича. — Он грозит сломать свой телефон. — Данилов атакует Базили. — Неудача Кривошеина и завтрак у Дюнона. — Сазонов в Петергофе и указ об общей мобилизации. — «Теперь вы можете сломать телефон». — Объявление общей русской мобилизации. — «Марковская» телеграмма и ее роль. — Ягов признал формулу Сазонова неприемлемой. — Указание из Парижа о скрытности военных приготовлений. — Вильгельм о России и Англии. — Его проекты поднять магометанский мир. — Бетман дает указание Вене о принятии посредничества Англии. — Мольтке говорит австрийскому военному агенту: — «Не следует объявлять войны России, но нужно выжидать ее нападения». — Газеты о германской мобилизации. — Мольтке за войну. — Его сдержанность в угоду дипломатии. — Утренний прием у Конрада. — Конрад обеспокоен русской мобилизацией. — Его проект ноты к России. — Конрад против английского посредничества. — Доклад у Франца-Иосифа о целях войны. — Решение объявить общую мобилизацию 1 августа, первый день — 4 августа. — Конрад телеграфирует Мольтке: «Мы не объявим войны России и ее не начнем». — Совет министров в Париже. — Военные меры Франции. — Указания французскому послу в Лондоне. — Лондон молчит.

31 июля: Намерения Сазонова мобилизоваться «тайно» и отказ от этого. — Объяснения Сазонова с Пурталесом по поводу мобилизации. — Пурталес об «ударах молнии» и «урагане бури». — Заботы Сазонова о Балканах. — Пурталес в Петергофе. — Пурталес и Фредерикс. — Опровержение Сухомлинова: «Нужна или не нужна война — вопрос чисто дипломатический». — Утреннее свидание Ягова с русским послом. — Телеграмма Вильгельма: Россия должна приостановить военные приготовления. — Пурталес получает из Берлина телеграмму с предложением предупредить Россию, что, в случае неприостановления мобилизации в 12-часовой срок, последует германская мобилизация. — Ночной разговор Сазонова с Пурталесом. — Пурталес о решимости русского правительства довести дело до конца. — Дипломатическое наступление Берлина. — «Курс потерян». — Военные круги настаивают на мобилизации. — В 1 час дня объявлено в Берлине положение, угрожающее войной. — Второе свидание Ягова с русским послом: «положение является безнадежным». — В 11 часов вечера отправлены телеграммы в Петербург и Париж; их сходство и различие. — Вера в английский нейтралитет. — Нервность Мольтке. — Его телеграмма Конраду о спокойной позиции Австрии. — Беседа Мольтке с австрийским военным агентом: Мольтке советует Вене выдержку в объявлении войны, но одновременную мобилизацию против России. — Телеграмма Берхтольда в Берлин об общей мобилизации. — Вторая телеграмма Мольтке в Вену: опасения за позицию Вены. — Телеграмма Вильгельма Францу-Иосифу: предложение сосредоточить главные силы против России. — Добавление к ультиматуму Франции об ее нейтралитете. — Фалькенгайн торопит с мобилизацией в Вене. — «Кто правит: Мольтке или Бетман?» — Решение об объявлении общей мобилизации. — Италия отказывается от выполнения союзнических обязательств. — Конрад предлагает свои услуги Берхтольду договориться с Кадорной. — Подписан приказ об общей мобилизации. — Ответ Конрада на вторую телеграмму Мольтке с запросом; хочет ли Германия вступить в войну? — Конрад о телеграмме Вильгельма. — Развитие военных мер Франции. — Совет министров в Париже и личное письмо Пуанкаре английскому королю. — Первая записка Жоффра о необходимости не опоздать с мобилизацией. — За каждый пропущенный день — 15 — 20 км территории. — Второе заседание совета министров и расширение военных мер. — Частная мобилизация. — Шен передает ультиматум. — Третье заседание совета министров: решение вести войну. — Телеграмма русского военного агента: все усилия России будут направлены против Германии. — В Лондоне выжидают предлога для войны. — 1 августа: Отправление из Берлина в 1 час дня в Петербург объявления войны. —хлопоты Фалькенгайна об объявлении мобилизации. — В 5 часов дня Вильгельмом подписан приказ о мобилизации. — Телеграмма Лихновского и колебания Вильгельма. — Решение Вильгельма вести войну только с Россией. — Возражения Мольтке и его огорчения. — Ответ в Лондон. — Слезы Мольтке и его настойчивость. — Мольтке в 11 часов вечера у Вильгельма: «вы можете делать что хотите». — Фалькенгайн об индигитации с Мольтке. — История государственного архива о Мольтке 1 августа. — Свидетельство Тирпица. — Бетман настаивает на формальном объявлении войны Франции. — Мольтке не считает это необходимым. — Ночной разговор Бетмана с Мольтке об объявлении войны Франции. — «Военные» о политическом руководстве. — «Потрясение» кайзера. — Пурталес объявляет в Петербурге ультиматум. — Вина военного министра и ответ Сухомлинова. — Спокойствие Сазонова и пессимизм Данилова. — Письмо в Петербург английского короля и беспокойство Бьюкенена. — Телеграмма Вильгельма с просьбой не переходить границы. — Объяснения Пурталеса. — В Берлине потеряли голову. — Письмо Конрада к Кадорна. — Проект ответа в Берлин на телеграмму Вильгельма, составленный Конрадом. — Подлинная телеграмма. — Сообщение о германской мобилизации и запросы Конрада. — Письмо Конрада к Мольтке. — «Луч надежды» на мир в Париже. — Письмо Жоффра к военному министру: Германия может предупредить нас за 3 дня. — Шен в министерстве иностранных дел. — Заботы правительства объявить мо-

биллизацию позднее Германии. — Заседание совета министров и подписание в 3 часа 30 минут дня приказа о мобилизации. — Запрещение перехода 10-километровой зоны на границе. — Пожелания военного министра к России. — Шен снова у Вивиани. — Извольский сообщает Пуанкаре об объявлении Германией войны России. — Совет министров. — Заявления Пуанкаре, Извольскому и затруднения Пуанкаре. — Волнения Извольского. — Правдивость Пуанкаре. — 2 августа: Бетман и Мольтке об объявлении войны Франции. — Мольтке жалуется Вильгельму на политическое руководство. — Обоснование нарушения нейтралитета Бельгии. — Мольтке 26 июля набрасывает черновик письма к бельгийскому правительству. — Инструкции в Брюссель. — Ответ Мольтке Конраду: главный удар Австро-Венгрии — против России. — Беседа Конрада с Берхтольдом. — Конрад высказывается за задержку объявления войны России. — Переписка Конрада с Берхтольдом о Румынии. — Ответное письмо итальянского короля. — Петербург ожидает выяснения позиции Англии. — Тревоги Пуанкаре. — Отмена 10-километровой пограничной зоны по представлению Жоффра. — Предоставление немцам ответственности за военные действия. — Ответ Георга. — Первый шаг Англии. — 3 августа: Шен в 6 часов 45 минут вечера передает в Париже объявление войны. — Беседа кронпринца с Бетманом. — Италия недовольна Австрией. — Ответ Конрада Мольтке. — Жоффр снова воспрещает переход границы. — Италия заявляет в Париже о своем нейтралитете. — Второй шаг Англии. — Совет министров в Лондоне: предложение Германии взять свой ультиматум Бельгии обратно. — 4 августа: Негодования Вильгельма на Италию. — Объявление войны Англией. — Конрад находит желательным задержать объявление войны Франции. — Поход австрийского флота в Черное море. — Мнение об этом Данилова. — Письмо Конрада к Берхтольду о привлечении Румынии и просьба при обсуждении вопроса об объявлении войны запрашивать Конрада. — Ответ Кадорны. — Письмо Пуанкаре в Лондон. — Бьюкенен и «беспокойные толпы». — 5 августа: Меморандум Мольтке. — Нападки Каутского. — Война Веной будет объявлена России 6 августа. — Письмо Конрада к Берхтольду с просьбой задержать объявление войны Франции и Англии. — Негодование Берхтольда на отказ флота идти в Черное море. — Просьбы Берлина помочь «Гебену». — Отказ Конрада. — Конрад пишет Берхтольду о недопустимости непосредственных сношений его с флотом. — 6 августа: Конрад об объявлении войны Франции. — Объявление войны России. — Отказ от похода флота в Черное море. — Конрад советует Берхтольду отклонить компенсации Италии. — Обсуждение результатов войны с Россией.

ГЛАВА V. ОТЪЕЗД ГЛАВНОКОМАНДОВАНИЯ НА ФРОНТ

Открытие военных действий и политика. — Характер общения Конрада с Берхтольдом. — Роль Тиссы. — Объявление 12 августа в Вене войны Франции и Англии. — Помощь «Гебену». — Поход австрийского флота в Черное море. — Настойчивые подталкивания к этому германского морского штаба и Вильгельма. — Отказ от похода в Вене и объяснения этого Конрадом. — Требования Италии о передаче ей Трентино. — Советование 7 августа у Конрада «интимного» кружка. — Обещания Италии территориальных компенсаций со стороны Франции. — Конрад планирует оборону итальянской границы и возражает против оставления на ней армейского корпуса. — Беседа Конрада с австрийским дипломатом, уезжающим в Рим. — Тисса просит показать на итальянской границе «германские каски». — Вильгельм советует уступить Италии Трентино. — Мольтке тоже за уступку и расчет с Италией в будущем. — Конрад решительно против каких-либо уступок итальянцам. — Колебания Румынии. — Заигрывания румынского генерального штаба и ответ Конрада. — Его дипломатическая инструкция в Бухарест. — Расчеты Конрада на Болгарию и расхождение в этом с Берлином. — Угрозы Конрада Болгарии. — Его беседы 14 августа с болгарским военным агентом. — Одиночество Германии и Австрии. — Польский во-

прос. — Советы Вильгельма Вене о развитии революционной пропаганды. — Переписка Конрада с Мольтке. — Письмо Мольтке от 5 августа. — Тяжелая война и необходимость похода через Бельгию. — Решение — на суше, но война будет стоить германского флота. — «Мобилизация идет как часы». — Совет Мольтке Конраду сосредоточивать силы против России и разгромить ее в Припятских болотах. — «Собачья Италия». — Ответ Конрада 10 августа. — «Пока у нас все кипит». — Письмо Конрада к Мольтке от 8 августа о помощи против Италии. — Ответ Мольтке 9 августа. — Мольтке предлагает «замазать рот» Италии. — Германия не может помочь войсками. — Обещания Мольтке побудить Болгарию к выступлению против Сербии. — «Нельзя быть доктринером», необходимо сохранить союзников. — Ответ Конрада 13 августа. — Вена решительно против уступок Италии. — Австрия посылает помощь Германии артиллерией. — Колебания Румынии. — Предложение Конрада ударить VIII германской армией в направлении на Седлец. — «Тяжелое время». — Отъезд Конрада 15 августа в Перемышль. — Отъезд Мольтке 16 августа в Кобленц. — Атака Льежа и Вильгельм. — 10 августа Фалькенгайн дает согласие заместить Мольтке. — 14 августа отъезд русской ставки в Барановичи

212

ГЛАВА VI. ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА И ВОЙНА

Ценность опыта империалистической войны. — Значение теории для критики. — Клаузевиц-«спед». — Теория Клаузевица о внешней политике и войне. — Уклоны Мольтке (старшего). — Извращение Мольтке (старшим) Клаузевица. — «Дух войны». — Последователи Мольтке. — Конрад о внешней политике и войне. — Линия политического поведения Конрада. — Установление целей политики и основы этого. — Романтизм генеральных штабов и реальные взгляды дипломатов на политику европейских государств. — Роль генерального штаба в установлении политических дел. — Характер политики и его влияние на войну. — Характер политики по Конраду. — Империализм и характер его политики. — Национальная политика. — Генеральный штаб и дипломаты перед мировой войной. — Оборонительная политика. — Дипломатический успех. — Империализм в определении Ленина; против теории «ультра-империализма». — Существо войны как общественно-политического явления. — Военный успех и его значение. — Размах войны. — Опасение войны. — Ответственность за войну. — Справедливость войны. — Классификация войн (наступательные и оборонительные). — Меринг и Ленин о справедливой, оборонительной, войне. — Мировая война с точки зрения справедливости. — Революционная война. — Превентивная война. — Завоевательная война. — Лозунги войны. — Трестирование войны. — Война и международное право. — Исчезновение войны

226

ГЛАВА VII. ПЛАН ВОЙНЫ И ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА

«Дипломатический план войны» и его существование в действительности. — Политическая цель войны и видоизменение ее стратегией. — Военная цель и ее место в соображениях генеральных штабов. — План войны перед мировой войной и в наше время. — Клаузевиц о главных линиях в плане войны. — Клаузевиц о размерах средств для войны. — Политические и военные величины, которые учитываются при составлении плана войны. — Соотношение военных сил и его значение. — Политическое творчество Конрада и других начальников генеральных штабов. — Основа политики, по Конраду, — военная сила. — Союзы с другими государствами. — Нейтральные государства. — Очередность в достижении политических целей. — Выбор времени для начала войны. — Внезапность по Клаузевицу и в наши дни. — Учет генеральным штабом в плане войны революционного движения. — Ленин о влиянии революционных движений на войну. —

Современный характер войны и необходимость учета его политикой. — Техника работы по плану войны и влияние ее на политику. — Особая линия поведения генерального штаба. — Недоверие стратегии к внешней политике. — Гибкость плана войны и необходимость этого. — Утверждение плана войны. — Ориентировка в плане войны представителей ведомств. — Совет министров и его роль в плане войны. — Познание войны политическими деятелями. — Бюлов и Клаузевиц о необходимости изучения войны политическими деятелями. — Триумфизм и его роль в этом вопросе. — Знание войны дипломатами в начале XX столетия и менторство генерального штаба. — Современная постановка вопроса. — Марксисты в познании войны. — Пограничные инциденты и их значение в работе генерального штаба и министерства иностранных дел.

257

ГЛАВА VIII. МОБИЛИЗАЦИЯ — ОПИУМ ВОЙНЫ

Роль мобилизации в возникновении мировой войны. — Мобилизация как военное явление. — Мобилизация эпохи Мольтке старшего и мобилизация перед мировой войной. — Характер войны определяет и характер мобилизации. — План войны и мобилизационный план. — Независимость мобилизации от оперативного развертывания. — Виды мобилизации. — Длительность пребывания в состоянии покоя на границах мобилизованной армии. — Предмобилизационный период. — Первый день мобилизации и объявление таковой. — Мобилизация, как политический акт. — Возросшее политическое значение мобилизации. — Экономическая мобилизация. — Мобилизация и внутренние соотношения населения в государстве. — Общая и частная мобилизация в понимании различных европейских государств в июле 1914 года. — Мобилизация — преддверие войны. — Официальное объявление войны. — Как объявляется мобилизация. — Срок объявления мобилизации и выбор вида таковой. — Современное значение мобилизации

282

ГЛАВА IX. ГЛАЗА И УШИ ГЕНЕРАЛЬНОГО ШТАБА.

Необходимость разведки. — Объем разведки в современных условиях. — Ведомства, руководящие разведкой. — Заинтересованность в разведке министерства иностранных дел. — Способы ориентировки. — Заграничные поездки начальника генерального штаба: политическая и военная сторона поездок. — Официальные поездки и частные турне. — Цель поездок. — Контроль дипломатии над поездками начальника генерального штаба и отчеты последнего. — Содержание отчетов начальника штаба. — Командирование за границу особых миссий, их роль и назначение. — Военные агенты и их служба: историческая справка. — Разделение военных атташе по специальностям. — Особоуполномоченные военные представители. — Личный состав военных агентов и его подготовка. — Условия назначения. — Свидетельства Урбанского. — Главная обязанность военных атташе. — Политическая деятельность военных агентов. — Линии подчинения военных агентов. — Конрад о политической деятельности военных агентов. — Характер работы военных атташе. — Отношения военных агентов с послами своего государства за границей. — Посещения военными агентами начальников генеральных штабов иностранных государств. — Цели этих посещений. — Условия осмотра военными агентами частей, учреждений и присутствие на маневрах. — Широкий круг знакомств военных агентов. — Женское общество и военные агенты. — Содружество военных агентов различных стран. — Участие военных агентов в агентурной разведке. — Свидетельства Николаи и Урбанского. — Действительный облик военных агентов и настороженность в отношении к ним. — Военные агенты союзных государств и их связующая роль. — Отчеты и личные доклады военных агентов. — Характер бесед начальника генерального штаба с иностранными военными агентами. — Роль министерства иностранных

дел в этих беседах и отчеты о них начальника генерального штаба. — Современные взгляды на службу военных агентов. — Командировки и частные отпуска командного состава за границу: цель таких командировок. — Особое значение их в изучении иностранных государств. — Сбор секретных сведений командированными и отпускными. — Запреты выездов за границу командному составу министерством иностранных дел и основания к этому. — Николай о своих заграничных турне. — Сбор сведений генеральным штабом из других источников: переписка начальников штабов и ее содержание. — Обмен сведениями союзных генеральных штабов. — Свидетельства об этом Николаи. — Ориентировка генерального штаба другими ведомствами. — Агентурная разведка: Николаи об агентурной разведке Германии и других стран. — Недовольство дипломатии агентурной разведкой генерального штаба. — Отповедь Конрада. — Роль внешней политики в агентурной разведке. — Политическое руководство военной разведкой. — Централизация разведки. — Денежные ассигнования на агентурную разведку. — Размеры их в Австро-Венгрии, Германии и России. — Активная разведка генерального штаба. — Сараевское убийство и его истинные вдохновители. — Роль дипломатии в активной военной разведке. — Рассуждения Николаи о современном значении агентурной разведки и ее централизации.

297

ГЛАВА X. БОРЬБА ЗА ВЛАСТЬ

Клаузевиц о внешней политике и войне. — Теория Мольтке о «военном успехе». — Борьба генерального штаба с дипломатией за власть и основания для нее. — Органы внешней политики и их роль в подготовке войны и ее ведении. — Дипломатия в вопросах начала войны. — Ее участие в вопросах обороны в целом. — Органы военного ведомства и их круг деятельности в подготовке и ведении войны. — Особая линия генерального штаба и ее сила. — Роль верховной власти в объединении подготовки войны и ее ведения. — Триумвират. — Клаузевиц о коллективном управлении войной. — Власть генерального штаба в управлении войной. — Откровения германского военного пера о борьбе генерального штаба за власть во время мировой войны. — Виды общения генерального штаба с дипломатией. — Личные беседы министра иностранных дел с начальником генерального штаба. — Их содержание, тон и место. — Письма, доклады, справки и запросы. — Составление генеральным штабом дипломатических нот. — Канцелярские ошибки Конрада. — Информация через ответственных сотрудников. — Общение через военного министра. — Органы генерального штаба и министерства иностранных дел, ведавшие перепиской обоих ведомств. — Интимные круги министерства иностранных дел и генерального штаба. — Особые представители дипломатии при ставках верховного командования во время мировой войны. — Их оценка Конрадом. — Управление современной войной. — Роль в этом дипломатии и генерального штаба. — Их взаимное общение в наши дни. — «Версаль» — «Канны» для генеральных штабов Германии и Австро-Венгрии

334

ГЛАВА XI. КОАЛИЦИОННАЯ ВОЙНА

Локальный характер войн середины и конца XIX столетия и причины этого. — Империализм и коалиционная война. — Злободневность вопроса о ведении коалиционной войны. — Возможность локальных войн в настоящее время. — Учение Клаузевица о коалиционной войне. — Коалиционная война времен Наполеона. — Коалиция и империализм. — Изучение коалиционной войны на пороге мировой войны. — Основные принципы коалиции: единение политическое, военное и экономическое. — Политическое единение среди государств тройственного союза и тройственного согласия. — Отсутствие у них согласования общих целей политики. — Государственный эгоизм. — Структура государственного управления и

ее влияние на ведение коалиционной войны. — Особая линия генерального штаба. — Федерация рабочих государств. — Политическое руководство войной. — Единение коалиции в вопросах заключения мира. — Военное единение коалиции. — Использование сил и средств коалиции. — Общий план действий и условия его создания. — Единое военное управление в эпоху Наполеона. — Вопрос об едином военном управлении перед мировой войной. — Решение его среди государств тройственного союза. — Пояснения по этому вопросу Конрада и его послевоенные предложения. — Либман об управлении коалиционной войной. — Вопрос об едином управлении войной среди государств Антанты и его разрешение в ходе мировой войны. — Только политическое единение создает единое управление коалиционной войной. — Экономическое единение и его условия. — Форма соглашений: а) политические акты; б) военные конвенции; в) обмен письмами. — Политические письма и их крепость. — Обмен политическими письмами. — Договоры о ненападении. — Деятельность дипломатии и генерального штаба по заключению политических союзов. — Военные конвенции и их сила. — Обмен письмами генеральных штабов. — Содержание военных конвенций. — Особые акты об управлении войной и заключении мира. — Экономическое соглашение. — Круг деятельности генерального штаба при заключении военных конвенций. — Участие в этом дипломатии и ратификация военных конвенций

352

ПОСЛЕСЛОВИЕ

378

ИСТОЧНИКИ

379

ВВЕДЕНИЕ

Обширность труда «Мозг армии». — Основы исследования. — Австро-венгерский генеральный штаб. На чем кончена вторая книга нашего труда. — Отсутствие в труде исчерпывающей полноты по дипломатической истории Европы XX столетия и причины этого. — Настоящая книга доводит события до первых дней войны 1914 года.

В предшествующих двух книгах нами неоднократно указывалось, что, вводя читателя в круг функциональной деятельности генерального штаба, мы вынуждены идти по длительному пути, ибо, исследуя войну на конкретном примере, не мыслим возможным ограничиться лишь общими абрисами. Правда, в наши дни существуют труды о службе генерального штаба, обнимающие собою не более ста страниц, но они являются лишь общими положениями, без конкретизации их и оживления недавним прошлым. Правда также, что достоинством труда иногда является его небольшой объем, ибо это и удобно для читателя, и является экономичным в использовании рабочей силы и дорогостоящей бумаги.

К сожалению, мы не настолько рационализировали наше перо и вынуждены говорить пространно о вещах, кои, может быть, кажутся простыми. Однако, если читатель, знакомый с первыми книгами нашего труда, согласится с нами, что затронутая в них тема является обширной по самому своему существу, то, думается, он придет к выводам о невозможности комкать начатую работу.

Мы не будем здесь снова доказывать всю полезность изучения деятельности генерального штаба как органа военного управления, ибо в предшествующих книгах это с достаточной ясностью сказано. И в наши дни говорить о мозге армии как о теме прошлого пока не приходится.

За основу исследования работы этого органа военного управления мы взяли главным образом *австро-венгерский генеральный штаб*, глава которого — *Конрад* — оставил нам солидный труд о своей деятельности.

Мы уже познакомили читателей с некоторыми функциональными отправлениями мозга армии и во второй книге оборвали наше перо на исследовании внешней политики и участия в ней генерального штаба в начале XX столетия.

В хронологическом порядке события политической жизни Европы с 1906 года доведены нами до начала 1914 года, — до того времени, когда в политических отношениях государств Европы наступило как бы затишье. Хорошо известно, что такое спокойное состояние политического барометра всегда предвещает бурю. Она и приближалась...

Во второй книге нашего труда мы набрасывали картину политической жизни Европы. Уже в введении к этой книге нами указывалось, что в наши

задачи отнюдь не входит преподнести читателю политическую историю Европы начала XX столетия. Для нашего труда это не нужно, да и было бы нам не по силам. Нашей целью является исследование роли и деятельности генерального штаба на дипломатическом поле, и поэтому нужна лишь дипломатическая канва, а отнюдь не исчерпывающая история внешних отношений государств Европы.

Мы начали исследование деятельности генерального штаба на дипломатической арене с 1906 года именно потому, что не сараевским выстрелом она началась и привела к мировой войне. Задолго до того момента, когда револьвер энтузиаста был разряжен по отпрыску Габсбургов, на полях Европы уже носился призрак неизбежной войны.

Во второй книге мы старались показать, как, путем кризисов в Европе, с каждым годом все более и более сгущалась атмосфера и как жадный империализм вел дело к кровавой развязке. Нами в общих чертах набросаны были направляющие линии внешней политики государств Европы, и с доступной для нас полнотой исследована деятельность генеральных штабов главнейших из этих стран.

Мы старались в ходе исторического изложения показать фальшивость заявлений представителей генеральных штабов об их аполитичности, выявить их участие в образовании военных союзов, огласить те документы, кои создавались ими по вопросу о внешних отношениях с другими государствами.

Успели в этом или нет — судить, конечно, не нам. Во всяком случае мы были охвачены этим желанием.

Наше перо остановилось на начале 1914 года, когда после кризиса 1913 года все государства как будто перестали думать о войне, а генеральные штабы занялись своей обычной работой мирного времени. В послесловии ко второй книге нами указано, что не на этом мы намерены оборвать наше повествование о дипломатическом поле и что борьбу на нем мы решили довести до того момента, когда во внешних отношениях государств Европы перо было заменено мечом.

С этими устремлениями мы и продолжаем наше исследование, начиная настоящую книгу.

ГЛАВА I

НА ПОРОГЕ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Задачи внешней политики Австрии на 1914 год по мыслям Конрада. — Характер работы начальника генерального штаба. — Албания и проект Конрада о формировании албанской армии. — Конрад отмежевывается от Франца-Фердинанда. — Участие Вида. — Конрад хлопочет об укреплении румынской границы. — Сравнение военных сил в Европе. — Конрад советует Францу-Иосифу переговорить с Вильгельмом о надвигающейся войне. — 12 марта Конрад советует Берхтольду заключить с Германией договор, подписанный министрами обеих стран. — Конрад о готовности к войне армии монархии. — Конкретные предложения Конрада 4 июня о подготовке к войне с Румынией. — Письмо Конрада к Берхтольду от 22 июня 1914 года об общем политическом положении. — Необходимость войны с Сербией и Черногорией. — Австрия окружена с трех сторон врагами. — Отъезд Конрада 24 июля на маневры в Боснию. — Последнее свидание Конрада с Францом-Фердинандом. — Австрия и Румыния. — Доклад Конраду военного агента из Бухареста. — Конрад и румынский военный агент. — Политика Конрада. — Письмо Конрада 18 марта Берхтольду о необходимости готовиться к войне с Румынией. — 25 марта Конрад предлагает Францу-Иосифу выяснить позицию Румынии. — Поручения Чернина, его отчаяние. — Помощь Чернину; военного агента. — Австрия и Германия. — Политика Германии в 1914 году в представлении Тирпица. — «Храбрые трусы». — «Политика без войны». — Мольтке за войну. — Конрад об Италии. — Конрад о будущей войне и его сожаления об отсутствии Бисмарка. — Беседа Конрада с германским послом в Вене. — «Две личности мешают войне: Франц-Фердинанд и кайзер». — Беспокойство Мольтке за осложнения весной. — Итальянская военная миссия в Берлине. — Письмо Конрада к Мольтке от 14 февраля. — «И малый камень бывает причиной крушения». — Письмо Мольтке от 13 марта. — Россия и Франция не хотят войны. — «Англия осторожно сдержанна». — Беспокойство Мольтке за Румынию. — «Турция в военном отношении — нуль». — В Европе напряженное положение. — Вера Мольтке в прочность тройственного союза. — Доклады Вальдерзее и Мольтке об усилении военной подготовки населения. — Свидание Мольтке с Конрадом 12 мая в Карлсбаде. — Мольтке считает, что оттяжка войны ухудшает «шансы» срединных государств. — Поллю всего только человек... — Договор генеральных штабов и его сила. — Свидание Вильгельма с Францом-Фердинандом в Конопиште 12 июня. — Меморандум о политике России. — Документ превентивной войны. — Загадочное поведение Италии. — Балканские государства, тяготеющие к тройственному союзу. — Пашич в Петербурге. — Участие сербского генерального штаба в убийстве Франца-Фердинанда. — Осведомленность об этом Австрии. — Политика России. — Хлопоты морского министерства об увеличении флота. — Данилов о политике Германии. — Особое совещание 8 февраля 1914 года. — Русский генеральный штаб о константинопольской операции. — Предложения Немида. — Подготовка к захвату проливов. — Данилов против константинопольской операции. — Оправдания Сухомлинова. — Сближение России с Англией. — Старания в этом Франции. — Англо-русское военноморское соглашение. — Десант в Померании. — Сухомлинов о морском соглашении с Англией. — Визиты англичан и французов в Петербург. — Спокойствие в военных сферах Петербурга. — Выступление Сухомлинова в печати. — «Россия готова». — Беседа Конрада с военным агентом из Петербурга. — Уверенность Извольского в поддержке Франции. — Иная оценка Франции Сухомлиновым. — Франция и Англия. — «Карточный домик» Бетмана.

Локальные войны, которые в начале XX столетия вспыхивали в различных местах Европы, Азии и Африки, являлись лишь предшественниками мировой схватки государств. Вызывавшиеся ими кризисы во внешних отношениях государств Европы кое-как улаживались за дипломатическим столом, но с каждым годом общее соглашение дипломатов достигалось с большим трудом. Зарево военных пожаров, напоминая о грозившей европейской войне, поднимало дух представителей генеральных штабов, которые, усиливая подготовку к войне, все более и более давили на дипломатов в направлении скорейшего разрешения оружием вопросов внешней политики.

Не раз в 1913 году мир в Европе готов был перейти в свою противоположность, т. е. в состояние войны и, нужно сказать, что в государствах, которые стояли на пороге внутренних кризисов, как Австро-Венгрия и Россия, неизбежность и необходимость войны становились основными программными требованиями к внешней политике.

Однако 1913 год, несмотря на новый повод к войне — миссия Лемана фон-Сандерса в Константинополе, — закончился без вооруженного столкновения, и жизнь, казалось, шла нормальным ходом.

Если вспомним, то в мемуаре на 1914 год, который был доложен Францу-Иосифу 16 января, начальник австро-венгерского генерального штаба определенно указывал на грядущую вооруженную борьбу тройственного союза с тройственным согласием, причем ставил внешней политике задачу: 1) укрепить тройственный союз, 2) выяснить позицию Румынии и 3) связать на других направлениях силы тройственного согласия и Румынии, если бы она оказалась в противном лагере.

В этих направлениях продолжал вести работу и сам Конрад.

Между тем жизнь, казалось, шла нормальным ходом. Вена, веселая Вена продолжала беззаботно проводить день за днем: дипломаты упивались своим недавним успехом и лишь на душе пачальника генерального штаба было неспокойно. Ставя своей первейшей обязанностью подготовиться к будущей войне, Конрад настойчиво занимался вопросами усиления армии и ее боевой подготовки.

Окончание балканских кризисов и переход к мирной работе сделали редкими как его доклады у Франца-Иосифа, так и личные беседы с министром иностранных дел Берхтольдом. С Францом-Фердинандом свидания Конрада были еще реже и касались, главным образом, военной работы. Молодой Габсбург, не скрывая, подготавливал преемника Конраду, и три генерала, по выбору самого наследника, летом 1914 года должны были принять участие в больших маневрах, как кандидаты на пост начальника генерального штаба.

В Албании на трон был посажен отпрыск германских князей, с надеждой, что эта страна под его управлением попадет в орбиту влияния Дунайской монархии. Однако, сей князь, по словам Конрада, не «почивал на ложе, усыпанном розами», так как в стране продолжалась внутренняя борьба. Мы знаем, какое большое значение придавал Албании Конрад в случае конфликта на Балканах, а поэтому и ныне он стремился сделать эту страну военным фактором в руках тройственного союза.

В январе начальник генерального штаба обратился с письмом к Берхтольду, в котором излагал свои соображения по формированию албанской постоянной армии.

«Воспная обстановка в Европе, — начинал свое письмо Конрад, — характеризуется в настоящее время тем, что в ближайшие годы нужно считаться с возможностью новых балканских войн или в равной мере с большой европейской войной».

Указав, что Албания в этих случаях приобретает особое значение, начальник генерального штаба детально развивал перед министром иностранных дел необходимость организации постоянной, а не миллионной армии в Албании и посылки туда австро-венгерских инструкторов в состав воспной миссии, как это сделала Германия в Турции. Учитывая, однако, что в этих же делах заинтересована и Италия, Конрад шел на уступки, предлагая часть инструкторов, например в горную артиллерию, вызвать из Италии. Расходы по формированию албанской армии могли бы взять на себя Австрия и Италия, оказывая, вообще, денежную поддержку этой стране.

В конце своего доклада Конрад просил Берхтольда доложить вопрос об албанской армии Францу-Иосифу и получить от него принципиальные указания.

16 января Конрад появился в кабинете у Франца-Иосифа с мемуаром в руках, позволив себе еще раз обратить внимание на совершенную секретность третьей его части о «конкретной воспной подготовке». «Вы уверены, что в Бельведере (дворец наследника — *Б. III.*) эти дела не обсуждаются?!» — спросил старик. Конрад ответил, что между военной канцелярией императора и таковой же наследника большая разница: если первая служит для передачи директивных указаний, то у Франца-Фердинанда все доклады предварительно обсуждаются с начальником канцелярии. «Получается ненормальность, — продолжал Конрад, — что доклады подвергаются рассмотрению второстепенных органов, и они, а не высшие военные учреждения, устно докладывают дела. Это сильно мешает правильным служебным отношениям. Я убежден, что Бардольф (начальник военной канцелярии наследника — *Б. III.*) преисполнен самыми лучшими чувствами, но обстановка сама по себе таит нездоровые тенденции». В подтверждение сказанного начальник генерального штаба вспомнил маневры 1913 года.

«Так и в гражданской области» — заметил старый Габсбург.

В разговоре 26 января с Берхтольдом начальник генерального штаба высказался против вооруженного вмешательства Австрии в албанские дела, даже если бы принц Вид лишился трона или был убит. «И в этом случае нам не следует что-либо предпринимать. Найдется другой кандидат. Для нас важно образовать из Албании самостоятельное государство и не допускать там иного чужеземного влияния, кроме нашего», — говорил Конрад.

Через месяц, 24 февраля на докладе у Франца-Иосифа, начальник генерального штаба внес предложение о постройке дорог в Семиградии и укреплений на румынской границе, ибо Румынию можно рассматривать как будущего врага. Старик не согласился с этим, несмотря на доводы Конрада, что каждая страна имеет право строить у себя укрепления, как это делает союзник — Италия. Франц-Иосиф дал разрешение лишь на производство рекогносцировок для постройки, в случае необходимости, полевых укреплений.

По мнению Конрада, *Россия деятельно готовится к войне*, а потому в виду согласия Италии оказать Австрии помощь в виде посылки трех

корпусов, было бы настоятельно необходимо отправить Франца-Фердинанда в Рим.

«Я полагаю, — пишет в своих мемуарах Конрад, — что от поездки наследника зависела, может быть, судьба монархии».

Франц-Иосиф общался склонить к этому своего племянника.

Для наглядной характеристики политического положения начальник штаба доложил сравнительную таблицу вооруженных сил, выдержки из которой мы приводим, излагая мемуар 1914 года.

Вместе с тем, Конрад указал на необходимость переговорить с Вильгельмом, открыв ему глаза на продолжающееся вооружение России.

На слова Франца-Иосифа: «Вильгельм пробудет недолго и избегает подобных разговоров», — Конрад горячо возразил: «Германия, кажется, не хочет замечать опасности. Она грозит ее жизни так же как и нашей». Разговор шел об ожидающемся приезде Вильгельма на охоту в Конопишт — замок Франца-Фердинанда.

12 марта Конрад встретился с министром иностранных дел. Вооружения России не беспокоили Берхтольда, и он считал, что военные приготовления Россией ведутся не для войны на западе, но для возможных столкновений в Азии (в Армении), где турки затевают новые авантюры.

«Это предположение не противоречит моей оценке положения, — отвечал Конрад, — но русские определенно готовятся к войне на западе, поэтому эта война весьма вероятна». Нужно, по мнению начальника штаба, отделять подготовку к войне в Азии от подготовки к войне на западе, где Россия с Францией лишь выжидают благоприятной обстановки. Необходимо договориться с Германией, что она предпримет, а для этого использовать пребывание Вильгельма в Конопиште. «Не следует ограничиваться одним разговором, — поучал Конрад, — а нужен письменный договор, государственный акт, подписанный министрами обеих стран».

Берхтольд согласился с таким предложением и обещал его поднять.

В конце разговора министр неожиданно передал мнение эрцгерцога Леопольда, что монархия не готова в военном отношении и едва ли будет готова в течение трех лет.

«Эрцгерцог — генерал, инспектор артиллерии, — сказал Конрад. — Что наша артиллерия не готова, в этом он прав. Его оценка может касаться только артиллерии, которую мы надеемся все же улучшить, но, в общем, реальное соотношение сил для нас в настоящее время невыгодно и еще будет хуже, если оттянуть решение».

По мнению начальника штаба, Италия на стороне монархии, Англия колеблется, Сербия не оправилась еще от войны и теперь менее беспокойна, чем три года тому назад, Болгария разбита. Загадкой сейчас является Румыния, и было бы хорошо иметь ее на стороне Австро-Венгрии.

«Румыния будет выжидать, — думал Берхтольд, — выступит только по выяснении обстановки».

Последствием этого разговора были два документа: письмо от 18 марта Берхтольду и доклад Францу-Иосифу 25 марта, в которых Конрад освещал позицию Румынии и о которых мы поговорим ниже.

Румыния сильно беспокоила начальника штаба, и 4 июня на докладе у Франца-Иосифа он выступает с конкретными предложениями: 1) о вы-

делении минимальных сил против Румынии в случае войны с Россией, 2) о назначении командующего этой группой и 3) об утверждении разработанной им сметы на постройку укреплений на румынской границе на 80 млн крон.

Франц-Иосиф отдавал себе отчет, что с Румынией нужно считаться, как с будущим врагом, но у него возникали сомнения, не будет ли Румыния более враждебна, когда узнает об укреплении границы.

«Нет, наоборот, — успокоил старика Конрад, — с Италией у нас такое же положение».

Это был последний доклад Конрада у старого Франца перед «сараевским действием», и доклад этот, по заключению начальника штаба, проходил под знаком мира.

Наступила летняя пора, и начальник штаба вошел в обычный круг своей работы по руководству полевыми поездками и подготовке маневров.

Однако, за три дня до поездки в Сараево на маневры, 22 июля Конрад написал Берхтольду письмо с оценкой общего политического положения.

«Каждый раз, когда я касаюсь оценки современного политического положения монархии, — начинает свое письмо Конрад, — я вынужден обращаться к истории тех фактов, которые лежат в основе современного положения, ибо только этим путем можно сделать правильную оценку».

Изложив все свои попытки, начиная со времени назначения начальником генерального штаба в 1906 году, довести дело до войны с Сербией и Черногорией, что и ныне им считается важнейшим, Конрад говорит, что только с этой точки зрения нужно рассматривать ценность для монархии Албании, как государства, ослабляющего Сербию и Черногорию.

Если Австрия нападет на Сербию, то Румыния также выступит, находя теперь поддержку в России.

«Кратко набросанная выше историческая справка приводит к выводу, что монархия окружена на ее северо-восточном, восточном и юго-восточном фронтах активными противниками, преследующими положительные цели (Россия, Румыния, Сербия и Черногория), что на юго-западе она граничит с сомнительным союзником (Италией) и только на северо-западной границе имеет постоянного союзника, который, однако, находится под угрозой двух сильных соседей (России и Франции), если не учитывать, что и делается мной, Англии».

Такая обстановка, по мнению Конрада, зовет монархию к напряжению всех сил для подготовки армии к войне за «бытие».

Возвращаясь к албанскому вопросу, начальник штаба высказывается за помощь Албании инструкторами, деньгами, оружием и т. д., но только не войсками.

В конце письма Конрад останавливает внимание Берхтольда на важнейших военных мероприятиях, кои необходимо провести в жизнь для подготовки к «смертному бою», который произойдет, главным образом, на суше, а не на море.

24 июня Конрад выехал на маневры в Сараево, куда прибыл и Франц-Фердинанд.

Мы не будем подробно останавливаться на событиях в Сараево, так как они хорошо известны всем. Во время маневров молодой Габсбург был

очень любезен с Конрадом и вечером 27 июня, перед отъездом начальника штаба на полевую поездку, весьма приветливо простился с ним. «Итак, до свидания на маневрах», — были последние слова бывшего друга, а ныне скрытого врага начальника австро-венгерского генерального штаба — Франца-Фердинанда. А в это время пистолет сербского студента уже заряжался...

Мы охарактеризовали деятельность Конрада в области внешней политики в целом, но мы знаем, что начальник генерального штаба был не только лицом, суммировавшим данные политической обстановки: он и сам стремился творить ее, получая донесения от своих военных агентов, в избитили разбросанных по разным странам.

В этих видах мы позволим себе подробнее остановиться на рассмотрении взаимоотношений монархии с различными странами, как они рисовались Конраду и его доверенным лицам — военным атташе в различных государствах Европы.

«Самым важным и актуальным вопросом внешней политики за это время, — заявляет нам Конрад, — было выяснение взаимоотношений Австро-Венгрии с Румынией, прежде всего — по военным мотивам».

Из вышеизложенного нам известно, какую позицию в румынском вопросе занимал Конрад, и почему он, по военным соображениям, стремился сохранить Румынию в лоне тройственного союза.

3 января бывший в Вене военный агент монархии Гарнилович имел доклад у Конрада. Оба обменялись мнениями о возможном сближении румын с Сербией и Италией. Во всяком случае, сближение румын с сербами казалось фактом, а потому начальник штаба полагал необходимым поугагать Румынию сближением Австрии с Болгарией.

Гарнилович полагал, что самым важным препятствием к сближению с Румынией является позиция венгров в румынском вопросе. Тисса и его друг Чернин, назначенный послом в Бухарест, много могли бы сделать в этом отношении, но и они, прежде всего, наталкиваются на сопротивление Франца-Фердинанда.

22 января Конрада посетил румынский военный агент, а 12 февраля начальник генерального штаба отдал визит, причем просил хозяина весь свой разговор с ним довести до сведения румынского правительства.

Румын был напуган сближением Австрии с Болгарией и убеждал Конрада в дружбе, ибо уже 40 лет Румыния находится в таких отношениях с Австро-Венгрией.

Конрад отнюдь не возражал против таких чувств Румынии и желал, чтобы и впредь отношения были такими же. Между тем, Румыния находится в союзе с Сербией и стремится оторвать от Австрии Семиградие.

Военный агент, конечно, протестовал против таких «замыслов» и указывал, что если кто об этом и думает, то только пресса. Вот другое дело — Бессарабия. В Румынии, наоборот, существует партия, которая за включение в состав Австро-Венгрии, но с тем, что румынские области отойдут к Румынии.

«Прекрасная идея, — отвечал начальник штаба, — но такие требования должны быть согласованы с венгерской государственностью, насчитывающей за собой 1 000 лет. Подумайте, если монархия падет, то это будет плохо для Румынии и Германии. Если славяне, т. е. Сербия и Черногория,

образуют сильное славянское государство, то они безусловно разрушат монархию. Что вы хотите? Австро-венгерскую монархию со включенными в нее Сербией и Черногорией или сильное юго-славянское государство?!»

«Естественно, Австро-Венгрию», — отвечал военный агент.

«Тогда не нужно заигрывать с Россией; путь России в Константинополь ведет через Румынию», — для большей убедительности своих доводов изрек Конрад.

Как известно, ныне Румыния предпочитает сильную Юго-Славию, нежели восстановленную Австро-Венгрию, застраховав себя от этого созданием Малой Антанты.

Конрад рисовал перед военным агентом заманчивые перспективы. «Ныне Румыния имеет все выгоды, чтобы сделать хорошие дела, — советовал начальник генерального штаба. — Обстоятельства ныне против нас, но это носит временный характер. Если Румыния дальновидна, то она должна оценить выгоды современного ее положения. Болгария желает получить Добруджу, Россия — дорогу в Константинополь, мы же — ничего не желаем от Румынии».

Румына более всего пугала «великая» Болгария.

«Вы не должны забывать, — отвечал начальник штаба, — что как для вас неприятна «великая» Болгария, так мы не можем перенести «великой» Сербии».

Как восприняло все эти доводы румынское правительство, к которому они были адресованы начальником генерального штаба, нам неизвестно. Но зато хорошо известно, что Румыния продолжала сближаться с Сербией и Грецией, искала займа во Франции и постепенно все более и более тяготела к России.

Конрад, между тем, не менее деятельно вел предварительную разработку военных соображений на случай столкновения с Румынией, хотя 16 марта германский посол в Вене и убеждал его, что румынские симпатии на стороне тройственного союза, а потому не следует вести военной подготовки, ибо это даст лишь повод румынам говорить: «вероломная Австро-Венгрия вооружается против Румынии».

18 марта начальник штаба счел себя обязанным обратиться с письмом к Берхтольду, в котором, обрисовав враждебное монархии настроение в Румынии даже в правительственных кругах, сообщал, что, по допущению военного агента, ведется разработка плана войны с Австро-Венгрией, что румыны пытаются получить теперь карты Семиградия уже не официальным путем, а через посредников, и в большом числе. Конрад находил *не подлежащим сомнению занятие Румынией враждебной позиции в будущем столкновении.*

По мнению Конрада, пужно сейчас готовиться к войне с Румынией, ибо эта подготовка требует много времени, денег и труда. Отношения с Румынией складываются аналогично отношениям с Италией: обе страны являются и друзьями, и врагами в то же время.

25 марта Конрад представляет Францу-Иосифу доклад по ту же тему. Отметив, что в мемуаре на 1914 год им указано значение Румынии в случае большой европейской войны и сказано, что «важнейшей задачей дипломатии являются усилия помешать Румынии оказаться в лагере наших

противников», — начальник генерального штаба, подробно обрисовав обстановку в Бухаресте и обвинив венскую дипломатию в пассивности, приходит к выводу, что в случае войны тройственного союза с тройственным согласием Румынию нужно сразу же рассматривать как врага.

Начальник генерального штаба предлагает потребовать от Румынии, чтобы она открыто и документально определила свои отношения к тройственному союзу как в дипломатическом, так и в военном отношениях. Необходимо в этом вопросе сначала договориться с Германией.

Конрад радикален в своих выводах и видит выход: *или во вхождении Румынии в состав монархии* наподобие Баварии с передачей ей Трансильвании, тогда образовался бы сильный средне-европейский блок (Германия, Австро-Венгрия и Румыния), который бы не боялся ни России ни Италии и мог бы вести активную политику против Сербии, *или же в том, чтобы считать Румынию врагом и готовиться к войне с ней.*

Конрада не пугает, что румыны, подобно тому, как это они сделали с болгарами, могут ударить с тыла и занять Семиградие, ибо нужно одержать прежде всего успех над русскими.

Считая этот вопрос очень важным для династии и монархии, Конрад просит указаний, на каком варианте остановиться, т. е., считать ли Румынию в союзе или же врагом.

Документ возымел свое действие и на вновь назначенного посланника в Румынию, неизвестного Чернина, была возложена миссия урегулировать отношения с Румынией и возобновить с ней договор.

2 апреля Чернин прислал министру иностранных дел довольно печальное письмо, которое ясно обрисовывало всю тщетность стараний посла выполнить поставленную ему задачу. «Я назначен на это место (посла в Бухаресте — *В. Ш.*) без моего согласия и желания, — писал отчаявшийся посол. — Эта должность — начало и конец моей «дипломатической» карьеры, я же лично ничего здесь не выигрываю и не теряю».

В помощь Чернину к этому делу был привлечен и военный агент Гарпилович. Перед отправлением в Бухарест Гарпилович был с докладом у Франца-Иосифа и Берхтольда. Франц-Иосиф, соглашаясь с тем, что Австрии и Германии необходимо заключить с Румынией совместный договор, приказал Гарпиловичу не выезжать из Вены до получения от Берхтольда соответствующих инструкций послу.

Берхтольд два раза призывал к себе Гарпиловича и в присутствии своих ближайших помощников и римского посла беседовал с ним о положении в Румынии и необходимости укрепления границы с ней. Гарпилович посоветовал бросить политику сидения между стульями и выяснить теперь же отношения с Румынией, находя необходимым вести в то же время подготовку границы против Румынии, так как, в противном случае, румыны свободно промаршируют до Бухареста.

Гарпилович пишет Конраду уже из Бухареста о своих похождениях в Вене. Ему с «большим трудом» удалось получить личное письмо Берхтольда к Чернину, которое начиналось, как это писалось по обычаю в течение ряда лет, с предложения уговорить Румынию, доказать ей выгоды союза и т. д.; послу советовалось за признание завоеваний Румынии по Бухарестскому миру склонить ее к открытому подписанию союзного договора.

Чернин деятельно принялся за свою миссию, но неудачно. В Румынии армия и общество были против монархии, король — «не хозяин», австро-венгерско-румынский союз явился бы ничем иным, как «клочком бумаги», — так доносил Чернин. Дипломат находил, что привлечение к тройственному союзу Румынии, Болгарии и Греции возможно, но только за счет Сербии, и поэтому предлагал, так как война с Сербией не за горами и без нее не обойтись, пожертвовать Сербией. Таковы документы Чернина. В своих же воспоминаниях он пишет: «В оценке румынского вопроса в Вене всегда царило большое разногласие. Шла борьба между румынофильскими и румынофобскими направлениями... Первая группа стремилась к более тесному сближению Румынии с Австро-Венгрией, вторая думала заместить свой союз с ней союзом с Болгарией, но обе были преисполнены одним желанием: выяснить, наконец, как обстоит дело с союзом, и имеем ли мы по ту сторону Карпат друга или врага... Положительная задача, поставленная передо мною, заключалась в том, чтобы исследовать на месте, имеет ли этот союз какое-либо практическое решение, а если я приду к отрицательному заключению, то предложить средства и пути, необходимые для того, чтобы сделать его жизнеспособным».

«Первую часть моей задачи, — продолжает Чернин, — состоящую в том, чтобы констатировать, в каком состоянии находится союз, было не трудно выполнить, потому что первые же долгие беседы с королем Карлом не оставляли во мне сомнения в том, что старый монарх сам считает этот союз очень непрочным... Во время третьей или четвертой моей аудиенции я предложил королю Карлу узаконить союзный договор, т. е. ратифицировать его в парламентах Вены, Будапешта и Бухареста. Страх, охвативший короля от одного моего предложения, одна мысль, что строгая тайна, в которой этот союз хранится, может быть нарушена, этот страх доказал мне, что при данных условиях невозможно влить жизнь в эти мертвые буквы».

«Мои отчеты, хранящиеся в министерстве иностранных дел, не оставляют сомнения в том, что на первый поставленный мне вопрос я ответил категорически, что при настоящих условиях союз с Румынией — просто клочок бумаги».

«Разрешение второго вопроса, имеются ли пути и средства вдохнуть жизнь в союзный договор и каковы они, было так же легко теоретически, как трудно выполнимо на практике. Помехой к тесному сближению Бухареста и Вены служил, как уже упомянуто выше, вопрос о великой Румынии, т. е. желание румын соединиться с «братьями в Семиградии». Венгерская точка зрения, разумеется, шла в полный разрез с этими пожеланиями».

Отмечая, что Филиппеску, один из зачинщиков войны, предложил Чернину проект вхождения Румынии в Австро-Венгрию на правах Баварии, Чернин пишет: «Признаюсь откровенно, что я ухватился за этот план обеими руками». Чернин не знал, что на авторство в этом проекте давно претендовал начальник генерального штаба монархии.

«Я и сейчас еще думаю, что если бы эта идея была тогда осуществлена, то она действительно имела бы своим последствием коалицию Румынии с Австро-Венгрией, что опубликование союзного договора не встре-

тило бы тогда препятствий и что вследствие этого начало войны застало бы нас в другом положении. К сожалению, идея эта встретила с самого начала резкий отпор Тиссы. Император Франц-Иосиф вполне присоединился к его точке зрения, и сразу же выяснилось, что никакие аргументы тут не помогут. С другой стороны, никто в это время не думал, что великая война, вместе с ней и испытание союза, так близки».

Румыния, с одной стороны, входила в орбиту влияния будущей Антанты, а с другой, старалась втянуть в балканскую группировку (Румыния, Сербия и Греция) Турцию, чтобы обезопасить себя со стороны Болгарии. Военный атташе из Германии писал Конраду 5 мая: «Вальдерзее считает положение неудовлетворительным. На Румынию не следует, по его мнению, рассчитывать. Там укрепились русский рубль и франк, работая против нас... Об изменении общественного мнения в ближайшее время нечего и думать».

Прибывший в Вену Гарнилович 25 мая указывал Конраду, что Румынию следует считать врагом, но что соглашения ее с Сербией против монархии еще нет, а существует договор, направленный против Болгарии, так как румыны сильно ее боятся.

Мы уже знаем, что начальник генерального штаба вынес определенное решение, вычеркнув Румынию из числа союзников срединных государств Европы.

С «основным» союзником, без которого, по мнению начальника генерального штаба, немыслима была какая-либо активная политика,—с Германией, отношения были, попрежнему не уточнены. Правда германский император за последнее время как-будто и поддерживал Австрию в ее выступлениях на Балканах, но в то же время вел свою политику в Греции, которая, «в конце-концов, должна обратиться против нас», как резюмировал Франц-Иосиф. Стремлениям Австрии утвердиться в Малой Азии чинили препоны не только германская дипломатия, но и «германский генеральный штаб», как доносил об этом Конраду военный агент из Константинополя.

Таким образом, политика обоих союзников не шла руку об руку, и в серьезные моменты истории еще нужны были дополнительные разговоры, а потому во избежание всяких неожиданностей, как мы слышали, Конрад предлагал Францу-Иосифу оформить все переговоры *документальным государственным актом*, подписанным министерствами обеих стран, а не полагаться на одно хорошее настроение духа Вильгельма.

Чтобы очертить политику Германии перед войной 1914 года, нужно исписать не мало страниц. Несметное число авторов различных наций и оттенков написали на эту тему книги, и не нам пускаться в состязания с ними.

Нашей задачей не является обвинение или оправдание Германии в начале мировой войны. Для нас интересно лишь проследить общие тенденции и работу германского генерального штаба перед мировой войной, его связь с политикой собственной страны и отношения с австрийским генеральным штабом. И эта задача обширна, и ее, по размерам нашего труда, мы можем обнять лишь в общем целом, приводя детали в тех случаях, когда они необходимы для характеристики того или иного лица, того или иного положения.

«Зима 1914 года внешне протекала спокойно», — пишет в своей книге «Причины и начало мировой войны» статс-секретарь по иностранным делам Германии Ягов, но тут же признает, что миссия Липмана фон-Сандерса обостряла отношение с Россией. Так или иначе, но для германской дипломатии не могли быть секретом приготовления России к войне, показывавшие, что без крови она не уступит своего влияния в Константинополе. Весь вопрос был в том, насколько Россию поддержат Франция и, главным образом, Англия. Без последней франко-русский союз был не страшен для Германии.

Короче говоря, германская дипломатия, видя надвигающийся призрак европейской схватки, все же старалась ее отдалить до времени большей военной готовности.

Если послушать Триппа, да и других немцев, большая доля ответственности за войну падает на голову германской дипломатии с канцлером Бетманом фон-Гольвегом во главе.

Трипп в своих «Воспоминаниях» заявляет категорически, что Германия перед войной не достигла еще достаточной мощи для обеспечения своей безопасности. «Германию в ее положении могло охранить от вреда только совершенно исключительное приспособление к изменяющимся условиям. Мы не смели позволить себе делать ошибки. Бисмарк сказал однажды, когда ему жаловались на рейхсканцлера, генерала Каприви: «Подождите, только когда вы получите в канцлеры настоящего бюрократа, вам придется кое-что пережить»...

«Такой фантазер, как преемник Булова (Бетман-Гольвег — *Б. III.*), благодаря своей недостаточной способности к оценке обстановки, пал жертвой запутанности нашего мирового положения. Главным условием для всякого руководителя германской империи было и всегда остается понимание иностранной политики. Для этого не требуется непременно черная магия дипломатии; необходимо знание действительных основных отношений мира и способность к известному прогнозу. Канцлер и демократия не имели никакого представления о действительных трудностях и опасностях нашего положения, до которого мы должны были прикасаться осторожно, вооружившись пинцетом.

Общая основная ошибка нашего времени заключалась в том, что тот крупный, но все же недостаточный авторитет силы, который нам оставил в наследство Бисмарк, мы израсходовали по частям, в постоянно повторяющихся выходках, в которых сквозило наше миролюбие, а также и наша нервозность, и за которыми легко следовало простое подчинение, так что среди врагов могла укрепиться роковая для нас кличка: «*poltrons valleuroux*» («храбрые трусы» — *Б. III.*).

Трагедия развязки заключалась в том, что самая миролюбивая политика в мире (! *Б. III.*) вообразила, будто бы неблагоприятное положение может быть исправлено такими выходками, которые подавали нашим злонамеренным врагам повод заподозрить нас в стремлении к войне и, таким образом, давали им возможность, посредством самой чудовищной клеветы в мировой истории, исказить образ нашего народа...

Положение в моем собственном ведомстве (в морском — *Б. III.*) позволяло мне вдвойне осуждать всякое наше демонстративное выступление в

мировой политике. С другой стороны, я не без страха замечал, какое слабое представление имели у нас вообще о политико-стратегическом и хозяйственном положении в целом, о его гигантских перспективах и о свойственных ему особых подводных камнях...

Наше политическое руководство не сумело своевременно привлечь к себе союзников и симпатии)...

Тирпид нам рассказывает даже: «В одной своей беседе с Вагенгеймом канцлер, согласно передачи Вагенгейма от 23 апреля 1914 года, говорил также о «политике без войны» и об опасностях превентивной войны; при этом он заявлял, что наше национальное достояние растёт в такой степени, что через десять или пятнадцать лет мы обгоним все нации мира. Тогда в мировой политике, в конечном счете представляющей экономическую политику, оно будет находиться в обеспеченном положении. Наша задача, по его мнению, состояла в том, чтобы пережить это время без больших конфликтов».

Читатель, конечно, согласится, что, «политика без войны» очень улыбалась и венской дипломатии.

В нее не верил Конрад, не верил начальник германского генерального штаба Мольтке, который уже давно готовился к кровавой схватке «германизма со славянством».

Германия, как и Австрия, деятельно выискивала союзников и стремилась укрепить связи с Италией. Мы слышали, что Вильгельм «флиртовал» с Грецией, внедрял свое влияние в Турцию и старался удержать в союзе Румынию. Наконец, он совершенно не был намерен задираться в отношениях с Англией.

Зимой 1914 года начальник австро-венгерского генерального штаба не раз как с германским военным агентом, так и с германским послом в Вене обсуждал текущие политические события.

4 января военный агент посвящал Конрада: «*Генерал Мольтке склоняется скорее к войне, но высшие круги — за мир...* Кайзер же хочет иметь свободные руки для большой войны».

Конрад полагал, что могут быть три возможных решения: 1) ничего не предпринимать, что поведет к углублению опасности; 2) пойти на большую войну, что явилось бы игрой ва-банк, и 3) вести изолированную войну против Сербии, что возможно при нейтралитете России.

Через месяц беседа повторилась, причем военный агент уведомил Конрада, что итальянцы бросят свой корпус против Франции.

«Если дело дойдет до большой войны, — возразил Конрад, — то они едва ли будут ретивы. Если война будет для нас успешна, то итальянцы сделают хорошую сделку: получают Ниццу и т. д. Если война будет проиграна, то они скажут Антанте: «Мы против вас особенно не выступали, дайте нам за это Южный Тироль и т. д.». Поэтому Италию следует крепче связать обязательствами».

Затем Конрад предупредил своего собеседника, что Германия должна все время быть настороже против России, которая ведет активную политику, направленную на запад.

Когда военный агент усомнился, выступит ли Россия, начальник штаба ответил: «Я думаю, скорее «да», чем «нет». Казалось бы, лучше, если бы

это произошло скорее, ибо наше положение не улучшится. Нужно отдать себе ясный отчет, что мы идем к борьбе за «бытие». Если мы победим, то Германия и Австрия будут все держать в своих руках, если проиграем, то Германия свернет себе шею. Грядет славянская опасность. В 1908 году я единственный, который это предвидел и говорил: «судьба». Но, по желанию Германии, ограничились мирной политикой. Будь германский император как Вильгельм I с Бисмарком сбоку, которые хорошо знали, что решение этого австро-венгерского вопроса затрагивает интересы и Германии, было бы совсем иное».

Мы знаем, что Конрад изверился даже в Вильгельме и 16 марта предлагал Францу-Иосифу взять расписку-документ не с кайзера, а с министра иностранных дел Германской империи в верности союзу.

В тот же день начальник штаба печаловался Чирскому (послу Германии в Вене — *Б. III.*), что хотелось бы поскорее войны с Россией, на что посол ответил: «Две личности мешают этому — ваш эрцгерцог Франц-Фердинанд и мой кайзер». По мнению посла, оба могут быть только выпущены на войну тогда, когда встанут перед совершившимся фактом, и для них политическое положение должно было бы быть таким, когда иного выхода, как война, нет.

Конрад сознается, что он подумал про себя о Балканах, на которых за такими поводами недостатка не было.

В верности Румынии тройственному союзу Чирский был убежден и просил не укреплять границы и не пугать тем румын, на что Конрад ответил, что приходится считаться с желанием Германии.

Как мы слышали, по мнению германского военного агента, его шеф Мольтке склонен был скорее к большой войне, чем к «политике без войны».

В тиши кабинета, в Берлине, начальник германского генерального штаба 22 февраля в нежном письме к своей жене писал, между прочим: «С приближающейся весной начинается снова, как ежегодно, политический кризис. В Австрии усматривают, что политика России направлена против нее, и Австрия в военном отношении, вследствие своей непонятной политики против Румынии, поставила сама себя в тяжелое положение. Ну, Берлин опять должен все улаживать. Однако, это не так легко».

Бедный Конрад не подозревал, что его монархия доставляла столько огорчений Берлину, а тем более — другу.

Последний в это время был занят приездом итальянской военной миссии с будущим командующим армией против французов во главе. Как положено, в этих случаях после деловых бесед всегда подкрепляют дружбу хорошим вином и затем говорят друг другу приятные вещи. Так и на этот раз итальянский генерал польстил Мольтке, что его заслуги высоко ценятся в Италии и Австрии и на него смотрят с большим доверием в этих странах. Мольтке пишет, что такой отзыв очень его тронул. Потомок Макиавелли умел найти путь в сердце германского «солдата», как любил себя называть племянник «великого» дяди.

Приближение марта месяца обеспокоило уже в середине февраля Конрада, и он 14 февраля обратился с письмом к своему другу в Берлине — Мольтке.

Конрад начинает послание с указания на то, что он «некоторое время

колебался, писать ли это письмо», но «очень серьезное положение» убедило его в необходимости сделать это.

«Я думаю, — говорил начальник австро-венгерского штаба, — едва ли нужно доказывать, что Европа снова идет навстречу большим, может быть катастрофическим, событиям и что, по меньшей мере, возможность их требует быть настороже». Указывая на то, что опасность войны не уменьшилась, а, наоборот, возросла, Конрад был уверен, что с этим солидарен и Мольтке.

Переходя к оценке современного политического положения, Конрад указывает, что Франция ссужает Россию деньгами, чтобы бросить ее в наступление. Рука об руку с этими державами идут балканские государства, в число которых нужно зачислить и Румынию.

Сербия и Черногория — определенные враги. Болгария и Албания окажут слабую помощь тройственному союзу. О позиции Турции и Греции пока нельзя достоверно говорить. Что имело бы большое значение, — это выяснить отношения с Румынией и удержать ее в союзе.

Указав на тот антагонизм, который развивается между монархией и Румынией, Конрад считает ее будущим врагом; было бы очень хорошо, по его мнению, если бы эту страну удалось удержать нейтральной. Конрад находит необходимым, чтобы Германия делала шаги в этом направлении. «Если бы это удалось, — пишет он, — то в нашем военном положении было бы достигнуто улучшение».

Если Италия согласна оказать помощь Германии на французском фронте, то было бы очень хорошо, если бы она выделила часть сил и на русский фронт, где австрийцам приходится одним вести борьбу.

«При тех громадных последствиях, которые поведет за собой большая война, ни одно государство не решится на нее легкомысленно, но, — предостерегает Конрад, — опыт учит, что часто и малый камень бывает причиной крушения».

В конце письма Конрад просит Мольтке дать оценку современного политического положения.

Мы слышали, как 22 февраля начальник германского штаба рисовал себе роль Берлина весной и был обеспокоен политикой Вены, признавая, что ныне уже не так легко рассеять тучи.

17 марта военный агент передал Конраду письмо Мольтке, датированное 13 марта.

В начале письма начальник германского генерального штаба подробно останавливается на итальянской помощи, высказывает желание закончить все планы перевозок итальянских войск к 1 апреля, рассчитывая достигнуть решения на французском фронте на 22-й день мобилизации и не думая задерживать начало операции из-за опоздания итальянцев, которые могут появиться на театре войны только на 22-й день.

Затем, приведя доводы, почему Германия может выделить мало сил на восток, и указав, что с 1 апреля 1915 года таковые могут быть значительно усилены, Мольтке переходит к политической обстановке.

Франция ссужает Россию деньгами, чтобы подготовить возможно ранее ее наступление на западе, — с этим нужно считаться. Тем не менее, Мольтке оптимистичнее смотрит на опасность со стороны России: «Все данные, которые мы имеем из России, — пишет Мольтке, — не говорят об агрессивной

ее позиции в настоящее время. Я не думаю, чтобы Россия в ближайшее время искала случая или подала повод к войне с Австрией или с нами». Мольтке уверяет, что заем идет на казарменное строительство для увеличивающегося контингента армии, с чем и нужно считаться.

«Еще менее, чем от России, нужно ожидать агрессивных шагов со стороны Франции. В настоящее время военное положение Франции очень неудовлетворительно». Это приводит Мольтке к выводу, что Франция стремится усилить Россию и не рискнет на войну.

«Англия осторожно сдержанна», — резюмирует начальник германского штаба. — Она не склонна к войне, но если таковая вспыхнет, то использует ее для расширения своего могущества».

«Что беспокоит меня так же, как и вас, — пишет Мольтке, — это ухудшение хороших отношений монархии и Румынии». Нельзя менять Румынию на Болгарию. Мольтке заверяет Конрада, что в Берлине делается все, чтобы удержать Румынию в союзе, а лично он «не упускает ни одного случая, чтобы не обратить внимания министерства иностранных дел на важность этого вопроса, которая ясна и для него».

«Турция в военном отношении — нуль!» — восклицает начальник германского штаба. — «Если ранее говорили о Турции, как о больном человеке, то теперь о ней можно судить, как об умирающем. Она не имеет более никаких жизненных сил и находится в настоящее время в агонии. Наша военная миссия уподобляется консилиуму врачей, который стоит у смертного одра неизлечимого больного».

«Жизнеспособными государствами Балканского полуострова я считаю, — пишет Мольтке, — Сербию и Грецию». Сербия опасна для монархии. Мольтке не берется судить об ее пропаганде среди сербов Австро-Венгрии, но думает, что Сербию можно связать экономически. «Разбор того, что случилось бы, если бы последовали в 1908 году вашим советам, теперь не исправит дела. Нужно считаться с обстановкой, как она складывается теперь, и вы правы, когда говорите, что необходимо открыто смотреть на происходящее и, насколько возможно, идти готовым навстречу опасности».

«Не подлежит сомнению, что в европейской атмосфере скопилось такое невероятное напряжение электричества, которое грозит разрядом. Но может ли буря потрясти крепкий тройственный союз!? Его сила лежит в обоюдном доверии и в честной воле каждого в отдельности стремиться к общей цели. Вышесказанное является стимулом для меня, и я очень благодарен, что вы солидарны со мной в этом».

Так бодро заканчивал Мольтке письмо к своему военному союзнику, охлаждая его пыл и внушая боязнь, как бы Берлину на этот раз опять не было тяжело спасать мир, парусить который грозил Вена.

Из этого же документа явствует, что «кокотство» Вильгельма с Грецией находило поддержку у Мольтке, несмотря на то, что оно было не по душе германской дипломатии.

Начальник германского генерального штаба был обеспокоен нарастающими противоречиями среди европейских государств, но у него была надежда, что «на этот раз» все сойдет благополучно. 27 апреля, по поводу недоразумения Америки с Мексикой, Мольтке высказывался в том смысле, что к «международным осложнениям оно не поведет».

Его ближайший помощник, обер-квартирмейстер Вальдерзее, в мае этого года в особом докладе писал: «Кто ныне рассмотрит мировое положение и из факторов, на которых оно покоится, попытается, не претепдая на пророчество, набросать картину будущего, тот не пройдет мимо того, чтобы не увидеть, что Германская империя, насколько то позволяет усиление армий, имеет все основания обратить серьезнейшее внимание на напряжение всех своих сил».

«Главная тяжесть в грядущей большой войне падет на нее, на нее одну. Наши враги не настолько глупы, чтобы не знать, что только поражение Германии очистит им дорогу. Географическое положение последней облегчает одновременную атаку с фронта и тыла. Что это предусматривается — в этом не может быть никаких сомнений».

На основании этого Вальдерзее находил необходимым провести полное всеобщую воинскую повинность.

В соответствии с этим предложением, начальник генерального штаба направил доклад к канцлеру и военному министру, в котором настаивал, чтобы каждый военнообязанный немец был обучен военному делу. Мольтке просил не откладывать этой меры и начать ее с октября 1914 года, самое позднее с 1 октября 1915 года.

Повидимому, до этого времени еще можно было ждать. События шли своим чередом, и Германия, брядая время от времени мечом, старалась разрешить спорные вопросы с Англией и Францией в Малой Азии.

Ныне Ягов указывает нам, что большая опасность грозила Германии со стороны России, но, как мы слышали из уст самого Мольтке, пока ничто не указывало на агрессивные шаги русских против Австрии и Германии.

Между тем, здоровье начальника германского генерального штаба нуждалось в ремонте, и 15 апреля он уже на курорте в Карлсбаде, на территории союзной Австрии. Пользуясь случаем снова увидеть Конрада, Мольтке 20 апреля приглашает его письмом в Карлсбад на свидание, если бы пути Конрада пролегали вблизи курорта.

Конрад тотчас же отозвался на приглашение и, благодаря за дружбу, подчеркивал, что свидание в Карлсбаде ему очень улыбается. Однако, в виду любви «нашей прессы» к поискам сенсаций возникает опасность различных комментариев по поводу свидания, а потому Конрад находил необходимым испросить разрешение Франца-Иосифа. Письмо кончалось сообщением, что жизнь начальника штаба протекает нормально и здоровье его не внушает опасений.

8 мая Конрад получил разрешение на поездку и, условившись с Мольтке о времени свидания, 12 мая выехал из Вены и в тот же день к вечеру уже сердечно пожимал руку своего друга.

Разговор начался с оценки политического положения, причем в ответ на замечание Конрада, что на румын нельзя особенно рассчитывать и их нужно считать врагами, Мольтке заявил, что Румыния останется сначала нейтральной и будет выжидать.

В дальнейшем беседа затронула большой для австрийцев вопрос об усилении германских войск на востоке, чего мы пока касаться не будем.

«Можно ли ожидать от Италии какой-либо непосредственной поддержки?» — спросил Конрад.

«Полюлю склонен, — отвечал Мольтке, — кроме трех корпусов выставить еще часть сил на помощь Австро-Венгрии»; в дальнейшем Конрад и Мольтке переговорили об использовании этой поддержки.

Затем «заговорили о вероятности войны».

Мольтке высказал мнение, что каждая оттяжка войны ухудшает шансы тройственного союза, ибо нельзя думать о конкуренции с «русскими массами». Германия ждет заявления Англии, что она не вмешается в войну, но такого заверения, по мнению Мольтке, Англия не даст. Что касается Италии, то начальник генерального штаба уверен в действительной лояльности итальянских официальных кругов и, особенно, генерала Полино.

Конрад также склонялся к такой оценке Италии, но... «Полюлю всего только человек, которого завтра может и не быть», — предрекал начальник австро-венгерского генерального штаба смерть итальянского единомышленника. А потому, — говорил Конрад, — «мы не можем с уверенностью рассчитывать на Италию». Его не убедила и справка Мольтке, что Полино предлагает подписать военную конвенцию и даже прислал в Берлин военные соображения, каковы, правда, по рассмотрении, не оказались приемлемыми.

Австрийский коллега находил, что Италия должна на деле доказать свою лояльность союзу, отказавшись от помощи Албании, Сербии и Черногории. «Договор, подписанный только тремя начальниками генеральных штабов, — категорически заявлял Конрад, — не имеет никакой обязательной силы, он должен быть соглашением государей».

В дальнейшем разговор коснулся развития австрийских резервных формирований, причем десятилетний срок готовности их Мольтке находил слишком длительным. Его интересовал также вопрос, насколько Австрия рассчитывает на свои славянские и румынские части. «Никто не может быть пророком, — отвечал Конрад. — В данное время всякие тревоги за них исключены, но благодатная почва налицо и чем позднее, тем больше опасность».

Обменявшись взглядами по чисто военным вопросам и еще раз обсудив политическое положение, причем Конрад определенно указал, что «острым пунктом остается юго-славянский вопрос», друзья в последний раз пожали руки, чтобы больше никогда не встретиться на жизненном пути.

13 мая Конрад представил письменный доклад о свидании Францу-Иосифу, а 25 мая получил через военного агента в Берлине письменное приглашение на германские маневры, которое и переслал в канцелярию Франца-Фердинанда.

Так закончилось перед войной личное общение двух союзных начальников генеральных штабов. Они оба верили в недалекую вооруженную схватку, но Конрад был настроен более пессимистично, чем его собрат по оружию. Последний очень беспокоился о том, что кайзер заберет его с собой в плавание к берегам Норвегии и не даст ему возможности пройти второй курс лечения в Карлсбаде, ибо первый не принес еще нужного восстановления здоровья.

Дружеские свидания за этот период временами имели и более высокие особы, а именно: в апреле и в середине июня (12-го числа) Вильгельм приезжал в Конопшт в гости к Францу-Фердинанду, так как, по словам Ягова,

«наследник престола желал показать своему другу императору расцвет роз в его, особенно любимом им, богемском имени».

Мы только-что слышали, как на курортах решаются более важные дела, нежели касающиеся обыденной жизни, а потому и на этот раз, по донесению посла Чирского Бетману от 17 июня, в Конопиште Франц-Фердинанд о многом переговорил с Вильгельмом, причем первый «мог констатировать во всем полную согласованность взглядов».

Разговор касался отношений Австрии к Румынии, причем Вильгельм был очень недоволен жесткой политикой Тиссы в отношении венгерских румын.

После свидания в Конопиште венское министерство иностранных дел принялось за составление меморандума — с целью доказать невыносимость положения на Балканах, в результате которого Австрия вынуждена будет выступить против России.

Указав на то, что с Румынией отношения наладить нельзя, составители меморандума говорят о России: «Последнее государство означает опасность не только для австрийской монархии, но также и для Германии...».

«По этим соображениям руководители иностранной политики Австро-Венгрии убеждены в том, что общий интерес монархии и, не в меньшей степени, Германии требует в настоящей стадии балканского кризиса своевременного и энергичного выступления против систематически намеченного и поощряемого Россией плана, которому впоследствии, весьма возможно, нельзя будет уже противодействовать».

Документ заканчивался составлением в то время, когда сербский студент уже разряжал свой пистолет во вдохновителя этого меморандума.

Каутский в своей книге «Как возникла мировая война» говорит, что «этот меморандум едва ли можно толковать иначе, как требование на языке дипломатии превентивной войны против царизма».

Таким образом, апостолом превентивной войны ныне оказывался уже не один Конрад, а за ним последовал и Берхтольд, который год тому назад не хотел связывать своего имени с войной с Россией.

Что касается другого союзника, Италии, то, как это ни шло в разрез с внутренним убеждением Конрада, ныне он видел необходимость сохранения хороших отношений с этим государством и настаивал на посылке в Рим наследника, дабы более упрочить союз. Мы слышали, что итальянский генеральный штаб деятельно работал над вариантом отправки войск на французский фронт и даже не прочь был помочь Австрии на русском фронте. Но начальник генерального штаба Поллио, по словам Конрада, был простой смертный, и с его уходом все могло измениться. Одним словом, позиция Италии продолжала оставаться загадочной, и заявления ее военных представителей не знаменовали еще твердости выполнения ею политических обязательств. Берлинские и венские политики забывали один фактор в политике Италии — это угрозу английского флота. Та или иная политика Италии во многом зависела от политики Англии.

Итак, к июню месяцу тройственный союз мог рассчитывать на верность только двух государств — Германии и Австрии, да и то начальник австрийского генерального штаба находил необходимым взамен «нибелунговой верности» Вильгельма получить в свои руки документ с визой канц-

лера, ибо отлично понимал, что полагаться на «нибелунговского» болтуна с берегов Шпрее ныне не приходится. «Кости померанского гренадера» были все же дороже для Вильгельма, чем австрийские интересы на Балканах. Даже в тоне слов Мольтке, во время карлсбадского свидания, Конрад подметил, что он с большой любовью и заботой относится к своим частям, чем австро-венгерским.

К числу балканских государств, на которые могли бы рассчитывать срединные государства, относились Турция, Болгария и Греция.

Как расценивалась Турция военными кругами Берлина, мы слышали; однако, это государство давало пищу империалистам с берегов Шпрее, и они, конечно, не так легко порвали бы с Турцией.

Мы знаем, что идея раздела Малой Азии захватила даже Вену, встретившую упорное сопротивление Германии и Италии.

Не так низко ценил Турцию Конрад, усматривая в ней хороший пластырь для русских и сербских сил, а потому видеть Турцию в союзе с Болгарией или Румынией начальнику австро-венгерского генерального штаба очень хотелось. Однако, донесения военного агента из Константинополя были далеко неутешительны: желанные союзы не налаживались, а Турция, наоборот, стремилась сблизиться с Антантой, и в Россию летом была послана специальная миссия. Секрет такого тяготения Турции прост: нужны были деньги, а Берлин неохотно их давал, ввиду этого турецкое правительство толкнулось в Париж. Французское правительство, выставляя различные ограничительные условия, соглашалось все же на котировку турецкого займа.

Болгария была потрясена пережитым поражением и металась из стороны в сторону, не принимая решения и в то же время не вызывая доверия в обоих лагерях.

Греция, в которой Вильгельм проводил «свою» политику, экономически сильно зависела от французских банков, а спор с Турцией из-за островов, готовый перейти в войну, охлаждал симпатии греков к немцам, как союзникам турок.

Таким образом, все три возможных союзника на Балканах оказывались очень ненадежными для австро-германского блока.

Отпрыск германских князей, водворенный в Албанию для восстановления спокойствия, вынужден был бежать, испугавшись поднявших оружие албанцев. Албания не только могла отвлечь сербские силы, но, наоборот, грозила втянуть в себя австрийские, против чего, как мы слышали, энергично восставал Конрад.

Оставалась Сербия, которая давно была зачислена в смертельные враги Дунайской монархии. Думать о каком-либо экономическом сближении с этой страной не приходилось, ибо сама Сербия к этому не стремилась.

Если отбросить 15 лет и вспомнить время перед мировой войной, то Сербия на фоне европейской политики представлялась «несчастной» страной, которую готова была проглотить Австрия. «Бедные сербы» могли искать только защиты у сильных государств, не помышляя о каком-либо коварстве против монархии Габсбургов, в чем последняя обвиняла Сербию.

Прошло 15 лет, — вместо Сербии на карте Европы значится Юго-Славия, а Дунайская империя погребена под развалинами средневекового

строения абсолютизма. Теперь можно спокойно отдать себе отчет в той роли маленькой страны пастухов и свиноводов, какую сыграла Сербия в пачале мировой войны.

Мы оставили сербского премьера Пашича просящим деньги у французского правительства. Путешествие, видимо, очень нравилось сербскому министру, отправившемуся после Парижа в Петербург, где 2 февраля он был принят Николаем Романовым.

Хитрый серб начал, конечно, с излияниями в благодарностях от имени короля и сербского народа за ту поддержку, которая была оказана Россией Сербии в 1913 году и которая обезопасила ее от австрийского вмешательства.

Пашич жалостливо описывал те мытарства и страдания, кои переносят юго-славяне в Дунайской империи, ждущие помощи или от России, или от Сербии.

Разговор коснулся сербской армии, которую Пашич определял в 500 000 человек. А затем... уж если льстить, так до конца, — и Пашич под конец явился в новой роли свата романовской дочери для сербского наследника.

Одним словом, по свидетельству Богаевича в его книге «Причины войны» бывший царь простился радушным образом с Пашичем, заявив при этом: «для Сербии мы сделаем все».

Действительно, Сербия была взята под защиту Петербургом, который, к тому же, стремился покончить с черногорской династией путем соединения Сербии и Черной Горы в одно государство.

Получив такую заручку в Петербурге и встретив радушный прием в Париже, опираясь на Румынию и Грецию, сербское правительство могло спокойно смотреть на ту сторону Дуная, продолжая энергичную работу среди угнетенных своих собратьев.

Смешно бы было ныне доказывать, что Белград не имел никакого отношения к тому брожению, какое наблюдалось среди славянского населения Боснии и Герцеговины.

Если Пашич осторожно подходил к решению намеченной себе второй задачи — отторжения от Австро-Венгрии только-что указанных областей, то крайне националистические группы в самой Сербии, а затем и сербский генеральный штаб думали иначе.

Русский посол в Белграде Гартвиг непрерывно раздувал пламя вражды к Вене, а русский генеральный штаб вливал активность в своих коллег на берегах Дуная.

Мы стали бы рассказывать сказки, если бы повторяли за многочисленными авторами версии кровавой обиды сербам, нанесенной Францом-Фердинандом, избравшим для своего въезда в Сараево «Видов дан», т. е. день национального сербского траура, и т. д. Дело обстояло куда проще, о чем и было хорошо известно как сербской, так и австрийской разведкам.

Чтатель слышал, что для «крушения европейского равновесия» достаточно было бросить маленький камень, как говорил об этом Конрад. Вот этим камнем и был намечен Франц-Фердинанд — и, конечно, не судьбою, как говорили бы встарь, а сотрудниками сербского генерального штаба.

Сербский профессор Станоевич свидетельствует: «После свидания кайзера Вильгельма II и австрийского кронпринца Фердинанда в Конопиште полковник Д. Дмитриевич, начальник осведомительного отделения сербского генерального штаба, получил секретное сообщение от русского генерального штаба о том, что русское правительство получило точные сведения о характере и цели свидания Вильгельма II и кронпринца Фердинанда, во время которого Германия одобрила план нападения Австро-Венгрии на Сербию и завоевания ее, а также обещала ей свою помощь и поддержку; другие сведения, которые после этого получил полковник Д. Дмитриевич, подтвердили точность данных, полученных от русского генерального штаба. Среди же сербской публики по поводу решений, принятых на свидании двух монархов в Конопиште, были распространены фантастические и возбуждающие слухи; всеми овладела страшная нервозность и воздух был наполнен электричеством».

«Когда были назначены маневры австро-венгерских войск в Боснии и когда стало известно, что кронпринц Фердинанд намерен прибыть в Сараево, полковник Д. Дмитриевич был уверен, что Австро-Венгрия желает совершить нападение на Сербию. После долгого размышления, как он (полковник Дмитриевич) сам рассказывал об этом в апреле 1915 года, Дмитриевич пришел к заключению, что нападение на Сербию и войну можно только предупредить убийством Фердинанда, которого все сербское общественное мнение в тот момент рассматривало как самого опасного врага Сербии и сербского народа, и как главного инициатора всяких выступлений против них» (курсив паш. — Б. Ш).

Маринович в своей статье «Убийство в Сараеве» («Правда» 1924 г., № 169) пишет так:

«Сербия вышла из двух балканских войн территориально и политически усилившейся, сербский национализм начал расти, в особенности, в тех областях, которые были захвачены Австро-Венгрией. Создавались тайные националистические организации, находившие себе сторонников большею частью среди интеллигенции, в особенности в Боснии и Герцеговине...

Убийство Франца-Фердинанда... еще раньше готовилось тайной организацией, находившейся в связи с группой сербских офицеров, известных под названием «Черной руки». Эта группа офицеров играла важную роль в подготовке войны с Турцией, она же подготовила почву и для войны с Австрией. Во главе этих офицеров стоял полковник Драгутин-Дмитриевич, известный под названием «Апис»...

Интересен эпизод убийства в Сараеве. Сербское правительство во время мировой войны само казнило Драгутина-Дмитриевича, не веря в победу Антанты над Германией и Австрией, и желало подготовить почву для переговоров с Австрией, лишь бы сохранить власть династии в Сербии.

Война кончилась успешно для сербских националистов, и теперь они чувствуют Принципа, как народного героя, умалчивая о том, что организатор этого убийства и один из организаторов войны с Австро-Венгрией был убит в интересах династии и сербской буржуазии».

Мы не собираемся производить какого-либо расследования об убийстве молодого Габсбурга, что послужило формальным поводом к мировой войне, ибо для нас это совершенно безразлично.

Нас более интересует тот факт, что организатор этого деяния занимал ответственное место в сербском генеральном штабе, и пока покрыто мраком, была ли это его инициатива или же на убийство было получено указание и разрешение вышестоящих его начальников.

Так или иначе, но рука сербского генерального штаба была приложена к «сараевскому убийству», и нельзя не согласиться с М. Покровским, говорящим в своем предисловии к книге Каутского: «Нет никакого сомнения, что Дмитриевич лгал, уверяя, будто убийство Фердинанда казалось ему единственным средством «предупредить войну»: даже не очень глупый маленький ребенок понял бы, что этим средством войну можно только вызвать. Но сербская военщина, чувствуя на своем плече могучую руку северной покровительницы, не боялась войны, а покровительница играла большую игру, — и недаром один из наиболее близких к месту действия игроков, не упоминаемый Станоевичем, но незримо парящий над всей этой картиной, — Гартвиг (русский посланник в Сербии — *Б. III.*) не выдержал волнения и умер скоропостижно в тот самый день, когда в Белград пришло известие о сараевском выстреле».

О готовящемся во время маневров покушении на Франца-Фердинанда было известно начальнику разведывательного бюро австро-венгерского генерального штаба, знал об этом Конрад, да, пожалуй, и сам Франц-Фердинанд. Киш в своей книге «Преступление начальника штаба Редля» говорит об этом обстоятельстве с достаточной четкостью со слов бывшего начальника разведывательного бюро Урбанского.

Конечно, не имея заручки в России, едва ли бы сербские националисты решились на шаг, который грозил стереть с карты Европы всю Сербию в целом.

Мы оставили Петербург одержавшим дипломатическую победу в вопросе о миссии Лимана фон-Сандерса. Однако, такая победа не радовала дипломатов с берегов Невы, и для них было ясно, что поползновения «другой» державы, т. е. Германии, укрепиться в Константинополе этим не кончатся, что это было лишь временное отступление от программы «Drang nach Osten» (натиск на восток — *Б. III.*).

Имея в виду будущую роль флота при разрешении «исторической» задачи по овладению проливами, морское министерство было сильно обеспокоено грядущим превосходством турецкого флота в Черном море. Рядом писем на имя Сазонова и Коковцова морской министр усиленно хлопочет о покупке имеющихся на рынке военных судов для русского флота, о запрещении Турции делать то же самое, о задержке Англией постройки для Турции двух дредноутов и о разрешении на проход в Черное море строящихся в Балтике дредноутов типа «Петропавловск».

«Соображения международно-политические, кризис «восточного вопроса» и связанные с ним тревоги, опасности и угроза непоправимого ущерба государственным интересам России в вопросе об овладении проливами Босфора и Дарданелл... Соображения стратегические: неизбежный тогда отказ от операции наступления на Константинополь и турецкие проливы, тяжелое положение нашей кавказской армии, лишенной своих морских коммуникаций и угрожаемой обходом с правого фланга посредством турецкого десанта, и рискованное положение левого фланга нашей массовой армии

на западной границе, при необеспеченности за нами береговой полосы Черного моря от Одессы до Севастополя и, наконец, соображения внутренней политики (в случае войны — моральное впечатление нового поражения нашего флота, нанесенного нам давно, казалось бы, сокрушенною Турцией), — все эти соображения, так же как и неизбежное, ввиду их, еще большее уменьшение веса русского голоса в международном концерте и без того, по мнению широких кругов общества, недостаточно значительного, — заставляют принять все возможные меры для ослабления тяжелых последствий временного господства турок на Черном море».

«Чем не стиль Конрада!» — скажет читающий эти строки из письма русского морского министерства. Сазонов дал полное одобрение мыслям авторов письма, а Коковцов усумнился в возможности прохода судов в Черное море, но морское министерство дало разъяснение, что можно образовать особый отряд в Средиземном море, ибо можно воспользоваться французскою базою для нашего флота».

В результате стараний морского министерства 17 марта был внесен в Государственную думу законопроект «Об отпуске средств на спешное усиление Черноморского флота в период 1914—1917 гг.».

«Настал 1914 год...», — пишет в своей книге «Россия в мировой войне» бывший русский генерал-квартирмейстер Данилов. — «Ничто в России не предвещало начала той бури, которой суждено было разразиться в этом роковом году. Правда, столкновение народов в Европе должно было представляться неизбежным в более или менее близком будущем. Атмосфера с каждым годом становилась все напряженнее, но всем, однако, хотелось думать, что тучи не нависли еще столь низко, чтобы грозе разразиться с такой ошеломляющей быстротой и угрожающей силой».

«Европа усиленно, но все же только исподволь готовилась к войне».

«Но кто же угрожал всеобщему миру»? — вопрошает Данилов и дает ответ: «Несомненно, что главнейшей угрозой для мира явилось то новое международное положение, которое пожелала занять Германия, после ряда победоносно веденных ею войн 1864—1871 гг.».

«Континентальный план Германии, клонившийся к утверждению ее влияния на Балканах и Ближнем Востоке, естественно не мог не вызвать самого опасливого к нему отношения и со стороны России, для которой этим планом создавалась величайшая угроза ее самым жизненным интересам — идеологическим, политическим и экономическим. Россия, в самом деле, ни при каких условиях не могла отказаться от своей исторической роли защитницы и покровительницы малых славянских народов, которых Германия должна была встретить на своем всеограждающем пути на востоке. Вместе с тем, глубоко заинтересованная в режиме над проливами, соединяющими Черное море со Средиземным, Россия не могла, конечно, допустить установления преобладающего влияния на берегах Мраморного моря немцев, как силы явно ей враждебной. Наконец, известную опасность для экономических интересов нашей родины представляло также стремление Германии проникнуть в Персию».

Так оценивает ныне политику Германии Данилов, давая понять, что каждый шаг ее на востоке наносил ущерб различным интересам России, вплоть до «исторических» миссий ее на Балканах.

Хотя русская дипломатия и одержала победу при назначении Лимана фон-Сандерса, однако, нужно было готовиться к новой борьбе за Константинополь и проливы, а потому отложенное особое совещание, о котором просил Сазонов в своем докладе 23 ноября 1913 года, было все же созвано 8 февраля 1914 года.

В виду интереса этого совещания, мы позволим себе остановить на нем внимание и заранее предупреждаем, что роли России в развертывающихся событиях 1914 года нами будет уделяться значительное место.

«Журнал особого совещания 8 февраля 1914 года» гласит, что оно состоялось под председательством Сазонова, при участии: начальника генерального штаба Жилянского, генерал-квартирмейстера Данилова, второго обер-квартирмейстера Аверьянова, морского министра Григоровича, временно и. об. начальника морского генерального штаба Ненюкова, начальника второй оперативной части того же штаба Немица, товарища министра иностранных дел Нератова, русского посла в Константинополе Гирса и трех чиновников министерства иностранных дел: Трубецкого, Бюцова и Базили, из которых последние два и вели журнал. Отсутствовал военный министр Сухомлинов.

Как видно по составу совещания, оно было исчерпывающим для заинтересованных ведомств.

Открыв заседание, Сазонов познакомил присутствующих с целью совещания, указав, что им был подан доклад, в котором он высказывал соображения о том, что «в связи с изменением политической обстановки нельзя не предусмотреть возможности наступления, быть может даже в близком будущем, событий, которые коренным образом изменят международное положение константинопольских проливов», и что поэтому «необходимо безотлагательно, при сотрудничестве соответствующих ведомств, приступить к выработке всесторонней программы действий, направленной к обеспечению благоприятного нам разрешения исторического вопроса о проливах».

«Заметив, — говорится в журнале, — что в настоящую минуту наступление значительных политических осложнений представляется мало вероятным, министр иностранных дел заявляет, что нельзя однако поручиться за сохранение даже в недалеком будущем существующего положения вещей на Ближнем Востоке».

Коснувшись этого подробно, Сазонов «высказывает твердое убеждение, что если в силу событий проливы должны будут уйти из-под власти Турции, то Россия не может допустить укрепления на берегах их какой-либо иной державы и может поэтому оказаться вынужденной завладеть ими». Поэтому Сазонов предлагает обсудить вопрос о десантной армии, ее составе и мобилизации.

Начальник генерального штаба, прежде всего, указывает, что для завладения проливами необходимо довольно значительное число войск, которое определится в зависимости от политической и стратегической обстановки операции. Жилянский намечает назначение двух корпусов и в первый эшелон не менее одного корпуса.

Из противников Жилянский прежде всего называет Турцию, которая предполагает оставить в районе проливов три корпуса.

К этому Сазонов добавляет, что против России могут оказаться Греция

и Болгария, но, вероятнее всего, в виду их взаимной вражды, одна из них будет с Россией, а другая против России.

«На вопрос, не можем ли мы рассчитывать в таком случае на поддержку Сербии, Сазонов отвечает, что нельзя предполагать, чтобы наши действия против проливов происходили без общеевропейской войны, и что надо думать, что при таких обстоятельствах Сербия направит все свои силы против Австро-Венгрии».

На указания Жилинского о важной роли для России Румынии министр иностранных дел, отметив, что между Румынией и Австрией существует военная конвенция против России, «до некоторой степени» сомневался, выступит ли действительно Румыния против России в случае ее войны с Австрией; по мнению Сазонова, положительных оснований на это рассчитывать у России не имеется.

«Возвращаясь к вопросу в возможных наших противниках в проливах, — гласит протокол, — Сазонов указывает, что в случае столкновения с тройственным союзом Германия и Австрия никаких войск в направлении проливов не пошлют и что лишь, в худшем случае, Италия может выслать туда десантный отряд, хотя ей опасно будет оголять свою границу с Францией».

В ответ на эти стратегические соображения Сазонова, «сославшись на сказанное министром иностранных дел относительно общей обстановки, при которой можно ожидать разрешения вопроса о проливах, начальник генерального штаба, со своей стороны, высказывает убеждение, что *борьба за Константинополь вряд ли возможна без общеевропейской войны*. В виду этого Жилинский считает долгом подчеркнуть, что трата войск на экспедицию против проливов и даже самая возможность этой операции зависит от общей конъюнктуры войны. Намеченные для этой экспедиции южные корпуса могут быть, по словам Жилинского, двинуты на Константинополь лишь при отсутствии борьбы на западном фронте или благоприятном на нем положении вещей. В противном случае войска эти должны будут быть направлены на западную границу, ибо успешная борьба на западной границе решит благоприятно вопрос о проливах». Намеченные силы для десанта по плану войны идут на запад, и заменить их нечем, нельзя брать и войск с Кавказа, как это предложил сделать Гирс.

Данилов указывает, что кавказские войска отстают в мобилизации, а потому их использование для десанта невозможно. «Генерал-квартирмейстер, — гласит журнал, — высказывается затем решительно против возможности предназначения некоторых частей исключительно для экспедиции на Константинополь. По его убеждению, независимо от трудности выполнения задачи по захвату Константинополя, лежащего в глубине Босфора, сколько бы у нас ни было войск, даже гораздо больше чем теперь, мы всегда должны будем предусматривать необходимость направить все наши силы на запад против Германии и Австрии. Мы должны стремиться к обеспечению успеха на главном театре войны; с победой на этом театре к нам придут благоприятные решения и всех частных вопросов».

Признать «захват проливов» «частным вопросом», конечно, не могла душа русского моряка, и Немиц выступил с отповедью сухопутному генеральному штабу.

«Капитан Немиц, — значитя в журнале, — считает, что мы должны

именно одновременно с операциями на западном фронте занять военной силой Константинополь и проливы, дабы создать к моменту мирных переговоров совершившийся факт нашего завладения ими. Только в таком случае Европа согласится на разрешение вопроса о проливах на тех условиях, на которых это нам необходимо». По мнению Немица, пужно сформировать три новых корпуса: «Такая новая жертва на вооружение не может быть признана не по силам России, если этим должно быть обеспечено достижение исторических наших задач».

«Отвечая Немицу, начальник генерального штаба указывает, что мысль его создать еще новые три корпуса для константинопольской экспедиции не является ныне осуществимой. Проливы имеют в глазах всякого русского такое огромное значение, что можно сказать наверное, что при наступлении опасности их перехода из-под турецкой власти в чужие руки мы не сможем отказаться от их захвата и, следовательно, тотчас же отправим в Константинополь десантную армию. Надо думать, что произойти это может не иначе, как во время кризиса, который разразится общеевропейской войной. Но война на проливах за Константинополь может предшествовать столкновению на нашем западном фронте».

Затем совещание перешло к обсуждению состояния технической подготовки константинопольской экспедиции и выяснению мер, необходимых для ее улучшения и ускорения. Обмен мнений показал, что подготовка находится в довольно плачевном положении, ибо нехватает транспортных средств и войска могут прибыть в Константинополь в 14-дневный срок или, при предварительной подготовке к мобилизации добровольного флота, в 7-дневный срок. Сазонов высказывает пожелание, чтобы названный срок был сокращен до пяти дней по объявлении мобилизации.

«Заключив обзор главных вопросов, — гласит журнал, — выдвигаемых необходимостью планомерной подготовки в недалеком будущем занятия нами проливов, совещание, по предложению министра иностранных дел, высказывает общее пожелание, чтобы правительством в лице всех прикосновенных ведомств приняты были все меры, которых требует техническое исполнение этой задачи».

Совещание далее конкретизирует ряд мер, которые мы, к сожалению, вынуждены опустить, как не затрагивающие интересующего нас в данное время вопроса.

Итак, было решено, «в недалеком будущем занятие проливов», хотя против этого и возражал сухопутный генеральный штаб, в конце-концов пошедший на уступку.

Что же мыслилось под «недалеким будущим»? Забегая немного вперед, мы обратимся к докладу морского генерального штаба морскому министру от 24 июня, в котором, на основании принятых 8 февраля 1914 года решений, представляется ряд соображений о возможности подготовки рассчитанного на время после 1917 года десанта против Константинополя, т. е. на время, когда русский флот будет господствовать над турецким. Считалось, что до этого же времени в проливах будет сохраняться status quo. Всякое изменение в европейском (или даже балканском) равновесии, которое создавало бы угрозу захвата проливов «иной державой», должно было вызвать немедленную войну, которая, по мнению морского генерального

штаба, «должна быть использована для захвата Константинополя и проливов».

Что эта цель твердо и неуклонно преследовалась русским морским генеральным штабом, нам думается, сомнений нет.

Другое дело — сухопутный генеральный штаб. Уже из самого журнала совещания видно, как отталкивали эту операцию от себя Жилинский и Данилов.

Последний ныне свидетельствует: «Еще задолго до войны 1914 года в нашем министерстве иностранных дел был поднят вопрос об усилении готовности войск Одесского военного округа, в целях возможности непосредственного воздействия на Турцию. Я был убежденным противником такого мероприятия и доказывал, что в будущем война с Турцией едва ли возможна без возникновения военных осложнений на наших западных границах, и потому гораздо целесообразнее все имеющиеся у нас средства направить на усиление нашего военного положения против Германии и Австрии. Моя точка зрения не была, однако, принята, вследствие несогласия с нею бывшего начальника генерального штаба Жилинского, видимо верившего в возможность разрешения интересовавших Россию проблем путем прямого воздействия на Турцию».

Данилов, видимо, забыл выступление Жилинского 8 февраля, но, во всяком случае, последний проявил большую уступчивость Сазонову, нежели хотел этого его помощник — генерал-квартирмейстер.

Мы слышали, что Николай не хотел признавать, по докладу Сухомлинова еще в 1913 году, технических трудностей десантной операции для заладения проливами.

Сухомлинов ныне в своих «Воспоминаниях» заявляет: «При подобном взгляде на это дело (техническая трудность операции — *Б. III.*) в особом совещании, имевшем место 8/21 февраля 1914 года под председательством министра иностранных дел Сазонова, я личного участия не принимал». Хитрый Сухомлинов не желал высказываться против желаний Николая.

«Мой взгляд на дело, — продолжает бывший военный министр, — был хорошо известен начальнику генерального штаба, который и мог поэтому быть моим заместителем в совещании. В последнем и была выявлена трудность выполнения этого предприятия...»

Что вся эта фантастическая затея на словах и на бумаге не могла иметь никакого практического результата, для меня было ясно. Убедить в этом государя мне не довелось, — это был, очевидно, тот случай, когда его величество считал военного министра не компетентным в делах не его ведомства.

Царь, таким образом, оказался на стороне дипломатии. Но военному ведомству в действительности не пришлось затем палец о палец ударить для приведения в исполнение проекта министерства иностранных дел».

«Я тогда и не подозревал, какое серьезное основание имело совещание у Сазонова», — увертывается ныне хитрый дипломат в военном мундире.

Мы слышали, что сам Сазонов не отрицал того, что проливы можно получить только через европейскую войну, а отсюда и вывод, что следовало вести подготовку к таковой.

Наиболее угрожающим войной государством была Германия, притязания которой на Константинополь и проливы более всего оказывались чувствительными для России. Правда, Австрия также могла затеять войну на Балканах и быть поддержанной Германией. Но раз, вообще, война могла вспыхнуть на Балканах, то Россия не могла уже упускать случая.

Прямым союзником России была Франция, с которой была заключена военная конвенция, известная всем. После печального урока 1906—1909 гг. русская дипломатия настойчиво взялась за Францию с целью втянуть ее в войну, если бы таковая вспыхнула из-за Балкан. Упорными и длительными уговорами французских дипломатов, постепенным вовлечением финансистов Парижа в балканские дела, Россия к лету 1914 года могла быть уверенной, что Франция окажет ей всегда поддержку.

Другое дело — Англия, соглашение с которой налаживалось очень туго. Если вспомним, то Сазонов печаловался Бьюкенену на холодность островного государства. Кризис в связи с назначением миссии Лимана фон-Сандерса еще более убедил русскую дипломатию в необходимости упрочения англо-русского соглашения. «Соглашение, которое мы заключили с Англией, — говорил Сазонов в начале мая 1914 года французскому послу, — обеспечит равновесие и мир. Спокойствие Европы не будет более зависеть от каприза Германии».

В введении к британским документам о мировой войне говорится, что важнейшей проблемой для английского правительства летом 1914 года было установление определенных отношений с Россией. Особые трудности встречались при этом в азиатском вопросе, где британское правительство опасалось за свой контроль над мессопотамской нефтью. С другой стороны, соревнование в Персии, опасение русского влияния в Афганистане еще более увеличивали взаимные разногласия между Лондоном и Петербургом. Необходимо было дополнительное соглашение.

Уже 5/18 марта Сазонов предложил Извольскому использовать приезд в Париж английского короля с Греем, дабы при содействии Франции нащупать почву для такого соглашения. Извольский, конечно, отозвался с охотой на такое поручение, признав тройственное согласие «лучшим залогом сохранения мира в Европе». Пуанкаре тоже начал прилагать усилия в этом направлении. Англичане не отвернулись от сделанных предложений: «По мысли сэра Эдварда Грея, — писал 29 апреля Извольский, — между нами и Англией могла быть заключена лишь морская, а не сухопутная конвенция, ибо все сухопутные силы Англии уже заранее распределены и, очевидно, не могут кооперировать с русскими».

Французы, — по словам Извольского, — «были поражены выраженной Греем ясной и определенной готовностью вступить на путь тесного сближения с Россией».

Атака шла и с другого конца. Бьюкенен нам рассказывает следующее: «В аудиенции 3 апреля царь сам заговорил об англо-русских отношениях. Как бы ни хотелось ему сохранить хорошие отношения с Германией, союз с ней был, по его словам, невозможен, помимо общих причин, еще и потому, что Германия старалась занять такое положение в Константинополе, которое позволило бы ей запереть Россию в Черном море». Затем со стороны Николая последовало предложение союза с Англией,

на что Бьюкенен привел доводы, доказывающие, что от этого союза будет немного пользы. Гораздо лучше, когда Англия не связана союзом и может умеряюще, с большим доверием, чем союзник России, выступать посредником в Берлине и Вене. Однако, «царь... предпочел бы придать англо-русскому согласию более определенный характер».

Бывший английский посол не посвящает нас в перипетии заключения морской конвенции с Россией; мы также не будем ими увлекаться. Для нас важно, что такая конвенция была подписана, связывая морально, до некоторой степени, англичан. Бьюкенену, доказывающему, что Англия не хотела войны, рассказы о конвенции, конечно, не по душе, равно как и Грею, когда он решительно заявил германскому послу, что подобных переговоров с Россией не было.

13 мая у начальника морского генерального штаба состоялось совещание «для обмена мнений касательно предстоящих переговоров о заключении соглашения между Россией и Англией, о согласованных операциях их морских сил в случае совместных военных действий России и Англии при участии Франции».

Собрались русские моряки и дипломаты, «сухопутье» представлено не было, повидимому, по обычному морскому взгляду, что в морской стратегии сухопутный генеральный штаб не сведущ.

Документ об этом совещании гласит:

«Отметив прежде всего желательность заключения такого соглашения как со специально военно-морской точки зрения, так и, в особенности, с общеполитической, совещание, по всестороннем обсуждении вопроса, пришло к нижеследующим заключениям.

Прежде всего признано было, что морское соглашение наше с Англией должно, подобно франко-русской морской конвенции, иметь в виду согласованные, но раздельные действия наших и английских морских сил.

В отношении стратегических целей, выдвигаемых с нашей точки зрения в случае войны держав тройственного согласия с державами тройственного союза, надлежит различать, с одной стороны, морские операции в районе Балтийского и Немецкого морей, с другой — борьбу морских сил в Средиземном море. В том и другом из этих районов мы должны стремиться получить от Англии компенсацию за отвлечение на нас части германских морских сил».

На северном театре Англия должна отвлечь возможно больше сил в Немецком море, что, «быть может, позволило бы, в благоприятном случае, предпринять десантную операцию в Померании». С этой операцией, так же как и с Константинополем, дело обстояло опять неблагоприятно: нехватало транспортных средств, которые и должна была дать Англия. Бедный русский морской генеральный штаб: широкие полеты его стратегической фантазии упирались в одно — в недостаток транспорта. Мы воздержимся от критики морских стратегических вешалей, — история за нас сделает это.

«На Средиземном море нам нужна была помощь английского флота, чтобы получить перевес над австро-итальянским флотом, английские базы для наших судов»; «если бы в связи с положением в Средиземном море зашла речь о проливах, то надлежало бы, не касаясь политического вопроса

о Босфоре и Дарданеллах, предусмотреть лишь временные военные меры в проливах, как одну из возможных стратегических операций наших в случае войны».

Мы опускаем техническую часть документа. Конвенция была заключена. «После заключения морского соглашения с Англией, — как пишет Сухомлинов, — русская дипломатия почувствовала себя достаточно сильной, чтобы проводить планы, не считаясь с немцами. Общественное же мнение придерживалось взгляда, что Россия не должна снова упускать случая и что русские интересы не должны стоять в зависимости от внутренних политических течений Франции»...

В середине июня для скрепления новой военной дружбы английская эскадра Битти пришла в Кронштадт «с приветственным визитом», — как пишет Бьюкенен.

С таким же визитом в середине лета должен был прибыть в Петербург и сам президент Французской республики «Пуанкаре — война», который ныне в своих мемуарах подчеркивает, что его приезд отнюдь нельзя связывать с австро-сербским конфликтом. Мы не будем сейчас против этого возражать, напомним только, что еще 18 июня Извольский доносил Сазонову: «Пуанкаре высказался, что посещения эти, по его мнению, могут принести известную долю пользы политике тройственного согласия».

Петербург, чиновный Петербург, жил своей жизнью, «государственные мужи» говорили о путешествиях на курорты, а кое-кто, как Сухомлинов, успел уже отправиться на курорт. Правда, в Петербурге ширились забастовки рабочих, надвигалась революционная волна, но... это касалось министерства внутренних дел, а в остальных все было «спокойно». Дипломаты намечали войну на 1917 год, к какому времени готовилась армия и флот.

Мы слышали мысли Данилова о спокойствии в Петербурге. Сухомлинов тоже пишет, что «в начале 1914 года в русском военном министерстве войны не ожидали». «В главном управлении генерального штаба в конце зимы 1913 — 1914 гг. расписание лагерных сборов составлялось как обыкновенно... Как обыкновенно в мае все войска покинули свои казармы, артиллерия приступила к практической стрельбе. В июле готовились к проектированным еще зимой маневрам. Противоположно спокойствию в армии, в печати политический горизонт омрачался все более. Убийство наследника австрийского престола и австро-сербский конфликт являлись отдаленными сверканиями молнии, путешествие же французского президента в Петербург — сгущением грозowych туч над Невой; господствовала невыносимая давящая духота».

Однако, сам военный министр не прочь был также сгустить эту атмосферу, дав пищу для печати.

«Весной и летом 1914 года я дважды вынужден был вмешаться в политические вопросы. Печатная полемика приняла чрезвычайные размеры. Все газетные редакции мира оказались в высокой степени нервными, в особенности у нас в Петербурге и в Берлине. Миссия Лимана Саандерса в Турции вызвала у нас впечатление, будто в Константинополе хотят организовать воинские части, должныствующие помочь туркам в любое время, смотря по надобности, и закрыть проливы. А это означало войну. В этом у государя не было никакого сомнения. В «Кельнише Цейтунг» появилась

статья с выпадами против военного министерства, которая не могла остаться без ответа в виду того, что пестрела неверными показаниями о развитии русской армии и обвиняла нас в приготовлении нападения на Германию. Против этой статьи я резко восстал. Немецкие пилоты, спускавшиеся даже на Урале, давали общественному мнению повод опасаться, что Германия со своей стороны подготавливает нападение на Россию. Эти трения не оказали бы, может быть, такого глубокого влияния, если бы одновременно не появилась на горизонте, в момент критического положения на Балканах, опасность, заключающаяся в возможной потере практической ценности русско-французского союза. Во Франции кабинет Думерг-Кайо, опиравшийся на лево-радикальное большинство, которое вовсе не относилось к России с большой симпатией, получил возможность руководить новыми выборами, что, в свою очередь, дало Думергу возможность предоставить государственный выборный аппарат целиком в распоряжение этих пафистских, по отношению к нам враждебно настроенных, партий. В связи с этим, и результат выборов в пользу левых радикалов совпал как раз с тем важным моментом, когда вопрос о введении трехлетнего срока службы, которое нам обещал Жофр и Пуанкаре, был принят парламентом. Чтобы заставить французов вспомнить свой долг, одновременно сгладить паническое настроение у нас и поднять нашу самоуверенность, я распорядился напечатать ту статью в «Биржевых Ведомостях», которую немцы приняли за угрозу по их адресу: Россия готова, Франция также должна быть готова» Это было в начале июня. Статья эта не сумела успокоить Петербург, так же как и ставшие вскоре гласными сведения об отношении нового французского правительства к России не сумели успокоить нервного настроения».

Разумеется, эта грубая шовинистическая выходка военного министра никого «не сумела успокоить», как это он ныне признает и сам, ибо она была чересчур грубой подтасовкой действительности.

«Если генерал Сухомлинов, занимавший пост военного министра, бросил в одном из своих интервью, наделавшем много шума, свое: «Россия готова», — пишет Данилов, — то, по существу, слова эти были только легкомысленной бригадой или довольно дешевым политическим блефом» (Б. III.)

Однако, факт остается фактом, — военный министр пугал своих противников и даже союзников «заведомо негодными средствами», ибо, как говорилось выше, если Конрад и видел в вооружениях России угрозу, то начальник германского генерального штаба не особенно доверял аншлагу Сухомлинова «Россия готова», вывешенному в 1914 году, так же оценивая и военную готовность Франции. Конрад нам объясняет отчасти такую разницу во взглядах тем, что недостаток денежных ассигнований и тормаз со стороны министерства иностранных дел мешали Австрии развить разведку в России.

Мы остановим внимание на ориентировке Конрада о России. 8 января к нему явился приехавший из Петербурга военный агент Гогенлое, который начал свой доклад с военных приготовлений русских для вторжения в Армению.

«Это для нас не имеет особого значения», — прервал Конрад и просил дать ответ, «готовится ли Россия в ближайшее время к войне на западе».

«Я думаю, да», — ответил военный агент, подтвердив это тем, что Россия избегает срывать свою планомерную подготовку к войне мелкими выступлениями; резервисты были задержаны секретно; в гвардии, которая в случае войны должна была бы остаться в Петербурге, вдруг обнаружилось воинственное настроение, и гвардейская кавалерийская дивизия будет двинута против Австрии; французы тянут русских в наступление на запад.

Одним словом, военные реформы России сильно беспокоили начальника австрийского генерального штаба, и нужно сказать, что не без основания, ибо русская дипломатия твердо решила не делать ни шагу назад перед Берлином, а что касается Австрии, то за успешную борьбу с ней еще в конце 1913 года головой ручались и военный министр, и начальник русского генерального штаба.

Выше было отмечено, что оба начальника генерального штаба средних государств не думали об активности Франции, да и сам русский министр боялся пацифистских настроений стоящего у власти французского правительства Думерг-Кайо.

Франция, действительно, вступила в область внутренних кризисов и в ней кипела горячая парламентская борьба. Финансовое положение государства было тяжелое. Что же касается трехлетнего срока службы в армии, вокруг которого также кипела энергичная борьба, то в конце-концов «за свое 5-месячное пребывание у власти Думерг и большинство его коллег могли убедиться в абсолютной необходимости сохранить 3-летний срок службы под знаменами», — как писал Извольский Сазонову 3 июня 1914 года, добавляя: «Говорят, что левый блок не намерен требовать немедленной отмены этого закона и возвращения к двухлетнему сроку».

Что же касается настроения французского кабинета в отношении к России, о чем так беспокоился Сухомлинов, то Извольский в своем письме от 21 мая отмечал: «От души желая Франции более умеренных правителей, я не могу, по справедливости, не сказать, что с точки зрения наших непосредственных интересов русско-французского союза нам не будет никакого основания радоваться уходу Думерга, который высказал и высказывает по отношению к нам не менее лояльности и предупредительности, нежели его предшественники».

Когда же Думерг ушел и во главе кабинета стал Вивиани, то 1 июля 1914 года Извольский писал Сазонову: «Вы, конечно, заметили беседу Вивиани со здешним корреспондентом «Нового Времени». Выступление это имеет, очевидно, двойную цель: разом объяснить французскому общественному мнению и парламенту, что нынешний кабинет, хотя он и опирается на крайние левые партии, принципиально не сочувствующие России, тем не менее вполне искренно предан русско-французскому союзу; затем слова Вивиани, без сомнения, обращены и к русской публике, в виду предстоящего приезда его с президентом республики в Петербург. Мне известно, что Вивиани глубоко ошарашивлен мыслью об этой поездке и очень дорожит тем, чтобы произвести у нас хорошее впечатление».

В апреле месяце были укреплены и связи Парижа с Лондоном — во время приезда в Париж Георга и Грея. Между Францией и Англией существовала *военно-морская конвенция*, разработанная детально, и политическое соглашение в виде обмена письмами Грея с французским послом в Лондоне

в ноябре 1912 года. Суть его сводилась к следующему: «Если одно из правительств имело бы вескую причину опасаться или нападения третьей державы или какого-либо события, угрожающего общему миру, этому правительству надлежало бы тотчас же внимательно рассмотреть с другим, должны ли оба правительства действовать сообща в видах предотвращения нападения или сохранения мира. В этом случае оба правительства подвергли бы обсуждению меры, которые они склонны были бы принять сообща; если бы меры эти вызвали активные действия, оба правительства тотчас же приступили бы к рассмотрению планов их генеральных штабов и решились бы тогда, какой ход надлежит дать этим планам».

Что оба генеральных штаба имели совещания по вопросам плана войны, это уже известно читающему наш труд.

29 апреля 1914 года Извольский доносил о состоявшемся свидании французов и англичан так: «Обмен мнений между французскими и английскими государственными людьми прежде всего коснулся отношений между Францией и Англией; приступая к нему, обе стороны единодушно признали, что существующие между обеими сторонами соглашения не нуждаются ни в каком формальном изменении и дополнении и что, продолжая последовательно и лояльно применять ко всем выдвигаемым политическим вопросам так называемую «entente cordiale» (сердечное соглашение — *Б. III.*), — Франция и Англия тем самым с каждым днем укрепляют и развивают соединяющие их узы; при этом было признано также, что Россия самым тесным образом приобщается как Францией, так и Англией к их совместной политике».

Из сказанного выше мы знаем, как старались даже «радикальные» французы о заключении англо-русского соглашения и, действительно, успели в этом.

«Англия осторожно сдержанна», — определял Мольтке позицию островов. Выше нами достаточно говорилось об английской политике начала 1914 года. Англия хотела иметь все же «свободные руки». Внутри нее шла борьба, обострялся ирландский вопрос, не урегулированы были еще отношения с колониями. К политике России на востоке не было особого доверия, и поэтому Грей «не скрыл, однако, от Думерга, — как писал Извольский, — что не только в среде правительственной партии, но даже среди членов кабинета имеются элементы, предубежденные против России и мало склонные к дальнейшему сближению с ней; он выразил, тем не менее, надежду, что ему удастся склонить Асквита и других членов правительства к его точке зрения». Таковая заключалась в том, что «лично он вполне готов заключить с Россией соглашение наподобие тех, которые существуют между Англией и Францией.» Если политического документа об этом к началу мировой войны не существовало, то военно-морская конвенция была налицо.

Правда, соглашение Англии с Францией также не обязывало Великобританию к войне, но наличие двух конвенций (с Францией и Россией) предвещало ее вмешательство в европейскую войну, — нужен был лишь громкий повод к этому.

Можно согласиться с Тирпицем, который пишет: «В течение многих лет Бетман-Гольвег занимался постройкой того, что он сам называл «кар-

точным домиком», т. е. англо-германского соглашения, основанного не на фактах, но на дипломатическом кокетничаньи... У нас идеализировали те мотивы, которые побудили Англию занять «лойяльную» позицию по отношению к Австрии и к нам в балканских войнах 1912—1914 гг., и потому питали веру, что балканская война, в которой приняла бы участие сама Австрия, могла бы быть локализована в этом бурном уголке Европы».

Взаимные противоречия в среде буржуазной Европы, ожесточенная экономическая борьба за колонии, прикрытые «национальными», «историческими» и т. п. задачами, настолько уже созрели, что нужен был всего один револьверный «сараевский выстрел» молодого энтузиаста, чтобы начаться тому, к чему давно шла Европа, — европейской, а затем мировой войне...

ГЛАВА II

САРАЕВСКИЙ ВЫСТРЕЛ И ЕГО СЛЕДСТВИЯ

Сараевский выстрел — не причина мировой войны. — Три линии руководства политикой. — Конрад получает первые известия об убийстве наследника. — Его думы об этом. — Возвращение Конрада 29 июня в Вену. — Постскриптом к меморандуму Берхтольда. — Берхтольд за выдержку в действиях против Сербии. — Смерть начальника итальянского генерального штаба Поллио. — Предложение Конрада выяснить позицию Германии и сомнения в ней у Франца-Иосифа. — Конрад и тройственный союз. — Совет Конрада Берхтольду об ответе Германии о целях войны. — Жизнь в Берлине. — Отпуск Мольтке, Ягова и Тирпица. — Злоба Вильгельма и его страхи. — Выговор Чирскому за советы умеренности в Вене. — Впечатления в Берлине от убийства Франца-Фердинанда. — Письмо Франца-Иосифа и пояснения Гойоса. — Решение Берлина от 5 июля оказать поддержку Австрии. — Беседы Вильгельма 5 июля. — В Берлине не верят в возможность европейской войны. — Письмо Фалькенгайна к Мольтке. — Рассуждения Тирпица. — Настроения Петербурга, Парижа и Рима по получению известий о событиях в Сараеве. — Тревоги в Сербии. — Заседание совета министров в Вене 7 июля. — Тисса за дипломатический успех. — Решение совета министров о посылке ультиматума и войне. — Доклад Тиссы. — 8 июля Берхтольд набрасывает срок предъявления ультиматума и предлагает Конраду выехать в отпуск. — Письмо Конрада 10 июля к Потioreку. — Серьезность Конрада и ее причины. — Письмо Конрада к Берхтольду от 14 июля. — Конрад настаивает на краткосрочном ультиматуме. — Отъезд Конрада 14 июля в отпуск. — Заседание совета министров в Вене 19 июля и прибытие на него Конрада. — Обсуждение целей войны и протесты Тиссы. — Возвращение Конрада 22 июля из отпуска под охраной. — Проверка Веной времени отъезда Пуанкаре из Петербурга. — Указания Берхтольда в Белград об объявлении войны. — Вручение в Белграде ультиматума. — Отказ Сербии. — Утром 25 июля — указ о мобилизации в Вене. — Конрад считает недостаточной дипломатическую подготовку. — Недовольство Вильгельма медленными действиями Австрии. — Цели войны для Австрии по мнению Вильгельма. — «Только сильнее наступать на мозоли этой сволочи». — Ягов запрашивает Вену о целях войны. — Ягов о позиции тройственного согласия и против превентивной войны. — «Когда борьба напрашивается, нам нельзя отступать». — Дипломаты против возвращения Вильгельма в Берлин. — Его негодование этим. — Берлин замалчивает свое знакомство с австрийской нотой. — Уверенность в невмешательстве в войну России. — Доклад Лихновского от 16 июля. — «Австрийское высокомерие». — Подкуп Италии и ее претензии. — Спокойствие Мольтке. — Его письма к жене. — Возвращение 26 июля Мольтке в Берлин и его беседа с Яговым. — Спокойствие в Петербурге. — Первые известия о предъявлении Австрией ультиматума Сербии. — Возвращение 18 июля в Петербург Сазонова и его свидание с австрийским послом. — Прибытие Пуанкаре, его переговоры об австро-сербском конфликте. — Получение в Петербурге 24 июля сведений об австрийском ультиматуме. — «Это — европейская война». — Дипломатический завтрак. — Русский генеральный штаб и частная мобилизация. — Совет министров в Красном Селе 24 июля и решение о частной мобилизации. — Свидание Сазонова с Пурталесом. — Руководящие указания Сазонова за границу. — Заседание совета министров в Красном Селе 25 июля. — Оптимизм совета. — Сухомлинов о заседании совета министров. — Оправдания Сухомлинова. — Беседа Сазонова с Бьюкененом. — Оптимизм дипломатов в Петербурге. — Объявление предмобилизационного периода. — Пурталес

о неопытности Сазонова в военном деле. — Беседы Пурталеса с Сазоновым и мирное настроение последнего. — Причины сдержанности Сазонова. — «Не давайте слова генеральным штабам!» — Пурталес объясняет Сазонову значение объявления мобилизации в Германии. — Сухомлинов и его беседа с германским военным агентом. — Семейные заботы Данилова. — Данилов в вопросе о частной мобилизации. — Роль Сазонова, по мнению Сухомлинова, в выборе вида мобилизации. — Путешествие Пуанкаре и его тревоги. — Настроения Парижа и выступление германского посла Шена. — Сдержанность Англии. — Грей о последствиях европейской войны. — Мобилизация английского флота и объяснение ее Греем.

«Сараевский выстрел» был тем камнем, брошенным под быстро мчавшийся к неизбежной катастрофе поезд «европейского равновесия», о котором говорил еще в мае Конрад начальнику германского генерального штаба. Мы подошли вплотную к началу европейской войны 1914 года и обязаны ввести читателя в уже известные ему события, послужившие формальным поводом к вооруженной борьбе, ибо совершенно же очевидно, что не кровь Габсбурга была причиной войны.

Противоречия государств Европы прежде всего покоились на экономических основах, дававших, в свою очередь, почву для политических недоразумений и споров.

Мы не можем писать исчерпывающую политическую историю, приводящую к мировой войне после убийства Франца-Фердинанда, а будем освещать дипломатическую переписку, ссылаясь, в крупном, на документы, главным образом, в связи с деятельностью в это же время генеральных штабов, ибо это составляет задачу нашего труда. Мы постараемся установить более или менее ясную картину действительности.

Заранее говорим, что, может быть, погрешим в этом, но открыто заявляем о своем искреннем намерении нарисовать обстановку так, как она протекала в действительности.

Считаем необходимым остановить внимание читателя еще на одном обстоятельстве, а именно: из изложенного выше можно с достаточной ясностью убедиться, что во всех государствах Европы, не исключая даже республиканской Франции, внешняя политика представлялась двумя линиями — династической и правительственной (во Франции династическую линию вел Пуанкаре), причем обе эти линии зачастую резко расходились. Если к этому прибавить, что и генеральный штаб вел «свою» внешнюю политику, то перед нами встает обязанность сочетать все эти три линии для ясного уразумения тех или иных дипломатических шагов. Что мы не голословны в своих заявлениях, показывает хотя бы требование Конрада о скреплении договора с Германией не одним Вильгельмом, но и Бетманом; ниже изложение самых событий внесет в это еще большую ясность.

Итак, мы оставили начальника австрийского генерального штаба 27 июня в пути из Сараева на полевую поездку. Уже в 14 часов 28-го до Конрада долетели первые известия об убийстве Франца-Фердинанда, быстро затем подтвердившиеся официальным донесением Поттиорека. Сомнений в действительности события уже не было... «Вся тяжесть удара, — пишет в своих воспоминаниях Конрад, — была для меня ясна, а равно и те последствия, которые она за собой вела». «Убийство в Сараеве... было объявлением войны Сербии Австро-Венгрии», — так думал начальник штаба, читая полученные об этом документы, — последняя могла ответить только войной».

«То, о чем я думал по окончании балканской войны, — продолжает Конрад, — случилось раньше, чем я рассчитывал. Надежда на спокойное развитие вооруженных сил в долгий мирный период была неожиданно разбита... Этот момент призывал каждого на свое место и выбивал всех из мирной, нормальной колеи».

Запросив телеграммой через канцелярию Франца-Иосифа указаний последнего, продолжать ли поездку или же прибыть в Вену, и получив приказание вернуться, Конрад утром 29 июня уже был в Вене, куда того же числа прибыл и Франц-Иосиф из своего загородного дворца.

Если вспомним, то австрийская дипломатия, после свидания Вильгельма с Францом-Фердинандом в Конопинште, была запята составлением меморандума, имевшего целью дать набросок тяжелого внешнего положения Австрии, ибо ей угрожали Сербия, Румыния и Россия, поддерживаемая Францией. «Руководители иностранной политики Австро-Венгрии убеждены в том, что общий интерес монархии и не в меньшей степени и Германии требует в настоящей стадии балканского кризиса *своевременного и энергичного выступления* против систематически намеченного и поспешаемого Россией плана, которому впоследствии, весьма возможно, нельзя будет уже противодействовать».

«Этот меморандум, — заявляет Каутский, — едва ли можно толковать иначе, как требование на языке дипломатии *превентивной войны* против царизма».

Документ был закончен в то время, когда уже в Сараеве раздались револьверные выстрелы. Авторы сопроводили меморандум следующим постскриптумом:

«Предлагаемый меморандум был только-что закончен, как произошли ужасные события в Сараеве.

Все значение злодейского убийства в настоящее время едва постижимо. Но, во всяком случае, если бы в этом явилась еще необходимость, факт злодеяния несомненно доказывает, как непреодолимы противоречия между монархией и Сербией и как опасно и активно ни перед чем не останавливающееся велико-сербское движение.

Тем настоятельнее для монархии становится необходимость решительной рукой порвать нити, из которых ее противники хотят сплести сеть над ее головой».

Таким образом, венская дипломатия переходила в открытое наступление, и теперь уже не Румыния, а Сербия сконцентрировала на себе всю злобу и ненависть австрийской дипломатии.

Мы не будем знакомить читателя с думами Конрада по его возвращении в Вену о неизбежности войны с Сербией, ибо для него это было всегда на первом плане, а сараевское событие только укрепило веру в непреложность этого. Начальник штаба сознается в том, что у него мелькало в голове: «Не последовали моим советам, так вытягивайте теперь сами завязшую глубоко в песке телегу», — мысленно говорил он дипломатам. Но сознание, что теперь не время пререкаться с дипломатией, когда ее «карточный домик» спасен жестокой действительностью, укрепляло Конрада в необходимости напярчь все силы, чтобы подготовиться к грядущим событиям.

Тотчас же по своем возвращении в Вену начальник штаба получил письмо от Поттиорека, беспокоившегося о возможных беспорядках в Боснии и Герцеговине; по мнению этого генерала, предотвратить их можно было только энергичными шагами во внешней политике.

Вечером того же 29 июня Конрад посетил Берхтольда.

«Мы встречаемся снова при обстоятельствах, — начал беседу начальник штаба, — сильно разнящихся от тех, при коих мы расстались».

Конрад тотчас же заявил о необходимости немедленного воздействия на Сербию, для чего надлежит объявить мобилизацию «Б», которая кажется ему неизбежной. Берхтольд отклонил это, так как, по его мнению, не было внешних поводов, да и не было подготовлено общественное мнение. Министра озабочивала возможность революционной вспышки в Богемии, к чему скептически отнесся Конрад. Оба собеседника пришли к заключению, что момент решительных требований от Сербии пришел, но министр находил только нужным выждать результатов расследования.

1 июля Берхтольд, — посвящая Конрада в настроения Франца-Иосифа, который откладывал решение до окончания расследования, — сообщал, что оба министра президента стоят за выдержку. Вместе с тем, у министра возникали сомнения, не покинут ли Австрию Германия и Румыния. Начальник штаба находил, что союз с Германией существует, а поэтому следует выяснить в Берлине, будет ли прикрыт тыл монархии со стороны России в случае войны.

Между тем «судьба», — как пишет Конрад, — нанесла новый удар: 2 июля умер начальник итальянского генерального штаба Поллио, сторонник тройственного союза.

Из Сербии поступали тревожные сведения: большое число сербских вооруженных комитаджей перешли границу с целью совершения покушения на жизнь самого Берхтольда.

5 июля начальник генерального штаба прибыл с докладом к Францу-Иосифу, начав его с указания неизбежности войны с Сербией.

«Да, это в общем верно, — отвечал старик, — но как вы хотите вести войну, когда на нас все набросятся, особенно Россия?»

«Мы прикрыты с тыла Германией», — возразил Конрад.

Франц-Иосиф посмотрел вопросительно на своего собеседника и спросил: «Вы уверены в Германии?» По словам Габсбурга, на свидании в Конопште Вильгельм на поставленный ему вопрос, может ли в будущем Австро-Венгрия рассчитывать на Германию, уклонился от ответа.

На предложение Конрада выяснить позицию Германии Франц-Иосиф ответил: «Вчера вечером в Германию отправлена нота, в которой мы требуем ясного ответа».

«Если ответ будет гласить, что Германия на нашей стороне, будем ли мы тогда вести войну против Сербии?» — спросил начальник штаба.

«Тогда — да», — после краткого раздумья ответил старый император.

Одним словом, начальник штаба вынес впечатление, что *Франц-Иосиф не уверен в Германии* и поэтому колеблется в решении.

В конце доклада Конрад просил разрешения теперь же принять меры охраны против готовящихся покушений со стороны Сербии на отдельных ответственных лиц, на мосты и т. д.

Учитывая, что такие меры охраны принимаются лишь с объявлением мобилизации, Франц-Иосиф, несмотря на доводы начальника штаба, что можно запоздать, решительно отказался дать на них свое согласие.

Затем Франц-Иосиф сообщил, что он намерен уехать в загородный дворец; в свою очередь, и Конрад просил разрешения после кризиса поехать на несколько дней в Тироль. Согласие было дано. Ныне начальник генерального штаба приводит этот факт, как доказательство, что 5 июля еще не было твердого решения вести войну с Сербией. Мы охотно с этим соглашаемся, ибо в Вене были уверены, что Сербия выполнит все поставленные ей требования.

Выходя из кабинета, Конрад, под впечатлением доклада, завел разговор с присутствовавшим в адъютантской комнате Гогенлое, который оценивал эти дни, как тяжелые и решительные.

«Да, — отвечал Конрад, — но если Германия так ненадежна, как это кажется теперь, встает вопрос: долго ли будем еще оставаться в союзе, так как политически от этого не выигрываем, а экономически Германия нас давит. Но в таком случае я уйду; я не могу перемениться, ибо оказался бы в еще более тяжелом положении, чем Авереску. Все свои суждения я строю на совместных действиях с Германией, и я не в состоянии оставаться, если колесо управления перейдет в руки славян».

Берхтольд ожидал с тревогой ответа из Берлина, который рассчитывали получить не ранее 7 июля. Вильгельм, вероятно, даст согласие, но об этом он должен переговорить еще с Бетманом. Беседовавший с Берхтольдом Конрад полагал, что необходимо выяснить, будет ли Австро-Венгрия считаться с войной или нет, так как в последнем случае следует не поднимать шума, а расследование вести как обычное юридическое действие, но нужно учитывать, что, может быть, это — последний благоприятный случай.

Берхтольд полагал, что следует ограничиться частичным призывом резервистов, против чего решительно восстал Конрад, заявляя о необходимости проведения мобилизации по варианту «Б».

«Тисса против войны, — отвечал министр, — он боится румынского вторжения в Семиградие».

Берхтольда занимал также вопрос: что ответит Германия, которая, наверное, спросит о намерениях Вены после войны.

Конрад тотчас же дал мудрый совет: «Скажите, что мы сами не знаем».

Таким образом, центр тяжести вопроса перемещался в Берлин. Если мы ранее указывали, что, по мнению Петербурга, путь в Константинополь лежал через Берлин, то оказывается, что в равной мере *дорога в Белград шла также через Берлин*. Так как пути России и Австрии, направляющиеся к двум указанным городам, перекрещивались на Балканах то, естественно, что решение о мире или войне должно было исходить только из Берлина, куда мы сейчас и перенесемся.

Берлин жил своей обычной жизнью: Вильгельм произносил запугивающие другие страны речи, а его сын, кронпринц, выражал солидарность с ультраправыми шовинистическими авторами тех или иных зажигательных статей. Правда, по настоянию Бетмана, пришлось немного обуздать малого и воспретить ему оказывать давление на политику, по Германия, попрежнему, пребывала уверенной в силе своего оружия.

Мы знаем, что начальник германского генерального штаба Мольтке боялся, как бы не оказаться вместо Карлсбада на яхте Вильгельма у берегов Норвегии. 19 июня Мольтке писал: «Обстоятельства не становятся поперек дороги, и он (Вильгельм) согласился, что я не поеду вместе с ним». Вслед за тем Мольтке отбыл в Карлсбад.

Статс-секретарь по иностранным делам Ягов также был в отсутствии, которое не было прервано вестью о событиях в Сараеве, так как на запрос Ягова в Берлин, необходимо ли его возвращение, последовал ответ, что надобности в этом нет.

Наконец, статс-секретарь по морским делам Тирпиц находился также в отпуску на курорте.

Одним словом, «государственные мужи» отдыхали, когда сараевский выстрел сделал первое им предостережение.

Получив известие о смерти Франца-Фердинанда, Вильгельм вскипел злобой и ненавистью к «цареубийцам», конечно, не к непосредственно причастным к этому, а к тем, кто их толкал на этот путь, т. е. к Сербии. Каутский говорит нам, что кроме злобы против нарушителей «монархического принципа» Вильгельм был охвачен и *личным страхом*, отказавшись от присутствия на похоронах Франца-Фердинанда, так как боялся покушения в Вене на свою особу.

30 июня германский посол в Вене представил рейхсканцлеру доклад, на котором Вильгельм сделал свои ремарки, помещенные нами в скобках.

Отмечая, что, по словам Берхтольда, нити заговора ведут в Белград, посол писал: «Дело было так хорошо задумано, что для выполнения преступления умышленно были подысканы совсем молодые люди, к которым могут быть применены только более мягкие меры наказания». (Надо надеяться, что не будут! В).

«Здесь, даже со стороны серьезных людей, я неоднократно слышал пожелание, что нужно раз навсегда (теперь или никогда. В.) основательно свести счеты с сербами. Надо прежде всего предъявить Сербии ряд требований и, если она их не примет, действовать энергично. Я пользуюсь всяким поводом, чтобы сдержанно, но весьма настоятельно и серьезно предостеречь от необдуманных шагов». (Кто его уполномочил на это? Очень глупо! Это его совершенно не касается, так как это исключительно дело Австрии—думать о собственных шагах. После скажут, когда дело пойдет северно: Германия не хотела!!! Пусть Чирский соизволит оставить этот вздор! С сербами надо покончить и именно сейчас. В.).

Одним словом, в порыве «пибелунговой» верности Вильгельм кипел злобой и решил еще до получения письма из Вены, что «с сербами надо покончить и, именно, сейчас».

За свои умеряющие действия Чирский получил от Вильгельма выговор. «Весть об убийстве произвела на нас всех, — пишет Тирпиц, — самое тягостное впечатление. Ожидали, что преступление вызовет возмездие в той или иной форме и, следовательно, также известную напряженность европейских отношений. Мировой войны я не опасался. Кто решился бы возложить на себя такую ответственность? Кроме того, наша военная разведка указывала на то, что если вообще пришлось бы считаться с нападением России, то никак не ранее 1916 года. Подозрение, что сараев-

ское убийство было задумано с ведома царя или Англии, никому не приходило в голову».

«В обстановке мирного веселья, — повествует кронпринц, — застало меня ужасное известие об убийстве эрцгерцога. Было очевидно, что это политическое убийство повлечет за собой серьезные последствия».

Таким образом, если о войне еще было рано говорить, то об известном напряжении европейских отношений можно было сказать с полной уверенностью.

4 июля в Берлин прибыл из Вены чиновник министерства иностранных дел с собственноручным письмом Франца-Иосифа к Вильгельму. Письмо было передано адресату 5 июля австро-венгерским послом в Берлине.

«Все стремления моего правительства, — писал Франц-Иосиф, — должны быть в будущем направлены к изоляции и умалению Сербии».

Поставив эту цель, старый Габсбург заканчивал письмо словами: «Даже и ты, после последних ужасных событий в Боснии, принужден будешь согласиться, что нельзя уже и думать об устранении тех противоречий которые отделяют нас от Сербии. Политика всех европейских монархов, стремящихся сохранить мир, до тех пор будет находиться под угрозой, пока этот очаг преступной агитации в Белграде будет продолжать безнаказанно существовать».

Если письмо говорило только об умалении Сербии, то привезший его Гойос растолковал Бетману, что под умалением Сербии следует разуметь ее *раздел*.

Ознакомившись с письмом Франца-Иосифа, Вильгельм вызвал к себе Бетмана и заменявшего Ягова его помощника Циммермана, с которыми и обсуждал политическое положение. Нет сомнения, что во время этого обсуждения были приняты важные решения, слово о которых мы представим австрийскому послу Сэгэни.

«По его (Вильгельма) мнению, — писал посол, — не следует, однако, долго медлить с выступлением против Сербии. Россия во всяком случае займет враждебную позицию. Но Вильгельм имеет это в виду уже в течение многих лет, и если бы дело дошло до войны между Австро-Венгрией и Россией, то мы можем быть уверены, что Германия, по привычной союзнической верности, будет стоять на нашей стороне. Россия, впрочем, при данном положении вещей, еще ни в коем случае не готова к войне и, несомненно, должна будет еще хорошенько все взвесить, прежде чем апеллировать к оружию. Однако, она будет всячески подстрекать против нас другие державы тройственного согласия и раздувать пламя на Балканах».

«Для него вполне понятно, что при всем известном миролюбии его императорского и королевского апостолического величества ему трудно будет, наверное, решиться на вторжение в Сербию. Но, если бы мы, действительно, признали необходимым выступление против Сербии, то он будет сожалеть, если мы не используем настоящий, столь благоприятный для нас, момент».

Бетман, правда, был осторожнее своего императора, но и он дал согласие на войну с Сербией, причем канцлер писал Чирскому: «В возникший конфликт между Австро-Венгрией и Сербией германский император

не может вмешиваться, так как это является делом указанных стран. Но император Франц-Иосиф может надеяться, что его величество (Вильгельм — *Б. Ш.*) в полном соответствии со своими союзническими обязательствами и своей старой дружбой будет на стороне Австро-Венгрии».

Одним словом, Вена получила утвердительный ответ на запрос о целесообразности войны с Сербией и — «не беда, если из-за этого возникнет война с Россией», как свидетельствует о том германский посол в Лондоне Лихновский.

Об европейской войне 5 июля в Берлине не думали.

Таково было решение, но в течение 5 июля к Вильгельму были призваны военный министр Фалькенгайн, начальник кабинета Линкер, старший из обер-квартирмейстеров генерального штаба Бертраб, заместитель Тирпица Капелье и от штаба адмиралтейства — Ценкер.

Разговор с Фалькенгайном происходил в присутствии Бетмана и Циммермана, причем Вильгельм прочитал известный нам меморандум и письмо Франца-Иосифа и задал вопрос Фалькенгайну, готова ли армия на всякий случай. Военный министр дал утвердительный ответ и, в свою очередь, спросил, не нужно ли принять какие-либо меры готовности уже в данное время. *Дабы не помешать работе дипломатии, предложение Фалькенгайна было отклонено.* По тем же причинам было решено, что Вильгельм выедет 6-го в свое путешествие в Норвегию, а Фалькенгайн 8 июля отправится на остров Юст в отпуск.

Перед своим отъездом военный министр написал Мольтке в Карлсбад письмо, в котором, посвящая Мольтке в принятые 5 июля в Потсдаме решения, Фалькенгайн сообщал: кайзер полагает, что монархия на этот раз твердо решила расквитаться с Сербией, хотя бы против была Россия. Из австрийского меморандума военный министр усматривает, что венское правительство не изменит своего твердого решения. Ближайшие недели ни в каком случае не принесут решения и потому, если он пишет Мольтке, то с целью предупредить его все же от неожиданностей, которые могут быть.

После военного министра у Вильгельма появился представитель генерального штаба генерал фон-Бертраб. «История Государственного архива» так сообщает об этом свидании. Вильгельм принял Бертраба одного и говорил коротко. Бертраб должен был сообщить отсутствующему Мольтке о происшедшем; Вильгельм сказал, что он «не верит в крупные военные события, так как царь не встанет на сторону убийц наследника; *Россия и Франция не готовы к войне и нет необходимости принимать особые меры*» (курсив наш — *Б. Ш.*).

Каутский в своей книге «Как возникла мировая война» пишет об этом: «Кайзер Вильгельм одновременно вызвал в Потсдам представителя генерального штаба. В качестве такового явился генерал фон-Бертраб... Согласно докладу графа Вальдерзее, кайзер сообщил генералу, «для передачи начальнику генерального штаба», что он, кайзер, обещал императору Францу-Иосифу *поддерживать его всем могуществом Германии*, если бы в результате задуманного Австро-Венгрией выступления против Сербии возникли осложнения».

Граф Вальдерзее добавляет:

«У меня, замещающего генерала фон-Мольтке по всем имеющим отношению к войне делам, не было, разумеется, никаких оснований что-нибудь предпринимать из-за аудиенции генерала фон-Бертраба в Потсдаме. Плановые мобилизационные работы были закончены 31 марта 1914 года. Армия, как всегда, была наготове».

Наконец, Тирпиц в своих воспоминаниях пишет: «Кайзер Вильгельм, движимый рыцарскими чувствами, обещал австрийскому императору верную поддержку против сербских убийц. Согласно заявлению, сделанному кайзером моему заместителю утром 6 июля, он считал *вмешательство России невероятным*, так как царь не станет поддерживать цареубийц, а Россия еще не готова к войне в финансовом и военном отношениях. Далее кайзер несколько опрометчиво предполагал, что Франция будет удерживать Россию, благодаря собственному неблагоприятному финансовому положению и недостатку тяжелой артиллерии. Об Англии кайзер не упоминал; о возможности осложнений с ней вообще не думали. Итак, сам кайзер считал серьезную опасность невероятной. Он надеялся, что Сербия уступит, но тем не менее полагал необходимым быть готовым также на случай иного исхода австро-сербской распри».

«Решение кайзера, — продолжает Тирпиц, — канцлер одобрил в предположении, что и без того поколебленное достоинство Австрии, как великой державы, падет окончательно, если она не получит удовлетворения со стороны жаждущего завоеваний сербского государства. Возможно, что на него оказали влияние также воспоминания о боснийском кризисе 1908 — 1909 гг.».

«Если бы он (Вильгельм — *В. Ш.*) остался в Берлине, а правительственная машина продолжала бы работать нормально, то, быть может, уже в середине июля он нашел бы пути избежать войны. Но так как начальник генерального штаба, военный министр, начальник морского штаба и я в течение ближайшего времени удерживались вдали от Берлина, то дело попало в монопольное ведение канцлера, который, будучи неосведомленным в общеевропейском положении, не мог определить ценность своих сотрудников в иностранном ведомстве».

Считаем, что мы с достаточной ясностью определили настроения Берлина, давшего согласие Вене на войну с Белградом и рассчитывавшего, в случае обострения положения, прибегнуть к старому, не раз испытанному средству, а именно — к «пробе сил» (*Kraftprobe*).

В Петербурге убийство Франца-Фердинанда, конечно, произвело сенсацию в правых кругах, а у националистов вызвало живейшую радость. Наследник габсбургского престола считался врагом славян, даровитым человеком, который мог бы поддержать умпращую Австрию, а между тем смерть ее ожидалась с нетерпением, и Бьюкенен свидетельствует, что уже 14 апреля 1913 года Николай Романов предрекал: «Распад австрийской империи — вопрос только времени, и недалек день, когда мы увидим отдельные венгерское и богемское королевства». Человек, который мог бы задержать этот распад, ныне устранен... а потому как не радоваться этому!

В Париже Пуанкаре выражал австрийскому послу «все негодование, которое это ужасное покушение вызвало во всей Франции», и его «глубокие соболезнования несчастью, которое поразило императорскую семью».

5 июля 1914 года Пуанкаре говорил австрийскому послу, что «политические убийства являются обыкновенно, как это было и в убийстве президента Карно во Франции, делом рук отдельных фанатиков». Австрийский посол, который, по мнению Пуанкаре, не помышлял об европейской войне, ответил: «Преступление Казерио не было вызвано франкофобской агитацией в Италии. Наоборот, в Сербии в течение многих лет пускаются в ход явно и тайно все способы, чтобы вызвать возбуждение против австро-венгерской империи».

Однако, 4 июля военный агент доносил Конраду из Парижа, что если официальные лица выражают соболезнование и ходят с кислыми минами, то вообще среди французских и русских политиков настроение можно охарактеризовать «всеобщим облегчением».

Такое же «облегчение» чувствовалось и в Риме, где не долубливали Франца-Фердинанда, видя в нем прямого врага итальянцев, появление которого на престоле могло быть чревато большими тревогами. Но так как Италия сейчас слаба, то, по мнению военного агента, она плохо скрывает свою радость и счастлива, что только не итальянец совершил это убийство.

Подобное же настроение было в *Бухаресте*, да и в иных столицах государств Европы, — Австрия мало где привлекала к себе сочувствие, как «держава» первого ранга.

Сараевское событие вызвало, конечно, полную сенсацию в Сербии и плохо скрываемую радость, но нужно было отмежеваться от совершивших деяние лиц, доказать свою непричастность, потому приходилось быть сдержанным и лояльным.

Описывая подготовку к убийству в Сараеве, мы поставили вопрос: было ли осведомлено сербское правительство о готовящемся покушении?

Разъяснения нам дает некий серб Иванович. Перед войной Иванович был товарищем министра юстиции в кабинете Пашича. По его словам, члены правительства Пашича были осведомлены о готовящемся покушении, и было решено помешать молодым людям перейти границу. Когда же это не удалось, то правительство предоставило события их естественному ходу. «В Видов день я был один в своей квартире, — пишет в своих воспоминаниях Иванович. Около 5 часов по телефону из паспортного бюро мне позвонил чиновник и сообщил о том, что среди дня произошло в Сараеве. Хотя я знал, что там готовится, однако, сообщение произвело на меня впечатление полученного удара... Можно было надеяться, что Вене не удастся установить непосредственную связь между официальной Сербией и событиями в Сараеве. Поэтому Пашич, а с ним и мы, его друзья, приняли все меры, чтобы, по возможности, укрепить все связи, которые позволили бы Сербии легко выйти из положения при удовлетворении требований по этому несчастному случаю. Известно, что правительство старалось сделать все возможное, чтобы показать друзьям и всему миру, как мы были далеки от убийства в Сараеве».

Так творилась история, и ныне нельзя уже отрицать, что требования Вены, до некоторой степени, были обоснованы, и довольно веско. Вместе с тем, однако, Пашичу и его компании удалось довольно хорошо разыграть роль невинных младенцев в глазах общественного мнения других стран. Правда, в умах политических деятелей, даже благожелательных Сербии

стран, закрадывалось сомнение в чистоте рук сербских правителей, но об этом не следовало говорить, раз обстоятельства вели к успеху над середиными государствами.

7 июля утром Конрад получил известие, что Гойос прибыл из Берлина с удовлетворительным ответом. Конрад поспешил к Берхтольду, который сообщил ему: «Германия безусловно на нашей стороне, даже если наше выступление против Сербии вызовет большую войну», — так отмечает в своих мемуарах начальник австрийского генерального штаба.

Ответ из Берлина пришел, но договоренности о плане действий и намеченных целях не было еще в самой Вене, и поэтому в тот же день состоялся совет министров, на который начальник штаба и представитель морского командования были приглашены лишь в качестве экспертов, причем Конрад ожидал вызова в своем кабинете. Повестка заседания говорила, что рассмотрению подлежат: 1) Боснийские дела и 2) дипломатическое выступление против Сербии.

Открывая заседание, Берхтольд объявил, что совет должен обсудить меры внутреннего порядка, кои необходимо принять в Боснии, в связи с убийством Франца-Фердинанда, но прежде всего нужно отдать себе отчет, не настал ли момент обезопасить себя со стороны Сербии. Решительный удар по Сербии мог бы быть приведен только с предварительной дипломатической подготовкой, почему он, Берхтольд, вошел об этом в связь с Берлином. Переговоры в Берлине привели к очень благоприятному результату. Как сам Вильгельм, так и Бетман-Гольвег обещали безусловную поддержку всеми силами в случае войны с Сербией. По совету Берлина, следует договориться с Италией и Румынией. Затем ясно, что война с Сербией может повести и к войне с Россией, ибо она все равно стремится объединить против Австрии все славянские государства. Логическим следствием из сказанного было бы — предупредить наших противников и войной с Сербией задержать развитие враждебной коалиции.

Министр-президент Венгрии Тисса решительно возразил, заявив, что он не согласен на неожиданное, без дипломатических переговоров, нападение на Сербию, так как это произвело бы дурное впечатление на всю Европу и объединило бы против Австро-Венгрии все балканские государства, кроме Болгарии.

По мнению Тиссы, следует сформулировать требования к Сербии и сначала послать ей ультиматум. Если Сербия примет его, то нужно довольствоваться дипломатическим успехом, который поднимет и наш престиж на Балканах. Если Сербия отклонит ультиматум, то тогда объявить ей войну, но заранее предупредить, что мы предпринимаем ее только с целью уменьшения, но не полного уничтожения Сербии, ибо: 1) провести последнее без борьбы с Россией на жизнь или на смерть не удастся, и 2) он, как министр-президент, никогда не согласится на то, чтобы часть Сербии была аннексирована монархией.

«Германии не касается, выступим мы против Сербии или нет» — решительно заявил Тисса, указывая вместе с тем, что к тройственному союзу следует привлечь Румынию, Болгарию и Турцию. Одновременно Тисса находил необходимым провести реформы в Боснии в предвидении не только войны, но и дипломатического успеха.

Остальные члены совета, в тех или иных выражениях, но согласно высказались за войну с Сербией, отвергнув решение удовлетвориться лишь дипломатическим успехом. Военный министр, по военным соображениям, настаивал на немедленной войне и желательности объявления мобилизации до дипломатического выступления в Белграде.

В дальнейшем совет обсудил цели войны с Сербией. Штургк предлагал заменить династию Карагеоргиевичей немецким принцем и поставить Сербию в военную зависимость от монархии. Тисса находил желательным вовлечь в войну с Сербией Болгарию, отвлечь Россию в Малой Азии. Берхтольд усомнился в проектах Тиссы, так как нет на это времени.

В результате обсуждения постановлено:

«1) Все собравшиеся желают возможно скорейшей развязки конфликта с Сербией военным или мирным путем.

2) Совет министров был бы готов присоединиться к мнению министра-президента Венгрии, согласно которому следовало мобилизоваться только после отклонения Сербией поставленных ей конкретных требований и предъявления ей ультиматума.

Все присутствующие, кроме министра-президента Венгрии, придерживаются того взгляда, что чисто дипломатического успеха было бы недостаточно, если бы он даже закончился дипломатическим унижением Сербии. Поэтому Сербии должны быть поставлены такие, далеко идущие, требования, отклонение которые заранее можно было бы предвидеть, после чего приступить к радикальному разрешению вопроса путем военного вмешательства».

Таким образом, документы ныне с очевидностью свидетельствуют, что венские дипломаты решили довести дело до войны с Сербией во что бы то ни стало.

Заседание было прервано до обеда, а затем вновь возобновилось, по уже с участием начальника генерального штаба и представителя морского командования.

По желанию Берхтольда, начальнику генерального штаба были предложены три вопроса:

1) возможно ли мобилизоваться сначала только против Сербии и только затем, если к этому побудит необходимость, и против России;

2) возможно ли для утрашения Румынии удержать в Трансильвании значительное число войск, и

3) где принять сражение с Россией.

Начальник генерального штаба на все предложенные вопросы дал ответ, который, как строго секретный, а равно и возникшие по нему большие прения о соотношении сил и вероятном течении европейской войны, не были занесены в протокол.

Конрад в своих мемуарах приводит исключенное из протокола, начиная со своего ответа на поставленные ему вопросы.

На первый вопрос о возможности мобилизации сначала против Сербии Конрад дал такой ответ: «Этот случай также разработан, однако, решение должно последовать быстро (до пятого дня мобилизации), и тогда не будет внесено существенных изменений в сосредоточение против России. Позднее это было бы трудно».

В ответе на второй вопрос Конрад указал, что при войне с Сербией для сербско-черногорского театра назначается определенное число дивизий, а поэтому можно бросить силы и на румынскую границу. В прениях Конрад пояснил, что можно было бы направить в Трансильванию XII и IV корпуса и это не нарушило бы плана сосредоточения против России, но он сомневается, не поведет ли это к недоразумениям с Румынией, чего следует избегать.

По третьему вопросу начальник штаба дал пояснение, что если бы возникла война с Россией, то тогда последнюю нужно считать главным противником, против которого и должны быть брошены все силы; против Сербии и Черногории остались бы только V и VI армии. На вопрос, где развернутся бои с русской армией, Конрад отвечал в общих фразах, что они произойдут частью в Галиции, вероятно частично в русской Польше; предусмотрены и совместные действия с Германией.

Начальник штаба сильно беспокоился о сохранении тайны, а поэтому просил не протоколировать говорившегося, и сам, насколько то было возможно, говорил общими местами.

На замечание возвратившегося из Берлина Гойоса, что там боятся, как бы Австрия не бросила все силы против Сербии и не оставила бы Германию одну перед русскими, Конрад ответил, что соответствующая договоренность между обоими штабами существует.

Затем Конрад, указав на то, что в 1908—1909 гг. не было принято его предложение о войне с Сербией, отметил, что ныне обстановка несомненно хуже, чем тогда.

На вопрос Тиссы, имеются ли шансы на успех в случае войны против России, Румынии, Сербии и Черногории, начальник штаба дал отрицательный ответ.

На предложение Тиссы определить, каково будет соотношение военных сил великих держав, вследствие непрерывного роста вооружений, в ближайшие годы, Конрад подчеркнул, что оно будет скорее к невыгоде тройственного союза и, пользуясь случаем, отметил, что противники усиленно готовятся к войне, в то время как Австро-Венгрия отстает в развитии своих вооруженных сил, среди которых разгорается и национальная рознь.

Затем Конрад вместе с представителем морского командования покинул совет министров.

В дальнейшем совет остановился на вопросе внутренних реформ для Боснии и Герцеговины, по которому открылись прения, не приведшие к каким-либо определенным выводам, причем военный министр снова подчеркнул, что никакие реформы не удастся провести, если не будет решен главный вопрос о войне с Сербией.

Совет закончился заявлением Берхтольда об его докладе 8 июля Францу-Иосифу, причем Тисса просил передать старому Габсбургу, что он представит свои соображения отдельно.

Действительно, 8 июля Тисса представил Францу-Иосифу доклад против решения совета министров «проводить войну с Сербией и наконец-то рассчитаться с этим кровавым врагом монархии».

Доклад не возымел действия, а потому мы просмотрим его лишь кратко.

Тисса убежден, что нападение на Сербию вызовет вмешательство России, а затем и «мировую войну», причем он далек от оптимизма Берлина, что Румыния останется нейтральной. Поэтому соотношение сил не в нашу пользу и лучше отложить войну, что даст возможность улучшить как соотношение сил, так и политическое положение в пользу монархии на Балканах, привлекая на свою сторону Болгарию и Румынию.

Если к этим соображениям добавить финансовое и экономическое состояние монархии, которое до чрезвычайности затруднит ведение войны, то Тисса не может взять на себя ответственности за наступательную войну.

Тисса далек от того, чтобы не поставит Сербии определенных условий, но они должны быть приемлемы для нее. Если Сербия откажется их выполнить, тогда следует обратиться к войне, причем вся ответственность ложится на Сербию. Такая постановка вопроса позволяет локализовать войну, причем необходимо заранее объявить, что Австро-Венгрия не стремится к уничтожению Сербии и, тем более, к ее аннексии. При удачной войне мы потребуем только исправления границы.

В конце своего доклада Тисса снова подчеркнул, что он не может нести ответственности за войну с агрессивными лозунгами.

Возвратясь с заседания совета министров, начальник генерального штаба поделился впечатлениями с начальником оперативного бюро, сообщив ему и свои думы: воевать с Сербией и даже с Россией, если Германия будет на нашей стороне, при нейтралитете Румынии мы можем, но при выступлении последней сил будет недостаточно. «Я бы охотно сказал, что это не соответствует действительности, если бы это не было правдой».

8 июля Конрада посетил австрийский посланник в Белграде Гизль, который, отмечая твердый курс министерства иностранных дел, находил момент для объявления войны «блестящим».

«Что он особенно «блестящий», нельзя сказать, — отвечал Конрад, — нужно не только поставить условия, но и заставить их выполнить».

Естественно, что вечером того же дня начальник генерального штаба отправился к Берхтольду, чтобы узнать, какое решение было принято Франдом-Иосифом после заседания совета министров.

У Берхтольда были собраны его помощники, когда в его кабинете показался Конрад.

Решение было таково, что Сербии предъявляется ультиматум, который она должна выполнить в срок от 24 до 48 часов, в противном случае объявляется мобилизация и война.

Министр иностранных дел заинтересовался мнением Конрада, что делать, если Сербия еще до мобилизации согласится на все требования.

«Будем наступать», — коротко ответил Конрад.

«Да, но если Сербия ничего не будет делать», — удивленно спросил министр.

«Оккупируем Сербию на такое время, пока не получим военные издержки», — продолжал начальник генерального штаба, причем пояснил, что занятие территории еще не составляет цели действий, а необходимо разбить сербскую армию, но если и это не удастся, вследствие отхода армии противника, то тогда следует потребовать ее демобилизации и разоружения.

По поводу позиции Румынии и возможного вмешательства России Конрад ставил требование — скорее выяснить, придется ли вести войну с Россией. Если Россия объявит общую мобилизацию, то тогда и для Австрии наступит момент объявить России войну.

На вопрос начальника штаба, когда же будет предъявлен ультиматум, министр дал ответ: «Через четырнадцать дней — 22 июля. Было бы хорошо, если бы вы и военный министр для видимости, что ничего не случится, некоторое время были в отпуску».

На следующий день Конрад запросил об этом начальника военной канцелярии Франца-Иосифа.

Между тем, Поттиорек бил тревогу и в письме к Конраду от 6 июля снова говорил о тяжелом внутреннем положении в Боснии.

10 июля Конрад отвечал Поттиореку пространным письмом по поводу расследования об убийстве и, между прочим, сообщил, что «наши руководящие круги» решили пока отложить «серьезные дипломатические и военные меры» или от них «совершенно отказаться». «Изменение этой выжидательной тактики не в моей власти, этот способ действий ставит не только меня, но и вас перед новой тяжелой проблемой», — жаловался Конрад на медлительность министерства иностранных дел. Сообщая о том, что выход он видит в скорейшем издании «приказа о мобилизации», начальник штаба в конце письма выражал надежду, что ближайшие дни начертят путь, на котором будут устранены все опасности, т. е., иными словами, принесут с собой приказ «о мобилизации».

11 июля в министерстве иностранных дел приступили к составлению ноты к Сербии, которая должна была обсуждаться на совете министров, на который Берхтольд пригласил и начальника генерального штаба.

Последний, тем временем, почти ежедневно обсуждал с начальником, оперативного бюро план войны с Сербией, а также и другие варианты особенно на случай выступления России.

Конрад был серьезен и задумчив. Обстановка 1914 года была тяжелой для монархии.

«В 1908 — 1909 гг. была бы игра с открытыми картами, — говорил своему другу Конрад, в 1912 — 1913 гг. еще игра с шансами на выигрыш, а теперь предстоит игра ва-банк».

11 июля Конрад получил разрешение на отпуск, а 12-го посетил Берхтольда.

Министр сообщил начальнику штаба, что он намерен вручить ноту после отъезда Пуанкаре из Петербурга, т. е. 23 июля, отклонение ее последует 25 июля и, таким образом, первый день мобилизации может быть назначен на 28 июля.

Конрад предполагал уехать 14 июля с тем, чтобы 22 июля вернуться. Конечно, если сербы начнут передвижение войск на север, тогда, по его мнению, ультиматум следует предъявить немедленно, так как для австрийцев важно не дать возможности противнику затруднить переход Дуная.

В тот же день начальник штаба письмом к военному министру потребовал закрытия сокольских организаций, признавая их революционными.

14 июля, перед отъездом в Тироль, Конрад направил следующее письмо к министру иностранных дел.

«Для меня, как начальника генерального штаба, — писал Конрад, — необходимо знать при формулировке решения: рассчитывать ли действительно на войну с Сербией или только считаться с возможностью этой войны».

«Как будут протекать те или иные дипломатические действия — это, само собой понятно, выходит из круга моего ведения, но как мы с вами уже устно договорились, при выборе дипломатического пути необходимо избегать всего того, что могло бы дать противнику время к военной подготовке, а нам — запоздать с таковой».

Если же решение о выступлении принято твердо, то тогда, в соответствии с военными интересами, оно должно вылиться в краткосрочный ультиматум, за которым, если последует отказ, тотчас же должен выйти приказ о мобилизации».

Твердой уверенности в непреклонном решении Вены вести войну, по-видимому, не было еще у начальника генерального штаба.

14 июля Конрад выехал в Тироль, приказав своему заместителю представлять ему ежедневные донесения.

Донесения Хёффера поступали непрерывно и содержали ориентировки в позиции Румынии и других стран, сообщали о разговоре с Черниным, прибывшим из Бухареста, о заботах Тиссы по обеспечению румынской границы; наконец, препровождалось письмо Поттиорека к Конраду. Из слов Чернина, посетившего Хёффера, можно было видеть, что румынский король старается, якобы, помешать войне, но румынское общественное мнение далеко не в пользу Австрии. Относительно выступления против Сербии Чернин высказывал свое мнение, что его желательно было бы сделать до приезда Пуанкаре в Петербург; поскольку ему известно содержание ноты, таковая неприемлема для Сербии.

Конрад ныне в своих мемуарах останавливается на этом внимание, как на доказательстве, что войну хотели не «военные», а что ее считали необходимой все круги Вены.

Вечером 18 июля Конрад выехал в Вену, куда и прибыл утром 19-го непосредственно на заседание совета министров.

Совет министров собрался для обсуждения «предстоящего дипломатического выступления против Сербии».

Берхтольд открыл заседание предложением вручить ноту сербскому правительству 23 июля в 17 часов, с тем чтобы 48-часовой срок истек 25 июля в 17 часов, и приказ о мобилизации мог быть отдан еще в ночь с субботы на воскресенье. По мнению министра, едва ли в Петербурге узнают о врученной ноте еще до отъезда Пуанкаре. Дипломатические причины заставляют не откладывать передачи ноты, так как уже и теперь *Берлин «нервничает»* и о намерениях Вены проникли сведения в Рим.

Совет присоединился к предложению Берхтольда о вручении ноты в 17 часов 23 июля.

Конрад заявил, что по военным мотивам очень ценно было бы скорейшее прохождение всей процедуры, ибо за последнее время из Сербии поступают сведения о намечающейся перегруппировке сербских войск из Новой Сербии в Старую.

Военный министр, в свою очередь, доложил совету о различных мероприятиях по мобилизации, кои им подготовлены. По его мнению, все

необходимое для утверждения Франком-Иосифом будет готово в среду 22 июля.

Затем, по предложению Тиссы, Конрад осветил вопрос о мобилизации и о количестве войск, оставляемых в Трансильвании. Ответы начальника штаба удовлетворили Тиссу.

В ответ на вопрос последнего о возможности занятия итальянцами Валлопы Берхтольд выразил сомнение в таком предприятии Рима.

Затем Тисса снова вернулся к целям войны и снова подчеркнул, что не следует преследовать каких-либо завоевательных планов, а нужно ограничиться лишь исправлением границы, обусловленным военными соображениями.

Берхтольд считал возможным присоединиться к мнению Тиссы только с известной осторожностью. Если война будет успешна, то он также против аннексии Сербии, но считает необходимым прирезкой сербских земель Болгарии, Греции, Албании, а может быть и Румынии, настолько уменьшить Сербию, «чтобы она не была более опасной». Ситуация на Балканах может измениться настолько, что он, как руководитель внешней политики монархии, должен считаться с возможностью, что *при окончании войны Австро-Венгрия уже не в состоянии будет избежать каких-либо аннексий*, если она будет стремиться исправить свои границы.

Тисса энергично возражал против такого решения не только по соображениям внутренней политики, но также и потому, что на уничтожение Сербии ни в коем случае не согласится Россия.

Совет министров, по предложению Тиссы, постановил: «Тотчас же, с началом войны, объявить иностранным государствам, что монархия не рассматривает настоящую войну, как завоевательную и ведущую к присоединению Сербии. Однако, естественно, не исключается возможность стратегически необходимого исправления границы, равно как территориального уменьшения Сербии в пользу других государств, а также и необходимой оккупации части сербской территории».

Отметив с радостью единодушные советы в обсуждении поставленного вопроса, Берхтольд закрыл заседание.

В мемуарах Конрад сознается, что под исправлением границы он разумел приобретение Маквы и окрестностей Белграда, чтобы всегда иметь в руках два моста.

Покидая заседание, начальник штаба поделился своими думами с военным министром, сказав: «Потом увидим. Перед Балканской войной державы также говорили о сохранении status quo, после же войны никто об этом более не заботился».

В тот же день Конрад покинул Вену, вернувшись снова в Тироль, а вечером 21 июля Конрад, под охраной своих адъютантов и родственников, в виду слухов о готовящемся на него покушении, снова выехал в Вену, куда и прибыл рано утром 22-го числа.

Время, намеченное для вручения ноты, наступало. Однако, Вена сочла нужным еще раз поверить время отбытия из Петербурга Пуанкаре и обратилась за этим в Берлин. Последний предупредительно пошел навстречу, и 22-го Ягов телеграфировал: «Я спрашивал у графа Пурталеса о программе визита Пуанкаре. Граф сообщает, что президент в четверг вечером в

11 часов уезжает из Кронштадта. Это по средневропейскому времени— в 9 часов 30 минут. Если шаги будут предприняты в Белграде завтра в 5 часов пополудни, то они, следовательно, станут известны в Петербурге еще во время пребывания Пуанкаре».

Чирский на следующий день, передавая благодарность Вены за информацию, сообщил: «Барону Гизлю поручено задержать на час с перерывом».

Мы не будем приводить всей дипломатической переписки, которая велась за это время. Венские дипломаты набрались храбрости и решились на войну с Сербией.

К войне звал и австрийский посол Гизль в Белграде своим письмом от 21 июля, в котором указывал, что под угрозой внешней опасности, в Сербии стихнет внутренняя борьба, что задержка в предъявлении ноты дает основание сербам рассматривать это как акт слабости Австро-Венгрии. Даже отпуск начальника штаба и военного министра в Белграде расценивают как доказательство бессилия Австрии.

В душе Берхтольда продолжала существовать еще надежда, что Сербия пойдет на уступки. Поэтому 23 же июля им было дано указание Гизлю, *даже в случае перерыва дипломатических отношений, который должен был последовать при неприятии Сербией ультиматума, не считать это объявлением войны.* Таковое последует или формально из Вены или же, если сербы нападут на территорию монархии.

24 июля текст ноты был получен Конрадом. Ознакомившись с ним, он признал ноту неприемлемой для Сербии, а, следовательно, войну неизбежной.

К вечеру 24-го стали поступать допеснения, что сербы уже частично мобилизуются, и в ночь на 25-е Конрад возбуждает перед министром иностранных дел вопрос: так как Сербия на ультиматум отвечает мобилизацией, то он считает необходимым тотчас же, т. е. 25 июля, а не 26-го отдать приказ о мобилизации. Конрад находит военного министра и с ним беседует об этом же. Военный министр сообщил, что в 9 часов 30 минут утра он вместе с Берхтольдом будет у Франца-Иосифа, где они и обсудят предложение Конрада. В 8 часов утра Конрад снова у военного министра, убеждая его в необходимости отдать приказ 25-го с тем, чтобы первым днем мобилизации считать 28 июля. Раз вопрос касается оперативных соображений, то я обязан делать предложения, а не другие, — мы не должны ни на один день отставать от Сербии», — категорически заявил начальник штаба.

В 7 часов 15 минут вечера 25 июля было получено с границы телеграфное сообщение, что в 6 часов 02 минут вечера Сербия вручила ответную ноту. Гизль покинул Белград, и в Сербии в 4 часа дня объявлена общая мобилизация.

С объявлением Сербией общей мобилизации Конрад считал, что Австро-Венгрия уже находится в войне с Сербией.

В 9 часов 23 минут вечера 25 июля был подписан Францом-Иосифом приказ о мобилизации по варианту «Б», т. е. против Сербии и Черногории.

В своих мемуарах Конрад довольно пространно рассказывает нам, как монархия была «прижата к стене»; что иного выхода для нее, кроме вой-

ны, не было; что политика поставила в тяжелое положение начальника штаба, предъявив ему требование о ведении войны только против Сербии, когда грозило вмешательство России, а за ней и европейская война; что не выявлено было, кто враг, кто друг, ибо даже другие державы тройственного союза, кроме Германии занимали двусмысленную позицию.

Начальник штаба считает, что дипломатия, думая провести лишь одну войну с Сербией, попала неожиданно в тяжелое положение. Одним словом, по мнению Конрада, *при начале войны дипломатическая подготовка была недостаточной.*

Мы обязаны напомнить читателю, что 7 июля в совете министров Конраду был предложен вопрос: можно ли воевать с Сербией при условии затем начать войну и против России, если бы она заняла угрожающее положение. На этот вопрос Конрад дает утвердительный ответ. Правда, что начальник штаба считал Австро-Венгрию к европейской войне не готовой, если Румыния станет на сторону противников, но в критический момент он, как эксперт, не заявил об этом, а пошел на поводу у дипломатии, ибо слишком сильно было у самого Конрада желание разделаться с Сербией.

Чтобы для читающего наш труд было ясно тяжелое положение начальника австро-венгерского генерального штаба, мы должны пояснить, что по варианту «Б», т. е. при войне с Сербией и Черногорией против них назначалось три армии (II, V и VI). Если бы в войну вступала Россия, то, по варианту «Р», против Сербии и Черногории оставались только V и VI армии, а II армия должна была развертываться на русском фронте. Таким образом, желательнее было бы сразу произвести развертывание по варианту «Р», нежели втягивать II армию в военные действия на сербском фронте. Начальником генерального штаба было предусмотрено: если до 5-го дня мобилизации произойдет выступление России, тогда безболезненно для плана перевозок можно было от варианта «Б» перейти к варианту «Р», т. е. вернуть эшелоны II армии с сербского фронта в Галицию. В противном случае дабы не нарушить плана перевозок, приходилось II армию сначала перевозить на юг, а затем начинать ее обратную переброску в Галицию.

Итак, Вена довела дело до мобилизации. Следующий шаг знаменовал войну, разрешение на которую 5 июля было дано из Берлина. Если вспомним, то 5 июля Вильгельм, в полном согласии с канцлером, не нашел нужным делать какие-либо военные приготовления, оставил в отпуску всех военных деятелей и сам отправился в увеселительную поездку к берегам Норвегии, предоставив министерству иностранных дел вести непосредственно австро-сербские дела.

Таким образом, по военной линии было затишье, ибо, по свидетельству Вальдерзее, «армия была наготове».

Мы слышали сожаления Тирпица, что в такое напряженное время Вильгельм отсутствовал из Берлина, ибо, в противном случае, он немедленно бы кончил дело миром, так как был бы в курсе совершившихся событий.

Адмирал не думал, что именно Вильгельм был в курсе всех происходивших переговоров и вел непрерывную переписку с канцлером и министерством иностранных дел.

Германский посол в Вене за «умеряющие» действия получил выговор от Вильгельма.

8 июля он же доносил в Берлин, что Берхтольд собирался так сформулировать требования к Сербии, «чтобы принятие их заранее было исключено», а 10 июля сообщал о желательности получить из Берлина указания по формулировке этих требований.

Одновременно посол писал, что в Вене решено действовать осторожно, в видах чего начальник штаба и военный министр выехали в отпуск.

Вильгельм оказался недоволен, что в Вене в течение 14 дней не могут прийти к решению, а для сербов находил необходимым выставить решительные требования. «Очистить Санджак! Тогда свалка немедленно налицо! Санджак Австрия должна во что бы то ни стало немедленно вернуть себе, чтобы помешать объединению Сербии с Черногорией и доступу сербов к морю», — писал лично на полях доклада посла Вильгельм.

Что же касается отъезда из Вены военного министра и начальника генерального штаба, то ремарки Вильгельма гласили: «Ребячество!! Примерно, как во время силезских войн. Я против военных советов и совещаний, памятуя, что более умеренная сторона всегда одерживает верх. — Фридрих Великий».

Этим началось давление Вильгельма на Вену в смысле ускорения развязки. Он недоволен, что нота не готова к 19 июля, а передачу ее решили отложить до отъезда Пуанкаре из Петербурга, т. е. до 25-го. «Какая досада!» — восклицает кайзер.

В Берлине боялись, как бы дело не кончилось «дипломатическим успехом», и пужно сказать, что Берхтольд с Конрадом также сильно опасались такого исхода.

Донесения венского посла пока ничего не говорили о целях войны, которые Австрия ставила себе. Дав согласие на войну с «сербскими убийцами», ни Вильгельм, ни канцлер не заинтересовались тем, какие же цели ставит себе монархия. Правда, в письме Франца-Иосифа говорилось об «изоляции» и «умалении» Сербии, но привезший письмо Гойос говорил уже о «разделе» этого государства.

Вильгельма, собственно говоря, этот вопрос мало интересовал, ибо он знал, что война принесет с собой и изменение границ, и во всяком случае Австрии необходимо было приобрести Санджак. 25 июля Вильгельм читая телеграмму из Белграда от 24 июля по поводу австрийской ноты, высказывал полное одобрение ее энергичному тону. «Браво! — восклицал он, — признаться, от венцев подобного уже не ожидали». В конце телеграммы Вильгельм приписал: «Каким дутым оказывается все это, так называемое, сербское великодержавие. Так обстоит дело со всеми славянскими государствами. Только сильнее наступать на мозоли этой сволочи!»

Читая телеграмму Чирского от 24 июля о проведенной в мирном тоне беседе Берхтольда с русским поверенным в делах, Вильгельм 26 июля замечает: «Совсем излишне. Произведет впечатление слабости и покажется извинением по отношению к России; такое поведение безусловно неправильно и надо его избегать. Австрия имеет свои веские основания; по этой причине она совершила такой шаг, и сейчас задним числом нельзя же поставить действия Австрии на quasi-дискуссию».

На заявление Берхтольда, что «Австрия не потребует сербской территории», что «Австрия не хочет вызвать никакой перегруппировки сил на Балканах», Вильгельм раздражается бранью. «Осел! — негодует кайзер. — Санджак она должна вернуть себе, иначе сербы получают доступ к Адрии». Перегруппировка «произойдет сама собой и произойдет неминуемо». «Австрия должна получить на Балканах перевес над остальными мелкими державами за счет России, иначе не будет покоя».

Конечно, столь энергичный казарменный тон с берегов Шпрее доходил только до канцлера и министерства иностранных дел, где превращался в более культурный язык для передачи в Вену. Мы знаем, как венские политики были чутки к Германии, и можно ручаться, что, услышав подлинные выражения союзника о себе, они немедленно бы отвергли «нибелунгову» верность и постарались сами выйти из кризиса.

Дав разрешение на войну с Сербией, германское министерство иностранных дел лишь 17-го, в лице Ягова, заинтересовалось узнать о целях Вены,

«Для дипломатической подготовки конфликта с Сербией, — писал он Чирскому, — важно было бы с самого начала его знать, каковы представления австро-венгерских дипломатов о будущей конфигурации Сербии: этот вопрос будет иметь существенное влияние как на поведение Италии, так и на общественное мнение, на поведение Англии». Будучи уверен, что Вена уже разработала этот вопрос, и указывая, что запросом несколько не хотят стесняться, Ягов добавил: «Нам было бы лишь важно в известной мере быть ориентированными в том, куда этот путь, пожалуй, может привести».

Выше были приведены суждения и постановления об этом венских политиков, которые и сами не знали «куда этот путь... может привести», но твердо усвоили себе, что без аннексий дело не кончится. Конрад же советовал Берхтольду ответить Берлину: «Мы сами не знаем, что будет после войны».

Если Вильгельм предлагал «сильнее наступать на мозоли этой сволочи», то берлинские дипломаты облекали это в несколько иную форму.

18 июля Ягов писал германскому послу в Лондоне: «Чем решительнее проявит себя Австрия, чем энергичнее мы ее поддержим, тем вероятнее, что Россия останется спокойной. Конечно, дело не обойдется без некоторой трескотни в Петербурге, но, по существу, Россия теперь небоеспособна. Франция и Англия в настоящее время также не пожелают войны. По всем компетентным соображениям, Россия через несколько лет станет боеспособной. Тогда задавит она нас числом своих солдат, и ее Балтийский флот и ее стратегические железные дороги будут уже построены. Наша группа держав тем временем становится все слабее. В России об этом прекрасно знают и потому на несколько лет стремятся к абсолютному покою... Но правительство России, еще сегодня миролюбивое и наполовину дружественное к немцам, становится все слабее, настроение же славянских кругов — все более германофобским... Я вовсе не хочу какой-либо превентивной войны. Но когда борьба напрашивается, нам нельзя отступать».

Последние фразы письма статс-секретаря по иностранным делам лучше всего характеризуют настроение берлинской политики: *войны не желают, но если Россия на нее рискнет, то отказываться от нее нельзя.*

Мы слышали, как Вильгельм назвал «ребячеством» отпуск Конрада и австрийского военного министра; однако разыгрывать роль «ребят» приходилось, по настоянию канцлера как ему самому, так и начальнику германского генерального штаба и военному министру, дабы не дать повода прессе шуметь, что Берлин прикладывает свою руку к выступлению Вены. Бетман решил заявить, что в шагах Австрии Германия не при чем.

Время близилось к передаче ноты в Белград, и в министерстве иностранных дел в Берлине начинается беспокойство, как бы Вильгельм раньше срока не вернулся из плавания и тем сорвал бы весь дипломатический маневр. Действительно, 19 июля Вильгельм отдает приказ о возвращении и сосредоточении флота. Бетман забил тревогу. «Только вмешательство других держав может вовлечь нас в конфликт, — писал он на яхту «Гогенцоллерн». — Вряд ли можно предполагать, что это случится немедленно, в частности, что Англия тотчас же решится на интервенцию: само же путешествие Пуанкаре должно отсрочить все решения... Английский флот должен, согласно сообщениям штаба адмиралтейства, 27-го разойтись по своим стоянкам. Преждевременное возвращение нашего флота могло бы вызвать всеобщее беспокойство, особенно в Англии оно показалось бы подозрительным».

Тем не менее, 25 июля Вильгельм отдает приказ флоту быть готовым к возвращению, на что Бетман шлет телеграмму с просьбой отменить приказ. Вильгельм приходит в ярость. «Возмутительное притязание!!!» — делает отметку его карандаш. — «Мне и в голову не пришло!!! Исключительно на основании донесения моего посланника о мобилизации в Белграде! Это может вызвать мобилизацию России, во всяком случае повлечет за собой мобилизацию Австрии. На этот случай мои сухопутные и морские вооруженные силы должны быть сконцентрированы. А в Балтийском море ни единого судна... Я привык обычно в моих военных распоряжениях руководствоваться не какой-то телеграммой Вольфа, а общим положением; последнего же гражданский канцлер («гражданский» кайзером подчеркнуто) еще не постиг. В.».

«В момент мобилизации России мой флот уже должен быть в Балтике,» — вот что озабочивало Вильгельма, и он решительно отклонил все представления канцлера о продолжении плавания, вернувшись 27-го в Берлин.

21 июля Чирский получил в Вене австрийскую ноту Сербии для пересылки ее в Берлин, что было им сделано, и утром 22 июля нота была уже в германском министерстве иностранных дел. Мы не будем останавливать внимание на стремлении германской дипломатии отрицать факт получения ноты 22 июля, а не 24-го; на том, что Ягов вечером того же 22-го признал ноту: «довольно резкой и перегибающей палку»; на том, что дипломаты Берлина всюду заявляли: «Мы не оказывали никакого влияния на содержание ноты и столь же мало, как и другие державы, имели возможность проявить к ней в какой-либо мере свое отношение до ее опубликования»; на том, наконец, что 27 июля Ягов заявлял французскому послу: «У меня не было еще времени прочесть сербский ответ». «Никогда так много не врут, как перед войной», — говаривал Бисмарк, и именно так охотно поступали дипломаты Вильгельма.

Для нас интереснее знать истинное настроение последних, о котором

25 июля австрийский посол Сэгэпи доложил: «Здесь все предполагают, что на возможный отрицательный ответ Сербии сейчас же последует с нашей стороны объявление войны, сопровождаемое военными операциями. Здесь видят в каждой проволочке открытия военных действий большую опасность вмешательства других держав. Нам советуют самым настоятельным образом немедленно выступить и поставить мир перед *fait accompli* (совершившимся фактом)».

Мы уже слышали из уст самого Ягова о позиции России, Франции и Англии в случае австро-сербской войны. Позволим еще сослаться на донесение бельгийского посла из Берлина от 28 июля, в котором он пишет: «В Вене так же, как и в Берлине, были убеждены в том, что Россия не в состоянии вести европейскую войну, и что она не посмеет впутаться в такую ужасную авантюру, несмотря на недавно происшедший обмен официальными заверениями между царем и Пуанкаре о полном вооружении армий двойственного союза. Тревожное положение внутри страны, революционные происки, недостаточное вооружение, несовершенные пути сообщения — все эти обстоятельства заставляют российское правительство беспомощно взирать на эзекуцию над Сербией. Такого же презрительного мнения держались, если не о французской армии, то, во всяком случае, о духе, царящем в правительственных кругах Франции... Мнение, что Россия не доросла до европейской войны, господствует не только в лоне кайзеровского правительства, но также и среди немецких промышленников, специально которых были военные поставки. Так, например, наиболее компетентный из них Крупи фон-Болен уверял одного из моих коллег, что русская артиллерия в плохом состоянии, недостаточно пополнена, между тем как германская никогда не была в более прекрасном состоянии. При этом он еще добавил: «Для России было бы безумием при этих условиях объявить Германии войну».

Были, конечно, предостерегающие голоса и среди германских дипломатов. Так, 16 июля посол в Лондоне Лихновский писал Бетману:

«С точки зрения Берхтольда совершенно понятно его стремление поправить свое сильно пошатнувшееся из-за Бухарестского мира положение и уменьшившее вследствие отпадения Румынии влияние монархии на Балканах путем использования настоящего, сравнительно благоприятного, случая для вооруженного столкновения с сербами. Как известно, руководящие военные круги Австрии уже давно настаивали на укреплении престижа монархии путем войны. В одном случае это была Италия, которую следовало отучить от ее ирредентизма, в другом случае — Сербия, которая военными подвигами, в духе принципа Евгения, должна была быть принуждена к покорности и лучшим правам. Я, конечно, разделяю эту точку зрения австрийских государственных деятелей и на их месте, пожалуй, уже раньше использовал бы сербские смуты для разрешения юго-славянского вопроса в духе Габсбургов.

Однако, первой предпосылкой подобной политики должна явиться ясная программа, покоящаяся на признании, что настоящее государственное и международно-правовое состояние внутри сербско-кroatской семьи народов на продолжительное время не прочно. Положение, при котором одной частью этой нации, разъединенной лишь из-за религии, а не из-за расы,

наделяют австрийское государство, другой частью — венгерское, третьей — двуединою монархию и, наконец, четвертой и пятой — независимое королевство, долго удержаться не может.

Стремление удержать при всех условиях священное *status quo* по соображениям удобства приводило уже неоднократно, как например, при последнем балканском кризисе, к полнейшему крушению построенного на этих основаниях политического карточного домика.

Прежде всего, я сомневаюсь в том, чтобы в Вене был задуман широкообъемлющий план, который представлял бы из себя единственную основу для прочного урегулирования юго-славянского вопроса. Я имею в виду тройственный союз со включением Сербии. Исходя из моего знакомства с местными отношениями, я даже не представляю себе, чтобы в состоянии были произвести подобную государственно-правовую реорганизацию монархии. Ведь, для этого прежде всего нужно было бы преодолеть сопротивление Венгрии.

Поэтому военное наказание Сербии никогда не имело бы целью или следствием удовлетворительное разрешение необычайно трудного юго-славянского вопроса. В лучшем случае, оно сопровождалось бы тем результатом, что с трудом улаженный восточный вопрос стал бы снова на очередь, чтобы доставить Австрии моральное удовлетворение.

Будут ли в этом случае Россия и Румыния держаться пассивно, оставляя Австрии свободу действий, ваше превосходительство в состоянии судить лучше, чем я. По моим здешним впечатлениям, а особенно, после моих конфиденциальных бесед с Греем, я полагаю, что высказанные мною недавно в Берлине взгляды о намерениях России по отношению к нам оказались правильными. Грей уверяет меня, что в России не думают о войне с нами... В России время от времени систематически появляется известное анти-германское настроение, как следствие славянского национального чувства.

Но этому настроению, однако, противостоит сильная германофильская партия. Ни император, ни кто-либо из влиятельных лиц не настроены анти-германски... Граф Бенкендорф, напротив, открыто признал, что в России существует сильное анти-австрийское настроение. Однако, там никто не думает о захвате австрийских территорий, как, например, Галиции.

Будет ли возможно при подобном настроении воздействовать на русское правительство, чтобы оно держало себя пассивным при австро-сербском военном столкновении, я не в состоянии судить. Однако, я с полной категоричностью могу заявить, что в случае войны не удастся оказать влияние на местное (лондонское — *Б. III.*) общественное мнение в пользу Сербии...

Однако, я далек от того, чтобы настаивать на отказе от нашего союза или от нашего союзника. Я считаю союз, вошедший в плоть и кровь обоих государств, необходимым, и рассматриваю его, уже из-за многих немцев, проживающих в Австрии, естественной формой их родства с нами.

Меня лишь интересует, следует ли нам поддерживать нашего союзника или же согласиться на политику, которую я считаю авантюристской, так как она не приведет ни к радикальному разрешению проблемы, ни к уни-

чтожению велико-сербского движения. Если императорская и королевская полиция и боснийские государственные власти вели наследника престола через «аллею бомбометчиков», то я не вижу в этом достаточного основания для того, чтобы мы из-за австрийской политики пандуров (банды — *Б. III.*) рисковали «пресловутым померанским гренадером»; такой политикой лишь усилилось бы австрийское высокомерие, ставящее себе в данном случае, как это показала эра Эренталя, главной задачей — освобождение по возможности из-под берлинской опеки.

Однако, если бы даже наше политическое поведение действительно определилось взглядом, что после нанесения «смертельного удара» велико-сербскому движению счастливая Австрия, освобожденная от этой заботы, будет нам благодарна за оказанную помощь, то я не удержался бы от следующего вопроса: разве национальное движение в Венгрии было раздавлено после усмирения венгерского восстания с помощью императора Николая после частого применения виселиц и покорения Венгрии при Виллагош (под верховным командованием императорского генерала Гайнау) и разве спасительный подвиг царя создал тесное и полное доверие взаимоотношений между обоими государствами?»

Доклад Лихновского датирован 16 июля, а 17-го, как мы знаем, Ягов запрашивал Вену о целях войны, т. е. о том плане, в существовании которого сомневался германский посол в Лондоне, и, наконец, 18-го Ягов отвечал ему: «Когда борьба напрашивается, нам нельзя отступить».

Мы остановимся еще на Италии, которую в Берлине надеялись видеть союзником. Прежде всего, ни Вена, ни Берлин не поставили в известность римское правительство о готовящемся выступлении против Сербии, ибо не особенно доверяли этому «союзнику». Однако Ягов 15 июля писал Чирскому в Вену: «и каким бы, в общем, австро-фобским ни было итальянское общественное мнение, оно всегда до настоящего времени являлось в той же степени сербофильским. У меня даже не возникало сомнений, что при австро-сербском конфликте оно определенно станет на сторону Сербии. Следовательно, по моему мнению, чрезвычайно важно, чтобы Вена либо столковалась с римским кабинетом относительно преследуемых ею целей в Сербии и удержала его на своей стороне, либо, так как сам по себе конфликт с Сербией не означает никакого *casus foederis*, воздействовала на римский кабинет в пользу сохранения пейтралитета. Согласно своим договорам с Австрией, Италия имеет право на компенсацию при всяком изменении *status quo* на Балканах в пользу Дунайской монархии... В Италии, наверное, будут считать единственной достаточной компенсацией лишь приобретение Трентино, о чем я вам строго конфиденциально сообщаю».

Однако, в конце письма Ягов предоставляет Чирскому, по его усмотрению, обсудить этот вопрос с Берхольдом.

20 июля Чирский дал ответ, что Берхтольд заявил ему: так как Австрия не ищет территориальных благ, то и Италия не может претендовать на компенсацию. Если Италия не хочет искренно идти с Австрией, то последняя в этом и не нуждается, и Берхтольд «твердо убежден в том, что Италия как в военном, так и во внутри-политическом отношении едва ли может думать об активном вмешательстве».

Германский посол из Рима доносил 24 июля, что «в продолжительном

и довольно бурном совещании с премьер-министром Салапдрой и С. Джулано», вызванном опубликованием австрийской ноты к Сербии, германскому послу не удалось убедить собеседников остаться на лоне союза. «По моему впечатлению, — писал посол, — единственная возможность удержать Италию состоит в том, чтобы во-время обещать ей компенсации». Это «впечатление» посла нашло отклик у Вильгельма: «Ведь и маленькому воронку всегда должно кое-что достаться». Однако, когда 26 июля посол сообщил, что Италия в выступлении Австрии против Сербии видит угрозу и для себя, так как Австрия «может завтра таким же образом выступить против Италии»; что «австрийским заверениям — не посягать ни на какую сербскую территорию — министр все еще не верит», что, не получив компенсаций, Италия выпущена будет преградить Австрии путь, — тогда и Вильгельм признал, что для удержания Италии необходимо Австрии пожертвовать Трентино в пользу своего союзника. Бетман в тот же день телеграфирует Чирскому: «Даже начальник генерального штаба считает крайне необходимым прочное сохранение тройственного союза с Италией. Поэтому необходимы соглашения Вены и Рима. Вене нельзя уклоняться от этого соглашения двусмысленными толкованиями договора, а следует, наоборот, принять свои решения в соответствии с серьезностью положения».

Таково было настроение в политических сферах Берлина 26 июля, когда центр тяжести событий перенесся в этот город.

Военная группа работами дипломатии в это время продолжала лечиться.

Однако, 25 июля военный министр Фалькенгайн уже прибыл в Берлин и отметил в своем дневнике, что каждый, как Австрия, признал бы сербский ответ не исчерпывающим. «Хотят крупного расчета», — думал прусский военный министр.

7 июля австрийский военный агент писал Конраду из Берлина, что Мольтке освобожден Вильгельмом от поездки к берегам Норвегии и в настоящее время с семьей проходит курс лечения в Карлсбаде, где пробудет до конца месяца, если не изменится обстановка. Пишет это военный агент на тот случай, если Конрад пожелает увидеться с начальником германского генерального штаба.

Конрад пишет в своих мемуарах, что он, не желая возбуждать каких-либо толков, отказался от свидания, тем более, что по плану войны было уже все договорено.

Повидимому, числа около 10 июля военный агент Германии доносил из Вены, что *Австро-Венгрия выступит только по окончании жатвы*, т. е. в начале августа, что нота будет отправлена в Белград только 25 июля, а до этого времени каких-либо военных мер принято не будет. На этом допущении Мольтке набросал: «Если выступление последует только 25 июля, много еще воды утечет в Дунае, прежде чем перейдут к дальнейшему».

Повидимому, начальник германского генерального штаба также не верил в твердость венских полководцев, как и Вильгельм. 17 июля в письме к своей жене Мольтке отмечает: «Что касается твоей поездки в Байрейт, то, судя по имеющимся у меня новейшим сведениям, ты можешь туда спокойно отправляться. До 25 ничего решающего не случится».

Уверенность в том, что Германия не ввяжется в войну, не покидает Мольтке 18 июля, когда он в письме к жене надеется, что ее поездка в

Байрейт не млепается, и он очень рад, что в августе онп снова заживут вместе, по возвращении се из Байрейта. 19 июля у. него закрадывается маленькое сомнение в августовском семейном счастье и хотя он еще верит в него, но замечает: «Как бы не случилось иное».

Однако, 21 июля, когда приближалось время предъявления ультиматума, начальник генерального штаба начинает уже тревожиться за будущее. «Итак, четверг (23 июля — *Б. III.*) должен принести решение. Я начинаю поемному скептически смотреть на эти вещи», — пишет Мольтке жене.

26 июля Мольтке вернулся в Берлин. Заставим его говорить самого. В письме к жене от 26 июля начальник штаба пишет: «Здесь, в генеральном штабе, меня ожидал Вальдерзес, с которым я долго беседовал. Прежде всего я хочу, — теперь 10 часов, — пойти в министерство иностранных дел, чтобы переговорить с Яговым. Положение еще довольно неясно. Дальнейший оборот событий зависит единственно от позиции России, и если она не предпримет враждебных действий против Австрии, то война локализуется». Описывая манифестации перед австрийским посольством и указывая, что настроение прессы хорошее, Мольтке продолжает: «Ты сделала бы хорошо, если бы вернулась во вторник (28 июля — *Б. III.*). До этого дня едва ли произойдет очень важное решение». Читателю уже известно, что этот день должен быть первым днем мобилизации австро-венгерской армии и днем объявления войны Австрии Сербии.

Может показаться странным наше обращение к *интимным* письмам начальника генерального штаба, но уже из вышележенного видно, что «государственные мужи», какие бы события ни надвигались, подчас прежде всего заботились о своих *личных* делах, посвящая своих жен в служебные тайны. Редкие натуры в этом составляли исключение.

Чем закончилась 26 июля беседа Мольтке с Яговым, мы не знаем, но история мировой войны в издаши государственного архива сообщает, что в этот же день Мольтке имел разговор и с канцлером, причем, несмотря на поступающие донесения о военных приготовлениях России, оба пришли к выводу: «До тех пор пока Россия не предпримет враждебных действий, наши старания должны быть направлены на локализацию конфликта», а поэтому вечером этого же дня начальник штаба говорил военному министру, что он считает «принятие каких-либо мер преждевременным».

Между тем, в Петербурге в это время уже были приняты меры, которые затем и ускорили развязку.

Мы не собираемся и не можем по размерам нашего труда описывать подробно события на берегах Невы, предшествовавшие мировой войне.

Наше поветствование будет кратко излагать эти дни.

Ранее отмечалось, что сараевское убийство, произведя сенсацию, постепенно, под влиянием молчания Вены, теряло свою остроту и жизнь поемному входила в свое обычное русло. Ожидался приезд Пуанкаре. Войска проходили свою летнюю учебу.

Бьюкенен свидетельствует: «Со времени убийства эрцгерцога принца Фердинанда прошло несколько недель без всяких проявлений со стороны Австрии, и появилась надежда, что она отказалась от каких-либо карательных действий. Я даже получил отпуск и взял уже билеты для поездки в Англию».

Итак, на дипломатической «Шипке» все казалось «спокойным», если только верить словам этого дипломата.

Представитель русского генерального штаба Данилов выше пишет так: «В первые дни, протекшие после предъявления Сербии австрийского ультиматума, я был в отсутствии из Петербурга. Предположение о возможности серьезного обострения конфликта, создавшегося сараевским событием, казалось у нас, в России, настолько маловероятным, что в половине июля я был командирован на Кавказ, на очередную полевую поездку офицеров генерального штаба, не взирая на то, что в моем ведении, по должности генерал-квартирмейстера генерального штаба, которую я занимал с 1909 года, находились все вопросы, касавшиеся обороны государства. Почти одновременно со мной непосредственно ведавший оперативным делопроизводством по западному фронту полковник Шолохов был уволен в отпуск и находился на одном из морских курортов Крыма. В Петербурге оставались наши заместители. Перед отъездом на Кавказ я обращался к начальнику генерального штаба с предложением отменить мою поездку в виду все же несколько сгустившейся политической обстановки, но генерал Янушкевич не нашел для такой отмены достаточных оснований».

Да и сам Сазонов, вместе со своим товарищем по министерству иностранных дел, был в отпуску. Сазонов должен был вернуться к приезду Пуанкаре.

Первые более или менее реальные данные о замыслах Австрии министерство иностранных дел в лице начальника канцелярии Шиллинга получило 16 июля. «Поденная запись» бывшего министерства иностранных дел говорит, что в этот день на вечере у графини Клейнмихель (по словам Сухомлинова, «легковерная публика в Петербурге верила, что графиня Клейнмихель была агентом императора Вильгельма II») «итальянский посол спросил Шиллинга, как отнесется Россия к выступлению Австрии, если бы последняя решилась предпринять что-нибудь против Сербии».

Шиллинг не колеблясь ответил, что Россия не потерпит посягательства со стороны Австрии на целостность и независимость Сербии. Такое решение России Шиллинг несколько раз подтвердил итальянскому послу, предложив ему через Рим предупредить Вену о могущих быть серьезных последствиях австрийских выступлений.

Присутствовавший на этом вечере военный министр Сухомлинов также подтверждает вышеприведенный разговор.

17 июля вернулся из отпуска австрийский посол в Петербурге Сапари и захотел «возможно скорее» увидеть Сазонова.

18 июля «желая возможно скорее поставить Сазонова в известность о том, что происходит, до свидания министра с английским послом», Шиллинг выехал на вокзал и дорогой рассказал Сазонову как свой разговор 16 июля, так и телеграмму русского посла из Вены.

«Министр был очень озабочен этими известиями и согласился с мнением барона Шиллинга о необходимости предупредить Австрию о решимости России ни в коем случае не допустить посягательства на независимость Сербии».

В этот же день Сазонов принял Сапари, причем последний заверил «в самых миролюбивых выражениях», что у Австрии нет намерений обо-

стричь отношения с Сербией, и Сазонову не пришлось прибегнуть к угрозам.

20 июля в Петербург прибыл Пуанкаре, целью поездки которого было укрепление европейского равновесия. В этом духе, по свидетельству самого Пуанкаре, проходило все его пребывание в Петербурге. «Сапари, — пишет Пуанкаре, вел себя с чрезвычайной осторожностью. Он заявил мне и Вивиани, но в весьма неопределенных формах, что его правительство решило предпринять в Белграде шаги, характер которых окончательно не определен, и он дал понять нам, что Австрия считает Сербию ответственной за сараевское покушение». Пуанкаре, конечно, начал указывать на необходимость умеренности австрийских требований, на что Сапари дал ему «банальные уверения относительно безобидного характера австрийской политики». Визит австрийского посла заронил «сомнения» в душу французского президента; «нужно было добиться того, чтобы Россия, которая всегда рассматривалась как покровительница Сербии, не осталась изолированной в этот критический момент от Англии и Франции».

«Мы должны были, — говорит Пуанкаре, — все же рекомендовать ей в то же самое время умеренность»; отсюда можно заключить, что Пуанкаре имел с Сазоновым разговор о возможности обострения сербо-австрийского конфликта и были приняты какие-то решения.

Президент принял и сербского посла Спалайковича. Бюкенен говорит: «В ожидании очереди приема сербский посол завел разговор со мной. Сильно волнуясь, он обратил мое внимание на угрожающую позицию Австрии и сказал, что Сербия накануне величайшего потрясения в ее истории. Пуанкаре, которому я повторил сказанное мне Спалайковичем, упомянул об этом при приеме австрийского посла, но не получил удовлетворительного ответа».

С беспокойной душой французские дипломаты покидали Крошштадтский рейд. Пуанкаре пишет, что впечатления от поездки «не были особенно оптимистическими»: «Мы спрашивали себя, что означает молчание Австрии, но мы были далеки от того, чтобы предчувствовать, что должно было случиться, и мы совершенно не думали торопиться с нашим возвращением».

Однако, повидимому, по поводу австро-сербского конфликта Пуанкаре была обещана поддержка Сазонову, ибо когда 21 июля только стало известно о предъявлении ультиматума Сербии, французский посол очень оптимистично расценивал положение. «Никогда положение наше не было лучше, — говорил посол, — потому что между нами дарит полное согласие, и это не просто суждение посла, а мы имеем четыре очень важных документа последнего времени, которые об этом свидетельствуют». Под этими документами разумелись речи дара и Пуанкаре, которыми они обменялись во время последнего свидания.

«Кто когда-нибудь займется выяснением закулисной истории возникновения войны, — пишет в своих «Воспоминаниях» Сухомлинов, — должен будет обратить особенное внимание на дни пребывания Пуанкаре в Петербурге, а также и последующее время, приблизительно от 24 по 28 июля. Я твердо уверен, что за это время состоялось решение войны или мира, причем великий князь Николай Николаевич, Пуанкаре и Сазонов сговорились во что бы то ни стало парализовать всякую попытку мирного исхода».

Заручку от Пуанкаре Сазонов безусловно получил.

23 июля из итальянского посольства было получено первое сведение о предъявлении Австрией ультиматума, но документа пока не было палицо и только Сапари просил Сазонова припять его завтра.

Рано утром 24-го из Белграда пришло подтверждение сообщений итальянцев.

«К 10 часам утра приехал, — говорит «Подешная запись», — из Царского Села С. Д. Сазонов, которому барон Шиллинг тотчас же сообщил все вышесказанное. Известия эти произвели на министра весьма тяжелое впечатление, и он сразу сказал: *c'est la guerre européenne*» (это — европейская война — *Б. Ш.*). Тотчас же по телефону был вызван в министерство австро-венгерский посол, в ожидании которого С. Д. Сазонов по телефону же из кабинета барона Шиллинга доложил лично государю императору о предъявлении Австрией Сербии ультиматума. Его величество воскликнул: «Это возмутительно!» и повелел держать его в курсе дальнейшего».

Австрийский посол прибыл с текстом ноты. Шиллинг, по поручению Сазонова, пригласил на совет министров военного и морского министров и министра финансов.

Сазонов тотчас же по телефону уведомил английского посла о случившемся и просил его прибыть на завтрак к французскому послу, куда был также приглашен и румынский посланник. Перед завтраком и после него русский министр иностранных дел вел переговоры, желая заручиться содействием обоих государств. Французский посол заверил в полной поддержке, вплоть до выполнения союзного договора. Что же касается Бьюкенена, то он, по его словам, «ограничился указанием, что британское правительство возможно объявит в Берлине и Вене, что так как нападение Австрии на Сербию вызовет выступление России, то Англия не сможет остаться в стороне от всеобщей войны». Это не удовлетворило Сазонова, — пишет Бьюкенен, — утверждавшего, что мы увеличиваем шансы войны, отказываясь объявить свою солидарность с Россией и Францией».

Бывший начальник мобилизационного управления генерального штаба Добророльский пишет:

«11 июля (24 июля — *Б. Ш.*) между 11 и 12 часами дня (т. е. в то время, когда происходил дипломатический завтрак — *Б. Ш.*) начальник генерального штаба, генерал Янушкевич, вызвал меня к служебному телефону и предложил немедленно прибыть к нему в кабинет.

«Положение весьма серьезное», — сказал он по моем входе к нему. — «Австрия предъявила сербскому правительству совершенно неприемлемый ультиматум, и мы не можем оставаться равнодушными. Решено открыто и твердо заявить о сем. Завтра в «Русском Ивалиде» будет напечатана краткое официальное предостережение о том, что Россия с напряженным вниманием следит за ходом переговоров между австро-венгерским и сербским правительствами и не останется спокойной, если достоинству и целостности единокровного сербского народа будет грозить опасность. Все ли у вас готово для объявления мобилизации нашей армии?».

После утвердительного ответа, начальник генерального штаба мне сказал: «Через час вы принесете мне все расчеты о боевой готовности войск, причем имеется в виду, в случае надобности, объявление частной моби-

лизации только против Австро-Венгрии. Поэтому при такой мобилизации ничто не должно дать повода Германии видеть какую-либо враждебность против нее».

Я тут же доложил о недопустимости частной мобилизации.

Генерал Янушкевич приказал мне вновь доложить ему подробно, как он назначил, — через час.

Во время этого доклада был приглашен также начальник военных сообщений, генерал Ронжин. Генерал-квартирмейстер Данилов был в командировке на Кавказе».

Ныне в своей статье «Мобилизация русской армии в 1914 году» Добролюцкий доказывает « всю несостоятельность частной мобилизации армии », а именно: 1) в политическом отношении она никого не запугивала, 2) « в стратегическом отношении она была просто неслепостью », ибо южная граница Варшавского округа оставалась не мобилизованной, 3) для железных дорог перевозки по частной мобилизации « не были разработаны » « на том основании, что не предвиделось возможности частной мобилизации против одной Австро-Венгрии », 4) еще опаснее было бы стратегическое сосредоточение мобилизованных войск на границе: был разработан лишь один план сосредоточения, и изменение его вело к запаздыванию в боевой готовности.

Генералу Янушкевичу было подробно доложено, — продолжает Добролюцкий, — о всех указанных невыгодах частной мобилизации. Одновременно была подана записка о некоторых необходимых мероприятиях в связи с возможностью мобилизации, а именно: 1) возвращение войск из лагерей; 2) о досрочном выпуске из военных училищ; 3) объявление крепостей и некоторых пограничных районов на военном положении; 4) введение во всей империи положения о предмобилизационном периоде».

Мы обращаем внимание, что весь разговор о частной мобилизации, о серьезности положения и твердой позиции России происходил еще до заседания совета министров.

По «Подешной записи» совет министров состоялся в 3 часа дня, по Добролюцкому — в 5 час. дня, в Красном Селе, причем на нем присутствовал Янушкевич. Сухомлинов в своих воспоминаниях не упоминает об этом совете и пишет: « Не совсем врасплох, но довольно неожиданно получил я предложение прибыть на заседание совета министров в Красное Село 25 июля в разгар лагерного сбора ». Таким образом, первое заседание совета прошло, очевидно, без участия военного министра.

« Совет министров одобрил, — гласит « Запись », — предложение министра иностранных дел: 1) вместе с другими державами просить Австрию продлить указанный ею срок для ответа Сербии, чтобы дать державам время ознакомиться, согласно предложению самой Австрии с данными судебного следствия по делу сараевского убийства, и 2) посоветовать Сербии не принимать боя с австро-венгерскими войсками, а, оттянув свои вооруженные силы, обратиться к державам с просьбой рассудить возникший спор. Вместе с тем, была принципиально решена мобилизация четырех военных округов (Одесского, Киевского, Московского и Казанского), а также обоих флотов (Черноморского и Балтийского) и принятие еще некоторых других военных мер, если того потребуют обстоятельства. При этом было обра-

шено внимание на то, чтобы всякие военные приготовления были бы ясно направлены исключительно на случай столкновения с Австро-Венгрией и не могли быть истолкованы как недружелюбные действия против Германии».

Если сравнить это приготовление с тем, что говорил Янушкевич между 11 и 12 часами дня Добророльскому, то станет ясным, что все эти меры или действительно были продиктованы Сазоновым еще в 11—12 часов утра Янушкевичу по телефону, или, наоборот, они были предложены Янушкевичем; вероятнее первое.

На 8 часов вечера было назначено Янушкевичем заседание комитета генерального штаба.

«Вернулся г. Янушкевич — пишет Добророльский, — из Красного Села и подтвердил о неперклонности принятого правительством решения ответить на австрийский ультиматум достойным России — покровительницы славян — образом. Все проектированные меры утверждены. На другой день уже назначено возвращение полков гвардии на свои зимние стоянки и производство юнкеров в офицеры».

«Заседание комитета генерального штаба было посвящено окончательной редакции проекта положения о полевом управлении войск».

«Война была уже предрешена, и весь поток телеграмм между правительствами России и Германии представлял только mise en scene исторической драмы».

После заседания совета министров Сазонов виделся с сербским послом, которому были преподаны «советы крайней умеренности в отношении ответа».

В 7 часов к министру прибыл германский посланник Пурталес, который пытался оправдать действия Австрии как самым фактом установления вины сербского правительства, так и необходимостью «ограждения монархического принципа». «Запись» сообщает, что «Сазонов говорил с графом Пурталесом весьма твердым языком и резко осуждал прием венского кабинета». «Видевшие графа Пурталеса, — фиксирует «Запись», — по выходе его от министра свидетельствуют, что он был весьма взволнован и не скрывал, что слова С. Д. Сазонова и особенно его твердая решимость дать австрийским требованиям отпор произвели на посла сильное впечатление».

В своей брошюре «Между миром и войной» Пурталес говорит, что он от австрийского посла к своему удивлению узнал, что Сазонов встретил сообщение об ультиматуме сравнительно спокойно.

«В противоположность австро-венгерскому послу, — продолжает Пурталес, — при котором министр иностранных дел выказал спокойствие, я застал г. Сазонова в состоянии величайшего волнения. Его обвинения против Австрии не знали меры». Сазонов не соглашался с точкой зрения Берлина, который видел в этом споре частное дело Австрии и Сербии. «Вопрос, по словам министра, европейский. Европа не должна дозволить, да и не дозволит, чтобы маленькая Сербия пала жертвой корыстолюбия Дунайской монархии». Сазонов указывал, что Германия не должна поддерживать Вену и т. д. «Я обратил внимание, однако, что в течение нашей беседы у Сазонова один только раз промелькнули на устах слово война, именно, когда он воскликнул, что в случае, если Австро-Венгрия «проглотит» Сербию,

Россия пойдет войной на Габсбургскую монархию. Эти слова навели меня на мысль о том, что Россия, пожалуй, намерена тогда лишь обратиться к оружию, когда выяснится, что Австро-Венгрия собирается сделать территориальные приобретения за счет Сербии».

Из разговора с Сазоновым Пурталес вынес впечатление, что «на только-что состоявшемся заседании совета министров было решено не отступать перед острым конфликтом».

После германского посла Сазонов вел беседу с французским послом. За день были даны телеграммы в Белград, с указанием не принимать боя с австрийскими войсками, и циркулярная телеграмма послам о том, что Австрия сообщила ноту лишь через полсуток по ее предъявлении сербскому правительству, что Петербург считает необходимым продлить срок ультиматума.

25 июля в Красном Селе состоялось заседание совета министров под председательством Николая II. «На этом совещании, — говорит «Поденная записка», — были одобрены и получили дальнейшее развитие постановления, выработанные накануне советом министров. Решено пока не объявлять мобилизации, но принять все подготовительные меры для скорейшего ее осуществления».

«Злополучная мысль о частной мобилизации не была еще оставлена, — пишет Добророльский, — она имела своих приверженцев, но не в среде военного ведомства. Генерал Янушкевич усвоил, конечно, всю опасность ее объявления, но не мог внушить того же при своих верноподданнейших докладах.

12, 13 и 14 июля (25, 26 и 27 июля — *Б. III.*) были днями томления для оптимистов. К ним сначала принадлежал и С. Д. Сазонов — министр иностранных дел. Только этим оптимизмом можно объяснить, что он продолжал стоять за частную мобилизацию и поддерживал веру в спасительность ее — в Петергофе.

Настроение там было вполне понятно. Сознание великой ответственности и предчувствия вызвали внутреннюю борьбу и понятные колебания. И вот, как прямой результат такого настроения, спасения ищут в частной мобилизации против Австрии. Но для министра иностранных дел должно было быть ясно, как и для военного, что такая военная мера могла послужить только лишним поводом нашим врагам стать еще дерзостнее: это решение ставило исходную операцию нашей армии в самые неблагоприятные условия».

Насколько «оптимистично» был настроен совет министров в Красном Селе 25-го, а в особенности Сазонов, показывает описание заседания этого совета, данное военным министром Сухомлиновым, которого, конечно, нельзя причислить к числу желающих вести войну во что бы то ни стало.

Выше было указано, что Сухомлинов скрывает и ныне свое присутствие на заседании 24 июля и пишет так: «Помню, что во время моей поездки на заседание я не испытывал никакого предчувствия относительно надвигавшейся катастрофы. Я знал личное миролюбие царя и не получил никакого извещения о предмете предстоящего заседания. Поэтому я придавал поездке в Красное Село настолько малое значение, что поехал один, не взяв с собою ни начальника генерального штаба, ни даже дежурного

адъютанта: предметом совещания могло быть чисто военное дело Петербургского военного округа или что-либо, касающееся лагерных сборов»...

Одним словом, никакой тревоги, и многие из присутствовавших «высших чинов военного ведомства... также ничего не знали о предмете предстоящего совещания; однако, высказывали, ссылаясь на присутствие Сазонова, предположения, указывающие на политическое положение».

«Без всякого вступления, — продолжает Сухомлинов, — государь представил министру иностранных дел слово, который нам в приблизительно получасовой речи обрисовал положение, создавшееся вследствие австро-сербского конфликта для России. То, о чем Сазонов докладывал, было крупное обвинение австро-венгерской дипломатии. Все присутствовавшие получили впечатление, что дело идет о планомерном вызове, против которого государства тройственного согласия (*Entente cordiale*), Франция и Англия, восстанут вместе с Россией, если последняя попытается не допустить насилия над славянским братом. Сазонов сильно подействовал на наши воинские чувства. Он нам объявил, что непомерным требованиям можно противопоставить после того, как все дипломатические средства для достижения соглашения оказались бесплодными, только военную демонстрацию; он заключил указанием на то, что наступил случай, когда русская дипломатия может посредством частичной мобилизации против Австрии поставить ее дипломатию на место. Технически это обозначало распоряжение о подготовительном к войне периоде. О вероятности или даже возможности войны не было речи».

Сухомлинов пространно говорит о спокойствии Николая, не забывая добавлять, что царь накануне был уже настроен соответствующим образом своим дядей Николаем Николаевичем. «В заключительном слове государя, — говорит Сухомлинов, — была та же надежда, но он находил, что теперь уже требуется более или менее серьезная угроза. Австрия дошла до того, что не отвечает даже на дипломатические наши миролюбивые предложения. Поэтому царь признал целесообразным применить подготовленную именно на этот случай частичную мобилизацию, которая для Германии будет служить доказательством отсутствия с нашей стороны неприязненных действий по отношению к ней».

«На этом основании и решено было предварительно объявить начало подготовительного к войне периода с 13/26 июля. Если же и после того не наступит улучшения в дальнейших дипломатических переговорах, то объявить частичную мобилизацию».

«Моя роль при этом постановлении, — пишет в своих воспоминаниях бывший военный министр, — была... весьма скромная. Как военный министр, против такого решения, бывшего ходом на шахматной доске большой политики, я не имел права протестовать, хотя бы он и угрожал войной, ибо политика меня не касалась... Я был солдат и должен был повиноваться, раз армия призывается для обороны отечества, а не вдаваться в рассуждения. Имели бы право обвинить меня в трусости, если бы я после того, как в роли военного министра в мирное время пользовался всеми преимуществами моего высокого положения, предостерегал от войны и притом в то время, когда вся вероятность и мое личное убеждение

были за то, чтобы русская дипломатия не отступала перед притязаниями австро-венгерской, как это имело место еще в 1909 году».

Ссылаясь на то, что доклад Сазонова произвел воинственное впечатление, Сухомлинов указывает: «Другого выхода, как объявление войны, не было, и каждое мое слово против войны было бы бесполезно... решение подлежало министру иностранных дел, а он требовал частичной мобилизации. В соответствии с этим намечены были отправные точки, несмотря на то, что я был противником частичной мобилизации и такого своего мнения не скрывал. Моим делом было приготовить армии для шахматной игры Сазонова, следовательно, и в этом отдельном вопросе мне приходилось повиноваться».

«Было бы другое дело, повторяю, если бы я в 1914 году оказался в положении Редигера в 1909 году. В 1914 году армия была настолько подготовлена, что, казалось, Россия имеет право спокойно принять вызов. Никогда Россия не была так хорошо подготовлена к войне, как в 1914 году».

Мы намеренно заставили говорить бывшего военного министра, чтобы показать его позицию на заседании 25 июля. Как видно: 1) дело клонилось к войне с Австрией, ибо «другого выхода, как объявление войны, не было», а принятые решения об объявлении предмобилизационного периода и частичной мобилизации, если Австрия не пойдет на уступки, являлись лишь первыми шагами по кровавому пути; 2) военный министр, отнекиваясь от участия в политике, молчаливо согласился на частичную мобилизацию, поступившись своим убеждением о пределе таковой, и даже говорит нам, что такой случай был предусмотрен, хотя Добrorольский нам заявляет обратное; 3) из-за личных побуждений военный министр не взял слова против войны, ибо он сам был уверен, что с *Австрией Россия справится, а армия и даже Россия были готовы к войне*. Что это так, — достаточно вспомнить заседание в конце 1913 года, когда тот же Сухомлинов вместе с начальником генерального штаба ручались за успех один на один с Австрией.

Министр иностранных дел далек был от «оптимизма» и на совете агитировал за войну, указывая, что Франция и Англия поддержат Россию, хотя в отношении последней у него не было веских данных. Позиция Германии для него должна была быть ясна из разговора накануне с Пурталесом, по нам думается, что Сазонов, по опыту прежних лет, решил, что Берлин будет лишь делать «пробу сил», а затем сдаст, как в вопросе миссии Лимана фон-Сандерса. Русский министр иностранных дел уже не боялся германских угроз и решил сам прибегнуть к ним в отношении Австрии.

По окончании заседания совета министров Сазонов имел беседу с Бьюкененом, который снова говорил лишь о посреднической роли Англии и опасался, что торопливость России с мобилизацией может лишь повредить делу, так как Германия, не удовлетворившись своей мобилизацией, объявит России войну. Сазонов заверил английского посла, что «Россия не предпримет никаких военных действий, если ее к этому не принудят», но о мобилизации умолчал. В своей же телеграмме в Лондон министр высказывал пожелание об «умеряющем влиянии на Австрию». «В случае дальнейшего обострения положения, мы рассчитываем, — писал Сазонов, — что Англия станет на защиту европейского равновесия»; в то же время Сазонов особой телеграммой предлагал Сербии обратиться с просьбой о посредничестве к Англии.

Телеграммы из Лондона и Парижа говорили, что австрийские послы в этих городах не расценивают австрийскую ноту как ультиматум и что «даже в случае неудовлетворительного ответа со стороны Сербии военные действия могут еще не начаться сразу». «Поденная запись» гласит: «Под влиянием таких сведений, днем среди иностранных дипломатов в Петербурге, особенно же у французского посла и румынского посланника, заметны более оптимистическое отношение к событиям и надежда на благополучный исход кризиса». «Запись» к этим оптимистам не присоединяет Саконова, что и соответствует вполне действительности.

Такой же «оптимизм» был и у Пурталеса, который 25 июля не видел Саконова, но по наблюдениям за настроением Петербурга устанавливал, что, «во всяком случае, в этот момент не общественное мнение толкало русское правительство ко враждебному выступлению против Австро-Венгрии». «Скорее тут работала небольшая группа лиц, старавшаяся с самого начала обострить конфликт».

Говоря о том, что обстановка лагеря не содействовала принятию мирных решений Николаем, Пурталес отмечает: «Повидимому, впрочем, ни председатель совета министров Горемыкин, ни Саконов не использовали своего влияния с должной энергией, чтобы доставить 25 июля торжество политике, направленной к сохранению мира».

«Несмотря на это, я не думаю, чтобы Саконов хотел войны уже в этот момент. Однако, он предавался роковой иллюзии, будто Германия, убедившись в решимости России на сей раз идти на последнюю крайность, оставит своих союзников в беде, и, таким образом, Россия и державы тройственного соглашения одержат дипломатический успех, который в то же самое время явился бы и компенсацией за дипломатическое поражение, понесенное ею в боснийском вопросе в 1909 году. При этом, по своей большой неопытности, чтобы не сказать наивности, в вопросах военного дела, он не отдавал себе отчета в великой опасности, которая заключалась в том, что, очевидно, уже 25 июля военным властям были даны очень широкие полномочия к началу военно-подготовительных мероприятий».

Германские военные представители, вернувшиеся из лагеря под Красным Селом, говорили о возвращении войск в свои гарнизоны и передавали, что «офицеры главного штаба нисколько не скрывали весьма серьезных опасений, какие им внушало положение вещей».

Так, 25 июля, с объявлением предмобилизационного периода к войне, Россия фактически вступила на путь таковой. Можно, конечно, говорить, что это не означает даже мобилизации, а тем более войны, но ведь «никогда так много не врут, как перед войной», и, как увидим ниже, подобными доводами никого убедить было нельзя.

Наступило 26 июля, когда русская армия переходила с мирного положения в предмобилизационный период. Мы знаем, что это мероприятие еще не вызвало тревог ни в Вене, ни в Берлине, и начальник генерального штаба германской армии находил, что никаких мероприятий принимать не нужно.

«Поденная запись» бывшего министерства иностранных дел не дает нам описания событий дня 26 июля, вынуждая нас обратиться к свидетельству очевидцев, близко причастных к делу, а поэтому довольно пристрастных

в своих воспоминаниях. Ныне не подлежит никакому сомнению, что бывшей в России французский посол Палеолог написал «апокрифы» о своей деятельности. Таким же характером, в той или иной мере, отличаются воспоминания и других лиц.

По свидетельству Пурталеса, утром 26 июля он имел беседу с Сазоновым, начавшуюся еще в поезде из Царского Села в Петербург и продолжавшуюся на вокзале. Германский посол, «к своему удивлению, нашел министра гораздо более миролюбивым, чем за два дня перед тем». «Сазонов рассылался передо мною в уверениях относительно своего мирного образа мыслей и указал, что готов обсудить всякое предложение, которое может повести к миру».

Пурталес посоветовал Сазонову договориться с австрийским послом, что министр и обещал сделать.

Действительно, Сазонов в самых мирных тонах обсуждал с Сапарн австрийскую ноту и «обнаружил гораздо менее непримиримое настроение, чем можно было ждать от него».

За такую «сдержанность» Сазонов получил одобрение от Палеолога, а затем и Бьюкенена. Французский посол советовал министру не задевать Германию, к этому же присоединился и Бьюкенен, добавив, что английское правительство «употребит все усилия, чтобы предотвратить войну, но для успеха его стараний необходимо, чтобы Россия прибегла к мобилизации лишь как к самому крайнему средству».

Необходимо было дать событиям такое течение, чтобы нападающей стороной была Германия, а для этого следовало затягивать переговоры. Сазонов и обещает это Палеологу («До последнего момента я буду вести переговоры») и вполне соглашается с доводами французского посла, говоря: «Это и мое мнение, но наш главный штаб торопится, и мне очень трудно его сдерживать».

Действительно, Сазонов посылает телеграммы: 1) в Вену — о желательности войти в «частный обмен мыслей для переработки некоторых статей ноты»; 2) в Рим — с указанием «что Италия могла бы сыграть первенствующую роль, оказав воздействие на Австрию»; 3) в Бухарест — с расчетом на «солидарность Румынии с Сербией» и с целью выяснения позиции Румынии в случае конфликта; 4) в Берлин — с просьбой, чтобы германское правительство посоветовало Вене принять русское предложение.

На ряду с этими телеграммами дается телеграфное указание всем представителям: «сообщить по телеграфу все имеющиеся сведения о пополнении и передвижениях сухопутных войск, вооружениях и передвижениях морских сил и вообще военных мерах в пограничных с Россией странах».

Вечером германский посол имел вторичную беседу с Сазоновым. Министр иностранных дел «начал с выражения мне, — пишет Пурталес, — благодарности за мой совет ему открыто объясниться с Сапарн». Пурталес вынес впечатление, что министр успокоен заявлением австрийского посла, что Австрия не преследует завоевательных целей. Сазонов находил желательным посредничество других держав, например, Англии и Италии. «Настроение министра иностранных дел было настолько примирительно, что мне пришла в голову мысль, не получил ли он из Парижа и Лондона известий, которые

не располагали его держаться агрессивного тона, усвоенного им за два дня перед тем».

Пурталес «самым серьезным образом поставил министру иностранных дел на вид, что в настоящее время представляется особенно важным не нарушать хода дипломатической работы принятием военных мер», указав на полученные сведения о начавшихся военных мерах со стороны России.

«В ответ на это, — продолжает посол, — Сазонов заверил меня в своей возможности гарантировать мне, что не издано еще никакого приказа о мобилизации... Однако, министр иностранных дел допустил, что некоторые военные приготовления имели место... с единственной целью не дать событиям захватить себя врасплох и далеко еще не означают се России — *Б. Ш.*) стремления к войне».

«Я возразил, — говорит Пурталес, что опасность состоит в том, что стоит лишь положить начало таким мероприятиям, и власть над положением перейдет от дипломатов к генеральным штабам. Ради бога, — сказал я, — не давайте слова генеральным штабам! Эту фразу я ежедневно повторял министру в течение всей последующей недели». Далее разговор коснулся мобилизации. «Но, ведь, и у вас мобилизация тоже еще не равносильна войне», — заметил Сазонов. «На это я ответил, — продолжает Пурталес, — что, теоретически говоря, может быть и не равносильна, но в такой высоко-культурной стране, как Германия, мобилизация является мерой, столь глубоко проникающей все людские отношения, что она объявляется лишь в последний момент, когда война кажется уже неизбежной».

«Мои рассуждения, повидимому, произвели на министра иностранных дел некоторое впечатление, так как в 10 часов вечера того же дня военный министр, по просьбе Сазонова, пригласил к себе военного атташе Фоп-Эггеллига, чтобы, как выразился сам министр, «ознакомить его с военным положением». При этом генерал Сухомлинов ручался честным словом, что еще не последовало никакого приказа о мобилизации, не реквизирована ни одна лошадь и не призван под знамена ни один запасной».

Пурталес отмечает, что в этот день настроение в Петербурге было спокойное, «в высших офицерских кругах из приближенных к царю настроение было решительно в пользу мира», и этими кругами был сделан намек на желательность присылки телеграммы Вильгельма к Николаю, о чем посол и телеграфировал в Берлин.

Итак, *дипломатия была настроена мирно*. Беда заключалась в том, что Сазонова торопил «главный штаб» и министру было трудно его сдерживать, хотя германский посол настойчиво советовал не давать говорить генеральным штабам.

«Я принадлежу к числу тех лиц, которым приписывают деятельное участие в возникновении всемирной войны. Недовольному общественному мнению Европы я казался особенно подходящим громоотводом», — пишет в своих воспоминаниях бывший русский военный министр Сухомлинов и выясняет свою роль «подстрекателя», — «не для самообеления, а исключительно, чтобы дать историческому исследователю возможно правдивый материал при изучении исторических фактов».

Нужно сказать, что любой из авторов, участников мировой войны, всегда об этом заявляет, но это не значит, что он не ошибается и, сознательно или нет, идет иногда по ложной дороге.

Оказывается, что за эти дни Сухомлинов был далек от нараставших событий. В своих воспоминаниях он пишет:

«После этого заседания 25, 26 и 27 июля даря я больше не видел. То, что происходило в эти дни в министерстве иностранных дел, до меня не доходило. От Сазонова я не получал никаких сведений. Вследствие распространившихся в городе слухов о нашей мобилизации граф Пурталес прислал ко мне германского военного агента майора фон-Эггелинг. Я его ознакомил подробно с настоящим положением вещей, уверив его, что повеления об общей мобилизации не было и что на германской границе никаких приготовлений для выступления в поход сделано не было».

Читающий наш труд сам заметит, насколько Сухомлинов не точен в своих воспоминаниях. Мы слышали от Пурталеса, что Сухомлинов по просьбе Сазонова принял Эггелинга, а выходит, что с Сазоновым военный министр и не разговаривал, германский же атташе, непрошенный, вломился в кабинет к Сухомлинову.

26 июля в Петербург вернулся из командировки генерал-квартирмейстер генерального штаба генерал Данилов.

«Ознакомившись с обстановкой и оценив ее как крайне тревожную, я немедленно послал телеграмму моей семье, — пишет ныне Данилов, — находившейся в деревне в Подольской губернии, вблизи австрийской границы, прося ее спешно вернуться в Петербург».

Таковы были первые шаги русского генерал-квартирмейстера, — что называется, своя рубаха ближе к телу.

«В главном управлении генерального штаба я застал все еще неуверенность в колебании по вопросу о том, возможно ли рискнуть нарушением расчетов общей мобилизации. Начальник генерального штаба, генерал Янушкевич, лишь несколько месяцев тому назад вступивший в должность и, повидимому, не успевший войти в детали мобилизационного дела и плана сосредоточения, не находил достаточных оснований к тому, чтобы возбуждать вопрос о пересмотре постановления о частной мобилизации. Его ближайшие сотрудники, напротив, возражали против этого и указывали на огромные технические затруднения и опасности, могущие явиться в результате намеченного решения вопроса. Я представил и свои доводы против проекта частной мобилизации, не ограничив эти доводы мобилизационными соображениями, но распространив их и на оперативную сторону вопроса. Тревожное чувство, не покидавшее меня в эти мучительные дни, дало мне основание настойчиво просить генерала Янушкевича вновь поставить вопрос о нашей будущей мобилизации, в полном его объеме, на совместное обсуждение с его ближайшими сотрудниками.

Совещание это состоялось; в нем, кроме меня, приняли участие еще начальник мобилизационного отдела генерал Добrorольский и начальник военных сообщений генерал Ронжин. В результате обсуждения генерал Янушкевич, видимо проникшись нашими доводами, выразил согласие на изготовление двух проектов высочайшего указа, из коих один для общей, а другой — для частной мобилизации четырех округов. Проекты эти были

одновременно представлены на высочайшее имя при особом докладе и пам оставалось ждать окончательного решения государя».

Мы уже слышали отчасти доводы Сухомлинова об опасности объявления *частной* мобилизации. В другом месте он снова подтверждает, что «подобная частичная мобилизация для военного ведомства была нежелательна, по некоторым техническим условиям она могла вызвать затруднения и путаницу, если бы понадобилось после того объявить общую мобилизацию».

Данилов повторяет те же доводы за общую мобилизацию, которые приводил и Добророльский. Они сводятся к тому, что: 1) мобилизационные соображения предусматривали, на случай военных осложнений на западных границах, лишь одну общую для всей русской армии мобилизацию; 2) технической трудностью мобилизации в России являлась низкая степень развития сети путей сообщения, а потому приходилось считаться с тем, что, вырывая, при наличии существовавших у нас условий, из общего плана, предусматривавшего общую мобилизацию и одновременно с нею сосредоточение вооруженных сил к границам, лишь часть этого плана, Россия рисковала внести коренное расстройство в остающуюся часть такового плана и особенно — в работу железных дорог; 3) при частичной мобилизации оперативный план против Австрии в отношении численности выставляемых сил не выполнялся, ибо не мобилизовался Варшавский военный округ, а в будущем его мобилизация находилась под угрозой.

«Попытка приспособить мобилизационные расчеты к возможности производства *частной* мобилизации, — продолжает Данилов, — у нас имелась в виду. Предполагалось осуществить ее при последующем мобилизационном плане, который ко времени возникновения политических осложнений находился лишь в периоде разработки. Но эта попытка касалась лишь случаев осложнений на наших второстепенных границах, преимущественно азиатских, когда могла потребоваться мобилизация лишь небольшого количества войск и притом без особого напряжения в сроках их готовности. При возникновении тех же осложнений на западном фронте, хотя бы в начале с одной только Германией и Австрией, представлявшими каждая в отдельности серьезного противника, обстановка не позволяла ограничиться *частной* мобилизацией, не говоря уже о том, что производство таковой было сопряжено с техническими препятствиями и риском скомпрометировать наше военное положение в случае дельнейших осложнений».

Так назревал вопрос об *общей* мобилизации в русских военных кругах, хотя бывший военный министр ныне и пишет, что к затруднениям в ведении войны с экономической стороны «присоединилось и поведение государя»: царь видел в военном министре лишь техника, который должен был изготовить оружие для войны, выбор времени применения и употребления которого оставалось за царем. «Тогда же, между 24 и 30 июля, единственно за высшей политикой оставалось решающее слово. Это было совершенно ясно из того решения, которое было принято на совещании 25 июля. Сазонову-дипломату, а не военному министру дано было полномочие выбора вида мобилизации (частичной или общей) в зависимости от обстоятельств, хотя и с доклада государю». Этим Сухомлинов объясняет свою «казавшуюся незаинтересованность в том, что происходило». «Как негра-

ющий никакой решающей роли, — пишет Сухомлинов, — я был поэтому аннулирован».

24 июля французский посол в Петербурге обещал Сазонову всяческую поддержку требований России, вплоть до полного выполнения союзнических обязательств. Таким образом, расчеты Вены, связанные с передачей ультиматума Сербии после отъезда Пуанкаре, оказались беспочвенными. Правда, дипломатическая связь России с Францией была до известной степени нарушена: Пуанкаре плавал в Балтике, а Извольский был в Петербурге. Поэтому первым шагом Сазонова еще утром 24 июля было приказание Извольскому, а также и послу в Вене «немедленно вернуться к местам служения». Присутствие Извольского и Париже было строго необходимо.

Пуанкаре свидетельствует: «В той неизвестности, в которой мы находились в момент нашего отъезда из России, Вивiani мог сделать одно: утром (23 июля, еще до получения известия о вручении ноты в Белграде — *Б. III.*) он телеграфировал в Париж, что он достиг соглашения с Сазоновым постараться предупредить выступление со стороны Австрии против сербской независимости; он просил, чтобы Дюмен (посол в Вене — *Б. III.*) обратился с дружеским призывом к умеренности Берхтольда, и прибавлял, что английский посол в Петербурге надеется, что его правительство присоединится к этому шагу».

«Но было уже поздно», — заявляет Пуанкаре и продолжает: — «Утром 24 июля мы не успели еще выйти из Финского залива, как получили по беспроволочному телеграфу резюме австрийской ноты, посланное французским послом в России».

Вивiani тотчас же телеграфировал в Лондон и Петербург, что он считает необходимым: 1) Сербии согласиться на требования, не грозящие ее достоинству и независимости, и просить продления 24-часового срока; 2) Англии, России и Франции поддержать просьбу Сербии, и 3) расследование произвести комиссией от тройственного согласия.

В тот же день Пуанкаре получил сведения из Парижа о посещении министерства иностранных дел германским послом Шеном, который находил нужным разрешение спора предоставить Австрии и Сербии и прибавил, что вмешательство других держав могло бы вызвать «непоправимые» последствия». Лондон сообщил, что Грей согласен просить Германию повлиять на Вену, а посол из Берлина доносил, что Ягов отрицает предварительное знакомство с нотой, но одобряет ее.

23 июля в Париже в дипломатических кругах после передачи австрийской ноты сложилось впечатление, что «Австрия не считает свое выступление безусловно ультиматумом».

24 июля германский посол, действительно, сделал заявление, которое имело характер угрозы.

25 июля Шен вновь посетил министерство иностранных дел и «заверял, что его слова отнюдь не имели приписываемого им характера угрозы», но подтвердил сказанное Яговым французскому послу в Берлине.

«Тот факт, — говорит донесение русского посольства в Париже от 25 июля, — что Шен считал нужным предпринять этот новый шаг, произвел в министерстве иностранных дел несколько успокоительное действие, как признак, что Германия не стремится во что бы то ни стало к войне».

Но разоблачения газет о первом посещении Шена «вызывали панику на сегодняшней бирже». «Отсутствие главы государства и главы правительства лишает пока министерство иностранных дел возможности определенно высказаться относительно нынешних событий. Общественное мнение и печать без различия направлений крайне имп возмущены. Даже Жорес резко осуждает австрийское выступление, рискующее вызвать всеобщую войну».

«В течение всего этого зловещего дня, в субботу 25 июля, который мы целиком провели в Стокгольме, — пишет Пуанкаре, — мы вынуждены были переходить от одной церемонии к другой и делать веселое лицо при весьма мрачном состоянии духа».

Здесь «главы» Франции ориентировались более полно в обстановке и осведомились, «что делал в водах около Бергена германский император». Ответ гласил, что сначала он был на месте, а затем «отбыл по неизвестному направлению».

«Что же, однако, нужно было делать нам? — спрашивает Пуанкаре. — Французское правительство нас еще не призывало. Возвратиться прямо в Париж, — это могло бы взволновать общественное мнение не только Франции, но и Европы и дать повод предполагать, что мы верим в возможность всеобщей катастрофы». В этих видах было решено продолжать плавание по прежнему маршруту: «Мы были еще далеки от мысли о европейской войне», — скромно пишет ныне Пуанкаре.

26 июля Шен снова переступил порог кабинета министра юстиции, заменявшего Вивьяни, и объяснил, что «Австрия объявила России, что она не ищет территориальных приобретений и не угрожает целостности Сербии». «От России, следовательно, зависит предостеречь войну», — говорил Шен и надеялся, что Франция «употребит свое влияние в Петербурге в умеряющем смысле», но в то же время он отказывается сделать это в Вене. Французский министр «ответил отказом согласиться на германское предложение в виду отсутствия председателя совета».

У французских дипломатов, по донесению Сазонову от 26 июля, сложилось убеждение, что последовательные германские выступления в Париже имеют целью запугать Францию и вызвать воздействие ее в Петербурге. «По совокупности обстоятельств и всего образа действий Германии и Австрии, он (представитель французского министерства иностранных дел — Б. Ш.) склонен думать, что эти державы домогаются блестящей дипломатической победы, а не ищут во что бы то ни стало войны, хотя, в крайнем случае, перед ней и не отступят».

Эта неуверенность в намерениях Австрии и Германии и полученные сведения из Германии, что там уже приняты кое-какие военные меры, послужили поводом и в Париже вступить на путь военной подготовки. Официальная история войны констатирует, что «военный министр Мессими, по телеграфу, вечером 25 июля, принял первую меру предосторожности: возвращение на свои посты офицеров генерального штаба и командиров корпусов».

26 июля эти «меры предосторожности» значительно расширены: отложены передвижения войск, запрещены отпуска офицерам и солдатам и вызван из отпусков командный состав, железным дорогам сделано первое предупреждение, возвращены в свои гарнизоны части пограничных I, VI,

VII, XX и XXI корпусов, отдан приказ военному губернатору Парижа и командирам корпусов о частичном проведении мобилизационного плана, приказано командиру XIX корпуса образовать возможно больший кадр резервистов из тунисских и алжирских стрелков, приняты меры по усилению цензуры.

«В воскресенье 26 июля мы плыли в открытом море Балтики, — пишет Пуанкаре, — когда радиотелеграмма известила нас, что император Германии покинул свой крейсер и направился в Киль. Но в нашем пловучем жилище мы получили только заглушенное эхо извне. Мы не имели определенных указаний ни из Петербурга, ни из Парижа; нам становилось все более и более тревожно в нашем одиночестве и изолированности; и день воскресенья закончился тем, что мы, затерянные между волнами и небом, не имели никаких известий с земли».

Так плыл «ковчег» Франции, из которого, однако, Париж должен был получить не «голубя мира», а «вестника войны», каковым и явился Пуанкаре по высадке на берег. Будь он в первые же дни кризиса в Париже, можно не сомневаться, что события пошли бы более ускоренным темпом к той же развязке, к войне, с какой они к ней подходили постепенно.

Из всего изложенного выше у читателя создается впечатление, что роль Англии в разрешении кризиса получала первостепенное значение. Серединные государства надеялись, что острова останутся нейтральными, а Россия и Франция питали надежду на выступление Великобритании на стороне защитников «угнетенных славян».

Мы слышали, как сдержан был Бьюкенен в Петербурге, получив за это одобрение от Грея. Затем, что Сазонов обратился в Лондон с предложением Англии выступить посредником; того же мнения были и во французском министерстве иностранных дел.

Причины такой сдержанности крылись в том, что поднять общественное мнение за войну из-за Сербии было трудно, ибо, как писал 16 июля Лихновский Бетману, Сербия — страна «не британская», а с такими государствами «здесь (в Лондоне — *Б. III.*) вообще мало знакомы, о них знают меньше, чем у нас, например, обыкновенный гимназист четвертого класса».

Даже интересы России не могли толкнуть Англию на войну, и это хорошо сознавал Бьюкенен, который советовал Сазонову не спешить с мобилизацией, ибо нужно было обработать общественное мнение Британии. Как ни был расположен к русско-английской дружбе Грей, однако, он должен был считаться с тем, что Россию в Англии очень многие не долюбивают.

Как мы уже указывали ранее, мы не можем поставить себе задачей написать политическую историю дней, предшествовавших войне. Поэтому наше изложение событий в Англии не будет пространным, как бы это ни было интересно.

Сараевское убийство встревожило английское правительство, но оно было отвлечено слишком сильно своими внутренними делами, чтобы сразу резко реагировать на события, развивавшиеся на берегах Дуная.

До тех пор, пока конфликт мог быть ограиичен в рамках спора Вены с Белградом, можно было быть относительно спокойным и Лондону.

В своих неоднократных беседах с германским послом в первой половине июня Грей высказался довольно определенно о невмешательстве

в австро-сербский конфликт, но вместе с тем предупреждал, что в случае вооруженного выступления Вены возможно вмешательство России, которое ему, Грею, предупредить уже будет трудно.

С приездом в Петербург Пуанкаре значительно подвижилось разрешение англо-русских недоразумений в Персии, и после того, как русское министерство иностранных дел пошло на уступки, Грей 20 июня телеграфировал Бюкенену о своей радости этим успехом. Нужно сказать, что этим закреплялась позиция самого Грея в системе английского кабинета в случае, если бы при выступлении России пришлось и Англии ввязаться в войну.

В своих воспоминаниях Черчилль свидетельствует, что $\frac{3}{4}$ членов кабинета были настроены миролюбиво и о войне говорили лишь в том случае, если бы было произведено нападение на Англию. А так как такой случай был мало вероятен, то министерству иностранных дел приходилось очень тяжело.

Черчилль же рассказывает, что позиция Грея затруднялась: 1) стремлением помешать европейской войне и 2) не оставить без поддержки Францию и Россию. С одной стороны, нужно было показать Германии, что она может встретить в числе своих врагов Англию, а с другой, нужно было не давать особых гарантий в помощи Франции и России.

22 июля Лихновский доносил в Берлин, что Грей надеется, что Австрия не предъявит Сербии требований, не совместимых с самостоятельностью маленького государства, равно как «имеются надежды на то, что нашему (германскому — *В. Ш.*) влиянию в Вене удастся устранить предъявление невыполнимых требований» — «Определенно здесь рассчитывают на то, что мы не будем солидаризироваться с требованиями, явно имеющим целью вызвать войну».

К этому докладу Ягов добавлял, что Лихновскому даны указания заявить, что Германии не были известны австрийские требования, которые, однако, рассматриваются как внутреннее дело монархии.

Вильгельм был возмущен докладом. Позицию Грея он назвал «чудовищным британским бесстыдством», грозил, что он «шутить не намерен», и признал заявления Грея «чисто британским способом рассуждения», «снижительно-повелительный тон которых» он с негодованием отмечал.

24 июня в конце затянувшегося бурного заседания кабинета министров по ирландскому вопросу Грей огласил ноту Австрии и Сербии, содержание которой ясно говорило об ультимативном ее характере и неприемлемости для Сербии.

Представители политики «свободных рук» должны были отдать себе отчет в предстоящих событиях. В тот же день, 24 июня, в министерстве иностранных дел был составлен доклад для Грея, в котором ясно сквозило опасение, что если без содействия Англии победят Франция и Россия, то они тогда будут против Англии, и каково тогда будет положение Индии и Средиземного моря?

«Россия расценивает, — писал докладчик, — нашу позицию в этом вопросе, как пробный камень, и необходимо быть настолько дальновидным, чтобы не оттолкнуть Россию».

Мы уже знаем, что к 22 июня, с одной стороны, в Лондон поступило предложение Пуанкаре совместными усилиями удержать европейский мир,

а, с другой, Ягов указывал, что австро-сербский конфликт есть дело указанных только-что государств.

Министерство иностранных дел Англии ясно поняло, что австрийские требования одобрены Берлином и что Германия стремится изолировать Россию от Англии.

Когда же в Лондоне была получена 24 июля телеграмма Бьюкенена с условиями, выработанными Сазоновым и Палеологом для удержания Вены от активных шагов, в министерстве иностранных дел сопроводили ее следующей оценкой: «Настало время, когда еще возможно удержать Россию, приняв французские предложения. Ясно, что Франция и Россия решились поднять брошенную им перчатку. Мы также могли бы воспрепятствовать австрийским требованиям и в этом Франция и Россия являются первым валом, за которым весь вопрос решится тройственным союзом против тройственного соглашения. Я думаю, что было бы довольно немудро, если не сказать что небезопасно, если бы Англия попыталась воспротивиться высказанному или представляемым в Петербурге и Лондоне затемнить это. Приходится решить вопрос, — решилась ли на войну Германия или нет. Не исключена еще возможность заставить Германию поколебаться в этой решимости, если показать, что Англия в войне будет на стороне Франции и России. Я могу предложить этот шаг, но без уверенности в его успехе». Указывая затем, что война не вспыхнет из-за одной Сербии, а в ней Германия преследует достижение своего господства в Европе, докладчик говорит: «В этой борьбе наши интересы сочетаются с французскими и русскими».

На этом документе Грей сделал пометку, что Черчилль обещает мобилизовать флот в 24 часа, но, по мнению Грея, «было бы преждевременно теперь об этом давать объявление России и Франции».

После опубликования австрийской ноты, 24 июля, Лихновский доносил о своей беседе с Греем, в которой министр все же решил «поколебать Германию».

«Министр находился, повидимому, под сильным впечатлением австрийской ноты. По его мнению, она превосходит все, что он когда-либо до сих пор видел в этом роде. Грей сказал, что он пока не имеет никаких известий из Петербурга и не знает поэтому, как там отнеслись к этому делу. Но он очень сомневается, сможет ли русское правительство рекомендовать Сербии безоговорочно принять австрийские требования. Ведь, государство, которое приняло бы нечто подобное, вычеркивает себя из списка самостоятельных государств»...

«В случае вступления Австрии на сербскую территорию опасность европейской войны надвигается вплотную. Последствий такой войны вчетвером (Грей определенно подчеркнул число четыре, подразумевая под этим Россию, Австро-Венгрию, Германию и Францию) совершенно нельзя предвидеть. Каков бы ни был исход этого дела, несомненно одно, что в результате его наступят полнейшее истощение и обнищание: будут уничтожены промышленность и торговля, и мощь капитала разрушена. Результатом падения производительной деятельности будут революционные движения, как это было в 1848 году».

Грей находил малым срок ультиматума, желал, чтобы Англия, Германия, Франция и Италия взяли на себя посредничество между Россией

и Австрией. «Министр явно старается делать все, чтобы предотвратить европейское осложнение, и не может скрыть своего глубокого сожаления по поводу вызывающего тона австрийской ноты и краткого срока».

Излишне, конечно, добавлять, что Вильгельм признал Сербию «бандой разбойников», что «Россия тоже не лучше»; «в посредничестве я не приму участия, — заявил Вильгельм, — разве только Австрия меня определенно об этом попросит, что мало вероятно». «В вопросах жизни и чести другим не советуют», — читает мораль кайзер.

На всякий случай, мобилизованный на маневры английский флот не был распушен. «Сообщая об этом русскому послу, — пишет Бьюкенен, — Грей позаботился объяснить, что это не более, как обещание дипломатической поддержки». В военном министерстве также шли спешные работы по подготовке к мобилизации сухопутных сил.

Если в целом составе английского кабинета не было еще решимости ввязаться в войну, то Грей и его министерство иностранных дел ясно отдавали себе отчет в неотвратимости надвигающейся борьбы и лишь искусными ходами старались, с одной стороны, подготовить почву в составе самого кабинета для принятия решения, а с другой, не взять на себя ответственности за войну.

Мы проследили, может быть излишне подробно, недели, предшествовавшие австрийскому ультиматуму, повлекшему за собой, с одной стороны, мобилизации в Сербии и Австрии, а с другой, объявление предмобилизационного периода в России.

Конечно, вся та дипломатическая канитель, вся та ложь, которая сквозила во всех заявлениях и нотах дипломатов различных стран, мало интересны, если бы только не были показателями того, как все государства неудержимо шли к европейскому столкновению. Последнее было предрешиено всеми теми противоречиями, кои накопились во взаимных отношениях капиталистов различных стран. И не Греям было под силу спасти капитализм от разрушения его мощи, ибо капитализм, как система, сам шел к потрясениям, увлекая за собой представителей династий, дипломатов, людей, считающих своим ремеслом войну, и из них — прежде всего тех, кои признавали себя «мозгом армий».

Ближайшие дни должны были лишь выявить то, что зрело в Европе многие годы...

«Мир» буржуазных правительств должен был смениться ожесточенной войной...

ГЛАВА III

ВОЙНА АВСТРИИ С СЕРБИЕЙ И РУССКАЯ МОБИЛИЗАЦИЯ

Порядок изложения по дням. — 27 июля: Поезд через Австрию начальника сербского генерального штаба. — Беседа Конрада с Берхтольдом 26 июля. — Вопрос о времени объявления войны. — Вечером 27 июля Конрад набрасывает Берхтольду ноту для Германии. — Прибытие 27 июля в Берлин Вильгельма. — Мольтке о политическом положении. — «Оно туманно и выяснится не ранее 14 дней». — Здоровье Мольтке. — Совет у Вильгельма, военный министр не приглашен. — Ягов в беседе с английским послом определяет свое отношение к русской мобилизации. — Указание Сазонова Сербии об умеренности. — Уклончивый ответ Румынии. — В Петербурге не верят в территориальную незаинтересованность Австрии. — Переговоры Сазонова с австрийским послом и беседа Берхтольда с русским послом. — Сазонов находит сербский ответ умеренным. — Пурталес у Сазонова с двумя телеграммами канцлера. — «Мобилизация означает войну». — Сазонов говорит о посредничестве держав и пытается создать «золотой мост» для Австрии. — «Дамские» разговоры о русской военной подготовке. — Извольский в Париже. — Попытки германского посла Шена развести Россию с Францией. — Твердая решимость Парижа и первые военные меры безопасности. — Ягов указывает, что только нападение России на Австрию вызовет вмешательство Германии. — Путешествие Пуанкаре. — 28 июля: Берлин дает инструкции Вене, как ответить на английское предложение о посредничестве. — Бетман бьется ответственности за войну. — Объявление Австрией войны Сербии. — Конрад пишет Берхтольду о необходимости привлечения на сторону тройственного союза Румынии и Болгарии. — Сопровождение у Берхтольда. — Сомнения Берхтольда в возможности для Австрии вести одновременно войну и с Россией. — Конрад о необходимости к 1 августа выяснить вероятность войны с Россией. — Телеграмма Берхтольда в Берлин о необходимости выступления Германии в Петербурге, по поводу частной русской мобилизации. — Перемена настроения в Петербурге в связи с получением объявления Австрией войны Сербии. — Советы Бьюкенена Сазонову воздержаться от военных мер против Германии. — Полная поддержка Франции. — Телеграмма Сазонова — «ключ положения в Берлине». — Оптимизм Пурталеса и завтрак его с Бьюкененом. — Беседа Пурталеса с Сазоновым. — «Игра краплеными картами». — Второе свидание Сазонова с Пурталесом. — Первая телеграмма Вильгельма. — Сазонов признает непосредственные переговоры с австрийским послом нецелесообразными и возбуждает вопрос о посредничестве Англии. — Сазонов телеграфирует об объявлении частной мобилизации. — Генеральный штаб заготовил два проекта указа о мобилизации. — В ночь на 29 июля подписан указ об общей мобилизации. — «Вилли» и «Ники», их отношения. — Растерянность Бетмана. — Вильгельм по поводу сербского ответа. — Занятие Белграда, как залог. — Бетман об ответственности за войну и его советы Вене. — Сдержанность Англии. — В Берлине отдано приказание о возвращении войск из лагерей. — Военные меры во Франции. — 29 июля: Открытие военных действий на сербской границе. — Конрад замалчивает о бомбардировке Белграда. — Проект ноты Австрии к Германии, составленный Конрадом. — Втягивание Конрадом Германии в конфликт. — Румынский нейтралитет. — Военный агент из Петербурга сообщает об общей русской мобилизации. — Опасения Конрада не опоздать с мобилизацией против России. — Вторая телеграмма Вильгельма в Петербург и телеграмма «Ники». — Беседа Пурталеса с Сазоновым. — Сазонов заявляет, что мобилизация русской армии не означает еще войны. — Недоверие к Германии. — Объяснения Сазо-

новым цели русской мобилизации. — Вторая беседа Пурталеса с Сазоновым — индидент. — Телеграмма Бетмана о прекращении русской мобилизации. — Беседа Янушкевича с германским военным агентом. — Подтверждение из Петергофа общей мобилизации. — Совещение у Янушкевича. — Представление об общей мобилизации утверждено. — Сазонов считается с неизбежностью войны. — Инспирации Сухомлинова. — Базили у Палеолога. — Добророльский о подписании указа об общей мобилизации и подготовке его передачи на телеграфе. — Характеристика Сазонова. — «Интимный круг» около Сазонова. — Личность Янушкевича. — Отмена Николаем общей мобилизации. — Тревоги генерального штаба. — Ложь Сухомлинова. — Формулировка начала войны в России. — Почное свидание Пурталеса с Сазоновым. — Сазонов набрасывает формулу соглашения. — «Сербия не должна быть Бухарой». — Первое состояние Пурталеса. — Сведения в Петербурге из-за границы. — Тревожный день в Берлине. — «Идиотство» предложений «Ники». — Недоверие Вильгельма к Петербургу. — Его злоба к Лондону. — Заявления Грея Лихновскому о позиции Англии. — «Подлый фарисей!!». Гнусная торгашеская сволочь». — Бетман падает духом. — Его недовольство Веней. — Бетман не хочет плестись в хвосте Вены. — Совещение у Вильгельма и его недовольство канцлером. — Бетман пытается обеспечить нейтралитет Англии. — Беседа Ягова с русским послом и ужас Ягова. — Каутский против генерального штаба. — Экспозе Мольтке. — Важно скорее выяснить вероятность войны с Россией и Францией. — Мольтке о культуртрегерстве Германии. — Мольтке не настаивает на объявлении положения, угрожающего войной. — Фалькенгайн о своей роли и о мобилизации. — Твердое положение в Париже. — Возвращение Пуанкаре. — Совет министров и нота к Англии о посредничестве. — Появление Шена. — Ночное заседание совета министров и ответ Франции Петербургу. — Серьезность Грея. — 30 июля: Тревоги Сазонова и его утренний разговор с Кривошеиным. — Совещение в генеральном штабе. — Николай упрямится в вопросе об объявлении общей мобилизации. — Мольбы Янушкевича. — Он грозит сломать свой телефон. — Данилов атакует Базили. — Неудача Кривошеина и завтрак у Дюнона. — Сазонов в Петергофе и указ об общей мобилизации. — «Теперь вы можете сломать телефон». — Объявление общей русской мобилизации. — «Марковская» телеграмма и ее роль. — Ягов признал формулу Сазонова неприемлемой. — Указание из Парижа о скрытности военных приготовлений. — Вильгельм о России и Англии. — Его проекты поднять магометанский мир. — Бетман дает указания Вене о принятии посредничества Англии. — Мольтке говорит австрийскому военному агенту: «Не следует объявлять войны России, но нужно выжидать ее нападения». — Газеты о германской мобилизации. — Мольтке за войну. — Его сдержанность в угоду дипломатии. — Утренний прием у Конрада. — Конрад обеспокоен русской мобилизацией. — Его проект ноты к России. — Конрад против английского посредничества. — Доклад у Франца-Иосифа о целях войны. — Решение объявить общую мобилизацию 1 августа, первый день — 4 августа. — Конрад телеграфирует Мольтке: «Мы не объявим войны России и ее не начнем». — Совет министров в Париже. — Военные меры Франции. — Указания французскому послу в Лондоне. — Лондон молчит.

Изложение событий последних дней европейского мира будет предложено вниманию читающего наш труд в том же порядке, в каком мы вели изложение только-что законченной главы. Однако, в виду нарастания событий по дням и дабы установить между ними взаимную связь, мы находим более удобным чаще перебрасываться из одной столицы в другую, а потому поведем рассказ по дням.

27 ИЮЛЯ

Мы оставили Вену 26 июля, когда в ней дряхлеющей рукой Франца-Иосифа был подписан приказ о мобилизации армии против Сербии, — рукой, которая, не сознавая, ставила подпись под актом, положившим начало распада монархии.

В этот день через Австро-Венгрию проезжал, возвращаясь с курорта, начальник сербского генерального штаба Путник. В министерстве иностранных дел подумывали о задержании своего будущего врага, но Конрад решительно восстал против такого мелочного предприятия, и начальник сербского генерального штаба спокойно проследовал к сербским армиям, уже оформившимся в своем составе.

Нами выше отмечалось, что свидания начальника австро-венгерского генерального штаба с Берхтольдом или его подчиненными за это время бывали не только ежедневно, но на день происходили несколько раз.

После обеда 26 июля Конрад зашел к Берхтольду, где застал германского посла. Разговор, конечно, коснулся оценки позиции различных государств в австро-сербском вопросе. Имевшиеся сведения о начавшейся русской мобилизации были взяты Конрадом под сомнение, но он не отрицал, что кое-какие военные мероприятия Россией проводятся, и поэтому просил Берхтольда держать его все время в курсе дел в России. Что касается Италии, которая вследствие выступления Австрии не считала себя обязанной выполнять договор, то начальник штаба «опасался», что в этом сказывается уже влияние Кадорны (новый начальник итальянского генерального штаба — *Б. III.*), который рисовался Конраду «франкофилом».

Оставшись вдвоем, Берхтольд спросил Конрада: «Мы должны как можно скорее передать Сербии объявление войны, дабы покончить с разномыслием в этом. Когда желательно для вас объявление войны?».

«Тогда, когда мы могли бы начать операции, — отвечал начальник штаба, — около 12 августа».

«Трудно такой долгий промежуток времени сохранить дипломатические отношения. К тому же неизвестно, не произойдут ли уже на границе бои», — думал Берхтольд.

Начальник штаба полагал, что в последнем случае война станет фактом и объявление ее придет само собой, но если дипломатически можно задержать, то это было бы хорошо; если же нет, тогда объявить войну хотя бы сейчас.

В конце беседы Конрад высказал пожелание: насколько возможно удержать от выступления Черногорию, не натравливать Болгарию на Румынию и, что важнее всего, поскорее внести ясность в положение России, — желательно было бы этого достигнуть до 4-5 августа.

«Едва ли это случится», — отвечал министр.

Нами отмечалось, почему Конрад устанавливал такой срок: с ним было связано направление II армии в Галицию или на сербский фронт.

27 июля чиновник министерства иностранных дел Гойос вновь показался у Конрада с целью выяснить у него, когда желательно объявить Сербии войну, на что начальник штаба дал определенный ответ: в зависимости от дипломатических соображений.

В 8 часов вечера Конрад, прибыв к Берхтольду, получил ориентировку о происходящем в России. Военный агент из Петербурга от 26 июля доносил об издании приказа о мобилизации четырех округов (Варшавского, Киевского, Одесского и Московского) с призывом запасных и о подготовке к мобилизации Петербургского, Виленского и, возможно, Казанского, но без призыва запасных. Сообщая о событиях 26 июля в Красном Селе,

военный агент, однако, затруднялся дать определенный вывод об агрессивных намерениях России.

Ознакомившись с донесением, министр спросил начальника штаба: что же предпринять?

Конрад полагал, что со стороны Германии должно последовать заявление о поддержке ею Австрии и отправление в Петербург ноты. Содержание последней, примерно, таково:

«Мы осведомлены, что Россия мобилизует Киевский, Одесский и Московский военные округа; мы видим в этом прямую угрозу Австро-Венгрии, а потому, в случае если эта мобилизация осуществится, Германия немедленно объявит мобилизацию против России».

Конрад находил необходимым выяснить в Берлине, пойдет ли Германия на объявление общей мобилизации, — тогда Австрия могла бы объявить такую же, — а вообще, нужно установить ясно позицию Берлина в этом конфликте. То же желательно в отношении Румынии.

Ныне в своих мемуарах начальник австрийского генерального штаба пишет, что такой совет Берхтольду он подавал отнюдь не из-за одних военных соображений, но им руководило искреннее желание удержать Россию от вмешательства. Конечно, в такие желания Конрада можно и не верить, но что он всеми фибрами стремился разделаться с Сербией в обстановке, когда бы этому никто не мешал, в этом сомневаться не приходится.

Итак, на сцену выдвигался Берлин, куда к тому же 27 июля прибыл Вильгельм.

Утром этого числа начальник германского генерального штаба провел долгое время в беседе с канцлером, вернувшись от которого и черкнув мимоходом письмо жене, должен был через час отправиться во дворец, куда к 3 часам дня ожидался Вильгельм. «Положение очень туманно», — писал до этого часа Мольтке. «Быстро оно не прояснится и ранее 14 дней едва ли можно знать или сказать что-либо определенное», — продолжал Мольтке, советуя жене спокойно оставаться до конца в Байрейте и ни о чем не заботиться. «Вчерашний день у меня был совершенно ипой, чем в Карлсбаде, но я чувствую себя хорошо и свежо».

Нет сомнения, что у Бетмана начальник штаба был поставлен в известность о русской мобилизации, как о том сообщал Пургалес и, вообще, о всем происходившем в Петербурге. Однако, поскольку сведения о мобилизации касались округов, пограничных с Австрией, Мольтке не находил оснований бить тревогу и даже отложил приезд своей жены в Берлин. Бросается в глаза определенный начальником штаба четырнадцатидневный срок для решения, но если мы вспомним, что Конрад начало операций против Сербии относил на 12 августа, то для нас станет понятным тот календарь, который, не скрывая, сообщал Мольтке своей подруге жизни. Правда, Австро-Венгрия не объявила еще войны Сербии, но таковая уже была твердо решена в Берлине, по крайней мере начальником штаба, и нужно было подождать только начала победоносных австрийских операций, чтобы положить конец всяким сомнениям в исходе конфликта.

Мы обратим еще внимание на состояние здоровья Мольтке, который считает его хорошим. Многие исследователи находят, что начальник гер-

манского генерального штаба, вышедший из строя в первую операцию, был сильно болен еще до начала войны, не закончив своего лечения в Карлсбаде. Сам Мольтке говорит об обратном. Можно, конечно, допустить, что такая бодрость была вызвана, с одной стороны, временным улучшением состояния здоровья Мольтке после курорта, а с другой — желанием расстраивать жену.

По свидетельству Ягова, 27 июля сербский посол вручил ему ответ сербского правительства на ноту Вены.

Тотчас же по возвращении Вильгельма у него состоялся совет, на котором участвовал канцлер, статс-секретарь по иностранным делам, начальник генерального штаба, начальник морского штаба и начальник кабинета, военный министр приглашен не был. Фалькенгайн узнал, между прочим, как пишет Цвейль, что решено было отстаивать занятое положение во что бы то ни стало. Но это были еще слухи, а между тем военный министр стоял перед действительностью: войска еще были в лагерях. Фалькенгайн вошел с представлением о необходимости выставления охраны железных дорог, поскольку это вызывается угрозой им, и отдал приказание о закупке зерна в районах сосредоточения армий. Тиршиц уверяет, что «еще в июне 1914 года вывезли во Францию массу зернового хлеба», и, таким образом, распоряжение военного министра пужно признать вполне своевременным.

Повидимому, после этого же совета во дворце Ягов имел беседу с английским послом по поводу сведений о русской мобилизации. Ягов говорит, что им было сказано Гошену: «Если Россия мобилизует только на юге, то мы не объявим мобилизации, но в случае, если мобилизация ею будет произведена на севере, то Германия вынуждена будет ответить тем же так как нельзя дать застать себя врасплох».

Таким образом, день 27 июля в Берлине прошел под знаком того, что Россия не рискнет затеять общеевропейскую войну и если принимает меры готовности, то они еще не являются показателем ее стремлений к войне. Пурталес, если вспомним, находил к вечеру 26-го Сазонова довольно миролюбиво настроенным, в Петербурге было спокойное настроение, а высшие офицерские круги склонялись к миру. В Берлине считали, что все идет пока хорошо, и Австрия сумеет в одиночку разделаться с Сербией.

27 июля в государствах противоположного лагеря было днем получения сербского ответа на австрийский ультиматум и реагирования на этот ответ.

В Петербурге в этот день, еще до получения сербского ответа, в Сербию была послана телеграмма Николая с ответом: «Сделать все возможное, чтобы найти выход, который, не нанося ущерба достоинству Сербии, дал бы возможность предотвратить ужасы войны». Но телеграмма в то же время говорила: «Если бы, вопреки нашему искреннейшему желанию, нам это не удалось, ваше высочество может быть уверено, что Россия ни в коем случае не останется безучастной к судьбе Сербии».

Черногории одновременно давались указания «придерживаться той же выжидательной и примирительной политики», она должна «сообразовать свою политику с сербской в общем для них деле».

Вместе с тем, продолжались ухаживания за богатой невестой, в положении которой оказалась Румыния. Румынский посланник 27 июля дал

уклопчивый ответ о позиции Румынии и пояснил, что Бухарест получил заверения Австрии, что, если бы и была занята сербская территория, то в виде временной меры. На это известный нам Шиллинг, как говорит «Поденная запись», сказал: «Подобное заявление имеет меньше всего цены в устах Австрии, которая, на примере Боснии и Герцеговины, показала всему свету, как она понимает временное занятие чужих земель». Таким образом, веры в территориальную незаинтересованность Австрии в русском министерстве иностранных дел не было и, как знаем, не без основания. Самый главный козырь, которым хотела играть венская дипломатия, выпал у нее из рук. Шиллинг обратился к честности румынского посла, вспомнив его слова об общности интересов Румынии и Сербии. Посол не отрицал их, но желал, чтобы войны не было, ибо она «поставила бы Румынию в особенно тяжелое положение».

Мы оставили Сазонова ведущим *непосредственные* переговоры с австрийским послом, причем министр, повидному, был уверен в успехе, так как на предложение Грея о созыве конференции из 4 послов в Лондоне ответил: «Если бы наши непосредственные объяснения с венским кабинетом не наладлись, я готов принять английское предложение». К этому Сазонов добавлял: «Умеряющее воздействие в Петербурге не невозможно, раз мы идем навстречу всем приемлемым требованиям Австрии».

Трудно сказать, на каких основах Сазонов строил успех своих переговоров с Австрией, и, может быть, просто хотел показать, что Вена не желает идти мирным путем, ибо уже 26 июля поверенный в делах в Вене доносил о своем разговоре 25 июля с Берхтольдом, из которого можно было усмотреть, что Вена закусил удила. Министр монархии говорил о необходимости пресечения сербской пропаганды, о том, что Дунайской монархии «надо проявить наше великодержавие». Берхтольд пояснил: «Существование Австро-Венгрии необходимо для европейского равновесия, в этом, я думаю, убеждены и государственные люди в России. Они же не могут желать развала Австро-Венгрии и в интересах сохранения монархического начала». «Такие слова, — доносил поверенный, — в устах Берхтольда, вообще не склонного к рассуждениям политико-философского свойства, отражают глубокое убеждение, если и не его самого, то тех лиц, которые ответственны за принятое Австрией решение». В Вене господствует, по мнению поверенного, «несомненная решимость правительства довести дело экзекуции над Сербией до конца».

Что касается сербского ответа, то Сазонов находил его «превышающим все наши ожидания своей умеренностью».

Таким образом, едва ли представлялась возможность Сазонову непосредственно столкнуться с Веной без того, чтобы не воздействовать на нее через Берлин, который, как знаем, не склонен был к этому.

Представитель последнего, Пурталес, в своих воспоминаниях отмечает: «Сперва казалось, что день 27 июля несет с собой дальнейшее ослабление напряженного положения». Причины этого посол усматривал в заявлении Германии, что она не влияла на Вену, и «в самом примирительном настроении Сазонова, как накануне».

После полудня Пурталес мирно беседовал с министром по поводу двух телеграмм канцлера, из которых первая указывала, что так как Австрия

не идет территориальных приобретений, то «поддержание европейского мира зависит всецело от России». Германия, — говорилось в телеграмме, — полагаясь на миролюбие России и наше исконно-добрососедские отношения с нею, верит, что она не предпримет шагов, могущих явиться серьезной угрозой европейскому миру».

«Вторая телеграмма, — продолжает Пурталес, — находясь в связи с предыдущей, отмечала, что подготовительные военные мероприятия России, направленные против нас, должны нас вынудить к принятию встречных мер, каковые должны привести к мобилизации армии. Мобилизация же означает уже войну. Так как нам известны обязательства Франции по отношению к России, то наша мобилизация должна быть направлена в одно и то же время и против России, и против Франции. Мы не можем допустить, чтобы в намерения России входило вызвать такую европейскую войну». Посол разрешил России «занять выжидательное положение», как гарантию против захватнических планов Австрии.

«Сазонов... заявил, что они (обе телеграммы — *Б. III.*) производят на него отличное впечатление». Министр заверял Пурталеса, что «в своем предупредительном отношении к Австро-Венгрии он пойдет до крайнего предела и намерен исчерпать все средства, способные разрешить нынешний кризис мирным путем»; что «настал момент для обмена взглядов между державами для изыскания средств с целью соорудить Австро-Венгрии «золотой мост»; что министр иностранных дел очень далек от намерения подвергнуть Австрию унижению». Даже, когда германский посол обрушился на Сербию с обвинениями и находил «необходимым серьезным образом проучить Сербию», министр «лишь слабо протестовал против этой критики».

Мы уже слышали, что в искренность заявлений Австрии о территориальной незаинтересованности в иностранном ведомстве в Петербурге не верили; что Сазонов отклонил посредничество 4 государств между Россией и Австрией. Поэтому предоставляем читающему судить, насколько искренни были заявления русского министра германскому послу.

«Что касается, — продолжает последний, — серьезных предупреждений имперского канцлера относительно русских вооружений, то министр иностранных дел сослался на заявления, сделанные накануне Сухомлиновым Эггелингу. Я отвечал, что мне остается лишь вновь настоятельно просить министра принять близко к сердцу за сутки перед тем развитие мною соображения касательно военных мероприятий».

Однако, по словам Пурталеса, «в течение того же дня поступили известия, неспособные поддерживать оптимистический взгляд на создавшееся положение». Жена Пурталеса навестила «одну знакомую даму», которая и сообщила, что в Царском Селе всю ночь к вокзалу шли обозы с амуницией и везли орудия. Проверки через консульские организации этих сведений не оставляли никакого сомнения, что *весьма значительные военные приготовления были в полном ходу*. Может быть, Сухомлинов был формально прав, заверяя честным словом в том, что с русской стороны еще не издано никакого приказа о мобилизации. Тем не менее, военные мероприятия подготовительного характера, развивавшиеся усиленным темпом, принадлежали к числу таких, какие у нас происходят только по издании приказа о мобилизации.

Сухомлинов в своих воспоминаниях указывает, что действительно части Петербургского гарнизона выкатили обоз, что «дало повод распространению слухов о выступлении в поход гвардии». По личным воспоминаниям автора настоящего труда, в кавалерийской дивизии, в штабе которой автор служил перед войной, стоявшей в 12 верстах от границы (германской и австрийской), именно в этот день, 27 июля, по почину самой дивизии, было отдано приказание о *полной мобилизации*. Такова была уверенность в неизбежности войны, что пограничная дивизия хотела как можно скорее привести себя в состояние боевой готовности. Нет сомнения, что в Петербургском округе мероприятия предварительного периода к войне выходили далеко за рамки обычных мер, приближаясь по своему характеру к мобилизации.

Выше было указано, что Сазонов отклонил предложение Грея о посредничестве и с *Лондоном* пока не было договоренности.

В *Париж* прибыл в этот день Извольский. Нечего говорить, что посол жаждал мести к Вене, которая заставила его, бывшего министра, быть «Наполеоном, который начал свою карьеру с Ватерлоо»; к тому же, карьера после и ныне была под угрозой ухода в отставку и подыскания места в банке — обычном пристанище сошедших со сцены дипломатов. Нужно было поправлять дела.

Вена, по донесению Извольского, занималась коварством, задерживая французские телеграммы: «здесь (в Париже — *Б. III.*) не сомневаются в умышленной задержке на австрийском телеграфе».

Шен снова в этот день два раза посетил министерство иностранных дел с заявлением, что так как Австрия не ищет территориальных приобретений, то от «России, следовательно, зависит предостеречь войну», и с предложением Франции и Германии, в полной солидарности, поддержать мир и «воздействовать на Россию в умеряющем смысле». «По убеждению министра юстиции, вышеизложенные выступления Германии, — доложил Извольский Сазонову, — имеют несомненную целью разъединить Россию и Францию, завлечь французское правительство на путь представления в Петербурге и тем скомпрометировать единство в наших глазах, а в случае войны отбросить ответственность за нее не на Германию, якобы всеми силами стремившуюся сохранить мир, а на Россию и Францию». Министр Франции уклонился от ответа. «Вообще я был поражен здесь, — продолжает Извольский, — насколько министр юстиции и его сотрудники верно понимают положение и проникнуты твердой и спокойной решимостью оказывать нам полную поддержку и избегать малейшей видимости разногласия с нами».

«Твердая решимость» французского правительства подкреплялась соответствующим развитием военных мероприятий: после полудня было отдано телеграфное распоряжение военному губернатору Парижа и командирам корпусов о введении военного положения; пограничным корпусам и военному губернатору Парижа приказано вернуть в свои части всех находящихся в отпуску, а в Марокко указано, что в случае войны на континенте в Африке останутся лишь незначительные силы. Данные о военных мерах Германии побудили в ночь на 28-е распространить приказ о возвращении отпускных и на все остальные корпуса.

Итак, за Париж можно было быть спокойным.

В этот же день австрийский посол в Париже заявил, что ответ Сербии

признан в Вене неудовлетворительным и что завтра, во вторник, Австрия предпримет «энергичные действия» с целью заставить Сербию дать ей надлежащие гарантии. Точно посол не пояснил эти «действия», но «речь может идти либо об ультиматуме, либо об объявлении войны, либо о переходе через сербскую границу». Так доносил Извольский в Петербурге еще 27 июля.

Телеграмма Извольского от того же числа о Берлине говорила, что «на вопрос его (Французского посла — *Б. III.*), как отнесется Германия к частичной мобилизации России, Ягов ответил, что подобная мобилизация не вызовет мобилизации со стороны Германии, но что, если Россия атакует Австрию, Германия ответит атакою России».

Таким образом, подводя итоги за день русско-германских отношений, можно установить, что у Сазонова могло сложиться убеждение, что Берлин ничего не будет иметь даже против «частичной мобилизации» и «занятия выжидательного положения» против Австрии, лишь бы не было «общей» мобилизации и объявления Россией войны Австрии. Как министр расценивал позицию Берлина, мы услышим несколько ниже.

Извольский познакомил нас с происходившим в Париже и поэтому мы добавим его ориентировку сообщением лишь того, что происходило на броненосце «*France*» («Франция» — *Б. III.*), который вез главу республики — Пуанкаре.

«В понедельник 27 июля с самого утра мы получили известие, — пишет Пуанкаре, — что германская эскадра, следуя примеру императора, покинула Северное море. В то же время радиogramмы из Парижа известили нас о несколько нетерпеливом ожидании нашего возвращения. Абель Ферри поставил нас в известность... что общественное мнение и пресса упрекают нас за продолжение путешествия, несмотря на возрастающую серьезность положения». «Мы не считали возможным оставаться глухими к этому призыву». Действительно, Пуанкаре и его спутники поспешили в Париж.

Ориентировка Пуанкаре сводилась к следующему: «Ягов притворяется, что он не верит в возможность общего конфликта в виду выступления Австрии. В Берлине наблюдается настоящий взрыв шовинизма... Камбон считает, что при первых военных мероприятиях со стороны России Германия немедленно ответит и, видимо, не будет ждать предлогов, чтобы напасть на нас». Вена упорна. Грей предлагает посредничество четырех держав между Россией и Австрией.

«Спустя несколько часов, — пишет Пуанкаре, — нами было перехвачено новое сообщение по беспроволочному телеграфу», которое говорило о приходе сербского ответа с запозданием на 24 часа, о выезде австрийского посла из Белграда, о посещениях Шена, о которых читателю уже известно. Ответ германскому послу гласил, что «позицию России следует считать умеренной, что она не совершила ничего, что могло бы заставить сомневаться в ее миролюбии, и что Франция согласна с ней в стремлении найти путь к мирному разрешению конфликта». «Нам кажется, что в качестве примирителя должна выступить Германия в Вене и результатом этих выступлений должно быть предотвращение военных мероприятий для оккупации Сербии». Германский посол отклонил это.

«Эти телеграммы прибывали к нам урывками и часто представляли большие трудности для расшифрования», — замечает президент.

Итак, день 27 июля не подвинул ни на шаг вперед мирное разрешение конфликта, наоборот, будущие враги оставались на запытых позициях, ведя «дипломатическую канитель», а в это время в Сербии, Австрии и России военные приготовления шли и шли...

28 ИЮЛЯ

Если вспомним, то 25 июля австрийский посол в Берлине Сэгэни доносил в Вену: «Здесь все предполагают, что на возможный отрицательный ответ Сербии сейчас же последует с нашей стороны объявление войны, сопровождаемое военными операциями... Нам советуют самым настоятельным образом немедленно выступить и поставить мир перед — *fait accompli* (совершившимся фактом — *Б. III.*)».

В обстановке за это время изменилось лишь то, что Россия начала кое-какие военные приготовления, которые нельзя было еще считать за прямую угрозу европейской войны, и Англия предложила посредничество.

27 июля Сэгэни доносил Берхтольду: «Ягов строго конфиденциально очень решительно заявил мне, что, возможно, в ближайшие дни германское правительство доведет до сведения вашего превосходительства предложения посредничества Англии. Германское правительство категорически заявляет, что оно ни в коем случае не солидаризируется с этими предложениями, более того, оно решительно против принятия их во внимание и передает их дальше, лишь чтобы удовлетворить просьбу Англии».

Однако, порывать с Англией Берлин не хотел, и Сэгэни 27 июля пишет в Вену министру иностранных дел: «Германское правительство придает величайшее значение тому, чтобы Англия в данный момент не пошла заодно с Россией и Францией», — поэтому посол советует избегать всего того, что могло бы повредить хорошие отношения Берлина с Лондоном. Германия вынуждена принять предложение Грея для передачи в Вену, а в последней оно должно встретить «самый внимательный прием».

Подобные же указания того же 27-го давал канцлер германскому послу Чирскому: «После того, — писал Бетман, — как мы уже отклонили одно английское предложение о конференции, нам невозможно отклонить *à l'inipiel* (заранее) и эту английскую инициативу. Вследствие нашего отказа от всякого посредничества *весь мир сделал бы нас ответственными за всеобщий пожар* и изобразил бы нас настоящими зачинщиками войны. Это поставило бы нас в невозможное положение и в нашей собственной стране, где мы должны делать вид вынужденных воевать. Наше положение тем более затруднительно, что Сербия, повидимому, сделала большие уступки. Поэтому мы не можем отклонить роли посредника и должны, учитывая постоянное влияние Лондона и Парижа на Петербург, поставить английское предложение на обсуждение».

В Лондон Бетман сообщал: «Мы немедленно предприняли посредническое выступление в Вене в желательном для сэра Эдуарда Грея смысле».

Таким образом, эти новые указания Берлина не изменили ранее данных 25 июля о немедленном объявлении войны Австрией Сербии и только разъясняли, что приходится, мол, передавать английское предложение, в отношении которого германское правительство «решительно против».

Уже 27 июля Берхтольд докладывал Францу-Иосифу проект объявления войны Сербии, и в 11 часов утра 28 июля он был передан открытой телеграммой через Бухарест в Белград, ибо прямой провод между Веной и Белградом был прерван. В 4 часа дня объявление войны было опубликовано в венской прессе. Желания Берлина были исполнены.

Утром 28 июля начальник австро-венгерского генерального штаба, следуя своему обычаю фиксировать на бумаге разговоры с министром иностранных дел, отправил последнему письмо, в котором развивал подробно политические обоснования привлечения на сторону монархии Румынии и Болгарии. Мы не будем их здесь повторять, ибо не раз приводили раньше.

«Германия, Австро-Венгрия, Румыния и Болгария, — по мнению Конрада, — как средне-европейский союз, имели бы возможность сопротивляться всяким осложнениям на востоке или западе».

«Италия могла бы присоединиться к нему или же нет; первое случилось бы из-за ее вражды с Францией в Северной Африке и Средиземном море».

«При всех этих политических обоснованиях, — писал в конце письма начальник штаба, — я имею в виду только военные требования (которые, как ныне видно, становятся решающими); в противном случае, я не вошел бы со своими предложениями в области политики».

Донесение военного агента из Петербурга от 27 июля говорило, что в русском генеральном штабе господствует убеждение в неизбежности столкновения с Австрией, а, может быть, даже и европейской войны. Приняты военные меры, но не против Германии. Как говорили турецкому военному агенту некоторые офицеры генерального штаба, возможно еще избежать войны, ибо операции еще не начинались.

Из министерства иностранных дел Гойос по телефону сообщил Конраду, что объявление войны подписано и что новая телеграмма из Петербурга говорит о данном Сухомлиновым германскому военному агенту честном слове, что мобилизация еще не началась и таковая последует лишь тогда, когда австрийские войска перейдут сербскую границу.

Конрад ответил, что он накануне предложил понудить Германию к посылке поты России, и необходимо то же сделать румынскому королю, обязав его заявить в Петербурге, что, в случае войны, Румыния будет сражаться на стороне тройственного союза.

С 4 часа 30 минут дня до 6 часов вечера *начальник штаба пробыл у Берхтольда*, где был военный министр, Бурьян, Штюргк, Форгач и Маккио.

Конрад представил Берхтольду проект приказа о мобилизации всего флота.

Министр поднял большой важности вопрос: можно ли воевать с Россией, если Сербия выставит 400 000 человек. Нет слов, что Конраду такой вопрос показался уже запоздалым, и он дал ответ, что необходимо выяснить до 1 августа, будет ли Австро-Венгрия вынуждена к войне с Россией, ибо если это не будет установлено, то все перевозки будут направляться на сербский фронт. Мобилизуется Россия, — тогда должна выступить Германия, и Дунайской монархии ничего не останется, как одновременно объявить мобилизацию и против России.

Министр высказал *желательность предъявления России со стороны Германии* не ультиматума, ибо Германия должна этого избегать, с чем согласился и Конрад, находя возможным его передать в виде *императорского письма*. Аналогичным, по его мнению, должно быть обращение и к Румынии.

Результатом этих переговоров явилась телеграмма к австрийскому послу в Берлине, посланная Берхтольдом в 10 часов вечера 28 июля.

Телеграмма начиналась с указания, что хотя в России мобилизация и не объявлена, по это произойдет, если австрийские войска перейдут сербскую границу.

«При таких обстоятельствах начальник австро-венгерского генерального штаба считает существенно необходимым внести безотлагательную ясность в положение, дабы можно было монархии с главными силами обратиться против Сербии или таковые должны быть брошены против России. От решения этого вопроса зависит весь план похода против Сербии».

«Если Россия мобилизует указанные военные округа (четыре — *Б. Ш.*), то, учитывая большое значение выигрыша во времени, было бы неизбежным тотчас же, в соответствии с общей обстановкой, Австро-Венгрии и Германии принять далеко идущие меры».

«Соображения барона Конрада кажутся графу Берхтольду весьма вескими, а потому он считает необходимым войти с предложением к берлинскому кабинету: не обратит ли он в дружественной форме внимание России на то, что мобилизация названных округов создает угрозу Австро-Венгрии и поэтому, если таковая последует, то как монархия, так и германская империя вынуждены будут ответить далеко идущими военными контрмероприятиями».

«Чтобы облегчить России выход из положения, венскому кабинету кажется более правильным, если такой шаг будет сделан сначала одной Германией, но венский кабинет, естественно, готов сейчас же повторить со своей стороны это представление».

«В подобном случае вразумительный тон Берхтольду кажется самым действительным средством, чтобы доказать России всю тяжесть могущих быть последствий».

В дальнейшем нота считала полезным, чтобы такое же давление на Россию было произведено и из Бухареста — или нотой в Петербург, или секретной телеграммой от короля Карла к Николаю, или открытым подтверждением Румынией верности тройственному союзу.

«Это выяснение обстановки, дабы оно достигло цели, должно последовать не позднее 1 августа».

В своих мемуарах Конрад указывает на эту ноту, как на доказательство желания Вены избежать мировой войны.

Если Сазонов собирался строить «золотой мост» для Австрии, то последняя днем позже проектировала подобное сооружение для России.

Ясно одно, что Вена стояла твердо на своем решении разделаться в одиночку с Сербией, а когда возникла угроза даже *частичной мобилизации* России, то Берхтольд, вполне присоединившись к взглядам начальника штаба, решил втянуть в конфликт, для спасения монархии, Берлин. Последний, как мы слышали ранее, видел угрозу в *общей мобилизации*

России, а ныне союзник заставлял изменить взгляд, распространив опасения и на частную мобилизацию. Мы просим читателя запомнить сокращенный Конрадом с 4 на 1 августа срок выступления Берлина, который выдвигает Вена из-за соображений чисто военного характера, повторять коих не будем. Наконец, мы слышали, как начальник штаба мовархии набрасывал даже примерный текст ноты для Берлина. Одним словом, военные соображения в данном случае превалировали в развитии событий.

Покинем Вену и перенесемся в Петербург, где с напряжением ожидали дальнейших шагов Австро-Венгрии на сербском фронте. По данным, полученным в Вене 1 августа, объявление войны было передано сербскому правительству в 1 час 20-минут дня 28 июля.

До этого времени, собственно говоря, ничто и не могло изменить настроения Петербурга.

«Во вторник 15/28 июля, — пишет Сухомлинов, — я был с очередным докладом в Петергофе. По спокойствию, вернее равнодушию, с каким государь выслушивал текущие дела, можно было думать, что нет ничего угрожающего мирной жизни России. Меня удивила сухость и сдержанность его величества во время моего доклада; я не знал, чем это объяснить».

Вторая половина дня резко изменила положение.

«После полудня в Петербурге было получено известие об объявлении Австро-Венгрией войны Сербии; оно вызвало большое беспокойство», — отмечает Пурталес.

«28 июля, — вспоминает Бюкенен, — обстоятельства решительно изменились к худшему... Я, тем не менее, еще раз подчеркивал ему (Сазонову — *Б. III.*) необходимость воздержаться от военных мероприятий, которые могли бы быть истолкованы, как вызов Германии».

«Я повторил содержание этой беседы французскому коллеге, встретив его в передней в ожидании приема, и просил его говорить в том же духе. Я сказал, что положение сделалось критическим. Россия очень серьезно настроена и никогда не позволит Австрии обрушиться на Сербию. Но если Россию принудят к войне, очень важно, чтобы Германия не имела повода представить ее нападающей стороной. Ибо, хотя английское общественное мнение убеждено, что вся ответственность за войну падает на Германию, оно никогда не оправдывает нашего участия в ней».

Говорил ли французский посол «в том же духе», нам неизвестно, по «Поденная запись» отмечает за этот день, что французский посол, по поручению своего правительства, заявил министру иностранных дел о полной готовности Франции исполнить, если понадобится, «свои союзнические обязательства».

Еще до получения известий об объявлении войны Сербии Сазонов находил позицию Берлина двусмысленной. В его телеграмме в Лондон и Париж от 28 июля говорится: «Из бесед с германским послом у меня складывается впечатление, что Германия скорее благоприятствует непримиримости Австрии. Берлинский кабинет, который мог бы остановить все развитие кризиса, не проявляет, видимо, никакого воздействия на свою союзницу. Здешний посол находит ответ Сербии неудовлетворительным. Считаю весьма тревожным такое положение Германии и полагаю, что Англия

могла бы лучше других держав предпринять шаги в Берлине для соответствующего воздействия. Несомненно, ключ положения — в Берлине».

По свидетельству Бьюкенена, «германский посол в Петербурге все время находился под впечатлением, что русское общество не очень взволновано австро-сербским конфликтом и что только небольшая клика шовинистов старалась придать ему острый характер». «28 июля, — пишет Бьюкенен, — он завтракал у меня в посольстве, и я воспользовался случаем, чтобы открыть ему глаза на растущую опасность положения». Несмотря на доказательства английского посла, приводимые в подтверждение миролюбивой политики России, Пурталес упорно отстаивал свой взгляд, что «Австрия должна строго наказать Сербию, а Россия должна оставаться спокойной и придерживаться пассивной роли незаинтересованного зрителя. Он соглашался, что если она объявит предполагаемую мобилизацию, европейский мир будет в опасности»... «Он не хотел, — продолжает Бьюкенен, — также выслушать мое напоминание о том, что Австрия не только частично мобилизовалась, но даже уже объявила войну Сербии. Я не могу, — возражал он, — обсуждать поступка Австрии. Одним словом, его позиция не была рассчитана на сглаживание трений!»

Указывая на то, что Австрия в течение двух дней после истечения срока ультиматума не объявляла войны, Пурталес говорит: «В руководящих кругах петербургского общества, очевидно, стали думать, что вследствие угрожающей позиции России Австро-Венгрия не отважится на военное выступление против Сербии».

«Настроение Сазонова, — продолжает посол, — вдруг снова совершенно переменялось. После полудня я застал его в величайшем волнении, и наша беседа привела нас к резкой сцене. Министр иностранных дел сразу же встретил меня словами, что теперь он видит насквозь нашу коварную политику; отныне для него нет ни малейшего сомнения, что Германия в точности знала планы Австро-Венгрии, и что дело идет об игре крапленными картами между германской дипломатией и венским кабинетом». Со стороны Пурталеса полились вновь доказательства, что Берлин не знал ни ноты, ни дальнейших планов Вены, а затем разговор был закончен.

Вернувшись в посольство, Пурталес узнал об аресте на германском пароходе в Петербурге беспроволочного телеграфа и тотчас же отправился к Нератову заявить протест, а затем, рассказав ему о беседе с Сазоновым, подчеркнул: «В случае, если г. Сазонов пожелает сделать в отношении меня хотя бы малейший шаг предупредительности, то я, само собой разумеется, немедленно явлюсь к нему для продолжения нашего обмена мыслей».

«По возвращении в посольство я уже нашел там переданное по телефону приглашение г. Сазонова немедленно прибыть к нему в министерство иностранных дел. Министр, встретив меня там, бросился мне на шею и просил извинить его за то, что он позволил себе погорячиться. После этого я заявил, что считаю инцидент исчерпанным и не доведу о нем до сведения моего правительства».

Рассказ германского посла ярко подчеркивает нам, что «проба сил» уже не пугала больше русского министра, как это было в былые годы. Ныне он готов был обвинить, и нужно сказать не без основания, в шулерстве дипломатические кабинеты срединных держав.

Дипломаты снова начали пережевывать ответную ноту Сербии. Сазонов доказывал необходимость посредничества Берлина, а Пурталес это отклонял, ибо, как говорит Бьюкенен, «его позиция не была рассчитана на сглаживание трений».

«Затем я упомянул, — пишет посол, — о недавно дошедших до меня сведениях относительно дальнейших русских военных мероприятий, которые, без всякого сомнения, были равнозначны мобилизации и далеко выходили за пределы того, что допускал военный министр в разговоре с германским военным атташе». Это объясняется, повидимому, тем, что «подчиненные военные инстанции в своих распоряжениях пошли далее, чем это было известно и желательно в Петербурге».

«Во всяком случае, я имел в виду снова и самым серьезным образом предостеречь против подобного рода мероприятий и обратить внимание на то, что если Россия будет продолжать свои вооружения, это необходимым образом должно привести к войне».

К вечеру Пурталес получил и указания из Берлина. Одна телеграмма Бетмана содержала благодарность Сазонову за примирительный его образ действий. Вторая, полученная ночью, говорила о стараниях Бетмана «побудить венский кабинет к откровенному объяснению с петербургским» объявление войны, по мнению Бетмана, ничего в этом отношении не изменило. Наконец, пришла телеграмма Вильгельма к Николаю, суть которой заключалась в том, что «его величество (Вильгельм — Б. III.) употребит все свое влияние, чтобы побудить Австро-Венгрию стараться притти к откровенному и удовлетворительному соглашению с Россией».

Все это было запоздалым, ибо того же 28 июля Сазонов телеграфировал циркулярно: «Вследствие объявления Австрией войны Сербии непосредственные объяснения мои с австрийским послом нецелесообразны. Необходимо скорейшее посредничество Англии и приостановка военных действий Австрии против Сербии. Иначе посредничество послужит лишь предлогом для оттяжки решения вопроса и даст возможность Австрии тем временем совершенно раздавить Сербию».

Эти опасения русского министра иностранных дел привели к неизбежному, собственно говоря, решению после перехода на подготовительный период к войне — к объявлению мобилизации.

Каковы были обстоятельства принятия этого решения, «Поденная запись» нам ничего не говорит, а приводит лишь телеграмму Сазонова от 28 июля русскому послу в Берлин, в копии посланной и послам в других государствах, которая содержала в себе следующее: «Вследствие объявления Австрией войны Сербии нам завтра будет объявлена мобилизация в Одесском, Киевском, Московском и Казанском округах. Доводя об этом до сведения германского правительства, подтвердите об отсутствии у России каких-либо наступательных намерений против Германии. Наш посол в Вене пока не отзывается с своего поста». Другой телеграммой министр предлагал всем послам сообщить первую соответствующим правительствам.

Таким образом, объявлялась частичная мобилизация, которая была предусмотрена еще 24 июля на совете министров и которая не должна была вызвать беспокойство Германии, даже по мнению самого Ягова. Правда, Вена иначе рассматривала этот шаг русской дипломатии.

О такой же частичной мобилизации говорит и Сухомлинов. По его словам: «В тот же день 15/28 июля, после того, как я вернулся в Петербург (из Петергофа — *Б. Ш.*), во второй половине дня генерал Янушкевич доложил мне о полученном им от Сазонова величайшем повелении мобилизовать Киевский, Московский, Казанский и Одесский округа». Причиной этого, якобы, была телеграмма русского посла в Вене об объявлении Австрией общей мобилизации.

Если вспомним, то как Данилов, так и Добророльский все время доказывали несостоятельность *частичной* мобилизации и необходимость *общей*. Для суждения об этом было собрано совещание в генеральном штабе и был изготовлен доклад Николаю с доводами *за общую* мобилизацию. Нам неизвестен день, когда состоялось это совещание, — можно только предположительно отнести его на 28 июля.

Добророльский так отмечает этот факт: «15 июля (28 июля н. ст. — *Б. Ш.*) — день объявления Австро-Венгрии войны Сербии — Сазонов сразу покидает его оптимизм, он проникается мыслью о неизбежности общей войны и указывает Янушкевичу о необходимости долее не медлить с мобилизацией нашей армии. Причем в представлении министра иностранных дел о мобилизации, по словам Янушкевича, сквозило теперь удивление, почему она не была начата ранее».

«Вечером 15-го изготавливаются к подписи два высочайших указа — один для общей, другой для частной мобилизации».

Кто докладывал эти указы Николаю неизвестно, но только, по словам Добророльского, «утром 16 июля генерал Янушкевич вручил мне для исполнения подписанный государем императором указ об общей мобилизации, где первым днем мобилизации назначено 17 июля».

Данилов свидетельствует: «Утром 29 июля к начальнику мобилизационного отдела вернулся подписанный государем высочайший указ об общей мобилизации армии, началом которой назначено считать 12 часов ночи на 30 июля».

Итак, факт остается фактом: в ночь на 29 июля Николаем был подписан указ об общей мобилизации армии.

Выше указано, что Сазонов передал Янушкевичу приказание об объявлении частной мобилизации, о чем начальник штаба докладывал Сухомлинову. Сам Сазонов сообщал во все государства об объявлении частной мобилизации. На деле же подписан указ об общей мобилизации. Между тем, тому же Сазопову должно быть известно, что объявление общей мобилизации рассматривалось бы Германией как повод к войне. Над историей подписи указа висит еще пока пелена неизвестности. Можно сделать два предположения: или начальник генерального штаба, не ставя в известность ни министра иностранных дел, ни военного, подал свой доклад с проектами двух указов и добился общей мобилизации, или, если, по Добророльскому, Сазопов 28 июля считался с общей войной, то и указ об общей мобилизации соответствовал его видам и желаниям. Первое предположение говорит о том, что русский генеральный штаб, имея указания избегать излишней военной готовности на границах с Германией, хотел тайно провести *общую* мобилизацию, вводя в заблуждение министра иностранных дел, сообщавшего даже союзным государствам о частной мобилизации. Второе

предположение позволяет сказать, что, обвиняя в этот день Берлин и Вену в игре краплёнными картами, Сазонов, в глубине души, находил этот прием довольно хорошим и сам вел игру с подобными же картами.

Так или иначе, но ночью 29 июля был подписан указ, который рассматривался бы Берлином как повод к войне, и к ней, во всяком случае, шел тот, кто ставил свое имя, — Николай Романов. *Берлину в Петербурге не верили и решили застраховать себя от нападения, сознательно вызывая последнее.*

Для объяснения появления указа об общей мобилизации мы остановим внимание на отношениях «Вилли» и «Ники».

Более умный, подвижной, нахальный, шумливый Вильгельм давил своим авторитетом ограниченного, тупого и слабовольного Николая Романова. По свидетельству очевидцев, в присутствии Вильгельма Николай тушевался даже в русских условиях, не говоря уже о тех случаях, когда свидания происходили в Берлине или других городах Германии. В этих случаях обычно он молчал, а Вильгельм шумел. Но такое подчинение авторитету германского императора Николая была только видимая и определенная форма маневра. 14 апреля 1913 года по поводу предстоящего свидания с Вильгельмом Николай говорил Бьюкенену, что «во время этого визита, как и ранее в таких случаях, император Вильгельм будет, без сомнения, надоедать ему всякого рода вопросами и предложениями. Он собирался терпеливо выслушать все, что скажет германский император, не отвечая, — что он считал самым безопасным образом действий. О том, что Николай потерял доверие к Германии вообще, говорит Бьюкенен, описывая свой разговор с Николаем 3 апреля 1913 года. Причину такой настороженности и даже неприязни Николая II к Вильгельму нужно искать в последствиях заключенного в Бюрке договора, когда Николаю пришлось, по настоянию своих министров, аннулировать секретным образом этот договор, перенести унижение, сдавшись на доводы своих «поданных», и из-за кого же — из-за Вильгельма! Тупой, но в то же время и жестокий, Николай Романов не привык прощать личных обид, хотя бы и Вильгельмам. Боязнь снова быть обманутым германским императором всегда беспокоила его, и достаточно было только доказать это, как можно было с уверенностью получить какую угодно подпись Николая Романова. К этому нужно добавить, что самолюбивой Александре также не нравилось покровительство Вильгельма, которое иногда переливало через край, и она отнюдь не была склонной удерживать своего мужа в повиновении у бравого кайзера.

Если 28 июля Сазонов пришел к заключению, что Берлин играет краплёнными картами, а начальник генерального штаба доказывал, что Германия все равно нападет, даже в случае войны только с Австрией, то таких доводов, при снабжении их высокими фразами о великой персоне «покровителя всех славян», каковой являлся русский император, было вполне достаточно, чтобы появился подписанный Николаем указ об общей мобилизации.

Нам остается только вкратце познакомить с той ориентировкой, какая получалась в министерстве иностранных дел из других государств.

Поверенный в делах из Берлина сообщал о том, что в германских газетах до сих пор не появляется текст сербской ответной ноты, «повиди-

тому, не желающих давать ему место на своих столбах в сознании того отрезвляющего впечатления, которое он бы произвел в германских читающих кругах».

Извольский из *Парижа* доносил о двукратном за день посещении германским послом министра юстиции и его предложении Парижу оказать давление на Петербург, на что он получил категорический отказ. В то же время русский посол сообщал, что отделения русских банков в Париже переживают кризис, вследствие «прекращения кредитов... французских банков и полного отсутствия операций с валютой как на петербургской, так и парижской биржах». «Во избежание весьма нежелательных последствий для нашего кредита, в виду опасности, что нашим банкам в Париже придется прекратить платежи, — посол находит необходимым обратиться на это внимание министерства финансов».

Барометр — в лице биржи — шел на понижение, предвещая бурю...

Последняя должна была, по мнению Сазонова, притти из *Берлина*, где находился, «песомпенно, ключ положения».

«Ключ положения» до 28 июля находился в руках Бетмана, который пытался «спасти мир», по действия его были «запоздалыми и половинчатыми», как думает об этом Тирпиц.

«28 июля утром меня посетил начальник морского кабинета фон-Мюллер, — сообщает нам адмирал, — и с ужасом рассказывал о Бетмане, как он узнал его в эти последние дни. Он считал необходимым сменить канцлера, а на место Ягова поставить Гинце».

Тирпиц убежден, что «кэйзер тотчас же по возвращении в Берлин развил лихорадочную деятельность в целях сохранения мира».

Прочитав ответ сербского правительства на австрийскую ноту, Вильгельм находил, что это — «блестящее достижение для срока не более 48 часов!» «Это больше того, что можно было ожидать! Для Вены, понятно, большой моральный успех, но из-за этого отпадает всякое основание войны, и Гизлю следовало спокойно оставаться в Белграде! Предвидя подобное, никогда не издал бы приказа о мобилизации».

Находя, что «в общем и целом требования Дунайской монархии выполнены» и «отпадает всякий повод для войны», в письме к канцлеру Вильгельм находил пужным, чтобы «эти прекрасные обещания стали действительностью», «чтобы Австрия, с целью заставить выполнить обещания, оккупировала что-нибудь в качестве залога (Белград) и удержала его до тех пор, пока... обещания в действительности не будут проведены в жизнь». «Это необходимо еще для того, чтобы дать в третий раз зря мобилизованной армии внешнее удовлетворение чести, создать для нее видимость успеха перед границей и сознание, что она, по крайней мере, побывала на чужой земле. В противном случае, при отмене военного похода могло бы возникнуть дурное настроение против династии, которое могло бы стать в высшей степени серьезным».

Излагая эти соображения, Вильгельм предлагал «гражданскому» канцлеру, если он согласен с ним, представить ему проект ноты в Вену.

Если Петербург для «спасения мира» считал необходимым условием, чтобы ни один солдат монархии не перешагнул сербской границы, то Вильгельм, «развивая лихорадочную деятельность в целях сохранения

мира», считал нужным для удовлетворения «воинской чести» австро-венгерской армии занять Белград. Трудно было при таких желаниях спасти мир!

Канцлер, действительно, в этот день давал «советы умеренности» в Вену, но довольно своеобразные.

Находя, что ответ Сербии «позволяет констатировать столь далеко идущую уступчивость Сербии австрийским требованиям, что в случае абсолютно непримиримой позиции австро-венгерского правительства следует считаться с постепенным поворотом против него общественного мнения всей Европы», канцлер писал о трудном положении Германии, которую за такой долгий срок до начала австрийских операций (12 августа) все время будут атаковать с предложением различных конференций и посредничеств. В результате твердости германского правительства в занятой позиции может получиться, что «даже в глазах германского народа на него ляжет клеймо виновности за мировую войну». «А на таком фундаменте нельзя начать успешной войны на три фронта. *Настоятельной необходимостью является, чтобы ответственность за возможное распространение конфликта на непосредственно не заинтересованные державы пала при всех обстоятельствах на Россию*».

Бетман предлагал, чтобы Австрия повторила свои заверения в том, что она не ищет территориальных приобретений в Сербии, а желает лишь, в виде гарантии, оккупировать Белград и некоторые другие пункты. Канцлер, однако, советовал послу «избегать впечатления, будто мы желаем удерживать Австрию», — все дело заключается в том, чтобы, «не вызывая мировой войны», найти «выход». «Однако, если бы последняя (мировая война — *Б. III.*), в конечном счете, стала неизбежной, то следовало бы, по мере возможности, улучшить для нас условия, при которых она должна вестись».

Таковы были меры, предпринимаемые для «спасения мира» в Берлине, который так же, как и Сазонов, пытался построить для Австрии «золотой мост», но только устои для последнего мыслились различно на берегах Невы и Шпрее.

Мы уже знаем, что в этот же день сам Вильгельм писал телеграмму к «Ники», а последний посылал телеграмму Вильгельму.

В Париже германский посол деятельно пытался внушить Франции необходимость оказать давление на Россию, а из Англии брат Вильгельма писал о своем разговоре с королем Георгом, который на этот раз «был очень серьезен, рассуждал и проявлял самое серьезное и искреннее стремление предотвратить возможный мировой пожар». — Повидимому, такое настроение было не обычным для носителя короны Англии. Король говорил о посредничестве четырех держав, чтобы «локализовать войну между Австрией и Сербией», полагал, что Германия присоединится к этому, а относительно Англии сказал дословно следующее: «Мы приложим все усилия, чтобы не быть вовлеченными в войну, и останемся нейтральными». «Я убежден, — писал принц Генрих, — в том, что эти слова были сказаны всерьез, как и в том, что Англия останется нейтральной». Разочарованный Лондоном пока не было, и можно было «смелее наступать на мозоли этой сволочи» — Сербии.

Сводка генерального штаба, выпущенная после 4 часов дня, устанавливала начавшиеся вооружения России: повидимому, частичную мобилизацию четырех южных округов, а также кое-какие приготовления и на германской границе, что можно было объяснить вероятностью объявления подготовительного периода к войне на всей территории России. Во Франции войска возвращались из лагерей, и выставлялась охрана на важнейших железнодорожных сооружениях.

В своей книге о Фалькенгайне Цвейль пишет, что военный министр уже 28 июля предлагал канцлеру вернуть войсковые части из лагерей в гарнизоны, но было сначала, в присутствии Ягова и его помощника Циммермана, отклонено. Только при совместном докладе у Вильгельма Фалькенгайна с дипломатами было принято решение о возвращении войск из лагерей. Вильгельм был против войны настолько, что даже готов был бросить Австрию.

Однако, приведенные нами документы говорят об ином «миролюбии» Германии, которая 28 июля отнюдь не считала невероятной мировую схватку.

Париж, поддерживая предложение Грея о посредничестве и отказываясь от давления на Петербург, ждал возвращения Пуанкаре. «Франсе» шел полным ходом к берегам Франции, ибо на следующий день, по заявлению австрийского посла, Австрия должна была принять решительные меры против Сербии. «Я вполне одобряю ответ, который вы дали Шену, — неслось по радио от Вивиани в Париж. — Позиция, которую вы заняли, говорит сама за себя; в поисках путей для мирного разрешения конфликта мы вполне согласны с Россией, которая не ответственна за настоящее положение и не прибегла еще ни к одной мере, могущей вызвать малейшее подозрение». На «Франсе» еще не знали, что в этот день в России было принято решение об общей мобилизации армии, что, без сомнения, уже являлось «мерой, могущей вызвать подозрение».

Если в Париже еще не думали об общей мобилизации, то «меры предосторожности» все время расширялись. Утром 28 июля приказано вернуть в свои гарнизоны все части пограничных корпусов, а после полудня военному губернатору Парижа приказано принять меры к охране учреждений; пограничным корпусам вести наблюдение за границей; отложены предполагаемые маневры; военный министр предложил министру почт и телеграфов учредить постоянное ночное и дневное дежурства в телеграфных учреждениях пограничных департаментов. Сведения из Германии говорили о начавшемся призыве запасных, подходе к границе войск и продолжающемся вооружении пограничных крепостей.

Мы слышали глубокомысленные разговоры Джорджа из Лондона, который повторял, без сомнения, слова самого Грея. Англия еще не теряла надежды локализовать могущий вспыхнуть пожар.

Английский посол в Париже записывает в этот день в дневнике, что, по словам Извольского, война неизбежна, если Англия не объявит себя солидарной с Францией и Россией или, вернее говоря, с Россией.

Мы уже слышали, с каким вниманием английский кабинет слушал читаемую 24 июля Греем австрийскую ноту к Сербии.

Хотя текст ноты и говорил об ее непримлемости для сербов, но тем

не менес большинство членов кабинета еще надеялись локализовать конфликт, и Грей выступил с предложением конференции послов.

Английский флот был мобилизован, и 26-го Черчилль предложил Грею открыто заявить о готовности английского флота. Однако, министр иностранных дел, хотя и признававший положение серьезным, отклонил это, указав, что подобное заявление нужно делать решительно и в последний момент, дабы оно оказало действие на другие государства Европы.

27-го кабинет обсуждал внешнее положение, что затем повторялось каждый день или даже два раза в день.

После совещания министров Черчилль послал распоряжение командующим эскадрами о необходимости быть готовыми к открытию военных действий.

В тот же день, беседуя с австро-венгерским послом в Лондоне, Грей счел все же нужным указать ему, что если война Австрии с Сербией вспыхнет, то при нейтралитете России он ничего не может к этому добавить. Но если Россия выступит, то вероятны всякие возможности. Как на симптом напряженного положения, Грей указал на сконцентрированный в Портсмуте английский флот. «Мы не призывали специально резервистов, — говорил Грей, — но после того, как они собраны, в настоящий момент мы не можем их распустить по домам». В своем донесении Берхтольд австрийский посол добавляет, что Грей был обеспокоен, но не возбужден, как ему об этом говорил Лихновский.

Лондон еще выжидал развития событий, по Грей все же считал нужным использовать отчасти совет морского министра — поугагать готовностью английского флота.

29 ИЮЛЯ

В этот день уже открылись военные действия на сербской границе, еще более осложнив ведение переговоров.

По сообщению Конрада, в Вене 29 июля были получены сведения, что железнодорожный мост на линии Землин — Белград взорван и сербы обстреляли австро-венгерский пароход. На этом начальник генерального штаба и обрывает описание столкновений на сербской границе, *умалчивая о бомбардировке Белграда*, которая, как увидим ниже, была использована дипломатами противной стороны, как доказательство агрессивности Австрии.

Берхтольд поделился с начальником штаба, что, по сведениям германского посла, русский посол в Вене Шебеко сообщал последнему о производящейся мобилизации четырех военных округов, так как Россия вынуждена для защиты своей чести, как великая держава, принять необходимые и соответствующие меры.

Конрад, взвесив положение, посоветовал сообщить в Берлин Сэгэни ноту германскому правительству следующего содержания:

«Мы узнали, что Россия действительно мобилизует четыре военных округа — Киевский, Одесский, Казанский и Московский. Мы запросили Россию, что означает эта мера, и, в свою очередь, заявили, что мы не остановимся в наших действиях против Сербии. Для Германии сообщается, что в случае, если русская мобилизация последует фактически, мы вынуждены немедленно мобилизовать остатки нашей армии и мы ожидаем по-

добного же заявления Германии в Петербурге и в Париже; мобилизация России против Австрии облегчает мобилизацию Германии против России».

Такие предложения вносил начальник австро-венгерского генерального штаба в ответ на те примирительные телеграммы, кои слал из Берлина в Вену канцлер. Конрад не думал склонять Берхтольда к каким-либо уступкам, а, наоборот, преследовал цель втянуть в конфликт и Германию.

Министр спросил: где, собственно говоря, желательно содействие Турции — в Азии или в Европе? Конрад терпеливо пояснил, что, конечно, на Балканах, где турки со своими 150 000 человек могут связать Грецию, если она выступит враждебно, и 100 000 могут бросить на помощь Болгарии. Сведения военного агента из Константинополя говорили о том, что в короткое время турки могут выставить от четырех до пяти хорошо вооруженных корпусов, хотя эти данные нужно считать все же довольно оптимистичными.

Италия еще таинственно молчала, но в итальянском военном министерстве ожидали приказа о сосредоточении: 1-й эскадры — в Бриндизи для операции в Адриатическом море совместно с Австрийским флотом и 2-й эскадры — в Гае и Специи против французов.

Вечером этого дня в кабинет к Конраду явился чиновник Берхтольда Маккио с неприятной вестью. Чернин сообщал из Бухареста, что румынский король заявил о полном нейтралитете при всяких обстоятельствах и что *на совместные действия румынской армии с армиями тройственного союза рассчитывать нельзя.*

«Это была тяжелая весть», — пишет в своих мемуарах Конрад.

Другую неприятность сообщал и военный агент из Черногории: *28 июля черногорская армия начала мобилизацию.*

Вечером, около 10 часов, пришло донесение военного агента из Петербурга, в котором говорилось о заявлении Сазонова германскому послу о частной мобилизации — в случае, если австрийскими войсками будет перейдена сербская граница. Сазонов мотивирует необходимость этого мобилизацией Австрией восьми корпусов, что слишком много против Сербии. «Генеральный штаб, — писал агент, — скрывает факт отдачи приказа об общей мобилизации и говорит только о приготовлениях против монархии, как и министр иностранных дел, чему противоречат поступающие сведения из всех частей государства».

Ныне Конрад в своих мемуарах доказывает всю неосновательность опасений России, так как против двенадцати сербских и четырех черногорских дивизий, силою каждая в 16 батальонов, Австрией было мобилизовано двадцать три дивизии, но силою от 12 до 14 батальонов, т. е. силы были почти равные. Кроме того, корпуса на русской границе (I, X и XI) совершенно не мобилизовались.

Мы не думаем вступать в полемику с сошедшим в могилу начальником штаба Габсбургов и считаем, что если Австрия твердо решила воевать с Сербией, то могла и выставить против нее превосходные силы. Суть была не в восьми корпусах, на которых играл Сазонов, чего, повидимому, не уяснил и до смерти Конрад.

В дальнейшем он посвящает нас в свои переживания, как начальника штаба, над которым нависла угроза неминуемого нападения России. Нельзя

было открыть ей свободный доступ в монархию, а потому следовало *не отоздать с собственной мобилизацией*.

Эти обстоятельства «прежде всего отзывались на военных соображениях; они давили в особенности на меня, как начальника генерального штаба, ответственного за ход операций».

«Каждый день имел громадное значение, каждое промедление могло повести к тому, что сосредоточивающиеся в Галиции силы могли быть атакованы русскими до окончания своего сосредоточения» (австрийского — *Б. III*).

«Предупреждение этого было моею главной обязанностью».

Таковы были думы, тяжелые думы начальника штаба на берегах Дуная.

Боязнь опоздать с развертыванием армий на русском фронте влекла неудержимо к общей мобилизации австро-венгерской армии.

Тот же страх за потерю времени в боевой готовности охватывал и Петербург.

Мы знаем, что в ночь на 29 июля телеграф передавал из Берлина в Петербург телеграмму Вильгельма к Николаю, в которой кайзер сообщал: «с глубоким сожалением узнал о впечатлении, произведенном в твоей стране выступлением Австрии против Сербии». Заклеймив сербов названием «убийцы», Вильгельм писал: «Без сомнения, ты согласишься со мной, что наши общие интересы, твои и мои, как и интересы других правителей, заставляют нас настаивать на том, чтобы все лица, морально ответственные за это жестокое убийство, понесли заслуженное наказание». «В этом случае политика не играет никакой роли», — уверял «Вилли». Полагая, что «Ники» трудно противостоять «силе общественного мнения», «искренний и преданный друг и кузен» говорил об «употреблении всего своего влияния для того, чтобы заставить австрийцев действовать открыто, чтобы была возможность притти к удовлетворяющему обе стороны соглашению» с Россией.

«В этот особенно серьезный момент я прибегаю к твоей помощи», — выстукивал одновременно другой провод, но уже не из Берлина в Петербург, а наоборот — из последнего в Берлин, передавая телеграмму Вильгельму от Николая, который был рад возвращению Вельгельма». «Позорная война была объявлена слабой стране. Возмущение в России, вполне разделяемое мною, безмерно. Предвижу, что очень скоро, уступая производящемуся на меня давлению, я буду вынужден принять крайние меры, которые поведут к войне. Стремясь предотвратить такое бедствие, как европейская война, я умоляю тебя во имя нашей старой дружбы сделать все возможное в целях недопущения твоих союзников зайти слишком далеко».

День 29 июля прошел в оживленных беседах Сазонова с германским послом.

«Поденная записка» говорит, что Пурталес был принят Сазоновым в 11 часов утра, причем посол заявил, «что Германия согласна продолжать делаемые ею попытки, чтобы склонить венский кабинет к уступкам, но просил, чтобы это было сохранено в строгой тайне, так как разглашение подобных намерений германского правительства могло бы создать впечатление, будто взгляды Австрии и Германии в настоящем случае не вполне согласны. Кроме того, посол настойчиво просил, чтобы преждевременной мобилизацией у нас не было создано препятствий к осуществлению Германией желательного воздействия на Вену».

По свидетельству Пурталеса, Сазонов усомнился в желании Вены идти на переговоры с Петербургом, кроме того, Сазонов указывал, что «Австрия издала приказ о мобилизации восьми корпусов, каковая должна считаться направленной отчасти и против России».

«Поэтому Россия, — продолжал министр, — видит себя вынужденной также произвести мобилизацию своих войск на австро-венгерской границе. Соответственный приказ будет дан еще в течение нынешнего дня».

«Я немедленно привел против этой меры весьма серьезные возражения, — пишет Пурталес, — после чего министр иностранных дел отвечал мне, что в России мобилизованная русская армия может, в случае нужды, хотя целые недели стоять с ружьем у ноги. Россия хочет насколько возможно избежать войны».

Посол не удовлетворился этим и указал: «Пусть министр иностранных дел помнит, что высшее военное командование возможных противников России отныне будет настаивать на принятии мер против мобилизации русской армии. Таким образом, война делается неизбежной».

В дальнейшем Сазонов заверял, что «ни малейшая военная мера не принята против Германии с русской стороны», а Пурталес, обратив внимание на существование союзного договора Германии с Австрией, оговаривался, что «отнюдь не намерен с этим указанием соединить какую-либо угрозу».

Результаты беседы можно свести: 1) к предупреждению Сазоновым посла о готовящемся объявлении *частной* мобилизации, когда был уже подписан приказ об *общей*, и к уверениям, что русская армия может «хоть целые недели стоять с ружьем у ноги»; 2) туманным, если не сказать ложным, заверениям Пурталеса о воздействии на Вену и угрозе — даже в случае *частной* мобилизации ответить мобилизацией германской армии, а также и к напоминанию о существовании австро-германского договора, т. е. прямой угрозе войной, если Россия объявит таковую Австрии. Повидимому, советы начальника австро-венгерского генерального штаба нашли отклик в Берлине.

По сообщению германского военного представителя при Николае, в дворцовых кругах «война считалась отныне почти неизбежной».

Мы предоставим теперь слово «Поденной записи».

«По уходе посла означенное заявление обсуждалось министром с А. А. Нератовым, бароном Шиллингом и князем Трубецким. При этом ставился вопрос, действительно ли Германия намерена оказать в Вене серьезное воздействие, или порученное графу Пурталесу сообщение рассчитано лишь на то, чтобы, усьшив наше внимание, по возможности, оторочить мобилизацию русской армии и время для соответственных приготовлений. Общее впечатление было таково, что если даже допустить искренность в данном случае германского правительства, то все же приходится усомниться в достижимости этим путем практических результатов, так как если Австрия зашла уже столь далеко без содействия или, по крайней мере, потворства Германии, то следует предположить, что влияние последней в Вене сильно упало, а потому в данную минуту германскому правительству едва ли удастся многого достигнуть».

Сазонов не думал сохранять в тайне разговоров с Пурталесом и циркулярной телеграммой всем послам, с доведением содержания ее до соответ-

ствующих правительств, сообщил о беседе с германским послом и подчеркивал, что «наши военные меры не направлены против Германии и не предвещают наступательных действий против Австрии. Наши военные меры объясняются мобилизацией Австрии».

Однако, до этой телеграммы провод сообщал от Сазонова в Бухарест: «Цель нашего возможного выступления против Австрии — не допустить разгрома Сербии. Мы не исключаем возможности выгод для Румынии, если она примет участие в войне против Австрии».

Что таковая в Петербурге была решена твердо, об этом лишний раз напоминать уже не приходится. Петербург интересовал теперь больше вопрос о выступлении Германии, нежели расчет с Австрией.

«В 3 часа дня германский посол вновь приехал к министру, — говорит «Поденная запись», — и прочел ему телеграмму имперского канцлера, в которой говорилось, что если Россия будет продолжать свои военные приготовления, хотя бы и не приступая к мобилизации, Германия сочтет себя вынужденной мобилизоваться, и в таком случае последует с ее стороны немедленное нападение. На это сообщение С. Д. Сазонов резко ответил: «Теперь у меня уже нет сомнений относительно истинных причин австрийской несговорчивости». Граф Пурталес вскочил со своего места и также резко воскликнул: «Я всеми силами протестую, г. министр, против этого оскорбительного утверждения». Министр сухо возразил, что Германия имеет случай на деле доказать ошибочность высказанного им предложения. Собеседники расстались весьма холодно».

Нельзя отрицать, что как телеграмма канцлера, так и посол уже говорили языком Конрада.

Пурталес говорит, что «около полудня» его вызвал к себе Сазонов и сообщил об отказе венского кабинета вести переговоры с Петербургом. По мнению министра, нужно обратиться к английскому предложению о посредничестве. Пурталес в ответ указал на неосведомленность в этом Берлина и, переведя разговор на русскую мобилизацию, сказал, что «если Сазонов на самом деле серьезно хочет мирного разрешения конфликта, то, на его взгляд, он совершил роковую ошибку, не помешав мобилизации». «Тогда министр иностранных дел, — продолжает Пурталес, — вновь подтвердил мне, что предстоит немедленное опубликование приказа о мобилизации». «Поденная запись» ничего не говорит об этом втором разговоре посла с министром; Пурталес же относит его к промежутку времени между 6 и 7 часами вечера.

Пурталес свидетельствует, что им была получена от канцлера телеграмма следующего содержания: «Прошу самым серьезным образом указать г. Сазонову на то обстоятельство, что дальнейшее развитие мобилизационных мероприятий со стороны России вынудило бы нас к производству мобилизации и что после этого вряд ли еще сохранилась бы возможность предотвратить возникновение европейской войны».

Пурталес говорит о чтении им телеграммы Сазонову и о добавлении им от себя «просьбы видеть в этом сообщении не угрозу, а дружественное предупреждение». Посол, который советовал министру не давать говорить генеральным штабам, не подозревая, действовал по указке начальника австрийского генерального штаба. Пурталес не говорит о серьезной раз-

молвке с министром, а лишь фиксирует: «Сазонов принял мое сообщение с видимым внутренним волнением и ограничился лишь ответом, что он доложит о нем своему августейшему повелителю».

Чтобы покончить с германской стороной, мы должны сказать о беседе Янушкевича с германским военным агентом, которая, по данным Пурталеса, состоялась «к вечеру того же дня». Янушкевич заверил, от имени военного министра, «что положение всецело осталось тем же, каким его министр охарактеризовал два дня тому назад». Янушкевич предложил выдать «письменное подтверждение правильности своего заявления» и дал «честное слово», что «нигде до сих пор еще, до 3 часов дня, не произведена мобилизация». «Генерал не может ручаться за будущее, но во всяком случае он может подтвердить самым энергичным образом, что его величеству нежелательно производить мобилизацию на фронтах, обращенных к германской границе». Янушкевич сообщал, что «он только-что имел аудиенцию у царя».

Оценка заявления начальника штаба военным агентом сводилась к тому, что он «вынужден считать этот разговор за попытку ввести нас в заблуждение о размерах до сих пор произведенных мероприятий».

По мнению Пурталеса, «эти излияния в самом деле должны были производить впечатление внушающих к себе мало доверия».

Как выше было указано, «Поденная запись» относит второй разговор Сазонова с германским послом к 3 часам дня, не называя его именно вторым.

«Вскоре по уходе германского посла, — продолжает «Запись», — в кабинет министра в присутствии А. А. Нератова и барона Шиллинга позвонил телефон: государь император лично сообщал С. Д. Сазонову, что им только-что получена от императора Вильгельма телеграмма с убедительной просьбой не доводить дело до войны». Сазонов доложил, что заявления Пурталеса расходятся с желаниями Вильгельма, почему Николай решил «тотчас же» телеграфировать в Берлин, «чтобы получить объяснение означенного противоречия».

«Его величество, — говорит «Поденная запись», — разрешил С. Д. Сазонову безотлагательно переговорить с военным министром и начальником генерального штаба по вопросу о нашей мобилизации».

Мы предоставляем слово «Записи»:

«К этому времени получено известие о начале бомбардировки Белграда австрийцами.

Совещание это между тремя поименованными лицами состоялось вскоре после того в кабинете генерал-лейтенанта Янушкевича. В соседней зале находились генерал-квартирмейстер Данилов, генерал Монкевид и помощник начальника канцелярии министра иностранных дел Н. А. Базили для немедленного приведения в исполнение могущих последовать распоряжений, в зависимости от имевшего последовать решения. Последнее ожидалось всеми не без тревоги, так как все знали, насколько важно для нашей боевой готовности, будет ли произведена лишь частичная мобилизация, или сразу общая, так как в первом случае осуществление частичной мобилизации неминуемо затруднило бы переход впоследствии к общей, если бы в таковой все же оказалась необходимость.

По всестороннем обсуждении положения оба министра и начальник генерального штаба пришли к заключению, что, в виду малого вероятия избежать войны с Германией, необходимо своевременно всячески подготовиться к таковой, а потому нельзя рисковать задержать общую мобилизацию впоследствии путем выполнения ныне мобилизации частной. Заключение совещания было тут же доложено по телефону государю императору, который изъявил согласие на отдачу соответствующих распоряжений. Известие об этом было встречено с восторгом тесным кругом лиц, которые были посвящены в дело. Тотчас же были отправлены телеграммы в Париж и Лондон для предупреждения правительств о состоявшемся решении.

Одновременно было поручено императорскому послу в Париже передать французскому правительству благодарность за сделанное накануне французским послом заявление. Императорскому послу в Лондоне поручалось обратиться к английскому правительству с настоятельным призывом: «не теряя времени», присоединиться к России и Франции, чтобы помешать нарушению европейского равновесия».

Таков ход событий в изложении «Поденной записи».

Едва ли, конечно, можно было после этого совещания говорить о «помехе нарушенного европейского равновесия», ибо телеграмма в Лондон и Париж дословно гласила: «германский посол заявил о решении Германии мобилизоваться, если Россия не прекратит вооружений. Нам остается ускорить наши вооружения и считаться с неизбежностью войны».

Участники этого совещания хранят молчание.

Сухомлинов в своих воспоминаниях совершенно ничего не говорит не только о нем, но и о целом дне, печалуясь лишь о том, что, «благодаря исключительному влиянию на государя великого князя Николая Николаевича, начальник генерального штаба имел непосредственный доступ к царю». «Точно также, — пишет Сухомлинов, — и министр иностранных дел сносился без моего ведома с начальником генерального штаба». «В дипломатических вопросах я участия не принимал... Если же теперь оказывается что помимо меня начальник генерального штаба собирался пустить в ход общую мобилизацию вместо частичной, то для меня это новость, — обстоятельство, искусно скрытое в свое время. Янушкевич был умный и осторожный человек, самостоятельно решиться на такое преступное дело не мог. Нет никакого сомнения, что им руководило лицо, имевшее такое исключительное влияние на государя, что Янушкевич ничем не рисковал».

«В настоящее время выясняется, — продолжает Сухомлинов, — что 29 июля, вместо решенной частичной мобилизации, чуть не объявили общую. За моей спиной пытались, очевидно, получить разрешение государя объявить общую мобилизацию. Повидимому, Николай Николаевич вынудил у государя согласие на это».

Насколько участвовал в этом «преступном деле» сам военный министр, видно из «Поденной записи», и, конечно, трудно поверить, что без его ведома вечером 28-го были представлены Янушкевичем два проекта приказа о мобилизации.

Янушкевича давно нет в живых. «Тесный круг лиц» тоже не желает распространяться о своих «восторгах». Один из его членов Данилов говорит лишь с негодованием о коварстве Пурталеса и Вильгельма, не добавляя

ни слова о своих «тревоге» и «восторге» при решении совещания проводить общую мобилизацию. Он лишь посвящает нас, что Базили вечером было поручено довести до сведения Палеолога о принятом решении объявить общую мобилизацию, и указывает, какие трудности встретил в своей миссии Базили, ибо Палеолог донес бы сейчас же в Париж, не ожидая утра 30 июля, когда «повеление об общей мобилизации армии должно было стать общеизвестным». «До этого же времени, — пишет Данилов, — представлялось, конечно, желательным сохранить его в тайне от наших западных соседей. Между тем, нашему министерству было доподлинно известно, что французский шифр довольно легко поддается расшифровке, и, таким образом, содержание телеграммы Палеолога, подлежащей на общем основании направлению через Берлин, подверглось риску стать достоянием наших противников». Базили просил Палеолога отправить телеграмму русским шифром, на что получил согласие, но отправка депеши не состоялась, «вследствие коренной перемены, происшедшей в тот же вечер в решении государя».

Вот и все повествование Данилова о 29 июля, — как видно, «день прошел довольно спокойно».

Если вспомним, то Данилов и Добророльский *согласно* свидетельствуют, что *утром 29 июля* вернулся *подписанный указ об общей мобилизации*, который и попал в недра генерального штаба. Если верить Янушкевичу в его заявлении германскому военному агенту об его докладе Николаю 29 июля, то, повидимому, указ и был следствием этого доклада.

Однако, генеральный штаб это «преступное дело» решил, повидимому, хранить в тайне не только от военного министра (что вызывает сомнения), но и от министра иностранных дел, который после 3 часов дня испросил разрешение переговорить о мобилизации с военными властями, а у «тесного круга лиц» была тревога, примут ли решение о частной или общей мобилизации. Один из членов этого круга — Данилов, посвященный в то, что утром 29 июля был подписан уже приказ об «общей» мобилизации, не пытался успокоить своих однокружковцев. Довольно неясно и туманно, для чего Сазонову было собирать совещание об объявлении общей мобилизации, когда указ о таковой уже был подписан? Объяснить это можно одним, что до утра 30 июля русский генеральный штаб желал сохранить приказ в тайне не только от «западных соседей», но и от министерства иностранных дел и различных «тесных» кружков. И только совещание у Янушкевича выявило «общую» мобилизацию, причем, по «Поденной записи», у Николая спрашивалось, повидимому, подтверждение [дапной уже им подписи.

Какова же была судьба подписанного указа об общей мобилизации?

Мы не можем отказать читателю в удовольствии прослушать «одиссею» этого документа со слов самого участника.

«Утром 16 июля (29 июля — *Б. III.*), — пишет Добророльский, — генерал Янушкевич вручил мне для исполнения подписанный... указ об общей мобилизации, где первым ^{днем} мобилизации назначалось 17 июля (30^ю — *Б. III.*). Указ должен быть отправлен для обнародования в правительствующий сенат, но раньше надлежало с ним вместе быть у министров военного, морского и внутренних дел для подписи ими телеграммы, кото-

рая, по закону за их подписями, объявлялась командующим войсками, генерал-губернаторам и губернаторам о мобилизации.

Хорошо помнятся эти посещения министров. Сухомлинов все эти роковые дни вообще был очень сдержан, будто намеренно с его стороны первая роль в военном ведомстве перешла к Янушкевичу... Сухомлинов отчетливо понимал, что Россия втягивается в непосильную борьбу, и теперь будто хотел, чтобы забыли всего несколько месяцев тому назад по его инициативе написанную кривливую статью в «Биржевых Ведомостях» о нашей готовности: «Россия не хочет войны, но и не боится ее». В эти серьезные дни он, казалось, умышленно предоставил дирижерскую палочку начальнику генерального штаба, который через несколько дней должен был стать начальником штаба верховного главнокомандующего...

Когда я явился к морскому министру, адмиралу Григоровичу, он не хотел верить, что я привез ему для подписи телеграмму об общей мобилиции. «Как, война с Германией? Флот наш не в состоянии состязаться с немецким, — говорил министр. — Кронштадт не предохранит столицу от бомбардирования». Он позвонил Сухомлинову по министерскому телефону и просил подтвердить надобность в его подписи. И, получив утвердительный ответ (а ныне Сухомлинов заявляет о полном своем неучастии в «преступном деле»!!! — *Б. III.*), он с тяжелым чувством приложил свою подпись.

На Елагином острове, у министра внутренних дел Маклакова, в кабинете царил молитвенная обстановка. Как раз против письменного стола, за которым сидел министр, у противоположного простенка, на узком столе, покрытом белой пеленою, находилось несколько больших образов, перед которыми теплилась лампада и горело несколько восковых церковных свечей. Он сейчас же заговорил о революционерах, которые, по его компетентным сведениям, ждут с нетерпением войны, чтобы докончить дело, начатое в минувшую японскую войну. «Война у нас, в народных глубинах, не может быть популярною, и *идеи революции народу понятнее, нежели победа над немцем*. Но от рока не уйти»... и, осенив себя крестным знаменем, министр подписал телеграмму...

Теперь надо было направиться на главный телеграф, — пишет Добророльский, — и пускать историческую телеграмму в оборот. (Мы опускаем всю махинацию, предшествующую этой торжественной минуте — *Б. III.*)... Но в этот момент, в 9¹/₂ часов вечера, меня приглашает к телефону генерал Янушкевич и приказывает задержать телеграмму...» О подробностях этого речь будет ниже.

Мы пока оставим разочарованного вдохновителя общей мобилизации России Добророльского на центральном телеграфе Петербурга, остановившем передачу телеграммы.

Хотя в введении в первой книге нашего труда мы заявляли, что слагаем с себя задачу обрисовывать русский генеральный штаб, но, к сожалению, сдержать этого обещания не можем и должны сказать несколько слов «о соотношении сил», существовавшем в дни войны в Петербурге, т. е., главным образом, отношениях между дипломатией и генеральным штабом.

Выше нами давалась характеристика министра иностранных дел Сазонова, как человека европейской складки, с «рыцарским образом мыслей

и действиями, но с уклоном, как оденывает Ягов, националистическим, позволявшим приобретать симпатии у большинства Государственной думы.

Конечно, нельзя в симпатиях к Сазонову заподозрить бывшего военного министра — Сухомлинова, дающего характеристику Сазонова, может быть до некоторой степени пристрастную, но в то же время и верную; мы должны ее прослушать.

Говоря о своей изоляции (мнимой — *Б. Ш.*) до 2 августа и о том, что Сазонов действовал по указке Николая Николаевича, Сухомлинов пишет:

«Не обладая серьезным опытом на дипломатическом поприще, Сазонов хотя образованный, умный и выше среднего человек, все же находился в руках таких сотрудников, как граф Татищев, которые обладали значительно большим опытом.»

В заседаниях совета министров Сазонов горячо отстаивал вносимые его ведомством представления; в обсуждении же вопросов других ведомств обыкновенно участия не принимал.

С министром иностранных дел у меня никогда никаких недоразумений не было. Наши строго корректные отношения ограничивались исключительно отношениями, проистекавшими из нашего служебного положения.

Характер же служебных наших сношений отражался и на частных. У нас не было никаких прочных точек соприкосновения, так как для дипломатии у меня не имелось никакого избытка чувств, да и Сазонов военными вопросами не интересовался. Его десантные планы на Босфоре свидетельствовали, как мало понимал он в военном деле.

Нет слов, что «бывший» человек недалек от истины: министр иностранных дел Сазонов довольно смутно понимал условия ведения войны; как человек легко восприимчивый, он упивался своим успехом над Германией в январе 1914 года и смотрел на политическое положение более глазами своего «интимного кружка», нежели лично оценивал его сам.

Когда-то мы слышали, что у большинства начальников генеральных штабов существовал «интимный, тесный круг» сотрудников, в среде которого решались различные вопросы. Наличие такого «интимного круга» негласных и безответственных советчиков было и в учреждении у Певческого моста. Мы слышали, как весть об общей мобилизации вызвала радость у «тесного круга» второстепенных персонажей истории, которые и являлись вдохновителями своих высоких начальников. Едва ли нужно доказывать, что различные Шиллинги, Базили, Трубедкие и т. п. энергичные молодые люди, кстати сказать неответственные ни за что, сгоряча рубили лес, не думая о тех щепках, кои полетят на равнинах Европы. Стремление «играть роль», быть «участниками» великих событий мировой истории — обуревало этих молодых людей. В былые времена «безумный» грек Герострат сжег храм Дианы. И нужно сказать, что роль таких «поджигателей» очень улыбалась чиновным дипломатам в расшитых золотом мундирах, но с одним условием: факел, который должен был зажечь мировой пожар, они передавали в руки... Сазонова, с полной надеждой, что «малый не выдаст». Из сказанного нами до сих пор с очевидностью явствует, что сей «малый» действительно вызывал лишь «радость тесного круга», который не ошибался в своих расчетах.

Что касается ориентировки этого «тесного» круга «дипломатов в воен-

ном положении России, то она, правда, покоилась больше на якорях морского ведомства, нежели сухопутного. Поэтому считаем правым Сухомлинова, который отказывает Сазонову в знании военных дел. Русская дипломатия нашла себе поддержку, и довольно энергичную, в морских кругах — стремление к захвату Босфора объединило эти два ведомства, как общее преступление связывает лиц, участвовавших в нем. Что это так, легко убедиться, если вспомнить всю историю, связанную с операцией в проливах Черного моря. Конечно, покажется странным, как же вдруг морской министр с «тяжелым чувством приложил свою подпись» на телеграмме об общей мобилизации. Просим не забывать, что и в морском ведомстве существовал генеральный штаб, который и развивал «безбрежные» планы различных десантных операций: и в Босфоре, и в Померании, не решившись лишь на таковые... на Северном полюсе. Стратегия «авантюристическая», по классификации достопочтенного Леера, была свойственна этому учреждению морского ведомства и, прежде всего, его и второму оперативному отделу, одному из самых деятельных членов «тесного круга» лиц второстепенного свойства, направлявших русский дипломатический корабль в циклон мировой войны. Такова поучительная история различных «интимных кругов».

В своих воспоминаниях бывший военный министр пытается изобразить из себя «одиночку», которая, в силу ряда причин, была «сдержанна» в дни, предшествовавшие мировой войне.

Причины эти, по мнению Сухомлинова, заключались: 1) в изоляции его от Николая великим князем Николаем Николаевичем; 2) в такой же изоляции со стороны Сазонова, который, как и великий князь, был убежден в наличии у Сухомлинова «основательных аргументов для отстаивания сохранения мира в то лето 1914 года»; 3) в убеждении, что русская армия готова к войне, а потому известная статья об этом в «Биржевых Ведомостях» отвечала вполне действительности, будучи напечатанной по представлению государю и одобренной им; 4) в действиях начальника генерального штаба через голову военного министра, причем первый «не дал ни малейшей надежды на возможность сохранения мира», имея за собой поддержку великого князя.

Выше было показано, что «изоляция» военного министра была отнюдь не такой «строгой», какой пытается обрисовать ее Сухомлинов, но, с другой стороны, не приходится сомневаться, что в эти дни голос начальника генерального штаба, по природе довольно «тихий» и «вкрадчивый», приобрел решающее значение.

Сухомлинов говорит об Янушкевиче, как о человеке «умном и осторожном», который «самостоятельно решиться на такое преступное дело (объявление общей мобилизации без ведома военного министра—*Б. III.*) не мог». «Нет никакого сомнения, что им руководило лицо, имевшее такое влияние на государя, что Янушкевич ничем не рисковал».

«Янушкевич в эти роковые дни, — говорит в другом месте Сухомлинов, — был тем лицом, через руки которого открыто проходили распоряжения, касающиеся армии. Его роль, однако, была фальшивой и незавидной. Он был на привязи у Николая Николаевича и за кулисами — сам великий князь, может быть и обе черногорки, державшие поводки в своих руках. Этой роли на себя взять я не мог...»

... Янушкевич, потворствующее доверенное лицо великого князя, действовал по директивам этого последнего. В каком объеме это происходило в то время, проверить этого я не мог. Поэтому и не знал о том, что подчиненный мне генерал бывал ежедневно у государя и за моей спиной делал доклады, в то время, как я полагал установленным, что начальник генерального штаба мог быть допущен к докладу лишь в присутствии военного министра».

Если допустить, что Сухомлинов ныне пристрастно судит о бывшем его начальнике генерального штаба, то гораздо ранее его Добророльский об Янушкевиче записал следующее: «Янушкевич в эти дни с несвойственным, казалось, ему темпераментом изображал главу важнейшего в данный момент ведомства. При постоянных посещениях его служебного кабинета обыкновенно приходилось его заставить с трубкой одного из трех телефонов — или придворного, связывавшего его с царской резиденцией Александрпей, или особого министерского, коим он соединялся с министрами, или, наконец, городского. Его сдержанное обычно выражение лица в эти дни вызывало тревожное настроение, а бледность и большие мешки под глазами свидетельствовали о бессонных ночах, проводимых им за работой. Еще 4 месяца тому назад, в скромной роли начальника академии, мог ли он предположить, что на его плечи взвалится тяжкая ответственность по всеобщей мобилизации русской армии».

Действительно, в новой роли нельзя было узнать скромного и нудного профессора военной администрации, каким был, по личным воспоминаниям автора настоящего труда, Янушкевич. Скрытный, выдержанный, с долей лести, сделавший удачную карьеру своей женитьбой на некрасивой, но имевшей вес в обществе Петербурга особе, гвардеец до мозга костей со всеми присущими сему своеобразному виду войск бывшей русской армии недостатками и достоинствами, каковых было не много, — Янушкевич, набожный по натуре, являл собою тот тип иезуита в мундире генерального штаба, каких было не мало в русском и союзном ему французском штабах. Если в области стратегии Янушкевич был не силен, о чем свидетельствуют все его ближайшие сотрудники, то в искусстве скользить бесшумно и угодливо по придворному паркету, в умении говорить только приятные вещи, конечно, отказать ему было нельзя. Одним словом, «в те дни» Янушкевич был «свой» человек при дворе, в то время как Сухомлинов, с явно германской ориентацией, внушал к себе недоверие. Известная слава о бывшем военном министре, как стороннике Берлина, если не больше, складывалась задолго до его знаменитого процесса...

Таково было «соотношение» в дипломатическом и военном мирах на берегах Невы, в соседних зданиях, объединенных аркой, являвшей в эти дни символ связи политики и стратегии, как это значит в военной науке.

Итак, утром 29 июля Николай Романов подписал указ об общей мобилизации, после 3 часов дня еще раз подтвердил ее в разговоре с Сазоновым. Около того же времени была получена первая телеграмма Вильгельма, на которую, после переговоров с Сазоновым, Николаем была послана вторая телеграмма с запросом о расхождении заявлений Вильгельма и германского посла и предложением передать весь австро-сербский конфликт в Гаагский трибунал.

В 9 часов 40 минут вечера 29 июля в Петергоф была доставлена отвечающая на первую телеграмма Вильгельма (его вторая телеграмма — *Б. III*), в которой кайзер «разделял желание сохранить мир», но выступление Австрии рассматривал не как «позорную войну», а «как желание иметь полную гарантию в том, что сербские обещания претворятся в реальные факты». Вильгельм уверял в своем стремлении быть посредником между Веной и Петербургом и находил «вполне возможным для России остаться только зрителем австро-сербского конфликта и не вовлекать Европу в самую ужасную войну, какую ей когда-либо приходилось видеть»... «Военные приготовления со стороны России... ускорили бы катастрофу».

«Эта ответная телеграмма императора Вильгельма и побудила государя отменить принятое решение о всеобщей мобилизации», — значителен в приписке карандашом на телеграмме, сделанной в министерстве иностранных дел.

Получив телеграмму «Вилли», «Ники» заколебался: неловко на предложение посредничества отвечать общей мобилизацией, неловко перед теми же французами и англичанами. «Здесь последний Романов, — пишет М. Покровский, — оказался тактичнее своих слуг».

О том, как произошла остановка телеграммы распоряжением из Петергофа, источники, цитируемые нами, расходятся в своих показаниях. Телеграмма Вильгельма пришла в 9 часов 40 минут; между тем, Добророльский фиксирует что в «9¹/₂ вечера» Янушкевич вызвал его по телефону и приказал задержать передачу телеграммы. Несогласованность в нескольких минутах роли не играет, но очевидно одно, что *начальник генерального штаба раньше всех получил указание Романова остановить объявление общей мобилизации.*

Сухомлинов пишет:

«Около полуночи с 16/29 на 17/30 июля государь император вызвал меня к телефону из Петергофа, вследствие полученной им телеграммы от императора Вильгельма... Так как я несколько дней государя не видел, то этот разговор по телефону меня, понятно, поразил. За кулисами должен был находиться кто-нибудь, с кем государь советовался и в правильности советов которого Николай II, однако, усомнился. Если бы у него явилось самостоятельное решение исполнить желание Вильгельма, ему следовало отдать об этом прямое приказание, — мобилизацию отменить.

Но государь на такой шаг не решился, по моему мнению, потому, что это не отвечало взглядам конфиденциального его советника. Такое положение «между молотом и наковальней» заставило его принять среднее решение: «нельзя ли приостановить».

В телефон же мне пришлось доложить, что мобилизация не такой механизм, который можно было бы, как коляску, по желанию приостановить, а потом опять двинуть вперед. Что же касается отмены частичной мобилизации, то если бы последовало именно такое повеление, я со своей стороны считал долгом доложить, что после того потребуется много времени, чтобы восстановить нормальное исходное положение для новой мобилизации четырех южных округов.

Поэтому я просил государя, в виду важности вопроса, потребовать еще доклада по этому предмету начальника генерального штаба. На этом наш разговор и прекратился.

Через некоторое время мне позвонил генерал Янушкевич и доложил о разговоре с государем, причем его ответ совпал с тем, что и я докладывал государю.

А так как ни Янушкевич, ни я, таким образом, повеления о прекращении нашей частичной мобилизации не получили, то никаких распоряжений делать и не имели права... Помимо министра иностранных дел, Николай II очевидно не мог решиться отменить свое повеление».

Сухомлинов ни одним словом не обмолвился о том, что Николай приказал отменить общую мобилизацию и что он, военный министр, «около 11 часов вечера сообщил по телефону министру иностранных дел, что им получено высочайшее повеление об отмене общей мобилизации», — как об этом говорит «Поденная запись».

Отмена общей мобилизации произошла тотчас же по получении телеграммы, а в 11 часу Николай вел переговоры по телефону с военным министром и начальником генерального штаба не только об отмене общей, но и частной мобилизации.

В своих воспоминаниях Бьюкенен сообщает, что «Николай вызвал к телефону одного за другим военного министра и начальника генерального штаба и отменил всеобщую мобилизацию». «Но мобилизация уже началась и остановка ее, как возражали оба генерала, выбьет из колеи всю военную машину. Царь, однако, продолжал настаивать. Но, несмотря на его категорический приказ, военные власти продолжали всеобщую мобилизацию без его ведома».

Причисляющий себя «к числу тех лиц, коим приписывают деятельное участие в возникновении всемирной войны», Сухомлинов категорически отвергает подобные вымыслы английского посла, и мы должны действительно отметить, что военные власти продолжали мобилизацию, но только «частную».

Данилов свидетельствует, что «несколько позднее отправки телеграммы императором Николаем было отдано повеление об остановке всех распоряжений по производству общей мобилизации и о замене ее частной мобилизацией только в четырех военных округах... О каких-либо дополнительных переговорах между государем императором, военным министром и начальником генерального штаба в ночь с 29 на 30 июля я в то время ничего не слыхал, и если эти переговоры действительно происходили, то содержание последних, повидимому, оставалось тайной переговаривавшихся лиц».

Вернемся к Добrorольскому, который немедленно забрал с аппаратов все оттиски телеграммы об общей мобилизации.

«Телеграмма о частной мобилизации на имя командующих... была послана много позже, около полуночи с 16 на 17 июля» (29 на 30 июля — Б. Ш.).

«Я вернулся в кабинет начальника генерального штаба, — пишет Добrorольский, — и не мог не скрыть всей горечи от происшедшей перемены. Было очевидно, что вся тяжесть последующих недоразумений и сумбура, — ибо несомненность общей мобилизации через несколько дней была ясна, — ляжет на нас — на генеральный штаб».

«Янушкевич передал слова его величества, что государь император принимает на себя всю ответственность объявления частной мобилизации:

представители военного ведомства слезали все от них завясающее, чтобы была общая мобилизация, но он решил такой не производить».

Действительно, две линии — дипломатическая и военная — за 29 июля пришли к определенному выводу о неизбежности войны с Германией, а поэтому — о необходимости объявления общей мобилизации. Заколебалась *династическая* линия, убежденная было двумя указанными ранее в правоте их доводов, но затем отдавшая приказ об остановке телеграммы об общей мобилизации, не решившись, однако, на отмену и частной, о чем, во всяком случае, она думала. Правда, частная мобилизация в этот день Германией уже тоже рассматривалась, по толкованиям Вены, как повод к войне.

Мы слышали неоднократно утверждения Сазонова, что мобилизованная русская армия может стоять целые недели с ружьем у ноги, что оспаривалось германским послом, видевшим в приведении русской армии в такое состояние не что иное, как войну.

Воздержимся пока от высказывания своих личных взглядов, а обратимся к фактам. В начале 1913 года генеральным штабом было твердо установлено и указано войскам к исполнению, что *мобилизация против Германии и Австрии есть в то же время объявление войны этим государствам*. Однако, в начале 1914 года эта формула была отвергнута и определенно установлено, что *объявление мобилизации против Германии и Австрии не есть еще объявление войны им*, каковым надлежит считать или получение телеграммы из Петербурга об объявлении войны или факт перехода границы неприятельской вооруженной командой.

Таким образом, искренно или нет, но русский генеральный штаб отмежевал мобилизацию от объявления войны, считая, что миллионная русская армия действительно может недели стоять спокойно на границе. Слов нет, что такое положение для опаздывающей в мобилизации и сосредоточении русской армии было очень выгодно, но только... даст ли возможность противник это осуществить? Старый Мольтке учил, что всегда нужно учитывать волю противника в самых благоприятных условиях для него, т. е. для противника. Последняя же русская формулировка объявления войны как раз грешила в этом, но зато давала выгоды в другом — в ответственности за войну, которая могла быть переложена на противника.

Ночь прошла беспокойно для дипломатов. «Поденная запись» говорит нам, что «около 1 часу ночи германский посол по телефону настоятельно просил министра принять его немедленно». «Сазонов, уже легший спать, встал с постели и принял посла, который запросил, не можем ли мы удовлетвориться обещанием Австрии не нарушать целостности Сербии. Министр ответил, что этого недостаточно, и на убедительную просьбу посла выработал и передал графу Пурталесу текст формулы, в которой указывались те условия, на которых Россия была бы согласна остановить свои вооружения».

Германский посол в ином свете рисует это свидание. «В ту же ночь, — пишет Пурталес, — Сазонов еще раз пригласил меня с себе, по телефону, около полуночи». Пурталес возлагает, таким образом, инициативу свидания на министра.

«Я застал министра иностранных дел в состоянии более спокойном, чем за несколько минут перед тем. Между нами завязался разговор, длившийся полчаса».

По словам посла, Сазонов снова предлагал «совещание четырех», убеждая в том, что «германскому императору достаточно сказать только одно слово, и в Вене его послушают».

Пурталес отклонял все доводы Сазонова, основываясь на том, что: 1) Австрия заявила о своей территориальной незаинтересованности, и 2) Вена не послушает и нельзя оказывать давления на «великую» державу.

Даже возглас Сазонова: «Сербия не должна быть Бухарою» остался без ответа. «Я сохранил, — пишет Пурталес, — свою точку зрения, именно, относительно того, чтобы предоставить ныне Австро-Венгрии одной свести свои счеты с Сербией; при заключении мира всегда еще остается время вернуться к вопросу о сохранении сербского суверенитета».

«Затем, — продолжает посол, — я снова перевел разговор на русскую мобилизацию, которая, как я отметил, совершенно оттесняет австро-сербский конфликт на задний план, так как в настоящее время мы находимся лицом к лицу с опасностью всевропейского пожара».

Сазонов давал один ответ: «Россия не должна оставлять Сербию в беде... Не может быть и речи об отмене указа о мобилизации русской армии, каковая, де, является лишь следствием австро-венгерской мобилизации». В конце разговора Пурталес «еще раз подчеркнул, что предостережение имперского канцлера носило характер дружественный, а отнюдь не являлось угрозой». Одним словом, германский посол повторил, как эхо, советы начальника австрийского генерального штаба.

Пурталес ни одним словом не обмолвился о тексте формулы соглашения, которую Сазонов ему передал. По Португесу выходит, что Сазонов после разговора с ним спокойно отошел ко сну.

Однако «Поденная запись» свидетельствует об ином: «Третье свидание германского посла (но нашему счету четвертое — *Б. III.*) с министром — 2 часа ночи. Глубоко растроганный и взволнованный в виду неизбежности европейской войны, граф Пурталес настоятельно просил министра формулировать какое-либо предложение, которое он мог бы телеграфировать своему правительству. Министр выработал и передал послу следующую формулу: «Если Австрия, признавая, что ее конфликт с Сербией принял характер вопроса, имеющего общеевропейское значение, заявить о своей готовности исключить из своего ультиматума пункты, нарушающие принцип суверенитета Сербии, Россия обязуется прекратить все свои военные приготовления».

В воспоминаниях германского посла нет указаний ни на новое свидание, ни на указанную формулу. Пурталес говорит о получении ее от министра утром 30 июля при новом свидании, о чем мы поговорим ниже.

Итак, «Поденная запись» настойчиво рисует нам *нервное состояние* Пурталеса и «*ночное спокойствие*» Сазонова. Извольский доносил из Парижа, что «занятое французской печатью твердое положение продолжается», что «президент убедился в твердом и вместе с тем спокойном настроении общественного мнения, вполне отдающего себе отчет в истинном смысле совершающихся событий». «Решительно тем же духом проникнута даже значительная часть радикалов-социалистов. Попыткам антимилиитаристических демонстраций революционной партии правительство не придает серьезного значения и намерено принять против них решительные меры».

«настроение военных кругов и высшего командного состава весьма поднятое».

«Сейчас Вивиани, — сообщил Извольский, — подтвердил мне, что решение правительства действовать в полном единении с нами встречает поддержку самых широких кругов и партий, включая радикал-социалистов которые только-что принесли ему резолюцию о безусловном доверии и патриотическом настроении их группы». Германскому послу заявлено, что «Франция искренно желает мира, но вместе с тем решила действовать в полном единении со своими союзниками и друзьями». На всякий случай, «на сегодняшней вечер Вивиани воспретил предполагавшийся митинг революционеров против войны».

Выше нами сообщалась циркулярная телеграмма Сазонова о «неизбежности войны». Посланная Извольскому, она сопровождалась: 1) выражением благодарности французскому правительству за «союзническую поддержку Франции» и 2) пожеланием скорейшего присоединения Англии к Франции и России.

За Париж Сазонов был спокоен. Лондон не давал ответа на предложение взять инициативу в примирении.

Хуже обстояли дела с Берлином. Вернувшийся туда в этот день посол Свербеев, имевший тотчас же свидание с Яговым, доносил телеграфно, что Ягов заявил ему: «Мы принуждены объявить мобилизацию против России, затем последует таковая против Франции»; когда все великие державы будут под ружьем, война кажется Ягову неминуемой. Несмотря на доводы посла, что русская мобилизация направлена против Австрии, Ягов ответил: «Все же принимаемые Россией на германской границе меры заставляют и Германию подумать о своей защите». Надежд было мало.

За ночь пришел и более подробный отчет русского посла в Берлине о беседе его 29 июля с Яговым, о чем мы поговорим ниже.

Тучи сгустились над Невой. Дипломаты и генеральный штаб, огорченные комбинациями Петергофа, плохо спали: воздух до отказа насыщен электричеством.

На берегах Шпрес, в Берлине, день 29 июля также проходил тревожно. Дело было, конечно, не в России и Франции, которые не могли запугать «храбрых трусов» в касках, — вопрос обострялся невыясненным положением Англии.

Всякие предложения «Ники» об обращении к Гаагскому трибуналу признавались Вильгельмом «идиотством». «Единственная забота, которая не дает мне покоя, после прочтения ответа сербов, — писал Вильгельм, — это опасение, как бы Австрия не взвалила на себя «тяжелую ответственность виновности в европейском конфликте».

Первая телеграмма Николая произвела на Вильгельма впечатление «признания его (Николая) собственной слабости» и попытки взвалить ответственность на германского императора. «Телеграмма содержит в себе скрытую угрозу и просьбу, похожую на приказ — одернуть союзника». «Увидим, как подействует моя телеграмма», — был уверен Вильгельм в еще продолжающемся своем влиянии на Николая и полагал, что последнему, «вместо того, чтобы ставить ультимативное требование одернуть союзника... следовало бы обратиться к Францу-Иосифу и с ним вести переговоры»...

Вечером 29 июля Бетман давал уже определенные указания Пурталесу, что «идея Гаагской конференции и в этом случае будет исключена».

Видя в мобилизации России если еще не прямую угрозу себе, то безусловно Австрия, Вильгельм теряет доверие к «Пики», — ему начинает казаться, что Петербург его «надувает», что его «обошли» и т. д. Если вспомним, что в отношениях Николая с Вильгельмом уже существовала некоторая недоговоренность, то теперь у Вильгельма она уже обращается в злобу против выходящего из подчинения «идиота», носящегося с Гаагским трибуналом вместо вежливого и полного подчинения Берлину. Союзник Петербурга — Франция — был совершенно не страшен для Германии.

Однако, злоба Вильгельма доходит до апогея, когда в этот же день ему приходится, по докладу Лихновского, знакомиться с позицией Англии.

Лихновский сообщал, что Грей пригласил его к себе. «Министр был совершенно спокоен, но очень серьезен, и встретил меня словами, что положение все более обостряется». Снова предлагая участвовать в посредничестве вчетвером и считая это «настоятельно необходимым, если не хотят вызвать европейской катастрофы», министр заявил: «Британское правительство желает поддерживать и впредь существующую с Россией дружбу и оставаться в стороне до тех пор, пока конфликт ограничивается Австрией и Россией». «Но если бы мы и Франция были вовлечены в войну, — писал Лихновский, — то дело сейчас же приняло бы иной оборот, и британское правительство считало бы себя, пожалуй, вынужденным принять спешные решения. Когда разразится война, это будет величайшей катастрофой, которую когда-либо видел мир. Грей, по его словам, далек от какого-либо желания угрожать, — он лишь хотел предостеречь меня от разочарований, а себя от упрека в неискренности и потому избрал форму частного обмена мнений».

Грей обещал, в случае принятия Австрией посредничества, «помочь ей получить всякое возможное удовлетворение». По его мнению, «Австрия может добиться гарантий на будущее и без войны, которая ставит европейский мир под знак вопроса».

Возмущение Вильгельма Англией, а в частности Греем, было настолько велико, что кайзер не скупился в выражениях, исключенных из дипломатического лексикона: «подлый фарисей!», «мерзкий сукин сын!» — сыпалось на голову английского министра, позволившего себе быть «серьезным». «Англия открывает свои карты, — пишет разгоряченный Вильгельм, — в тот момент, когда ей кажется, что мы загнаны в тупик и находимся в безвыходном положении. Гнусная торгашеская сволочь пыталась обмануть нас банкетами и речами». «Англия одна несет ответственность за войну и мир, а уж никак не мы! Это следует и публично установить».

Усмотрев из слов Грея, что Англия останется в стороне в случае конфликта только Австрии с Россией, что стремление Англии направлено к тому, чтобы немцы оставили Австрию, Вильгельм восклицал: «Неслыханная пошлость и дьявольское фарисейство — зато чисто по-английски!»

Вера Германии в английский нейтралитет была подорвана, но еще не окончательно. Вильгельм угрожал, что «с такими мерзавцами я никогда не заключу договора о флоте».

Одним словом, *династическая линия* в Берлине была прямолинейна

в своем внешнем выражении, и Вильгельм продолжал разыгрывать «храброго труса».

За то *дипломаты* проявляли более беспокойства и колебаний, нежели в прежние дни.

По размерам нашего труда мы не можем вдаваться в подробное изложение дипломатической переписки и разговоров этого дня, происходивших в Берлине.

«Гражданский канцлер» уже в этот день, по свидетельству Тирпица, «совершенно пал духом». Бетман увидел, что, приняв 5 июля решение дать возможность Австрии силою оружия наказать Сербию и думая это сделать вне европейского конфликта, германская политика «пробы сил» не достигает успеха и грозит вовлечь Германию в европейскую войну. Следовало немедленно выправлять создавшееся положение, а именно: сохранить нейтралитет Англии, заставить Австрию пойти на уступки и удержать в союзе Италию.

«С растущим беспокойством я слежу, — писал 29 июля Бетман германскому послу в Вене, — за поведением венского правительства и за его разпоречивыми выступлениями перед разными правительствами. В Петербурге оно заявляет о своей территориальной незаинтересованности. Нас оставляет в полной неясности относительно своей программы. От Рима отделяется ничего не говорящими фразами по вопросу о компенсациях. В Лондоне граф Менсдорф дарит Болгарии и Албании часть Сербии, вопреки торжественным заявлениям Вены в Петербурге. В виду этих противоречий я должен сделать вывод, что сообщенное в телеграмме № 83 разоблачение графа Гойоса предназначено было, очевидно, для простаков. Австрийское правительство, повидимому, замышляет план, который оно считает целесообразным скрывать от нас, в надежде обеспечить себе, на всякий случай, германскую поддержку и боясь потерять ее в случае открытого признания опасности».

Сообщая это для посла, Бетман писал: «Берхтольду прошу лишь указать, чтобы он принял меры против существующего недоверия к заверениям, данным им державам о неприкосновенности Сербии».

В потсдамском дворце канцлер открыто высказывался: «Я совершенно не представляю себе, чего желают австрийцы. Ведь сербы согласились на все, кроме каких-то пустяков. С 5 июля австрийцы ничего не сказали о своих намерениях».

«Не целесообразно ли послать еще одну телеграмму в Вену, — писал Бетман в тот же день Ягову, — с категорическим заявлением, что нас совершенно не удовлетворяет тот способ, каким Вена разрешила с Римом вопрос о компенсациях».

«Если Вена накануне возможного европейского пожара угрожает своим поведением расколоть тройственный союз, то это обстоятельство грозит распадением всего союза в целом», — пугал Бетман. — «Двурушнической политики мы, как союзники, не можем поддерживать».

«Я считаю такую телеграмму необходимой, иначе мы не можем больше посредничать в Петербурге и вынуждены будем плестись в хвосте Вены. На последнее я ни в коем случае не согласен, даже рискуя быть обвиненным в компромиссничестве».

Если вспомним, то Вена также не хотела «плестись в хвосте» Берлина и не желала принимать циркуляра Бетмана к исполнению, а, наоборот, передавала последнему циркуляры начальника генерального штаба. По германским источникам мы не можем сказать, как последние были восприняты Бетманом, но что Пурталес, как эхо, повторял советы Конрада, — в этом сомнения нет.

День, как увидим ниже, принес с собой обострение положения, и в 2 часа 55 минут ночи, а затем в 3 часа ночи последовали в Вену две телеграммы Бетмана, в которых он снова настаивал на уступках Вены.

«Если Австрия отклонит всякое посредничество, то мы, следовательно, стоим перед пожаром», — писал Бетман. — «В этом случае Англия выступит против нас, Италия и Румыния будут, по всей вероятности, не с нами, и мы останемся вдвоем против четырех великих держав...»

«Политический престиж Австрии, воинская честь ее армии и ее справедливые требования к Сербии могли бы быть в достаточной мере удовлетворены оккупацией Белграда или каких-нибудь других пунктов... Учитывая эти обстоятельства, мы вынуждены настойчиво и твердо рекомендовать венскому кабинету решиться на принятие посредничества на указанных почетных условиях. Ответственность за возможные возникнуть в противном случае последствия была бы как для Австрии, так и для нас чрезвычайно тяжелой».

Считая «отказ от всякого обмена мнений с Петербургом» «роковой ошибкой», так как «он прямо проводит военное вмешательство других держав, во избежание которого Австро-Венгрия заинтересована в первую голову», Бетман «со всей решительностью и серьезностью» предлагал указать Берхтольду: «Несмотря на то, что мы готовы исполнить свой союзнический долг, мы вынуждены, однако, отклонить легкомысленное вовлечение нас в мировой пожар Веной, не обращающей никакого внимания на наши советы. В итальянском вопросе Вена также, по видимому, пренебрегает нашими советами».

Отлично знаем, что не так-то легко было уговорить черно-желтых дипломатов внять советам; они совершенно не боялись европейской войны, ибо отлично понимали, что главная роль в ней будет принадлежать Германии, а не Австрии, при всех случаях опасными врагами были Сербия и Россия, с которыми прежде всего и считались в Вене.

Тирпид рассказывает нам, что 29 июля Вильгельм пригласил к себе военных начальников, «чтобы осведомить их о своих переговорах с канцлером, который совершенно пал духом».

«О сомнениях на счет своей политики первых недель июля, которые должны были появиться у канцлера, мы в то время ничего не подозревали. Мы только с ужасом смотрели на то, что совершалось у нас перед глазами, точно так же, как и кайзер, который без стеснения высказался насчет несоответствия канцлера своему назначению, как он делал это нередко и раньше, однако, выразил мнение, что он теперь не может расстаться с этим человеком, ибо он пользуется доверием Европы. Кайзер сообщил, что канцлер предложил ради достижения нейтралитета Англии пожертвовать нашим флотом в особом соглашении, что он, кайзер, однако отклонил».

Довольно оригинальное выступление Вильгельма против своего «гражданского» канцлера показывает нам: 1) что Европа не питала доверия к самому Вильгельму; 2) что Вильгельм стремился заигрывать с военной линией, сваливая все беды на Бетмана; 3) что канцлер «пал духом», на что «с ужасом» вздрала военная партия, и 4) что в поисках нейтралитета Англии Бетман готов был пойти на уступки в договоре о флоте.

В беседе с английским послом в Берлине в тот же день канцлер заверял лондонский кабинет в отсутствии у Германии стремлений к территориальному расширению за счет Франции, в уважении нейтралитета Голландии и Бельгии, но лишь относительно, в зависимости от развития операций во Франции. Желая добиться нейтралитета Лондона в данной обстановке, Бетман предлагал заключить «общий договор о нейтралитете на будущее, детали которого в данный момент обсуждать было бы преждевременно». Правда, Бетман имел намерение ответить на общий договор о нейтралитете «соглашением по вопросу о флоте», но затем это было вычеркнуто, повидимому, по настоянию Вильгельма, который «с такими мерзавцами» «никогда» не хотел заключать «договора о флоте».

Известно, что Грей отклонил туманные обещания германского канцлера, очевидно, тоже считая, что «с такими мерзавцами» не стоит заключать «договора о флоте».

В тот же день, около 5 часов дня, состоялось свидание Ягова с русским послом, который после всяких доказательств неприемлемости для Сербии австрийского ультиматума, приходил к следующему выводу: «Германия, которой этот ультиматум был известен и которая знала, что мы не можем допустить, чтобы Сербия была раздавлена или ослаблена, могла его одобрить; повидимому, она также ничего не имеет против войны». Ягов ответил, что «дела Сербии совершенно не касаются России», что Германия нашла неделесообразным предложение Грея о посредничестве.

«Ягову принесли лист бумаги, — пишет русский посол Сазонову, — который он прочел с «ужасом» и передал мне, спрашивая, верно ли заключающееся в нем известие: речь шла о нашей мобилизации против Австро-Венгрии, о которой я был уполномочен ему сообщить». Свербеев подтвердил мобилизацию, указав, что «эта мера не носит характера враждебного по отношению к Германии», и сославшись на то, что Австрия сама делает больше военные приготовления на русской границе.

«Отрицая эти приготовления, Ягов сказал мне, что после нашей мобилизации против Австро-Венгрии Германия вынуждена также мобилизоваться, что, следовательно, больше ничего нельзя сделать и что с этого момента дипломаты должны предоставить слово пушкам».

Разговор закончился взаимными упреками по поводу производящихся приготовлений на границах.

«Ужасы» надвигались на берлинских дипломатов, действия и речи которых становились уже менее уверенными.

Зато возрастала бодрость в военных кругах. Каутский пишет: «На ряду с дипломатами, теперь получили слово генштабисты, между тем как у гражданского канцлера произошел поворот в пользу мира. Целью генштабистов было не предотвратить войну, которую они считали неизбежной, а, наоборот, выиграть войну. Но шансы на победу становились тем сильнее.

чем внезапней произвести нападение, чем меньше оставить противнику времени для собирания своих сил».

«Уже 29 июля, — продолжает Каутский, — имеются доказательства о вмешательстве в политику германского генерального штаба. В тот день генеральный штаб послал министерству иностранных дел экспозе не о военном, а о политическом положении: разъяснять его рейхсканцлеру все-таки не было делом штаба».

Этот документ должен остановить на себе наше пристальное внимание.

Документ озаглавлен: «К оценке политического положения» и датирован 28 июля; он был, повидимому, составлен Мольтке вечером этого числа и переслан канцлеру на следующий день.

«Бесспорно, что всякое государство Европы, — начинает свой доклад Мольтке, — отнеслось бы к конфликту между Австрией и Сербией не иначе, как с чисто человеческим интересом, если бы в него не была внесена опасность всеобщего политического осложнения, которая уже сейчас грозит мировой войной. Уже более пяти лет Сербия является причиной европейских осложнений, тяжелым бременем нависшей над политической и хозяйственной жизнью народов. С терпением, граничащим со слабостью, Австрия до настоящего времени переносила постоянные провокации, направленные на политический подрыв ее государственной устойчивости со стороны народа, перешедшего от цареубийства в собственной стране к цареубийству у соседей. Только после последнего кошмарного преступления Австрия прибегла к крайнему средству, чтобы каленым железом выжечь нарыв, угрожающий постоянно отравлять тело Европы. Следовало ожидать, что вся Европа будет ей за это благодарна. Вся Европа вздохнула бы с облегчением, если бы нарушитель ее мира был надлежащим образом наказан и тем самым были восстановлены спокойствие и порядок на Балканах. Но Россия стала на сторону преступной страны. Лишь в виду этого австро-сербский конфликт превратился в грозную тучу, которая угрожает ежеминутно разразиться над Европой.

Австрия заявила европейским кабинетам, что она не преследует территориальных приобретений за счет Сербии, тем более не покушается на самостоятельность этого государства, но стремится лишь к тому, чтобы заставить беспокойного соседа принять такие условия, которые обеспечили бы совместную дальнейшую жизнь, и чтобы Сербия, как показывает опыт, выполняла даваемые ею торжественные заверения.

Австро-сербский конфликт является чисто локальным, в котором, можно сказать, не заинтересован никто в Европе и который отнюдь бы не угрожал миру в Европе, если бы не вмешалась Россия. Это обстоятельство и придало ему обостренный характер.

Австрия мобилизовала против Сербии только часть своих вооруженных сил — восемь корпусов. Силы — достаточные для проведения карательной экспедиции. Наоборот, Россия приняла все подготовительные меры, чтобы в кратчайший срок мобилизовать корпуса военных округов: Киевского, Одесского и Московского, в общем числе двенадцати корпусов, и распространяет эти мероприятия также и на север, на германской границе и в Балтийском море. Россией объявлено, что она мобилизуется, если Австрия вторгнется в Сербию, так как она не может допустить разгрома

Сербии Австрией, хотя последняя объявила, что она об этом не думает».

«Каковы же должны быть последствия?» — спрашивает начальник германского генерального штаба.

«Австрия поставлена перед фактом при вторжении в Сербию считается не только с сербской армией, но также и с русской и, таким образом, она не в состоянии провести войну, против Сербии, не обезопасив себя от русского нападения. Иными словами, она вынуждена мобилизовать и вторую половину своих вооруженных сил, ибо нельзя полагаться на то или иное настроение готовой к войне России. С того момента, когда Австрия объявит общую мобилизацию, вооруженное столкновение ее с Россией делается неизбежным. Однако, это представляет для Германии *casus foederis*. Только чудо могло бы еще предотвратить войну. Если Германия не пожелает нарушить слова и допустить разгром своего союзника русскими, то, со своей стороны, она должна также мобилизоваться. Это поведет за собой мобилизацию остальных военных округов России. В таком случае Россия заявит, что она атакована Германией и этим достигнет поддержки Франции, которая обязана договором принять участие в войне, если ее союзник, Россия, подвергнется нападению. Таким образом, чисто оборонительный союз, каким расценивается франко-русское соглашение, которое заключено с целью противодействовать наступательным планам Германии, несет с собой раздор в среду европейских культурных государств.

Не подлежит сомнению, что обстановка очень удачно инсценирована Россией. При продолжающихся заверениях России, что она еще не «мобилизуется», но только приняла меры «на всякий случай», что она «еще не призвала ни одного резервиста», она настолько усилила свою боеготовность, что, если действительно будет объявлена мобилизация, то в несколько дней может быть готова к наступлению. Таким образом, Австрия ставится в тяжелое положение, и на нее ложится ответственность за войну, между тем как сама Австрия вынуждена обезопасить себя со стороны России. Последняя скажет: «Ты Австрия, мобилизовалась, против нас, ты хочешь воевать с нами».

Россия заверяет, что она не хочет ничего предпринимать против Германии, но совершенно ясно, что Германия не может остаться нейтральной при столкновении своего союзника с Россией. Германия вынуждена будет мобилизоваться, и снова Россия заявит всему миру: «Я не хотела войны, но Германия ее вызвала». Таков должен быть ход событий, если не случится чудо, чтобы предотвратить в последний момент войну, которая на десятилетия разобьет культуру почти всей Европы.

Германия не желает вызвать этой ужасной войны. Однако, германское правительство знает, что если бы оно не захотело прийти на помощь своему союзнику в момент, когда решается его судьба, то это роковым образом нарушило бы глубоко укоренившиеся чувства союзнической верности, — одну из прекраснейших черт немецкой души, — и, следовательно, пошло бы вразрез со всеми чувствами своего народа.

По имеющимся сведениям, и Франция, повидимому, проводит подготовительные мероприятия к возможной мобилизации. Ясно, что Россия и Франция идут рука об руку в своих мероприятиях.

Следовательно, Германия, если столкновение между Австрией и Россией станет неизбежным, произведет мобилизацию и готова будет принять войну на два фронта. Для предполагаемых нами, в случае необходимости, военных мероприятий, чрезвычайно важным является возможно скорее точно узнать, намерены ли Россия и Франция пуститься на войну с Германией. Чем скорее подвигается вперед подготовка наших соседей, тем быстрее они сумеют закончить свои мобилизации. Военное положение становится из-за этого со дня на день все более неблагоприятным и может привести нас к роковым последствиям, если наши предполагаемые противники будут в полном спокойствии подготавливаться и впредь».

«Обратите внимание на этот тон!» — пишет Каутский в своей книге о мировой войне.

«Генеральный штаб отнюдь не доносит правительству, — продолжает он, — о проведении всех приготовлений для мобилизации на случай издания правительством соответствующего приказа, но он, не стесняясь, командует: Германия мобилизуется, как только станет неизбежным столкновение между Австрией и Россией. Вместе с тем он заявляет с той же категоричностью, что это столкновение можно предотвратить лишь чудом».

«Однако, мобилизация, согласно принципам германского генерального штаба, означает войну. Следовательно, генеральный штаб провозглашает уже войну «на два фронта» и требует скорейшего нападения, так как «военное положение со дня на день становится для нас все более неблагоприятным».

«Таков смысл, — заключает Каутский, — этого обращения генерального штаба к рейхскацлеру: в нем высшая военная инстанция претендует взять в свои руки право решения иностранной политики и привести к военной развязке как раз в тот момент, когда гражданская власть пачкает податаясь, уступать и делать хотя бы один небольшой шаг к миру».

Каутский находит, что «разъяснять его (политическое положение) рейхскацлеру все-таки не было делом штаба».

Мы намеренно в подлиннике привели экспозе Мольтке, так как этот документ служит большим аргументом противников генерального штаба. Не будем пока выносить окончательное суждение о том, имел ли начальник генерального штаба представить такой документ канцлеру. Для нас важно то, что Мольтке видел спасение от вооруженного столкновения в одном — в чуде, резко сменив свой недавний оптимизм на мрачные картины о разрушении европейской культуры. Известно, что чудеса суть деяния рук человеческих, но для мистика в мушдире генерального штаба, каковым был племянник «великого» дяди, выход был один — в Николае-чудотворце.

Таким образом, мы должны констатировать, что вечером 28 июля германский генеральный штаб уже не видел путей, кои могли бы привести к мирному исходу разгоревшегося конфликта. Для него важно было только установить: хотят ли Россия и Франция войны, показателем чего должно служить объявление общей мобилизации этими государствами или одним из них. Картина событий, набросанная Мольтке, отнюдь не является каким-либо пророчеством, — она вполне естественна. Мы знаем из сказанного ранее, что Мольтке твердо верил в грядущую мировую войну; что союз с Австрией он считал ненарушимым; что начальник штаба ждал столкно-

вення славянства с германизмом и заботился лишь об одном — о перекладывании ответственности за это на противника. Ныне же выходило наоборот, и, нужно сказать, это огорчало Мольтке.

Будучи уже не у дел, в ноябре 1914 года, бывший начальник генерального штаба предался воспоминаниям о только-что прошедших днях и оставил нам документальную запись своих дум. Мы не будем подробно останавливаться на них, а лишь отметим более существенное. Мольтке говорит, что европейская война давно висела как Дамоклов меч и отнюдь не являлась неожиданной. Было очевидно, что борьба Антанты с тройственным союзом грядет. Обстановка для срединных держав сложилась неблагоприятно: Италия нарушила союзническое слово, показав пример, не слышанный в истории. Много было вероятна за то, что Англия выступит против Германии, и было большой ошибкой берлинского кабинета питать надежду на нейтралитет этого государства.

Одним словом, нужно было подготовиться к войне и дипломатически. «Высшее искусство дипломатии, — пишет Мольтке, — по моему мнению, состоит не в том, чтобы при всяких обстоятельствах удержать мир, но в том, чтобы политическая обстановка для государства была такова, что оно могло бы вступить в войну при благоприятных обстоятельствах». В этом заслуга Бисмарка. Германский генеральный штаб и военное министерство вполне отдавали себе в этом отчет и вносили в 1912 году предложение об усилении армии.

Считая, что Германия обязана была поддерживать Австрию, начальник штаба приходит к выводу, что мировая война необходима в историческом развитии, перед законом которого государства являются простыми индивидуумами. Развивая затем теорию «культурной миссии» германского народа в истории, Мольтке приходит к определенным заключениям, что Германия, вступив в войну, выполняет свою культурную задачу. Дальнейшее развитие культуры возможно только через Германию, которая не хотела войны и не ищет в ней каких-либо завоеваний. Война навязана Германии, сражающейся за свое национальное существование. Проникнутый такими высокими идеями, германский народ непобедим.

Конечно, ныне нам может быть и смешно читать подобный лепет, но он характерен для настроения руководителя германского генерального штаба, который, по мнению Каутского, давал тон и внешней политике Берлина.

Не останавливаем внимания на доказательствах Мольтке всей лояльности Дунайской союзницы в конфликте, ибо, нам кажется, что он сам в нее не верил, а писал лишь для того, чтобы не сказать всем известную и без того правду. Вернее, лгал сам себе.

По его мнению, обстановка ухудшалась с каждым днем. Военный министр настаивал перед канцлером об объявлении положения, «угрожающего войной», но Бетман отклонил это, да и Мольтке находил достаточным ограничиться лишь военной охраной важнейших сооружений на железных дорогах. Даже Вильгельм не внял докладу военного министра, и Фалькенгайн в своем дневнике отмечает, что в этот день кайзер еще стремится к миру. Фалькенгайн думает, что, будь Мольтке настойчивее, уже 29-го было бы объявлено «угрожающее войной положение», которое автомати-

чески исключило бы все различные мобилизационные меры, удержать которые в тайне, конечно, было трудно.

Вечером 29 июля состоялось совещание канцлера с Мольтке, Яговым и Фалькенгайном на тему, не пужно ли, в случае объявления Россией частной мобилизации четырех округов, мобилизоваться и Германии. Это предложение, по словам Фалькенгайна, встретило «сдержанное», «очень сдержанное» (в дневнике военного министра подчеркнуто два раза) возражение начальника генерального штаба, ибо он полагал, что, в виду заявления Сазонова Пурталесу, что объявление Россией мобилизации не означает еще войны, не наступил еще момент выполнения союзнических обязательств в отношении Австрии. Однако, следовало быть готовым к этому, но осторожно, чтобы не возбудить против себя общественного мнения Англии. По мнению канцлера, отнюдь не следовало брать на себя почин в войне, так как это толкнуло бы Англию в лагерь врагов. Фалькенгайн скептически смотрел на позицию островов, а заявления Сазонова и Сухомлинова, известные нам, считал «прямой ложью». «Я, однако, — пишет Фалькенгайн — не возражал канцлеру, ибо руководство политикой не входило в круг моих обязанностей, и я не мог давать советов, пока существенно не затрагивались военные интересы. Пока еще не было повода говорить о мобилизации лишь потому, что она на два или на три дня опаздывала против австрийской и русской, так как она могла быть проведена быстрее последних. Если уж следовало принимать решение, так надо было объявить сегодня же положение, «угрожающее войной».

Таким образом, описание событий вносит довольно серьезный корректив в рассуждения Каутского о роли генерального штаба в Берлине. Последний был пока «сдержан», «очень сдержан» с объявлением мобилизации, и скорее военный министр торопил с принятием предварительных мер, осуществление которых, в сущности, означало войну. Это вполне понятно, ибо мобилизация находилась в руках военного министерства, которому желательно было провести ряд мер, кои облегчили бы переход армии на военное положение.

Однако, уже в этот день, 29 июля, мы можем отметить, что от войны с Россией и Францией в Берлине не отказывались, и весь вопрос сводился лишь к тому, чтобы удержать Англию и не дать повода считать Германию виновником европейской войны.

Начальник германского генерального штаба колебался: с одной стороны, желание снять с себя ответственность за войну заставляла выжидать, а с другой, военные предположения требовали быстрого решения о мобилизации, сосредоточения и переноса войны на территорию противника. История войны государственного архива говорит, что быстрое выяснение положения было необходимо для захвата Люксембурга, где, по плану, должна быть высадка германских войск, а затем и для того, чтобы не дать возможности русским предупредить Германию в мобилизации. Сам Мольтке, в своих воспоминаниях, подтверждает твердо установившийся в генеральном штабе взгляд на необходимость возможно скорее перевести войну на территорию противника.

Таким образом, 29 июля требования политики учитывались генеральным штабом, правда, до тех пор, пока они не грозили военным интересам.

Из приведенных выше донесений Извольского мы уже знаем, что в Париже продолжалось в этот день «твердое положение». «Что касается до солидарности с нами, — писал посол, — то этот вопрос даже не подвергается подробным обсуждениям, как совершенно очевидный. В этом смысле выражаются все журналисты, [в том числе такие крупные личности, самых разнообразных партий, как Пишон, Клемансо и даже Жорес, и инициатор антимилитаризма Гервэ».

В этот день «ноев ковчег» — «France» — высадил на берег Пуанкаре и Вивиани, встреченных военным министром с подобающими подобным случаем демонстрациями, собравшейся толпы «сочувственными», по определению Извольского.

После ориентировки в текущих событиях был собран совет министров, в результате которого Вивиани телеграфировал в Лондон о желательности скорейшего предложения Англии посредничества в Берлине, что должно было быть поддержано в Лондоне и русским правительством.

В 5¹/₂ часов дня Шен появился у Вивиани, чтобы узнать о мерах военной предосторожности, принимаемых республикой, указав, со своей стороны, что и Германия будет вынуждена к таковым. Французский министр ответил, что «Франция искренно желает мира, но, вместе с тем, решила действовать в полном единении со своими союзниками и друзьями», и что он, барон Шен, «мог убедиться, что эта решимость встречает живейшее сочувствие страны».

До этого разговора, однако, в 13 часов в пограничные крепости передана радиотелеграмма об организации разведки; затем указано крепостям и пограничным корпусам выставить военную охрану к воинским учреждениям и укреплениям; организована воздушная оборона; отдан приказ всем авангардным частям приступить к производству предусмотренных планом войны инженерных работ.

Если вспомним, то после совещания Сазонова, Сухомлинова и Янушкевича к вечеру в Париж была послана следующая телеграмма: «Германский посол заявил мне сегодня о решении своего правительства мобилизовать свои силы, если Россия не прекратит делаемых ею военных приготовлений. Между тем, таковые стали приниматься нами только вследствие состоявшейся уже мобилизации восьми корпусов в Австрии и очевидности нежелания последней согласиться на какой бы то ни было способ мирного улажения своего спора с Сербией. Так как мы не можем исполнить желания Германии, нам остается только ускорить наши вооружения и считаться с вероятной неизбежностью войны. Благоволите предупредить об этом французское правительство и вместе с тем высказать ему нашу искреннюю благодарность за сделанное мне от его имени французским послом заявление, что мы можем в полной мере рассчитывать на союзническую поддержку Франции. При нынешних обстоятельствах это заявление для нас особенно ценно. Было бы крайне желательно, чтобы и Англия, не теряя времени, присоединилась к Франции и России, так как только таким образом ей удастся предотвратить опасное нарушение европейского равновесия».

«Получив эту телеграмму (Сазонова — Б. III.), я, — пишет Извольский, — немедленно, т. е. в 3 часа (ночи), сообщил ее содержание министру иностранных дел; граф Игнатъев, по моему поручению, сделал то же вообще».

ние военному министру. В Елисейском дворце тотчас же состоялось между президентом республики, председателем совета министров и Мессими (военный министр — *Б. III.*) совещание, в исходе коего Палеологу послана телеграмма приблизительно следующего содержания... В дальнейшем Извольский передает текст телеграммы, в котором указывалось, что «правительство Франции готово исполнить все обязанности, налагаемые союзом», но что «в данный момент, когда ведутся переговоры между менее заинтересованными державами, положение требует, чтобы в мерах защиты и предосторожности Россия не предприняла ничего, что могло бы послужить для Германии поводом к полной или частной мобилизации ее сил». Вместе с тем, Извольский сообщал, что французскому послу в Лондоне, попутно с сообщением этой телеграммы, приказано немедленно переговорить с Греем, «имея в виду определение общей линии поведения, по которой Франция и Англия, в силу существующего между ними соглашения, должны будут действовать, когда наступит момент напряжения».

Так не пришлось сомкнуть глаз и дипломатам на берегах Сены.

Что же касается островов, то Грей, как нам известно, серьезным языком заговорил с Лихновским. Английский посол в Париже в этот день фиксировал в своем дневнике: «Сведения сегодняшнего дня менее благоприятны, нежели вчера... Русское, французское и итальянское правительства заявили, что только мы, одни мы, можем помешать войне, а именно, если заявим о поддержке России и Франции, тогда Германия тотчас же окажет давление на Австрию».

Уже из того, как реагировал Вильгельм на доклад Лихновского, ясно видно, что надежды Лондона поколебать Берлин в его позиции были тщетны.

В беседе с австрийским послом Грей настойчиво указывал, что если Вена не пойдет на уступки, то трудно будет предотвратить европейскую войну. «Грей был настроен пессимистически», — доносил посол. — «Сегодня Петербург еще разговаривает с Берлином, но что будет завтра?» — говорил Грей. Ближайший помощник Грея, Тирель, высказался более определенно, заявив, что, «если будут задеты существенные интересы Франции или ее самостоятельность, то ни одно английское правительство не окажется в силах помешать выступлению Англии на стороне Франции».

И действительно, в тот же день 29 июля Черчилль получил от кабинета полномочия объявить для флота «положение, угрожающее войной», со всеми вытекающими отсюда последствиями.

30 ИЮЛЯ

Все наше предшествующее повествование начиналось с описания событий, происходивших в Вене, так как там находился корень всего. Но ныне центр тяжести вопроса о мире и войне переносился из Вены в *Петербург* и *Берлин*. Вена... сделала свое дело. На сцену выступал русский империализм, решивший запясть в конфликте твердую позицию и не сдавать своих позиций под угрозой Берлина.

Как изложено выше, ночь на 30 июля Сазонов, огорченный отменой общей мобилизации приказанием из Петергофа, провел в разговорах с германским послом, передав ему формулу, принятие которой Германией могло обеспечить мирное разрешение конфликта.

Пурталес свой последний разговор с Сазоновым переносит в своих воспоминаниях на утро 30 июля. Нужно сказать, что участники начала мировой войны путаются в датах, иногда намеренно, а иногда просто по слабости памяти, если учесть, что таковая, действительно, довольно часто им изменяла. По словам германского посла, он, приняв письменную формулировку русского министра, выразил сомнение, что едва ли она будет принята Австрией, но все же Пурталес вынес впечатление, что «она не держала в себе требования о немедленном прекращении Австро-Венгрии ее военной экспедиции против Сербии». «Передавая сазоновскую формулу, — пишет Пурталес, — по телеграфу в Берлин, я обратил внимание на этот пункт». Иными словами, положение пока не было еще неприемлемым для Берлина.

Не так думал об этом сам Сазонов, «Поденная запись» говорит: «В десятом часу утра министр иностранных дел говорил по телефону с министром земледелия, причем оба были весьма встревожены последовавшей отменой общей мобилизации, вполне сознавая, что это решение грозит поставить Россию в крайне опасное положение в случае обострения отношений с Германией. С. Д. Сазонов посоветовал А. В. Кривошеину испросить приема у государя, чтобы изложить его величеству опасения, вызываемые означенной отменой».

Беспокойство Сазонова заставило его броситься в генеральный штаб.

«Около 11 часов утра министр иностранных дел вновь встретился с военным министром у начальника генерального штаба» — значит в «Поденной записи».

Сухомлинов совершенно умалчивает об этом свидании. Он пишет: «Утром 17/30 июля я просил разрешения прибыть с докладом к его величеству, но ответа не получил. Был ли государь так занят, что в подобную критическую минуту не мог принять с докладом военного министра?»

Данилов относит это совещание к 3 часам дня, о чем мы скажем несколько ниже; для нас совершенно непонятно, как может бывший генерал-квартирмейстер путать утро с днем.

Обратимся к тому описанию событий, какое дает «Поденная запись». Она гласит: «Полученные за ночь известия еще более укрепили всех в убеждении (всех — военного и иностранных дел министров и начальника генерального штаба — *Б. III.*) о настоятельной необходимости, не теряя времени, готовиться к серьезной войне. Сообразно с этим министры и начальник штаба, попрежнему, придерживались мнения, высказанного ими накануне, о необходимости прибегнуть к общей мобилизации. Генерал-адъютант Сухомлинов и генерал Янушкевич вновь старались убедить по телефону государя вернуться ко вчерашнему решению и позволить приступить к общей мобилизации. Его величество решительно отверг эту просьбу и, наконец, коротко объявил, что прекращает разговор. Генерал Янушкевич, державший в эту минуту в руках телефонную трубку, успел лишь доложить, что министр иностранных дел находится тут же, в кабинете, и просит разрешения сказать государю несколько слов. Последовало некоторое молчание, после которого государь изъявил согласие выслушать министра. С. Д. Сазонов обратился к его величеству с просьбой о приеме в тот же день для неотложного доклада об общем политическом положении. Помолчав, госу-

дарь спросил: «Вам все равно, если я приму вас одновременно с Татищевым в 3 часа, так как иначе у меня сегодня нет ни одной минуты свободного времени?» Министр благодарил государя и сказал, что придет в указанный час».

«Начальник штаба, — продолжает «Поденная запись», — горячо умолял С. Д. Сазонова непременно убедить государя согласиться на общую мобилизацию в виду крайней опасности для нас оказаться неготовыми к войне с Германией, если бы обстоятельства потребовали от нас принятия решительных мер после того, как успех общей мобилизации был бы скомпрометирован предварительным производством частичной мобилизации. Генерал Янушкевич просил министра, чтобы, если ему удастся склонить государя, он тотчас бы об этом передал ему, Янушкевичу, по телефону для принятия немедленно надлежащих мер, так как необходимо будет прежде всего, как можно скорее, уже начатую частичную мобилизацию превратить во всеобщую и заменить разосланные уже приказания повыми. «После этого, — сказал Янушкевич, — я уйду, сломаю мой телефон и вообще приму все меры, чтобы меня никоим образом нельзя было разыскать для преподавания противоположных приказаний в смысле новой отмены общей мобилизации».

«По возвращении в министерство С. Д. Сазонов имел свидание с французским послом».

Такова история совещания в генеральном штабе в изложении министерства иностранных дел. Что оно близко к истине, это подтверждается свидетельством Добророльского. Вполне понятно, что Янушкевич обеспокоился быстрой отдачей новых распоряжений об общей мобилизации, а потому у Добророльского значится: «Утром 17 июля (30 — Б. III.), около 11 часов, генерал Янушкевич позвонил мне по телефону и сказал: «Есть надежда на исправление положения, будьте готовы прибыть ко мне со всеми документами, тотчас по моем вызове, после полудня».

Добророльский поясняет: «Янушкевич убедил Сазонова представить государю всю опасность в политическом отношении, в смысле нарушения союзных обязательств к Франции, производства частной мобилизации, которая позволит Вильгельму вырвать у французского правительства согласие на нейтралитет, и когда мы завяжем со своей частной мобилизацией, он объявит нам войну и использует нашу неготовность в крайне выгодном для себя отношении». Повидимому, эти доводы были сообщены начальником штаба Добророльскому также по телефону.

Как явствует из показаний Добророльского, его время разговора вполне совпадает с отмеченным «Поденной записью».

Поэтому странным является рассказ Данилова о совещании двух министров и начальника штаба, состоявшемся в 3 часа дня. Мы бы на этом повествовании особо и не останавливались, если бы оно не было очень характерно для разыгрывавшихся в то время событий.

«Около 3 часов пополудни 30 июля, — пишет Данилов, — в здании генерального штаба было созвано экстренное совещание, в котором приняли участие военный министр генерал Сухомлинов, министр иностранных дел С. Д. Сазонов и начальник генерального штаба генерал Янушкевич. В течение заседания, продолжавшегося недолго, я имел возможность довольно

подробно беседовать с Н. А. Базили, находясь в соседнем зале. Я детально развернул перед своим собеседником, пользовавшимся большим личным доверием С. Д. Сазонова, картину тех тяжелых последствий, которые могли создаться в результате производившейся частной мобилизации, вместе с тем я указал ему на то, что еще есть время сравнительно безболезненно перейти к общей мобилизации. Но надо принимать решения быстро, по возможности не позднее завтрашнего дня, иначе частная мобилизация пойдет полным ходом, и переход от нее к общей мобилизации может повести к большой путанице. Мне казалось, что, в результате нашей беседы, Н. А. Базили проникся моими доводами».

Мне остались неизвестными те решения, к которым пришло совещание; участники такового молча и сосредоточенно разошлись, не поделившись своими впечатлениями. Но уже под вечер 30 июля, несомненно в связи со всеми вновь полученными данными, состоялось новое, и на сей раз окончательное, высочайшее повеление о производстве общей мобилизации всех вооруженных сил империи. Началом этой мобилизации устанавливалась полночь на 31 июля».

Из этого повествования для нас интересна закулисная сторона, работа «интимных» кругов. Представитель генерального штаба впускал мысль о необходимости общей мобилизации одному из членов «интимного» круга Сазонова Н. А. Базили, который и «проникся доводами». Повидимому, Данилов не был посвящен в то, что об отмене общей мобилизации прежде всего беспокоился Сазонов, который совершенно не нуждался в «доводах» и полезности этого военного мероприятия.

Данилов приписывает объявление общей мобилизации «вновь полученным данным», но мы послушаем свидетельство об этом «Поденной записи».

Этот документ вводит нас снова в «интимную» историю и даже с «отдельным кабинетом».

Около 12 часов дня Кривошеин уведомил Сазонова, что Петергоф отказал ему в приеме и он хотел увидеть Сазонова еще до отъезда его в Петергоф. «Было решено позавтракать вместе у Дюна (фешенебельный ресторан — Б. III.), где в 12½ часов в одельном кабинете и сошлись Кривошеин и Сазонов вместе с бароном Шиллингом».

«Настроение было довольно подавленное, — говорит «Запись», — и разговор почти исключительно касался необходимости настоять на скорейшей общей мобилизации в виду становящейся каждому все более ясной неизбежности войны с Германией». Кривошеин высказывал надежду, что С. Д. Сазонову удастся убедить государя, так как, в противном случае, по его словам, мы бы шли на верную катастрофу».

В 2 часа министр вместе с Татищевым выехали в Петергоф, где тотчас же и были приняты Николаем.

«В течение почти целого часа, — говорит «Запись», — министр доказывал, что война стала неизбежной, так как по всему видно, что Германия решила довести дело до столкновения... При таком положении остается лишь сделать все, что нужно для того, чтобы встретить войну во всеоружии и при наиболее выгодной для нас обстановке. Поэтому лучше, не опасаясь вызвать войну нашими к ней приготовлениями, тщательно озаботиться

последними, нежели из страха дать повод к войне быть застигнутыми врасплох».

Однако, эти доводы не были убедительны для Николая, который, по словам «Записи», «ясно понимал», что общая мобилизация «могла ускорить развязку в нежелательном смысле». Документ говорит нам о «той необычайной раздражительности», с какой Николай разговаривал со своими клеветателями, заявив им «резко»: «Решать буду я».

«Наконец, — продолжает «Поденная запись», — государь согласился с тем, что при нынешних обстоятельствах было бы наиболее опасным не подготовиться во-время к повидному неизбежной войне, и потому дал свое разрешение приступить сразу к общей мобилизации».

«Сазонов испросил высочайшего соизволения немедленно передать об этом по телефону начальнику генерального штаба и, получив таковое, поспешил в нижний этаж дворца к телефону. Передав высочайшее повеление ожидавшему его с терпением генералу Янушкевичу, министр, ссылаясь на утренний разговор, прибавил: «Теперь вы можете сломать телефон».

Остается тайной, ударил ли кулаком начальник штаба по телефону с намерением его сломать. Но для нас это неинтересно.

По нашему подсчету, согласие Николая на объявление мобилизации было дано около 4 часов дня. М. Покровский в предисловии к книге Каутского считает, что «Сазонов уговаривал Николая с двух до трех». Мы должны внести сюда поправку, а именно: «Поденная запись» говорит, что Сазонов выехал в 2 часа дня в Петергоф, до которого нужно было проехать минут 40 и таким образом, по нашему мнению, Сазонов уговаривал Николая с трех до четырех часов дня. Бюкенен, описывая этот день, также путает даты, сообщая, что посещение Сазоновым Петергофа произошло «рано утром 30 числа», после доводов министра, по словам английского посла, «в 4 часа того же дня его величество приказал передать военному министру нужные приказы по телефону». Выходит, что как будто Сазонов целый день уговаривал Николая, чего явно не могло быть; но что дата решения общей мобилизации — 4 часа дня — близка к истине, в этом сомнения нет.

Между тем, Добророльский относит это к значительно более раннему сроку, когда еще Сазонов «в подавленном настроении» завтракал «в отдельном кабинете».

«Около 1 часу дня, — пишет бывший начальник мобилизационного отдела, — Янушкевича вызывает по телефону Сазонов и говорит, что государь признал правильным, в связи с последними сведениями из Берлина, объявить общую мобилизацию всей армии и флота». «Allors, faites vos ordres, mon général et ensuite... disparaissez pour toute la journée. (Итак, отдавайте ваши распоряжения, генерал, и затем... исчезайте на весь день)». «Янушкевич немедленно после сего, — продолжает Добророльский, — вызвал меня к себе и посвятил меня в этот разговор».

Мы привели свидетельства трех участников, и все три свидетеля расходятся в определении времени: то ли часовая пушка с Петропавловской крепости перестала стрелять и хронометры дипломатов и генерального штаба начали показывать разное время, то ли... — невольно закрадывается мысль, — не дал ли Сазонов разрешение Янушкевичу на производство общей мобилизации еще из ресторана? Нужно сказать, что последняя версия была бы

с большим удовольствием воспринята в Берлине, если бы имела под собой основание.

Бывший русский военный министр Сухомлинов, в значительной мере использовавший статью Добророльского о русской мобилизации в своих воспоминаниях, пишет: «Между часом и двумя пополудни по телефону генерал Янушкевич доложил мне о том, что Сазонов передал ему высочайшее повеление объявить общую мобилизацию армии и флота». Сухомлинов поясняет, что «такое решение последовало вследствие полученных из Берлина последних сведений». «Об этом докладывал мне Янушкевич не позже 2 часов пополудни, а от нашего посла Свербеева могла быть получена телеграмма вечером 17/30 июля».

Оставим пока освещение вопроса о «полученных из Берлина сведениях», послуживших поводом к объявлению мобилизации, а последуем за Добророльским, на которого выпала обязанность приводить в действие приказ о мобилизации.

«Нужно было, — пишет он, — вновь объехать трех министров для подписи телеграммы, устанавливающей начало общей мобилизации на 18 июля. Вчерашняя телеграмма была, конечно, не действительна».

«В это время в Марининском дворце происходило экстренное заседание совета министров под председательством Горемыкина. Туда направлялся и Янушкевич. Он предложил мне ехать с ним и, так как там палило были все министры, то во время перерыва заседания можно было сразу получить нужные подписи. Так и было сделано. Телеграмма была готова. Около 5 часов дня я повез ее на телеграф...»

В 6 часов вечера все аппараты были готовы к приятию мобилизационной телеграммы. Я вошел в зал. Какой-то торжественной молчаливостью повеяло от телеграфистов и телеграфисток...

В 6 часов с несколькими минутами вечера, среди полной тишины аппаратного зала, сразу застучали телеграфные аппараты... Это был начальный момент великой эпохи...

Если считать по «Поденной записи», что Янушкевич получил приказание в 4 часа дня, то до 5 часов дня, т. е. за час, конечно, Добророльский мог собрать подписи трех министров при той обстановке, при которой это происходило. Таким образом, свидетельство Добророльского не опровергает дат времени «Поденной записи».

Итак, в «6 часов с несколькими минутами вечера» была объявлена общая мобилизация русской армии при отчетливом сознании всех отдающих и передающих этот приказ, что он неминуемо *поведет к войне. На нее и шли в Петербурге.*

По показанию всех участников, на отдачу приказа об общей мобилизации Николая Романова толкнули последние сведения, полученные из Берлина. Интересно установить суть этих сведений.

В своей телеграмме от 30 июля Николай обращался к Вильгельму «как к посреднику в целях сохранения мира». Ответа на эту телеграмму до 4 часов дня не было. Германский посол с ночи на 30 июля и до вечера, т. е. когда решение о мобилизации уже было принято, Сазонова не видел. По данным Пурталеса, состоявший при Николае германский генерал Хелнус послал «после полудня» донесение, в котором отмечал «настроение

безусловно мирное» «в клубных кругах». Генерал писал: «Существует надежда на соглашение Германии с Россией... Касательно мобилизации высшие офицеры говорили в клубе, что, имея в виду огромные расстояния, нет возможности задержать ее. К тому же в России от начала мобилизации до начала войны еще очень далеко; поэтому всегда еще остается время для мирного разрешения спора». «Равным образом, — пишет Пурталес, — генерал фон Хелнус сообщал о своей телеграмме, что, за исключением некоторых демонстраций, в Петербурге все спокойно».

Телеграмма русского посла в Берлине за № 142, сообщая, что только что «отдан приказ о мобилизации германских армий и флота», по данным «Записи» послана из Берлина в 3 часа дня и могла быть получена только около 4 часов. По мнению Покровского, она и пришла «только в 4 часа дня». Сухомлинов указывает, что эти сведения были получены «вечером 17/30 июля». Таким образом, возможно, что под конец доклада Сазонова у Николая эта телеграмма была уже в Петергофе, решив сомнения Николая Романова. Но это остается лишь догадкой, ибо если телеграмма шла из Берлина в Петербург 2 часа, то, по мнению Покровского, «когда пришла телеграмма из Берлина, телеграммы о мобилизации летели уже по России».

«Поденная запись» отмечает даты посланных Свербеевым телеграмм с опровержением известий о мобилизации в Берлине «3 часа 10 минут, 3 часа 15 минут», причем характерно, что на всех этих *трех* телеграммах под датами поставлено карандашом: «2 часа 30 минут», «2 часа 40 минут» и «2 часа 45 минут», — так министерству иностранных дел хотелось ускорить отправленные, а следовательно, и получение документов в Петербурге.

Объяснение всей этой «тайне» дает в своей книге Данплов, который пишет:

«Следующий день, 30 июля, принес очень тревожное известие, которое произвело впечатление разорвавшейся бомбы; около 1 часу пополудни в Берлине был выпущен экстренный листок официального *Lokalanzeiger*'а с сообщением об объявлении мобилизации в Германии. Корреспондент С.-Петербургского телеграфного агентства в Берлине Марков немедленно протелеграфировал об этом своему агентству в Петербурге, а агентство срочно по телеграфу передало это огромной важности сообщение нашему министерству иностранных дел. Несколько позднее содержание этой «марковской» телеграммы, как ее стали называть впоследствии, было подтверждено телеграммой нашего посла в Берлине Свербеева».

Можно предполагать, что на докладе Сазонов именно и оперировал с этой «марковской» телеграммой, пугая Николая Романова грозящим падением Германии. Стыдно, конечно, было министерству иностранных дел занести в «Поденную запись» получение «марковских» известий, а потому оно скромно умолчало о своем волнении от «разорвавшейся бомбы» — «марковской» утки. Возможно, что под конец доклада «газетная утка» подтвердилась и другой «дипломатической уткой», но так или иначе настроение тревоги в Петербурге парастало и, наконец, вышло в решение об общей мобилизации.

Итак, решение об общей мобилизации, после часовых усилий, Сазоновым было вырвано у династической линии, а через 1½ часа, т. е. в 5 часов

50 минут пополудни, в Петербурге была получена телеграмма Вильгельма, поданная в 3 часа 52 минуты дня. В телеграмме Вильгельм благодарил за избрание посредником; она разъясняла недоразумения с Пурталесом, которому было предписано обратить внимание русского правительства «на опасность и серьезные последствия, которые может повлечь за собой мобилизация»; в телеграмме говорилось, что при мобилизации России против Австрии «деятельность в роли посредника» «будет затруднена, если не станет совершенно невозможной». «Вопрос о принятии того или другого решения, — так заканчивалась телеграмма, — ложится теперь всей своей тяжестью исключительно на тебя и ты несешь ответственность за войну или мир».

Конец телеграммы давал формулировку, которая очень была желательна как канцлеру, так и Мольтке.

Но такая тяжесть ответственности уже не смущала упрямого Николая, хотя, по словам «Записки», «при этом государь еще надеялся пайти способ помешать общей мобилизации быть бесповоротным поводом к войне». «С этой целью государь в тот же день в телеграмме к императору Вильгельму по поводу принятого решения торжественно дал слово, что, несмотря на означенную мобилизацию»... (в подлиннике фраза не окончена). «Слово» это заключалось в посланной в Берлин телеграмме, правда, на следующий день, а не 30 июля, в которой, после благодарности, что посредничество «подаст надежду на мирный исход кризиса», значилось: «По техническим условиям невозможно приостановить наши военные приготовления, которые явились неизбежным последствием мобилизации Австрии. Мы далеки от того, чтобы желать войны. Пока будут длиться переговоры с Австрией по сербскому вопросу, мои войска не предпримут никаких вызывающих действий. Даю тебе в этом мое слово».

Последний Романов не думал отступать перед «Вплли», решение об общей мобилизации отрезало дальнейшие пути к этому.

За день германский посол получил из Берлина копии телеграмм Николая, а также две телеграммы от канцлера с следующим указанием: «паша посредническая роль продолжается, но условием ее сохранения нами является воздержание России в настоящее время от всякого рода враждебных действий».

«К вечеру я посетил Сазонова, — пишет Пурталес, — чтобы сообщить ему содержание обеих телеграмм». Сазонов обещал не открывать враждебных действий против австрийцев. «Впрочем, — добавляет посол, — день не привел ни к какой перемене в точке зрения, усвоенной г. Сазоновым» Министр указывал на мобилизацию германского флота, что посол тотчас же опроверг. За ночь Пурталес получил телеграмму от Ягова о необходимости энергично опровергнуть сведения о мобилизации флота. Следующим важным известием была копия телеграммы германского посла в Вене, в которой от имени Берхтольда сообщалось, что австрийскому послу в Петербурге поручалось вступить в переговоры с Сазоновым. В инструкциях Сапари сообщалось: «Если русское правительство считает нужным обсудить мобилизацию восьми корпусов, как меропрятие, которое в военном отношении выходит слишком далеко за пределы нужд похода против Сербии, то Сапари имеет поручение заявить, в случае если Сазонов, по собствен-

ному почину, затронет этот вопрос, что такой военный контингент, по мнению австро-венгерского военного командования, соответствует численности сербской армии, насчитывающей в своих рядах четыреста тысяч человек». В дальнейшем сообщалось о разговоре Берхтольда с Шебеко, которому министром было указано вышеизложенное, а также подтверждена территориальная незаинтересованность Австрии в конфликте.

За день Сазонов сообщил в Берлин русскому послу переданное Пурталесу письменное условие, по которому Россия соглашалась не вмешиваться в конфликт и которое приведено нами выше. К концу дня посол сообщал, что Ягов нашел условия неприемлемыми для Австрии.

Таким образом, Сазонов занял твердую позицию в отношении Германии и Австрии, решив, что война неизбежна.

Мы знаем, что уже в ночь на 30 июля правительство Франции было взбудоражено телеграммой Сазонова, в которой он указывал на необходимость для России «считаться с вероятной неизбежностью войны».

Утром 30 июля Извольский телеграфировал в Петербург: «Французское правительство, отнюдь не желая вмешиваться в наши военные приготовления, считало бы крайне нежелательным, в виду продолжающихся переговоров с целью сохранить мир, чтобы приготовления эти носили как можно менее открытый и вызывающий характер. Со своей стороны военный министр, развивая ту же мысль, высказал графу Игнатьеву, что мы могли бы заявить, что в высших интересах мира мы согласны временно замедлить мобилизационные мероприятия, что не помешало бы нам продолжать и даже ускорить военные приготовления, воздерживаясь, по возможности, от массовых перевозок войск».

Таковы были директивы союзника, но они уже запоздали, — приказ об общей мобилизации готовился к расклейке на улицах Петербурга.

Отныне война с Германией и Австрией, в России считавшаяся неизбежной, претворялась в жизнь как факт. Такое мнение было общим как для министерства иностранных дел, так и для генерального штаба. «Царский генеральный штаб, — пишет Покровский, — таким образом, был не одинок летом 1914 года. Он имел надежного союзника в царском министерстве иностранных дел. Все они, конечно, не «виновники», а простое орудие могучей объективной силы, именуемой империализмом. Но иногда полезно присмотреться, как и какими средствами эта сила действует».

В Бухарест в этот день Сазонов снова телеграфировал, что за участие Румынии в войне против Австрии «мы готовы поддержать присоединение к Румынии Трансильвании».

Теперь перенесемся в Берлин, где также барометр все более и более показывал усиливающееся давление, готовое разразиться военной бурей.

Как вывод за день 29 июля, можно установить, что в Берлине было решено не давать в обиду Австрию, предоставив ей возможность военной экспедиции в Сербию для удовлетворения чести Дунайской империи и ее армии. В крайнем случае, Германия готова была идти на войну с Францией и Россией, но нужно было удержать от вмешательства Англию. Таким образом, всякие прежние заявления германской дипломатии в Петербурге о том, что Берлин останется нейтральным, лишь бы не было рус-

ской общей мобилизации, ныне сменился прямым приказанием — не трогать Австрию, которой разрешается немного поколотить Сербию.

Английское предостережение, как мы знаем, привело Вильгельма в бешенство. Читая 30 июля донесение Пурталеса из Петербурга, кайзер высказывал полное одобрение, а на заявление Сазонова, что «отмена приказа о мобилизации уже невозможна, и в этом виновна австрийская мобилизация», Вильгельм написал пространные рассуждения.

Он обвинил Николая Романова в том, что «он не чувствует себя достаточно сильным, чтобы приостановить мобилизацию». «Легкомыслие и слабость, — писал Вильгельм, — должны свергнуть мир в самую ужасную войну, имеющую целью, в конечном счете, гибель Германии. В этом я в настоящее время нисколько не сомневаюсь. Англия, Россия и Франция сговорились, принимая за основу *casus foederis* в отношении к Австрии повести против нас истребительную войну».

Давая оценку «дипломатическим» заявлениям Грея, что Англия выступит, если Германия и Австрия вмешаются в войну, Вильгельм писал: «Это означает, что мы должны либо подло предать нашего союзника и предоставить его на произвол России и, тем самым, расколоть тройственный союз либо подвергнуться нападению со стороны тройственного соглашения за нашу союзническую верность... При этом из глупости и неспособности нашего союзника нам строят ловушку. Таким образом, пресловутое «окружение» Германии стало-таки непереложным фактом, несмотря на все попытки наших политиков и дипломатов... Против нее мы оказались бессильными, между тем, как она (Англия — *Б. III.*) заставляет нас изолированными биться в сетях, выте из нашей союзнической верности к Австрии веревку для нашего политического и экономического удушения».

Изливая затем желчь против Англии, кайзер приходит к выводу: «Теперь все эти козни должны быть беспощадно раскрыты, с них должна быть публично сорвана маска христианского миролюбия, и фарисейское притворство должно быть пригвождено к позорному столбу. Наши консулы в Турции и Индии, агенты и т. п. должны разжечь среди магометанского мира пламя восстания против этого ненавистного, лживого и бесовестного народа торгашей. Если нам суждено истечь кровью, то Англия, по крайней мере, должна потерять Индию».

Каутский полагает, что Вильгельм в этот момент «считает войну уже решенным делом», что «все это запутанное пустословие свидетельствует лишь о полнейшем смятении». «Отказ Италии, — говорит он, — и предостережения Англии озадачивают кайзера и совсем лишают его остатка присутствия духа».

Такое же «смятение» было и у *дипломатической линии*, но канцлер еще не терял надежды добиться дипломатической победы. Бетман ясно видел опасность выступления Англии, откол Румынии и Италии и, прежде всего, упрямство Вены, ее нежелание идти на какие-либо уступки в делах мира.

Переговоры Лихновского с Греем подавали некоторые надежды на удержание Англии, а потому в 9 часов вечера Бетман телеграфирует германскому послу в Вене: «Если Вена откажется от всяких уступок, в особенности от последнего предложения Грея, то вряд ли тогда окажется возмож-

ным взвалить вину за возникающий европейский пожар на Россию». Говоря о том, что Вильгельм не мог отклонить просьбы Николая о посредничестве, «не желая вызвать явного подозрения, что мы хотим войны», канцлер сообщает, что в Петербурге и Париже «поднят в дружественной форме вопрос» о приостановлении военных мероприятий, что просили Грея «настоятельно воздействовать в этом смысле в Петербурге и в Париже, и согласие на это получено». «Новый план» в предостережениях Франции и России Бетман видит только «лишь посредством ультиматума, который означал бы войну». «Если старания Англии увенчаются успехом, а Вена будет продолжать упорствовать, то она этим докажет, что она во что бы то ни стало добивается войны, в которую мы уже втянуты, между тем как Россия остается свободной от вины. Это создает для нас совершенно невозможное положение в глазах собственной нации». Предлагая переговорить с Берхтольдом и «может быть с графом Тиссой», Бетман «настоятельно рекомендует» Австрии принять предложение Грея. Телеграмма зарегистрирована под № 200.

Она была отправлена, когда в 11 часов 20 минут вечера Бетманом послана в Вену новая телеграмма: «Прошу пока не выполнять инструкций за № 200». Разъяснение дает следующая телеграмма: «Я приостановил выполнение инструкций за № 200 потому, что мне только-что сообщил генеральный штаб о происходящих военных приготовлениях наших соседей на востоке; они вынуждают нас принять спешные решения, если мы не хотим подвергнуться неожиданности. Генеральный штаб настойчиво требует, по возможности, немедленно конкретных сведений об австрийских решениях, в особенности, касающихся военного характера. Настоятельно прошу позаботиться, чтобы мы завтра получили ответ».

Телеграмма не была отправлена, а заменена другой, в которой отмена инструкций объяснялась получением известий от Англии. Каутский считает первую телеграмму более откровенной. «Повидимому, побоялись, — пишет он, — допустить подобное влияние генерального штаба на внешнюю политику. В лице генерального штаба выступает теперь новый фактор, который становится решающим в возникновении войны».

Этот «новый фактор» давал для Вены также ориентировки. К вечеру Конрад получил от прикомандированного к разведывательному бюро германского генерального штаба австрийского офицера Флейшмана следующее заключение Мольтке: «Русская мобилизация еще не предлог для мобилизации (германской — *Б. III.*); это будет только при войне монархии с Россией. В противоположность обычным русским мобилизациям и демобилизациям германская мобилизация неизменно поведет к войне. Не следует объявлять войны России, но нужно выждать ее нападения».

Начальник германского генерального штаба, повидимому, ясно усвоил себе взгляды канцлера и пока действовал в духе его указаний. Выражение, что русская мобилизация еще не поведет за собой германской, следует понимать как решение не отвечать на частную, но не общую мобилизацию России.

Дипломатам Берлина положение казалось еще не безнадежным, ибо Англия пошла на уступки и согласилась преподать советы умеренности в Петербурге.

Как мы только-что слышали, большие огорчения доставляла Австрия, не желавшая посредничества но наконец, согласившаяся продолжать переговоры в Петербурге, как о том гласила переданная Пурталесу ночью копия телеграммы германского посла из Вены.

Теперь обратимся к рассмотрению того, что же переживал и как реагировал на события «новый фактор» — германский генеральный штаб — *военная линия*.

Как уже известно, в час дня на улицах Берлина появились газетные листки с объявлением Германией общей мобилизации. Правда, эти листки начали изыматься из употребления, но они, конечно, сделали свое дело: о мобилизации заговорили сильнее и громче. Неизвестно происхождение этих преждевременных листков: приложена ли к их появлению рука военного ведомства или нет, это пока остается тайной. Но Ягову они доставили несколько неприятных минут, заставив его разуверять русского посла в ложности сообщенных газетами сведений.

В своей книге о Фалькенгайне Цвейль пишет, что 30 июля прошло в «пустых переговорах», и военный министр был того мнения, что ведущиеся переговоры бесполезны, а советники канцлера напрасно надеются на чудо. Фалькенгайн считал, что шаги Германии зависят от решения России, сведения о которых, между тем, очень скудны. Австрия же, по его мнению, положительно несосна. Как Фалькенгайн, так и Мольтке приходили к определенному выводу, что самое позднее в ближайшую середину дня нужно принять решение об объявлении «угрожающего войной положения». В этот день Мольтке уже *решительно говорил за войну*, что Фалькенгайн и отметил в своем дневнике.

История войны Государственного архива дает нам следующее описание этого дня.

Начальник генерального штаба имел в своих руках телеграмму военного атташе из Петербурга об объявлении в России частной мобилизации и о своих разговорах с Янушкевичем, причем расценивал все это как попытку ввести Берлин в заблуждение об истинных намерениях.

Допесения из Франции говорили о продолжающихся военных приготовлениях, а к вечеру 30 июля было получено сведение о принятой охране границ и приведении в боевую готовность войск прикрытия и конницы, о чем нами говорилось выше. «Для Германии, — отмечает «История», — положение стало чрезвычайно угрожающим», и возрастала опасность опоздать в мобилизации, в сравнении с вероятными противниками. Необходимо было, по крайней мере, объявить «угрожающее войной положение», но «начальник генерального штаба не считал возможным войти с этим предложением, так как следовало выждать результатов предпринятых дипломатических шагов». «История» отмечает, что с единственной целью сохранить мир правительство Германии откладывало самые неотложные военные мероприятия, диктуемые обороной.

Таково миролюбие «нового фактора» — генерального штаба — в представлении военных историков, утверждения которых идут в разрез с заключениями Каутского. Так или иначе, но несланная телеграмма канцлера в Вену явилась следствием полученных вечером 30 июля Мольтке данных о военных приготовлениях французов. «Спешные решения», т. е. объявле-

ние «угражающего войной положения», о которых говорит в телеграмме Бетман, очевидно предлагались Мольтке, ибо отныне он был решительно за войну. Начальник германского генерального штаба «настойчиво» требовал выяснить конкретно «австрийские решения, в особенности — касающиеся военного характера».

Вена вызывала сомнения Берлина в самые решительные дни как по политической, так и по военной линиям. В чем же дело? Поспешим в Вену.

С утра 30 июля в Вене кабинет начальника генерального штаба начали посещать различные лица. Сначала итальянский военный агент принес «сердечное» письмо от нового начальника итальянского генерального штаба Кадорны в ответ на сожаления Конрада по поводу смерти Полло. Затем появился чиновник Берхтольда Гойос с сообщением, что Конрад должен быть готов отправиться сегодня к Францу-Иосифу, где разговор будет идти об объявлении общей мобилизации. Гойос сообщил Конраду известия из Петербурга, где частичная мобилизация, по словам Сазонова, вызвана мобилизацией Австрией восьми корпусов, но это не означает войны, так как русская армия долгое время может стоять с «ружьем у ноги».

Сообщения о русской мобилизации навели Конрада на размышления. В заявлениях Сазонова он видел одно: Россия ищет только предлога, чтобы проявить свою агрессивность. Трудно, конечно, чтобы государство могло спокойно смотреть на то, как его сильный сосед стоит с готовой армией — «с ружьем у ноги». «Каждый момент, — думал Конрад, — нужно быть готовым, что ружье окажется «на плече» и произойдет нападение. Для австро-венгерской дипломатии это не должно быть тайной».

Схватив бумагу, начальник генерального штаба тотчас же набросал, на всякий случай, проект ноты Росспп, который гласил:

«Австро-Венгрия мобилизовалась исключительно против Сербии и не позволит удержать себя от выступления против нее».

«Против России Австро-Венгрия ничего не мобилизовала, чему свидетельствуют не мобилизованные I, X и XI корпуса (были на русской границе — *Б. Ш.*)».

«Так как русская мобилизация открыто направлена против нас, то мы заявляем, что вынуждены тотчас же расширить нашу мобилизацию, не взирая на то, нападет ли Россия или будет угрожать, ибо нам необходимо предусматривать нападение России, к чему, как кажется, настоящая русская мобилизация и направлена».

С этим документом начальник генерального штаба отправился к Берхтольду и вручил его последнему. Министр заговорил о жалобах Сазонова, что Вена не желает вести переговоров, о том, что Берлин советует продолжать их, дабы не принимать на себя ответственности за войну, о благоприятной позиции Англии. На все это начальник штаба отвечал одним: переговоры с Россией Берхтольд может вести сколько он хочет, но операции против Сербии задерживать нельзя. У Берхтольда возникли сомнения. «Выдержим ли мы в финансах?» — спрашивал он. Штюркк думает — продолжал министр, — что кроме войны с Сербией будет война с Россией, и тогда мы обанкротимся». Конрад живо отвечал, что довольно поздно об этом думать: положение монархии таково, что иного выхода нет;

наконец, еще неизвестно, что предпримет Россия, — объявит ли войну или будет выжидать, чтобы заставить потом очистить Сербию.

Начальник штаба в своих воспоминаниях жалуется, что сообщение русского посла о мобилизации четырех русских округов получил лишь в 12 часов 45 минут дня.

В 3 часа 45 минут дня Конрад снова прибыл к Берхтольду для совместного с ним доклада у Франца-Иосифа. Министр получил от германского посла пространную ноту, в которой советовалось Вене не отклонять предложений Грея о посредничестве и говорилось о том, что «унижение» Сербии будет достигнуто, что престиж монархии и армии занятием Белграда и других пунктов не будет подорван, но в то же время удастся избежать мировой войны. Одним словом, нота содержала все то, что уже нам известно ранее.

Нечего говорить, что документ был скептически оценен Конрадом, не верившим во все обещания «смертельного» врага, тем более, что заставить пойти на уступки можно, по его мнению, негров, но не государство с хорошо организованной армией.

Берхтольд, захватив с собой ноту, вместе с Конрадом и военным министром отправился к старому Габсбургу.

Доклад начался с выяснения того, что Австрия потребует с Сербии, если таковая заявит о своей покорности.

Было высказано мнение, что Сербией должен быть полностью, пункт за пунктом, выполнен весь ультиматум, а затем оплачены все издержки, которые вызваны мобилизацией австрийской армии.

К этому начальник генерального штаба добавлял и территориальные уступки со стороны Сербии, по крайней мере, строго необходимые для военной позиции Австрии, — Белград и Шабац, — с возведением необходимых укреплений, стоимость которых должна оплатить Сербия.

«На это, — заметил Франц-Иосиф, — она не пойдет».

На замечание Берхтольда, что и Тисса против аннексий, Конрад отвечал, что при настоящем духе армии без этого нельзя обойтись. Германии следует сказать: Россия мобилизуется, нужно также и Австрии мобилизоваться.

«Это стоит миллионы», — отвечал Берхтольд.

«Монархия в тяжелом положении» — возразил ему Конрад.

На указание министра, что мобилизация в Галиции поведет к войне с Россией, начальник генерального штаба отвечал, что если русские ничего не предпримут, тогда и с австрийской стороны все будет спокойно. Положение не будет плохим, если удастся планомерно провести свою мобилизацию, ибо тогда вначале 27^{1/2} австрийских дивизий будут против 33 русских.

В результате было решено: 1) войну с Сербией продолжать; 2) любезно ответить на английское предложение; 3) общую мобилизацию объявить 1 августа с тем, что первым днем мобилизации назначить 4 августа, о чем, однако, еще переговорить утром 31 июля.

Возвратившись к себе с доклада, Конрад получил от Флейшмана ориентировку, о которой мы говорили выше.

На нее начальник австрийского генерального штаба тотчас же ответил: «Мы не объявим войны России и ее не пачнем».

Около 7 часов вечера из Берлина пришла ориентировка австрийского посла, которая успокаивала относительно позиции Германии, сообщая, что в Петербурге Пурталесом уже заявлено, что русская мобилизация повлечет за собой германскую.

Таким образом, Вена, твердо решившись воевать с Сербией, в этот день шла на уступки Берлину, но уступки, которые фактически значения в ходе событий иметь не могли, ибо, при всяких условиях, Сербия обязана была полностью исполнить ультиматум, а на это не шла Россия. Неловкие Сазонова к тому, что Австрия оставит Сербию территориально неприкосновенной, вполне было основательно, ибо начальник генерального штаба монархии отнюдь не думал выходить из конфликта без барышей, и если его предположения не были утверждены, то они не были и отвергнуты. Цыплят по осени считают, — так думали в Венах.

Из донесений русского посла Извольского мы отчасти знакомы с ходом событий в этот день в Париже.

В своей книге о мировой войне Пуанкаре пишет: «В этот день, 30 июля, оставался еще луч надежды. Утром совет министров снова собрался в Елисейском дворце. Председатель совета и Мессими, военный министр, были извещены, что Германия приняла меры предосторожности в нескольких стах метрах от нашей границы по всему фронту от Люксембурга до Вогезов и что она даже держит свои войска в боевой готовности».

После совещания с генералом Жоффром, который должен был стать главнокомандующим, Вивиани и Мессими предложили совету министров принять соответствующие военные меры, но держать наши войска в 10 км от границы, запрещая им подходить ближе. Вивиани немедленно просил Поля Камбона сообщить об этой мере британскому правительству и прибавил: «Наш план, имеющий характер оборонительный, предвидел, однако, что боевое расположение наших прикрывающих войск должно было бы быть также придвинуто возможно ближе к границе. Оставляя, таким образом, линию границы без защиты от внезапного нападения со стороны противника, правительство республики хочет показать, что Франция, не менее чем Россия, не несет ответственности за нападение». В дальнейшем следовали доказательства предупреждения во времени немцами французов в развитии военных мер обороны и сообщалось, что «дважды германские патрули уже проникали на нашу территорию».

Французская официальная история войны подробно перечисляет все мероприятия военного характера, кои с 16 часов 55 минут в течение дня 30 июля были приняты правительством, и говорит, что совет министров, «в виду ухудшения общего положения, оставляется на важной мере: на частичной мобилизации, но вносит некоторые ограничения в выработанном плане».

Мы не можем перечислять всех мероприятий, но они действительно говорили о частичной мобилизации: пограничные корпуса по тревоге, но не призывая запасных, занимали позиции, выбранные для прикрытия мобилизации; их патрули не должны были переходить 10-километровую зону, установленную вдоль границы; командиры корпусов вступали в командование войсками в определенных планом секторах; крепости начали работы по вооружению и инженерной обороне; разрешена покупка лошадей для

пехоты и артиллерии; отданы предварительные распоряжения о поставке населенным лошадям.

Наконец, вечером в Марокко была послана телеграмма о направлении в метрополию, не ожидая приказа о мобилизации, 10 батальонов пехоты и подготовке к отправке остальных 29 батальонов, причем указывалось, что, как бы ни тяжело становилось от этого положение в Марокко, важно сосредоточить прежде всего максимум сил на главном театре».

Принимая эти меры, отвечающие частной мобилизации, правительство республики проводило их секретно и советовало сделать то же самое, по видимому, по настоянию Жоффра, союзной русской армии. Война неизбежна, готовиться к ней нужно, но говорить во всеулышание слова «мобилизация» не следует. Этим и объясняется фраза в телеграмме, посланной в Лондон, что «Франция, не менее чем Россия, не несет ответственности за нападение».

Из изложенного выше мы видали, что эти секретные мероприятия за Рейном были по достоинству оценены Мольтке в Берлине, который высказывался уже решительно за войну, но пока тоже не желал нести ответственности за нападение.

Что касается Лондона, то он еще не принимал определенных решений о войне и, наоборот, дал согласие германскому послу повлиять умиротворяюще в Петербурге, попытку к чему, как увидим ниже, действительно сделал. Грей снова предупреждал австрийского посла, что Вена идет по пути европейской войны, и советовал удовольствоваться занятjem части областей Сербии, чтобы затем договориться с Россией. Последняя никогда не согласится на уничтожение Сербии и выступать с посредничеством в Петербурге без определенных гарантий Грей не находит возможным. Находя, что Вена напрасно уклоняется от прямых переговоров с Петербургом, Грей находил, что и Берлин мало делает в этом направлении. «Сазонов никогда не решится сыграть роль Извольского в 1909 году». Тирель подтвердил, что если Франция вступит в войну, то положение английского правительства будет очень тяжелым.

Такое было действительно не из легких, ибо в составе самого кабинета не было единства взглядов на войну или мир. В то время, как оппозиционная часть кабинета стремилась к миру, Грей, Черчилль и другие шли уже по пути войны.

Итак, день 30 июля был решающим в ходе событий, кативших неизменно по пути войны, — в 4 часа дня в Петербурге было принято решение об объявлении общей мобилизации с полным сознанием, что вооруженное столкновение в этом случае неизбежно.

Если это решение еще не нашло отголоска в тот же день в других государствах, втянутых или втягиваемых в конфликт, то почва для принятия немедленных «спешных решений», как значилось в телеграмме германского канцлера, была подготовлена всюду. Нужен были лишь первый блеск молнии, чтобы ответные удары грома раздалсь во всех крупных государствах Европы. Отныне все зависело от расклейщиков приказа о мобилизации на улицах Петербурга, — они должны быть признаны «виновниками войны!»

ГЛАВА IV

ЕВРОПЕЙСКАЯ ВОЙНА

31 июля: Намерения Сазонова мобилизоваться «тайно» и отказ от этого. — Объяснения Сазонова с Пурталесом по поводу мобилизации. — Пурталес об «ударах молнии» и «урагане бури». — Заботы Сазонова о Балканах. — Пурталес в Петергофе. — Пурталес и Фредерикс. — Опровержение Сухомлинова: «Нужна или не нужна война — вопрос чисто дипломатический». — Утреннее свидание Ягова с русским послом. — Телеграмма Вильгельма: Россия должна приостановить военные приготовления. — Пурталес получает из Берлина телеграмму с предложением предупредить Россию, что, в случае неприостановления мобилизации в 12-часовой срок, последует германская мобилизация. — Ночной разговор Сазонова с Пурталесом. — Пурталес о решимости русского правительства довести дело до конца. — Дипломатическое наступление Берлина. — «Курс потерян». — Военные круги настаивают на мобилизации. — В 1 час дня объявлено в Берлине положение, угрожающее войной. — Второе свидание Ягова с русским послом: «положение является безнадежным». — В 11 часов вечера отправлены телеграммы в Петербург и Париж; их сходство и различие. — Вера в английский нейтралитет. — Нервность Мольтке. — Его телеграмма Конраду о спокойной позиции Австрии. — Беседа Мольтке с австрийским военным агентом: Мольтке советует Вене выдержку в объявлении войны, но одновременную мобилизацию против России. — Телеграмма Берхтольда в Берлин об общей мобилизации. — Вторая телеграмма Мольтке в Вену: опасения за позицию Вены. — Телеграмма Вильгельма Францу-Иосифу: предложение сосредоточить главные силы против России. — Добавление к ультиматуму Франции об ее нейтралитете. — Фалькенгайн торопит с мобилизацией в Вене. — «Кто правит: Мольтке или Бетман?» — Решение об объявлении общей мобилизации. — Италия отказывается от выполнения союзнических обязательств. — Конрад предлагает свои услуги Берхтольду договориться с Кадорной. — Подписан приказ об общей мобилизации. — Ответ Конрада на вторую телеграмму Мольтке с запросом, хочет ли Германия вступить в войну? — Конрад о телеграмме Вильгельма. — Развитие военных мер Франции. — Совет министров в Париже и личное письмо Пуанкаре английскому королю. — Первая записка Жоффра о необходимости не опоздать с мобилизацией. — За каждый пропущенный день — 15 — 20 км территории. — Второе заседание совета министров и расширение военных мер. — Частичная мобилизация. — Шен передает ультиматум. — Третье заседание совета министров: решение вести войну. — Телеграмма русского военного агента: все усилия России будут направлены против Германии. — В Лондоне выжидают предлога для войны. — 1 августа: Отправление из Берлина в 1 час дня в Петербург объявления войны. — Хлопоты Фалькенгайна об объявлении мобилизации. — В 5 часов дня Вильгельмом подписан приказ о мобилизации. — Телеграмма Лихновского и колебания Вильгельма. — Решение Вильгельма вести войну только с Россией. — Возражения Мольтке и его огорчения. — Ответ в Лондон. — Слезы Мольтке и его настойчивость. — Мольтке в 11 часов вечера у Вильгельма: «вы можете делать что хотите». — Фалькенгайн об инциденте с Мольтке. — История Государственного архива о Мольтке 1 августа. — Свидетельство Тирпица. — Бетман настаивает на формальном объявлении войны Франции. — Мольтке не считает это необходимым. — Ночной разговор Бетмана с Мольтке об объявлении войны Франции. — «Военные» о политическом руководстве. — «Потрясение» кайзера. — Пурталес объявляет в Петербурге ультиматум. — Вина военного министра и отповедь Сухомлинова. —

Спокойствие Сазонова и пессимизм Данилова. — Письмо в Петербург английского короля и беспокойство Бьюкенена. — Телеграмма Вильгельма с просьбой не переходить границы. — Объяснения Пурталеса. — В Берлине потеряли голову. — Письмо Конрада к Кадорна. — Проект ответа в Берлин на телеграмму Вильгельма, составленный Конрадом. — Подлинная телеграмма. — Сообщение о германской мобилизации и запросы Конрада. — Письмо Конрада к Мольтке. — «Луч надежды» на мир в Париже. — Письмо Жоффра к военному министру: Германия может предупредить нас за 3 дня. — Шен в министерстве иностранных дел. — Заботы правительства объявить мобилизацию позднее Германии. — Заседание совета министров и подписание в 3 часа 30 минут дня приказа о мобилизации. — Запрещение перехода 10-километровой зоны на границе. — Пожелания военного министра к России. — Шен снова у Вивиани. — Извольский сообщает Пуанкаре об объявлении Германией войны России. — Совет министров. — Заявления Пуанкаре Извольскому и затруднения Пуанкаре. — Волнения Извольского. — Правдивость Пуанкаре. — 2 августа: Бетман и Мольтке об объявлении войны Франции. — Мольтке жалуется Вильгельму на политическое руководство. — Обоснование нарушения нейтралитета Бельгии. — Мольтке 26 июля набрасывает черновик письма к бельгийскому правительству. — Инструкции в Брюссель. — Ответ Мольтке Конраду: главный удар Австро-Венгрии — против России. — Беседа Конрада с Берхтольдом. — Конрад высказывается за поддержку объявления войны России. — Переписка Конрада с Берхтольдом о Румынии. — Ответное письмо итальянского короля. — Петербург выжидает выяснения позиции Англии. — Тревоги Пуанкаре. — Отмена 10-километровой пограничной зоны по представлению Жоффра. — Предоставление немцам ответственности за военные действия. — Ответ Георга. — Первый шаг Англии. — 3 августа: Шен в 6 часов 45 минут вечера передает в Париже объявление войны. — Беседа кронпринца с Бетманом. — Италия недовольна Австрией. — Ответ Конрада Мольтке. — Жофفر снова воспрещает переход границы. — Италия заявляет в Париже о своем нейтралитете. — Второй шаг Англии. — Совет министров в Лондоне. — Предложение Германии взять свой ультиматум Бельгии обратно. — 4 августа: Негодования Вильгельма на Италию. — Объявление войны Англией. — Конрад находит желательным задержать объявление войны Франции. — Поход австрийского флота в Черное море. — Мнение об этом Данилова. — Письмо Конрада к Берхтольду о привлечении Румынии и просьба при обсуждении вопроса об объявлении войны запрашивать Конрада. — Ответ Кадорны. — Письмо Пуанкаре в Лондон. — Бьюкенен и «беспокойные толпы». — 5 августа: Меморандум Мольтке. — Нападки Каутского. — Война Веной будет объявлена России 6 августа. — Письмо Конрада к Берхтольду с просьбой задержать объявление войны Франции и Англии. — Негодование Берхтольда на отказ флота идти в Черное море. — Просьбы Берлина помочь «Гebenу». — Отказ Конрада. — Конрад пишет Берхтольду о недопустимости непосредственных сношений его с флотом. — 6 августа: Конрад об объявлении войны Франции. — Объявление войны России. — Отказ от похода флота в Черное море. — Конрад советует Берхтольду отклонить компенсации Италии. — Обсуждение результатов войны с Россией.

30 июля, день объявления общей русской мобилизации, можно считать первым днем европейской войны, так как в дальнейшем двум противным политическим группировкам государств Европы оставалось лишь оформить войну соответствующими государственными актами. Русская мобилизация явилась настолько выпуклым событием в международных отношениях лета 1914 года, что заслонила собой не только сараевское убийство, но даже, по мнению некоторых исследователей наших уже дней, явилась чуть ли не причиной европейской, а затем мировой войны. Появилась теория автоматичности мобилизаций, т. е. последовательного вступления государств Европы в войну лишь только потому, что одно из них объявило мобилизацию. Мы далеки от такой поверхностной теории причин европейской войны, но должны согласиться, что мобилизация одного из больших европейских государств являлась настолько крупным фактором не только

восного, но и политического значения, мимо которого не могла пройти жизнь остальных государств Европы. Ниже мы поговорим об этом подробнее, а сейчас продолжим календарь событий лета 1914 года, числа которого все более и более принимали кровавую окраску.

31 ИЮЛЯ

Советы Парижа о секретной подготовке к войне были учтены в Петербурге. «Поденная запись» говорит: «Министр иностранных дел считал желательным, во избежание обострения отношений с Германией, приступить к общей мобилизации, по возможности, тайно и не объявляя о ней всенародно. Однако, оказалось, что это было технически невозможно, и с утра 18/31 июля на всех улицах появились объявления на красной бумаге с призывом под знамена».

Нам неизвестно, вел ли о «тайном» проведении общей мобилизации Сазонов переговоры с генеральным штабом или же самостоятельно признал «техническую невозможность» скрыть переход к войне. Можно с уверенностью сказать, что если даже подобные переговоры были, то со стороны генерального штаба безусловно последовал бы отрицательный ответ на советы Парижа. Если там думали, что принимаемые меры готовности к войне во Франции оставались тайной для Берлина, то уже из вышесказанного можно видеть, что это было наивным заблуждением.

Появление «объявлений на красной бумаге» «не могло не вызвать волнения среди иностранных представителей», — продолжает «Запись», — «и одним из первых к министру приехал за разъяснениями германский посол».

«Сазонов, — по словам «Записи», — заявил ему, что принятое императорским правительством решение является лишь мерой предосторожности, в виду обнаруживаемой в Берлине и Вене несговорчивости, но что со стороны России не будет сделано ничего непоправимого, и, несмотря на мобилизацию, мир может быть сохранен, если Германия согласится, пока еще не поздно, умеряюще воздействовать на свою союзницу».

«Граф Пурталес не скрыл своих опасений насчет того, как отнесутся в Берлине к упомянутой мере».

«Запись» не обозначает дату времени этого разговора, а потому мы обратимся к показаниям германского посла.

«Рано утром, 31 июля, — пишет Пурталес, — я только-что, собравшись отправиться в министерство иностранных дел, чтобы сообщить там содержание полученных за ночь телеграмм, как ко мне вошел военный атташе майор фон-Эггелинг и сообщил мне, что по углам улиц расклеивается приказ о мобилизации всех сил русской армии и флота. И если телеграмма из Вены снова было возродила во мне некоторую надежду, то теперь для меня стало окончательно ясно, что война стала уже более неотвратимой».

Узнав, что Сазонов находится в Петергофе, посол отправился к его товарищу Нератову. Сообщив ему полученные за ночь телеграммы, Пурталес заявил: «Известие о мобилизации России, по моему убеждению, произведет в Германии впечатление удара молнии... У нас в Германии общая мобилизация русской армии может быть понята только в том смысле, что

Россия хочет войны во что бы то ни стало, поэтому известие об этой мобилизации вызовет в Германии «ураган бури».

В подтверждение своего разговора Пурталес, как значится в «Записи», передал Нератову записку в которой доказывалось миролюбивое посредничество Германии в австро-русском конфликте. «Русское правительство, — заканчивала записка, — не должно бы упускать из виду, что Германия заинтересована в поддержании престижа Австро-Венгрии, как великой державы, и что нельзя требовать от Германии, чтобы она воздействовала на Австрию в направлении, идущем вразрез с ее собственными интересами».

«При этих условиях, если Россия будет настаивать на своих требованиях и откажется признать локализацию австро-сербского конфликта совершенно необходимой в интересах европейского мира, она должна в то же время отдать себе отчет в том, что положение является крайне опасным».

По мнению посла, Нератов, видимо, был смущен его разъяснениями: «Он ничего не возразил мне, а лишь ограничился заявлением, что даст знать министру иностранных дел о моем сообщении».

Последний, повидимому, не был так «смущен», как Нератов, ибо в разговоре с Пурталесом по телефону на его упоминания об «урагане бури» и «ударах молнии» Сазонов «отвечал лишь несколькими ничего не значащими замечаниями».

Напугать Сазонова было трудно. Было много и других дел у министра. Английский посол предложил внести более приемлемые для Германии изменения в формулу, данную Сазоновым Пурталесу. Пришлось согласиться, да еще просить «передать Грею признательность за дружественный и твердый тон Англии». Мы не будем рассматривать эту формулу, так как она не возымела своего примиряющего действия.

Сербии было предложено вступить в соглашение с Болгарией, обещав ей за военное содействие «территориальные компенсации» при условии получения их Сербией «в другом месте», Турцию успокаивали в отношении военных мер, принятых на Кавказе, а Австрии, этой «коварной» Австрии, снова предложившей вести переговоры, было указано, что такие переговоры желательно вести в Лопдоне и при условии прекращения Австрией военных действий.

Одним словом, Сазонов был слишком занят, чтобы вести бесполезные переговоры с Пурталесом. Последний так это и понял, решив обратиться за аудиенцией в самом Петергофе, причем «заранее уже питал мало надежды», что этот его «непосредственный шаг перед монархом мог иметь какой-нибудь успех в том смысле, что его величество решится взять назад приказ о мобилизации».

В Петергофе Пурталес был «весьма дружественно» принят, но на все представления, что «мобилизация означает угрозу и вызов Германии», сохранял невозмутимое спокойствие: «Царь спокойно выслушал меня, не выдавая ни малейшим движением мускула, что происходит в его душе». «У меня получилось впечатление, — продолжает Пурталес, — что мой высокий собеседник либо в необычайной мере одарен самообладанием, либо еще не успел, несмотря на мои весьма серьезные заявления, постигнуть всю грозность создавшегося положения». На предложение посла отменить

общую мобилизацию император возразил, что, так как Пурталес сам служил офицером, то должен понять, что, «по техническим причинам уже отданные приказы невозможно задержать». Затем Николай показал готовую к отправлению телеграмму в Берлин о невозможности задержать мобилизацию, известную уже нам, которая была послана в 2 часа 55 минут дня 31 июля.

Николай II расстроился о необходимости оказать давление на Австрию, «при этом монарх сделал характерное движение рукой»; «царь, — пишет Пурталес, — ни слова не нашел в ответ моим разъяснениям, которые, повидимому, не были им оценены». Попытка Пурталеса пугнуть Романова «опасностями», какими «грозит эта война монархическому началу», тоже оказалась безуспешной.

Одним словом, в Петергофе Пурталес встретил отпор, которого, наверное, не ожидал. Нужно было действовать иными путями, и вот на сцене министр двора Фредерикс, который просил посла к нему пойти. Снова длинные доказательства миролюбия Германии летели с уст Пурталеса, а за ними тяжело падали угрозы войны. Старый министр сдал и дал понять Пурталесу, что «приказ о мобилизации был проведен под давлением военного министра Сухомлинова и министра внутренних дел Маклакова». «Из них первый находился под страхом внезапного нападения, а последний сумел убедить императора Николая в том, что внутреннее положение России настоятельно требует какого-нибудь выхода».

Что думал Маклаков о войне, — об этом говорит в своей статье Добровольский.

Что же касается дум военного министра, то он в своих воспоминаниях резко обрушивается за «басни» на германского посла. Не допуская мысли, чтобы такой «благородный» человек, как Фредерикс, мог говорить подобное, Сухомлинов пишет: «Категорически заявляю, что этого не было и быть не могло, во-первых, потому, что пужна или не пужна мобилизация — вопрос чисто дипломатический, дело компетенции не военного министра, а того, кто ведает иностранной политикой».

«Вероятно, графу Пурталесу известна также, кроме того, та черта характера императора Николая II, что он органически не переносил вмешательства в дела чужого ведомства».

Между тем, из Берлина поступали известия. Русский посол Свербеев доносил, что им с 10 часов утра снова велись переговоры с Яговым, не приведшие ни к какому соглашению. «Ягов повторил мне, — телеграфирует Свербеев, — что переговоры затруднены уже мобилизацией нашей против Австрии». «Вообще я нашел, что Ягов настроен крайне мрачно».

В 11 часов 30 минут утра в Берлине было получено донесение Пурталеса и Хеллуса об объявлении общей мобилизации в Петербурге, что «с крайним волнением» сообщил русскому послу Ягов, вызвав его к себе. Министр указывал, что Германия вынуждена ответить объявлением «положения, угрожающего войной», а затем и «немедленной мобилизацией».

Таковы были телеграммы русского посла из Берлина.

Но, кроме того, тотчас же по получении известий об объявлении в Петербурге общей мобилизации, в 2 часа 15 минут дня в Берлине была подана на телеграф телеграмма Вильгельма Николаю, полученная в Петергофе в 5 часов 15 минут дня.

Телеграмма эта размипулась с посланной Николаем телеграммой о технической невозможности отменить отданный приказ об общей мобилизации.

Документ Вильгельма, начинаясь с указаний, что Берлин старался быть посредником, гласил, что в это время получены «достоверные известия о серьезных приготовлениях к войне на восточной границе». «Ответственность за безопасность моей империи вынуждает меня принять предварительные меры защиты», — писал Вильгельм и прибавлял: «В моих усилиях сохранить всеобщий мир я дошел до возможных пределов и ответственность за бедствие, угрожающее всему цивилизованному миру, падет не на меня». Доказывал, что никто не угрожает «могуществу и чести России», вспоминая о дружбе, завещанной «дедом», Вильгельм кончал телеграмму следующим указанием: «Европейский мир все еще может быть сохранен тобой, если только Россия согласится приостановить военные приготовления, угрожающие Германии и Австро-Венгрии».

«31 июля, в 11 часов 10 минут вечера, — пишет Пурталес, — я получила телеграмму от имперского канцлера», которая говорила, что общая русская мобилизация вынудила Германию «провозгласить для безопасности империи состоящие, угрожающее опасностью войны, каковое, однако, еще не означает мобилизации».

«Впрочем, — продолжает телеграмма; — мобилизация должна последовать в случае, если Россия не приостановит в течение 12 часов всякие военные приготовления, направленные как против нас, так и против Австро-Венгрии, и не даст нам по сему предмету определенных заявлений».

Пурталесу поручалось немедленно довести до сведения Сазонова этот если не ультиматум, то близкий к нему дипломатический документ. «Это поручение к г. Сазонову, — пишет посол, — я исполнил в 12 часов ночи с 31 июля на 1 августа». Разговор дипломатов не давал надежд на мирный исход конфликта. Сазонов повторял, что технически мобилизацию остановить нельзя, что мобилизация еще не война, что Николай торжественно заявил о том, что русские войска не предпримут враждебных действий, пока длятся переговоры. Посол не удовлетворился сказанным и требовал обещания, что военные действия не начнутся, если даже переговоры сорвутся. «Так как Сазонов, — пишет Пурталес, — отвечал на мой вопрос отрицательно, то я заявил ему, что нельзя также в таком случае быть в претензии на наше командование вооруженными силами, если оно отказывается выжидать, пока Россия сосредоточит на нашей границе свои чудовишно-громоздкие военные полчища».

Пурталес категорически заявил: «Если Россия не приостановит своей мобилизации и тем самым заставит нас равным образом мобилизоваться, то мы окажемся как раз у самого края бездны войны».

«После беседы, длившейся целый час, я, — пишет посол, — повицнул министра иностранных дел, вынося определенное впечатление, что русское правительство исполнено решимости довести дело до крайности».

Петербург решительно отказывался пойти на уступки, тем более, что Франция всецело поддерживала его, а английское предложение отвергалось не Сазоновым, а было неприемлемо для Германии.

Из изложенного выше видно, что в этот день Берлин переходил окон-

чательно в дипломатическое паступление, подкрепляя его военными мероприятиями.

«Курс потерян и лавина пришла в движение», — так канцлер Бетман еще 30 июля охарактеризовал общее положение в прусском совете министров.

В донесении Французского посла от 30 июля мы читаем: «По заявлению товарища статс-секретаря (Циммермана — *Б. Ш.*) военные круги очень настаивают на издании приказа о мобилизации, так как всякая оттяжка лишает Германию известных ей преимуществ. Однако, до сих пор удавалось противостоять давлению генерального штаба, который видит в мобилизации войну».

Каутский свидетельствует, что против объявления войны «боролся не один Бетман»: «Вместе с ним боролись и другие руководящие лица из министерства иностранных дел, которые прекрасно сознавали, при каких неблагоприятных международных условиях Германия вступает в войну: они не желали преждевременно разрывать тонкую нить мира, сотканную, наконец, в последнюю минуту».

Какова была эта «нить мира», показывает беседа Ягова с Свербеевым, происшедшая в 10 часов утра еще до получения в Берлине известия о русской общей мобилизации. Русский посол в конце беседы считал «войну неизбежной» и доносил Сазонову, что он «встретил упорное сопротивление со стороны статс-секретаря», который дал ему тот же ответ, что и накануне, — ответ, убедивший Свербеева в бесполезности всяких дальнейших переговоров.

Тирпиц отмечает: «Уже утром 31 июля я был извещен морским штабом, что иностранное ведомство считает войну неизбежной и что Ягов сделал запрос, готовы ли мы атаковать английский флот. Это противоречие стало для меня ясно, когда между 12 часами и 1 часом пополудни я получил известие, что Россия объявила мобилизацию».

Действительно, в 11 часов 40 минут утра была в Берлине получена телеграмма Пурталеса: «Объявлена общая мобилизация армии и флота. Первый день мобилизации 31 июля».

Около 1 часу дня, как говорит об этом «История» Государственного архива, Вильгельм объявил Германию в «положении, угрожающем войной». Как произошло подписание этого документа, использованные нами источники не говорят, да мы и не будем стараться уточнять этого факта.

Тирпиц говорит: «В половине первого меня вызвал к себе канцлер, у которого уже находился приказ кайзера объявить об «угрозе войны». Я обратил внимание канцлера на достигнутое между нами и Лондоном единение». Тирпиц советовал Бетману, что «было бы правильно еще раз указать в ультиматуме, что по существу достигнуто единение и что посредничество налаживается». На это канцлер с довольно сильным волнением возразил мне, что «это уже неоднократно было говорено, и что русская мобилизация как раз и является ответом». Тирпиц сознается, что он «почти не надеялся остановить колесо судьбы, которое пустило в ход русскую мобилизацию, но, во всяком случае, рассчитывал еще более решительно возложить ответственность за все последующее на врагов».

В 2 часа дня состоялось второе свидание Ягова с русским послом, который был вызван министром для сообщения полученной телеграммы

Пурталеса об общей мобилизации в Петербурге, о чем Свербеев оказался еще не осведомленным. Разговор, попрежнему, был безуспешен: «Когда мы расставались, — пишет Свербеев, — г. фон-Ягов повторил, что после нашей мобилизации положение является безнадежным».

В 3 часа Вильгельм торжественно въехал в Берлин, произнося известную речь с балкона, в которой заявил, что его вынуждают вести войну.

«11 часов вечера мне, — пишет Свербеев, — приносят листок, заключающий предъявленный России ультиматум, эти листки раздавались на улице». Ультиматум известен нам со слов Пурталеса.

Перед своей торжественной речью с балкона «Вилли» отправил «Ники» телеграмму, в которой предлагал России отменить общую мобилизацию.

Из слов Тирпица вытекает, что канцлер уже с полудня обдумывал ультиматум в Петербург, каковой был послан в 11 часов вечера.

Одновременно такая же нота была направлена и в Париж, почти идентичная по содержанию. Разница была лишь в том, что в ноте, адресованной в Петербург, не указывалось на все значение мобилизации германской армии, в то время как Франции определено говорилось: «Мобилизация неизбежно означает войну», запрашивалась ее позиция «в русско-германской войне» и для ответа давалось 18 часов.

Отмечая эту разницу, Каутский говорит: «В предназначенном для России тексте это решающее предложение, только и делавшее сообщение ультиматумом, отсутствовало».

«Как это объяснить? — продолжает Каутский. — Упущение это можно объяснить двумя совершенно различными мотивами: во-первых, желанием генерального штаба преждевременно не встревожить Россию, оставить ей еще надежды, что, несмотря на мобилизацию, можно еще продолжать вести переговоры и, следовательно, удержать от форсирования мобилизации. Но пропуск мог вытекать и из желания гражданского канцлера — не сжигать за собой, несмотря на мобилизацию, всех кораблей».

«В самом деле, — заключает Каутский, — в России на сообщение германского правительства еще не смотрели, как на ультиматум».

«31-го, — пишет в своих воспоминаниях кронпринц, — был ужин в Новом дворце, на котором присутствовал мой дядя, принц Генрих».

«Посло ужина его величество гулял со мной и с принцем Генрихом в саду. Император был чрезвычайно серьезен и не скрывал от себя необычайности и опасности положения, но выражал надежду, что удастся избежать европейской войны. Он сам отправил длинные телеграммы русскому царю и королю Англии и надеялся на успех».

Говоря о споре с дядей по поводу возможного участия Англии в войне, что кронпринц считал неизбежным, он замечает: «Я встретился здесь с тем же оптимизмом, который застилал и взор канцлера: и он до последнего момента твердо верил в английский нейтралитет. Что же касается его величества, то он еще колебался в оценке поведения Англии на случай войны».

Между тем, уже в этот день, 31 июля, английский посол спрашивал у Ягова от имени правительства, будет ли Германия соблюдать нейтралитет Бельгии. Ягов дал ответ, что без запроса канцлера и кайзера он не может высказаться об этом определенно. Симптомы беспокойства Англии были налицо.

Беспокойство Вильгельма и дипломатов вызывала и Вена, о чем скажем несколько ниже.

Итак, 31 июля династическая и дипломатическая линии окончательно решились на войну с Россией и Францией, переживая, правда, неприятные минуты от сознания, что дело это нужно начинать первыми.

Выше было приведено донесение французского посла из Берлина от 30 июля, что военная линия настаивает на объявлении мобилизации. Из воспоминаний Фалькенгайна знаем, что действительно вечером 30 июля Мольтке был уже убежден в неизбежности войны, но пока еще был сдержан.

Однако, поступившие за ночь донесения из различных пограничных пунктов говорили о русской общей мобилизации и, как говорит Цвейль, «первиrowали» Мольтке. Это «первое» состояние начальника генерального штаба выявилось в телеграмме, адресованной Конраду и полученной в Вене в 7 часов 45 минут утра 31 июля.

Телеграмма Мольтке говорила: «Русская мобилизация объявлена; Австро-Венгрия должна оставаться покойной, одновременно мобилизуясь против России. Германия мобилизуется. Италия компенсациями понуждается к выполнению союзнических обязательств».

В то же время австрийский военный агент сообщал в Вену: «Мольтке сказал, что положение сделалось бы критическим, если австро-венгерская монархия тотчас же не мобилизуется против России. Открытое объявление Россией мобилизации позволяет и Австро-Венгрии принять необходимые меры против этого, вполне объяснимые для общества. В то же время это послужило бы и для Германии поводом к исполнению своих союзнических обязательств. С Италией предпочтительно договориться путем компенсаций, чтобы она осталась активным членом тройственного союза, и в то же время на итальянской границе можно было бы не оставить ни одного человека. Сделанные вновь Англией шаги к поддержанию мира отклонены. Выдержка в объявлении европейской войны — для Австро-Венгрии последнее средство. Германия безусловно идет рука об руку».

Эти два документа оглашены Конрадом в его воспоминаниях и, по заявлению «Истории» Германского государственного архива, в германских делах не найдены.

Так или иначе, но, не будучи в состоянии умолчать о документах, оглашенных Конрадом, «История» Государственного архива говорит, что Мольтке ожидал объявления общей австрийской мобилизации одновременно с русской частной. Но так как в Вене хотели также избежать войны с Россией и не были уверены в твердых намерениях Германии выступить на защиту монархии, то эти обстоятельства и побудили Мольтке послать приведенную выше телеграмму.

Нам кажется, что такое объяснение не совсем верно, ибо частная русская мобилизация не особенно беспокоила Мольтке и до получения с границы, не австрийской, а германской, сведений о производящейся мобилизации он не был тревогу, ибо руки Германии были еще свободны. Поскольку Германия втягивалась в войну, начальник германского генерального штаба испугался, как бы Австрия не опоздала с мобилизацией, и решил втянуть ее первой в общую мобилизацию, разъясняя военному агенту, что, дескать,

таким образом можно и оправдать это и перед общественным мнением, и подтолкнуть Германию на войну.

Если раньше можно было говорить о «местной» войне только с Сербией, то теперь на плечи Австрии ложилась война с главным противником — Россией, и нужно было принять меры, чтобы Вена не увлеклась сербским театром, оставшись в выжидательном положении в Галиции.

Если вспомним, то вечером 30 июля начальник австро-венгерского генерального штаба отправил Мольтке телеграмму о том, что Австрия войны России не объявит и не начнет ее. Эта телеграмма разошлась с посланной телеграммой Мольтке о необходимости австрийской мобилизации и против России.

Точно также до получения этой телеграммы в Вене, Берхтольд около 8 часов утра 31 июля телеграфировал австрийскому послу в Берлин: «Конрад одновременно телеграфирует в ответ на запрос начальника германского генерального штаба: «Согласно приказаний императора решено войну против Сербии продолжать. Оставшаяся часть армии мобилизуется и сосредоточивается в Галиции. Первый день мобилизации 4 августа. Приказ о мобилизации будет объявлен сегодня 31 июля. Просьба сообщить предполагаемый в Берлине первый день мобилизации».

«Эти соображения были непонятны для Берлина», — пишет «История» Государственного архива.

Начальник генерального штаба на берегах Шпрее действительно нервничал: с одной стороны, в 11 часов 40 минут дня русская общая мобилизация уже не вызывала сомнений, как факт, а с другой, Конрад не собирался объявлять войны России и начинать ее, а Берхтольд говорил о решении вести войну против Сербии, упоминая лишь о сосредоточении части мобилизованной армии в Галиции против России.

После объявления положения, угрожающего войной, когда война в принципе была решена, Мольтке запросил после обеда Конрада телеграммой: «Не хочет ли Австрия оставить Германию под ударом?» Телеграмма была получена в Вене в 7 часов 15 минут вечера.

Однако, в Берлине считали положение в Вене довольно серьезным, и около 4 часов дня, после речи с балкона, Вильгельм отправляет Францу-Иосифу следующую телеграмму:

«Сегодня мною объявлены предварительные мобилизационные мероприятия моей армии и моего флота, за которыми в кратчайшее время последует общая мобилизация. Я предполагаю 2 августа сделать первым днем мобилизации и готов в исполнение моих союзнических обязательств начать войну с Россией. Важнейшее в этой тяжелой борьбе, чтобы Австрия сконцентрировала свои главные силы против России, а не расплывалась их наступлением против Сербии. Это тем более важно, что большая часть моих армий будет связана Францией. В этой борьбе не на живот, а на смерть, в которую мы вступаем плечо к плечу, Сербия играет совершенно второстепенную роль, которая требует принятия против нее строго необходимых оборонительных мер. Успех войны и, вместе с тем, целостность наших монархий будут достигнуты лишь тогда, когда мы оба с полным напряжением сил выступим против новых могущественных противников. Затем я прошу тебя сделать все, чтобы побудить Италию к совместному выступле-

нию. Все прочее должно отойти на задний план перед стремлением достигнуть совместного выступления в войне тройственного союза».

Такие директивы по военной и династической линиям шли из Берлина в «несносную» Вену, в которой не было уверенности даже в «двенадцатый час», как любят выражаться германские писатели.

Из приведенных документов с очевидностью явствует «нервное» состояние начальника германского генерального штаба.

Более спокоен был военный министр Фалькенгайн, который добивался одного — скорейшего объявления мобилизации, за которую, по закону, он был ответственен.

Выше мы говорили, что вечером 31 июля в Париж также был отправлен своего рода ультиматум: запрос о нейтралитете Франции в русско-германской войне. Конечно, такой нейтралитет должен был быть гарантирован республикой Германии. Если вспомним, то начальник германского генерального штаба уже давным давно разрешил этот вопрос о гарантиях со стороны Франции. В письме к Конраду в 1911 году он писал о необходимости потребовать с Франции передачи до конца войны крепостей Вердена и Туля. Ныне, когда этот вопрос из области предположений переходил в область действительности, Мольтке выставил эти требования. К отправленной вечером 31 июля в Париж ноте с 18-часовым ультиматумом следовало тотчас же добавление: «Если бы французское правительство заявило готовность остаться нейтральным, — чего нельзя предполагать, — соблаговолите, ваше превосходительство, заявить французскому правительству, что мы должны потребовать, как залог нейтралитета, предоставления крепостей Туль и Верден, которые мы займем и отдадим после окончания войны с Россией. Ответ на последний вопрос должен поступить сюда не позже завтрашнего дня (1 августа — *Б. Ш.*), 4 часов пополудни. Фоп-Бетман-Гольвег».

Правда, этот документ не был предъявлен французскому правительству, ибо канцлер справедливо сам указывал, что «нельзя предполагать» нейтралитета Франции, но, во всяком случае, документ был написан и послан, характеризуя предположения германского генерального штаба.

Расценивая это «добавление», Каутский пишет: «Ясно, как на ладони, что никакое французское правительство, даже если бы оно было самым миролюбивым правительством Жореса, не могло выполнить этих требований. Следовательно, вопрос о нейтралитете имел целью «не ограничить пожар востоком», а наоборот, тотчас же принудить Францию к войне».

Как смотрел на нейтралитет Франции сам Мольтке, мы увидим ниже.

Для Фалькенгайна было также «ясно, как на ладони», что Франция вступит в войну, а поэтому вечером 31 июля в разговоре с канцлером он снова указывал на опасность запоздать с мобилизацией.

После войны Франция использовала замыслы бывшего начальника германского генерального штаба и оплатила той же монетой, потребовав для сохранения Германией «длительного» нейтралитета передачи ряда германских крепостей. Верден же, как известно, был «мельницей» не только для французской, но и для германской армии.

Итак, к вечеру 31 июля Берлин был готов превратиться в вооруженный

лагерь, не подозревая, что такое состояние продлится довольно продолжительное время, приведя, в конечном счете, к «Версалю».

Теперь посмотрим, что же происходило в Вене, которая вызвала «первенство» Мольтке.

Утром 31 июля из министерства иностранных дел уже сообщили начальнику австрийского генерального штаба, что *Германия готова предъявить России ультиматум*. Таким образом, решение Берлина об ультиматуме было принято им еще до получения телеграммы Пурталеса об объявлении общей мобилизации в России.

В 7 часов 45 минут утра Конрад получил первую телеграмму Мольтке и донесение военного агента из Берлина. С этими документами начальник штаба отправился к военному министру и, захватив его с собой, явился к Берхтольду. Там уже были палидо оба министра президента (Тисса и Штюргк) и Бурьян.

Когда Конрад огласил полученные телеграммы, Берхтольд воскликнул: «Удачно! Кто же правит: Мольтке или Бетман?!» и тотчас в свою очередь прочитал телеграмму Вильгельма к Францу-Иосифу. В ней говорилось о том, что кайзер не мог отклонить просьбу Николая о посредничестве и просил подтвердить заявления австрийских дипломатов, что после занятия Белграда или другого района Вена прекратит наступление.

Если эта телеграмма говорила о желании Вильгельма избежать войны, то его начальник штаба считал ее неизбежной и рекомендовал скорее объявить в Австрии общую мобилизацию, чтобы тем поставить и Германию перед необходимостью выполнять союзнические обязательства.

Берхтольд и теперь еще боялся, как бы Германия не уклонилась, но так или иначе нужно было подумать о военных мерах, и было признано необходимым теперь же объявить общую мобилизацию, как меру защиты против нападения России. Однако, войны России не объявлять и самим ее не начинать. В таком духе должны были быть информированы дипломатические представители монархии за границей и пресса.

Военный министр отправился с заготовленным приказом в канцелярию Франца-Иосифа для его подписания.

В это время из Рима были получены две ноты. Первая из них от премьер-министра С.-Джуллано гласила: «Так как тройственный союз имеет чисто оборонительный характер и так как венский кабинет своим насильственным выступлением против Сербии проводит европейское равновесие, предварительно не войдя об этом в переговоры с римским правительством, то Италия не считает себя обязанной принимать участие в войне».

Мы не будем приводить гнева Конрада по поводу «макиавеллевских софизмов» итальянской политики, сбросившей ныне с себя маску. Однако, отказ Италии от союза и указания Берлина об отношениях к Риму действовали на венских дипломатов: Берхтольд заговорил о необходимости вступить с Италией в переговоры о компенсациях ее за участие в войне. Начальник штаба полагал, что если Италия выступит активно, то можно ей обещать компенсации и даже пожертвовать Валоной. Как видим, Конрад резко сбавил тон и предложил попытаться договориться по военной линии с начальником итальянского генерального штаба Кадорной, предложив ему, в духе ведшихся до сего времени переговоров, привлечь итальян-

янские войска к активным действиям. По его мнению, Германия должна выступить с таким же предложением. Если Италия уклонится и на этот раз, то кончается всякая морская конвенция тройственного союза. Нам думается, что, посылая приведенную выше телеграмму, римское правительство вообще не высоко ценило тройственный союз в целом, а не только морскую конвенцию.

Министры сели заседать по вопросам английского посредничества и уступок Италии, а начальник генерального штаба отправился домой.

В 12 часов 23 минуты дня в военном министерстве был получен подписанный приказ об общей мобилизации, который тотчас же был опубликован.

В 4 часа 45 минут дня военный агент Германии сообщил Конраду об объявлении в Берлине положения, угрожающего войной.

В 7 часов 45 минут вечера Конрад получил от Мольтке известную уже нам телеграмму с запросом: не думает ли Австрия подставить Германию под удар?

Начальник австрийского генерального штаба тотчас же продиктовал в оперативном бюро телефонный ответ Мольтке.

«Общей мобилизацией и сосредоточением в Галиции, — писал Конрад, — Австро-Венгрия документально выявила свою волю к войне. Последняя телеграмма (Конрада — *Б. III.*) имела в виду выждать объявления войны. По времени телеграмма послана была тогда, когда о предположениях Германии о мобилизации не было никаких известий, а, напротив, из переговоров Германии с Англией можно было усмотреть, что в интересах Германии миром закончить конфликт. К войне с Сербией мы были вынуждены, Россия же мобилизовалась. До сего времени мы еще не убеждены твердо в том, не намерена ли Россия ограничиться одними угрозами, и мы поэтому от наступления против Сербии можем не отказываться. Совершенно иное положение сложится, если Германия нам заявит, что она одновременно хочет вступить в войну. Прошу по этому вопросу разъяснений».

Таким образом, даже после того, как Германия была накануне мобилизации, а, следовательно, и войны, что Конраду было разъяснено также Мольтке, Вена еще не была уверена в желании Германии воевать и полагала, что в последний момент «храбрые трусы» сдадут свои позиции.

Через 2 часа Конрад читал телеграмму Вильгельма, приведенную нами выше. С горечью ныне в своих воспоминаниях говорит об этом документе бывший начальник генерального штаба. Перевозки на сербский фронт уже были в полном ходу, и вносить хаоса не следовало. Конрад находит, что вместо довольно «хромых советов и поучений» было бы лучше, если бы решение Германии о войне с Россией последовало раньше, когда главные силы австро-венгерской армии сразу были бы направлены в Галицию. «Советы» о дружественном курсе в политике с Италией были также запоздалыми, тем более, что отказ Италии от участия в войне был следствием ошибочной политики самого Берлина.

Что касается Румынии, то Конрад был склонен считаться лишь с ее нейтралитетом. Болгария и Турция вероятно выступят на стороне Германии. Позиции Англии и Греции были неясны.

Франция продолжала развивать свои военные меры на восточной границе.

К утру 31 июля в Париж непрерывно поступали сведения о расширении немцами военных мероприятий на границе; прервано телеграфное и железнодорожное сообщение.

Французский генеральный штаб утром отдал дальнейшие распоряжения о мерах боевой готовности в отношении связи, охраны военных и важных гражданских объектов и, наконец, как пишет официальная история войны, «в виде исключительной меры, по приказанию правительства, вследствие убийства Жореса, 2-я красирская бригада, которая должна была выступить, получает ночью приказ впредь до особого распоряжения остаться в Париже».

Как нам известно, русская мобилизация заставила французское правительство плохо провести ночь. Собранный совет министров одобрил посланную Палеологу в Петербург телеграмму о полной солидарности Франции с Россией.

В 3 часа утра в Париже была получена от посла из Берлина телеграмма: «Нерешительная позиция английского правительства может вызвать весьма тяжкие последствия, потому что здесь (в Берлине) надеются на успех борьбы против Франции и России, если они будут одни. Только возможность вмешательства со стороны Англии тревожит императора, его правительство и путает все их расчеты».

«Осведомившись об этой телеграмме, — пишет Пуанкаре, — я предложил совету министров, который принял мое предложение, спешно переслать королю Георгу личное письмо, чтобы осведомить его, насколько важно немедленное и открытое заявление со стороны Англии».

Письмо начиналось с доказательств того, что Германия развитием военных мер угрожает Франции и что последняя принимает военные меры лишь в видах «предосторожности». Спасение мира, по мнению Пуанкаре, заключается в одновременном выступлении всей Антанты. Напоминая об условиях соглашения Франции с Англией, которые указывали на необходимость начать обмен миссиями, Пуанкаре писал, что Франция, как и Англия, делает все, чтобы сохранить мир. «Я имею глубокую уверенность в том, что в этот час чем больше Англия, Франция и Россия дадут пример единства в их дипломатических усилиях, тем больше можно будет рассчитывать на сохранение мира».

Письмо пошло в Лондон, а в Париже было получено донесение посла из Вены об объявлении общей мобилизации в Австрии и, наконец, в 13 часов 30 минут, как пишет официальная французская история войны, «получается известие, что Германия послала ультиматум России», повидимому, только еще готовила к отправке.

Сообщено ли это было начальнику французского генерального штаба, — нам неизвестно, но в 15 часов 30 минут 31 июля Жоффр подает правительству записку, в конце которой, перечисляя принятые Германией военные меры, указывает: «Если подобное напряженное положение будет продолжаться и если немцы, под шумок дипломатических переговоров, будут продолжать проводить в жизнь свой мобилизационный план, что они ныне делают, избегая называть вещи своими именами, то правительству необходимо знать, что, начиная с сегодняшнего вечера, замедление на 24 часа призыва запасных и отправки по телеграфу приказа о мобилизации выра-

зится в задержке выполнения нашего мобилизационного плана и заставит нас прибегнуть сразу же к оставлению части нашей территории, по 15—20 км за каждый пропущенный день. Главнокомандующий не может принять на себя такой ответственности». Так кончал Жофр свою записку, заставляя правительство Франции серьезно призадуматься.

В то же время были получены сведения из Берлина об объявлении в Германии положения, угрожающего войной.

В 17 часов снова собрался совет министров и, по допесению Извольского Сазонову, «решил принять в пяти пограничных корпусах самые скорые подготовительные меры, не имеющие, однако, характера мобилизации». «Сообщая мне о вышеизложенном, — пишет Извольский, — Маржері прибавил, что на мобилизацию германской армии Франция тотчас ответит мобилизацией своих военных сил».

«История» говорит: «Совет министров, собравшийся в 17 часов, ознакомившись с этим сообщением (запиской Жоффа — Б. III.), поддержанным Вивиани, принимает решение отправить телеграмму о частной мобилизации», а железные дороги предупреждаются о подготовке к массовым перевозкам. В 17 часов 40 минут всем армейским корпусам северо-восточной границы посылается телеграмма: «Начните отправку передовых частей. Начало 21 час». Телеграмма имела в виду перевозки по железной дороге, так как выдвигание передовых частей пешим порядком было указано 30 июля.

Говоря об этом заседании совета министров, Пуанкаре добавляет, что: «по соглашению с военным министром и генеральным штабом, правительство, желая сохранить безупречную позицию, не отдавало еще пока приказа о мобилизации».

Повидимому, Жофр пошел на некоторые уступки в своих требованиях.

В 19 часов у Вивиани показался германский посол Шен и сообщил известную уже нам ноту с 18-часовым сроком, заявив, что за ответом он придет завтра днем, в субботу, в 1 час дня. «Короче говоря, — пишет Пуанкаре, — казалось, что он заявляет нам о своем отъезде».

«Председатель совета министров, — продолжает Пуанкаре, — с которым я был в постоянном контакте, поспешил сообщать мне об этом собеседовании. Мы пришли с ним к соглашению, что в субботу, когда Шен снова появится, Вивиани просто заявит, что Франция будет действовать согласно своим интересам».

Тотчас же собрался «экстренный» совет министров для обсуждения заявлений Шена.

О результатах этого совета Извольский сообщил Сазонову телеграмму военного агента военному министру: «Час ночи. Военный министр объявил мне (военному агенту — Б. III.) в приподнятом сердечном тоне о твердом решении правительства на войну, просил меня подтвердить надежду французского генерального штаба, что все наши усилия будут направлены против Германии и что Австрия будет признаваться *quantité négligeable*» (второстепенной — Б. III.).

Читатель, наверное, без нас сравнит эту телеграмму с приведенной ранее телеграммой Вильгельма к Францу-Иосифу и если поставит вместо Австрии

Россию и Сербию, то по существу признает их идентичными. «Чернокожие» были и в тройственном союзе, и в тройственном согласии... В грозные минуты стратегии не стеснялась выявлять своего прямого отношения к армиям, хотя и союзным, но не поднимающимся выше «африканских контингентов».

Итак, в Париже «твердо» решились на войну.

Дело было за Лондоном. Потерпев последнюю неудачу в своих попытках быть ангелом мира, английская дипломатия должна была найти осязательный предлог для вступления в войну. Ни Сербия, ни Россия и даже ни Франция не могли привести общественное мнение к сознанию необходимости войны. Другое дело — Бельгия, и вот мы знаем, что уже 31 июля английский посол в Берлине пытался нащупать почву вокруг этого вопроса. Конечно, без сомнения, и в Лондоне «твердо» решились на войну, — необходим был только предлог, а таковым могло явиться нарушение Германией нейтралитета Бельгии и угроза английским берегам. Дипломатии островов нужно было только выждать время, что она и сделала.

Мы уже говорили выше, что 30 октября 1912 года между Францией и Англией произошел обмен письмами. В них значилось: «Если одно из правительств будет иметь достаточные поводы опасаться прямого нападения третьей державы или предположить, что мир паходится под угрозой, оно должно оценить совместно с другим правительством, необходимо ли обоим выступить, чтобы помешать нападению или обезопасить мир, и в этом случае совместно установить, какие меры необходимо принять. Если они будут направлены к военным действиям, то немедленно должны быть пересмотрены планы генеральных штабов, и оба правительства должны решить, насколько они должны быть осуществлены».

30 июля 1914 года Камбан, на основании существующих писем, обратился к Грею с вопросом, что сделала бы Англия, если бы Германия напала на Францию под предлогом, что Франция принимает военные меры, или потребовала обязательства от Франции остаться нейтральной в случае войны Германии с Россией. «Ни на то, ни на другое, — заявил посол, — Франция пойти не может».

Ответ был дан Грею лишь 31 июля, после заседания кабинета министров, в том духе, что Англия в настоящий момент не может взять на себя каких-либо обязательств. Финансовый вопрос играет большую роль, равно как и общественное мнение не пойдет на какие-либо обязательства Англии.

Объяснение такому ответу мы находим в словах помощника Грея, который указывал, что ныне английское правительство не должно давать повода Франции и России думать, что оно решилось на войну. Коль скоро, однако, будет установлено, что Франция и Россия войны избежать не могут и в нее вступили, тогда, в соответствии с британскими интересами, следует заявить, что Англия становится на их сторону.

28 июля Никольсон писал Бьюкенену, что, несмотря на то, что Англия еще и не встала на сторону двойственного союза, он должен был бы ясно видеть, что это произойдет.

В своих воспоминаниях Черчилль говорит о разногласиях в кабинете по поводу решительных шагов; 31 июля путем переговоров с оппозицион-

ной частью кабинета морской министр получил их согласие поддержать кабинет, если Германия затронет нейтралитет Бельгии.

Так как в Берлине об этом уже было сделано представление, то следовало выждать лишь ответа, который, заранее можно было сказать, должен быть отрицательным.

В тот же день Никольсон предлагал уже объявить мобилизацию армии, ибо иначе можно опоздать. Грей находил это вполне справедливым.

1 АВГУСТА

Описание дня 1 августа мы начнем с Берлина, откуда последовало «фактическое» и «юридическое» объявление войны.

В своей книге о мировой войне Каутский пишет, что «уже в 1 час ночи, не издавая приказа о мобилизации, в Петербург было отправлено объявление войны».

Пурталесс указывает, что телеграмма об объявлении войны, с добавлением о необходимости вручить ее 1 августа «в 5 часов пополудни» (по средне-европейскому времени), была им получена «около 5 часов 45 минут вечера», а расшифровка ее закончилась «в 7 часов вечера по русскому времени» или в 6 часов вечера по средне-европейскому.

Отсюда вытекает, что телеграмма шла от Берлина до Петербурга 16 часов 45 минут, что, конечно, явно неверно. Сам Каутский затем опровергает сказанное им выше, фиксируя, что «в действительности» телеграмма об объявлении войны была отправлена «в 1 час пополудни» 1 августа. Правда, она была отправлена до объявления мобилизации, но, во всяком случае, после истечения установленного ультиматумом 12-часового срока. Историческая справедливость вынуждает нас отметить этот факт.

События нарастали. Отступления уже не было... Военный министр Фалькенгайн занес 1 августа в свой дневник: «Предложил мне Мольтке идти вместе с ним к Ягову, чтобы помешать бессмысленному преждевременному объявлению войны России, — я бы дал ответ: поздно».

Далее Фалькенгайн продолжает: «Так как от России, срок ультиматума к которой истек в 12 часов дня, до 4 часов дня не пришло никакого ответа, я поехал к канцлеру, чтобы склонить его отправиться со мной к кайзеру и испросить согласия на объявление приказа о мобилизации. После продолжительного сопротивления он согласился, и мы телефонировали Мольтке и Тирпиду. В это время позволил сам император и приказал прибыть к нему с приказом о мобилизации».

«Около 5 часов дня приказ был подписан его величеством на столе с никраустиями из дерева — «Победа» Нельсона. Я сказал при этом: «Бог благословит ваше величество и ваше оружие, бог защитит любимое отечество». Затем кайзер долго жал мне руку, в глазах обоих настояли слезы: Здесь же присутствовали канцлер, Мольтке, Тирпид, Линкер (начальник кабинета—*Б. Ш.*), Плессен (генерал-адъютант Вильгельма—*Б. Ш.*)».

Так, в приподнятом настроении, с чисто немецкой сентиментальностью, подписывался приказ о мобилизации, т. е., иными словами, приказ об объявлении войны.

По подписании приказа все присутствующие отправились по домам, по крайней мере, военные. Но не успели последние добраться до своих квартир, как тотчас же были вытребованы во дворец к Вильгельму.

Причиной такого вторичного сбора всех послужила полученная Ягвовым от германского посла в Лондоне телеграмма. По его словам, она являлась «лучом надежды ограничиться войной лишь на востоке, придать ей характер лишь борьбы славянства с германизмом и помешать возникновению мирового пожара».

«Я тотчас же, — пишет Ягов, — с телеграммой поехал во дворец, где, как я знал, происходит совещание кайзера с канцлером, начальником генерального штаба и военным министром о возможности объявления после обеда мобилизации». Повидимому, во дворце Ягов появился уже после 5 часов дня.

Лихновский сообщал, что утром он разговаривал по телефону с Греем, который осведомился у германского посла, не считает ли он возможным такой случай, что в случае русско-германской войны Германия не атакует Франции, которая останется нейтральной. Лихновский ответил, что при такой обстановке можно было бы принять на себя обязательство.

Не нужно говорить, что предложение Грея шло как пельзя более навстречу берлинским дипломатам: разгромить Россию в одиночестве, — чего было лучше желать.

В дальнейшем нашем изложении мы подробно будем излагать свидетельства участников этого второго совещания во дворце, начав с начальника генерального штаба.

«Я находился, — пишет в своих воспоминаниях Мольтке, — на обратном пути из дворца в генеральный штаб, когда получил приказание немедленно вернуться во дворец, куда поступили очень важные известия. Я тотчас же вернулся. Во дворце, кроме его величества, я нашел канцлера, военного министра и еще несколько других чинов.

Канцлер, который видел основу своей политики в том, чтобы поддерживать хорошие отношения с Англией и, что замечательно, до сегодняшнего дня еще думал, что во всеобщей войне, по крайней мере, удастся избежать участия Англии, был очень обрадован содержанием телеграммы германского посла в Лондоне князя Лихновского. В таком же состоянии был и кайзер. Телеграмма говорила, что статс-секретарь Грей сообщил послу о намерениях Англии взять на себя обязательства в том, что Франция не объявит нам войны, если Германия, со своей стороны, обяжется не предпринимать каких-либо враждебных действий против Франции. К этому я должен заметить, что Франция в этот же день, как и мы, объявила мобилизацию, что нам было известно. Господствовало, как сказано выше, радостное настроение.

Мы должны были вести войну только с Россией; кайзер сказал мне: «Итак, мы наступаем со всеми армиями на восток!» Я возразил его величеству, что это было бы невозможно. Стратегическое развертывание миллионов армий не может быть импровизировано, оно является результатом упорной, многолетней работы и, однажды установленное, не меняется. Если его величество настаивает все армии направить на восток, то они не явились бы готовыми к бою, а представляли собой хаотические толпы несог-

пизовапных вооруженных людей без снабжения. Кайзер настаивал на своем и был очень возбужден, сказав мне, между прочим: «Ваш дядя (Мольтке старший — *Б. III.*) дал бы мне иной ответ!» — для меня это было очень больно. Я никогда не претендовал быть подобным фельдмаршалу. Что для нас наступила бы катастрофа, если бы со всеми армиями начал наступление против России, имея в тылу мобилизованную Францию, в этом по для кого не было сомнения. Как могла гарантировать Англия Германии, что Франция не нападет с тыла? Мое возражение, что Франция уже мобилизовалась, и невозможно, чтобы оба мобилизовавшиеся государства оставались долго без столкновений, было напрасно. Настроение было приподнятое, и я оказался совершенно одиноким.

В конце-концов мне удалось убедить его величество, что наше сосредоточение, задуманное как удар с главными силами против Франции и с малыми силами оборона против России, должно быть планомерно проведено, чтобы не случилось непоправимого бедствия. Я сказал кайзеру, что по окончании сосредоточения возможно любую сильную часть армии перебросить на восток, но в самом плане сосредоточения ничто не может быть изменено, ибо в противном случае я снимаю с себя всякую ответственность.

Ответная телеграмма в Лондон была составлена в том духе, что Германия охотно принимает английское предложение, но что план сосредоточения сил на французской границе по техническим соображениям должен быть проведен с самого начала. Мы не нападем на Францию, если она, под контролем Англии, останется совершенно спокойной. Большого я не мог достигнуть. Для меня была совершенно ясна бессмыслица всего этого английского предложения. Уже в предшествовавшие годы министерство иностранных дел запрашивало меня о возможности такого положения при войне Германии с Россией, когда Франция останется нейтральной. Уже тогда я заявлял, что если Россия объявит нам войну, мы должны, если позиция Франции будет сомнительна, объявить войну тотчас же и ей. Ныне же, как гарантию от нападения Франции, я потребовал временной передачи нам крепостей Верден и Туль. Это предложение, как знак недоверия к Англии, было отклонено.

В продолжение всей этой сцены я был в полном отчаянии; я усматривал из этих действий дипломатов, могущих затруднить ход нашей мобилизации, что в предстоящей войне нам грозило большое несчастье. Необходимо здесь пояснить, что по нашему мобилизационному плану было предусмотрено занятие Люксембурга 16 дивизией уже в первый день мобилизации. Мы должны были немедленно обеспечить люксембургские железные дороги от французских покушений, так как они предназначались для нашего сосредоточения. Тем более для меня было тяжело, когда канцлер заявил, что занятие Люксембурга не может быть осуществлено ни под каким видом, либо оно было бы прямой угрозой Франции и свело бы на-нет сделанные Англией предложения. В то время, как я настаивал на своем, кайзер, не спрашивая меня, обратился к дежурному флигель-адъютанту и приказал ему тотчас же послать телеграфный приказ в Трир 16 дивизии, чтобы она не вступала в Люксембург. Я чувствовал, что как-будто мне должны разбить сердце. Вторично возникла опасность, что наше сосредоточение будет

смято. Понять это, конечно, мог только тот, кто в целом и до самых мельчайших подробностей изучил работу по стратегическому сосредоточению, где каждый поезд рассчитан по минутам и где каждое изменение могло оказать самые тяжелые последствия. Напрасно я старался убедить его величество, что мы должны использовать и обеспечить железные дороги в Люксембурге, я был остановлен замечанием, что вместо этих дорог я могу использовать другие. Приказ остается в силе».

«С этим я ушел», — пишет Мольтке. Чтобы не прерывать его рассказа, мы послушаем его уже до конца.

«Невозможно описать состояние, — продолжает начальник генерального штаба, — в каком я вернулся домой. Я чувствовал себя нравственно разбитым и рыдал от горя. Когда мне принесли на подпись телеграмму 16 дивизии, как подтверждение переданного по телефону приказа, я бросил перо на стол и заявил, что не подпишу ее. Я не мог дать своей подписи на приказе, который был первым по объявлении мобилизации и который вносил изменения в то, что планомерно было подготовлено и что войска могли счесть показателем неуверенности. «Делайте с телеграммой что хотите», — заявил я подполковнику Таппену. — «Я ее не подпишу». В удрученном состоянии я сидел без дела в своем кабинете, когда в 11 часов вечера снова был позван к его величеству во дворец. Кайзер принял меня в спальне. Он был уже в кровати, но затем встал и набросил на себя сюртук. Он протянул мне телеграмму английского короля, в которой тот заявлял, что ему о заявлениях Англии, кои остановили бы Францию от вмешательства в войну, ничего неизвестно. Телеграмма Лехновского ошибочна или он что-то не так понял. Кайзер был сильно возбужден и сказал мне: «Ну, вы можете делать что хотите». Я тотчас же вернулся домой и телеграфировал 16 дивизии, что занятие Люксембурга должно быть проведено. Чтобы это новое приказание хотя бы немного мотивировать, я добавил: «Так как ныне стало известно, что во Франции объявлена мобилизация».

«Это было мое первое переживание во время этой войны», — откровенно говорит Мольтке. — «Я убежден, — продолжает он, — что если бы телеграмма Лихновского была получена на полчаса раньше, кайзер не подписал бы приказа о мобилизации. Я не мог вытравить из себя этого переживания; у меня что-то оборвалось внутри, чего уже нельзя было поправить; уверенность и доверие были подорваны».

Мы выслушали подробно свидетельство начальника германского генерального штаба об «английском инциденте», слышали, как он отстаивал неприкосновенность выработанного годами плана стратегического развертывания, когда дипломатическая и династическая линии мыслили, что план этот можно изменить в последнюю минуту. Перед нами прошли страдания Мольтке, которые его потрясли настолько, что он уже с 1 августа начал идти по пути поражения, пока не дошел до Марны. Можно, конечно, оспаривать такое заключение, но что инцидент 1 августа был началом конца германского полководца, — это вне всякого сомнения.

Его будущий заместитель — военный министр Фалькенгайн — так описывает происшедшее: «Когда приказ о мобилизации уже был объявлен, — пишет Фалькенгайн в своем дневнике, — я снова по телефону был вызван к его величеству... Я застал еще оживленный обмен мнений между канд-

дером и Мольтке по поводу ответной телеграммы, составленной Яговым по приказанию кайзера. Мольтке по телефону сообщил в Трир, чтобы 16 дивизия не выступала тотчас же в Люксембург. Он утверждал, что все потянуто, так как решение императора показывает, что он еще и теперь надеется на мир. Я утешал Мольтке. Его заключение о решении Вильгельма я разделял, но в этом не могло быть ничего непоправимого для Мольтке, если бы распоряжения Вильгельма своевременно были задержаны; император же в данное время предпочел гуманность. Конечно, я ни одного мгновения не допускал мысли, что телеграмма что либо изменит в ужасающей драме, которая началась в 5 часов дня».

Говоря в дальнейшем о получении второй и третьей телеграмм из Лондона, которые рушили все надежды берлинской дипломатии, и о том, что кайзер разрешил Мольтке занимать Люксембург, Фалькенгайн отмечает: «Кронпринц посетил меня и спросил: могли ли переговоры с Лондоном повлиять на приказ о мобилизации. Я ответил: чтобы наверняка, то нет, равно как, к сожалению, насколько ум человеческий дает возможность предугадать, они не могли повлиять и на войну, причем «к сожалению» отвечало мыслям его величества и гуманности вообще».

Таким образом, Фалькенгайн, ни минуты не сомневавшийся в беспредельности переговоров с Лондоном, находил, что стратегическое развертывание германской армии не будет сорвано, если бы произошла задержка в занятии Люксембурга. Политические выгоды переговоров военного министра брали вверх над военными интересами Мольтке.

Мы не будем подробно останавливаться на тех телеграммах из Лондона, кои послужили причиной открытых столкновений линии военной с линиями дипломатической и династической. Ягов в своих воспоминаниях довольно скромно заявляет, что «миролюбие» кайзера шло так далеко, что он на два «драгоценных» дня откладывал военные действия, лишь бы внести ясность в положение. Берлин во что бы то ни стало стремился удержать от войны Лондон.

«История» Государственного архива, говоря о нервности Мольтке 1 августа, находит, что начальник штаба стоял «перед решением, которое могло иметь самые тягчайшие последствия».

Нельзя, конечно, отрицать того, что берлинская дипломатия в этот день переживала много: приближалось время, когда за неполучением ответов на посланные ультиматумы России и Франции *нужно было делать формальное объявление войны*. Что касается России, то в 1 час дня 1 августа, еще до всей истории переговоров с Лондоном, объявление ей войны было отправлено. В Париж пока подобного документа послано не было. Но зато Шен имел в кармане «добавление»: в случае нейтралитета Франции потребовать передачи германской армии Вердена и Туля. Таким образом, с одной стороны, Бетман отправил «добавление» в Париж, а с другой, по словам Мольтке, выявить его перед Англией германская дипломатия не желала, дабы не сорвать с ней переговоров. Готовился обычный дипломатический трюк, рассчитанный отнюдь не на честность.

Чтобы окончательно установить соотношение сил 1 августа в Берлине, мы послушаем Тирпица, который не был поклонником ни генерального штаба, ни дипломатии.

Адмирал ничего не говорит о происшедшем столкновении кайзера с Мольтке.

«1 августа, — пишет Тирпиц, — в заседании союзного совета я узнал, что вслед за ультиматумом мы отправили объявление войны России. Я счел это очень невыгодным для Германии». Указав на то, что Италия и Румыния по формальным причинам могли уклониться от участия в войне, адмирал продолжает: «У меня получилось впечатление, что и в этом направлении наши действия развивались совершенно необдуманно и без всякого руководства, и мое чувство возмущалось тем, что мы, по существу обороняющаяся сторона, по милости юристов иностранного ведомства должны были возложить на себя *odium* нападения, хотя мы не могли питать намерения вторгнуться в Россию. Поэтому, покидая заседание, я спросил канцлера, зачем было нужно, чтобы объявление войны совпало с нашей мобилизацией?»

«Канцлер ответил, что это необходимо, ибо армия желает тотчас двинуть отряды через границу. Ответ удивил меня, так как дело могло идти самое большее о патрулях. Впрочем, во все эти дни Бетман так был возбужден и раздражен, что с ним невозможно было говорить. Я еще слышу, как он с поднятыми руками несколько раз заявлял о безусловной необходимости объявления войны, обрывая этим дальнейшее обсуждение вопроса.

Мольтке, которого я позже спросил о том, вызвало ли объявление войны необходимостью перехода границы, возразил против того, будто бы существует намерение тотчас двинуть войска через границу. Кроме того, он сказал мне, что с своей точки зрения он не считает объявление войны для нас имеющим ценность.

Таким образом, загадка, почему мы первые объявили войну, остается для меня неразрешенной. По всей вероятности, это было сделано из формальной юридической добросовестности. Русские начинали войну без объявления ее, мы же считали невозможным обороняться без объявления войны. Вне Германии подобный ход мыслей был бы совершенно непонятен».

Ночь не принесла с собой покоя. Правда, Вильгельм, дав свободу действий своему начальнику штаба, снова лег в постель, но... «Ночью с 1 на 2 августа, — как пишет Тирпиц, — у канцлера повторился спор о нашем объявлении войны, на сей раз — по поводу Франции. Канцлер полагал, что мы должны были тотчас объявить войну Франции, ибо мы намеревались идти через Бельгию». Адмирал считал нужным объявить войну тогда, когда армия вступит на территорию Франции, и «возбудил вопрос, не может ли армия отказаться от похода через Бельгию. Мольтке объявил, что другого пути не существует». Указав на то, что нужно считаться в таком случае с «пемедленным объявлением войны Англией», Тирпиц предложил «как можно позднее послать сообщение Бельгии». «Со мной согласились, что надо ждать до второго дня мобилизации, однако, это не было выполнено», и Бетман уже 2 августа сообщил всем о возможности развития операций через Бельгию.

«Впечатление, — пишет адмирал, — что наши политические руководители потеряли голову, становилось все более и более тревожным... С момента объявления русской мобилизации канцлер производил впечатление утопаю-

щего... Выходя из заседания, военные с ужасом говорили со мной о состоянии нашего политического руководства».

«Когда кайзер убедился в неудаче своих усилий спасти мир, он был глубоко потрясен. Один, издавна близкий ему человек, который встретился с ним в первых числах августа, рассказывал, что он никогда не видел такого трагического и взволнованного лица, как у кайзера в эти дни».

Для нас вполне понятно состояние «храброго труса», каким был Вильгельм, когда его приперли к стене и когда он увидел, что одними угрозами мира не достигнешь, а нужно переходить к действиям.

Итак, к утру 2 августа было покончено лишь с одной Россией, по вопросу об объявлении войны Франции еще не было достигнуто единства.

«После расшифровки, произведенной в 7 часов вечера по русскому времени, — доносил в 8 часов вечера из Петербурга Пурталес, — я три раза подряд спрашивал г. Сазонова, может ли он сделать мне требуемое в телеграмме за № 153 заявление относительно прекращения военных действий против нас и Австрии. После троекратного отрицательного ответа на вопрос, я вручил полученную мною ноту».

Хлопот у германского посла было много. По его воспоминаниям, он с утра 1 августа, т. е. уже после вручения ультиматума, начал засылать своих людей к Фредериксу и к Кривошеину, «который, как мне было известно, стоял за мир». Фредериксу он писал, что если ультиматум не будет исполнен, то война неизбежна, а она «явилась бы страшной опасностью для всех монархий». Посланный к Кривошеину чиновник посольства «вынес из этого краткого разговора с министром впечатление, что он противник войны». «Впоследствии я слышал, что и в заседании совета министров, имевшем решающее значение, г. Кривошеин высказался в этом именно направлении». Если же мы вспомним «Поденную запись», отметившую все хлопоты Кривошеина за войну, то можем сказать, что посол попал не на того человека.

Сам Пурталес сидел у себя: «Мне казалось неудобным, — пишет он, — на более или менее продолжительное время отлучаться из посольства, — каждую минуту я мог ожидать вывоза по телефону от г. Сазонова или от графа Фредерикса».

Действительно, около 2 часов дня Фредерикс сообщил о посланной в Берлин Николаем телеграмме, которая была там получена в 2 часа 47 минут дня, т. е. после отправления в Петербург объявления войны. «Понимаю, что ты должен мобилизовать свои войска, — писал Николай, — но желаю иметь с твоей стороны такие же гарантии, какие я дал тебе, т. е. что эти военные приготовления не означают войны, и что мы будем продолжать переговоры ради благополучия наших государств и всеобщего мира, дорогого для всех нас». Телеграмма в Берлине не произвела никакого действия, вопреки высказывавшимся, якобы, надеждам на это Фредерикса.

Пурталес характеризует положение в Петербурге, как вполне спокойное: «не наблюдалось решительно никакого общего военного одушевления».

«Наступил полдень 1 августа. Час этот был встречен в Петербурге в спокойном сознании, — пишет бывший генерал-квартирмейстер Данилов, — что все совместимое с достоинством и величием России было сделано для того, чтобы уберечь мир от покушений на него со стороны германского императора и его правительства».

Телефонного звонка от Сазонова Пурталес также не дождался, и в «пять часов граф Пурталес, — как отмечает «Поденная запись», — вызвав по телефону барона Шиллинга, сказал, что ему необходимо бозотлагательно видеть министра. Барон Шиллинг ответил, что С. Д. Сазонов в настоящую минуту находится в совете министров на Елагином острове, и обещал тотчас уведомить посла, как только министр вернется. Это и было сделано в начале седьмого часа, и граф Пурталес вскоре приехал в министерство. Предупрежденный об этом, С. Д. Сазонов не обольщал себя никакими надеждами и сказал барону Шиллингу: «Он, вероятно, привезет мне объявление войны».

Действительно, в 5 часов 45 минут дня Пурталес получил телеграмму с текстом объявления войны, каковое должен был вручить в 5 часов вечера по средне-европейскому времени. «Расшифрование телеграммы закончилось уже три четверти седьмого... Около 7 часов вечера я был у г. Сазонова», — пишет Пурталес.

Мы не будем подробно останавливаться на самой сцене объявления войны и на том, что Пурталес впопыхах вручил ноту с двойной редакцией, так как хотел ее не передавать, а лишь огласить, и оставил по просьбе Сазонова как памятную записку, а не документ. По данным русских источников, Пурталес сильно волновался, «дрожащими руками передал» ноту, «заплакал» при уходе и т. д., а Сазонов был воплощением полного спокойствия и твердости. По воспоминаниям Пурталеса, при прощании Сазонов, «глубоко тронутый, бросился мне на шею», «горько сетовал на германского посла в Вене, как на виновника войны», и в заключение всего заявил: «Что я мог поделать в качестве министра иностранных дел, когда военный министр объявил императору, что мобилизация необходима?» «Во время этой моей последней беседы с ним, г. Сазонов произвел на меня впечатление полной беспомощности: это укрепило меня во взгляде, что за время последней фазы кризиса он всецело отдался на волю течения и превратился в безвольное орудие военной травли».

Сухомлинов решительно протестует против таких заявлений германского посла и, действительно, не без основания. Сазонов был «безвольным орудием» не только «военной», но и своей дипломатической «травли», идя на поводу у безответственных своих чиновников, как Базилии и т. п. личностей, стремившихся «делать политику», а больше всего — «свою карьеру».

Одним словом, оба дипломата, поплакав в жилетку, распростились, и не знаем, встретились ли когда-либо вновь.

«Вызвав к себе немедленно А. А. Нератова и барона Шиллинга, — говорит «Поденная запись», — министр сообщил о только-что состоявшемся разговоре и поручил тотчас оповестить об этом, кого следует, в то время как он сам по телефону доложил обо всем государю императору».

«Барон Шиллинг поспешил со своей стороны протелефонировать председателю совета министров, военному и морскому министрам, министру финансов, а также французскому и английскому послам. Вместе с тем, были отправлены соответствующие телеграммы нашим представителям за границу с уведомлением о последовавшем объявлении нам войны Германией».

Как же реагировала военная линия на объявление войны?

Сухомлинов в своих воспоминаниях ни словом не обмолвился о теле-

фонпом звонке об этом Шиллинга и, наоборот, указав, что назначенный на 1 августа его доклад был отставлен, говорит, что до 2 августа он, военный министр, был в полной изоляции от решений о войне или мире. Насколько такие заявления не соответствуют действительности, нами говорилось уже выше.

Янушкевич унес с собой в могилу свои переживания в момент объявления войны.

Его помощник Данилов в своих воспоминаниях пишет: «Я живо помню этот день 1 августа. Стоял чудный летний день. Уже вечерело, когда в главном управлении генерального штаба было получено первое известие об объявлении нам Германией войны. Закончив все необходимые распоряжения, я, по просьбе военного министра, должен был повидать нашего министра иностранных дел С. Д. Сазонова, чтобы ориентировать его в принятых мерах. Мне сказали, что он на обеде у английского посла, вследствие чего я приехал в старинный величественный дом, стоявший на набережной у Троицкого моста и занятый названным посольством. Я отчетливо помню ту спокойную уверенность и удовлетворенность, которыми дышало лицо вышедшего ко мне в отдельную залу нашего министра. Настроение С. Д. Сазонова было для меня ярким доказательством той доброжелательной к нам атмосферы, которая царил в этом доме... Я вышел оттуда значительно успокоенный»...

«С. Д. Сазонов, — продолжает Данилов, — который лично знал меня, задал мне вопрос, как я смотрю на будущее разворачивающихся событий. Я ответил, что борьба предстоит упорная, ибо одно сосредоточение всех наших сил на театре войны потребует нескольких месяцев; результат же войны будет находиться для нас в прямой зависимости от того, как сложится в течение ее наша внутренняя обстановка. Мы не должны забывать минувшую японскую войну и 1905 год...»

«Должен, однако, добросовестно оговориться, — добавляет Данилов, — что, говоря о длительности войны, я все же не имел в виду четырехлетней ее продолжительности; я только предостерегал против легкомысленного оптимизма, охватившего многих».

Что касается Австрии, то с ней Петербург продолжал «оставаться в сношениях», как говорилось в телеграмме Сазонова в Вену от 1 августа, но уже в тот же день русскому послу при австрийском дворе было указано: «В случае, если наступит разрыв сношений также между нами и Австрией, вы должны будете выехать сюда со всем составом посольства, попросив вашего испанского сотоварища принять на себя защиту наших интересов в Австро-Венгрии».

Одновременно с телеграммой об объявлении войны из Берлина, в Петербург из Лондона шла телеграмма Бьюкенену с предложением немедленно получить прием в Петергофе и передать «личное послание от короля Георга».

«Около четверти восьмого, — пишет Бьюкенен, — Сазонов, устроивши мне прием в Петергофе в 10 часов, позвонил мне по телефону, что граф Пурталес только-что сообщил ему, что Германия считает себя в состоянии войны с Россией». К 8 часам он приехал ко мне обедать и привез с собой проект ответа на телеграмму короля, которую он просил передать царю.

Личное послание короля Англии снова призывало к мирному разрешению конфликта и предлагало услуги в посредничестве. По предложению Бьюкенена, в Петергофе было составлено ответное письмо, которое «в этот торжественный час» уверяло в искреннем стремлении предотвратить войну. «Теперь, когда она мне навязана, я надеюсь, что ваша страна не откажет поддержать Францию и Россию».

«Только после 1 часу ночи я вернулся в посольство, — продолжает Бьюкенен, — окруженное возбужденной толпой, жаждущей узнать, может ли Россия рассчитывать на поддержку Англии». Очевидно, под влиянием всех переживаний вечера 1 августа Бьюкенен «осмелился заявить британскому правительству: «Если мы останемся в стороне, мы лишимся всех друзей в Европе; даже помимо вопроса о нашей собственной безопасности, мы не можем позволить Германии раздавить Францию; рано или поздно мы вынуждены будем вмешаться в войну, и чем дальше мы будем откладывать вмешательство, тем более дорогой ценой нам придется расплачиваться».

Посол сейчас же добавляет, что «телеграмма эта прибыла в искаженном виде, прерванная в середине фразы». Положение Бьюкенена было не из приятных.

С отъездом Бьюкенена из Петергофа там была получена последняя телеграмма Вильгельма, отправленная из Берлина в 10 часов 55 минут вечера и полученная в Петергофе в 1 час 15 минут ночи с 1 на 2 августа. Телеграмма вновь предлагала дать «ясный и точный ответ» от русского правительства, в чем усматривался «единственный путь избежать неисчислимые бедствия». До этого ответа Вильгельм отказывался обсуждать предложения Николая и «просил» «отдать приказ войскам ни в коем случае не переходить германской границы».

Петергоф был в недоумении. «Сазонов спрашивает, как объяснить подобную просьбу после того, как вчера вечером я передал известную ноту», — доносил Пурталес. «Я ответил, — продолжает он, — что, по-моему, единственным объяснением может быть то, что телеграмма моего императора, вероятно, отправлена еще позавчера, в 10 часов 45 минут вечера».

Посылку этой телеграммы Каутский считает: «несомненно одним из самых странных эпизодов в ужасной комедии ошибок 1 августа...» «Единственно правильное объяснение, конечно, не пришло в голову германскому послу, но даже, если бы он о нем догадался, то вряд ли решился бы его сообщить. Объяснение состояло в том, что его «всемиловитвейший государь» вместе со своими советниками совершенно потеряли голову».

Каутский в дальнейшем опровергает все германские данные о нарушении русскими войсками границы. Автору настоящего труда пришлось начать войну в 12 верстах от границы, и телеграмма об объявлении войны была получена в штабе пограничной кавалерийской дивизии лишь в 12 часов ночи с 1 на 2 августа. До этого времени ни один русский разъезд не переходил пограничной черты, отделяющей враждебные стороны, и лишь около 4 часов утра 2 августа русские разъезды были на германской территории.

Считаем, что распространявшееся Германией заключение: «Россия начала войну против нас» — может быть правильно в общем целом, но ошибочно в фактической части. «В действительности дело обстояло иначе. Германия

начала войну против России. Изображение германским правительством начала войны ставит вопрос вверх ногами», — заключает справедливо Каутский.

«Однако, это и делалось тогда сознательно Берлином, ибо нужно было ответственность за войну взвалить на плечи России. После же войны снова возникла надобность оправдаться в начале войны и снова приходилось, и пока до сих пор приходится, «ставить вопрос вверх ногами».

В то время как 1 августа в Берлине «совершенно потеряли головы», в Вене этот день протекал более или менее спокойно, ибо австро-венгерские дипломаты в состоянии безголовья пришли гораздо раньше.

Австрийский посол из Берлина сообщал, что Вильгельм прилагает все усилия создать такую обстановку для Австрии, чтобы она могла возможно больше сил бросить против России, и просит об этом Вену.

Планы кайзера заключались в том, чтобы привлечь Болгарию на сторону Австрии; Греция остается нейтральной или выступает против России; Турция также делается предложение начать войну с Россией; Швеция выступает активно; от Италии требуется военное выступление во исполнение своих союзнических обязательств.

Также было известно, что Германия уже 31 июля отправила ультиматум.

Если вспомним, то начальник австрийского генерального штаба предложил свои услуги заставить Италию выполнить свои союзнические обязательства и активно войти в войну. 1 августа Конрад пишет письмо начальнику итальянского генерального штаба Кадорне.

«Неожиданно наступившее серьезное положение вынуждает меня, — говорит Конрад, — просить ваше превосходительство продолжать те устные переговоры, которые я строго секретно вел с покойным генералом Поллио. Они заключаются в том, что Италия кроме сил, назначенных для непосредственной поддержки Германии по состоявшемуся уже соглашению, выставит еще силы для союзнической войны, назначив их для прямой поддержки Австро-Венгрии».

«Я прошу вас поставить меня в известность, каковы по численности были бы эти силы, когда и где они были бы сосредоточены, и затем, совместной договоренностью обоих генеральных штабов, установить положения, кои необходимы для перевозки этих сил, подобно тому, как это сделано с войсками, направляемыми на помощь Германии».

В конце письма Конрад «просил послать в Вену представителя с нужными на это исчерпывающими полномочиями».

С 11 до 12 часов дня начальник штаба с будущим главнокомандующим был на докладе у Франца-Иосифа по чисто военным вопросам.

Между тем, в министерстве иностранных дел составлялся ответ на телеграмму Вильгельма, уже известную нам. В качестве материала к ответу Конрад послал в министерство иностранных дел следующее.

«С того момента, — писала рука начальника штаба, — как стало известно, что Германия решила пачать большую войну, здесь (в Вене — *Б. III.*) также принято твердое решение сосредоточить главные силы против России, несмотря на большие технические затруднения, которые встанут благодаря начавшимся уже перевозкам против Сербии, что двумя днями ранее можно было бы изменить. С Италией моим генеральным штабом начаты переговоры с целью привлечения итальянских войск на сторону тройственного

союза, и было бы очень желательно настойчивое указание в этом смысле с германской стороны».

«Германия может быть уверена, что военное напряжение будет проявлено до крайности, чтобы довести до победоносного конца величайшую борьбу при сознании, что начало войны со средоточением главных сил в Галиции послужит прежде всего прикрытием тыла Германии».

Около 5 часов 45 минут для австрийскому послу в Берлине была отправлена ответная телеграмма Франца-Иосифа.

Начинаясь с благодарности за поддержку в тяжелые часы и мольбой бога о даровании побед союзным армиям в их борьбе за правое дело, телеграмма гласила:

«Как скоро мой генеральный штаб узнал, что ты решил немедленно пачать войну против России и провести ее с полным напряжением сил, здесь также было принято твердое решение главные силы сосредоточить против России. С Италией моим генеральным штабом начаты переговоры с целью привлечения итальянских войск на сторону тройственного союза, и было бы очень желательно настойчивое влияние в этом направлении с твоей стороны.

Ты можешь быть спокойным, что со стороны моей армии напряжение будет проявлено до крайности, чтобы довести до победоносного конца величайшую борьбу. Мой военный атташе в Берлине сообщил о твоём вчерашнем его приеме. Я очень обрадован твоими всеобъемлющими стараниями, чтобы наши боевые силы подкрепить новыми союзниками.

В виду серьезности положения мой посол в Риме получил поручение заявить итальянскому правительству, что мы готовы выполнить постановление VII параграфа договора, если ныне Италия выполнит в полной мере свои союзнические обязательства. Я телеграфировал и королю Италии, что мы, после тридцатилетней мирной работы, рассчитываем на то, что союзники совместно бросят их вооруженные силы в эту решающую борьбу.

Как видим, Берхтольд почти полностью включил пожелания начальника генерального штаба, выпустив существенную, правда, часть — указание на важное значение для Германии действий австро-венгерской армии в Галиции. До поры до времени не следовало сердить более сильного союзника, и пока «престиж» Вены нужно было спрятать.

Около 6 часов 30 минут вечера из Берлина позвонили по телефону, а в 9 часов вечера получено было телеграфное сообщение. «Его величество объявил мобилизацию против России, — говорило это сообщение. — 2 августа первый день мобилизации для армии и флота. Мольтке».

Со стороны Конрада последовал телеграфный запрос: «Мобилизуется ли Германия только против России или также против Франции?»

«Планомерно мобилизуется против Франции и России», — отвечал в 10 часов вечера Берлин.

Это вынудило тотчас же начальника штаба запросить министерство иностранных дел о позиции Франции. Учреждение Берхтольда отвечало, что, по сообщению посла, Франция дала уклончивый ответ: «В случае русско-германской войны Франция поступит так, как того потребуют ее интересы».

В тот же день были получены сведения, что в Швейцарии также будет объявлена мобилизация, причем 3 августа будет назначено первым днем. Черногория мобилизуется, причем, вследствие русской мобилизации, там приподнятое настроение. В Бельгии и Голландии будет проведена мобилизация; Норвегия останется нейтральной, а Швеция — не на стороне тройственного соглашения и, возможно, выступит против России.

Таковы были итоги дня 1 августа в Вене, но они были бы неполны, если бы мы не сказали о том письме, которое Конрад в 7 часов вечера, т. е. зная уже о мобилизации Германии, отправил Мольтке, датировав его 2 августа.

«В этот решающий час я, — писал начальник австро-венгерского генерального штаба, — считаю необходимым непосредственно обратиться к вам, чтобы установить те пожелания, которые я всегда ставил своей целью.

В этом смысле я нахожу необходимым кратко изложить развитие наших отношений.

Угроза отторжения наших юго-славянских областей и работающая с недостойными средствами пропаганда выпудили нас к войне.

Мы полагали эту войну провести без дальнейших осложнений.

Стремления всех держав локализовать войну подкрепляло нас в этом убеждении.

Естественно, что для этой войны нами были приведены в боевую готовность такие силы, которые по своей численности обеспечивали успех.

Когда же Россия мобилизацией своих южных округов создала угрозу монархии, мы обратились к Германии с просьбой заявить, что эта мобилизация России угрожает как нам, так и Германии.

Одновременно были предусмотрены мобилизации остальных частей армии и сосредоточение их в Галиции.

В таком положении мы должны были, равно как этого хотела и Германия, заявить, что наши военные меры направлены лишь против Сербии и дальнейшая мобилизация была бы лишь защитой против русской угрозы нападения.

Надеялись, что эти мероприятия, подкрепленные энергичным дипломатическим давлением других держав, особенно Германии, удержат Россию от враждебных действий против монархии, давая последней возможность провести войну с Сербией.

При такой ситуации мы могли и должны были твердо придерживаться идеи наступления против Сербии, тем более, что не исключался случай одной только простой угрозы России, без фактического объявления нам войны.

В то время как державы, а среди них и Германия, вмешались лишь дипломатически, Россия не только остановила свою мобилизацию, но расширила ее в обшую.

Между тем, начавшиеся наши перевозки на юг были в полном ходу.

Из происходивших в это время дипломатических переговоров мы заключали, что Германия в случае нападения на нас России выполнит свои союзнические обязательства, но что было бы желательно избежать европейской войны.

«Оставаясь при своем решении продолжать операции против Сербии, — оборону против России, с которой один на один наступательную войну мы

вести не могли, было решено возложить на сосредоточиваемые в Галиции силы, равно как к тому же должны были послужить угроза Германии по адресу России и вмешательство других держав.

Лишь 31 июля пришло неожиданное заявление Германии, что она сама хочет вступить в большую войну с Россией и Францией.

Это создавало совершенно новое положение.

В соответствии с ним было тотчас же решено сосредоточить главные силы на севере, и я прошу, ваше превосходительство, быть уверенным, что это будет выполнено, несмотря на большие затруднения с кончающимися уже перевозками на юг.

Я надеюсь преодолеть все трудности, которые вытекают из современного положения.

Я сообщу вашему превосходительству все даты, как скоро обстановка выяснится в деталях, и прошу держать в курсе дела меня о том же».

Нам думается, что это письмо начальника генерального штаба к Мольтке есть лишь аккуратная, свойственная чиновничьему складу мышления и привычек Конрада, фиксация того, что давным давно было известно как Мольтке, так ныне и нашему читателю. Если мы затрудняли внимание читателя чтением этого документа, то лишь исключительно с желанием показать, чем начальник генерального штаба на берегах Дуная занимался в «эти решающие часы», как он сам пишет об этом. Друзья—друзьями, но документы Конраду были нужны. Правда, получение и наличие этих документов на германской территории ныне отрицается таким высоким учреждением, как Государственный архив, но мы склонны поверить в правдивость показаний бывшего начальника австро-венгерского генерального штаба.

Как мы знаем по воспоминаниям Пуанкаре, «луч надежды» (на мир — *Б. Ш.*) еще оставался вечером 31 июля.

Но уже утром 1 августа Жоффр, в личном письме к военному министру Мессими, вновь указывает на опасность, которая таится в скрытой германской мобилизации. Начальник генерального штаба писал: «Большие неудобства, на которые указывалось вчера, вызываемые замедлением передвижения передовых частей, еще более скажутся, если мы будем и дальше медлить с приказом об общей мобилизации. Германская подготовка идет по заранее выработанному плану...»

Указав на некоторые данные об этой подготовке, Жоффр продолжает: «Можно считать, что 4 августа, даже без объявления мобилизации, германская армия будет окончательно мобилизована, выиграв перед нами 48 часов, а может быть и 3 дня».

Начальник генерального штаба знал слабые струнки правительства, а именно — боязнь, что Германия предупредит в боевой готовности, и ныне смело играл на них.

Пока военный министр читал рапорт начальника штаба, в министерстве иностранных дел происходило следующее. Около 11 часов утра там появился германский посол и снова надунывал почву о возможности французского нейтралитета. Получив от Вивьени ответ, что «Франция будет считаться со своими интересами», Шен отбыл, предупредив, что зайдет около 6 часов вечера, т. е. в час, когда истекал 18-часовой срок ультиматума.

«Несмотря на смягченный характер сегодняшнего выступления германского посла, — писал Извольский Сазонову, — французское правительство крайне озабочено чрезвычайными приготовлениями Германии на французской границе, ибо оно убеждено, что под покровом «кригсдуштанд» — военного положения — происходит настоящая мобилизация, что поставит в невыгодное положение. С другой стороны, по политическим соображениям, касающимся как Италии так, и главным образом, Англии, для Франции весьма важно, чтобы ее мобилизация не предшествовала германской, а явилась ответом на таковую. Вопрос этот в настоящую минуту обсуждается в совете министров в Елисейском дворце и весьма вероятно, что он решит общую мобилизацию».

«Мы не могли предвидеть утром в субботу (1 августа — *Б. III.*), — пишет Пуанкаре, — что события будут разыгрываться с такой ужасающей быстротой. Однако, перед лицом угрожавшей Европе опасности правительство республики думало только о том, как бы возможно дольше отложить приказ о мобилизации».

О чем действительно думало «правительство республики», видно из приведенной телеграммы Извольского.

«Совет министров, собравшись утром, — продолжает Пуанкаре, — постановил, что этот приказ будет дан по телеграфу», т. е., иными словами, президент получил свободу действий.

«Вследствие полученной здесь телеграммы от Палеолога, — сообщает во втором донесении Извольский, — что германский посол сообщил вам (Сазонову — *Б. III.*) о решении Германии объявить сегодня общую мобилизацию, президент республики подписал мобилизационный декрет».

Нельзя было уже откладывать мобилизацию из-за боязни опоздать по сравнению с Берлином.

Собравшийся утром совет министров, повидимому, заседал до 3 часов дня, и туда была привезена помощником начальника генерального штаба записки Жоффра. Генерал Эбнер был приглашен на заседание совета. Бывший военный министр Мессими рассказывает: «Около 3 часов дня у меня в руках был этот трагический документ (указ о мобилизации — *Б. III.*), этот фатальный клочок бумаги, подписанный Пуанкаре, Вивиани, Ангагнером (морской министр) и мной. Никогда я не забуду этого часа. В 3 часа 30 минут генерал Эбнер, помощник начальника генерального штаба, посланный Жоффром, желает получить этот документ. Я передаю его ему. Через четверть часа он уже на телеграфе на улице Гренель».

«Вивиани чувствует угрызения совести, спешит к военному министру и просит задержать приказ. Переговоры, которые он только-что вел с германским послом, бросают, кажется, луч надежды на благоприятный исход. Военный министр, после телефонных переговоров с Эбнером, ответил, что приказ о мобилизации уже передан и что исполнение его уже началось. Поздно, — механизм уже пришел в движение. Мы пожали друг другу руки».

Таково описание объявления мобилизации со слов военного министра, проливающего ныне слезы умиления от воспоминаний о «фатальном клочке бумаги», который поверг Францию в победоносную войну. Немудрено, что Вивиани почувствовал себя довольно нехорошо, ибо приказ об общей моби-

лизации был подписан Пуанкаре на 2 часа раньше, нежели таковой же подмахнул Вильгельм. Старания Жоффра увенчались успехом, а министру иностранных дел, может быть, пришлось бы доказывать Италии и Англии, что пемды первые подписали приказ. Но в те времена, конечно, часы уже не играли роли. А вот ныне для истории бывшим соучастникам преступления нужно и поплакать, пролить слезы умиления, побравировать теми тяжелыми переживаниями, кои, дескать, выпадали тогда на их долю.

Официальная французская «История войны» говорит: «Приказ о мобилизации подписан военным министром в 15 часов 30 минут и в 15 часов 55 минут передан на главный телеграф улицы Гренелль. Телеграмма гласит: «Весьма срочно циркулярно. Общая мобилизация. Первый день мобилизация 2 августа 1914 года». Телеграмма тотчас же отправлена по назначению. Вечером приказ о мобилизации опубликован и объявлен по всей стране».

«Что касается железных дорог, — продолжает «История», то приказ о мобилизации передан по всем линиям в 16 часов 50 минут, и везде приступили к исполнению плана.

Хотя приказ о мобилизации отдан, тем не менее военный министр считает необходимым подтвердить по телеграфу в 17 часов отданные 30 и 31 июля приказания передовым частям:

«Чтобы сохранить за нами право на помощь ваших соседей англичан, важно, чтобы наши патрули и отряды не переходили линии, указанной в телеграмме № 129 от 30 июля, и отвечали только на открытые нападения».

В 22 часа 20 минут это требование подтверждается в более категорической форме: «Военный министр подтверждает приказ президента республики в силу серьезных дипломатических причин отнюдь не переходить указанной 30 июля демаркационной линии. Ни один патруль, ни один разъезд или пост не должны быть восточнее указанной линии. Перешедший будет предан военному суду и только в случае открытого нападения приказ может быть отменен.

«Важно, по причинам дипломатического характера, избегать впредь до нового распоряжения принимать меры, посягающие характер недоверия по отношению к Италии».

Таковы были распоряжения, отданные еще утром 1 августа командующим пограничных с Италией корпусов, подтвержденные затем военным министром. Но вечером от посла из Рима было получено сообщение о нейтралитете Италии.

Отдаются распоряжения о наблюдении за побережьем, об открытии огня по неприятельским аэропаямам, и, наконец, в тот же день Пуанкаре подписывает декрет об осадном положении во всей Франции и Алжире.

1 августа Извольский телеграммой на имя Сазонова передает в Петербург следующее донесение военного агента.

«Срочная. Особо секретно. От военного агента. Объявлена общая мобилизация в 3 часа 40 минут дня. Военный министр выразил пожелания: 1) повлиять на Сербию, попросив перейти скорее в наступление; 2) получать ежедневные сведения о германских корпусах, направленных против нас; 3) быть уведомленным о сроке начала нашего выступления против

Германии. Наиболее желательным для французов направлением нашего удара продолжает являться Варшава — Позен. По сведениям, полученным из Дании, против нас назначены будто бы I, XVII, XX, VI резервный гвардейский и II корпуса. Генеральный штаб обещался не отвечать на это иначе как по соглашению с нами». На телеграмме в Петербурге помечено: «Передаю лично начальнику генерального штаба Н. А. Базилю».

Таким образом, еще не зная об объявлении Германией войны России, военный министр Франции считался уже с фактом состояния в положении войны не только России, но и Франции.

А между тем, мы слышали, что у Вивиани еще был «луч надежды» найти мирный исход. Этот «луч» внес с собой германский посол, посетивший Вивиани в 7 часу вечера, т. е. когда истек 18-часовой срок, данный Берлином Парижу для выяснения его положения в грядущей русско-германской войне.

Извольский доносит Сазонову об этом посещении германского посла так: «Германский посол только-что вторично посетил Вивиани, но не сделал ему никакого нового сообщения, сославшись на невозможность расшифровать полученные им телеграммы. Вивиани, сообщив ему о состоявшемся мобилизационном декрете, в ответ на германскую мобилизацию, высказал ему удивление, что Германия приступила к подобной мере в момент, когда еще продолжается дружеский обмен мыслей между Россией, Австрией и державами; он присовокупил, что мобилизация еще не предвещает войны и что подобно тому, как русский посол остался в Вене, а австрийский в Петербурге, нет никакого повода к отъезду барона Шена, который впрочем не возобновил этой угрозы».

Часы бежали... и ночью телеграф снова передавал депешу русского посла Сазонову: «Ваша телеграмма об объявлении нам Германией войны получена мною в 11 часов. Я немедленно сообщил ее лично президенту республики, который тотчас созвал совет министров. Пуанкаре самым категорическим образом заявил мне, что как он сам, так и весь совет министров имеют твердую решимость самым точным образом выполнить обязательства, налагаемые на Францию союзным договором. Но при этом возникает ряд весьма сложных вопросов как политического, так и стратегического свойства. Правительству, в силу конституции, для объявления войны требуется постановление парламента, для созвания коего необходимо, по крайней мере, два дня. Хотя Пуанкаре не сомневается в этом постановлении, он предпочел бы избежать публичных прений о применении союзного договора; поэтому, и по соображениям, касающимся, главным образом, Англии, было бы лучше, если объявление войны последует со стороны не Франции, а Германии. Далее следует иметь в виду, что сегодня всего лишь первый день французской мобилизации и что выгоднее для обеих союзниц, чтобы Франция начала военные операции, когда мобилизация будет более подвинута. Впрочем Пуанкаре указал, что Германия не будет ожидать объявления ей Францией войны и, не дав ей закончить мобилизацию, неожиданно ее атакует. Тотчас по окончании обсуждения советом министров этих вопросов Пуанкаре вызывает меня, чтобы сообщить мне об его результате».

Сам Пуанкаре так описывает свой разговор с Извольским: «Вечером

в половине двенадцатого Извольский, очень взволнованный, явился в Елисейский дворец и осведомил меня об объявлении войны Германией Россией. Он имел приказ запросить меня о том, что намерена делать Франция. «Правительство, — ответил я ему, — вынесет по этому поводу решение. Я не сомневаюсь в том, что оно будет готово потребовать от палаты депутатов выполнения обязательств, которые возлагает на нас союз. Но не настаивайте на том, чтобы французский парламент немедленно объявил войну Германии. С одной стороны, мы заинтересованы в том, чтобы наша мобилизация была отложена возможно дольше до начала отныне неизбежных военных действий; с другой стороны, было бы лучше, если бы нам не пришлось выполнять союзного обязательства и объявлять войну. Если Германия нам ее объявит сама, французский народ подыметесь еще с большим энтузиазмом, чтобы защищать свои земли и свою свободу».

«Посол, — продолжает Пуанкаре, — признал справедливость моих замечаний. Совет министров, немедленно созданный, собрался в три с четвертью часа утра. Он единодушно одобрил ответ, который я дал Извольскому, и просил меня подтвердить ему это. Я на минуту вышел вместе с Вивьяни, чтобы повторить послу от имени правительства то, что я лично сказал ему, и было решено, что мы будем ожидать событий раньше, чем выполнить наше союзное обязательство».

Если читатель сравнит содержание показаний этих двух друзей войны, то сам сделает соответствующие выводы о мнимой правдивости воспоминаний Пуанкаре.

«Особо секретно» Извольский сообщал Сазонову о разговоре с Пуанкаре: «3 часа ночи. Только-что вернулся от президента республики, который сказал мне, что совет министров еще раз подтвердил решение самым полным образом выполнить обязательства, налагаемые на Францию союзным договором. Совет признал, что интересы обеих союзниц требуют, чтобы Франция, по возможности, закончила свою мобилизацию до открытия военных действий, на что потребуется 10 дней. К этому сроку будут созваны палаты. Пуанкаре продолжает опасаться, что Германия немедленно атакует Францию, дабы затруднить ей окончить мобилизацию. Вышеизложенное требует сохранения строжайшей тайны. Генеральный штаб обещался не отвечать на это иначе, как по соглашению с министерством иностранных дел».

Телеграмма имеет пометку: «Передана лично начальнику генерального штаба И. А. Базилю».

Так Париж переживал решающий день 1 августа и реагировал на объявление Германией войны России. Правительство республики твердо решило воевать, но нужно было вызвать на войну Германию, что вполне и удалось.

Лондон продолжал военную подготовку. В своих воспоминаниях Черчилль рассказывает, что, получив заверение оппозиционной части кабинета в поддержке, он, Черчилль, на свой страх и риск послал телеграмму о том, что приказ о мобилизации флота будет выпущен, наверное, 1 августа и нужно быть к этому готовым. В кабинет же Черчилль внес предложение о мобилизации флота, но таковое пока было отклонено.

Узнав вечером 1 августа об объявлении Германией войны России, Черчилль тотчас же направился к премьер-министру, у которого застал Грея

и других министров. Черчилль решительно заявил, что необходимо объявить мобилизацию флота, и эту ответственность без согласия кабинета он берет на себя. На лице молчавшего премьера он прочел согласие на это. Когда Черчилль вместе с Греем вышли из комнаты, Грей сказал: «Я могу вам сообщить, что я также сделал важный шаг. Я заявил Камбону, что мы не позволим, чтобы немецкий флот прошел в канал». «Я отправился в адмиралтейство, — пишет Черчилль, — и тотчас же отдал приказ о мобилизации». Распоряжение министра было в тот же день одобрено кабинетом, и вышел указ короля.

«Важный шаг», который сделал Грей, был вынужден у него Камбоном, который утром этого дня имел разговор с английским министром. На замечание французского посла, что он должен донести в Париж о нерешительности английского правительства, Грей отметил: «Мы не можем в настоящее время предложить парламенту послать армию на материк». Тогда Камбон указал Грею на незащищенность берегов Франции и существующую англо-французскую конвенцию. От этого Грей уже отказаться не мог и сделал личное заявление, только-что указанное выше.

В тот же день Грей признал уклончивым ответ Германии о соблюдении бельгийского нейтралитета и заявил Лихновскому, что нарушение нейтралитета Бельгии может возбудить общественное мнение Англии.

В сущности, на этом можно было бы и опустить занавес, прекратив ведение своего рода «Поденной записи», так как фактически все государства были уже в состоянии войны и дело было лишь за оформлением происшедшего.

Однако, мы продолжим наш рассказ, чтобы выявить дальнейшую работу генерального штаба, ибо с объявлением войны не прерывается политика, в которой генеральный штаб продолжает принимать участие.

2 АВГУСТА

Ответом Франции Берлин был поставлен в тяжелую обстановку. Снова приходилось выискивать поводы к объявлению войны. Дипломаты уже 1 августа принялись за работу и сочинили документ. Однако, он не был отправлен, так как приведенные в нем обоснования войны были неудачны.

Ночью с 1 на 2 августа вопрос об объявлении войны Парижу не был решен.

«Возбужденный обмен мнений между Бетманом и Мольтке, — пишет Тирпиц, — продолжался 2 августа в замке кайзера в моем присутствии. Мольтке не придавал никакого значения формальному объявлению войны Францией. Он указывал на целый ряд враждебных актов со стороны французов, о которых у него имелись сведения; мы фактически находились в состоянии войны, и остановить развитие событий было невозможно. Я неоднократно указывал на то, что для меня являлось непонятным, зачем, вообще, мы должны были объявлять войну Франции; армия и так могла идти к французской границе».

«Кандлер же был того мнения, что без объявления войны Франции он не мог предъявить Бельгии требование о пропуске. Это основание так и осталось для меня непонятным».

Тирпиц высказывается против прохода через Бельгию и говорит: «В компетенцию генерального штаба отнюдь не входило самостоятельно обсуждать вопрос о политических последствиях стратегически необходимых шагов. Но признание Бетманом «несправедливости» по отношению к Бельгии дало врагам сверх того еще и подтверждение их направленной против нас клеветы, а в дальнейшем развитии событий самым губительным образом сбило с толку правовое сознание нашего народа».

«Когда канцлер покинул заседание, — продолжает Тирпиц, — Мольтке стал жаловаться кайзеру на «плачевное» состояние политического руководства, которое совершенно не подготовлено к создавшемуся положению, а теперь, когда лавина сдвинулась с места, все еще думает только о юридических правах».

Адмирал, по его словам, поддержал начальника штаба. «Однако, — пишет Тирпиц, — подавать советы кайзеру по этому поводу было не мое дело». Но совет он все же подал, предложив заменить Ягова Гинде.

«Моральная невиновность нашего правительства может быть доказана только открытым указанием на его дипломатическую неспособность», — так заканчивает свой рассказ Тирпиц.

Так 2 августа в Берлине и не пришли к ясной формулировке войны, ибо у дипломатов ее не было, а генеральный штаб располагал данным довольно мелкого характера. Начальник генерального штаба считал себя де-факто в состоянии войны, дипломатам же пужно было это оформить. Оставалось одно — использовать данные генерального штаба.

На этом испытании Бетмана не кончились. «Рейхсканцлеру, по требованию военных инстанций, — пишет Каутский, — предстояло раскусить еще один твердый орех: обосновать вторжение в Бельгию».

Ныне, конечно, не приходится говорить, что такое упражнение было неожиданным для германской дипломатии. Что для осуществления плана войны с Францией необходимо было идти через Бельгию, об этом канцлеру задолго до войны было известно. Так, по крайней мере, об этом говорит Людендорф в своей книге «Ведение войны и политика».

«История» Государственного архива говорит, что «Мольтке, учитывая предстоящие операции, настаивал на необходимости бельгийский ответ о пропуске германских войск получить до 2 часов дня 3 августа».

Нарушение нейтралитета Бельгии было связано не только с войной против Франции, но и с выступлением Англии. Это было ясно. Для дипломатов Гогенцоллернов предстояла тяжелая задача.

Однако, им на помощь пришел никто иной, как начальник германского генерального штаба, предложив свои услуги. «Армия командовала, и гражданские политики должны были повиноваться. На долю последних выпала лишь неблагодарная миссия — оправдания вероломства перед общественным мнением. В вопросе же с Бельгией рейхсканцлер выполнял лишь благородную роль почтальона». Так думает об этом Каутский.

26 июля сам Мольтке набросал черновик письма к бельгийскому правительству: этот черновик 29 июля поступил в министерство иностранных дел. В нем были в министерстве внесены редакционные поправки и затем в тот же день документ послан германскому посланнику в Брюсселе.

Документ гласил: «Императорское правительство имеет достоверные сведения о намеченной концентрации французских военных сил на участке Мааса — Живе-Намюр. Они не оставляют никаких сомнений о намерениях Франции (после объединения с одним английским экспедиционным корпусом) наступать через бельгийскую территорию против Германии».

В дальнейшем указывалось, что Германия опасается, что Бельгия не сможет отразить сама этот «французский (английский) поход» и гарантировать Германию от всякой угрозы.

«Предупредить неприязельское наступление является для Германии законом самосохранения», а потому она вынуждена, «в свою очередь, для отпора вступить на бельгийскую территорию». Затем шло перечисление всяких благ для Бельгии за это вступление. «Если же Бельгия выступит против германских войск», — предупреждал документ, — то «Германия, к сожалению, вынуждена будет рассматривать королевство, как своего врага».

После новых уговоров бельгийского правительства и обещаний, в конце Мольтке писал: «Недвусмысленный ответ на это письмо должен последовать в течение суток после вручения; в противном случае тотчас же открываются военные действия».

Как было выше сказано, письмо было в общем одобрено министерством иностранных дел и были внесены лишь редакционные изменения: 1) было вычеркнуто указание на наступление англичан, ибо надеялись на их нейтралитет; 2) заключительная часть была смягчена тем, что ничего не говорилось об открытии военных действий.

Каутский приходит к выводу, что «генеральный штаб умел мастерски фабrikовать про запас жалобы на французские или франко-английские враждебные действия, делающие, якобы, войну или нарушение нейтралитета неизбежным, прежде чем такие действия были хотя бы только враждебны, а потом на основании этих жалоб предъявлять претензии, как только это потребуется».

Ягов, отправляя посланнику это письмо 29 июля, т. е. когда еще, как будто, о войне в Берлине и не говорили, писал: «Приложение к этому документу... спрятать надежно запечатанным и вскрыть его только тогда, когда вы будете отсюда на это телеграфно уполномочены».

2 августа сделалось днем, когда лежащий под спудом документ нужно было пускать в действие, и в тот же день Ягов телеграфировал об этом, указывая: «Сегодня в 8 часов вечера по германскому времени привести в исполнение содержащиеся в нем указания». Давая еще дополнительные указания сделать в документе изменения, статс-секретарь по иностранным делам писал: «При этом следует требовать ответа в течение 12 часов, а не в течение 24, т. е. до 8 часов утра завтрашнего дня. Прошу настоятельным образом заверить бельгийское правительство, что, несмотря на обещание, всякое сомнение в правильности наших известий о французском плане исключено».

Бельгийский ответ должен поступить сюда завтра до 2 часов пополуночи по германскому времени. Поэтому сообразованно... немедленно телеграфировать сюда ответ и после его получения членам императорского посольства тотчас же отправить через военного атташе на автомобиле в Аахен генералу Эммиху — Унион Отель.

У бельгийского правительства должно сложиться впечатление, будто все указания по этому делу поступили к вам только сегодня. Предоставляю вам затем внушить бельгийскому правительству, что оно может оттянуть свои войска к Антверпену, и мы, в случае, если бы Бельгия этого желала, сможем взять на себя защиту Брюсселя от внутренних беспорядков».

Не будем в дальнейшем останавливаться на этом вопросе. Как известно, Бельгия 31 июля мобилизовалась, ответила отказом на документ начальника германского генерального штаба, переданный дипломатами, и 3 августа германская конница уже перешла бельгийскую границу.

Получив от Конрада письмо, начальник германского генерального штаба 2 августа с курьером отправил в Вену ответ.

Начав с благодарности за дружеское письмо, которое «в эти тяжелые часы» доставило «большую радость», Мольтке продолжает:

«Для меня вполне понятны и ясны все те затруднения, которые были у вас в последние дни, но я не мог, при всем моем старании, ускорить деятельность дипломатов и поскорее вам сообщить о нашей мобилизации.

Ну, ныне все в ходу. Мы выступили против Франции и России и вскоре начнем операции.

Я знаю, что вы напрягаете также все усилия, чтобы устранить препятствия. Единственная цель, которую следует всегда иметь в виду, это *разбить смертельного врага Австро-Венгрии — Россию*. Все нужные для этого силы должны быть использованы. Сербию следует сдерживать незначительными силами».

Письмо заканчивалось указанием на стык в Верхней Силезии, на назначение Фрейтага фон-Лорингофена представителем Берлина при ставке и надеждой на большие успехи от товарищеской совместной работы.

Одновременно, за подписью начальника же штаба, в Вену сообщались сведения о германских войсках на востоке и предположения об их использовании.

Вслед за курьером с письмами Мольтке и мы поспешим в Вену, где юридически война была объявлена одной лишь Сербии.

Конечно, война с Россией была делом решенным, но пока нужно было воздержаться от ее объявления. Равным образом, невыгодно было порывать дипломатических сношений с Францией. Но важнее всего — поскорее выяснить позицию Италии, Румынии и других балканских государств, — втянуть их в войну на стороне тройственного союза.

В десятом часу утра начальник генерального штаба прибыл к Берхтольду. Разговор зашел об Италии и Румынии. По ориентировке министра, итальянский посол в Вене заявил, что Италия «самое меньшее» будет нейтральна. Но этот нейтралитет, по мнению Конрада, должен быть выяснен возможно скорее, так как флот-монархии не знает, кого видеть в итальянцах — союзника, нейтрального или даже врага.

В отношении Румынии Конрад просил скорее внести ясность: будет ли она нейтральна, выступит ли на стороне Австрии или же сохранит вооруженный нейтралитет. По мнению начальника штаба, совместное выступление Румынии и Болгарии на стороне тройственного союза было бы большим достижением.

Узнав от Берхтольда, что Германия около 7 часов вечера 1 августа объявила войну России, Конрад советовал ему передать в Берлин: «Мы

пойдем с вами вплотную, но в наших интересах возможно дольше отсрочить русское выступление против нас с тем, чтобы мы спокойно закончили свое сосредоточение. В ночь с 1 на 2 августа русские разъезды перешли германскую границу, с нашей границы об этом не доносят, и для меня желательно возможно еще задержать объявление войны».

На указание Форгача, что это возможно «самое большое на 48 часов», Конрад подумал про себя, что и это было бы хорошо.

Берхтольд ориентировал дальше Конрада, что на Японию нет надежды, ибо она, по словам японского посла, консолидируется внутри, но очень интересуется тем, что происходит в Европе. Участие турок в войне было бы очень желательно. Черногория боится австро-венгерского нападения.

Начальник штаба посоветовал Берхтольду «держаться Черногорию в этом страхе», причем «с австрийской стороны против нас ничего не будет предпринято до тех пор, пока она сама не нападет».

Верный себе, Конрад, по возвращении в свой кабинет, тотчас же написал письмо министру иностранных дел, что было бы хорошо, если бы Франц-Иосиф написал Карлу румынскому письмо, пообещав за участие Румынии в войне на стороне тройственного союза Бессарабию и Неготинский округ Сербии.

Берхтольд тотчас же отвечал, что Бессарабия уже предложена Карлу Вильгельмом, а о Неготинском округе будет сделано представление Черниным. Телеграмма австрийского посла из Берлина говорила о таких шагах Германии, с добавлением, что в Бухаресте довалось заверение, что Болгария и Турция не предпримут никаких враждебных действий против Румынии при ее совместном выступлении с Австрией против России. Ягов просил Вену поддержать обещание Румынии Бессарабии. «Решено», — написала рука Берхтольда на этой телеграмме.

Между тем, донесения Чернина из Бухареста говорили о вероятном нейтралитете Румынии и сомнительности ее выступления на стороне тройственного союза.

Как нам известно, Франц-Иосиф отправил в Рим письмо с предложением и надеждами на выступление Италии на стороне тройственного союза.

2 августа из Рима от короля пришел ответ, что Италия всегда стремилась сохранить мир, примет все меры, чтобы вновь он восстановился, сердечно будет относиться к своим союзникам и выполнит договор согласно своим насущным интересам.

«Письмо Виктора-Эммануила, — пишет в своих воспоминаниях Конрад, — является историческим документом для провала эренталевской и, ведомой подобно ей, германской политики».

В глубине души начальник австро-венгерского генерального штаба злодествовал.

В Петербурге заняты были другим. Что Франция поддержит Россию, — в этом сомнения не было. Дипломаты ждали с нетерпением выяснения позиции Англии. Военный люд был занят молениями, мобилизацией, торжественными «выходами» и живо интересовался вопросом, кто будет главнокомандующим: сам ли Николай, Николай Николаевич или Сухомлинов. К вечеру сомнения разрешились назначением Николая Николаевича.

«Мы провели день 2 августа в очень большой тревоге», — пишет Пуанкаре, — объясняя это неопределенной позицией Англии и переходом германских войск через границу, о чем Вивиани «вручил Шепу мотивированный протест».

Французская «История войны», говоря в различных переходах передовых германских частей через границу и занятии Люксембурга, указывает, что, «несмотря на все это, военный министр, не желая придавать движениям французских войск агрессивный характер, приказывает на бельгийской границе принять те же меры, какие 30 июля были приняты на немецкой».

Посланная телеграмма командующему первым сектором говорит: «В виду настоящего дипломатического положения, крайне важно не создавать никаких инцидентов на франко-бельгийской границе, и потому не подходить к ней ближе 2 км». Такое же приказание послано и войскам, расположенным против Люксембурга.

Другое дело была германская граница, где, по мнению Жоффра, отданный приказ о 10-километровой зоне был чреват последствиями. Утром 2 августа Жоффри пишет военному министру: «Мы должны были оставить позиции, имевшие значение в нашем развертывании. Нам придется их снова возвращать, что произойдет не без потерь. Главнокомандующий полагает, что это должно быть выполнено теперь, но не проникая на германскую территорию, если, конечно, мы не будем вызваны на это германской атакой».

Правда, впоследствии пришлось отдать, «и не без потерь», территорию гораздо большую, чем 10-километровая зона, но 2 августа письмо Жоффра, учитывавшего настроение правительства в Париже, возымело свое действие.

Около 14 часов французское правительство предоставило Жоффри свободу действий, указав: «Французское правительство считает, что нарушение границы, произведенное в нескольких местах германскими войсками, позволяет снять прежнее запрещение о подходе к границе ближе, чем на 10 км. Французское правительство дает главнокомандующему полную свободу в выполнении его предположений, хотя бы это и привело к переходу через границу».

Война еще не объявлена. Получив свободу действий, Жоффри в 17 часов 30 минут, сообщая по телефону об отмене 10-километровой зоны, однако, «по причинам морального характера и дипломатическим», желает «предоставить немцам всецело ответственность за военные действия» и приказывает: «Впредь до нового приказа войска должны только отбросить перешедшую границу часть противника, но не преследовать ее и не переходить самим границы».

В тот же день утром Пуанкаре получил письмо из Лондона, датированное 1 августа. Георг писал, что делает все усилия найти условия мирного разрешения конфликта. «Что касается линии поведения моей страны, то события идут столь быстро, что совершенно невозможно предвидеть их будущее развитие». «Искренний друг» обещал Пуанкаре вести переговоры с французским послом.

Война Германией России объявлена, «но что будет делать Англия?» — вопрошает Пуанкаре. «Король об этом ничего не говорил, и сэр Эдуард

Грей не мог еще отвечать Полю Камбону с положительной уверенностью. Германия требовала от Лондона объявления нейтралитета; она его не получала; английское правительство оставалось господином своего поведения; британские эскадры были мобилизованы, и сэр Эдуард Грей рассчитывал предложить своим коллегам заявить, что они воспрепятствуют проходу через пролив германских эскадр».

«Это был первый шаг», — продолжает Пуанкаре.

«После полудня в воскресенье Вивиани получил телеграмму от Поля Камбона с извещением, что после утреннего заседания совета министров сэр Эдуард Грей сделал нашему послу следующее заявление: «Я уполномочен дать заверение, что, если германский флот проникнет в Ламанш или пересечет Северное море, в целях начать военные операции против французского торгового флота, британский флот окажет всяческое покровительство французам всею своею мощью».

«Это заявление не было еще обещанием полного сотрудничества, и Англия была настолько мирно настроена, что она не ропсала, — вы это знаете, — вмешаться в конфликт всеми силами раньше, чем она увидела нейтралитет Бельгии нарушенным Германией». Однако уже можно сказать, что Англия решила на войну.

Но мы также знаем, какую тонкую игру вел Пуанкаре, чтобы, только втянуть Англию, — дело было, конечно, не за «мирным настроением» английского правительства, а за предлогом, который дал бы повод поднять английские массы на войну. Приходилось томительно ждать дальнейшего хода событий на обоих берегах Ламанша.

3 АВГУСТА.

Этому томлению днем 3 августа в Берлине был положен предел.

Получив данные от генерального штаба о нарушениях со стороны французских патрулей и летчиков неприкосновенности границы, министерство иностранных дел в 1 час 45 минут дня 3 августа сочинило текст объявления войны Франции и препроводило его в Париж.

В 6 часов 45 минут вечера в Париже Шен объявил, что *Германия считает себя в состоянии войны с Францией*.

К этому же времени, как мы знаем, германская конница переходила бельгийскую границу, а пехотные бригады Эммиха шли к Льежу для его атаки.

Военные действия должны были окончательно выяснить положение Англии и едва ли отныне можно было надеяться на ее нейтралитет.

Однако, Бетман не терял еще надежды на это. Кронпринц в своих воспоминаниях описывает свой «последний разговор» с канцлером 3 августа, который «глубоко и нецгладимо врезался в мою память, ибо он произвел на меня уже тогда потрясающее впечатление».

На вопрос канцлера, «сделает ли армия свое дело», кронпринц ответил: «Все, что армия в силах будет сделать, будет сделано, но я не могу не указать вашему превосходительству, что мы вступаем в войну при самых неблагоприятных политических обстоятельствах... Россия, Франция, Англия — на стороне противников, Италия и Румыния в лучшем случае нейтральны, но и это мало вероятно».

«Этого не может быть — возразил Бетман, — Англия наверное останется нейтральной».

«Ваше превосходительство, — продолжал кронпринц, — через несколько дней получит сообщение об объявлении войны Англией. Единственно, что нам остается, — это найти союзников. По моему мнению, необходимо сделать все, чтобы Турцию и Болгарию возможно скорее побудить к заключению союзных договоров».

«Я считал бы это величайшим несчастьем для Германии», — заметил канцлер.

«Я уставился на него непонимающим взглядом, — продолжает кронпринц, — пока не уловил смысла его слов из связи с предыдущим. Исходя из своей, никому непонятной, идеологии, канцлер заключал, что мы рискуем из-за таких союзов лишиться дружбы и нейтралитета Англии, да, дружбы и готовности к нейтралитету, которые существовали только в его голове. Когда я понял канцлера, наш разговор был кончен».

Не лучше было положение и с Италией. 3 августа посланный с особой миссией в Рим германский представитель доносил: «Сегодня в 9 часов утра я передал поручение королю Италии, согласно которому требовалась немедленная мобилизация армии и флота, как осуществление союзнической помощи, установленной договором».

«Король ответил, что он лично всем сердцем с нами... но совершенно не переносимая для итальянского национального чувства бестактность Австрии до того возмутила против нее общественное мнение за последние две недели, что совместное активное выступление с Австрией вызвало бы в данный момент настоящую бурю. Пойти на риск восстания министерство не хочет. Он, король, к сожалению, не имеет никакой власти, а только влияние... Так как народ отождествляет австрийскую политику с германской, то из-за австрийской бестактности Италия, к сожалению, оказывается ненадежной и по отношению к Германии. Короля это сильно огорчает. Он еще раз попытался повлиять на министерство и уведомить об успехе».

Эта «бестактная Австрия», не идущая на уступки в пользу Италии, втянувшая в войну с Россией и Францией, ныне лишала Германию активного содействия Италии. Нужно было нажать в Вене.

Там с раннего утра Берхтольд в кабинете у начальника штаба занимался академическим подсчетом будущих врагов и друзей. Оба собеседника причисляли Черногорию к врагам и решили всеми средствами добиваться активного выступления Румынии на стороне тройственного союза. Румыния опасалась выступления Болгарии. По мнению Конрада, если уже с Румынией ничего не выйдет, следует привлечь Болгарию, напустив ее на Сербию. Турция должна развить свои операции также против Сербии и возможно против Греции. Что же касается Италии, то начальник штаба был решительно против компенсации ее, советуя министру прекратить с ней всякие об этом переговоры.

«Что я говорил императору в 1907 году! — вспомнил Конрад. — Наше будущее — на Балканах, наше препятствие — Италия; с Италией прежде всего следует рассчитаться. Этого не случилось!»

Пришедший министр Бурьян выразил опасение за Семиградие, ибо, с уходом оттуда XII корпуса, в пей могут вспыхнуть волнения населяющих

ее румын, и большие поместья венгерских магнатов окажутся в опасности.

На это начальник штаба указал, что охрана внутренней безопасности должна быть организована иначе, а не силами XII корпуса, ибо ныне все ставится на карту.

Берхтольд сообщил, что Швеция возможно вмешается в войну и будет действовать в Финляндии. Англия, по его мнению, будет выжидать, на чьей стороне окажется крупный успех; военный агент доносил из Лондона, что ирландский вопрос, повидимому, охлаждает воинственное настроение англичан.

По донесениям других военных атташе Турция предполагает 2 августа объявить мобилизацию. Швеция призывает ландштурм. Греция остается нейтральной. Румыния отклонила русское предложение с двумя корпусами от Яссы наступать против Австро-Венгрии.

В тот же день Конрад, получив от Мольтке письмо, с обратным курьером отправил в Берлин ответ, а кроме того и соображения о действиях на русском фронте.

В письме начальник штаба монархии вновь уверял своего друга в верности союзу. Если до сих пор Веной и не объявляется война России, то это объясняется желанием спокойно закончить стратегическое развертывание в Галиции, которое сильно усложнилось начавшимися перевозками на сербский фронт. Подробно исследуя этот вопрос, Конрад заканчивает свое письмо просьбой к Мольтке оказать все его влияние, чтобы Румыния выступила как можно скорее активно на стороне тройственного союза, что «в военном отношении для нас имеет преваляющее значение».

Петербург жил военной жизнью первых дней войны.

На франко-германской границе взаимные переходы передовых частей продолжались. Утром 3 августа Жофр снова подтвердил свой приказ о переходе границы, отданный им 2 августа, и лишь конному корпусу Сорде была предоставлена свобода выдвижения к востоку от Мезьера, если это корпусный командир найдет нужным.

На ряду с объявлением войны Германией вечером этого дня, 3 августа принесло в Париж и утешительные вести. Итальянский посол «официально нотифицировал объявление нейтралитета своей страны».

«Весь день, — пишет Пуанкаре, — прошел без того, чтобы французское правительство было определено осведомлено о намерениях Англии. Сэр Эдуард Грей осведомил только Вивиани о том, что на заседании во вторник французское правительство может заявить палате: «В случае, если германская эскадра появится в проливе или в Северном море, чтобы, обогнув британские острова, атаковать французские берега или французский военный флот, английская эскадра предложит французскому флоту свое полное покровительство с тем, чтобы с этого момента Англия и Германия оказались в состоянии войны».

«Это являлось новым шагом, и Англия нам обещала уже свое сотрудничество, но обещала условно, и если бы Германия не стремилась атаковать нас с моря, Англия могла бы не вмешиваться».

В Лондоне выступление Грея в палате общин с заявлением, что «искренняя дружба» с Францией обязывает Англию защитить французские берега, и объяснения по поводу ультиматума Германией Бельгии были встречены,

по словам Пуанкаре, «приветственными аплодисментами всего собрания».

«В заседании английских министров, состоявшемся в субботу (1 августа — *Б. III.*) вечером, было постановлено отправить во вторник (4 августа — *Б. III.*) утром инструкцию английскому послу в Берлине, чтобы пригласить германское правительство взять обратно свой ультиматум и уважать нейтралитет Бельгии».

«Если Германия откажется сделать это, — сказал сэр Эдуард Грей Полю Камбону, — это будет означать войну».

Мы уже знаем, что предписание германскому послу в Брюсселе предъявить в 8 часов вечера ультиматум последовало только утром 2 августа, тогда как в Лондоне принималось решение 1 августа вечером, т. е. на 12 часов раньше, нежели была отправлена телеграмма из Берлина в Бельгию. Ягов писал наивно послу: «У бельгийского правительства должно сложиться впечатление, будто все указания по этому делу поступили к вам только сегодня» (2 августа — *Б. III.*), не подозревая, что по этим указаниям уже 1 августа совет министров в Лондоне принимал вполне определенное решение, выжидая лишь фактического выступления в Брюсселе германского дипломата. Такова была осведомленность Лондона в германских дипломатических тайнах, «спрятанных надежно запечатанными» в Брюсселе!

В Лондоне действительно события нарастали... Когда 3 августа собрался кабинет министров, то он уже оказался перед фактом занятия Люксембурга германскими войсками и предъявления Германией ультиматума Бельгии. Большинство кабинета уже считало войну неизбежной.

Кабинет одобрил тезисы к выступлению Грея в этот же день в парламенте с заявлением о внешнем положении, была утверждена мобилизация флота и одобрена должествующая последовать мобилизация армии. О посылке ультиматума или объявлении войны Германии еще не было речи, тем более — об отправлении экспедиционного корпуса,

Парламент большинством одобрил мысли Грея.

На вопрос Черчилля: «Что же будет дальше?» — Грей ответил: «Теперь мы пошлем им ультиматум и потребуем, чтобы движение через Бельгию было прекращено в 24 часа».

Дело было за одной формальностью, ибо было ясно, что остановить наступление германских армий было уже невозможно.

4 АВГУСТА

Мы знаем, что в Берлине еще надеялись втянуть Италию в войну. Однако, из Рима особо уполномоченный посол 4 августа доносил, что король сегодня утром снова его принял и заявил о своем бессилии повлиять на правительство, взгляды которого разделяются большинством депутатов. Даже дружественно настроенный к тройственному союзу Джюлиитти, и тот говорит о необходимости соблюдения Италией нейтралитета.

«Правительство готово ко всяким случайностям», — говорил король, и посол расшифровал это как угрозу Австрии.

Получив это донесение, Вильгельм пришел в ярость. Джюлиитти был обруган «удивительным подлецом», а Виктор-Эммануил — «мерзавцем».

Отныне не только нельзя было рассчитывать на активную помощь Италии, но возникала опасность порехода ее в стан врагов.

В этот же день последовало и объявление войны Англией, с которым рушились все «карточные домики» берлинских политиков.

«Когда Бетману, — пишет кронпринц, — впервые открылся истинный облик Англии, он признался, глубоко потрясенный, что теперь вся его политика рухнула подобно карточному дому».

Мобилизация в Германии шла полным ходом.

Мы проходим мимо всяких торжественных заседаний, богослужений и тому подобных церемоний, которые обычно имеют место в дни начала войны, раздувая ее пламя.

В Вене день протекал более спокойно.

С утра 4 августа Конрад снова встретился с Берхтольдом. Собеседники пережевывали старые вопросы о позиции Италии, Румынии и об объявлении войны Франции и России.

Объявление войны Франции желательно было задержать, дабы дать австрийскому флоту изготoвиться.

По имеющимся сведениям, Румыния объявляет мобилизацию для защиты своего нейтралитета. Германия, желая втянуть Румынию в войну, не рассчитывает особенно на Болгарию. Конрад посоветовал одно: не сесть между двух стульев.

Берхтольд отметил, что германский посол полагает, что следует Италии предложить Трентино, на что начальник штаба с горечью подал реплику: «И нам остается только оказаться перед Италией со шляпой в руках».

Возвратившись к себе, Конрад принял начальника оперативного бюро и представителя морского командования при ставке контр-адмирала Респ. Разговор коснулся морских вопросов. Респ, отметив отпадение Италии, находил положение флота монархии в Адриатическом море не безопасным, под угрозой англо-французского флота, защиту им берегов Австрии фиктивной и полагал, что наиболее целесообразно было бы увести флот в Черное море.

Если вспомним, то вопрос этот — не новый и в свое время деятельно выдвигался Берлином, видевшим в этом возможность уничтожить русский черноморский флот, создать угрозу берегам России и тем отвлечь ее силы на охрану побережья, а затем, обезопасив фланги Румынии и Болгарии, облегчить им выступление на стороне держав тройственного союза.

Начальник штаба не совсем разделял взгляды контр-адмирала о положении флота и решил запросить мнение командующего флотом, как лица, наиболее в этом компетентного.

Затем Конрад, вместе с Респом, отправились к Берхтольду, дабы выслушать и его мнение. Министр ухватился за этот план и тотчас же телеграфировал в Константинополь о пропуске австрийских судов в Черное море, а в Берлин пошло предложение в намеченной экспедиции принять участие кораблям «Бобен» и «Бреслау», находившимся в Средиземном море.

С этим вопросом было связано и объявление войны. Конрад считал, что для морского похода нужно 3 дня, а поэтому на такой срок должно быть задержано и объявление военных действий.

С походом в Черное море австро-венгерского флота нам придется столкнуться и ниже, а поэтому мы остановим на нем внимание читателя.

Ныне каждому известно, сколько неприятностей русским принес в Черном море один только «Гебен». Появление же там австрийского флота, нужно сказать, не плохого, безусловно сильно поколебало бы господство на море русского флота, если не сделало бы его совершенно проблематичным.

Не будем гадать, что из этой экспедиции вышло бы, а лучше послушаем, как такая попытка оцепивалась с русской стороны.

Данилов пишет: «11 августа у нас было получено известие о том, что два немецких крейсера «Гебен» и «Бреслау»... вошли в Дарданеллы и направились к Константинополю, где бросили якорь у входа в Босфор... Появление последних у входа в Босфор было явным нарушением Германией нейтралитета Турции и являлось для нас фактом огромного значения».

«Если мы были готовы на большие жертвы, граничащие даже с опасностью вторжения турецких полчищ на нашу кавказскую территорию, во имя обеспечения успеха на главном западно-сухопутном фронте, то, с другой стороны, мы должны были проявлять особую заботливость к тому, чтобы сохранить за собою полное господство нашего военного флота на Черном море.

Это господство предоставляло нам возможность беспрепятственного снятия всех сухопутных сил с обширного черноморского побережья, поддержания водного сообщения между различными пунктами такового побережья и оказания политического влияния на все те государства, морские границы коих примыкали к Черному морю. Сам по себе турецкий флот... не мог, конечно, нарушить нашего морского господства... но с прибытием в Босфор двух немецких крейсеров, обладавших превосходными морскими качествами и мощной дальнобойной артиллерией, обстановка существенно менялась. И хотя наша черноморская эскадра продолжала считать себя сильнее турецкого флота, усиленного немецкими крейсерами, — все же задачи этой эскадры значительно усложнились.

Пример «Гебена» и «Бреслау» мог подействовать заразительно и на планы австрийского военного флота. В Константинополе, где прибытие немецких крейсеров вызвало большой подъем, упорно поддерживался слух о скором присоединении к турецкому флоту еще двух военных судов, на сей раз австрийских, что могло, как говорили дипломаты, окончательно вскружить голову турецкому правительству. Нашим морским ведомством также не отрицалась возможность попытки со стороны Австрии, при сообществе Турции, направить часть австрийского флота в район проливов, причем в этом случае легко могло осуществиться уже преобладание вражеского флота над нашей черноморской эскадрой.

Хотя в Средиземном море и находились союзные нам эскадры Франции и Англии, но таковые были заняты обеспечением морских границ своих собственных владений и прикрытием морских перевозок французских колониальных войск из Африки в метрополию. В силу этого названные флоты принуждены были ограничиться лишь самыми минимальными мерами в отношении наблюдения за австрийским флотом. И только Италия, выступив на стороне держав согласия, могла бы своим флотом запереть окончательно выход австрийским судам из Адриатики. Но римский кабинет еще не склонен был к активному выступлению.

Между тем, водворение спящего, враждебного державам согласия флота вблизи Черного моря могло быть очень чувствительным ударом не только

для России, но и для ее союзников. Появление этого флота в Черном море могло бы даже усилить неблагоприятные державам согласия течения в Румынии и Болгарии, правительства коих медлили с выявлением своих намерений.

Так расценивалась врагами возможная диверсия австрийского флота в Черном море, предлагаемая Респом.

Вечером начальник генерального штаба монархии счел необходимым написать письмо Берхтольду, навеянное разговором Конрада с германским послом при возвращении из министерства иностранных дел домой.

На основании слов посла Конрад пришел к убеждению, что Германия не особенно склонна втягивать в войну Болгарию. В дополнение к своему словесному заявлению, начальник штаба писал, что как ни важно участие Румынии в войне на стороне Австрии, но и наступление болгар против сербов и черногорцев, с военной точки зрения, имеет очень большое значение, и этого следует поскорее достигнуть. Если для Германии безразлично, что произойдет на Балканах, то для нас это решающее дело.

«Стоит подумать, — писал Конрад, — что случилось бы, если бы мы там в ближайшие дни имели военную неудачу. Вся политическая обстановка резко изменилась бы к нашим невыгодам».

«Необходимо быстро действовать, а не колебаться, поддаваясь германским взглядам», — советовал и просил начальник штаба.

«Я прошу заверить тотчас же Румынию, что с нашей стороны она встретит только дружбу и что при счастливом исходе войны получит Бессарабию и сербские области, если только активно выступит на нашей стороне.»

Касаясь вопроса об объявлении войны, Конрад просит Берхтольда ничего не предпринимать, не переговорив с ним, так как «этот акт находится в тесной внутренней связи с военными соображениями».

«Преждевременное объявление войны Франции может повлечь появление французских судов в Адриатике».

«Заботит немного долженствующее последовать в ближайшие дни объявление войны России».

Вслед этому письму Конрад послал следующее — о возможности купить нейтралитет Черногории. Конрад считал осуществление этой возможности большим успехом и предлагал предложить черногорцам за это Скутари.

Однако, по сообщению военного агента из Рима, вместо нейтралитета Черногория направляла к г. Ловчен 5 000 человек, а Италия выставляла условием — не занимать эту гору австрийскими войсками.

Как известно, начальник австрийского генерального штаба отправил Кадорне телеграмму с предложением военных переговоров на основе тройственного союза.

4 августа Кадорна дал ответ: «Конференция беспедельна, так как совет министров Италии вынес решение о нейтралитете. Если Австро-Венгрия не займет Ловчена и не нарушит равновесия в Адриатике, то Италия никогда не выступит против Австро-Венгрии».

В самой Италии пресса возбужденно говорила о политике Вены, флот и армия частично мобилизовались.

Так печально кончалась попытка начальника штаба монархии притти на помощь венским дипломатам. Неоднократно высказывавший мнение, что

договор геперальных штабов не имеет силы, Конрад ныне убедился в этом на деле, получив не только резкий ответ, но и условия, и от кого... от Италии, которую он ненавидел всеми фибрами своей порывистой души.

Нужно сказать, что «потомки Макиавелли» не прочь были поторговаться и с державами согласия, дорого расценивая свое активное выступление на их стороне. Один из итальянских дипломатов, формулируя условия, на которых Италия могла бы выступить на стороне Антанты, заявлял, что завершение национального объединения Италии требует присоединения к ней округа Ниццы по реке Вар, острова Корсики и Адриатического побережья до Истрии включительно. Цена была высока, и на нее никто из держав Антанты не пошел, удовольствовавшись нейтралитетом Рима.

4 августа фокусом всех политических событий был Лондон, где решался вопрос о вступлении Англии в войну.

Обеспокоенный тем, что Англия сделала лишь два шага по пути войны и медлила с третьим, т. е. с обещанием помощи сухопутной армией, Пуанкаре утром 5 августа снова пишет письмо королю Георгу, в котором, кроме благодарностей за помощь на море, указывает «на неотложность в установлении сотрудничества для защиты территории Бельгии, так же как и территории Франции». «До сих пор, — говорил Пуанкаре, — мы не осведомлены о том, что правительство вашего величества окончательно определило свои намерения относительно сотрудничества сухопутных сил».

Для Франции не нужно было подробностей использования экспедиционного корпуса, ибо таковые уже были установлены обоими правительствами соглашением, подписанным в феврале 1914 года. Парижу нужно было только знать, вводится ли в действие это соглашение.

Нечто подобное переживал и Петербург. Бьюкенен пишет: «В течение первых трех дней войны моя позиция была не из приятных. Беспokoйные толпы собирались перед посольством, требуя известий из Лондона, и в далеко не дружеском тоне спрашивались, может ли Россия рассчитывать на нашу поддержку. Я, насколько мог, успокаивал их туманными заявлениями».

Если учесть, что эти «беспokoйные толпы» 4 августа учинили погром германского посольства, то можно согласиться, что позиция Бьюкенена была не из приятных»...

Однако, как мы знаем, в тот же день 4 августа в Лондоне был положен предел колебаниям.

Мы не будем передавать читателю личных переживаний в этот день Черчилля в ожидании объявления войны Германии.

Нет сомнения, что настроение было, в общем, в Лондоне приподнятое, как и в других столицах в дни объявления войны; и английская сдержанность должна была найти себе выход.

«Отныне мы союзники», — так говорил русскому послу Грей 4 августа, а в 5 часов утра 5 августа и Бьюкенен получил телеграмму: «Война с Германией, действуйте», которая доставила послу «огромное облегчение» и принята им была как «добрая весть».

4 августа уже окончательно определилась основная группировка врагов, которая и начала военные действия, постепенно и довольно медленно втягивая в них и другие государства.

«С того момента, как Бельгия решилась на сопротивление, — пишет Каутский, — а Англия вступила в войну, положение Германии стало отчаянным».

Учитывая это, начальник германского генерального штаба Мольтке 5 августа препроводил канцлеру меморандум, который гласил нижеследующее:

«Объявление войны Англией, которое, по достоверным сведениям, было задумано с самого же начала конфликта, заставляет нас исчерпать все средства, которые могут содействовать победе. При этом серьезном положении, в котором находится отечество, нашим долгом становится пользование всякими средствами. Жестокая политика, которую ведут против нас наши противники, дает нам право на беспощадный образ действий.

Восстание в Польше подготовлено; оно падает на уготованную почву, так как уже сейчас наши войска встречаются в Польше почти как друзья. Так, например, в Влоцлавске они были встречены хлебом и солью.

Настроение Америки по отношению к Германии дружелюбное. Американское общественное мнение возмущено позорным обращением с ними. Это настроение следует, по возможности, использовать. Самые влиятельные лица немецкой колонии в Америке должны быть призваны воздействовать и впредь на прессу в нашу пользу. Возможно, что Соединенные Штаты под нашим влиянием решатся на выступление своим флотом против Англии, за которое в виде награды за победу им улыбается Канада.

Восстание в Индии и Египте, а также и на Кавказе имеет, как я уже указал на это в моем письме от 2-го с./м. за № 1Р, величайшую важность. Путем договора с Турцией министерство иностранных дел в состоянии будет осуществить эту идею и возбудить фанатизм ислама».

За это «революционизирование мира», мысль о чем была дана самим Вильгельмом, Каутский ополчается на генеральный штаб. В этом он видит: «новое доказательство того, что *вершителем германской политики является теперь начальник генерального штаба, а не рейхсканцлер, который должен был выполнять поручения первого*».

«Всякие средства» и «действия самым беспощадным образом», рекомендуемые Мольтке, приводят в ярость закоренелого меньшевика, который считает, что генеральный штаб «вступил на путь заранее обдуманной глупостей, которые в военном отношении ничего не стоили, так как могли быть легко усвоены неприятелем, и которые впоследствии действительно часто обрушивались двойной тяжестью на голову армии и германского народа».

В пылу гнева Каутский прилетает здесь и революционную Россию, которой, якобы, способствовала «германская капиталистически крупная, аграрная и милитаристическая монархия».

В наши времена, конечно, всем отлично известно могущественное средство пропаганды по разложению противника и никто, кроме выжившего из ума меньшевика, не будет говорить, что эти «глупости в военном отношении ничего не стоят». Современные войны не решаются одним оружием, а судьей бывает политика, и в этом смысле шаг германского штаба не следует порочить. Другой вопрос, кто первый об этом должен был подумать — Мольтке или Бетман; но что эти «глупости» должны были быть пущены

в ход для достижения тех целей, которые ставила себе империалистическая Германия, — в этом сомнения нет.

В Вене интересы были сосредоточены вокруг: 1) объявления войны России; 2) определения своей позиции к Франции и Англии; 3) выяснения позиции Румынии, Болгарии и Италии; 4) морского похода в Черное море.

Около 12 часов дня чиновник Берхтольда Форгач посетил начальника генерального штаба с целью ориентировки его в ходе дипломатической жизни за истекший день. Форгач сообщил, что в 12 часов 6 августа австрийскому послу в Петербурге и русскому послу в Вене будет передано объявление войны и что военные действия могут начаться 6 же августа. Что касается Франции, то ей официально объявление войны послано не будет, а лишь отзывается посол. С Англией постараются поддерживать дипломатические сношения.

Военный агент из Рима доносил, что итальянский флот сосредоточен в Бриндизи с целью отплытия в Адриатику, а французский флот сосредоточился в Тулоне.

С уходом Форгача Конрад тотчас же, в 12 часов 45 минут дня, написал письмо Берхтольду, в котором, указывая на предполагаемый разрыв с Францией, что несомненно повлечет за собой открытие военных действий с ее стороны и нападение на австрийский флот, просил «настоятельно, насколько то возможно, избегать объявлять войну Франции», ибо австрийский флот, «находится в критическом положении». «Аналогично, — писал Конрад, — следует поступить и с Англией. С другой стороны, мы должны рассматривать, как врагов, французские и английские суда, если они появятся в наших территориальных водах».

«Поход» в Черное море продолжал волновать Вену, а затем и Берлин. Запрошенный о возможности его выполнения командующий флотом, ссылаясь 1) на отсутствие угольных баз и невозможность тащить за собой большой угольный караван, 2) на незаконченную мобилизацию флота, — считал такое предприятие невыполнимым.

Узнав об этом, министр иностранных дел тотчас же реагировал на это письмом на имя начальника генерального штаба. Берхтольд писал: «я неприятно поражен известием, что Гаус (командующий флотом — Б. III.) ставит такие препоны вашему генеральному плану. Его выполнение имело бы громаднейшее значение для окончательного положения Румынии и Болгарии, которые обе опасаются появления у их берегов русского флота. Если бы Одесса была подвергнута бомбардировке, Бессарабия была бы свободна. Правительства обеих этих стран колеблются и ведут военную игру, чтобы вынудить нас на определенные шаги. Гаус, учитывая трудности, забывает, что он и в Адриатике будет атакован также неприятельскими силами».

Таково было политическое значение этого «похода» в Черное море, которое волновало даже такого мало восприимчивого человека, как Берхтольд.

Положение австрийского флота осложнилось и с другой стороны. Поднесению посла из Лондона, Грей заявил ему, что Англия до тех пор не будет открывать военных действий против Австрии, пока последняя не будет в войне с Францией. В то же время из Афин военный агент сообщал, что французские и британские эскадры в Средиземном море соединились, имея целью атаковать австрийский флот.

Пока что Австрия не была в состоянии войны с Францией, но она была союзницей Германии, крейсера которой, «Гебен» и «Бреслау», находились в тяжелом положении в Средиземном море и могли притти под защиту австрийского флота или в территориальные воды монархии. Предусматривая это, в беседе с начальником морского отдела, Конрад считал, что в таких случаях придется немцам оказать помощь.

В 5 часов 15 минут дня из германского генерального штаба поступила телефонограмма, которая просила выслать австрийский флот, в достаточных силах, в южную часть Адриатики, дабы помочь крейсерам пройти в Адриатическое море, южный вход в которое находится под угрозой мальтийской эскадры англичан.

Конрад запросил мнение командующего флотом, который, указывая на поход флота на большое расстояние — 580 миль, отказывался от него, советуя немецким крейсерам, пользуясь скоростью своего хода, самим выбраться из ловушки.

Посетившие Конрада германские военный агент и морской атташе старались убедить его в необходимости выхода австрийской эскадры на помощь «Гебену», ссылаясь и на существующую морскую конвенцию. Однако, начальник штаба не склонился на просьбы союзников и ответил отказом, указав, что: 1) морская конвенция заключена между тремя государствами, а ныне итальянский флот отпал, т. е. рушится и сама конвенция, 2) «Гебен» имеет целью не соединение с флотом монархии, а поход в Константинополь и 3) только сегодня стало известно, что крейсера находятся в Мессине.

Выше мы отметили, что поход настолько сильно заинтересовал Берхтольда, что он начал сноситься непосредственно с начальником морского отдела, минуя Конрада. Можно было с уверенностью сказать, что начальник генерального штаба не мог оставить этого без ответа, считая такое вторжение в оперативное руководство ненормальным.

«Произошел факт, — писал Конрад Берхтольду, — что со стороны министерства иностранных дел направляются директивы оперативного характера, а именно — отношения к англичанам по поводу «Гебена», минуя ставку, непосредственно в морской отдел.

Я позволяю себе обратить ваше внимание, что все подобные директивы должны направляться в ставку, которой флот подчинен.

Морскому отделу, равно как и командующему флотом, воспрещено в таких случаях непосредственно сносить с министерством иностранных дел.

Что касается данного случая, то, когда германские суда будут атакованы английскими, если это произойдет на виду австро-венгерских кораблей, совершенно невозможно, чтобы последние оставались простыми зрителями.

Подобное поведение было бы не этичным, не рыцарским, равно как противоречило бы и существующей морской конвенции.

Адмиралу Гаусу даны указания в таком духе».

Вечером 5 августа начальник штаба в письме к Берхтольду просит принять все возможные меры, чтобы заставить Болгарию выступить против Сербии, ибо оставление монархии Румынией и Италией делает настоятельно необходимым болгарское выступление.

Так беспокойно заканчивал свой день начальник австро-венгерского генерального штаба. Тяжелые думы омрачали чело политика в военном мундире...

Задержка объявления войны Франции в министерстве иностранных дел в Вене вызывала сомнения в добропорядочности по отношению к союзной Германии, которая находилась в войне с Францией. Поэтому утром 6 августа чиновник Берхтольда Гойос посетил начальника генерального штаба, желая склонить его на немедленное объявление войны Парижу, мотивируя это и тем, что неудобно австрийскому послу находиться в Париже, когда союзная Германия уже ведет военные действия.

Посоветовавшись со своим заместителем и начальником оперативного бюро о мобилизации флота и прибрежных крепостей, Конрад в 11 часов 45 минут утра письмом дал ответ министру иностранных дел.

Указывая, что в интересах спокойной мобилизации флота и крепостей необходимо задержать объявление войны Франции, так как в противном случае сильный французский флот тотчас же появится в Адриатике, Конрад писал: «Если австрийский посол при состоянии войны между Германией и Францией будет продолжать оставаться в Париже, то аналогичное происходит в Сербии, где еще находится германский посол, хотя мы уже в войне с Сербией».

«Я предоставляю вам судить, что поставить выше — необходимые ли дипломатические шаги к объявлению войны или боеспособность нашего флота».

Отмечая, что объявление войны Франции поведет за собой ответное объявление войны монархии Англией, а, следовательно, появление в Адриатике английского флота, начальник штаба продолжает: «Спокойная мобилизация нашего флота составляет существенный интерес не только для нас, но для всей войны в целом, равно как и для Германии».

«Я полагаю, что если мы подробно это объясним Германии, то она сама увидит, что нет никаких существенных оснований для преждевременного объявления войны Франции и Англии».

«Объявит ли Германия войну Сербии и Черногории?» — спрашивает, в свою очередь, Конрад.

«Наконец, — заканчивал он письмо, — я должен обратить ваше внимание, что появление франко-английского флота в Адриатике, где действия его будут развиваться в направлении Каттаро или Рагузы, оказало бы в высшей степени вредное влияние на наше военное и политическое положение в отношении Черногории».

Что касается России, то с 12 часов дня, когда последовало объявление войны, Конрад уже считался с ним, своевременно предупредив об этом соответствующих командующих армиями.

Между тем, из Берлина продолжали просить о содействии флота германскими крейсерам, блокированным в Мессине английским флотом, спрашивая, когда австрийская эскадра выйдет с этой целью на юг.

Конрад запросил командующего флотом, добавив: «Операция политически желательна; возможна ли она с чисто военной стороны, — предоставляется решать вам и сообщить о принятом решении. Если «да», то проводите».

Гаус отвечал: «Операция для оказания помощи «Гебену» невыполнима»; после этого Гаусу было послано приказание: «Операцию не выполнять».

Переговоры с Италией не прекращались. Сам Берхтольд прибыл к Конраду, чтобы обсудить с ним итальянские предложения, которые заключались в том, что Италия требовала уступки области Триента, не обещая за это выступления на стороне Австрии. Министр указывал, что Германия уговаривает сделать эту уступку.

«Отклоните все это, — решительно советовал начальник штаба, — ибо это совершенно невозможно».

«Какое бы впечатление эта уступка произвела в Тироле? — продолжает Конрад. — А если еще и Румыния потребует Семиградие? Я считаю, что итальянцам нужно сказать, что этот вопрос будет урегулирован после войны».

На замечание Берхтольда, что они на это не пойдут, начальник штаба отвечал: «Я опасюсь, что если им сделать эту уступку, то за ней последуют следующие требования. За Триент самое меньшее с Италией необходимо потребовать выступления на нашей стороне».

На этом разговор был окончен. Ныне в своих мемуарах Конрад приводит и другие мотивы отказа в согласии на уступку Триента, а именно: 1) Италия стремилась получить без боя укрепленную австрийскую границу, после чего могла бы свободно продолжать свое вторжение в глубь Австрии; 2) уступка подействовала бы плохо в моральном отношении на страну и тирольские части, которые являлись очень боеспособной частью армии; 3) германская дипломатия, потерпев крах в своей итальянской политике, стремилась ныне поправить свое дело за счет Австрии.

В Румынии заметно парастало возбуждение против Австрии. Турция еще только говорила о своей мобилизации. Болгария ждала первого успеха австрийских войск. Наконец, Черногория 5 августа около 6 часов вечера отдала приказание о наступлении своей армии, и австрийский посланник покинул Цетинье.

На русской границе еще не раздалось ни одного выстрела, когда перед начальником генерального штаба был уже поставлен вопрос о результатах войны с Россией.

Около 7 часов вечера его посетил общеимперский министр финансов Билинский — поляк. Сообщив Конраду, что 7 августа состоится заседание совета министров по поводу уступки Италии Триента, Билинский перешел на польский вопрос, на необходимость установления теперь уже руководящих в нем линий на случай счастливого окончания войны.

Конрад подумал, что будущее еще довольно туманно, но его собеседник продолжал развивать свои взгляды. По его мнению, конгрессовая Польша, т. е. бывшее «царство Польское», должна отойти к Австрии, остзейские провинции — к Германии, и было бы очень скверно, если бы все это осталось, попрежнему, у России.

На замечание начальника штаба, что подобное приращение территории повлекло бы за собой изменение конституции самой монархии, Билинский ответил: «Конечно, изменение конституции! Великая Польша, Альпийская область и т. д.».

Таким образом, уже до начала войны здание монархии Габсбургов предназначалось не только к капитальному ремонту, но и к капитальной перестройке, а результат всем известен: оно рухнуло до основания...

На этом мы кончаем нашу «Поденную запись».

Пушки уже гремели на границах государств Европы, и война в большинстве из них была не только фактически налицо, но и юридически закреплена соответствующими документами.

Но разве суть в документах? Если мы доводили наше повествование до тех моментов, когда эти документы появлялись в жизнь, то делали это лишь потому, что буржуазные классы старались убивать массы по всем законам международного права, «по всем преданьям старины», с соблюдением «добропорядочности», как ныне говорят исследователи из их рядов. Насколько нужна была эта «добропорядочность» идущим в бой трудовым массам, это — вопрос другой. Находились и такие скептики, правда, не из лагеря аккуратных и прилизанных дипломатов, которые, как начальник генерального штаба Мольке, считали факт объявления войны излишним шагом. Но такие личности были единичны и не пользовались доверием. Война требовала треска и грома не только орудий и выстрелов, но и человеческой речи...

ГЛАВА V

ОТЪЕЗД ГЛАВНОКОМАНДОВАНИЯ НА ФРОНТ

Открытие военных действий и политика. — Характер общений Конрада с Берхтольдом. — Роль Тиссы. — Объявление 12 августа в Вене войны Франции и Англии. — Помощь «Гебену». — Поход австрийского флота в Черное море. — Настойчивые подталкивания к этому германского морского штаба и Вильгельма. — Отказ от похода в Вене и объяснения этого Конрадом. — Требования Италии о передаче ей Трентино. — Сопровождение 7 августа у Конрада «интимного» кружка. — Обещания Италии территориальных компенсаций со стороны Франции. — Конрад планирует оборону итальянской границы и возражает против оставления на ней армейского корпуса. — Беседа Конрада с австрийским дипломатом, уезжающим в Рим. — Тисса просит показать на итальянской границе «германские каски». — Вильгельм советует уступить Италии Трентино. — Мольтке тоже за уступку и расчет с Италией в будущем. — Конрад решительно против каких-либо уступок итальянцам. Колебания Румынии. — Заигрывания румынского генерального штаба и ответ Конрада. — Его дипломатическая инструкция в Бухарест. — Расчеты Конрада на Болгарию и расхождение в этом с Берлином. — Угрозы Конрада Болгарии. — Его беседа 14 августа с болгарским военным агентом. — Одиночество Германии и Австрии. — Польский вопрос. — Советы Вильгельма Вене о развитии революционной пропаганды. — Переписка Конрада с Мольтке. — Письмо Мольтке от 5 августа. — Тяжелая война и необходимость прохода через Бельгию. — Решение — на суше, но война будет стоять германского флота. — «Мобилизация идет как часы». — Совет Мольтке Конраду сосредоточивать силы против России и разгромить ее в Припятских болотах. — «Собачья Италия». — Ответ Конрада 10 августа. — «Пока у нас все кипит». — Письмо Конрада к Мольтке от 8 августа о помощи против Италии. — Ответ Мольтке 8 августа. — Мольтке предлагает «замазать рот» Италии. — Германия не может помочь войсками. — Обещания Мольтке побудить Болгарию к выступлению против Сербии. — «Нельзя быть доктринером», необходимо сохранить союзников. — Ответ Конрада 13 августа. — Вена решительно против уступок Италии. — Австрия посылает помощь Германии артиллерией. — Колебания Румынии. — Предложение Конрада ударить VIII германской армией в направлении на Седлец. — «Тяжелое время». — Отъезд Конрада 15 августа в Перемышль. — Отъезд Мольтке 16 августа в Кобленц. — Атака Льежа и Вильгельм. — 10 августа Фалькенгайн дает согласие заместить Мольтке. — 14 августа отъезд русской ставки в Барановичи.

Война есть средство политики, и с открытием военных действий политика не прекращается, а имеет свое продолжение в самом ходе войны. Правда, такое понятие взаимоотношений политики со стратегией не усваивалось в полной мере перед войной 1914 года: считалось, что с объявлением войны в сношениях враждующих сторон «перо заменяется мечом». Если придерживаться такого узкого толкования взаимодействия политики и стратегии, то на 6 августа можно было бы и закончить наше повествование о совместной работе дипломатии и генерального штаба.

Мы не останавливаемся на таких рубежах и должны были бы ввести читателя в историю всей мировой войны. Однако, это завело бы нас очень

далеко. Мы поставили своей задачей проследить взаимодействие политики и стратегии в годы мира, а потому вынуждены прервать свой рассказ в окончим его днем отъезда ставки монархии габсбургов на театр военных действий.

Считаем своей обязанностью вновь предупредить читающего наш труд, что избранный нами день отнюдь не знаменует перерыва совместной работы политики и стратегии в достижении целей войны, но принимается нами лишь как условная грань, которая нарушила непосредственный контакт в этой работе.

До отъезда на театр военных действий начальник австро-венгерского генерального штаба находился в самом тесном личном общении как с самим Берхтольдом, так и с другими чинами министерства иностранных дел. Не было почти дня, когда Конрад не посещал бы Берхтольда или, наоборот, последний не заходил к нему. Но такие личные беседы этих двух «мужей» монархии сопровождались и перепиской, которую вел, главным образом, Конрад по известным уже нам мотивам: в стремлении оставить в истории след высказываемых им взглядов. Нужно отметить, что военная гроза заставила министерство иностранных дел более внимательно прислушиваться к пожеланиям начальника генерального штаба, а его сделала настойчивым в своих требованиях.

Наличие во главе правительства Венгрии такой решительной и властной фигуры, как Тисса, осложняло положение начальника штаба, ибо Тисса считал нужным близко подойти к вопросам войны и подавал те или иные советы, связанные с военными мероприятиями, о которых мы поговорим ниже.

Если 6 августа было покончено с вопросом об объявлении войны России, то дата объявления войны Франции и Англии продолжала занимать начальника генерального штаба. Мотивы этому мы слышали в его письме и повторять здесь не будем. Следуя советам Конрада, Берхтольд не обострял дипломатических отношений с Францией, но самый ход событий вел к этому. С одной стороны, посол из Берлина доносил, что канцлер согласился с проволочкой объявления войны Парижу, но считал, что таковое все же должно последовать по окончании мобилизации флота, т. е. не позднее 12 августа. С другой стороны, уже 8 августа из Парижа посол доносил, что французское правительство, осведомленное, якобы, из достоверных источников о переброске на французскую границу одного австрийского армейского корпуса, решительно протестовало против подобных действий Вены, не находящейся в войне с Францией.

Конрад тотчас же сообщил Берхтольду, что сведения Парижа ложны: корпуса направляются на русский фронт, а на французский выделяются, по просьбе Мольтке, лишь 4 тяжелых 30,5 см гаубичных батареи, которые закачивают свою мобилизацию и будут готовы к отправке лишь 6 августа.

В тот же день Берхтольд дал заверение в Париж, что сведения об отправке австрийских войск на французский фронт лишены правды. Однако, 10 августа снова пришлось повторить опровержение на вторичный запрос французов.

В тот же день, 10 августа, австрийский посол, по предложению французского правительства, поквнул Париж. Одновременно Париж отозвал и своего посла из Вены.

Ночью с 12 на 13 августа в Вене было опубликовано объявление войны Англии и Франции.

Таким образом, мы должны констатировать, что на 10 дней начальнику генерального штаба удалось оттянуть юридическое объявление войны и продлить этот срок для спокойной мобилизации флота.

Последнему, на ряду с этим, приходилось раздумывать: 1) об оказании помощи «Гебену» и 2) о походе в Черное море.

Около 9 часов утра 7 августа от командующего флотом Конрад получил донесение, что «Гебен» прорвался через блокаду английской эскадры и идет в южную часть Адриатического моря. Командующий флотом с 1-й дивизией дредноутов и крейсерами вышел ему навстречу, чтобы принять немецкий крейсер под защиту в пределах территориальных вод Австрии. Около 1 часу дня пришло второе известие, что «Гебен» благополучно уходит в Константинополь.

Сообщая об этом, германский морской штаб считал, что было бы высокоценно с политической и военной стороны, если бы за «Гебеном» последовал в Дарданеллы и весь австрийский флот.

Посетивший Конрада Берхтольд сообщил, что Турция согласна на пропуск австрийских судов в Черное море, что в свою очередь Конрадом было сообщено Гаусу.

Успех экспедиции «Гебена» и «Бреслау» для Берлина явился доказательством выполнимости такой операции и для австрийского флота.

В своих донесениях от 8 и 9 августа Конраду представитель Австрии при германской ставке Штюргк сообщал, что в беседе с ним Вильгельм, заговорив о походе в Черное море, сказал: «Австро-венгерский флот, несмотря на то, отмобилизован был он или нет, должен был тотчас же идти в Константинополь и через Босфор в Черное море; найти русский флот и уничтожить его; совместно с германскими крейсерами овладеть Одессой; посеять панику в южной России и, таким образом, облегчить высадку турецких войск. Нашим прибрежным крепостям в Адриатическом море никто не угрожает и время для такой операции самое благоприятное».

Нажим Берлина продолжался. 12 августа начальника морского отдела посетил начальник генерального штаба вместе с представителем германского морского штаба, который снова начал доказывать, ссылаясь на мнение германских руководящих кругов, необходимость похода флота в Черное море.

«Адмирал Гаус отклоняет это, — отвечал Конрад, — я, как не специалист в морских вопросах, не могу сказать что-либо иное». Вместе с тем, начальник штаба обратил внимание своих собеседников, что Италия весьма ненадежна, и вывод австрийского флота из Адриатики был бы опасен для монархии. Собеседниками был предложен компромисс — отправить в Черное море лишь часть флота, на что Конрад ответил: «На дробление флота не согласен его командующий. Лично я убежден, что было бы достаточно даже слабого флота, чтобы парализовать русский флот». Представитель германского морского штаба находил тоже, что для действий против русского флота достаточно было бы придать «Гебену» пару хороших австрийских крейсеров. Как резюме разговора, Конрад обещал запросить снова Гауса.

Как известно, австрийский флот в Черное море не пошел, и на все сожаления об этом начальнику генерального штаба оставалось отвечать одно:

«Гаус не готов. Что я могу сделать с флотом, если он не считает себя готовым!»).

Здесь, конечно, не место вдаваться в подробный разбор выполнимости такой операции и выгод от нее для срединных держав. Если вспомним приведенное нами суждение Данилова о возможности такой операции и ее значении для России, то, пожалуй, нужно согласиться с настойчивостью Берлина, доказывавшего целесообразность похода и всю невыгоду оставления флота в Адриатике. До конца войны австрийский флот не сыграл особой роли даже на море и затем погиб вместе с монархией Габсбургов. А флот был не плохой! Не хотим делать вывода, что не всегда полезно слепо слушать специалиста, каким был Гаус. Напомним только, что еще Кузьма Прутков предостерегал, что «специалист подобен флюсу, ибо он односторонен». Но этого совета не слушался не один Конрад, но все начальники генеральных штабов, ибо «флюс», в виде флота, был злокачественным парывом на вооруженных силах многих государств, вступивших в мировую войну.

Требования Италии о передаче ей области Триента сильно волновали начальника генерального штаба. Собравшийся у него 7 августа «интимный кружок» генерального штаба (заместитель начальника штаба, начальники оперативного и разведывательного бюро) пришел к заключению, что если идти на уступку итальянцам, то только за активное их выступление на стороне тройственного союза, имея в виду после успешной войны отобрать все ныне отдаваемое.

Сведения из Рима говорили о возрастающем возбуждении против Австрии, о расширении мобилизации армии и флота и о предложении Францией Италии половины Туниса, Триента, Триеста и Далмации, если только Италия выступит на стороне тройственного согласия.

Начальник штаба считался ныне со всякими неожиданностями со стороны Италии, как он писал 8 августа Берхтольду, и решил организовать против нее оборону, не отвлекая главных сил с русского театра военных действий. Силы должны были быть взяты за счет ландштурма, а затем Конрад обратился за помощью к генералу Мольтке.

На все предложения Берхтольда оставить один из полевых корпусов на итальянской границе Конрад отвечал отказом.

Отправлявшийся замещать заболевшего посла в Риме чиновник министерства иностранных дел 12 августа посетил Конрада и просил избегать всего, что могло бы вызвать выступление Италии, и, в частности, принятия на границе особых военных мер. Конрад не согласился с последним, твердо заявив, что оставлять границу беззащитной нельзя, и будут приняты соответствующие меры.

«Могу ли я сказать в Риме, — спросил дипломат, — что мы все наши силы выведем из Тироля?»

«Нет, — отвечал начальник штаба, — этого вы не говорите. Выжидайте до тех пор, пока у немцев не будет решена операция против Франции, тогда итальянцам придется подумать и об образовании фронта против Германии. Скажите итальянцам, что если они выступят против нас, то Германия выступит на нашей стороне против них».

На помощь Германии сильно рассчитывал и Тисса, который в письме к Конраду от 10 августа считал, что союзническая честь Германии должна

заставить ее показать на границе с Италией «германские каски», и просил полнять этот вопрос перед Мольтке.

Как к этому относился сам Мольтке, мы услышим из приводимой ниже переписки его с Конрадом. Что же касается дипломатов Берлина и самого Вильгельма, то они и ранее советовали Вене пойти в этом на уступки Италии. В беседе с представителем монархии 8 августа Вильгельм высказывался снова за отдачу Триента, а Мольтке говорил, что австрийцы «сделали бы самое лучшее, если бы ценой Триента прикрыли тыл». «По окончании войны с Россией австрийцы могли бы Италию вызвать на дуэль, и Германия в этом случае была бы на стороне монархии». Дуэль, как видно, была бы довольно своеобразная.

Отвечая 11 августа в Берлин на это донесение, начальник штаба писал: «О добровольной передаче области Италии нами нечего и думать; это не принесло бы и особой пользы, так как наши противники предлагают Италии не только южный Тироль, Триест, Истрию и Дальмацию, но даже часть Туниса; на эту конкуренцию мы идти не можем; кроме того, такая уступка показала бы врагам лишь слабость монархии».

«Если Италия выступит против нас, то она встретит, правда, неорганизованное, но достойное сопротивление, ибо перед важной целью на севере мы отступить не будем».

Зная, что Берлин больше всего боится, как бы Вена не расплыла свои силы и не оставила тыл германцев открытым, Конрад писал, что, принимая на себя эту задачу, Австрия выполнит ее безоговорочно, не ругаясь, конечно, за окончательный успех.

Последние дни перед отъездом на фронт начальник генерального штаба уделял большое внимание организации обороны против Италии, что 15 августа было утверждено и Францом-Иосифом.

Другой союзник, на которого сильно рассчитывали в Берлине и Вене, Румыния, продолжал оставаться в состоянии колебания. Надежды на ее выступление не теряли ни Мольтке, ни начальник австрийского генерального штаба. Донесения из Бухареста не выявляли определенной позиции румынского правительства и говорили о большой газетной кампании, развитой в стране державами тройственного согласия против Германии и Австрии. Конрад считал своим долгом в письме к Берхтольду от 11 августа указать на это и просить принять такие же меры и с австрийской стороны.

7 августа военный агент из Бухареста сообщал, что румынский король колеблется и ждет первой победы австро-германского оружия или же первого пограничного конфликта с Россией, чтобы выступить. Король спрашивал, где будет наступать правое крыло австрийских армий.

Начальник штаба приказал ответить: «Если участие в войне Румынии обеспечено, то необходимо командирование румынского офицера генерального штаба в Вену, где он и будет ориентирован».

9 августа военный агент из Бухареста сообщал Конраду, что начальник румынского генерального штаба запрашивает: приемлемо ли для Вены развертывание румын на фронте Яссы — Ботошаны.

«Вполне приемлемо, — тотчас же отвечал Конрад. — Необходимо командирование в Вену офицера румынского генерального штаба. Желает ли Румы-

ния вырасти, выступив на стороне Германии и Австро-Венгрии, или она хочет быть вассалом России? Ставьте этот вопрос в руководящих кругах. Румыния должна быстро принять решение».

Такова была директива чисто дипломатического характера военному агенту в Бухаресте, посланная без согласования с Берхтольдом с надеждой, что наконец-то Румыния решится на войну.

В Бухаресте все время заседал совет министров, не вынося определенного решения, ибо не было уверенности в лояльности поведения Болгарии.

Кроме того, в Румынии сильно опасались наступления русских через Молдавию, и к 15 августа в Вене выяснилось, что начальник румынского генерального штаба рассчитывает только на 20-й день сосредоточить армию в северной Молдавии.

Умный австрийский посол в Константинополе Паллавачини считал, что Румыния останется в данное время нейтральной.

Не повезло и с Болгарией. Эта страна находилась в таком же колебании, как и Румыния. С одной стороны, заманчиво было выступить против Сербии, а с другой — не было уверенности в победе срединных государств, и возникло опасение за расплату в случае, если бы Болгария приняла участие в войне на их стороне.

Берлин также рассчитывал втянуть Болгарию в войну, но использовать ее не против сербов, а на главном театре совместно с Турцией против России.

Узнав 9 августа от германского военного агента о таких предположениях. Мольтке, начальник австрийского генерального штаба забил тревогу. Прежде всего, он просил агента телеграфировать в Берлин, что «настоятельно необходимо болгарский удар направить от Зайчара и Пирота на Крагуевац».

Сам он немедленно телеграфировал Мольтке: «Прошу самого энергичного воздействия на Болгарию, чтобы она провела прежде всего сильный удар с линии Зайчар — Пирот на Крагуевац и Аранджелавац».

О том же была послана телеграмма австрийскому военному агенту в Софии, причем добавлялось, что этот удар важнее, чем совместные действия с Румынией и Турцией.

В необходимости быстрого и решительного наступления болгар против Сербии Конрад убеждал и посетившего его болгарского военного агента.

Однако, Болгария осторожно подходила к этому вопросу, и 11 августа австрийский посол сообщил из Софии, что там ожидают быстрого наступления австро-венгерских войск против Сербии, а равно и решения на французском театре военных действий. До тех пор, пока Сербия не будет ослаблена, не приходится рассчитывать на выступление болгар.

Получив от Берхтольда это донесение посла, Конрад 12 августа писал министру: «Я прошу вас заявить Болгарии: 1) ныне самый благоприятный момент на все времена отделаться от Сербии; 2) если этого ныне не произойдет, то можно предвидеть наличие по наследству могущественной Сербии; 3) если Болгария выступит теперь немедленно совместно с нами, то может рассчитывать, после успеха, на значительное вознаграждение; 4) если же она

этого не сделает, тогда пусть знает, что мы для Болгарии не пошевелим пальцем.

Необходимо быстро решаться».

Нам неизвестно, были ли эти категорические требования сообщены Берхтольдом в Софию, но знаем, что там продолжались колебания, усилившиеся к 14 августа требованием, предъявленным Россией к Болгарии: выявить свою физиономию — соблюдать нейтралитет и в случае выступления Турции обратиться с оружием против нее. Петербург обещал поддержку и территориальные приращения в будущем, или же, в противном случае, грозил разделаться потом с этим «вассалом» (как расценивал положение Болгарии в этом случае Конрад).

Результатом таких тревог в Софии было появление 14 августа у начальника австрийского генерального штаба болгарского военного агента.

«В последний раз вы были у меня с намерением узнать: будем ли мы наступать против Сербии, — говорил посетителю Конрад. — Я вам ответил, что вы, как солдат, должны знать, что об этом прежде времени нельзя говорить. Ныне же я говорю, что наше наступление против Сербии началось».

«Могу ли я, — спросил военный агент, — телеграфировать об этом начальнику штаба?»

«Да, — отвечал Конрад. — Если Болгария быстро не примет решения, то потом это будет труднее, ибо в настоящее время самая благоприятная минута, чтобы разделаться с Сербией. Наши интересы — в Адриатическом море, ваши — в Эгейском, и я не представляю себе, чтобы между нами было бы какое-то другое еще государство. Если вы быстро не выступите, то запоздаете. Мы уже далеко впереди».

Казалось, что старания Конрада увенчаются успехом, но уже на следующий день известный нам Паллавачини сообщал, что как Румыния, так и Турция, Болгария и Греция решили не выступать, прежде чем не определится успех той или другой из враждебных группировок.

Так постепенно терялась надежда у начальника генерального штаба поднять Балканы на стороне держав тройственного союза, пыле превратившегося в двойственный.

Перед лицом врагов Германия и Австрия оставались одинокими, борьба становилась тяжелой, а между тем в беззаботной Вене мечтали о победоносных результатах войны.

Выше мы сообщали, что общеимперский министр финансов уже развивал перед начальником генерального штаба свои взгляды на изменение конституции Австро-Венгрии, вызываемые польским вопросом.

Этот вопрос начинал уже предъявлять требования.

12 августа у Берхтольда собралось совещание в составе Билинского, Лео (председатель польского клуба) и Конрада по вопросу о будущих границах Польши и Украины, причем вносилось предложение Украину сделать самостоятельной с восточной границей по р. Горынь.

Конраду казались несвоевременными такие разговоры, и он заметил собравшимся: «Нужно бы подождать до тех пор, когда мы приобретем Польшу».

На это Билинский возразил, что следует уже теперь для публики

вынести определенное решение, что имело бы значение и для формирования польских легионов.

Совещание коснулось разграничения сфер влияния и управления в Польше между Австрией и Германией, причем гражданское управление должно быть всецело в руках Австрии.

Не успокоившийся начальник штаба возразил: «Если этого удастся добиться у Германии, то я приветствую, но, однако, прежде всего в Польше еще находятся русские».

Это не обескуражило совещания, и разговор зашел об изменении в будущем конституции монархии. Конрад указал, что какие бы изменения ни произошли, вооруженные силы должны быть *едины*. Биллинский, наоборот, выставил необходимость образования особого польского ландвера.

«Я могу на это высказать только сожаления, — живо ответил Конрад. — Еще одним военным министерством больше! Хаос!»

Ныне в своих мемуарах Конрад записал: «Я всегда относился с недоверием к польскому возрождению», а самый способ действий польских патриотов, работавших с этой целью в разных лагерях, лишь усугублял эти мысли начальника генерального штаба.

Что же касается требовавший об образовании польских легионов, то в них Конрад видит ревность к украинскому легиону, сформированному Австрией. Все эти легионы были всегда малочисленны, хотя в них и направлялись ландштурмисты. Как правило, они дрались хорошо в малой войне, оставляли желать многого в отношении дисциплины и играли исключительно политическую роль.

Таковы суждения начальника австрийского штаба об ядре настоящей польской армии.

14 августа от Берхтольда явился к Конраду Гойос и передал, что решено никаких польских легионов не формировать, а добровольцев поляков направлять в ландштурмы. Однако, через некоторое время эти легионы были созданы.

Выше нами указывалось, что Берлин продолжал оказывать давление на Вену в отношении уступки Италии пограничных областей, похода флота в Черное море и сосредоточения всех военных усилий монархии против России.

Сам Вильгельм давал те или иные советы представителям монархии в Берлине. 8 августа военный представитель Габсбургов при Вильгельме доложил, что в разговоре с ним кайзер затронул вопрос о революционной пропаганде. Вильгельм советовал, подобно принятым мерам в Берлине и Австрии, широко развить деятельность по революционизированию Польши и Украины, используя прокламации, эмиссаров и большое количество денег.

Теперь мы позволим остановить внимание читающего наш труд на интимной переписке двух начальников генеральных штабов союзных армий, которая продолжалась до самого их выезда на театр военных действий. В ней оба соратника подводили итоги своей прошедшей работе, приведшей к мировому пожару.

Нам известно, что 2 и 3 августа начальник австро-венгерского генераль-

ного штаба отправил Мольтке два письма, на которые последний и отвечал 5 августа. Письмо было доставлено Конраду 9 августа германским военным агентом.

Принося благодарность за письма и присланные карты для летчиков, Мольтке писал: «Ваше заверение, что Австро-Венгрия проведет войну в полном единении с союзником, подтверждает только мое прежнее мнение об этом, в чем я никогда и не сомневался».

«Война для нас сделалась тяжелой, когда Англия стала на сторону убийц и русского кнута. Однако, с помощью бога мы надеемся ее провести с успехом. Наше продвижение по Бельгии, конечно, жестоко, пожизненно для нас необходимо, и кто раз встал на эту дорогу, тот должен нести и последствия».

Указывая, что для быстрого решения против Франции нельзя было идти на атаку крепостей, а необходимо было их обойти, Мольтке говорит, что для этого и было принято движение через Бельгию с атакой Льежа. С русского фронта также благоприятные вести: русские отходят и, кажется, очищают всю русскую Польшу.

«Эта война, — продолжал пачальник германского генерального штаба, — которая охватила пожаром почти всю Европу, по всей вероятности, *будет стоить нам нашего флота, но решение ее будет на суше*. Настроение нашего народа приподнятое. Каждый знает, что дело идет о существовании Германии, и готов для этого принести все, что только он имеет. Вся страна — мужчины, женщины и дети мобилизованы. Против вероломной России — сильное озлобление. «Наша мобилизация идет как часы». До сих пор не последовало с мест ни одного запроса. Как только благополучно закончится сосредоточение, то последуют сражения, которые явятся решающими в ходе истории настоящего столетия. Быть в этой борьбе рука об руку с вами для меня доставляет радость».

К этому письму следовали три постскриптума, в которых Мольтке говорил: 1) о вероломстве Италии, причем Мольтке надеялся, что после победы Австрия рассчитается с этим государством; 2) о возможной поддержке Румынией германской политики и о страхах ее перед преждевременным наступлением России; Румыния освобождает болгар для действий против сербов и дает возможность сэкономить часть австрийских сил; 3) о том, что, по всей вероятности, Турция в ближайшие дни объявит России войну, и тогда желательно привлечь ее, с главными силами, к действиям на европейском театре.

Одним словом, надежды на использование Балкан окрыляли начальника германского генерального штаба не менее, чем самого Конрада, и он советовал последнему:

«Сосредоточивайте все ваши силы против России. «Собачья Италия» не посмеет напасть на вас с тыла. Предоставьте болгарам драться с сербами и дайте свободу этой сволочи уничтожать друг друга. Ныне только может быть одна цель: Россия!! Гоните этого палача в Припятьские болота и топите его там».

Как видно, озлобление было свойственно и спокойному Мольтке, а не только одному Вильгельму. Оба берлинских забияки не стеснялись в выражениях не только о своих врагах, но даже и о будущих союзниках.

Правда, последние были едва ли более лестного мнения о своих господах с берегов Шпрее.

10 августа Конрад отвечал Мольтке, начав письмо с благодарности за получение такового же от начальника германского генерального штаба и с указания на то, что взгляды последнего вполне отвечают взглядам Конрада.

Решение для Австрии должно быть на русском фронте, куда и сосредотачиваются для этого главные силы. Но на Балканах необходимо добиться быстрого успеха, и это могло бы быть, если бы Болгария теперь же вступила в войну. Однако, по словам Конрада, она колеблется и представляет одной Австро-Венгрии «таскать каштаны из огня». Конрад приходил к убеждению, что в этой стране нет «мужа», который бы принял твердое решение. Италия не отвлечет сил с русского театра, и против нее оставляются войска второй линии.

«Для нас ясно, что эта война совместно с Германией — война не на живот, а на смерть. Пока у нас все кипит, — не дай бог сглазить. Надеемся, что и впредь будет так же».

До этого письма к Мольтке 10 августа начальник австрийского генерального штаба вынужден был 8 августа обратиться в Берлин с письмом к своему другу о помощи войсками против Италии, а затем о дипломатическом давлении на эту страну, чтобы она, по крайней мере, осталась нейтральной.

9 августа Мольтке отвечал Конраду на это письмо, причем ответ был получен в Вене только 12 августа.

Возмущаясь вероломством Италии, Мольтке все же советовал не что иное, как «замазать рот этому голодному хищному зверю». По мнению начальника германского генерального штаба, Австрия не может воевать на два фронта, и сначала нужно достигнуть успеха против России, а затем свести счеты и с Италией. Берлин старается оказать воздействие на Рим, но эта «бестия» хочет «жрать», и каковы будут результаты, — сказать трудно.

«Дорогой друг, — писал Мольтке, — мы сами в очень тяжелом положении против четырех врагов, а потому не в состоянии оказать помощь войсками, хотя бы нам это и хотелось. Мы использовали людские ресурсы до крайности и опираемся уже на ландшатурм. Мы должны достигнуть решения на западе, ибо это для нас вопрос жизни. Вы сами знаете, как бы я охотно вам помог, но из этого ничего не выходит».

Останавливаясь на желании Конрада, чтобы Берлин побудил Болгарию на выступление, начальник германского генерального штаба указывал, что «он не имеет пути к этому, но министерству иностранных дел сделает предложение: Болгария должна немедленно выступить против Сербии и тем самым действительным образом освободить Австрию». Использование болгар против русских, по мнению Мольтке, неосуществимо, так как на это не пойдет Румыния. Греция едва ли выступит на стороне Сербии. Турция должна дать понять Греции, что она ее не тронет до тех пор, пока Греция останется нейтральной. В Румынии настроение улучшается, «Австрия должна сделать все, чтобы сохранить этого очень полезного союзника» и, прежде всего, улучшить отношения к румынам в Венгрии. «В такие

времена, — писал Мольтке, — какие мы ныне переживаем, нельзя быть доктринером и необходимо использовать каждое средство, чтобы сохранить союзников».

Сообщая об успехах на русском и французском фронтах, Мольтке заканчивал письмо «тысячью благодарностей» за присылку тяжелой артиллерии.

На следующий день, 13 августа, начальник австрийского генерального штаба отвечал Мольтке, благодаря его за письмо и поздравляя с успехами на фронтах.

Затем Конрад «позволяет себе вкратце коснуться затронутых в письме вопросов».

Италия. Конрад не уверен, как далеко пойдет наглость этого государства, а потому приходится быть готовым на все. Но он предвещает, что в Австрии никто, начиная с самого Франца-Иосифа, не мыслит возможным купить Италию уступкой пограничных областей, и сам Конрад считает подобные действия, как показавшие бы слабость Австрии, даже вредными. Напомнив, что Австрия сосредоточивает главные силы против России, а против Италии принимает лишь такие меры, которые бы не обратили ее выступление в легкую прогулку, Конрад указывает, что если не приходится рассчитывать на помощь германских войск, то он все же считает показательным солидарность Австрии и Германии в выступлении против Италии, и монархия доказала эту солидарность отправкой гаубичных батарей на французский фронт. Берлинский друг получал хороший намек на отказ в реальной помощи.

Болгария. Само собой понятно, что Австрия давно старается побудить Болгарию к выступлению против Сербии, и если Конрад обратился в Берлин за содействием, то лишь в надежде, что влияние Берлина будет более веско в Софии. Там колеблются в выборе между Австро-Венгрией и Россией. Доводы о том, что Болгария не выступает потому, что австрийцы не падают в Сербии, совершенно не основательны, так как (об этом Конрад сообщал строго доверительно) австрийские войска уже вторгнулись в Сербию и ведут успешные бои.

Румыния переживает большой важности момент: быть ли культурным государством, выступив совместно с Австрией и Германией, или оказаться вассалом России. Румыния колеблется, но если она хочет выступить на стороне тройственного союза, то должна об этом заявить и сосредоточить свою армию в северной Молдавии. Влияние в этом смысле Германии было бы очень желательно. «У нас принимаются все меры, равно и в Венгрии, чтобы не возбуждать румын».

Турция. Мобилизация и сосредоточение турецкой армии, казалось, должны были бы быть более быстрыми, как это предполагали вначале. Выступление Турции было бы ценным лишь тогда, когда оно последовало бы быстро, дабы заставить русских выделить часть войск против турок. Очень желательно, чтобы Турция возможно скорее объявила войну Египту и закрыла Суэцкий канал.

Англия. Предполагает ли Германия допустить появление на континенте 6 английских дивизий без морского сражения? Хорошо бы было потопить транспорты с этими войсками.

Россия. В настоящее время передовые части русских, перешедшие границу, отброшены, и, наоборот, австрийские части находятся на территории противника. Однако, в тылу России сосредоточивает значительные массы. Конрад считает, что русские развертывают: одну сильную армию в Подольи, восточнее Збруча, против которой должны были бы действовать румыны; центральную группу в районе Дубно; группу между Бугом и Вислой и в тылу — сильную группу у Бреста.

Указывая в дальнейшем, что при наступлении австрийцев восточнее Вислы желателен удар VIII германской армии на Седлец, Конрад говорит, что в успехе этого наступления кроется и успех прикрытия тыла Германии при ее наступлении против Франции и Англии.

«Тяжелое время, — заканчивает письмо Конрад, — но мы в тесном единении его переживем».

Так подводил итоги военной обстановки начальник австрийского генерального штаба в письме к своему соратнику.

Несмотря на отказ Берлина в помощи войсками на итальянской границе, Конрад все же 15 августа снова телеграфно просит Мольтке об этом, если Италия выступит активно.

Мы остановили внимание читателя на этих последних страницах романа двух начальников штабов, ибо в дальнейшем друзья обменивались лишь телеграфно, а через месяц один из них сошел со служебной сцены, испытывая горечь неудачи на полях Марши.

15 августа начальник австрийского генерального штаба явился с последним докладом к Францу-Иосифу, во время которого были утверждены меры по обороне итальянской границы и отдан приказ избегать всего, что могло бы толкнуть Италию на выступление.

Зайдя в последний раз в свой кабинет в генеральном штабе, Конрад отправился прощаться с родственниками, а затем, к ночи, прибыл на вокзал, где уже стоял готовый к отправлению в Перемышль особый поезд ставки.

«После прибытия главнокомандующего, — пишет в мемуарах Конрад, — все заняли свои места. Стояла торжественная тишина...»

«Мы, стоявшие на высоких постах руководства, отлично сознавали, что отправляемся не на «легкую, увеселительную войну», но в последний решительный бой за могущество и бытие старой монархии. Мы были настроены серьезно и с непреклонной решительностью».

«В 2 часа 22 минуты ночи поезд ставки отошел с северного вокзала».

Мы не последуем за поездом, увозившим начальника австрийского генерального штаба на восток, а перебросимся скорее в Берлин, где также в это время на вокзале стоял готовый состав для отъезда на западный театр военных действий германской ставки.

16 августа в 7 часов 55 минут утра высшее командование германскими армиями отбыло из Берлина в Кобленц.

«В Кобленце, — пишет в своих воспоминаниях генерал-квартирмейстер Штейн, — мы разместились в гостинице, напротив которой находилась надпись, гласящая, что старый Мольтке жил там в 1870 году. Его племянник считал это хорошим предзнаменованием».

Из уст самого «племянника» мы слышали также, что мобилизация и

сосредоточение германских армий проходили вполне планомерно, и начальник штаба был спокоен за эту часть своей работы. Другое — политическая область, где ему приходилось переживать не одну горькую минуту разочарования и вступать в борьбу. Из воспоминаний Мольтке мы знаем о его первом столкновении с Вильгельмом по поводу имеющихся надежд на английский нейтралитет и о том, как сильно это отозвалось на нервной системе начальника генерального штаба.

Судьба готовила ему новые испытания.

«Атака Льежа, — пишет Мольтке, — была назначена на 5 августа. Вечером этого дня поступило оттуда донесение, что операция не удалась. Во всяком случае нашим войскам не удалось проникнуть в город. Я доложил об этом кайзеру. Он сказал мне: «я это и предполагал. Выступление против Бельгии мне повесили на шею войну с Англией». Когда в ближайшие дни поступили сведения о взятии нами города, я был расцелован».

Разочарование в «нейтралитете» Англии было настолько велико у Вильгельма, что начальник генерального штаба, которого кайзер считал главным виновником этого, должен был снова испытать немилость верховного вождя армии. Если учесть юнкерскую психологию Мольтке, то станет ясным, что как бы ни деловал его Вильгельм впоследствии, но 6 августа его нервная система испытала второй толчок, который не предвещал ничего хорошего, в каком бы здании на театре военных действий ни помещался племянник знаменитого дяди.

«История» государственного архива говорит: «Душевные потрясения, которые генерал (Мольтке — *Б. III.*) пережил в дни перед и во время мобилизации, оказали, во всяком случае, с самого начала вредное влияние на его здоровье. При начале войны ему было 66 лет».

Повидному, состояние здоровья начальника генерального штаба еще до отъезда в Кобленц обратило на себя внимание руководящих военных кругов Берлина, ибо, как свидетельствует Цвейль в известной нам книге, в дневнике Фалькенгайна под 10 августа значится следующая запись: «Линкер (начальник военного кабинета Вильгельма — *Б. III.*) полагал, что имеет основания спросить меня, — в случае отказа Мольтке, приму ли я его должность. Я, естественно, только мог ответить, что да».

Таким образом, 10 августа был готов преемник незадачливому «племяннику», который через месяц уже и сменил его на посту начальника генерального штаба.

Кризис германского генерального штаба начался еще до выезда из Берлина...

Несколькими днями раньше, а именно — 14 августа в 11 часов вечера, со станции Новый Петергоф отбыла в Барановичи русская ставка.

«Был чудный, еще совсем летний вечер, — пишет Данилов. — Постепенно на станцию стали собираться отъезжающие и лица, их провожающие. Последних было немного — только самые близкие... После короткого молитвословия все стали молча прощаться и расходиться по назначенным каждому в поезде местам. Еще минута, — и поезд тихо, бесшумно стал отходить при глубоком торжественном молчании провожающих. В темноте на дебаркадере нам из вагонов виднелись поднятые руки оставшихся,

творившие крестные знамения вслед удаляющемуся поезду. Каждому в этом поезде, вероятно, думалось о том, что ждет нашу родину впереди и каково будет его личное возвращение!.. Да и суждено ли всем возвратиться в покидаемую столицу к мирным условиям жизни!..»

С разными настроениями разъехались люди, считавшие себя творцами истории, но оказавшиеся, в действительности, игрушками в руках властвующего и стремящегося расширить свою власть жадного капитализма.

С надтреснутой душой уезжал начальник германского генерального штаба, с твердостью духа и мысли ехал его соратник Конрад и с обычным «поповским православием» отправился на арену мировой борьбы русский генеральный штаб.

Все три «мозга армии» испытали удары борьбы и, не сумев справиться с поставленными ею задачами в рамках борьбы государств, а не одних только армий, закончили ее параличным состоянием, а затем и смертью.

Холодом веет от прочитанных только-что читателем страниц нашего «романа», и мы сожалеем, что соблазнили его на беседы с покойниками, с людьми прошлого, прошлого мрачного и тяжелого... Не завидна участь певца горечи и печали, которую мы взвалили на свои плечи. Лишь сознание того, что в жестоких ударах истории мы почерпнем громадную пользу для новой жизни, заставило нас взять на себя указанную задачу...

ГЛАВА VI

ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА И ВОЙНА

Ценность опыта империалистической войны. — Значение теории для критики. — Клаузевиц—«спец». — Теория Клаузевица о внешней политике и войне. — Уклоны Мольтке (старшего). — Извращение Мольтке (старшим) Клаузевица. — «Дух войны». — Последователи Мольтке. — Конрад о внешней политике и войне. — Линия политического поведения Конрада. — Установление делений политики и основы этого. — Романтизм генеральных штабов и реальные взгляды дипломатов на политику европейских государств. — Роль генерального штаба в установлении политических целей. — Характер политики и его влияние на войну. — Характер политики по Конраду. — Империализм и характер его политики. — Национальная политика. — Генеральный штаб и дипломаты перед мировой войной. — Оборонительная политика. — Дипломатический успех. — Империализм в определении Ленина; против теории «ультра-империализма». — Существо войны как общественно-политического явления. — Военный успех и его значение. — Размах войны. — Опасение войны. — Ответственность за войну. — Справедливость войны. — Классификация войн (наступательные и оборонительные). — Меринг и Ленин о справедливой, оборонительной, войне. — Мировая война с точки зрения справедливости. — Революционная война. — Превентивная война. — Завоевательная война. — Лозунги войны. — Трестирование войны. — Война и международное право. — Исчезновение войны.

В предшествующих главах мы развернули перед читателем историческую канву событий на пороге мировой войны. Мы сознаем, что канва недостаточно полна, много есть еще документов, которые не только не использованы нами, но вообще еще не опубликованы, а покоятся в государственных архивах воевавших сторон или в личных архивах отдельных участников событий. Наконец, не все еще участники поведали нам чистосердечно о своих настроениях и думах, коими они были охвачены в водовороте надвигавшейся военной бури.

Казалось бы, что нельзя еще делать каких-либо выводов о тех исторических днях, которые мы старались более или менее подробно описать. Однако, мы думаем, что такое заключение было бы ошибочным, ибо использование ближайшего нам по времени опыта считаем наиболее ценным для текущей жизни. Иными целями мы никогда не задавались в своей литературной деятельности.

Каждому военному деятелю хорошо известно, что обстановка никогда не бывает ясна и всегда приходится считаться с неизвестностью. Но это обстоятельство не останавливает ни одного военного перед принятием решения. Точно также и на литературном поле зачастую мрак окружает того, кто вступил на него, и чем менее вспахано это поле, чем ближе оно к цели, тем с большими трудностями приходится сталкиваться при его разработке. Однако, такая работа не означает, в конечном счете, неуспеха.

ибо известная доля опыта и провидения позволяют и во мраке ночи видеть окружающие предметы более или менее отчетливо.

Если считать, что в данное время нельзя еще основывать свои суждения на опыте империалистической войны, то тогда для нас становится совершенно непопятным, как мог, например, Клаузевиц на опыте эпохи Наполеона построить свою теорию войны. Между тем, такая теория этой головой создана, и настолько исчерпывающая, что не потеряла ценности и до наших дней. Отнюдь не хотим себя сопоставлять с философом войны, и если мы привели этот пример, то лишь как доказательство того, что пути к познанию войны на опыте не так давно минувших дней не заказаны и для современного исследователя.

В сущности, тот исторический материал, который дан в предыдущих главах, настолько ярок, что мы могли бы и остановить наше перо, предоставив самому читателю вынести собственное суждение о войне и внешней политике. Так мы и посоветуем тому, кто решится это сделать, надеясь, что на все возникшие у него вопросы он найдет в подтверждение тот или иной исторический факт.

Если мы решили продолжать наше повествование, то с единственной целью поделиться нашими думами о генеральном штабе и дипломатии, отнюдь не считая их для кого-либо обязательными. Интересующийся может быть их прочтет, а тому, для кого они излишни, советуем закрыть книгу и самому разобраться в истории Европы на пороге мировой войны.

Нам хотелось бы обратить внимание на использование теоретических положений при критическом разборе исторических примеров. Мы слышали суждения, что наша первая книга перегружена цитатами, причем высказано пожелание, чтобы мы сами пабрасывали теорию того или иного вопроса, без обращения или ссылок на тех или иных классиков военной или вообще политической мысли.

Однако, «без разумной теории критика никак не может быть вполне удовлетворительна и поучительна», — говорит справедливо Клаузевиц и указывает, — что «критика видит в выводах теории не нормы и законы, а лишь опору для своих суждений; точно такое же значение имеют они и для практического деятеля».

Теоретические положения тех или иных классиков отнюдь для нас не являются нормами и законами, и мы не намерены слепо преклоняться перед ними, а используем их лишь как базис для своих мыслей, будучи готовыми подвергнуть критике и их, если того требует историческая объективность.

Таким образом, считаем необходимым и в настоящей книге вводить читателя в теорию того или иного вопроса, затрагиваемого нами,

Здесь снова мы будем обращаться к теории Клаузевица и, дабы это не показалось странным, полагаем нужным заранее предупредить о нашем пути. К этому побуждает нас близкий к монистическому пониманию войны метод изложения теории этим могучим «философом» войны. Нас могут обвинить в «детской» привязанности к Клаузевицу, в злоупотреблении его мыслями, которые для нашего времени кое для кого считаются далеко не доказательными. В нашей военной литературе нам приходится встречать суждения о Клаузевице, как о «спеце» — со всеми вытекающими в наши

дпи для этого наименования выводами. Мы отнюдь не хотим приписать философу войны современных нам понятий о военных явлениях и метода познания их, по должны, со всей справедливостью, отметить, что его идеи не потеряли своей свежести и для нас. Бессмертный труд Клаузевица с большим интересом читался и основоположниками марксизма, Марксом и Энгельсом, причем последний считал Клаузевица «звездой первой величины». Говоря о политике и войне, Ленин вместе с тем давал и аттестацию этому философу военного дела. «В применении к войнам, — писал Ленин, — основное положение диалектики: «война есть просто продолжение политики другими (именно насильственными) средствами». Такова формулировка Клаузевица, одного из великих писателей по вопросам военной истории, идеи которого были оплодотворены Гегелем. И именно такова была всегда точка зрения Маркса и Энгельса».

Из тех теоретических положений Клаузевица, которые мы ниже напомним читающему наш труд, без доказательств будет видно, насколько гегельянец был близок к монистическому пониманию войны, как общественного и социального явления.

Наконец, на Клаузевице нам придется останавливаться и потому, что его именем широко пользовались как начальники генеральных штабов, так и дипломаты в доказательство правоты своих взглядов. Теоретические положения Клаузевица, если не полностью, то в выдержках, порой в ложном толковании, но неизменно находили место в головах буржуазных стратегов и дипломатов на пороге мировой войны.

В первой книге нашего труда мы отчасти говорили о внешней политике и ее влиянии на военное дело. Там же нами было отмечено, что из внутренних соотношений в государстве вытекают и направляющие линии для внешних его отношений с другими государствами. Наконец, там же нами указывалось, что в основе всех отношений как внутренних, так и внешних лежат экономические отношения.¹

В настоящей книге мы с достаточной полнотой развернули внешнюю политику Европы и, главным образом, Австро-Венгрии на пороге мировой войны. В то же время мы детально по этому вопросу исследовали документы начальника австро-венгерского генерального штаба Конрада, а поступно и других начальников штабов армий Европы.

Перед нами прошли доклады Конрада, в которых он, помимо конкретных выводов из международной обстановки, набрасывал и чисто теоретические положения о связи политики и стратегии, о том или ином направлении политики монархии. Мы пока не будем касаться правильности или ошибочности такого рода составления докладов, ибо сделаем это в своем месте, выяснив причины, побудившие Конрада к этому. Для нас же такие его теоретические рассуждения в данное время являются ценными, поскольку мы можем их использовать для выводов.

В наши намерения входило развернуть перед читателем картины той жизни, тех отношений, кои складывались между генеральным штабом и дипломатией не только на берегах Дуная, но и в других столпах Европы. Поэтому порой нам излагались подробно даже мелочные, но характерные, в нашем понимании, факты. Перед читателем прошел ряд не только военных деталей, но и представителей внешней политики. Мы вводили его

в мелочные споры, в столкновения меча с дипломатическим пером. Ныне, не повторяясь, попробуем разобраться в накопленном материале.

Как мы указали выше, теория Клаузевица о внешней политике и войне была хорошо известна не только начальникам генеральных штабов, но и дипломатии. Правда, от одного значения до истинного понимания теории еще «дистанция огромного размера».

«Война есть продолжение политики, но только другими средствами» — положение Клаузевица, позаимствованное у Бюлова, — можно уподобить музыкальной пьеске, попавшей в шарманку. В зависимости от того, насколько совершенен самый инструмент, кто и как вертел и продолжает вертеть ручку этого инструмента даже в наши дни, мы слышали ту или иную теорию, построенную на мыслях философа войны, с соответствующей, конечно, индивидуальной окраской. Насколько удачно наше сравнение, будет видно из нижеследующего.

«Политика проникает все дело войны; ее влияние постоянно, конечно, настолько, насколько это допускается самой природой войны и взрывами сил, ей свойственных... Она есть не только действие политическое, но она просто настоящее орудие политики».

Так учил Клаузевиц. Едва ли какой-либо здравомыслящий военный деятель наших дней восстал бы против этого. Действительно, ни один из начальников генеральных штабов и не пытался возражать против таких положений, но, однако, мы увидели их ссоры с министрами иностранных дел, доходившие до скрытого недовольства друг другом, взаимных жалоб, недоверия и даже до ухода с должностей.

Правда, зачастую и в наши дни мы наблюдаем, что причиной разногласия бывают личные, порой довольно мелкие, расхождения, но иногда разномыслие покоится и на принципах. Так было и в Австро-Венгрии, где не только личная неприязнь Эренталя к Конраду способствовала вражде этих двух государственных деятелей, но разногласия лежали в принципиальных взглядах на политику и войну.

Мы слышали, как с сожалением Конрад, Мольтке (младший) да и иные из современных им военных деятелей признавали зависимость войны от политики и старались, насколько возможно, эмансипировать от нее войну. Такое течение свойственно не только дням, предшествовавшим мировой войне, — начало его нужно отнести к эпохе Мольтке старшего.

В первой книге нашего труда мы много говорили о тех трениях, кои существовали у Мольтке старшего с Бисмарком, и о той борьбе, которую последнему пришлось вести с «полубогами» с берегов Шпрее. Повторять здесь снова этого не будем, а отметим лишь, что на почве этих нездоровых отношений Мольтке старший пошел и на искажение теории Клаузевица.

«Война, по словам Клаузевица, — пишет Мольтке, — продолжение политики другими средствами... *Политика, к сожалению, неотделима от стратегии, политика пользуется войной для достижения своих целей и имеет решающее влияние на ее начало и конец*, причем она оставляет за собой право во все время войны повысить свои требования или довольствоваться меньшим успехом».

Вот основание тех сожалений, кои в изобилии высказывались начальниками генеральных штабов разных стран Европы в отношении политики.

В Германии племянник копировал своего дядю, восприняв от него лично и изустно это сожаление. Конрад и иные начальники штабов склонялись более к теории германского фельдмаршала, чем германского философа войны.

Нужно отметить, что в голове начальника австро-венгерского генерального штаба в этом вопросе был тот же дуализм, который был отличительной чертой монархии на берегах Дуная. В своих теоретических предпосылках к докладам Конрад, разбирая влияние политики на военное дело, доходил, в сущности, до положений Клаузевида. Не раз указывая, что политика отражается не только на конкретной подготовке к войне на определенном фронте, но и вообще на всей подготовке к любой войне, начальник австрийского штаба изрекал истину, что война есть сама политика. Это служило Конраду основанием глубоко погружаться в недра политики при, якобы, полной его аполитичности, как он заявлял.

Таким образом, по существу дела и не должно бы быть разногласий и трений в работе военных и дипломатических коллег государственной машины Австро-Венгрии, да и иных стран. Однако, таковые были палидо и прошли в довольно яркой форме перед читателем нашего труда.

Если Мольтке старший видел «решающее влияние» политики на войну в начале и в конце ее, то это было лишь некой уступкой политике.

Война — это такое явление общественной жизни, которое хотя и служит для достижения политических целей, однако, имеет, как насилие, свои собственные законы, свой «дух», свою природу. Поэтому со стороны политики ничего не должно быть предпринято, что противоречило бы природе войны.

Признавая влияние политики на войну «неопределенным», старый германский фельдмаршал поучал своих клеветов: «Стратегия может стремиться лишь к высшей цели, которой возможно достигнуть предоставленными средствами. Таким образом, стратегия будет способствовать успеху политики, имея в виду ее цель, но оставаясь, по возможности, независимой, в отношении военном, в своих действиях. Политика не должна вмешиваться в операции».

«В этом смысле, — продолжает Мольтке, — высказывается генерал фон Клаузевиц в своих тактических письмах к Мюфлингу. «Задачи и право военного искусства по отношению к политике заключаются, главным образом, в том, чтобы устранить требования, противоречащие духу войны, и ошибки в применении механических средств, являющиеся результатом неопытного с ним обращения». Ибо для хода войны руководящими являются, главным образом, военные соображения, политические же лишь постольку, поскольку они не требуют ничего с военной точки недопустимого. Полководец же никогда не должен руководствоваться одними политическими побуждениями, он должен на первый план ставить успех на войне. Как политика воспользуется победами или поражениями, полководца это не касается, — это исключительно ее дело».

Сославшись на авторитет Клаузевида, Мольтке выдвинул на первый план «дух войны», ее природу, и на этом построил свою теорию «независимости» войны и политики. Положение очень заманчивое для генерального штаба, которое, как мы видели выше, во всех странах и было широко им

использовано. Отсюда получено начало и борьба за власть генерального штаба в области политической и те суровые требования стратегии, кои представлялись ею дипломатии. Нам думается, что не нужно повторять всех рассуждений Конрада, да и других начальников штабов, чтобы доказывать, как бережно охранялись ими от вторжения политики война, ее «природа». Мы увидим ниже, что требования генеральных штабов заходили настолько далеко, что основой политики являлись военные соотношения государств.

Чтобы разобраться в этом вопросе, мы должны вернуться к первоисточнику — теории Клаузевица.

Признав, что война — «действие политическое», Клаузевиц приходит к выводу: «Война во всех случаях не может быть понята в смысле чего-то самостоятельного; она не более как орудие политики. Только при таком понимании дела не очутимся в противоречии с историей».

Указав, что государственный деятель и полководец «должен понять ее (войну — *Б. III.*) надлажде и не имеет права делать из войны нечто иное, противное условиям, ее вызывающим», старик-философ снова напоминает, что война — это продолжение политических отношений, проведение все тех же политических стремлений, хотя с особыми средствами».

«За войной, — продолжает он, — остаются те только особенности, которые присуще ее природе. Теория искусства вообще, а полководец во всяком данном случае, в праве требовать, чтобы направление и намерения политики не шли вразрез со свойствами и особенностями войны; требование это далеко не маловажно. Однако, как бы значительно ни было воздействие войны на цель политики, оно, во всяком случае, может только видоизменить направление и намерения последней, ибо цель политическая все же сохраняет первенствующее значение. Политика ставит цель; война же есть средство, орудие для ее достижения; действуя орудием, нельзя забыть о цели работы».

Клаузевиц анализирует, что стало бы с войной, если бы, «бросив политику и совершенно от нее освободившись, война устремилась бы своим независимым путем». В таком случае война, «взорванная мина, распространила бы разрушение соответственно своему начальному устройству, не подчиняясь никаким иным последующим влияниям». «В таком виде представляли себе войну в тех случаях, когда теории приходилось разбирать такие войны, ход коих пошел вразлад с политикой. Однако, такое понимание совершенно ложно».

«Никак нельзя, — говорит он в другом месте, — отделить войну от политических отношений. Если упустить это в своем рассуждении, то прервутся все нити отношений и явится нечто бессмысленное и бесцельное».

«Политическая точка зрения упразднилась бы с началом войны только тогда, если бы войны велись единственно из вражды на жизнь и смерть; но они на деле не более как особое выражение именно политики... Подчинение политического воззрения военному было бы несообразностью, потому что войну вызвала политика».

«Одним словом, — заключает Клаузевиц, — скажем, что военное искусство в высшей своей точке становится политикой, но политикой, заменяющей дипломатическую переписку кровавыми сражениями».

Кратко приведенная нами теория Клаузевица из его труда «О войне» с достаточной ясностью говорит о том, что война не есть что-то само-довлеющее, что как ни особа ее природа, дух войны, но подчинить политику этой природе нельзя, ибо тогда «явится нечто бессмысленное и бесцельное».

Мы считали нужным привести текстуально мнения обоих авторитетов военного дела, дабы не извратить их собственным толкованием и не оказаться бездоказательными.

Милитаризируя, если так можно выразиться, политику, Мольтке старший и передал своим последователям борьбу за целомудренность «духа войны», исказив самого Клаузевица. Если последний считал, что военное искусство в высшей своей точке становится политикой, то германский фельдмаршал, наоборот, выдвигал положение, что «для хода войны руководящими являются, главным образом, военные соображения, политические же лишь постольку, поскольку они не требуют ничего с военной точки недопустимого».

Право контроля над политикой хорошо было усвоено начальниками генеральных штабов, выведенных нами в предыдущих главах, и поэтому, заявляя о том, что они отнюдь не вмешиваются в дела политики, каждый из них на деле старался развить и проводить свою политику. Мольтке младший, правда, извинялся перед Конрадом в своей смелости набрасывать политические линии и считал, что только «другу» он может открыть свои думы. Со смертью Мольтке младшего его «друг» «оправдал» доверие Мольтке, опубликовав сокровенные думы бывшего германского начальника штаба.

Выше мы отметили, что Конрад в своих теоретических положениях признавал господство политики над стратегией и считал, что политические начала глубоко проникают в дело войны. Иные начальники штабов старались об этом не высказываться откровенно и лишь под шумок иногда жаловались на политику, признавая, что, к сожалению, нельзя эмансипировать войну от политики.

В своих же действиях начальник австро-венгерского генерального штаба зато был апостолом Мольтке старшего и не только уверенной рукой набрасывал политические линии для венских дипломатов, но давал им и обоснование, исходя из природы войны. Правда, кое-что, в виде ширмы, им выставлялось и из области даже экономической, но это был лишь легкий флер, а в действительности над всем царил дух войны.

Одним словом, Конрад не отмежевывался от политики, а уходил в нее с головой. По существу дела, мы не должны ему ставить это в упрек, если бы только были правильные с его стороны предпосылки к этому. Начальник австро-венгерского генерального штаба не мыслил возможности быть на верном пути в своей работе, не поддерживая тесного контакта с министром иностранных дел. Его доклады красноречиво свидетельствуют, насколько аполитичность была чужда представителю генерального штаба.

Считая политику основой военного дела, Конрад, не без основания, полагал необходимым вдумываться в детали и в политические линии внешних отношений Австро-Венгрии.

«Всякая война должна быть рассматриваема, прежде всего, по вероятности характера и общих ее очертаний, основанных на политических величинах и отношениях».

Так учил Клаузевиц, и этому верно следует Конрад, подвергая детальному анализу внешнюю политику Австро-Венгрии, которая, по его вполне справедливому суждению, вытекала из внутренних отношений, существовавших на берегах Дуная.

Военная рука набрасывала не раз и цели этой политики и вообще имела свою определенную линию политического поведения. Считаю излишним здесь вдаваться в частный разбор этих целей, так как они довольно подробно изложены выше.

Остановим внимание на том, в зависимости от чего определялись генеральным штабом эти политические цели.

Справедливо отмечая, что у государства должна быть довольно постоянная, рассчитанная на годы линия политического поведения. Конрад определял ее насущными интересами государства, вытекающими из географических, этнографических и культурных его особенностей. К этому он затем добавлял и экономическую конкуренцию с другими государствами, оговариваясь, что в этой области он не силен и необходимо заключение особых экспертов.

Если учесть особенности структуры Австро-Венгрии, как государственного образования, и принять во внимания все центробежные силы ее народностей, то, слов нет, борьба этих национальностей внутри государства и их тяготение за границы монархии больше всего и останавливали внимание начальника штаба. Первопричина же этого, — экономические отношения, рост производительных сил как у отдельных народностей внутри монархии, так и у одноплеменных им зарубежных, — упускалась Конрадом. Мы слышали, что он считал немцев носителями «высокой культуры», кои призваны для насаждения ее среди славян. Его друг Мольтке в Берлине говорил о грядущей борьбе славянства с германизмом, как о столкновении двух культур. Одним словом, следствия в мозгах генерального штаба закрывали первопричину борьбы, а отсюда и выявлялось не всегда правильное представление об истинных политических целях государств. Если еще где и можно найти более или менее правильный подход к определению политических целей государства, то это в докладе русского морского генерального штаба, открыто заявившего, что стремление России к захвату проливов вызывается не чем иным, как экономической конкуренцией.

Если романтизм был свойственен представителям генерального штаба, то у некоторых буржуазных дипломатов, наоборот, появлялось более правильное представление об экономической борьбе государств Европы за рынки, коей они были охвачены в начале XX столетия. Нельзя в этом отказать хотя бы тому же Эрентало, сдерживавшему романтика в военном мушкетере, каковым был Конрад. Да и иные дипломаты более чутко подходили к определению политических целей государств, нежели представители их генеральных штабов.

Экономическая борьба, ведущаяся как внутри государств, так и вне их, составляла и составляет базис всех общественных отношений. На ее основе складываются различные группировки — классовые, национальные и т. д., и вот эти-то подстройки экономики принимались начальниками генеральных штабов за те важнейшие цели, кои для своего разрешения требовали вооруженной борьбы.

Правда, мы должны со справедливостью отметить, что иногда Конрад склонялся к урегулированию внешних отношений с Сербией и Черногорией путем экономического с ними сближения. Это была не его идея, но он порой соглашался с ней. Однако, как только обстановка на Балканах осложнялась, начальник генерального штаба снова возвращался на путь войны.

Но так или иначе как Конрад, так и его коллеги в других государствах отдавали себе ясный отчет в том, что война — дело серьезное, что ведется она ради достижения важных политических целей, что война — дело сомнительное, а поэтому для своей подготовки требует и громадного напряжения этих государств.

Если Мольтке младший и другие начальники штабов старались не вмешиваться, по видимости, в установление политических целей, считая это прерогативой верховной власти и дипломатии, то Конрад в этом шел дальше и не только входил в обсуждение направления внешней политики, но смелой рукой и набрасывал ее пути. Если мы вспомним его доклады с широким разбором внешней политики, если обратимся к его письмам к Мольтке, к его беседам с военными агентами иностранных держав, к его указаниям своим военным агентам по политической линии, то можем утверждать, что начальник австро-венгерского генерального штаба имел свою линию политического поведения и, не в упрек будь сказано дипломатам, настойчиво ее проводил.

Выше было указано, что «природа войны» толкала на этот путь начальника штаба с берегов Дуная.

«Коль скоро война подчиняется политике, то она примет характер последней. Если политика стремится к великому и мощному, то таковой же будет и война».

Эти глубокие мысли Клаузевица были формально усвоены Конрадом. Однако, начальник австро-венгерского генерального штаба понимал Клаузевица по своему. Если философ войны требовал, чтобы война принимала характер политики, то Конрад, наоборот, считал нормой, чтобы политика принимала тот или иной характер в зависимости от природы войны.

Политика должна была, по его мнению, сообразоваться с законами войны, не требовать от последней чего-либо противоречащего ее духу. Наоборот, политика должна облегчить стратегии ведение войны. Политические цели намечаются окончательно лишь по согласовании их со стратегией. К таким выводам приходят профессиональные стратеги даже в наши дни, не говоря о том, что они считались непреложными в начале XX столетия.

Выше мы приводили на этот счет и другие суждения Клаузевица, который пытался установить, насколько стратегия может видоизменять политические цели, но никак не диктовать их. Философ отсюда не намеревался превратить войну в общественных отношениях в самоцель, как это сделали потом Мольтке старший и его последователи.

В первой книге нашего труда мы пришли к заключению, что *характер войны определяется внутренней политикой*, что из нее же вытекают и внешние отношения государства. Политика есть отражение роста производительных сил самого государства.

Конрад как-будто и правильно подходит, говоря, что политика государства должна базироваться на географических, этнографических и куль-

турных особенностях данного государственного образования. Однако, не это им кладется в основание политики. «Соотношение военных сил является основой каждой реальной политики», — заявляет нам начальник генерального штаба, повторяя это многократно и на разные лады.

В своем месте мы подробнее остановимся на военном фундаменте внешней политики, а ныне обратим внимание на то, что сила государства не определяется только его военными силами. Правда, последние составляют немаловажный фактор в войне, но поскольку последняя есть акт политический, постольку и базируется она на величинах политических, а не одних военных.

Война определяет характер политики, и самая искусная политика окажется битой, если не будет достигнут военный успех, если армия окажется не готовой к войне. Крупные политические цели достигаются только войной. Такова мелодия, которую выслушало в предыдущих главах ухо нашего терпеливого читателя.

Считая себя по долгу службы обязанными стоять на страже военной готовности государства, почти все начальники генеральных штабов, а Конрад в особенности, предъявляли свои требования к политике. Они не присваивали себе права вмешиваться в ведение дипломатических переговоров, но видоизменять и даже намечать цели внешней политики, определять характер ее, — это почиталось ими не только возможным, но и должным.

Поэтому перед нами и прошли попытки Конрада доказать, что только агрессивная, наступательная политика является единственно здоровой, его предложения превентивной войны, его негодования сдержанностью и «оборочеством» министров иностранных дел. На такую же «политику без войны» негодовали военные деятели — современники Бетмана — в Германии, ныне еще не утихшие в своей злобе и тратящие чернила на доказательство всего тупоумия берлинских дипломатов перед мировой войной.

Мы не последуем за ними, а придержимся формулировки Клаузевица, что, «коль скоро война подчиняется политике, то она примет характер последней», и, признавая зависимость войны от политики, будем определять войну как историческое явление.

Конрад также определял характер внешней политики Австро-Венгрии, и, по его мнению, только наступательная, агрессивная политика была единственно правильной. Прочие начальники генеральных штабов осторожны были в своих выводах, и только русский морской генеральный штаб откровенно показывал свое лицо, да в докладе Мольтке-Людендорфа 1912 года мы встречаем указание на то, что сильной форме ведения войны — наступлению — должна отвечать и наступательная политика.

В противовес подобной политике выдвигалась, главным образом, дипломатами политика оборонительная, сдержанная, политика «собрания сил» и, наконец, «политика без войны».

«Надо оценивать каждую эпоху конкретно», — учил нас Ленин, и действительно, для того чтобы судить о правильном определении начальниками генеральных штабов или дипломатами характера политики капиталистических государств, необходимо оглянуться на не так давно прошедшие времена.

С 1898 года крупные государства Европы и даже Америка и Япония уже стояли на путях империализма.

Мы не будем здесь вдаваться в доказательства правильности такого заключения, ибо это отлично ныне известно и без нас. Не говорим про Англию, Германию, Францию, но даже и такие страны как Австро-Венгрия, Россия, Италия, и те оказывались охваченными империализмом. Сцепление экономических интересов этих государств, борьба за рынки, угнетение колониальных и полуколониальных народностей — все это было свойственно политике крупных государств Европы на пороге мировой войны.

Ясно, что их политика должна была носить *агрессивный* характер, «стремиться к мощному», как говорил Клаузевиц. *Иной политики империализм не признает.* Иными словами, каждое из крупных государств должно было вести наступательную политику, сталкиваясь в ее ходе с такой же линией политического поведения другого или других государств.

Поэтому мы, по справедливости, должны отметить откровенные заявления Конрада об агрессивной политике, которую вела Дунайская империя. Иной вопрос, — была ли такая политика ей по силам. Мы знаем, что главные линии внешней политики Конрад направлял на Балканы и Апеннинский полуостров. Если на последнем политика Вены встречала сильное сопротивление со стороны империализма Италии, не уступавшего по своей мощности такому же на берегах Дуная, то на Балканах Австро-Венгрия экономически была сильнее мелких славянских государств, и они являлись рынками для ее капитала. Таким образом, мы отнюдь не можем согласиться с некоторыми из наших стратегов, что в начале XX века Австро-Венгрия на Балканах находилась в состоянии «исторической обороны», из которой она не вышла и к 1918 году. Наоборот, мы утверждаем, что здесь развивалось «историческое наступление» былой империи Габсбургов, «наступление» ее экономики, имевшее целью захват Сербии и Черногории. На иных фронтах агрессивная политика Австро-Венгрии наталкивалась на более могучий империализм крупных европейских государств и должна была не только сдавать свои позиции, но и искать в них финансовой поддержки. За последние годы экономическое проникновение Австро-Венгрии в Сербию и Черногорию становилось все более и более затруднительным, ибо в них уже оказывался заинтересованным капитал более крупных европейских стран. Поэтому с каждым годом политика Австро-Венгрии теряла свои позиции, а ее полукolonии грозили попасть в более мощные финансовые руки. Балканский вопрос становился «европейским», чего не хотел признавать начальник генерального штаба на берегах Дуная, стремившийся не упустить из своих рук славянских земель. Правда, не экономические, главным образом, причины приводили его к этому, а рассуждения о немецком культуртрегерстве, по так или иначе — «империалист» в военном мундире, не раз задумывавшийся о «мирном» экономическом завоевании Сербии и Черногории, мечтавшей порой о «великом» балканском союзе, — быстро отбрасывал все это прочь, когда видел, как с каждым годом славянские государства развивают свои производительные силы.

В 1908—1909 годах Конрад солидаризировался с Эрренталем, ставшим на путь агрессивной политики. Аннексия сблизила этих двух скрытых врагов и именно только потому, что она являлась показателем империализма Австро-Венгрии.

В дальнейшем, как мы знаем, Эренталь замедлил темп своего поведения, в то время как Конрад настаивал на быстрых и решительных шагах.

Если империализму свойственна агрессивность, то, с другой стороны, нужно признать, что по пути энергичного наступления или, как кое-кто ныне говорит, «политики сокрушения» может идти тот империализм, который крепко внутри. Иному империализму приходится выбирать окольные пути для достижения своих захватнических целей, политически маневрировать или, говоря по-модному, придерживаться «политики измора».

Если признать, что оборона есть остановившееся наступление, то в таком случае временный отказ империалистического государства от открытого стремления к своим целям можно признать и оборонительной политикой. Понятие же пассивной обороны отнюдь не свойственно империализму.

Только в таком смысле мы можем истолковывать ту «оборонительную политику», которую, по заявлению дипломатов, вели почти все государства Европы перед мировой войной и против которой ратовали генеральные штабы большинства из них. Фактически же каждое из крупных европейских государств стремилось к захвату колоний, к экономическому порабощению других малых государств, к переделу уже захваченной добычи.

Наконец, в каждом из государств Европы, в Америке и в Японии империализм, представленный буржуазией, давил отдельные национальности, входящие в состав этих государств, жестоко эксплуатировал трудящиеся массы (рабочих и крестьян).

Таким образом, в оценке характера политики европейских государств на пороге мировой войны не должно было бы быть разногласий между дипломатами и представителями генеральных штабов, ибо, по существу, эта политика была активно-нападательной. Расхождение намечалось лишь во времени этого наступления. В то время как генеральные штабы пылали жаждой войны, дипломаты более осторожно шли к войне и, как говорит Меринг, «относились к богу войны, как к ненадежному кантонисту, которому не следует слишком много доверять и с которым можно связываться лишь в том случае, если угрожает опасность жизненным интересам государства».

«Империалистическая эпоха, — говорит Ленин, — не уничтожает ни стремлений к политической независимости наций, ни «осуществимости» этих стремлений в пределах мировых империалистических отношений».

Действительно, на ряду с империализмом крупных государств мира в начале XX столетия, мы можем наблюдать и чисто национальную политику, имеющую целью борьбу за самоопределение наций, за освобождение их от гнета империалистических государств. С войной 1870 — 1871 годов крупная национальная политика кончилась в Европе, и к моменту мировой войны лишь малые балканские государства еще стояли на этом пути. Таковую политику вела Сербия, так беспокоившая героя нашей повести Конрада. Однако, здесь мы должны отметить, что империализм большинства крупных европейских государств прикрывался зачастую лозунгом национальной политики, борьбы за национальное объединение. Читатель, конечно, хорошо помнит, что на этих струнах играли Россия, Франция, да и Германия. В своем месте мы поговорим, для чего империализму нужно было прикрываться национальными целями, а сейчас должны

установить, что такая национальная политика была далека от истинно-справедливой политики. Опровергая доводы Каутского в защиту национальной политики крупных государств, Ленин приводил их, как «образчик протипуирования марксизма».

В борьбе с империализмом справедливая национальная политика некоторых малых европейских государств находилась в состоянии обороны, выдерживая натиск капитализма, борясь против экономического порабощения. Перед нами прошла такая оборона Сербии, которую дипломаты, Конрад и другие представители генерального штаба рисуют скорее как чистое наступление. Не говорим о военных действиях, а исключительно о политическом поле действий. Если мы всмотримся в политику Сербии в начале XX столетия, то заметим моменты политического ее наступления. Такими считаем образование Балканской федерации и подготовку Сербии к мировой войне — развитие той широкой пропаганды, которая велась сербами в Боснии и Герцеговине, даже в Черногории. Не говорим уже о том, что рука сербского генерального штаба направляла револьвер Принципца в наследника Габсбургского дома, бросая тем вызов Австро-Венгрии на кровавую борьбу.

На фоне империалистической эпохи национальная политика сербов была лишь малой точкой, и не она, конечно, знаменовала собою наши времена. Они проходили под знаком конкуренции империалистических государств, обостряя все более и более внешние между ними отношения.

Таковы в нашем представлении основы европейской политики на пороге мировой войны.

Если в документах генеральных штабов мы находим различные ссылки на борьбу славянства с германизмом, на борьбу различных культур, на «исторические задачи», на объединение национальностей и тому подобные проблемы, то в этом можно видеть: 1) остатки прежней идеологии, преклонение перед различными старыми философскими доктринами; 2) отсутствие еще ясного представления об империалистическом характере эпохи, и 3) сознательный обман трудящихся классов населения. Одним словом, мы видим в мышлении генеральных штабов обычную буржуазную идеологию, и если, например, Конрадом или Немцем указывались подлинные двигатели политики Австро-Венгрии и России, то скорее они доходили до этого, как говорят, путром, нежели вполне сознательно.

Нам приходилось встречать мнение, что на пороге мировой войны в политике были более сильны представители генеральных штабов, нежели дипломаты. Мы бы этого не сказали. Если читатель вспомнит памятную записку Эренталя, то по ней одной он может вынести обратное суждение. Эренталь с полной отчетливостью обрисовывал происходящие в Европе события как борьбу между Германией и Англией за гегемонию в мировой торговле и указывал, что вокруг этой борьбы разгоралась общая борьба в Европе, имевшая основанием борьбу не за самоопределение наций, а за захват колоний, грабеж малых государств, передел уже захваченного и т. д. Дипломатам, как и генеральным штабам, было свойственно, конечно, «протипуирование марксизма», в определении характера переживаемых дней, но, во всяком случае, внутренне они более близко подходили к истине, нежели политики в военном мундире.

Нас, конечно, в праве спросить, какой же практический вывод делаем мы из сказанного. Он ясен и прост. Как для дипломата, так и для представителя генерального штаба необходимо правильное и ясное представление о переживаемой эпохе, о складывающихся в ней взаимоотношениях различных государств, о движущих силах политики, о тех целях, кои они преследуют. Если «политика проникает все дело войны», как говорит Клаузевиц, то для правильной постановки военного дела необходима правильная ориентировка в политике. Мы согласны с начальником австро-венгерского генерального штаба, который считал немыслимым для себя быть вне политики и своими действиями и думамп доказывал это с очевидностью.

Итак, если Конрад бессознательно угадывал империалистический характер политики Австро-Венгрии и откровенно намечал для нее лишь пути захватов, то в то же время он, как «настоящий военный», почти отвергал какое-либо маневрирование в политике. Его линия политического поведения оказывалась всегда прямолинейной, ближе всего ведущей к цели. Нетерпение охватывало Конрада. Противник стратегии измора и ярый представитель стратегии сокрушения, начальник генерального штаба Дунайской империи переносил это и в плоскость своего политического мышления. Недаром даже у его коллеги — Мольтке младшего — закрадывалось сомнение в спокойной и выдержанной политике Австро-Венгрии, ибо ему хорошо была известна горячая голова Конрада и слабование дипломатов Вены.

Если «война есть продолжение политики, но только другими средствами», то и «мир есть продолжение борьбы, но только иными средствами». Так буржуазные дипломаты определяют ныне то состояние государств, которое именуется миром. Политическая борьба ведется все время и будет вестись, пока существует классовое общество, хотя бы непосредственно военные действия и не велись. Мы не будем здесь вдаваться в разбор тех «иных средств», коими эта борьба идет в дни мира, но должны только отметить, что наше время в первый ряд выдвигает, главным образом, экономическую конкуренцию.

То сцепление интересов различных государств, которое приходилось наблюдать перед мировой войной, конечно, могло бы давно повести к ней, если бы ее не оттянули военные и дипломатические приготовления. Перед нами в предшествующих главах прошла вся та дипломатическая капитель, которая окутывала Европу в начале XX столетия. Мы наблюдали наступление, выжидание и отступление различных государств на политическом поле, которое дипломаты старались не обогреть кровью. Конечно, не человеколюбие говорило в них, а лишь желание выиграть время в целях лучшей готовности к войне.

Если вникать в причины такой «оборонительной» политики иных государств, политики «накопления сил», какой, например, после аннексий Боснии и Герцеговины придерживался Эренталь, то следует учесть ту ориентировку во внутреннем положении монархии, которую имел министр иностранных дел Австро-Венгрии. Мы слышали, как Россия по тому же своему внутреннему состоянию должна была капитулировать перед Берлином в 1909 году.

Одним словом путем известных комбинаций на внешнем фронте, путем согласования своих делей с политикой других государств, путем изоляции вероятных противников, дипломатия бескровно достигала своих целей. Налицо оказывался дипломатический успех. Мы слышали, с каким недоверием Конрад, да и иные начальники генеральных штабов относились к этому успеху. Дипломатическая победа была для них не показательной и во всяком случае не прочной. Только один меч мог сковать хороший мир. Мы слышали мечты Конрада о том, что не дипломатическим поражением России можно лет на сто купить мир, а лишь ее военным разгромом. Скажем без преувеличения, что в дипломатический успех не верил ни один представитель генерального штаба и прежде всего — в Австро-Венгрии, которая в отдаленные времена именно путем дипломатическим и брачными узами (то же известной постельной дипломатией) расширило свои пределы.

Перед нами прошли взгляды на такую бескровную политику многих военных мужей, кои именovali ее исключительно ложной, «карточными домиками», — иными словами, не питали к ней и мнимального доверия.

Конрад не верил в решающее значение дипломатических конференций и указывал, что участь государств решается не за зеленым столом, а на полях сражений.

Взгляд — не новый, и история знает много государственных деятелей, которые вешали о том же. Наполеон с сражениями связывал участь империй, а Бисмарк «кровью и железом» решал вопрос объединения Германии.

Трагическая личность — один из преемников Бисмарка на канцлерском посту — Бетман-Гольвег думал достигнуть намеченных целей исключительно мирным путем, проводя «политику без войны». Бетман исходил из того положения, что идущее быстрым путем развитие производительных сил Германии настолько перегонит остальные государства, что конкуренция их окажется исключенной. Дипломатическими соглашениями германский канцлер рассчитывал открыть пути для германского империализма.

Как увидим ниже, идеи Бетмана стояли в противоречии со взглядами не только Конрада, но и военных кругов в Берлине. Поэтому мы позволим себе немного остановиться на надеждах германского канцлера.

Читатель нашей второй книги мог уже проследить, как с 1906 года накапливались противоречия между европейскими государствами, как дипломаты старались эти противоречия сглаживать. Но чем более рос империализм европейских государств, тем затруднительнее становилась работа дипломатов. Даже Мольтке младший, да и не один он, а многие другие деятели в военном мундире внутренне чувствовали, не отдавая себе ясного отчета в экономическом положении, как приближается крах всяких мирных соглашений и конференций между европейскими государствами.

«Империализм, — пишет Ленин, — есть экономический монополистический капитализм. Чтобы монополия была полной, надо устранить конкурентов не только с внутреннего рынка (с рынка данного государства), но и с внешнего, со всего мира. Есть ли экономическая возможность «в эру финансового капитала» устранить конкуренцию даже в чужом государстве? Конечно, есть: это средство — финансовая зависимость и скупка сырья, а затем и всех предприятий конкурента...»

«Крупный финансовый капитал одной страны всегда может скупить конкурентов чужой, политически независимой страны и всегда делает это. Экономически это вполне осуществимо. Экономическая «аннексия» вполне осуществима без политической и постоянно встречается».

Опровергая теорию Каутского об «ультра-империализме», при которой все империалистические державы составят союз для «мирного» раздела колоний или полунезависимых государств, Ленин пишет: «Спрашивается, «мыслимо» ли предположить, при условии сохранения капитализма (а, именно, такие условия предлагает Каутский), чтобы такие союзы были не кратковременны? Чтобы они исключали трения, конфликты и борьбу во всяческих и всех возможных формах?»

«Достаточно ясно поставить вопрос, — продолжает Ленин, — чтобы на него нельзя было дать иного ответа, кроме отрицательного. Ибо при капитализме немыслимо иное основание для раздела сфер влияния, интересов, колоний и пр., кроме как учет силы участников дележа, силы общеэкономической, финансовой, военной и т. д. А сила изменяется неодинаково у этих участников дележа, ибо равномерного развития отдельных предприятий, трестов, отраслей промышленности, стран при капитализме быть не может»...

«Поэтому «интер-империалистские» или «ультра-империалистские» союзы... — в какой бы форме эти союзы ни заключались, в форме ли одной империалистской коалиции против другой империалистской коалиции, или в форме всеобщего союза *всех* империалистских держав, — являются неизбежно лишь «передышками между войнами. Мирные союзы готовят войны и в свою очередь вырастают из войн, обуславливая друг друга, рождая перемежу форм мирной и не мирной борьбы из одной и той же почвы империалистских связей и взаимоотношений всемирного хозяйства и всемирной политики».

Изложенное, лучше нас показывает, что надеяться на успех, основанный лишь на одном развитии производительных сил Германии, в конкуренции с такими государствами как Англия, Франция и даже Россия на востоке, не говоря уже об Америке, германский канцлер при капиталистической структуре государства не мог. Мы не можем здесь с цифрами в руках останавливаться на этом вопросе. Каждому, знакомому с ходом экономического развития Германии, известно, что оно шло быстрым темпом, обгоняя Англию и другие государства Европы. Однако, взаимоотношения Германии, как капиталистического государства, с ей подобными могли вести лишь к одному — к вооруженной борьбе. Никакой договоренности «всех империалистических держав», конечно, быть не могло. С этой точки зрения мы должны признать мечты Бетмана, действительно, «карточным домиком».

Нам думается, что политические деятели держав стояли на более правильном пути мышления, видя неизбежность надвигающейся борьбы. Не говорим здесь о свойственных хитцам мазках Грея в обрисовке характера будущей мировой войны. Он отлично сознавал ее размах и лишь пугал им германского посла, надеясь продлить «передышку» в стане капиталистических государств Европы.

Таким образом, если представители генеральных штабов, по своей обязанности, усиленно готовились к мировой войне, не веря в возможность

урегулирования трения в Европе на дипломатическом поле, то в этом, конечно, они были правы. Однако, такая «глубина суждений» основывалась не на истинном понимании переживаемой ими эпохи, а скорее на вере в одно — в военный успех в международных отношениях.

До тех пор, пока существует капиталистическое общество, невысказанные мечты об устранении вооруженной борьбы из международных отношений и регулирование их за дипломатическим столом, как то наглядно показал Ленин. Только со смертью капитала, а, следовательно, с отмиранием государства, только в социалистическом обществе возможно регулирование спорных вопросов иными методами, но тогда не будет и никаких споров на нашей планете.

Таким образом, мы как бы вводим войну необходимым элементом в общественные отношения. «При всяком беспристрастном исследовании войн и их причин, — пишет справедливо Меринг, — с одной стороны, грозит опасностью показаться приверженцем милитаризма, а с другой стороны, проявить к милитаризму чересчур большую почтительность».

Действительно, не только при «исследовании войн», но и в понимании их неизбежности мы должны были бы Копраду и его собратьям по должности в генеральных штабах привесить ярлык «милитаристов», ибо все они считали войну, в конечном счете, не только не исключенной, но даже необходимой для развития той государственности, которой они служили.

Мы не являемся пацифистами и «толстовцами» по отношению к войне и считаем, что в классовом обществе она существует и будет жить до смерти этого общества.

В первой книге нашего труда мы приводили на этот счет мнения Ленина и его здесь повторим:

«Война — не случайность, не «грех», как думают христианские попы (проповедующие патриотизм, гуманность и мир не хуже оппортунистов), — писал Ленин 1 ноября 1914 года, — а неизбежная ступень капитализма, столь же законная форма капиталистической жизни, как мир... Империализм поставил на карту судьбу европейской культуры: за данной войной, если не будет ряда успешных революций, последуют вскоре другие войны — сказка о «последней войне» есть пустая, вредная сказка, мещанская «мифология».

Конец этой «мифологии» Ленин видел в одном — в гражданской войне, в революции. «Долой поповски-сентиментальные и глупенькие вздыхания о «мире во чтобы то ни стало»! Поднимем знамя гражданской войны!...

Только «ряд успешных революций» положит конец такому общественно-историческому явлению как война.

«В классовом обществе, — говорит Меринг, — война регулирует в последней инстанции конфликты интересов различных наций или государств; в последней инстанции — это значит тогда, когда они обострились до такой степени, что уже невозможно никакое мирное соглашение».

К 1914 году атмосфера в Европе была настолько уже сгущена, что война казалась неизбежной. Слов нет, что возможно было еще продлить «передышку», но только продлить, и на короткое время, а не устранить войну.

Таким образом, война есть один из видов общественных отношений, более конкретное и яркое проявление насилия для достижения определен-

ных политических целей, чем дипломатические ходы, чем словесные бои за зеленым столом.

Мы не будем здесь развивать теорию определения войны, ибо в наши времена понятно всем и каждому, что война не составляет чего-то обособленного от политики, что она есть средство последней, что с войной не прекращаются политические связи враждующих государств.

Таковой была точка зрения Клаузевица, мысли которого мы текстуально приводили выше и здесь повторять не будем.

На той же позиции стоял и Ленин, который в своей брошюре «Социализм и война», писал: «Война есть продолжение политики иными (именно: насильственными) средствами». Это изречение принадлежит одному из самых глубоких писателей по военным вопросам, Клаузевицу. Марксисты справедливо считали всегда это положение теоретической основой взглядов на значение данной войны. Маркс и Энгельс всегда именно с этой точки зрения смотрели на различные войны».

В другом месте Ленин, приводя формулу Клаузевица, снова указывает, что «именно такова была всегда точка зрения Маркса и Энгельса, *каждую* войну рассматривать как *продолжение политики данных, заинтересованных* держав — и *разных классов* внутри них — в данное время».

Мы напомним слова Клаузевица, который рассматривал войну, как продолжение политических отношений «с вмешательством других средств», «Вместе с тем утверждаем, — писал Клаузевиц, — что сношения не прекращаются, не обращаются в нечто совершенно другое, но они по существу продолжаются, каковы бы ни были, впрочем, применяемые средства».

«Таким образом, — говорит философ войны, — главные направляющие, кои следуют военные действия и кои они связаны, это те же самые направляющие, которые, пропкая войну, ведут к миру. Да мыслимо ли нечто другое? Неужели вместе с прекращением дипломатической переписки прекращаются и все политические отношения правительства и народов?»

Конечно, нет! Так ответит ныне, после мировой войны, каждый. Ну, а на ее пороге начальники генеральных штабов европейских армий, следуя теории Мольтке старшего, по которой политика оказывала влияние лишь в начале и в конце войны, вполне допускали это. Раз заговорили пушки, дипломатам уже было печего делать. Решение войны должно было зависеть от «военного успеха», как учил Мольтке старший.

Если читатель вспомнит, то Конрад довольно прозрачно говорил об этом, обвиняя дипломатию в том, что она смотрит на армию, как на зонтик, которым может прикрыться в случае войны и затем отойти в сторону, взвалив всю тяжесть ответственности на «солдат», т. е. на вооруженные силы.

Вера в один «военный успех» приводила героя нашей повести к положению, что каждая политика должна основываться лишь на отношении военных сил. До некоторой степени, это справедливо, но именно только до некоторой. Из истории мировой войны ныне мы отлично знаем, что «непобедимые» во всех трех измерениях немцы проиграли войну. Теория Мольтке старшего о спасительности «военного успеха» оказалась несостоятельной.

Сказанное наталкивает нас на вывод, что раз война есть продолжение политики, то и в своем ходе она руководится не только чисто военными

основаниями, но, главным образом, политическими. Вернее, одно неразрывно связано с другим, одно вытекает из другого. Только с таким меритом мы считаем возможным подходить к такому сложному явлению, как война.

Мы уже приводили слова Меринга, что в классовом обществе война в последней инстанции решает споры государства и наций. Начавшееся с эпохой империализма развитие вооруженных сил европейскими государствами говорило с полной определенностью о *громдных размерах тех потрясений, к которым поведет грядущая война.*

Если размах войны не был с достаточной полнотой предвиден политическими и военными деятелями Европы в начале XX столетия, то все же ее ужасы пугали их своими размерами. Стоит ли повторять в доказательство страха Грея, разговоры Мольтке младшего с Конрадом о борьбе не на живот, а на смерть и т. д.? Все это сказано нами выше.

Нужно отметить, что к войне с большей осторожностью шли политики, нежели начальники генеральных штабов, в особенности Конрад. Да это и вполне понятно, ибо человек, который войну считал своим ремеслом, более открыто пускался в рискованную работу, чем политические деятели, менее искусные в тайнах военного искусства, но зато отдавшие себе больше отчета в тех потрясениях государства, которые должны явиться следствием войны.

Забегая немного вперед, мы должны отметить твердое заявление Эренталя, с большой ясностью толковавшего ту же формулу Клаузевида о войне и о политике, что и Конрад, о том, что применять войну или же отказываться от нее составляет прерогативу министра иностранных дел, а не начальника генерального штаба.

Искусанный в этих делах канцлер Германии Бисмарк говорил: «Политика — не поле сражения: она требует специальных знаний для разрешения вопроса, необходима ли и когда именно война и как избежать ее с честью».

Здоровое понимание войны и непрекращающегося в ней влияния политики только и могло привести к такому толкованию всякого более или менее выдающегося политического деятеля даже буржуазного государства.

Итак, война вызывала известное опасение со стороны политических деятелей, даже такого склада как Пуанкаре.

Если война в классовом обществе решает спорные вопросы в последней инстанции, то такое опасение войны, которое мы замечали у политиков, вполне понятно. Если во времена Наполеона война являлась «делом серьезным», то тем более она становится грандиозным событием в жизни государства в наше время.

В государствах с капиталистической структурой опасение войны вызывалось: 1) тем внутренним и экономическим потрясением, которое несла за собой война, и 2) боязнью, что лозунгами войны в интересах буржуазных классов не удастся поднять трудящиеся массы населения государств.

Доказательств сказанному, полагаем, особо приводить не нужно, так как из исторической части нашего труда видно, какие сомнения обуревали в этом отношении династическую и дипломатическую линии почти в каждом государстве. Даже в германском генеральном штабе, по крайней мере, у его начальника Мольтке, имелись в этом колебания.

С опасением войны связана ответственность за войну, которая после мировой войны кодифицирована международным правом. Ныне нам отлично известно, как на этом играют творцы Версальского договора и насколько еще до сих пор Германия старается снять с себя ответственность за войну. Термин «ответственность за войну», по существу, не нов и в наши времена лишь обострен.

Проявление насилия, каким является война, давно уже подвергалось осуждению, находя свою крайность в пацифизме. Войну стали рассматривать, как преступление против человечества. Каждая война должна быть строго осуждена. Но так как без войны все же классовое общество существовать не может, то появилось толкование ее в смысле справедливости.

По этому признаку войны получили свою классификацию и было признано, что оборонительная война, защита в войне должна почитаться справедливой войной и, наоборот, наступательная война есть преступление, за которое начавший ее должен нести ответственность.

Оставим пока в стороне последнюю, а обратимся к той классификации войн, каковая была принята в буржуазных государствах на пороге мировой войны.

Из уст различных дипломатов и даже представителей генерального штаба мы слышали деление войн на: 1) наступательные и 2) оборонительные, причем это деление, основанное, в сущности, на внешнем виде ведения войны, перепосилось в область политики. Война, по своему политическому значению, по преследованию положительных (агрессивных) целей или же целей исключительно защиты своих интересов, классифицировалась как наступление или оборона.

Мы слышали такое деление от Эренталя, который стоял только за оборонительную войну, и даже в докладе Людендорфа находим оценку политики тройственного согласия, как агрессивной, т. е. войну с его стороны нужно было считать наступательной, в то время как тройственный союз, по природе своей оборонительный, должен был и войну вести также оборонительную, что начальником оперативного бюро почиталось далеко невыгодным.

Если уже со времен Клаузевица нет чистого наступления и чистой обороны в военном деле, то тем более в политике нельзя проводить такого деления.

«С политической точки зрения нападение и защита, — говорит Меринг, — являются совершенно расплывчатыми понятиями».

«С этой точки зрения, — продолжает он, — тотчас же выясняется тщетность всех попыток провести разницу между наступательной и оборонительной войной. При этом следует всегда разделять военную точку зрения от политической. С военной точки зрения нападение и защита являются ясными, точными и неотъемлемыми понятиями военного суждения, хотя они и не отделяются окончательно друг от друга, но постоянно переходят одно в другое, — по известному выражению Гегеля, обнимают друг друга. Защита при этом является или самой сильной, или самой слабой тактикой войны. Самой слабой, когда она ограничивается лишь собой и приводит в таком случае всегда к поражению; самой сильной, если она может в благоприятный момент перейти в наступление. Диалектическому взаимо-

поглощению нападения и защиты Клаузевиц посвящает значительную часть своего сочинения о войне».

Меринг кардинален в своих выводах и заявляет: «Является полной бессмыслицей и нелепостью разделять происходившие до сих пор войны по совершенно внешнему признаку и случайному масштабу на справедливые оборонительные войны и несправедливые наступательные. Если это воззрение нельзя искоренить даже из социалистической среды, то объяснение этому можно найти лишь в том, что мы не смогли еще окончательно освободиться в вопросах войны от паутины буржуазного просвещения».

«Социалисты всегда осуждали войны между народами, как варварское и зверское дело», — читаем мы в брошюре Ленина и Зиновьева «Социализм и война». «Но наше отношение к войне, — продолжают авторы, — принципиально иное, чем буржуазных пацифистов (сторонников и проповедников мира) и анархистов. От первых мы отличаемся тем, что признаем неизбежную связь войны с борьбой классов внутри страны, признаем невозможность уничтожить войны без уничтожения классов и создания социализма, а также тем, что мы вполне признаем законность, прогрессивность и необходимость гражданских войн, т. е. войн угнетенного класса против угнетающего... И от пацифистов, и от анархистов мы, марксисты, отличаемся тем, что признаем необходимость исторического (с точки зрения диалектического материализма Маркса) изучения каждой войны в отдельности. В истории неоднократно бывали войны, которые, несмотря на все ужасы, зверства, бедствия и мучения, неизбежно связанные со всякой войной, были прогрессивны, т. е. приносили пользу человечеству, помогая разрушать особенно вредные и реакционные учреждения (например, самодержавие или крепостничество), самые варварские в Европе деспотии (турецкую и русскую)».

«Эпоха 1789—1871 годов, — читаем мы дальше, — оставила глубокие следы и революционные воспоминания. До свержения феодализма, абсолютизма и чужденационального гнета не могло быть и речи о развитии пролетарской борьбы за социализм. Говоря о законности «оборонительной» войны по отношению к войнам такой эпохи, социалисты всегда имели в виду именно эти цели, сводящиеся к революции против средневековья и крепостничества. Социалисты всегда понимали под «оборонительной» войной «справедливую» в этом смысле войну».

«Только в этом смысле социалисты признавали и признают сейчас законность, прогрессивность, справедливость «защиты отечества» или «оборонительной» войны... Независимо от того, кто первый падал, и всякий социалист сочувствовал бы победе угнетаемых, зависимых, неполноправных государств против угнетательских, рабовладельческих, грабительских «великих» держав».

В статье «О карикатуре на марксизм» и об «империалистическом экономизме», Ленин снова разъясняет лозунг «защиты отечества» и говорит: «Это просто наиболее ходячее общегосударственное, иногда просто обывательское выражение, означающее оправдание войны. Ничего больше, ровнехонько ничего. «Предательского» тут может быть только то, что обыватели способны *всякую* войну оправдать, говоря: «мы защищаем отечество», тогда как марксизм, не принижающий себя до обывательщины, требует

исторического анализа каждой отдельной войны, чтобы разобрать, можно ли считать эту войну прогрессивной, служащей интересам демократии или пролетариата, в этом смысле законной, справедливой и т. п.»

«Война есть продолжение политики. Надо изучать политику перед войной, политику, ведущую и приведшую к войне. Если политика была империалистическая, т. е. защищающая интересы финансового капитала, грабящая и угнетающая колонии и чужие страны, то и война, вытекающая из этой политики, есть империалистическая война. Если политика более национально-освободительная, т. е. выражавшая массовое движение против национального гнета, то война, вытекающая из такой политики, есть национально-освободительная».

«Обыватель не понимает, что война есть «продолжение политики», и потому ограничивается тем, что «де неприятель наступают», «неприятель вторгся в мою страну», не разбирая, *из-за чего* ведется война, *какими* классами, ради *какой* политической цели...»

«Для обывателя важно, где стоят войска, кто сейчас побеждает. Для марксиста важно, *из-за чего* ведется данная война, во время которой могут быть победителями то одни, то другие войска».

Одним словом, по мнению Ленина, «чтобы быть марксистом, надо одевать каждую отдельную эпоху конкретно», а вместе с ней и войну.

«Если война представляет собой столкновение различных интересов, которые уже не могут быть устранены мирным путем, — говорит Меринг, — то историческая оценка их основывается на том, насколько победа тех или иных интересов благоприятствует историческому прогрессу».

Меринг считает, что «не существует твердых признаков, чтобы отличить войну наступательную от войны оборонительной», приходит к следующему выводу: «Что бы ни говорили о разногласиях внутри рабочего класса по отношению к войне, с *противоположением наступательных и оборонительных войн должно быть отныне раз навсегда покончено*. Оно ровно ничего не объясняет и не только не бросает истинного света, но, наоборот, лишь вводит в заблуждение».

Некоторые из читателей нашей первой книги ставят нам в упрек, что мы злоупотребляем цитатами. В данном случае мы снова погрешили, но сознательно, ибо в таком важном вопросе, как «справедливость» войны, нужно дать правильные установки для дальнейших наших рассуждений.

Мы уже указывали, что крупные державы Европы в начале XX столетия встали на путь империализма, а поэтому и вспыхнувшая в 1914 году война должна считаться войной империалистической. Такую войну отнюдь, конечно, нельзя назвать справедливой, оборонительной, ибо она вела к дележу колоний, к угнетению наций и трудящихся классов в самих воюющих государствах. Двух мнений на этот счет быть не может. Единственно справедливой, оборонительной, войной могла бы считаться война внутри этих крупных государств Европы, а затем и Америки.

Таково понимание мировой войны с марксистской точки зрения. Но мы слышали в предыдущих главах, что большинство дипломатов Европы, да и некоторые из представителей генеральных штабов говорили о справедливой оборонительной войне, к которой они готовились и в которую затем и вступили. Нужно сказать, что и до сих пор еще продолжают споры,

кто же вел справедливую войну, причем как раз судят по признаку, о котором предостерегал Ленин: кто первый напал. Перед нами на разные лады склонялись слова «защита отечества». Одним словом, каждое из воюющих государств, с его точки зрения, вело справедливую, оборонительную войну, защищая свое бытие, а не насущные интересы.

Характеризуя выше империализм, мы указывали, что ему не свойственна оборона и что политика того или иного из империалистических государств или союза их носила в себе наступательный характер. Поэтому и на пороге мировой войны крупные государства Европы политически все наступали, если наступлением считать развитие их экономики. Действительно, Германия экономически обгоняла Англию и наступала на востоке, Франция наступала в Африке и потом на Балканах, Австрия на Балканах и т. д. Всюду экономическое наступление, а, следовательно, и политика различных государств встречались во взаимном шоке и неизбежно должны были вести к кровавому столкновению. Если на политику переносить военную мерку, как это делается при классификации войн на наступательные и оборонительные, то мы, не претендуя на остроумие и оригинальность, предложим следующий термин. За немцами с берегов Шпрее остается честь установления термина встречного боя. Так вот, мировую войну, в соответствии с ее характером, мы бы подвели под рубрику встречной войны. Может быть на этом помирятся ныне буржуазные дипломаты, политические деятели и историки в определении характера войны, а кстати и разделят пополам ответственность за войну, признав, что она для обеих сторон, — для буржуазии, конечно, — была справедливой.

Ответственность за войну, как мы слышали, давно беспокоила германского начальника генерального штаба, который хотел блистать в ореоле полководца оборонительной войны. В этом ему далеко не сочувствовал Конрад, который был иного мнения о классификации войн, о чем мы поговорим немного ниже.

Чтобы покончить со «справедливостью» войны, мы должны остановиться немного на оценке войны с сербской стороны. В войне этого государства против Австрии был паляще национальный элемент, и война Сербии может быть названа войной национальной, т. е. войной справедливой, оборонительной, ибо Сербия стремилась к национальному объединению. Такая война своей «справедливостью» пугала не только Австрию, но и самого Мольтке младшего. Мы слышали его радикальное решение окружить Балканы решоткой, чтобы «справедливость» не только не распространялась в «культурные государства» Европы, но погибла сама собой. Нечто в роде такой «решотки» Советский Союз испытал в 1918 — 1920 годах да и теперь представители капиталистической культуры мечтают о повторении этого.

Не будем спорить, что тюремные тенденции всегда были свойственны политикам западной Европы, но они должны ныне признать, что честь такого именно изобретения принадлежит Мольтке младшему.

Мы позволим себе здесь немного остановиться на возможности национальных войн в империалистическую эпоху.

Ленин в 1916 году писал, что империалистическая эпоха не уничтожает ни стремлений к политической независимости наций, ни «осуществимости» этих стремлений в пределах мировых империалистических отношений».

Исходя из этого, он полагал, что «не только вероятны, но неизбежны в эпоху империализма национальные войны со стороны колоний и полукolonий»... Всякая война есть продолжение политики иными средствами. Продолжением национально-освободительной политики колоний неизбежно будут национальные войны с их стороны против империализма. Такие войны могут повести к империалистической войне теперешних «великих» империалистических держав, но могут и не повести, это зависит от многих обстоятельств».

«Даже в Европе нельзя считать национальные войны в эпоху империализма невозможными. «Эпоха империализма» сделала теперешнюю войну (минувшую — *Б. III.*) империалистической, она порождает неизбежно (пока не наступит социализм) новые империалистические войны, она сделала насквозь империалистичной политику теперешних великих держав, но эта «эпоха» несколько не исключает национальных войн, например, со стороны маленьких (допустим, аннексированных или национально угнетенных) государств против империалистических держав, как не исключает она и национальных движений в большом масштабе на востоке Европы».

Таким образом, и в наши дни национальная война может быть *справедливой*, если она является *войной революционной*.

Только революционная война, будь она гражданской войной в крупных капиталистических странах или действительно национальной войной колоний и полукolonий против империалистического ига, может быть признана войной прогрессивной, содействующей развитию производительных сил.

Так как такая война противопоставляется завоевательной войне буржуазных классов, то в этом смысле она может считаться войной «оборонительной», но никак не по принципу, кто первый напал.

Нельзя чисто внешний вид войны (наступление или оборона) переносить на ее историческое значение.

Революционная война может быть и наступательной, т. е. вызванной войной, как, например, война 1866 года и 1870 — 1871 годов.

Игра на справедливости войны «оборонительной», на «защите отечества», которой пользовались на пороге мировой войны, да и ныне широко пользуются буржуазные дипломаты, рассчитана, как указывал Ленин, на обывателя.

«Обыватели способны, — писал он, — всякую войну оправдывать, говоря: «мы защищаем отечество»... Обыватель не понимает, что война «есть продолжение политики», и потому ограничивается тем, что «де неприятель нападает», «неприятель вторгся в мою страну», не разбирая, из-за чего ведется война, какими классами, ради какой политической цели... Для обывателя важно, где стоят войска, кто сейчас побеждает».

В действительности же война может быть целесообразной, прогрессивной и с этой точки зрения — справедливой, или же, наоборот, с той же точки зрения, реакционной. Дело, конечно, не в обороне и наступлении, а в историческом смысле войны, т. е. в ее революционной целесообразности. Война со стороны Австро-Венгрии была нецелесообразна, не революционна, контрреволюционна. Начатая, как империалистическая война, она, однако, закончилась для этого государства войной революционно-национальной, т. е. именно совершила тот переход, который предвидел Ленин и которого боя-

лись как сам Конрад, так и его друг в Берлине, сильно обеспокоенный пестрым национальным составом армии Габсбургов.

Мы отвлечлись бы в сторону, если бы стали разбирать, была ли мировая война целесообразной для других участвовавших в ней капиталистических государств. Переживаемое ими ныне время с очевидностью показывает, насколько было бы ошибочным доказательство прогрессивности войны даже с буржуазной точки зрения. Мировая война была контр-революционной, и только там, где она превратилась в войну революционную, там мы отмечаем ее прогрессивные, в итоге, черты.

Слов нет, что на такую прогрессивную войну не пошел бы не только ни один начальник генерального штаба XX столетия, но даже и самый либеральный министр. Читатель вспомнит, с каким страхом, «осеняя себя крестным знаменем», подписывал указ о мобилизации русский министр внутренних дел, чуя нутром, что война перейдет в России в революцию.

Если в иных крупных капиталистических государствах буржуазия удержалась еще у власти, то война настолько потрясла ее, что ныне она мечется от конференции к конференции, стараясь годами «передышки» залечить свои раны.

С личностью начальника австрийского генерального штаба связана на пороге 1914 года идея превентивной войны, т. е. предупредительной войны. Такая война начинается государством, которое не хочет упустить выгоды своей боевой готовности против другого государства и, учитывая возможность с ним войны в будущем, искусственно вызывает ее в данный момент. «Превентивная война характеризуется, таким образом, положением политической обороны и стратегического наступления», — говорит в своей «Стратегии» А. Свечин.

В предыдущих главах мы слышали все нападки на Конрада за его проповедь превентивной войны, осуждение которой было вынесено на дипломатической арене во времена Бисмарка и с той поры твердо поддерживалось всеми буржуазными дипломатами.

Мы уже говорили, что Конрад мыслил лишь об обороне, а поэтому, не желая упускать времени, предлагал денно и нощно стратегически всюду наступать. Иными словами, все признаки превентивной войны были налицо в его трактовке последней, да он и сам не скрывал этого. Имя апостола «превентивной» войны утвердилось за Конрадом не только в его стране, но и за границей, создав ему такую славу, например, в Сербии, — славу, которой он, в глубине души, даже и не гордился.

Что с точки зрения военной превентивная война имеет безусловные выгоды внезапности и расчета сил, это не подлежит сомнению, и такая война может быть признана желательной.

Если же превентивную войну рассматривать с точки зрения «справедливости» войны, то все буржуазные политики считали, да и ныне полагают такую войну нападательной, т. е. войной, направленной против человечества, а потому безправственной, достойной всякого осуждения.

Конрада, конечно, такими сказками запугать было нельзя, и он, исходя из целесообразности войны и опираясь на авторитет Фридриха Великого, доказывал не только необходимость, но и пользу такой войны. Его отнюдь не страшила ответственность за превентивную войну. Однако, он не пони-

мал, что двинуть ныне массы на такую войну куда труднее, чем во времена Фридриха Великого, уже по одному тому, что во времена прусского короля вопрос шел о войне армий, а не государств в целом.

Для нас интересен вопрос, может ли быть оправдана, вообще, превентивная война с точки зрения исторического прогресса. Здесь мы должны дать определенный ответ, что если такая война будет прогрессивной, революционной, то она будет и справедливой, «оборонительной», несмотря на то, что зачинщиком ее будет сторона, вызвавшая войну.

Не сомневаемся, что в этом вопросе мы можем встретить возражение в виде указания на наше стремление нести «революцию на штыках». Мы далеки от этого, ибо революцию делают прежде всего сами массы, но она завершается ничем иным как оружием. Поэтому всегда наступит такой момент, когда революционным массам или отсталым и угнетенным государствам придется схватиться за оружие в борьбе с капитализмом. Что в такой борьбе может быть придется вступить и в превентивную войну, — этого пояснять не приходится. «Оборонительный» характер войны не определяется установлением, кто первый вызвал войну.

Читатель нашего труда помнит, что все государства в 1914 году вступали в оборонительную войну и, готовясь еще к ней, задолго в проектах имели те завоевания, приращения территории и населения, которые должны были явиться в результате войны. Одни дипломаты говорили об этом открыто, другие скрывали это дипломатической игрой, но неуклонно шли по намеченному пути. Герой нашей повести, Конрад, довольно откровенно набрасывал планы аннексий и, когда дипломатически об них нельзя было говорить, советовал Берхтольду уклончиво отвечать, что после войны, дескать, видно будет. Нам, кажется, не нужно повторять всех примеров проектов аннексий, дележа будущей добычи, которые приведены нами в предыдущих главах.

Для нас интересно установить, что мировая война должна была, в понятии политических и военных деятелей, обязательно закончиться завоеваниями, быть завоевательной.

«По своей тенденции, — пишет Меринг, — каждая война является завоевательной, так как каждая воюющая сторона стремится расширить свое владение на счет противника, т. е. пытается завоевать то, чем она до сих пор не обладала; это не всегда может проявляться в форме присоединения земель и подданных противника, но обыкновенно проявляется в этой форме».

По мнению Меринга, «в действительности война не приводит ни к каким завоеваниям лишь в том случае, если обе стороны истощают друг друга до такой степени, что ни одна из них не может полностью подчинить своего противника своей воле, как это было в семилетнюю войну на европейском материке». «Если же одна из сторон побеждает настолько, что может продиктовать своему противнику мирные условия, то она всегда сумеет в эти мирные условия вставить нужные ей завоевания. Распространенное представление, что государство, подвергнувшееся бесчестному падению, должно, отразив победоносно врага, спокойно вложить меч в ножны, с радостным сознанием, что оно с успехом выполнило свой долг, также относится к области сказок. Такой войны никогда не велось и никогда не

будет вестись, по крайней мере, пока существует классовое общество».

«Сейчас во всех военных манифестах воюющих держав можно найти рядом с уверениями, что они ведут лишь оборонительную войну, в большинстве случаев, и отражение всяких завоевательных планов. Однако, это лишь *façon de parler*»...

«Победившее войско, — приходит к выводам Меринг, — никогда не отказывается от завоеваний. Может быть, это и неприятное обстоятельство, но при всех своих ужасах война всегда мыслит радикально, и если ей протянуть не руку, а лишь мизинец, она всегда попытается проделать неприятный опыт».

Рассуждения Меринга о завоевательном характере войны вполне нам разъясняют лживость заверения дипломатов различных стран о территориальной незаинтересованности их государств в результатах войны и то справедливое недоверие, какое к этому питал, например, русский министр иностранных дел Сазонов. С этой точки зрения нельзя особо осуждать и мелких аннексий, кои проектировал Вильгельм для австро-венгерской армии в случае войны Австрии с Сербией. Обманывать себя на этот счет не приходится.

Если же мы обратимся к результатам мировой войны, то ныне известно, чем кончились «оборонительные» войны Франции, Англии, Италии. Меньше всех получила в территориальном отношении Америка, но ведь завоевание, по словам Меринга «не всегда может проявиться в форме присоединения земель».

Всем известны те позиции, кои ныне завоевал в экономике мира капитал Америки. Они подороже территориальных захватов. Если же конкретно учесть империалистический характер нынешней полосы развития, то можно с определенностью сказать, что современная война обязательно будет сопровождаться завоеваниями в области территориальной, или экономической, или же политической, ибо «победившее войско никогда не отказывается от завоеваний». Это лежит в существе войны и исчезнет лишь вместе с ней.

На этом мы закончим трактовку вопроса о классификации войн и справедливости такого общественно-политического явления, каким была и будет война. Нам думается, что читающий наш труд составит себе определенное представление, какая война может почитаться «справедливой» или «оборонительной».

Если мы снова будем говорить об этом, то в связи с теми лозунгами войны, кои имеют значение в современных условиях ведения войны, когда в нее втягиваются массы населения.

Если во времена кабинетных войн, и даже раньше, правительства государств, вступавших в войну, считали необходимым в своих манифестах выбрасывать известные лозунги для войны, разъяснять населению, для чего данная война предпринимается, то ныне это особенно важно.

Мы слышали, как берлинская дипломатия, да и сам Вильгельм указывали на то, что для активных выступлений Австрии на Балканах не найдется соответствующих лозунгов, чтобы двинуть в бой массы германского народа.

Наконец, Мольтке (младший), да вообще и все дипломаты старались изобразить войну «оборонительной», свести дело к «защите отечества» от

нападения противной стороны, от даризма и т. д., лишь бы только поднять трудящиеся массы населения на борьбу за интересы капитала. Ни одно правительство не смогло бы громко заявить о «наступательной» войне ибо не нашло бы поддержки в среде своего же населения.

Мы уже приводили мысли Ленина на этот счет. Истинное значение войны буржуазные классы не могли объявить трудящимся массам, и необходимо было выбросить лозунги для «обывателя».

«Каждая из воюющих сторон, — пишет Меринг, — утверждает в своем военном манифесте, что защищает свои святые права и объявляет притязания на эти права другой воюющей стороны преступным нападением; каждая делает это с полной уверенностью в своих правах. Эта твердая уверенность может покоиться на ложных предпосылках, а потому задачей войны является устранить ложные предпосылки и установить истинное положение вещей».

Мы намеренно в нашем труде не приводили ни одного военного манифеста, ибо считали праздным занятием утомлять читателя чтением фальшивых документов.

Чем более контр-революционна война, чем более она носит завоевательный характер, тем труднее найти лозунги для нее. Наоборот, чем революционнее война, чем она «справедливее», тем более она понятна и близка трудящимся массам населения, тем легче найти лозунги для нее.

«Марксизм требует, — учит Ленин, — для оправдания всякого лозунга точного анализа и экономической действительности, и политической обстановки, и политического значения этого лозунга».

Таковы требования и к лозунгам войны. Конечно, выброшенные буржуазными правительствами перед мировой войной лозунги далеко не отвечали этим требованиям, а сводились к «обывательской обороне».

«Оборона», как метод борьбы, в глазах обывателя создавала более законную форму войны, а поэтому она и была широко использована для лозунгов.

Но, — как говорил Меринг, — сама война стремится устранить «ложные предпосылки», и ныне мы можем по достоинству оценить все те «оборонительные» лозунги, которые читали в манифестах воюющих в 1914 году.

Несмотря на то, что Германия в глазах своего населения вела «оборонительную» войну, война в самом ходе ее разоблачила «наступательные» тенденции германского империализма.

Война — действие политическое, а поэтому и выработка лозунгов для войны, соответствующее их вкоренение среди населения государства, есть дело политики. На этом основании такие начальники генеральных штабов, как Конрад, Янушкевич и военный министр Сухомлинов, исключали это из своего мышления, и лишь один Мольтке (младший) заботился об «оборонительной» войне против славян. Нам кажется все же, что позиция начальника германского генерального штаба была более правильной, и если выработка лозунга не составляет прямой обязанности шефа генерального штаба, то все же настолько интересна для него, что изолировать ему себя от этого не приходится.

Позволим себе здесь остановить внимание читателя еще на одной характерной особенности современной войны — на трестировании ее, на все умень-

пающей возможности в наши времена локальных (изолированных) войн и, наоборот, на широком развитии войн коалиционных.

Подробнее об этом поговорим в своем месте, хотя один из рецензентов нашей первой книги ставил нам в упрек замалчивание этого вопроса. Всякому, однако, оводу бывает свое время.

Такое возросшее значение коалиций объясняется ничем иным, как империалистическим характером современной эпохи.

Вместе с трестированием капитала различных стран идет и объединение их военных сил в защиту общих экономических интересов. Правда, в мощных экономических государствах это происходит туго, ибо, сплошь да рядом, интересы финансового капитала этих стран сталкиваются, и приходится много прилагать усилий, чтобы регулировать эти отношения в интересах военной политики. Примером этого может служить тройственный союз, в котором политические связи были настолько шатки, что государствам, входившим в этот союз, приходилось в серьезные моменты не спрашивать своих союзников, окажут ли они поддержку в возможном вооруженном столкновении. То же можно наблюдать и в англо-французских переговорах. Иное было во франко-русском союзе, где сильная финансовым капиталом Франция могла навязывать свою волю, правда, с известной осторожностью, монархической России.

В начале XX столетия на европейском материке были в наличии две сильные коалиции крупных государств, к которым постепенно экономически привязывались и мелкие европейские государства.

Вопрос о военном их союзе с той или иной группировкой государств для большинства из них оставался еще открытым, и часть из них оказались затем нейтральными, сохранив эту позицию во все время войны или выступив позднее на арене мировой борьбы активно.

Во всяком случае, коалиционный характер войны с началом империализма являлся уже настолько твердо установившимся, что рассчитывать на локальную войну между крупными европейскими государствами, как например, война между Францией и Германией в 1870—1871 годах, и даже на такую войну, как между Австро-Венгрией и Сербией или Россией и Турцией, было нельзя. В этом дипломаты европейских государств стояли на более правильном пути, останавливая пылкие мечтания начальников генеральных штабов о возможности ведения изолированной войны. Нечего, конечно, замалчивать, что Конрад в этом был большим оптимистом, развивая планы различных политических группировок для изоляции Сербии и возможного на нее нападения. Грешил в этом русский начальник генерального штаба Палицын, рассчитывавший воевать с одной Турцией на кавказской границе. Более здраво смотрел на это германский генеральный штаб, начальник которого — Мольтке — подчеркивал, что в современных условиях ни одно из европейских государств не может обнажить меч, не вызвав европейской войны.

Однако, как это ни странно, при стремлении Берлина локализовать войну Австрии с Сербией, вспыхнула и мировая война. Берлин, сделав ложную предпосылку о возможности такой войны, потерял затем почву под ногами и быстро докатился до европейского вооруженного столкновения. Перед читателем прошли все старания германской дипломатии локализовать войну и то разочарование, которое явилось их результатом.

★

Выше мы приводили слова Ленина о войне и союзах в капиталистическом обществе, предreshавших коалиционную войну как в начале XX столетия, — так и в наше время.

Мы уже указывали, что война являлась и является ныне в классовом обществе последней инстанцией, к которой обращаются государства в разрешении их споров. Более или менее поддающиеся улаживанию мирным путем столкновения или решаются дипломатическими переговорами заинтересованных государств или же рассматриваются на конференции послов, если они затрагивают интересы других держав. Одним словом, государства всячески стараются избежать войны.

Мы слышали, как подобные конференции расценивал Конрад, да и иные политические деятели не с большим доверием шли на них. Каждая такая конференция, в сущности, имела силу лишь тогда, когда решениям ее добровольно подчинялись. Попытка заставить Черногорию военной угрозой выполнить решения Лондонской конференции послов в 1913 году, из-за отсутствия искреннего желания крупных государств вмешиваться в это, кончилась неудачами. Предоставить же право экзекуции одному из крупных государств Лондонская конференция, из-за недоверия к честности этого государства, не решалась.

Таково значение дипломатических конференций, к которым так скептически относились начальник австро-венгерского генерального штаба.

Однако, идея борьбы за мир и уничтожение войны, впервые обсуждавшаяся конкретно на Гаагской конференции, находила много сторонников, главным образом, в рядах или слабых государств, или же политических мечтателей. Более реальные политики смотрели здраво на приближающуюся мировую схватку и считали нужным готовиться к ней.

Как известно, война с ее ужасами была подвергнута особой нормировке в международном масштабе и получила отражение в известных международных правовых нормах.

Не мало «мудрых» голов сидело за составлением этих норм... и именно для того, чтобы с началом мировой войны они оказались недействительными. Правда, негодование, благородное негодование, против нарушителей этих норм было велико, грозил судом... и даже судили второстепенных персонажей. Более же ответственные за ведение войны лица смотрели на это несколько иначе. Мы слышали, как русский министр иностранных дел Сазонов еще до войны говорил, что «всякая правовая норма действительна лишь в мирное время». Бывший же военный министр Германии, а впоследствии начальник штаба верховного главнокомандующего Фалькепгайн в своей книге «Верховное командование», вышедшей после войны, пишет, что «выше всех норм международного права стоит обязанность самосохранения». Людендорф фиксирует, что «новые основы ведения войны создают и новые международные нормы».

Одним словом, международные нормы о войне, пытавшиеся ввести ее в рамки законности, оказались мертвыми, а труды многих юристов — напрасными. Один из таких поборников мира, известный пацифист Нппти, вынужден после мировой войны признать, что «война вообще нарушает все устои традиции и морали». «Самым важным для войны — является победа. Уважение к некоторым традиционным правилам международного поведения»

является скорее взаимным страхованием враждующих сторон, чем остатком рыцарства... Необходимость в войне принимает вид законности».

Нитти отказывается нормировать войну, но требует соблюдения норм в мирное время: «когда объявлен мир и опасность прошла, каждое нарушение международного права, каждое оскорбление побежденных, каждое нарушение данных обещаний, каждое отрицание права — представляют оскорбление, напосимое цивилизации и культуре».

Профессора международного права должны признать его силу лишь в мирное время, ибо война оказалась сильнее их.

С окончанием мировой войны идея борьбы за мир снова ожила и успешно культивируется крупными европейскими государствами в виде образования всем известной Лиги наций. Нужно сказать, что Лига Наций сделала несколько шагов вперед против Гааги, являясь фактически представителем диктатуры Англии и Франции на континенте Европы. Мы не будем здесь подробно вдаваться в разбор истинной физиономии этого капиталистического учреждения, над входом которого начертан «мир», а в самом существе лежит залог «войны» и «насилия» капиталистически-сильных государств. Роль Лиги наций в умиротворении Европы и попытках ее разрушения отлично всем известна. Можно с уверенностью сказать, что в целесообразность ее существования не верят прежде всего сами создатели, продолжая настаивать не на *добровольном*, а на *принудительном* разоружении побежденных стран.

На этом, собственно говоря, можно было бы покончить с войной, как историческим явлением в жизни классового общества.

Остается лишь сказать несколько слов об исчезновении войны. Нами не раз указывалось, что война отомрет лишь со смертью капиталистического мира, и если «вечный мир возможен только на кладбище», то, именно, на кладбище капиталистического общества.

А пока... «сказка о последней войне», — как говорил Ленин, — *есть пустая, вредная сказка, мещанская мифология*...

ГЛАВА VII

ПЛАН ВОЙНЫ И ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА

«Дипломатический план войны» и его существование в действительности. — Политическая цель войны и видоизменение ее стратегией. — Военная цель и ее место в ображениях генеральных штабов. — План войны перед мировой войной и в наше время. — Клаузевиц о главных линиях в плане войны. — Клаузевиц о размерах средств для войны. — Политические и военные величины, которые учитываются при составлении плана войны. — Соотношение военных сил и его значение. — Политическое творчество Конрада и других начальников генеральных штабов. — Основа политики, по Конраду, — военная сила. — Союзы с другими государствами. — Нейтральные государства. — Очередность в достижении политических целей. — Выбор времени для начала войны. — Внезапность по Клаузевицу и в наши дни. — Учет генеральным штабом в плане войны революционного движения. — Ленин о влиянии революционных движений на войну. — Современный характер войны и необходимость учета его политикой. — Техника работы по плану войны и влияние ее на политику. — Особая линия поведения генерального штаба. — Недоверие стратегии к внешней политике. — Гибкость плана войны и необходимость этого. — Утверждение плана войны. — Ориентировка в плане войны представителей ведомств. — Совет министров и его роль в плане войны. — Познание войны политическими деятелями. — Бюлов и Клаузевиц о необходимости изучения войны политическими деятелями. — Триумvirат и его роль в этом вопросе. — Знание войны дипломатами в начале XX столетия и менторство генерального штаба. — Современная постановка вопроса. — Марксисты в познании войны. — Пограничные инциденты и их значение в работе генерального штаба и министерства иностранных дел.

В предыдущей главе мы стремились дать обоснования общих условий связи войны с внешней политикой, а равно в общих же чертах выявить лицо самой войны. Ныне ставим себе задачей немного глубже вникнуть в совместную работу дипломатов и стратегов в подготовке плана войны.

Мы слышали, что война не является особо от политики, в частности внешней, а насквозь проникнута политикой, что война — настоящее орудие политики, что она ведется для достижения важных политических целей. Однако, в предыдущей главе нами было отмечено, что война имеет свои законы, кои должны учитываться политикой.

На этих «законах войны» некоторые начальники генеральных штабов вели игру, предъявляя свои требования представителям внешней политики. Основанием к тому было положение, что на войне нужно прежде всего стремиться к достижению военного успеха.

С другой стороны, дипломаты в войне видели лишь одно из средств для достижения тех целей, к которым была направлена вся их работа, и мы слышали, как, например, Эренталь с достаточной четкостью говорил об этом начальнику австро-венгерского генерального штаба. Даже такой консервативный «муж», как Сухомлинов, и тот в своих воспоминаниях, правда, зад-

ним числом, указывает, что решение вопроса о войне или мире выходило за пределы круга его ведения.

Нами также было отмечено, что война есть крайнее средство политики, а потому политика не может строить свою работу исключительно лишь на войне, но всегда должна иметь в виду возможность войти в вооруженные столкновения с другими государствами.

Однако, если раскроем некоторые трактаты по стратегии, даже из современных нам, мы найдем главы, кои посвящены особому «дипломатическому плану» войны, т. е., иными словами, дипломатия должна работать постоянно на войну. От внешней политики требуется соответствующая подготовка войны, достижение политической внезапности в ее объявлении и выбор времени, наиболее благоприятного для вступающего в войну государства.

Нам известно, что не на военном соотношении сил государств строятся международные отношения; что в основе внешних отношений лежит экономическая сила; что на соревновании в этой области возникают конфликты, ведется политическая борьба. Война же является лишь крайним видом этой борьбы.

Поэтому нам кажется, что говорить об определенном дипломатическом плане войны можно лишь тогда, когда государство стремится к превентивной войне. Однако, этим мы совершенно не хотим сказать, что всякая война, даже сугубо оборонительная, не должна быть подготовлена дипломатией.

Война — орудие политики и ведется для достижения известных политических целей.

«Никто не начинает войны (или, по меньшей мере, действуя разумно, не должен бы начинать), — пишет Клаузевиц — не сказав себе, чего он желает достичь войной и чего в самой войне? Первое — это цель войны, а последнее — цель, поставленная войне. Это основная мысль дает всему направление, указывает размер средств и меру энергии; влияние ее исходит и до последних расчленений действий».

Таким образом, выявляются две цели: *политическая и военная.*

Политические цели, кои ставит себе государство, достигаются, обычно, путем мирных соглашений и только в крайнем случае решаются на военном поле. Но и в последнем случае политическая цель всегда должна быть перед глазами современного стратега.

Мы в предыдущей главе приводили суждения Клаузевица о видоизменении политической цели. Философ войны с полной определенностью говорит: «Как бы значительно ни было воздействие войны на цель политики, она, во всяком случае, может только видоизменить направление и намерения последней, ибо цель политическая все же сохраняет первенствующее значение. Политика ставит цель; война же есть средство, орудие для ее достижения; действуя орудием, нельзя забывать о цели работы».

Между тем, во всех докладах начальника австро-венгерского генерального штаба мы встречали совершенно иное. Правильно теоретически расценивая войну как орудие политики, Конрад, однако, отдавая «первенствующее значение» цели *военной*, и смелой рукой не только видоизменял, но и набрасывал самостоятельно политические цели внешней политики Дунайской империи.

Начальник австро-венгерского генерального штаба требовал именно вполне определенного, рассчитанного на годы дипломатического плана войны. Его будущий соратник в Берлине — Мольтке — также находил необходимым к началу войны полного выяснения со стороны дипломатии «врагов и друзей».

Читатель мог сам заметить, что чем ближе Европа подходила к войне, тем более настойчивы становились требования генеральных штабов, предъявляемые внешней политике, и работа ее бралась под сомнение не только в Вене, но и в Берлине. Конрад нам откровенно говорил, что приближение войны должно знаменовать подчинение дипломатической работы условиям войны, а Мольтке, по словам Людендорфа, сильно сомневался в способностях берлинских дипломатов.

Нельзя сказать, что такая атака меча против дипломатического пера не имела под собой оснований. Для того чтобы набрасывать политические цели внешней политики былой империи Габсбургов, Конрад должен был исходить из вполне определенных положений, кои служили бы веским доказательством правильности его поступков и действий.

Так это и было в действительности.

Если вспомним, то каждый из начальников генеральных штабов считал себя ответственным за подготовку к войне с военной стороны и, прежде всего, за правильную и точную разработку плана войны или, как классифицировал эту деятельность Конрад, за общую и, особенно, конкретную военную подготовку к войне.

Вот эта ответственность за план войны и исключительные обязанности и давали право начальникам генеральных штабов выступать с определенными, порой жесткими, требованиями к дипломатии в ее подготовке к войне. Поэтому мы и находим в трактатах по стратегии, — правда, более, современных нам, — доказательства необходимости наличия особого дипломатического плана войны.

Как видим, требования — отнюдь не маловажные, и в них мы считаем нужным разобраться детальнее.

«План войны, — говорит Клаузевиц, — соединяет воедино всю военную деятельность, kloпящуюся к цели последней и окончательной, в которой слились все цели частные».

С таким понятием о плане войны мы встречаемся на пороге мировой войны. Из предшествующих глав и первой книги нашего труда известно, что начальник австро-венгерского штаба «всю, в совокупности, мирную работу всех вооруженных сил» рассматривал как «подготовительную работу» к войне, которая и составляла план войны. Однако, Конрад в дальнейшем уточнял это, разделял план войны на общую военную подготовку вообще для всякой войны и конкретную военную подготовку для определенной войны, иными словами — определенший вариант стратегического развертывания. В обычном для того времени понимании это стратегическое развертывание или конкретная военная подготовка и называлась планом войны на таком-то фронте.

В современных условиях, когда война ведется всем государством в целом, в понятие плана войны уже приходится вкладывать не только одно стратегическое развертывание, но даже всю подготовку к войне вооружен-

ных сил, ибо, как известно, война должна быть подготовлена также на фронтах экономическом и политическом.

В дальнейшем, говоря о плане войны в понимании его генеральным штабом в начале XX столетия, мы, в сущности, будем говорить о стратегическом развертывании вооруженных сил для войны на определенном фронте. При таком ограничении мы уйдем недалеко от Клаузевида, и все мысли его по данному вопросу будут жизненными и в настоящее время.

«Война является не самостоятельным делом, а продолжением политики другими средствами, — говорит Клаузевиц, — в виду этого главные линии всех крупных стратегических планов преимущественно имеют политический характер, который выступает тем сильнее, чем шире они охватывают войну и государство в целом. Весь план войны непосредственно вытекает из политического бытия обоих воюющих государств и из их отношений к другим державам».

В другом месте философ войны определенно заявляет, что, «когда дело идет о плане войны или кампании, то обращение к политике совершенно неизбежно», а вообще «ни одно из военных предначертаний не может быть набросано без соображения с политическими отношениями».

Мысли—вполне четкие и ясные. Нужно, со всей справедливостью, сказать, что они были хорошо усвоены в различных генеральных штабах Европы в начале XX столетия, особенно в Вене. Мы не будем здесь повторять всех дум и документов на этот счет Конрада, ибо в достаточной мере подробно приводили их выше, и лишь отметим, что в этом начальник австро-венгерского генерального штаба был строгим последователем Клаузевида. Конрад довольно часто свидетельствовал, что особенно конкретная военная подготовка требует ясных и постоянных главных направляющих линий внешней политики. Тут же он указывал, что на конкретную подготовку к войне оказывает влияние и внутренняя политика, ибо одно — при спокойствии в государстве бросить все силы на внешний фронт, и другое, — когда часть их приходится оставлять внутри государства для охраны существующего государственного порядка. Требования от дипломатии таких же главных направляющих линий внешней политики исходили и от других начальников генеральных штабов.

Действительно, «теория требует, — говорит Клаузевиц, — чтобы перед любой войной, прежде всего, на основании вероятности распознать ее характер и общее в крупном очертании, принимая за *основание величин политические* и обстановку».

«Насилие наше над противником измеряется его и нашими политическими стремлениями. Насколько они обоюдно известны, настолько представят они мерило требуемых усилий».

Мы уже говорили, что для достижения цели политической в войне определяется *цель военная*, которая требует для реализации соответствующих средств. Говоря об их размерах, Клаузевиц приходит к выводу, что «приходится определить политическую ее (войны — *В. III.*) цель как свою, так и цель противника; равно и обоюдные силы государств и внутренние в них отношения; далее, характер правительств, народов и способности обоих, наконец, политические связи с другими государствами и влияние на них предстоящей войны».

«Не трудно понять,—говорит Клаузевиц,— что решительно невозможно одним лишь школьно-правильным обсуждением взвесить и одолеть все эти различные и разнообразно взаимно-переплетенные предметы».

«Для быстрого решения такой крупной задачи требуется настоящий светлый взгляд гения. И Бонапарт вполне справедливо высказал, что это такие математические задачи, которых убоялся бы даже и Ньютон».

«Итак,—заключает Клаузевиц,— приходится признать прежде всего то, что определение возможной цели предстоящей войны, а равно и средств, потребных для ее достижения, может быть выведено общим взглядом на все соотношения, включая все самые частные черты в данное время».

Мы не слышали здесь об *экономических отношениях* между народами, кои должны бы быть также учтены при определении политической и военной делей войны. Но мы не раз указывали, что во времена Клаузевица они не так резко выступали, как в наше время. Понятием «политика» философ войны охватывал и экономические отношения государств. В наши дни отлично известно, что политика есть надстройка экономики, а поэтому для правильного уразумения политических делей государств, могущих оказаться в состоянии войны, мы полагаем необходимым прежде всего рассмотреть их экономические связи.

В этом отношении мы напомним читателю доклады Немца и русского морского генерального штаба, начинавшиеся как раз с определения экономических делей России на Черном море.

Перед нами прошло много документов генеральных штабов, имевших задачей определение политических и военных делей, размера необходимых средств для возможной войны,—иными словами, документов, кои пытались «светлым взглядом гения» определить основы плана войны.

Смелая рука Конрада набрасывала их в изобилии, ибо начальник штаба считал себя ответственным за работу по плану войны, не думал ждать указаний от представителей внешней политики, а пытался сам разобраться в характере будущей войны для монархии.

Конрад, хорошо помня заветы Клаузевица о тесной связи политики и стратегии, не думал отгораживаться решоткой от венской дипломатии, заведомо зная, что в лице некоторых ее представителей он видит не друзей, а врагов.

Выше мы приводили теоретические положения Клаузевица о тех факторах, кои должны быть учтены при определении «возможной цели» войны. Из перечисления главнейших из них философом войны уже видно, что они многочисленны, и мы считаем возможным разбить их на две группы: *основы политические и основы войны* как таковой. Ясно, что первая группа должна базироваться на экономических отношениях.

К основам политическим Клаузевиц относил: политические цели, характер правительств, народов и способности обоих, внутренние соотношения в государстве, политические связи с другими государствами. Как видим, для правильного учета этих факторов, главных направляющих линий внешней политики, требуется внимание в повседневной работе в области, не чисто военные.

Наконец, природа войны, обстановка современной войны должны также наложить свой отпечаток на определение военной цели, размер средств и способа их использования в случае войны.

Мы не раз указывали, что не может быть речи о каком-либо противопоставлении требований военных политическим и ссылались на Клаузевида, который считал это абсурдным. Как ни важен «дух войны», ее природа, но она не может исключить величины политические, а лишь в состоянии видоизменять цели внешней политики.

Иными словами, при построении плана войны мы должны отдать первенствующее значение основам политическим и из них исходить в определении военной цели, но отнюдь не по одним законам войны строить внешнюю политику государства.

Между тем, в докладах начальника австро-венгерского генерального штаба, да и других мы находим иную архитеконику.

Нами не раз отмечалось, что в основу политики государства Конрадом клалось соотношение его военных сил с другими государствами. Только на этом базисе венский начальник штаба находил возможным обосновывать и политические государства. Не раз он нам заявлял, что политика, не базирующаяся на армии, здание, построенное на песке. Признавая необходимость для Австро-Венгрии вести политику союзов с другими государствами, Конрад особенно не уповал на них и говорил, что опора на союзников, без своей сильной армии, есть опасное дело. Каждый шаг дипломатии армии, по мнению начальника штаба, должен быть подкреплён и даже основан на военной силе.

В этом, конечно, наш герой не оригинален, ибо еще Фридрих Великий полагал, что дипломатические ноты, не опирающиеся на вооруженные силы, подобны нотам без инструментов.

Из перечисления одних политических факторов, кои мы взяли от Клаузевида, видно, что война не решается одним соотношением военных сил, а в предыдущей главе нами приводились на этот счет осуждения Ленина. Наконец, тот же Клаузевиц, разбирая вопрос о виде войны, наступательной или оборонительной, говорит: «Взаимное соотношение сил, казалось бы, должно быть причипой самой главной и решающей. Однако, полагаем, что, основываясь на этом, мы как раз бы сошли с пути надлежащего».

Подобное блуждание мы и должны отметить как у Конрада, так и у других начальников штабов, кои хотели на военном базисе основать внешние отношения государств и определять их политические цели.

Нельзя отрицать справедливых требований Конрада от внешней политики определения главных направляющих линий для составления плана войны, ибо, только исходя из них, можно было построить правильный военный план. Не получая этих указаний, или же не соглашаясь с даваемыми, начальник австро-венгерского штаба сам набрасывал политические цели внешней политики монархии, исходя из условий военных, из природы войны для Дунайской империи.

Мы не собираемся вынести Конраду осуждение за его политическое творчество, ибо нельзя, конечно, безоговорочно принять за основу при составлении плана войны данные политические цели, кои должны быть соображены с военными возможностями. Нами выше указывалось, что стратегия может видоизменять эти цели, но только не подчинять их себе. В этом отношении Конрад имел право голоса, но основа его осуждений сводила его «с пути надлежащего».

Если мы ближе присмотримся к политической части докладов начальника австро-венгерского генерального штаба, да и к докладу Мольтке 1912 года и письмам Конрада к министру иностранных дел, то найдем подтверждение сказанному.

В лице начальника генерального штаба стратегия предъявляла определенные требования к внешней политике в подготовке будущей войны; причем эти требования покоились: 1) на принципиальных военных основах и 2) на технической работе по плану войны.

Документы и думы начальника австро-венгерского генерального штаба говорят о том, что основным путем для достижения важных политических целей государством он считал путь войны. Изредка и весьма кратковременно Конрад сходил с него, склоняясь на экономическое завоевание соседних балканских государств. В основе же он считал, что участь государств, их жизненные стремления решаются на военном поле, а никак не за дипломатическим столом.

Естественно, что в основу каждой реальной политики им клалось соотношение военных сил.

Свои доклады начальник штаба начинал с установки тех политических целей, которые, в зависимости от географических, культурных и этнографических условий, должна преследовать Австро-Венгрия. Не приходится особо говорить, что все это сводилось к империалистическим захватам, ибо, как нами указано ранее, Австро-Венгрия в начале XX столетия твердо становилась на пути империализма.

Из рассмотрения политических целей Конрад выделял главные из них, а в зависимости от этого определялись и главные враги в лице государств, стоявших на пути к достижению этих целей.

Вместе с тем, начальник генерального штаба обращался к реальной силе для проведения намеченной линии поведения — вооруженной силе Австро-Венгрии — и из нее исходил в определении тех целей, кои должна себе ставить дипломатия. Он не раз нам указывал, что последняя не имеет права задаваться теми целями, кои не могут быть подкреплены военной силой.

Размеры ее в Австро-Венгрии не отвечали возможности преследовать несколько политических целей, и таковые должны были быть ограничены. Конрад с полной определенностью и справедливостью отмечал, что воевать на 360° угрожаемое со всех сторон государство, каким была Дунайская империя, не может, а поэтому и необходимо готовиться только к определенной, заранее намеченной войне. В подтверждение своих слов Конрад приводил иные государства, как Италию, Германию, кои имеют ограниченные угрожаемые единицы, на которых и могут концентрировать свою подготовку к войне.

Для такого же государства, каким была Австро-Венгрия на карте Европы, дипломатия должна создать выгодные условия для ведения войны, если природа обидела в этом.

Достигнуть этого, по мнению Конрада, возможно было: 1) союзами с другими государствами; 2) нейтрализацией некоторых из них; 3) очередностью достижения политических целей путем войны; 4) соответствующим выбором времени для начала войны.

Если мы снова просмотрим документы Конрада, то найдем в них, как постепенно, начиная с признания необходимости локальной войны, он усваивал понятие о будущей войне, как войне трестированной, в союзе с другими государствами.

В предыдущей главе мы уже отмечали, что коалиционная война должна была явиться, как следствие переживаемой нами эпохи, а потому всякие предположения начальников генеральных штабов (Конрада, Мольтке, Паулицына) о возможности ведения изолированной войны нужно считать, по меньшей мере, не обоснованными. На это указывал кое-кто и из их современников дипломатов.

Считая союзы с другими государствами необходимыми для будущей войны, начальник австро-венгерского генерального штаба, однако, смотрел на них, как на жесткую действительность, и во всяком случае не на них хотел основывать свои предположения. Мы уже слышали его мнение на этот счет и повторять не будем.

Союзы с другими государствами давали прирост военных сил, что и нужно было Конраду, но безоговорочно подчинить не только военные дела, но согласовать и политические цели с союзными государствами начальник австро-венгерского штаба не хотел.

Ниже мы подробно остановимся на этом вопросе, а в данное время лишь отметим, что государственный эгоизм был свойственен Конраду более, чем какому-либо другому из начальников штабов.

Признав жесткой необходимостью союзы, в особенности союз с Германией, Конрад предъявлял свои требования в этом министру иностранных дел, набрасывая по чисто военным соображениям проекты новых союзов, мало учитывая, насколько экономические связи способствовали их заключению. Правда, по справедливости, мы должны отметить, что в 1912 году желание Конрада иметь на своей стороне Румынию было настолько велико, что, по возвращении из Бухареста, начальник штаба поставил вопрос даже о заключении чисто-торгового соглашения с этим государством.

Скрепя сердце выносил Конрад союзнические отношения с Италией, предвидя вероломство ее, и не только думал о совместных действиях с Италией, но, наоборот, развивал оборону против этого государства, вступая из-за этого в горячий спор с министром иностранных дел.

Нам приходилось в нашей литературе встречать мнение, что перед мировой войной генеральные штабы узко расценивали внешние отношения с другими государствами, концентрируя их лишь на ближайших государствах. Считаем такое мнение поверхностным, ибо документы начальника австро-венгерского генерального штаба говорят об ином. Его политический кругозор был широк, не ограничивался только Европой, но перекидывался в Азию и Америку. Мы слышали, что и Китай, в частности, привлекал внимание Конрада. Правильно это или нет, — это другой вопрос, но во всяком случае почти все государства, более или менее значительные, учитывались начальником генерального штаба.

Если, как указано выше, часть государств зачислялась Конрадом в число прямых или косвенных врагов, часть почиталась союзниками, то другая часть, по его мнению, должна была оставаться нейтральной, как Швейцария, или же создавать своим нейтралитетом угрожающее положение для

прямых врагов. К таким государствам Конрад в особенности отослал Албанию, которая своими вооруженными бандами, а в проекте и особой национальной армией, должна была отвлечь часть военных сил Сербии от главного театра военных действий. Мы не раз слышали предложения Конрада денежной компенсацией купить нейтралитет Черногории.

Одним словом, политические связи с другими государствами со стороны начальника генерального штаба в Вене подвергались широкому анализу с точки зрения усиления военного полжения Австро-Венгрии. Правда, иной раз его предложения дипломатии казались лишены основания и резко расходились с линией поведения внешней политики, но это происходило потому, что Конрад недостаточно глубоко учитывал экономический базис этих отношений. К чести его надо сказать, что он сам в этом признавал себя не особенно сильным.

Говоря о нейтральных государствах, влияние коих, в той или иной мере, должно было отражаться на плане войны, мы не можем пройти мимо пресловутого бельгийского нейтралитета. Как известно, вокруг этого вопроса ныне существует большая литература: выгодно ли было Германии нарушить бельгийский нейтралитет или же следовало признать его неприкосновенность?

Экономические условия отнюдь не говорили за необходимость занятия Бельгии, и вторжение в Бельгию может быть оправдано лишь «гениальным» планом Шлиффена. Между тем, следствием явилось участие в войне не только бельгийской армии, но и Англии. Можно, конечно, предполагать, что даже при соблюдении бельгийского нейтралитета Англия выступила бы против Германии. Мог ли быть осуществлен план вторжения германских армий во Францию, минуя Бельгию, и к каким бы он результатам привел? Нам кажется, что успех сопровождал бы германское оружие и без нарушения бельгийского нейтралитета. Сомнения Вильгельма, что по чисто военным условиям на шею Германии ее генеральный штаб повесил войну с Англией, до некоторой степени не лишены основания.

Мы проходим мимо утверждения, что, якобы, германская дипломатия была неожиданно поставлена генеральным штабом перед фактом необходимости нарушения нейтралитета Бельгии. Свидетельство Людендорфа, да и само поведение Ягова говорят иное, а именно, что канцлеру и его ближайшим помощникам был известен задолго план войны, по крайней мере, в его политической части. Другой вопрос, почему это не было опротестовано заранее германской дипломатией и не утверждено самим Вильгельмом. Ответственность за нарушение бельгийского нейтралитета во всяком случае не может быть переложена на плечи одного германского генерального штаба.

Что касается достижения политических целей войной в порядке очередности, то об этом нами сказано было выше. Возражать против такой линии поведения, казалось бы, было нельзя. Она вела, конечно, к превентивным войнам, сторонником которых был Конрад, опираясь на авторитет и пример Бисмарка в его политике создания Германской империи. Однако, нужно сказать, что интенсивность грядущей войны для европейских государств должна была быть такой, что трудно было рассчитывать после европейской войны снова поднять государство на следующую вооруженную

схватку. Правда, пример в этом балканских государств говорит об ином. Со стороны Сербии мы именно видели такое постепенное достижение войной поставленных целей, но нужно и учесть, что первая и вторая Балканские войны не были столь разрушительны, как грядущая европейская война. Со стороны нынешней Юго-Славии, бывшей Сербии, в ее политических осложнениях с Италией мы видим совершенно иной подход: осторожность в обращении к войне, как особому виду международных отношений.

Выбор времени для начала войны должен быть согласован дипломатией с планом войны. Выбор времени зависит: 1) от политических причин и 2) чисто от природы войны.

Выше мы указывали, что некоторые современные нам стратеги требуют от дипломатии такой подготовки войны, чтобы «при наступлении дать нам выгоды политической внезапности и устранить их невыгоды при обороне».

«Утверждаем, — писал Клаузевиц, — что нечаянность лежит в основании всех предприятий без исключения, но только в различной степени, сообразно свойству предприятия и прочих обстоятельств».

«Необходимо впрочем заметить, что хотя стремление к нечаянности бывает всеобщее, что она действительно необходима и никогда не останется без известного влияния, но тем не менее, по самой природе вещей, удается она в полной мере только в весьма редких случаях».

«Будет, следовательно, ошибочно предполагать, что этим преимущественно средством возможно достигнуть на войне многого».

«Нечаянность более действительна в тактике, по той естественной причине, что время и пространство в ней более ограничены. В стратегии нечаянность более действительна в таких действиях, которые ближе к тактическим, и тем меньше, чем выше они поднимаются в область политики».

«Приготовления к войне длятся обыкновенно месяцами, — продолжает Клаузевиц, — поэтому случается очень редко, чтобы одно государство предупредило другое войной нечаянной или общим направлением своих сил».

Таким образом, философ войны, даже для его времени, сводил почти на-нет «политическую внезапность». Действительно, едва ли можно утверждать, что мировая война застала какое-либо из государств политически внезапно. Все сказанное нами выше о политике Европы накануне 1914 года говорит обратное. Конечно, мы не собираемся верить сказкам Пуанкаре, по свидетельству которого Германия внезапно напала на Францию, а Австро-Венгрия на Сербию.

При современных средствах разведки одним государством военной подготовки другого нельзя говорить о какой-либо политической внезапности. В этом мы вполне согласны с начальником австро-венгерского генерального штаба, который указывал министру иностранных дел, что скрыть подготовку к войне нельзя и из-за внезапности или боязни обратить внимание другого государства не имеется никаких оснований не вести подготовку к войне.

Таким образом, мы отрицаем политическую внезапность и не хотим ставить дипломатии задачу дать нам возможность использовать выгоды этого средства.

Другое можно сказать о стратегической внезапности в наши дни. Как известно, план Шлиффена был отчасти построен на такой внезапности и

в действительности смешал карты Жоффра в пограничном сражении. Мы бы не стали против этого возражать, если бы не мираж, не предвзятость были заложены в мозги французского генерального штаба. История с очевидностью говорит, что план наступления немцев через Бельгию был давно известен и даже учитывался в плане Мишеля. Если французскому генеральному штабу времен 1914 года угодно было заранее засорить себе мозги доктринального наступления и ложными представлениями о плане развертывания германских армий, то в этом мы видим меньше всего выгоды внезапности.

Пытливый ум Клаузевица предвидел подобную «нечаянность». Клаузевиц говорил: «Кто удивит противника неудачной нечаянностью, тот вместо успеха рискует получить заслуженную сдачу». Думая в наступлении подготовить для немцев «печальность», французский генеральный штаб получил «заслуженную сдачу».

Правда, в наши времена скорость сосредоточивания военных сил изменилась в сторону увеличения, и как будто выгоды внезапности «направления сил» возросли, но зато и улучшились средства разведки намерений противника еще задолго до войны.

Единственно, какие требования начальник австро-венгерского генерального штаба предъявлял к дипломатии в отношении выбора времени, это не дать возможности противнику предупредить в развертывании, дабы не создать морального успеха и не начинать войны зимой, к которой армия Вены не была готова.

Эти требования Конрада нельзя подводить под понятие «политической внезапности». Что же касается его боязни зимы для похода австро-венгерской армии, то находим это вполне естественным.

Чтобы покончить с «политической» стороной войны, мы должны остановить внимание еще на одном требовании, которое стратегией предъявлялось и будет предъявляться политике.

Читатель не раз слышал венские разговоры о революции в России, оценку ее значения австрийским генеральным штабом для плана войны. Затем начальник германского генерального штаба представил, правда, на пороге войны целый доклад о «революционизировании мира». В своей книге «Как возникла мировая война» Каутский резко обрушился за этот документ на германский генеральный штаб и Вильгельма, который, собственно говоря, или явился инициатором этого или повторял мысли генерального штаба, но до опубликования их последним.

Мы отнюдь не склонны следовать по стопам апостола меньшевизма, ибо его проповедь является проповедью, противной не только войне, но и политике.

В первой книге нашего труда мы пришли к выводу, что характер войны определяется внутренней политикой и что колебания этой политики, вызванные ли самостоятельно классами населения в государстве или же ускоренные рукой противника, дадут войне то или иное направление.

При цитировании мыслей Клаузевица о величинах, влияющих на определение военной цели, мы только что указывали, что Клаузевиц советовал рассмотреть внутренние соотношения в государстве, придавая им важное значение.

Таким образом, в ставке генеральных штабов на революцию во враж-

дебных государствах мы не только не видим чего-либо противоестественного, но, наоборот, усматриваем вполне законные требования войны.

В статье «Итоги дискуссии о самоопределении» Ленин говорит: «Генеральные штабы в теперешней войне (мировой — *Б. III.*) тщательно стараются использовать всякое национальное и революционное движение в лагере их противников, немцы — ирландское восстание, французы — чешское движение и т. п. И с своей точки зрения они поступают вполне правильно. Нельзя серьезно относиться к серьезной войне, не пользуясь малейшей слабости противника, не ловя всякого шанса, тем более, что нельзя знать наперед, в какой именно момент и с какой именно силой «взорвет» здесь или там тот или иной склад пороха. Мы были бы очень плохими революционерами, если бы в великой освободительной войне пролетариата за социализм не сумели использовать всякого народного движения против отдельных бедствий империализма в интересах обострения и расширения кризиса. Если бы мы стали, с одной стороны, заявлять и повторять на тысячи ладов, что мы «против» всякого национального гнета, а с другой стороны, называть «путчем» геройское восстание наиболее подвижной и интеллигентной части некоторых классов угнетенной нации против угнетателей, мы низвели бы себя до уровня столь же тупого, как каутскианцы».

На этом считаем нужным кончить с поднятым вопросом, тем более, что потрясение внутренних основ враждебного государства в интересах внешней войны ныне всюду признано, и всякие обвинения в этом с генерального штаба должны быть сняты. Одно можно сказать, что выступать самостоятельно в этой области в мирное время, как это мы иногда ныне наблюдаем, без санкции правительства, генеральный штаб не имеет права, ибо такая борьба есть часть политической борьбы, ведомая правительством государства, а не его военным органом — генеральным штабом. В этом отношении признаем вполне правильными неудовольствия Берхтольда на генеральный штаб, посылавший самостоятельно оружие в Албанию для формирования бацк, за действия которых приходилось если не отвечать, то отписываться перед сербской дипломатией не генеральному штабу, а министру иностранных дел.

«Цель, которую себе поставит предпринимающий войну, и средства, которые он выставит для ее достижения, в сущности будут соответствовать именно всем данным условиям его положения. Но они вместе с тем будут носить отпечаток характера своего времени и общих отношений, наконец, они подчиняются еще и общим выводам, извлеченным из природы войны».

Так поучает старик Клаузевиц.

В предшествовавшей главе мы показывали, что на «природе войны» фельдмаршал Мольтке строил свою теорию эмансипации войны от политики.

Слов нет, что при составлении плана войны «общие выводы, извлеченные из природы войны», должны быть учтены обязательно. Мы уже говорили, что на основании их стратегия имеет право даже возбуждать ходатайство о видоизменении политической цели. Таково их влияние.

Нами выше отмечалось, что Конрад каждую реальную политику основывал на соотношении военных сил. Правда, как учил Клаузевиц, «число предрешает победу», и поэтому вполне естественно стремление каждого на-

чальника генерального штаба обеспечить этот численный перевес, если не развитием собственных вооруженных сил, то, по крайней мере, заключением соответствующих союзов и изоляцией противника.

Однако, как мы указывали выше, соотношение военных сил может быть признано величиной лишь относительной, но во всяком случае не решающей в войне. Да и пример борьбы самих срединных государств Европы, уступавших в численности военных сил Антанте, говорит за то, что видоизменять политические цели войны лишь из-за того, что простой арифметический подсчет числа дивизий складывается не в нашу пользу, — не приходится.

Ни Клаузевиц, ни Ленин — никто не приходил к выводу, что малое государство в борьбе с большим или союзом таковых заранее обречено на гибель. Наоборот, такое малое государство иногда вынуждено будет прибегнуть к наступлению, т. е. наиболее активному виду войны.

Следующее, что ставилось Конрадом, да и другими начальниками штабов внешней политике, как требования, кои должны быть учтены при определении той или иной линии поведения, — это *современный характер войны и подготовки к ней*. Мы не будем здесь повторять тех поучений, которые, например, в этом отношении делал Конрад, перечисляя современные элементы войны, кои усложняли ее. Они безусловно справедливы и должны обязательно учитываться как политиком, так и стратегом в составлении плана войны.

Отлично известно, что «каждая эпоха, — как говорит Клаузевиц, — должна бы иметь свою собственную теорию войны», и вот эта «теория» должна учитываться политиком. Ниже мы повторим, насколько его познания в военном деле должны быть широки, а здесь отметим, что поучения начальника австро-венгерского генерального штаба были уместны, поскольку дипломаты Вены имели довольно смутное представление о «природе войны». В наши времена изучение и знание общих основ войны особо необходимо каждому государственному деятелю.

Конрад в своих поучениях говорил и о технических условиях по разработке плана войны, давая дипломатам понять, насколько сложна и длительна подобная работа. Он отчетливо указывал, что план войны разрабатывается годами, что конкретная подготовка должна вестись, по крайней мере, в течение года и лишь в особых условиях изменение ее требует не менее 4—6 недель. В своем месте мы подробно поговорим по этому вопросу, а сейчас укажем, что знание той кропотливой и трудной работы, какая ведется генеральным штабом по конкретной подготовке к войне на том или ином фронте, не только не бесполезно для политика, но даже и необходимо.

Наконец, мы должны отметить и те трудности на путях начальника австро-венгерского штаба, какие ему приходилось встречать в разговорах с дипломатами при обсуждении их, порой фантастических, проектов различных военных демонстраций, мелких вторжений и тому подобных военных угроз, кои совершенно не отвечали современным условиям ведения войны. Поучительным, и до сих пор еще спорным, является вопрос с Босфорской экспедицией России. Как известно, русский сухопутный генеральный штаб считал, что ключ к Босфору лежит в Берлине, а потому концентрировал все

свое внимание и силы на западной границе. В то же время морской генеральный штаб полагал, что операция против проливов должна была быть проведена одновременно с наступлением на западном фронте. По размерам и делам нашего труда мы не в состоянии подробно осветить этот вопрос, но считаем, что точка зрения представителей сухопутия в 1914 году была более правильной, что подтвердилось в 1915 году неудачной Дарданелльской операцией. Несмотря на важность политической цели, нельзя не учитывать и «природы войны», которая советует не разбрасывать своих сил, а бить по главному противнику.

Из всего сказанного о конкретной подготовке к войне читающий наш труд уже может составить представление, насколько в этом тесно переплетаются политика и стратегия. Это ясно сознавалось начальником австро-венгерского генерального штаба, погружавшимся глубоко в недра политики в своих документах, беседах и думах. В этом нет, конечно, ничего противоземного, и можно лишь рекомендовать подобный образ мышления всем тем, кто призван на столь ответственные посты.

Но в одном грешил Конрад и грешил настолько, что сводил к отрицательным выводам свою деятельность не только перед лицом истории, но и в глазах своих современников. Путь мышления начальника австро-венгерского генерального штаба направлялся по руслу, коим следовал Мольтке старший.

Как не раз указывалось, Конрад в своих политических рассуждениях исходил главным образом из «природы войны». «Дух войны» диктовал ему те требования, кои должны быть предъявлены к политике.

Отсюда проистекали его требования об установлении благоприятного соотношения вооруженных сил, о постоянной, твердо установленной, линии поведения внешней политики, о независимости политики от влияния отдельных личностей, партий, его мольбы и требования превентивной войны, его проекты союзов, наконец, его смелые наброски не только политических целей, но даже соответствующих нот чисто дипломатического содержания.

Короче говоря, начальник австро-венгерского генерального штаба входил с предложениями не только видоизменений политических целей внешней политики, исходя из военных соображений, но стремился создавать их самостоятельно и даже проводить, что мы и отметили на своем месте. Поэтому мы и позволили себе подразделить линию поведения во внешней политике, выделив из нее особую линию генерального штаба. Правы мы в этом или нет, предоставляем судить читающим нашу вторую книгу.

Не может быть, конечно, двух мнений о том, что подобное явление следует признать ненормальным, что подчинять при составлении плана войны политику всецело «духу войны» не приходится и вступивший на этот путь будет идти ложной дорогой.

Выше указывалось, что причиной этого являлось недоверие стратегии к дипломатии. Конрад решительно заявлял, что он не намерен свои военные приготовления подчинять ошибочной политике. Даже осторожный германский начальник генерального штаба, и тот не доверял дипломатическому рулевому Германии. Конечно, такие доводы довольно неубедительны, и прав Клаузевиц, который писал: «Если, как это часто бывает, жалуются

на вредное влияние политики на ведение войны, то говорят не то, что сказать бы следовало». Философ войны с определенностью отмечает, что «возможным остается только подчинение воззрения военного — политическому».

Если мы наблюдали обратное явление при составлении плана войны, то это нужно объяснить отсутствием гибкости в нем, гибкости чисто военной, а не политической. Большинство начальников генеральных штабов смотрели довольно прямолинейно на использование вооруженных сил в случае войны и, наоборот, требовали маневрирования от внешней политики, т. е. гибкости от дипломатического плана войны, если признать наличие такового в природе.

Усложнившийся механизм современных массовых армий при их сосредоточении на границах требовал заблаговременной подготовки, в соответствии с данной политической группировкой вероятных противников. При этом, чем более проста была эта группировка и заранее предусмотрена, тем проще было сосредоточение войск на известном фронте. Идеалом для каждого генерального штаба было подготовить сосредоточение армии так, чтобы оно, подобно мобилизации, шло как часы. К этому стремился каждый начальник генерального штаба, требовавший от дипломатии точного и заблаговременного выяснения, кого считать врагом, кого другом, а Конрад даже сам, с военной точки зрения, занимался подобной классификацией государств Европы.

Тот же начальник австро-венгерского генерального штаба не раз приводил нам все выгоды в разработке конкретных военных приготовлений тем государством, которое, как, например, Испания, имеет, в сущности, один фронт, т. е. заранее установленную политическую цель, в соответствии с которой могло быть хорошо подготовлено стратегическое развертывание. По мнению Конрада, Австро-Венгрия была в сложной обстановке, когда ей приходилось вести подготовку к войне на нескольких фронтах, диаметрально противоположных. Кое-какие соображения на этот счет имелись у генерального штаба в Вене, разделявшего сосредоточивание силы на «уступы» А и Б, причем второй из них должен быть направлен, в зависимости от выяснившейся обстановки, в ближайшие дни войны на тот или иной фронт.

Не вдаваясь в подробности всех мероприятий, ведущих к маневру силами во время сосредоточения, что мы сделаем при рассмотрении работы генерального штаба по конкретной военной подготовке, приходится отметить, как общее для всех генеральных штабов, отсутствие гибкости в ней, преследование прямолинейности, вызываемые техническими соображениями, а отнюдь не политической обстановкой к моменту объявления войны.

Правда, в документах австрийского генерального штаба мы находим различные варианты для войны с соседними государствами или союзом их, во французском — наличие особого варианта к плану XVII, в русском — два варианта А и Г и в германском — в действительности один «гениальный» план Шлиффена в проработке Мольтке, на который возлагались все упования полубога с берегов Шпрее.

Если даже забыть то, что нам известно из прошедших событий мировой войны, то мы должны сказать, что германская дипломатия и герман-

ский генеральный штаб могли оказаться в более тяжелом положении, чем это случилось в действительности. Плохо ли, хорошо ли должно было сойти развертывание австрийских, русских и французских армий в общих условиях обстановки, — это другой вопрос, но что оно стремилось ответить возможным политическим целям войны, — в этом сомнения нет. Наоборот, начальник германского генерального штаба дошел до слез, когда ему было предложено начать войну только против России, ибо планы на этот случай, имевшиеся при его предшественниках, обновлены и разработаны не были, в существующий лист сосредоточения должно было быть внесено хаотическое начало, и Мольтке продолжал настаивать на своем требовании к политике — начать танцовать от печки. Ныне в германской военной литературе этот вопрос уже поднят и обсуждается, правда, довольно робко и с оговорками, дабы особенно не тревожить память знатного покойника.

Мы также особо не собираемся раскапывать могилы начальников генеральных штабов и ограничиваемся лишь установкой того факта, что перед мировой войной в генеральных штабах была тенденция разработки плана войны для определенной политической группировки государств, которая должна быть в палчии и к началу войны. Дипломатия должна была стараться выдержать эту группировку и в своих действиях связывалась известной разработкой генерального штаба. Гибкости конкретных военных приготовлений почти не было, а там, где она оказывалась, была плохо соображена с чисто военной, технической стороной. Причинами таких прямолинейных планов войны являются: а) предвзятость в понимании связи политики и войны; б) господство принципа выброски всех мобилизованных сил на тот или иной фронт при отсутствии стратегических резервов, и в) стремление иметь возможно меньше вариантов плана стратегического развертывания.

Считаем интересным напомнить телеграмму Мольтке к Конраду — не объявлять первыми войны русским — и боязнь Берлина, что Вена бросит свои силы, главным образом, против Сербии. Даже у такого ограниченного человека, каким был Берхтольд, и то возникло сомнение: кто же правит в Берлине — канцлер или Мольтке? Не говорим о жалобах на берегах Шпрее со стороны военных на политику канцлера и негодования Вильгельма на этого же самого «гражданского» канцлера, который ничего не понимал в военных делах.

Короче говоря, забыто было поучение Клаузевица, что «война есть орудие политики», и почти все генеральные штабы стремились сделать, наоборот, политику орудием для войны.

Нам приходилось слышать резкие осуждения австро-венгерского генерального штаба, который раскладывал свои варианты плана войны по различным полкам. Мы не присоединяемся к таким выводам и считаем, что план войны должен быть гибким, соответствовать различным политическим комбинациям. Часть из них можно предвидеть заранее, а поэтому можно иметь и несколько вариантов плана стратегического развертывания. Кроме того, каждый вариант должен предусмотреть возможность применения к той политической ситуации, которая складывается на внешнем фронте к моменту объявления войны.

Во всяком случае, техническими военными соображениями нельзя связывать внешней политики, ибо если война признает маневр, то такой же маневр лежит в природе самой политической борьбы.

«Война есть орудие политики, — говорил Клаузевиц, — действуя орудием, нельзя забывать о цели работы».

Мы снова повторяем, что не находим пужным углублять здесь этого вопроса с чисто технической, военной, стороны (в отношении разработки плана войны), что будет нами сделано на своем месте.

Остановим наше внимание на другом вопросе — на утверждении плана войны.

В современном понимании плана войны прерогативы утверждения, конечно, могут принадлежать лишь одному правительству. Мы условились, что под планом войны понимаем конкретную военную подготовку или, иными словами, стратегическое развертывание.

Как известно, ежегодные «мемуары» начальника австро-венгерского генерального штаба, в коих затрагивалась и конкретная военная подготовка, разделялись на 3 части: 1) политическая, 2) общая подготовка и 3) конкретная военная подготовка. Если первые две части сообщались министрам иностранных дел и военному, то последняя часть докладывалась лишь верховной власти — Францу-Иосифу и Францу-Фердинанду, причем внимание этих персон обращалось на особую секретность этой части соображений генерального штаба.

Аналогично утверждение планов стратегического развертывания происходило и в других странах, даже с республиканским строем, где план утверждался президентом.

Совет министров, решавший предварительно вопрос о войне или мире, точно также лишь в выдержках посвящался в оперативную часть плана войны, без занесения, конечно, в протокол происходивших по сему вопросу докладов генерального штаба.

В большинстве государств Европы перед мировой войной высшее руководство политикой и войной сосредоточивалось в руках лиц, представлявших собою верховную власть, и, таким образом, по сути дела, принятый порядок утверждения плана войны нужно было бы считать нормальным, если не учитывать того, что фактически верховная власть была довольно ограничена и по закону, и по своим индивидуальным качествам.

Как нам известно, начальник австро-венгерского генерального штаба запрашивал министра иностранных дел об основных линиях внешней политики и на основе их составлял уже военную часть плана. Если о принимаемых к разработке вариантах плана войны министр иностранных дел им ставился в известность, то о средствах и способах выполнения этих вариантов последний не был осведомляем в обычном порядке. Ходила даже легенда, что германскому канцлеру не был известен план вторжения германских армий в Бельгию. Ныне эта легенда разрушена.

Такой порядок участия внешней политики в утверждении плана войны тем же генеральным штабом должен был постепенно нарушаться, о чем скажем несколько ниже.

План войны, представляемый на утверждение, должен был содержать в себе указание главных противников, главного театра войны, военную цель,

предложения способов достижения поставленных политических и военных целей, т. е. применение стратегии измора или сокрушения, наступления или обороны, распределение сил и средств, установление срока их готовности к началу операций и план первых операций.

Не приходится много говорить о том, что во всех этих вопросах представители не только внешней, но и внутренней политики являются сильно заинтересованными. Если вспомним заседания австро-венгерского совета министров, то выступления на них Тиссы нужно признать вполне правильными и нормальными.

Поэтому считаем, что варианты стратегического развертывания должны обсуждаться и утверждаться не единоличными представителями правительства, а ответственными членами его в полном составе. Уклонение от этого начальников генеральных штабов объясняется: 1) признанием своей личной ответственности, по завету Мольтке старшего, лишь перед королем, т. е. высшим представителем власти; 2) меняющимся частым составом кабинетов и нежеланием, вследствие этого, ставить в известность о планах войны широкий круг лиц. Как известно, Конрад был недоволен морским представителем, который на совете министров проговорился о существовании морской конвенции с Италией и выговаривал Берхтольду, когда тот вел разговор по вопросам плана войны в присутствии гофмейстера двора — лица, совершенно не ответственного.

Если первый довод, как атрибут власти «полубогов», мы должны отвергнуть, то вопрос о сохранении в тайне конкретных военных приготовлений, конечно, имеет большое значение. Чем меньше лиц будет в них посвящено, тем лучше. Но, с другой стороны, нельзя лишить не только ориентировки, но и обсуждения плана войны представителей внешней политики, да и других членов правительства, ответственных за подготовку войны в том или ином направлении. Мы не собираемся перечислять здесь персон, кои должны привлекаться к утверждению конкретных военных соображений, но должны отметить, что число их не может быть сведено до единицы, а с другой стороны, не расширяться до бесконечности.

При иной постановке вопроса, как это и было на пороге мировой войны, возникает необходимость ориентировки в тех же вопросах стратегического развертывания различных членов правительства и в первую очередь — дипломатов.

Такая ориентировка со стороны начальника генерального штаба министра иностранных дел стала иметь место, как следствие самой природы войны, лежащей, в своей основе, в политике. Как ни хотелось любому начальнику генерального штаба эмансипироваться от политики, в конечном счете он обращался к ней же. «Дух войны» сдавал.

В каждой ориентировке министра иностранных дел или совета министров начальником генерального штаба мы находим, прежде всего, указания о силах и сроках готовности армий к открытию военных действий. То же — в отношении вероятных противников.

Затем, отсюда уже делался тот или иной вывод о желательности или ускорить начало войны, даже преднамеренно вызвать ее, или, наоборот, затянуть. Мы не приводим здесь примеров сказанному, так как читающий наш труд отлично помнит их из бесед Конрада с министрами иностранных

дел, а будущий маршал Франции Жоффр старался внести в эту область даже арифметическое начало. Правда, подобный прием был применен им с целью поугатать правительство и толкнуть его на войну, ибо, совершив сосредоточение одновременно с германскими армиями, главнокомандующий французских армий не думал переходить в энергичное наступление, а те километры, которыми он запугивал совет министров, были отданы с лихвой и при быстром развертывании.

Военная цель также освещалась генеральным штабом представителям дипломатии и советам министров, правда, в урезанных размерах. Частично затрагивался даже самый план операций, но в строго доверительном порядке.

Детали же плана стратегического развертывания начальниками генеральных штабов держались в тайне, и мы знаем, как резко реагировал Конрад на всякие попытки министерства иностранных дел заглянуть в эту область работы генерального штаба. Инцидент на итальянской границе с захватом наблюдательных пунктов и запрос по этому поводу министра иностранных дел, не делается ли это по плану войны, встретили разкую отповедь начальника австро-венгерского генерального штаба. А между тем, в сущности, вопрос был вполне уместен, ибо улаживать пограничные инциденты приходилось все же министерству иностранных дел. Наконец, уже отправляясь на фронт, Конрад усмотрел со стороны Берхтольда вторжение в права главнокомандования в ведении операций и снова протестовал.

Одним словом, военная часть плана войны считалась неотъемлемой принадлежностью генерального штаба и кругом его непосредственного ведения. Если им и делались откровения в этой области, то в силу необходимости, дабы получить от политики помощь, но никак не для того, чтобы согласовать военные требования или даже подчинить их политическим.

Нужно сказать, что как не щепетил в этих вопросах был Конрад, но он все же больше посвящал венских дипломатов в свои конкретные военные соображения, нежели это делали другие начальники генеральных штабов. Представители политики Германии, России и Франции были менее осведомлены в планах войны своих генеральных штабов, поэтому, естественно, получался тот клубок противоречий и недоразумений, какие происходили между ними и создавали лишние трения, заставляя одних нервничать по поводу ложных шагов политики, а других считать военные круги излишне воинственно настроенными. Более или менее откровенные беседы этих органов управления происходили уже в водовороте нараставших событий, т. е., иными словами, отправляясь на охоту, кормили собак. Естественно, что при таких условиях появились «гражданские канцлеры» и полный разлад политики со стратегией, что не знаменовало собой хорошего конца и даже начала.

До сих пор еще некоторые убеждены, что германская политика оказалась несостоятельной на пороге мировой войны и поставила стратегию в тяжелые условия. Приходится вспомнить Клаузевица, который в этом случае указывал, что говорят не то, что следовало бы сказать. Отсутствие гибкости в плане войны, нарушение нейтралитета Бельгии, чего требовала стратегия, не только не отвечали замыслам германской политики, но оказались вредными и для германской стратегии. В одном можно обвинить

«гражданского канцлера» в Берлине и его помощников — это в том, что они своевременно не требовали от генерального штаба более детальной ориентировки в его замыслах и не обсудили их с политической стороны.

Во всяком случае, считаем, что не только в определении основных направляющих линий внешней политики для плана войны должна участвовать дипломатия, но для более правильной ее работы она должна быть введена в «святая святых» генерального штаба. Конечно, это лишний раз подчеркивает необходимость твердой устойчивости дипломатического языка в сохранении военной тайны. Если представителям внешней политики доверится хранение дипломатических тайн, то нет оснований лишать их права хранить и военные секреты. Правда, министерская чехарда, которая свойственна капиталистическим государствам, расширяет круг лиц, кои оказались бы посвященными в основы плана войны, но изживать это нужно иным путем, а не постройкой китайской стены вокруг генерального штаба.

Министр иностранных дел Австро-Венгрии Эренталь не раз указывал начальнику генерального штаба Конраду, что все вопросы политики и войны решаются в таком высоко-компетентном органе, как совет министров. Мы наблюдали и даже присутствовали с читателем на заседаниях этого органа управления в различных странах, причем сам начальник генерального штаба или приглашался на них как военный эксперт или совершенно не получал приглашения. Конечно, не приходится много говорить о том, что совет министров должен быть полнее посвящен в план войны, дабы принять решение, вполне соответствующее обстановке. Вполне естественно, если на нем подвергнутся обсуждению даже чисто оперативные вопросы, ибо не нужно забывать, что войну ведут не генеральные штабы с их армиями, а все государство в целом, высшим органом управления которого в капиталистических странах и является совет министров.

Современная эпоха военного искусства уже с достаточной четкостью передала дело подготовки и ведения войны в руки правительства, а поэтому таковое в праве требовать от генерального штаба и отчета в его военных замыслах, не ограничиваясь одним чтением писем, подобных тем, кои посылались Жофвром, или полутаинственными намеками Конрада и других начальников генеральных штабов об их планах стратегического развертывания.

Здесь мы вплотную подходим к вопросу о том, *нужно ли знание войны для политических деятелей*, составляющих правительство и, в частности, для представителей внешней политики государства — дипломатов.

Нами не раз указывалось, что война, как общественно-историческое явление, — больше политический акт, нежели военное действие. Мы, может быть, даже злоупотребляли ссылками на различных авторитетных в этом лиц для подкрепления своих суждений. Ныне это уже твердо установлено.

Раз война есть орудие политики, то ясно, что деятели последней должны знать основы использования этого орудия, его природу.

Вопрос, в сущности, совершенно не новый. На пороге XIX столетия стратег-классик Бюлов в своих трудах заострил его и пришел к довольно кардинальным выводам.

Положив в основание аксиому, что война должна заключать в себе политику, Бюлов писал: «Как может быть хороший дипломат, который

не был бы в то же время хорошим воином? Ведь военные знания нужны ему для исполнения его важнейших функций; отсюда вытекает, что *дипломатами следовало бы назначать только хороших солдат*, так как на что пригодна хитрость без силы?»

«Как может дипломат, — продолжает он, — оценивать силы противостоящих государств, если ему неизвестна самая наука о силах? Если ему, следовательно, неизвестны естественные границы государства, т. е. границы, обеспечивающие безопасность? Как от его близоруких глаз ускользает момент, когда надо наступать, и он не усматривает времени, когда уже нельзя больше обороняться? Одним словом, знания шифровальщика не могут быть достаточны там, где необходимой основой является военная наука».

Сообщая миру «принципы политической стратегии», которая «не является дипломатической», Бюлов приходил к выводу, что «дипломаты редко бывают политиками».

Современник Бюлова, Наполеон, оказался и хорошим солдатом, и хорошим дипломатом, доказав как раз справедливость суждений стратега-теоретика. Дельбрюк свидетельствует, что «в самых сокровенных глубинах своего существа Наполеон представлял гораздо более государственного человека, чем воин». Но нужно отметить, что тот же Наполеон имел при себе и таких видных дипломатов, как Талейран, которые не были «хорошими солдатами».

Клаузевиц отказался последовать в этом теории Бюлова и признал, что «политика в состоянии решениями своими влиять на войну вредно, но тогда только, когда она обещает себе успех от известных военных средств и мероприятий, оценивая их ложно и противно их природе». «Как человек, слабо знающий чужой язык, способен верную мысль выразить неверно, точно так же и политика может потребовать того, что вовсе не соответствует ее намерениям. Подобное встречалось весьма часто, так что является потребность, чтобы правящие политическими сношениями в известной мере понимали и дело военное».

«Однако же, — продолжает Клаузевиц, — оговоримся, во избежание ложного истолкования нами сказанного. Мы далеки от того, чтобы полагать, что лучшим государственным министром будет зарывшийся в бумагам военный или ученый инженер, или даже дельный в поле военный (soldat), а именно, в тех случаях, когда сам монарх не есть, вместе с тем, свой государственный министр. Точно так же не полагаем, чтобы главным делом монарха было знание военного дела».

«Главное тут, — советует Клаузевиц, — крепкая, светлая голова и сильный характер; что же касается до понимания военного дела, то можно его исполнить так или иначе. Никогда Франция не была так дурно направляема политически и по части войны, как при братьях Бель-Иль и герцоге Шоазель, хотя они все трое были хорошими военными».

К выводам, противоположным теории Бюлова, Клаузевица привело изучение войн наполеоновской эпохи и Французской революции, когда усложнившаяся обстановка войны и зависимость последней от политики наметали уже отход от принципов единоначалия в управлении войны и передачу его в руки коллектива.

Видный теоретик военной мысли требовал, чтобы «правлящие политическими сношениями в известной мере понимали и дело военное».

Как известно, следующая эпоха знаменуется появлением триумvirата, как органа, управляющего войной.

С появлением триумvirата историй отмечаются трения между политикой и стратегией, о коих мы не раз говорили в первой книге нашего труда. Если представители стратегии, пытаясь обеспечить чистоту природы войны, выражали сожаление, что не могут отделиться от политики, то одной из причин этого ими выставлялось непонимание политикой законов войны.

С другой стороны, мы слышали свидетельство Бисмарка о полной безграмотности в политике представителей генерального штаба его времен, причем германский канцлер приходил к выводам, что «политика—не поле сражения», ибо во всех политических рассуждениях генерального штаба он усматривал стремление методы военной борьбы перенести и на политическую арену.

Мы не будем вдаваться в подробный разбор познания войны политиками и стратегами эпохи Мольтке старшего, ибо то же обвинение в безграмотности в военном деле, какое предъявлялось дипломатам, читатель имел возможность предъявить многим лицам, слова которых мы цитировали в настоящей книге нашего труда.

Действительно, если вспомним беседы Конрада с Берхтольдом или иными дипломатами Вены о ходе мобилизации, сосредоточении и других военных действиях, мы должны отметить довольно слабое понимание, если не сказать полное незнание представителями внешней политики обстановки современной войны. Люди «дипломатического пера» имели довольно поверхностное понятие о том, как в современных условиях применяется «меч», т. е. то орудие, которым в последней инстанции в международных отношениях они должны действовать.

В Германии мы слышали обвинения Вельгельмом канцлера в «гражданском» понимании войны.

В России Сазонов подвергался усиленной обработке сухопутным и морским генеральными штабами при надвигающемся призраке войны, причем германский посол Пурталес в своих воспоминаниях отмечает, что Сазонов, как человек штатский, совершенно не понимал войны, идя на поводу у генерального штаба.

В Париже Жофр с цифрами в руках доказывал наглядно кабинету министров весь вред отсрочки мобилизации.

Одним словом, можно с определенностью установить, что механизм современной войны был туманен для дипломатов, что являлось их слабым местом.

Причиной этого нужно считать то же ложное толкование Клаузевица, что якобы с началом войны прекращается дипломатическая работа и все управление переходит в военные руки.

Это безграмотность представителей внешней политики и боязнь, как бы она ни повредила военной обстановке в случае вооруженного конфликта, вынуждали Конрада не только терпеливо разъяснять сущность условий современной войны в личных беседах, но и заполнять свои доклады

чисто теоретическими рассуждениями на эту тему. Такие поучения начальника австро-венгерского генерального штаба выслушивали не только дипломаты, но и представители верховной власти. Те же разъяснения давались Даниловым Сазонову и его ближайшему помощнику Базили.

Отсутствие понимания войны, как вооруженной борьбы, зачастую заставляло дипломатов идти на поводу у генеральных штабов, чем и объясняются всякие разговоры о большей подготовленности в политике генеральных штабов, нежели политиков в деле военном о неудачной политике и т. д. Одним словом, лейтенант прусского резерва, каковым был германский посол Пурталес, бросаясь на грудь Сазонову, усиленно его упрашивал, в интересах сохранения мира, не давать говорить генеральным штабам, не подозревая того, что он сам является эхом начальника австро-венгерского генерального штаба. Сказанное нами и приведенные выше факты говорят с очевидностью о том, что знание современной войны, условий ее ведения, подготовки и известного масштаба времени для тех или иных военных операций должны составить необходимую школу для политического деятеля, в частности — для дипломата наших дней.

Мы совершенно не хотим сказать, что лучшим политиком или дипломатом будет «солдат», но что известный круг военных познаний должен иметь каждый государственный деятель, оперирующий на политическом поле, — это является неопровержимым. Не желаем погружать его с головой в тайны стратегии, тем более тактики, но считаем, что понимание природы войны не должно быть чуждо политике, ибо нельзя хорошо действовать орудием, не зная условий его применения. Клаузевиц находил, что в данном случае достаточно иметь «крепкую, светлую голову и сильный характер», а понимание военного дела «можно пополнить так или иначе». Ныне, с усложнившимся характером современной войны, на «так или иначе» рассчитывать нельзя, равно как не следует полагаться на одну крепость и просветление своей головы. В наши дни и политическому деятелю приходится заранее пополнить свой умственный багаж диклом чисто теоретическим знанием механизма современной войны в общих крупных очертаниях. Если Бисмарк говорил, что «политика — не поле сражения», то ныне можно сказать, что война — не дипломатический стол, и так как в управлении войной политика принимает наипервейшее участие, то, следовательно, ей должны быть известны и чисто военные начала вооруженной борьбы.

Без познания существа современной борьбы политика может стать на ложные пути и обольщать себя достижением войной тех политических целей, кои совершенно не по силам. «Как человек, — говорит Клаузевиц, — слабо знающий чужой язык, способен верную мысль выразить неверно, точно так же и политика может потребовать того, что вовсе не соответствует ее намерениям».

«Крепкая, светлая голова» политика наших дней, в частности, дипломата, должна содержать внутри себя и знание основ военного дела.

Действительно, если мы оглянемся на историю, то найдем ряд выдающихся политических деятелей, кои изучали эти основы войны, стремились познать ее природу.

Конечно, знания лейтенанта прусского резерва, коими гордился Пурталес, не есть еще гарантия безошибочных шагов дипломата, что и дока-

зано им же на деле. Бисмарк тоже был офицером второлинейных войск, но его познания природы войск были глубокими и основательными.

Наконец, если мы возьмем марксистов, то стремление их изучать войну, как вид общественных отношений, познать ее основы, можно признать общим. Начиная с Маркса, ряд основоположников марксизма — Энгельс, Меринг, Ленин — все они внимательно изучали философию войны Клаузевица. Мы уже приводили доказательства этому, а потому повторяться не будем. Война, в ее основе, была хорошо знакома Ленину, потому мы и видим с его стороны правильную ориентировку в ней, как в «действии политическом», и понимание ее чисто-военных явлений.

Если война должна быть понятна для политика, то, с другой стороны, последняя не должна быть чуждой для стратега, начальника генерального штаба. В первой книге нашего труда мы подробно на этом останавливались и полагаем не возвращаться к этому вопросу. Без правильного понимания экономических и политических соотношений как внутри государства, так и на внешних его путях нельзя составить и верных военных предначертаний. Это хорошо должно быть усвоено полководцами наших дней.

Считаем необходимым остановить внимание читающего наш труд еще на одном — это на тех недоразумениях, кои возникали между министерством иностранных дел и начальником генерального штаба из-за происходивших пограничных инцидентов.

Из предшествующих глав известно, что такие столкновения бывали при установлении границ или же нарушении уже существующих границ пограничной охраной.

Нет слов, что проведение новой границы требует обсуждения ее с различных точек зрения: политической, экономической и чисто-военной. Поэтому к делу установления и обозначения границы привлекаются и представители генерального штаба. Конрад жаловался, что в этом вопросе министерством иностранных дел игнорировались пожелания военного ведомства. Жалоба безусловно основательная, но только в этом вопросе не следует размениваться на мелочи. В зависимости, от характера местности, самая пограничная линия имеет то или иное значение в военном отношении. Если местность гористая, то тактические условия на самой границе приобретают большее значение, нежели на местности открытой и ровной. Необходимо разделить пограничную местность прежде всего с точки зрения оперативной, и, в зависимости от этого, предъявлять военные требования. Бывает же иначе, когда увлечение чисто-тактическими выгодами узкой пограничной полосы, проявляемое генеральным штабом, создает затруднения для дипломатии в ведении переговоров. Не нужно в этих вопросах быть мелочным, необходимо иметь широкий военный взгляд.

Что касается нарушения уже существующей границы, то претензии в этом отношении министерства иностранных дел к военному ведомству, генеральному штабу в частности, нужно признать справедливыми, ибо расхлебывать создавшееся политическое недоразумение приходится не кому иному, как министерству иностранных дел. Обиды Конрада в этих случаях как бы его доводы ни были обоснованы военной необходимостью, не могут быть признаны заслуживающими внимания. Можно говорить лишь о совместной работе министерства иностранных дел с генеральным шта-

бом по улаживанию конфликта, по никак не об обидах генерального штаба на запросы министерства иностранных дел о нарушении границы. Если стороны государства, предъявляющего жалобы на нарушение границы, имеются такие же случаи, то конфликт может быть скорее улажен, но служить основанием к отрицанию неприкосновенности границы такие случаи не могут. Неприкосновенность границы, хотя бы как декорум, должна существовать, если соседние государства поддерживают между собой дипломатические отношения.

На этом считаем возможным закончить наше рассуждение о совместной работе внешней политики и стратегии по плану войны. Мы не затронули технической части работы по плану войны, ибо сделаем это на своём месте. Нет слов, что при такой архитектонике всей нашей работы придется возвращаться и к политической мотивировке того или иного решения, но во всяком случае за это берем ответственность на себя. Метод повторения — не плохой метод.

«Когда дело идет о плане войны и кампании, — учил Клаузевиц, — то обращение к политике совершенно неизбежно».

Эти мудрые советы не следует никогда забывать тому, кто берется и в наши дни за составление плана войны или кампании.

ГЛАВА VIII

МОБИЛИЗАЦИЯ — ОПИУМ ВОЙНЫ

Роль мобилизации в возникновении мировой войны — Мобилизация, как военное явление. — Мобилизация эпохи Мольтке старшего и мобилизация перед мировой войной. — Характер войны определяет и характер мобилизации. — План войны и мобилизационный план. — Независимость мобилизации от оперативного развертывания. — Виды мобилизации. — Длительность пребывания в состоянии покоя на границах мобилизованной армии. — Предмобилизационный период. — Первый день мобилизации и объявление таковой. — Мобилизация как политический акт. — Возросшее политическое значение мобилизации. — Экономическая мобилизация. — Мобилизация и внутренние соотношения населения в государстве. — Общая и частная мобилизация в понимании различных европейских государств в июле 1914 года. — Мобилизация — преддверие войны. — Официальное объявление войны. — Как объявляется мобилизация. — Срок объявления мобилизации и выбор вида таковой. — Современное значение мобилизации.

Наше поколение еще сохраняет в памяти весь тот шум, который произвела в 1914 году русская мобилизация. Сгоряча эта мобилизация была названа тем факелом, который зажег не только европейский, но и мировой военный пожар. Такое убеждение держалось до конца войны и даже позднее; во многих серьезных трудах мы находим толкования русской мобилизации, как первопричины империалистической войны. Кое-кто обвинял в этом Россию, кое-кто из бывших русских, главным образом военных, деятелей оправдывался в соучастии в таком преступлении перед «гуманностью», «цивилизацией» и т. д. Появилась даже целая теория об автоматичности мобилизации в Европе в июльские и августовские дни 1914 года. Одним словом, мобилизация получила такое значение в международных отношениях, что пройти мимо этого явления не может тот, чье перо описывает события мировой войны.

Вполне поэтому понятно, что в главах настоящей книги, посвященных изложению исторических событий на пороге мировой войны, мы подробно на этом остановились и пытались на суд читателя дать более или менее исчерпывающий материал по вопросу о мобилизации летом 1914 года.

Мобилизация и в наши дни не исключена из военного обихода, а потому злободневность ее в 1914 году нисколько не уменьшилась и для наших дней. Сказанное вынуждает нас, более или менее детально, заняться этим вопросом. Конечно, по размерам нашего труда, и по тем целям, которые преследуются в данной книге, мы не можем углубляться в трактование чисто-технических условий производства мобилизации, а будем ограничиваться лишь общими выводами.

Не втягивая читателя в глубь веков военного искусства, мы считаем нужным указать, что мобилизация, как военное явление, получила наи-

более четкое выражение в эпоху Мольтке старшего. С понятием о кадровой армии, о «вооруженном народе» связано и представление о мобилизации этого народа для войны. На отлично проведенных мобилизациях в 1866 и 1870 годах военный министр Пруссии Роон создал себе славу, встать сказать, удержав дело мобилизации в недрах военного министерства.

Мобилизация тех времен знаменовала собой переход от кадров мирного времени к армии, необходимой для войны, путем развертывания кадров и пополнения их людьми, конским составом, снабжения вооружением и всеми другими видами довольствия для войны. Одновременно производилась мобилизация железнодорожного транспорта, на обязанности которого лежало быстрое доставление мобилизованной армии на театр военных действий.

От мобилизации требовались быстрота и планомерность в работе, дабы боевые силы были скорее изготовлены к войне. Мобилизация призывала десятки, сотни тысяч людей под знамена, а потому, естественно, требовала хорошей предварительной разработки так называемого мобилизационного плана.

Опыт указанных выше прусских мобилизаций был учтен во всех государствах Европы и взят за образец.

С таким понятием о мобилизации государства Европы оказались и на пороге мировой войны. В первой книге нашего труда мы останавливали внимание на экономической мобилизации страны и указывали, насколько она была в наличии в 1914 году, поэтому здесь повторяться не будем.

Нельзя, конечно, рассматривать мобилизацию, как военное явление, особо от той эпохи военного искусства, в которой она зародилась и развивалась, от тех принципов стратегии, кои в то время являлись руководящими.

Мы не раз отмечали, что господствующими тенденциями стратегической линии на пороге мировой войны были думы и намерения вести войну по принципам *стратегии сокрушения*. Поэтому и мобилизация должна была отвечать этому виду войны.

Стратегия сокрушения требовала быстрого изготовления возможно большего числа боевых сил, быстрого их сосредоточения и почти одновременного введения в дело для достижения столь же быстрого решительного успеха. Иными словами, стратегия молниеносного действия требовала и крайнего напряжения в развертывании вооруженных сил для войны. Эти требования служили отправными для мобилизации и клялись в основу всех работ в этой области. Чем больше росли армии в своем численном составе, тем более усложнялась мобилизация и тем сильнее возрастало ее значение как акта, требующего большего напряжения сил и спокойной бесперебойной работы.

Нам кажется, что мы будем не далеки от истины, если скажем, что *характер будущей войны определяет и характер самой мобилизации*.

Уже самый ход империалистической войны, возродивший второй вид войны — *стратегии измора*, вызвал к жизни постепенность мобилизации, приведение в боевую готовность не использованных в начале войны сил и средств.

Ныне, на основании опыта мировой войны, теория устанавливает длительность и эшелонность мобилизации государства для войны. Такое поня-

тие мобилизации вполне естественно в связи с тем размахом, какой должна принять война в переживаемое нами время. Мы не будем здесь вдаваться в подробности трактования современных условий мобилизации, захватывающей ныне все силы и средства государства в целом, а не одни только вооруженные его силы. Отметим только, что мобилизация наших дней является еще более напряженным и длительным явлением для всего государства, чем это было ранее.

Но как бы постепенна и длительна мобилизация ни была, однако, и в наши дни первый ее эшелон все же должен быть достаточной силы и мощности, дабы сразу же не потерпеть решающей неудачи. Поэтому и при современных условиях вопрос о скорейшей боеготовности первого эшелона остается таким же острым, каковым он был в 1914 году. Стратегия измора так же требует быстрой готовности определенного количества сил и средств, дабы дать возможность продолжать борьбу, накапливая силы, а не пачать ее такой военной неудачей, которая бы не дала возможности в дальнейшем не только восстановить силы, но и получить известный, нужный для победы численный перевес над противником.

Трудно, конечно, заранее предусмотреть всю ту силу, все средства, кои будут противником использованы в войне, и в соответствии с этим определить меру наших усилий для борьбы. Однако, предварительные расчеты в этом отношении не только могут, но и должны быть сделаны.

Философ войны Клаузевиц на этот счет говорит: «При самой подготовке к войне мир действительный вытесняет отвлеченные выводы: настоящая мера заступает место крайних предположений. Точно так же и при исполнении самой войны противники не дойдут до пределов крайних напряжений, а потому и не выставят разом все свои силы и средства. Военные силы и средства по самой природе вещей не могут быть введены в дело рядом»...

«По самой природе войны невозможно достигнуть полной одновременной готовности всех сил для немедленного, одновременного ввода их в дело. Тем не менее, все-таки следует стремиться к тому, чтобы для первого столкновения подготовить возможно большие силы, хотя бы и с крайним напряжением. Причина та, что первая неудача нежелательна сама по себе и никто сознательно не захочет ей подвергнуться; она притом всегда окажет вредное влияние на последующие столкновения; невыгодное влияние тем больше, чем значительнее размер этой неудачи».

Война ведется для достижения известных политических целей, при определенной политической группировке государств. В предыдущей главе мы указывали, что реальным выражением наших намерений в достижении поставленных войне политических целей является план войны, конкретные военные соображения для войны на определенном фронте.

Выполнение плана войны требует *приведения* в боевую готовность нужного числа боевых сил и средств, т. е., иными словами, их мобилизации.

Таким образом, можно установить зависимость между планом войны и мобилизацией. В соответствии с тем или иным планом войны производится та или иная мобилизация. Если план войны требует крайнего напряжения сил государства, то для него необходима и общая мобилизация всех сил и средств, и, наоборот, при войне на второстепенных фронтах можно, в

связи с планом, ограничиться частной мобилизацией вооруженных сил и средств. Наконец, частная мобилизация с изменением политической обстановки может быть переведена в общую.

Такую тесную связь плана стратегического развертывания с мобилизацией мы могли наблюдать во всех армиях на пороге мировой войны. Во Франции такой план вел к общей мобилизации, в Германии он требовал известной гибкости, в России, несмотря на два варианта «А» и «Г», дело сводилось к общей мобилизации и, наконец, в Австро-Венгрии была предусмотрена как частная, так и общая мобилизация — на случай войны на Балканах и на случай европейских осложнений. Мобилизуемые части имели свое предназначение в плане стратегического развертывания, не давая возможности маневрировать ими. Особенно тесная связь между мобилизацией и стратегическим развертыванием была в приграничных частях, ибо каждая мобилизация требует соответствующего оперативного прикрытия. Так, например, весьма характерен в этом отношении эпизод с 16 германской дивизией, которая, по мобилизации, должна была занять Люксембург и обеспечить его, как район выгрузки подвозимых войск. Малейшая попытка к изменению этого довела до слез начальника германского генерального штаба, хотя, как известно, военный министр не придавал такого серьезного значения запозданию в этой маленькой военной операции.

Одним словом, известную независимость мобилизации от оперативного развертывания можно было наблюдать лишь в мероприятиях французского генерального штаба, который прикрыл границу путем индивидуального призыва под знамена резервистов в пограничных корпусах властью военного министра, не объявляя ни частной, ни общей мобилизации.

Как увидим ниже, мобилизация является настолько серьезным шагом по пути к войне, что, конечно, такая независимость мобилизации от оперативного развертывания в принципе должна быть признана желательной. Отсутствие гибкости в этом вопросе стесняет как военное, так и политическое маневрирование. Действительно, тесная связь мобилизации с конкретными соображениями приводила как в Германии и Австро-Венгрии, так и в России к настойчивому требованию генерального штаба от внешней политики решительных шагов в принятии ответственного решения о войне и лишала дипломатов свободы действий.

Выше мы отметили, что, в зависимости от общего плана войны, мобилизация приемлет вид частной или общей. Тот или другой вид ее определяется слагающейся политической группировкой к моменту объявления мобилизации и самой войны. Таким образом, выбор вида мобилизации диктуется политическими мотивами.

Что же касается военной стороны этого вопроса, то здесь нужно учитывать ту меру напряжения, какая должна быть проявлена государством в войне на том или ином фронте. В зависимости от этого можно признать отвечающим обстановке существование в Австро-Венгрии частной мобилизации для Балкан и общей в случае выступления России. Наконец, как мы слышали от Данилова, в русском генеральном штабе предусматривалась частная мобилизация для второстепенных, не европейских, фронтов.

В Германии был в наличии лишь план общей мобилизации.

Во Франции был разработан постепенный переход от частной мобилизации к общей.

Нами подробно освещен вопрос об общей и частной русской мобилизации как с политической, так и с военной сторон. Повторять его не будем, а подведем лишь итог. Не касаясь пока политической стороны, нужно признать, что та мобилизация четырех округов, которая так неожиданно выплыла в июльские дни в русском генеральном штабе, являясь отголоском событий 1909 года, в действительности не давала тех сил и средств, кои нужны бы были для войны с Австро-Венгрией, не говоря о том, что границы Варшавского округа не были прикрыты от ударов австрийцев. Поэтому, если и можно было говорить о частной мобилизации, то в смысле ее расширения за счет Варшавского и, вероятнее всего, Петербургского военных округов. Иными словами, дело клонилось к общей мобилизации при необходимости надлежащего обеспечения границ с Германией.

Сомнительный нейтралитет Франции, о возможности которого мечтал Мольтке, вынуждал его итти на общую мобилизацию всей германской армии, на оставление значительной ее части на французской границе и предъявление жестких требований к французскому правительству, как гарантии соблюдения нейтралитета.

Если вникнуть в существо частных мобилизаций Франции и Австро-Венгрии, то они фактически являлись преддверием к общей мобилизации. Война в современных условиях настолько требует напряжения от государства, что *частная* мобилизация в наши дни действительно будет являться *частным случаем*, скорее временным ходом политики, нежели военным средством. Как таковое, она должна считаться ничем иным, как переходной ступенью к общей мобилизации. В этом отношении мероприятия французского генерального штаба следует признать поучительными.

Здесь необходимо остановить внимание на *особом виде мобилизаций*, кои мы наблюдали как в Австро-Венгрии, так, частично, и в России. В Дунайской монархии тот низкий штатный состав частей армий, о котором мы говорили в первой книге нашего труда, вынуждал генеральный штаб, с обострением политического положения, призывать под знамена часть резервистов, повышая тем боевую готовность армии. С 1909 года такой призыв запасных сделался почти хроническим для австро-венгерской армии. В русской армии в дни обострения политического горизонта задерживался под знаменами годовой контингент, подлежащий увольнению, и, таким образом, боевая готовность в значительной мере повышалась. Такое мероприятие следует отчасти объяснить недостаточно развитой и недостаточно провозможной железнодорожной сетью бывшей России.

Как ни желательны были подобные мероприятия, носившие в Австро-Венгрии наименование *частных* мобилизаций, но длительность их сказывалась отрицательно на моральном состоянии самой армии. В этом отдавали себе отчет представители всех военных инстанций армии Габсбургов, и даже сам инициатор их — Конрад — изрекал истину, что организация армии, как «вооруженного народа», не может быть сочетаема с длительным пребыванием запасных под знаменами в ожидании войны. Мы знаем, однако, что на этой почве у Конрада происходили недоразумения с военным министром, и если начальник австро-венгерского генерального штаба противился роспуску

по домам призванных резервистов, то исключительно в силу напряженного политического положения. Приходилось изыскивать различные меры по удержанию на должной высоте морального уровня армии, вплоть до установления особой медали за «мирные» мобилизации. Конрад пытался использовать эти призывы даже как доказательство необходимости ведения войны, что, конечно, не может быть оправдано ни с какой стороны.

Мы останавливаем внимание на подобных мероприятиях потому, что они рекомендуются и в наши дни. Слов нет, что ими достигается усиление боевой готовности вооруженных сил, но, с другой стороны, нужно учитывать и обратную сторону подобных мобилизаций. Длительное пребывание призванных резервистов под знаменами, без перспектив войны, может сказаться отрицательно на их моральном состоянии, и вместо повышения боевой готовности последует ее понижение. Мы скорее склонились бы к фактической, а не призрачной мобилизации, заранее даже пойдя на известные жертвы во времени сосредоточения, но с уверенностью, что под рукой боеспособные войсковые организации, нежели пустили бы в дело части, потерявшие моральную упругость от долгого военного напряжения.

Приведение армии на военное положение создает известный подъем ее военной доблести, повышает моральный уровень всей армии. Поэтому интересно остановиться на том вопросе, который занимал на пороге мировой войны как представителей генеральных штабов, так и дипломатов: *насколько мобилизованная армия может спокойно оставаться на границе*. Как известно, Сазонов, да и представители русского генерального штаба, считали возможным длительное стояние русской армии «с ружьем у ноги» на границах России. Конрад, Мольтке и Жофр смотрели на это иначе, и начальник австро-венгерского генерального штаба довольно образно пояснял, что по мобилизации армии и сосредоточении ее на границах весьма возможно и вполне допустимо, что эта армия в любую минуту вскинет ружье «на плечо» и перейдет границу, вторгнувшись на территорию своего соседа.

При исследовании этого вопроса нужно исходить из 2 положений: 1) боевой готовности армии и 2) ее повышенной воинственности.

Достижение боевой готовности армии и предупреждение в этом будущего прага настолько являлось желательным для каждого командования, что захват в свои руки почва в действиях упредившей в готовности армией следует считать вполне нормальным. Нужно признать, что закончившееся сосредоточение армии будет последним орудием в руках дипломатов, но необходимо указать на то, что при таком состоянии армии командование ее в действительности безусловно будет делать нажим на внешнюю политику, добиваясь скорейшего перехода к активным действиям. Мы уже указали, как высоко расценивался военный успех генеральным штабом, и поэтому вполне естественно, что раз шансы дают возможность его достичь, то мы встречаем и горячее стремление к этому со стороны командования. Выше отмечалось, как сильно опасался Жофр, да и другие начальники штабов, возможного опоздания с окончанием готовности в сравнении с противником; поэтому столь же настойчивым будет стремление командования армии, уже изготовившейся, перейти к активным действиям. В этом был прав Пурталес, разъяснявший Сазонову, что с мобилизацией дипломатия решение вопроса о войне или мире передает пушкам.

Мобилизация настолько поднимает воинский дух армии, что взаимные переходы границы, столкновения мелких отрядов, известная нервность обеих сторон становятся совершенно неизбежными. Если просмотреть первые дни мобилизации под этим углом зрения, то мы можем фиксировать много различных нарушений границы, разных слухов об этом, нервующих и без того приподнятые в своем настроении пограничные части. Одним словом, как бы ни хотело командование, а тем более дипломатия, с объявлением мобилизации, в силу чисто военных причин, пушки могут начать стрелять сами.

Таким образом, нужно считать сомнительным предположение о возможности, в современных условиях войны, длительного пребывания мобилизованных армий в состоянии военного покоя без перехода к активным действиям. Если в наши дни состояние мира не обеспечивает границы от налета вооруженных банд, то тем более при мобилизации нельзя поручиться за то, что ни один выстрел не раздастся на границе.

Важность планомерного проведения мобилизации, с одной стороны, сложность ее, с другой, и, наконец, тяготы, вызываемые подъемом людей и конского состава, вынудили во всех государствах на пороге мировой войны установить особый подготовительный к войне или предмобилизационный период.

Мы не будем в подробностях останавливаться на его содержании, а отметим лишь, что его установлением все государства стремились выполнить из мобилизационных работ все то, что было возможно сделать без призыва людского и конского состава. Нами в своем месте даже перечислялись эти мероприятия.

По существу, предмобилизационный период являлся преддверием мобилизации, и за ним зорко наблюдали из противного лагеря. Рассчитывать на длительный его срок без того, чтобы противник не реагировал контрмерами, конечно, не приходилось. Поэтому такой период был фактически краток, и лишь Россия стремилась его удлинить, объявив его 26 июля — с началом австрийской мобилизации против Сербии. Равным образом заблаговременно, 24 июля, начал свою мобилизацию английский флот. В Берлине в 1 час дня 30 июля объявлено положение, угрожающее войной, а в 5 часов дня 1 августа подписан указ об общей мобилизации армии и флота. Правда, еще до 30 июля в германской армии был принят ряд мер, способствовавших повышению ее боевой готовности. Таким же образом, постепенно и заблаговременно, производилась фактическая мобилизация сил во Франции, и правительство республики давало совет в Петербург, правда, запоздавший, о секретной мобилизации вооруженных сил союзника. Мобилизация, как гласный акт, должна была явиться в последние минуты и притом оказаться бесповоротной.

В современных условиях войны мы, конечно, встретимся с таким же положением, с наличием того же предмобилизационного периода, который существовал и до войны 1914 года. Можно ожидать, что, в виду усложнившейся мобилизации сил и средств всего государства в целом, по существу, такой подготовительный период, особенно в области экономической мобилизации, начнется гораздо раньше, чем это было перед мировой войной. Но нам думается, что скрыть такие мероприятия от глаз противной сто-

роны едва ли удастся, а потому: 1) мы встретим такие же ее контр-меры, и 2) обе стороны пойдут на сокращение этого периода и перейдут к фактической мобилизации сил и средств. Во всяком случае, известную постепенность и заблаговременность в подготовке мобилизации во всех областях жизни государства мы ныне будем наблюдать в гораздо больших размерах, нежели в 1914 году.

Кроме предмобилизационного периода перед войной 1914 года мы видели наличие известного срока между объявлением мобилизации и первым ее днем. Срок этот всюду не превышал суток и только в Австро-Венгрии он был установлен в двое суток. Отсрочка первого дня мобилизации против объявления ее объясняется стремлением дать закончить последние подготовительные работы, чтобы затем перейти к спокойной и планомерной мобилизации. Несмотря на то, что Жоффер за каждый упущенный день в объявлении мобилизации грозил потерей Францией известной пограничной территории, но и он не пошел на изменение суточного перерыва и более раннее назначение первого дня мобилизации. Всякая спешка в этом была бы только вредна для успеха работы по мобилизации.

До сих пор мы рассматривали мобилизацию, главным образом, как военное явление и набрасывали в общих чертах ее военную природу.

Но так как «война есть орудие политики», то такой ее акт, как мобилизация, имеет и большее *политическое* значение. Мы приводили мысли Клаузевица о том, что не каждое военное действие одинаково в своем удельном политическом весе, который в отношении мобилизации должен быть признан большим.

Уже на пороге мировой войны мобилизация оказывалась таким явлением, которое распространяло глубоко свое влияние на общегосударственную жизнь, не замыкаясь в одних военных рамках. Ныне, с усложнившейся техникой, с громадным напряжением, какое проявляется в войне борющимися сторонами, значение мобилизации, как общегосударственного явления, еще более возросло. В наши дни мобилизация захватывает все области жизни государства, отражается так или иначе в жизни почти каждого его гражданина. В первой книге нашего труда мы говорили не только о мобилизации военных средств, но, главным образом, о мобилизации экономики страны и необходимости соответствующей к этому подготовки.

Действительно, перед мировой войной мы слышали уже 5 июля предложения военного министра Германии о проведении мероприятий, способствовавших бы готовности к войне в хозяйственном отношении. Правда, такие мероприятия были отклонены кайзером, но самый факт предложений говорит о необходимости соответствующей экономической мобилизации. В наше время вопрос о ней освещен с достаточной полнотой и развивать его мы не будем. Считаем нужным только отметить, что мобилизация глубоко затрагивает экономику страны, а потому представляется актом, решаясь на который, нужно основательно всвесить за и против.

В области внутренних соотношений различных слоев населения в государстве мобилизация точно так же знаменует новую ориентировку. Если вспомним, то буржуазные правительства всех почти стран беспокоились о том, как встретит мобилизацию широкая масса населения. Для успешной мобилизации необходимы были соответствующие лозунги. Даже в таком

косном правительстве, как бывшее дарское правительство России, и в нем, правда, у отдельных его членов, возникали сомнения в устойчивости равновесия внутренних соотношений, кои существовали в дни, предшествовавшие мобилизации. Напомним читателю бывшего министра внутренних дел Маклакова, со страхом и предсказаниями неминуемой революции подписавшего указ о мобилизации. Если мобилизация почти всегда вызывает в начале подъем в населении, вызванный теми или иными лозунгами, то вместе с тем она же порождает вскоре и критическую оценку этих лозунгов. В государствах с капиталистической структурой, конечно, гораздо больше имеется поводов к критическому анализу причин мобилизации, чем в том государстве, где власть отображает интересы трудящихся масс, где лозунги к мобилизации более понятны последним. Мы не приводим примеров из текущей жизни, но их не мало в жизни капиталистических государств, когда крупные дипломатические шаги укорачиваются в самой же стране неустойчивыми внутренними соотношениями. В таком государстве, подписывая указ о мобилизации, придется последовать примеру Маклакова, передав последствия в руки божественных лиц. Способ легкий, но далеко не верный...

В настоящей книге на историческом примере нами рассматривалась мобилизация, главным образом, в области внешней политики. Перед нами прошла мобилизация в оценке дипломатов, генеральных штабов и верховной власти различных государств. Мы слышали различные взгляды на это военное явление, в которых и попробуем разобраться.

В сущности, во всех западных государствах Европы под общей мобилизацией понимался такой акт, когда уже не могло быть возврата к мирному положению и вслед за приведением армии на военное положение должна была неминуемо последовать война.

Так мобилизация понималась в Германии и Франции и даже в Австро-Венгрии, ибо хотя 25 июля и была объявлена частная мобилизация против Сербии, но она носила характер акта, который неизбежно вел к войне. Несмотря на угрозы России Австро-Венгрия не объявляла все же мобилизации на русской границе, выжидая событий, которые бы сделали опасность войны настолько реальной, что необходимо было бы считаться с ней, как с неизбежным фактом.

Различные меры военной предосторожности были приняты всеми государствами, но без объявления мобилизации.

Если вспомним, то в Германии мобилизация была объявлена тогда, когда был послан в Петербург ультиматум, т. е. война предрешена; во Франции точно так же указ о мобилизации подписан после твердой решимости правительства на войну. Об Австро-Венгрии говорить не приходится, ибо там мобилизация, не считая частных призывов под знамена резервистов, всегда сочеталась с войной. Иными словами, в понимании как дипломатов, так и генеральных штабов западных государств *мобилизация означала собой войну*. Об этом вполне справедливо толковал Пурталес Сазонову, указывая ему, что русская мобилизация вызовет настойчивые требования генерального штаба в Германии такого же ответного шага, который уже неминуемо поведет к войне.

Со взглядом на мобилизацию, как на дипломатическое средство, на

такой акт, который должен подкрепить требования дипломатии, но не вести, в конечном счете, к войне, мы встречаемся только в английских и русских кругах.

Англия мобилизовала свой флот и признала это дипломатическим ходом. Вернее, следует считать, что этот шаг был предпринят в целях защиты своих берегов от нападения германского флота. Что же касается удельного веса в политике такого действия, то он не был особенно велик и не напугал Берлина, который до последнего момента считал возможным договориться о нейтралитете с государством, морская военная сила которого стояла в полной боевой готовности.

В Петербурге, как известно, были большие колебания в выборе вида мобилизации — общей или частной. Сначала дипломатической и дипастической линиями была выбрана частная мобилизация, как средство воздействия на Австрию, а затем дипломатическая линия объединилась с генеральным штабом в требовании объявления общей мобилизации.

Нами указывалось, что до 1912 года русский генеральный штаб с объявлением мобилизации сочетал и объявление войны Германии и Австро-Венгрии, но затем отказался от такой формулировки, отделив мобилизацию от войны. Иными словами, русский генеральный штаб считал, что мобилизация могла быть объявлена независимо от решения вступить в войну, быть принятой или как мера предохранительная от нападения противника, или же как средство поддержать требования русской дипломатии.

Если признать наше предположение имеющим под собой основание, то в таком случае русская мобилизация должна была бы быть гибкой и не зависимой ни от могущей сложиться политической обстановки, ни от оперативных соображений. Иначе говоря, в русском генеральном штабе должно бы быть в наличии несколько вариантов мобилизации с предусмотренными возможностями перехода от одного к другому.

При такой постановке дела объявление частной мобилизации могло бы быть оправдано.

В действительности, как известно, частная мобилизация не была разработана в русском генеральном штабе, и таковая была подготовлена только как общая — на случай войны с Германией и Австро-Венгрией. Поэтому не было никаких оснований к объявлению частной мобилизации. Является довольно странным, как мог начальник генерального штаба Янушкевич вообще идти с предложением частной мобилизации, а Сухомлинов не протестовать решительно против ее объявления. Если Янушкевич был не осведомлен в мобилизационных делах, то Сухомлинов, по своей прежней должности в генеральном штабе, был безусловно в курсе дела. Принятие советом министров 25 июля «принципиального решения» об объявлении мобилизации четырех военных округов можно рассматривать лишь как чисто дипломатический ход, совершенно не отвечающий требованиям военной готовности, а поэтому и имеющий относительную ценность.

Если Россия не могла допустить разгрома Сербии Австрией, то, с другой стороны, можно было с уверенностью сказать, что только при богатой фантазии, лишенной какой-либо реальности, можно было предполагать локальную войну России с Австро-Венгрией. Мы уже говорили, что в начале XX столетия война приняла трестированный характер, и таковой она

представлялась Сазонову, когда у него 24 июня вырвалась фраза: «Это — европейская война». Если такое заключение Сазонова было глубоким, а не поверхностным, то тогда не было никаких оснований к объявлению частной мобилизации с намерением запугать Австрию.

Мы знаем, что Вена не особенно испугалась частной мобилизации Петербурга и обратилась за помощью к своему германскому союзнику. Под давлением Вены германская дипломатия, не придававшая сначала значения русской частной мобилизации на австрийской границе, затем потребовала прекращения ее. Из русской частной мобилизации вышла одна дипломатическая шумиха, что очень скоро было понято русским министерством иностранных дел, решительно вставшим на сторону военной линии в ее требованиях общей мобилизации.

Нам известно, с какой настойчивостью, с какими огорчениями и опресточными угрозами разбить телефон опомнившийся русский начальник генерального штаба просил, уговаривал и настаивал на объявлении общей мобилизации. Сухомлинов вел двойную игру. Зато энергично работали «интимные» круги, второстепенные персонажи генерального штаба, доказывавшие весь вред объявления частной мобилизации таким же «маленьким» дипломатам.

Одним словом, насколько в западных государствах мобилизация объявлялась при решенной уже войне, настолько в Петербурге не было твердого решения о ведении войны, и указы о мобилизации можно объяснить, с одной стороны, намерением подкрепить дипломатические требования к Австрии, а с другой — испугом возможного нападения Германии и Австро-Венгрии, при сознании факта запаздывания в своей боевой готовности. Четкого понимания современного политического значения мобилизации не было ни у дипломатов, ни у верховной власти, ни у русского генерального штаба. Последний смотрел на мобилизацию с точки зрения лишь боевой готовности, не входя в обсуждение того, насколько мобилизация являлась преддверием войны.

Мы оставляем в стороне все доводы Сазонова Пурталесу, все заверения Сухомлинова и Япушкевича германским военным представителям, что русская мобилизация не создает опасности европейскому миру. Можно с уверенностью сказать, что Германия не дала бы спокойно закончить мобилизации ни России, ни Франции, хотя обе они об этом и мечтали.

Мобилизация на пороге мировой войны являлась преддверием войны, фактическим ее объявлением и только в таком смысле и могла быть понимаема.

Начальник австро-венгерского генерального штаба не отделял от войны мобилизацию, а Мольтке младший считал, что после объявления мобилизации официальное объявление войны было пустой формальностью, совершенно не нужной с военной точки зрения, известной дабью дипломатической вежливости и международному праву.

Однако, мы знаем, что германские дипломаты настаивали на формальном объявлении войны, русский генеральный штаб также считался с этим со стороны будущих врагов, французские дипломаты стремились формальное объявление войны навязать противнику.

В своем месте мы говорили об ответственности за войну. Стремлением снять с себя эту ответственность можно объяснить: 1) волнения герман-

ских дипломатов, когда им первым пришлось делать формальное объявление войны; 2) усилия французских дипломатов сохранить поддержку соседей и установление для этого десятикилометровой зоны, не занимавшейся войсками; 3) доказательства Сазонова, что русская мобилизация не означает войны; 4) советы Мольтке в Вене не начинать первыми войны против России и т. д.

После русско-японской войны, начатой японцами без формального ее объявления, никто, собственно говоря, не думал, что будущая европейская война произойдет со всеми формальными церемониями, а не начнется фактическим нападением одной из сторон. Поэтому вся важность событий, которые ранее сопровождали объявление войны, была перенесена на мобилизацию. Указ об объявлении последней можно было считать началом войны. Если рассматривать ответственность за войну с этой точки зрения, то безусловно являются правыми те, кто возлагают вину за мировой пожар на Россию.

В главе VI мы подробно останавливались на вопросе о виновниках войны, и, конечно, не русская мобилизация была причиной европейской войны. Но в обывательском представлении первый начавший переводить на военное положение свои вооруженные силы считается зачинщиком войны. Таково политическое значение мобилизации в начале XX столетия, и недаром Конрад предоставлял выбор времени для формального объявления войны исключительно дипломатам, а Мольтке считал это совершенно не нужным. Правда, мы должны здесь отметить, что принцип ответственности за войну играет и в наши времена еще известную роль, и не мало стараний прикладывается современной германской дипломатией, лишь бы снять с Германии вину в этом. В то же время на этом играют победители мировой схватки, используя ответственность за войну для предъявления жестких требований к Германии в отношении ее вооруженных сил.

Однако, поскольку формальное объявление войны играло известную роль в международных отношениях европейских государств, Конрад решил использовать его и в военных целях. Мы говорим об его советах Берхтольду возможно дольше не только не объявлять войны Франции и Англии, но и не рвать с ними дипломатических связей, дабы дать возможность слабому австро-венгерскому флоту закончить свою мобилизацию. Правда, расчеты начальника генерального штаба Австро-Венгрии осуществились не полностью, но все же несколько дней было выиграно для спокойной мобилизации флота.

В наши дни политическое значение мобилизации не только не уменьшилось, но, наоборот, еще более возросло, поскольку этот военный акт захватывает все области жизни государства. Поэтому в современных условиях мобилизующееся государство должно заранее принять твердое решение о ведении войны. Если в 1914 году никого нельзя было запугать частными мобилизациями, то тем более ныне подобные мобилизации менее всего составят действительную угрозу.

Выше мы говорили о перманентности современной мобилизации и указывали, что для первого эшелона она будет близка к мобилизации 1914 года. Поэтому и с политической точки зрения первоначальная мобилизация в наши дни будет рассматриваться, как тот же один из войн, каким она ока-

залась перед мировой войной. Закрывать на это глаза не приходится, что бы ни говорилось о независимости мобилизации от политической группировки государств и оперативных соображений. К этому нужно добавить, что в наши дни нарушение границы начнется не только с объявлением войны и даже не с момента объявления мобилизации, но значительно ранее их станет фактом — путем развития деятельности диверсионных отрядов. Государства могут оказаться в *фактической* войне до формального ее объявления и даже мобилизации своих вооруженных сил. Последняя возможно будет проходить при наличии враждебных действий на границе, когда дипломатам уже не потребуется обращаться к генеральному штабу за подбором фактов для формального объявления войны.

Наша трактовка такого военного явления, как мобилизация, приводит к достаточно определенному выводу, что мобилизация не есть действие чисто военное, но имеет огромное политическое значение.

Поэтому на пороге мировой войны во всех государствах объявление мобилизации производилось правительственными актами. Тем более это непреложно для наших дней, когда управление войной в целом переходит в руки правительства. Двух мнений на этот счет быть не может.

В изложении исторической части мы остановили внимание читателя на вопросах: 1) срока объявления мобилизации и 2) выбора того или иного ее вида.

В обоих этих вопросах оказывались заинтересованными как дипломатическая, так и военная линии, и, наконец, окончательное их решение исходило от верховной власти в государстве.

Поскольку мобилизация являлась актом политическим, постольку и определение срока ее объявления должно было исходить от министерства иностранных дел. Мобилизация была преддверием к войне, новому виду международных отношений, определить время перехода к которому могла лишь дипломатия, которая одна могла сказать, когда остальные виды отношений теряют окончательно силу.

С другой стороны, время объявления мобилизации было тесно связано с условиями боевой готовности вооруженных сил и прикрытием границ государства, что более всего касалось генерального штаба. В тех государствах, где возникало опасение за успешное достижение боевой готовности в сравнении с вероятным противником, как, например, в России и Франции, там генеральный штаб оказывался настойчивым в определении времени объявления мобилизации. Мы не будем здесь приводить доказательств сказанному, ибо они набросаны нами выше. Там же, где генеральный штаб не боялся опоздать с сосредоточением вооруженных сил к границе, как в Германии, там мы наблюдали более спокойное его отношение к сроку объявления мобилизации, и в нем говорили даже чувства «гуманности» и тому подобные «высокие» проявления души. Вечером 29 июля, обсуждая у Бетмана вопрос о реагировании на частную русскую мобилизацию, начальник германского генерального штаба «очень сдержанно» высказывался об общей мобилизации, не находя к этому достаточных оснований, а ответственный за мобилизацию военный министр Фалькенгайн не возражал канцлеру на его заявление о желательности не брать на себя почин в войне: «Руководство полптикой, — пишет Фалькенгайн, — не входило в круг моих обя-

занностей, и я не мог давать советы, пока существенно не затрагивались военные интересы. Пока еще не было повода говорить о мобилизации лишь потому, что она на два или три дня опаздывала против русской и австрийской, так как она могла быть проведена быстрее последних».

Таким образом, при выборе времени для объявления мобилизации должны учитываться величины политические, но, с другой стороны, не следует забывать о военных условиях. Выше мы приводили суждения Клаузевица о том, что политика не должна требовать от войны чего-либо противного ее природе и не должна обольщать себя надеждами на военные успехи, кои не имеют под собой реального основания. Поэтому считаем, что выбор момента объявления мобилизации должен принадлежать дипломатам, но с учетом реальных оснований к успеху мобилизации, лежащих в руках генерального штаба, а в современных условиях — и иных органов, вплотную участвующих в деле обороны государства. Если мобилизация предупреждает противника в своей длительности, то тем более остается свободы действия для дипломатии, и, наоборот, чем более продолжительна мобилизация, чем хуже она с технико-военной стороны подготовлена, тем менее свободна внешняя политика в выборе момента объявления мобилизации, вынужденная считаться с работой своего генерального штаба.

Почти к аналогичным выводам можно прийти и при решении вопроса о выборе вида мобилизации — общей или частной. В России в июльские дни 1914 года вопрос об этом, по предложению Сазонова, решался в совете министров, хотя следует отметить все то давление, которое оказывалось при этом генеральным штабом. В своих воспоминаниях бывший русский военный министр Сухомлинов пишет, что он не считал себя в праве настаивать на том или ином виде мобилизации, ибо это надлежало решать «политику» — Сазонову, а не ему, Сухомлинову — «солдату». Теоретически это верно, а в действительности мы показали с достаточной полнотой, как «солдаты» в мундире генерального штаба в эти дни не только настаивали, но даже диктовали объявление общей мобилизации. В конечном счете нужно сказать, что они были правы, ибо частная мобилизация политически значила мало. Однако, не это клалось ими в основу требований, но чисто технические условия работы — отсутствие разработанного варианта частной мобилизации. Переступая порог мировой войны, дипломатия России оказалась на поводу у генерального штаба, внешняя политика подпадала под влияние грубой техники мобилизационной работы. Но иного выхода и не было. Нужно все же отдать справедливость Сазонову, что он, проникнувшись доводами Сухомлинова и Янушкевича, решительно пошел по пути общей мобилизации. Если кто был виноват в лишении русской дипломатии возможности маневрировать, то исключительно русский генеральный штаб, а не учреждение у Певческого моста.

Читающий настоящую главу нашего труда, наверное, вынес суждение, что мы не являемся сторонниками частной мобилизации. Мы можем его только укрепить в этом выводе. Поскольку в современных условиях мобилизация является не только признаком войны, но и самой войной, постольку мы считаем целесообразным ее видом только общую, как напряжение всех сил и средств, необходимых для достижения победы. Не собираемся оспаривать того, что в наши дни мобилизация будет носить эпе-

лонный характер, но утверждаем, что приведение в боевую готовность первого эшелона должно быть: 1) вполне достаточным по силам и средствам; 2) кратковременным, дабы была возможность в дальнейшем продолжать мобилизацию следующих эшелонов, а не подчиниться военному успеху противника.

Мобилизация наших дней — одиум войны, и приказ правительства с объявлением мобилизации есть фактическое объявление войны. Можно дипломатически всячески стараться оправдать войну, выпускать какие-нибудь белые или иных цветов книги документов, составлять широковетательные манифесты, ноты и ультиматумы, но действительность всегда останется фактом.

Мобилизация есть война, и много понимания ее мы не мыслим.

ГЛАВА IX.

ГЛАЗА И УШИ ГЕНЕРАЛЬНОГО ШТАБА

Необходимость разведки. — Объем разведки в современных условиях. — Ведомства, руководящие разведкой. — Заинтересованность в разведке министерства иностранных дел. — Способы ориентировки. — Заграничные поездки начальника генерального штаба: политическая и военная сторона поездок. — Официальные поездки и частные туры. — Цель поездок. — Контроль дипломатии над поездками начальника генерального штаба и отчеты последнего. — Содержание отчетов начальника штаба. — Командирование за границу особых миссий, их роль и назначение. — Военные агенты и их служба: историческая справка. — Разделение военных атташе по специальностям. — Особоуполномоченные военные представители. — Личный состав военных агентов и его подготовка. — Условия назначения. — Свидетельства Урбанского. — Главная обязанность военных атташе. — Политическая деятельность военных агентов. — Линия подчинения военных агентов. — Конрад о политической деятельности военных агентов. — Характер работы военного атташе. — Отношения военных агентов с послами своего государства за границей. — Посещения военными агентами начальников генеральных штабов иностранных государств. — Цели этих посещений. — Условия осмотра военными агентами частей, учреждений и присутствие на маневрах. — Широкий круг знакомств военных агентов. — Женское общество и военные агенты. — Содружество военных агентов различных стран. — Участие военных агентов в агентурной разведке. — Свидетельства Николаи и Урбанского. — Действительный облик военных агентов и настороженность в отношении к ним. — Военные агенты союзных государств и их связующая роль. — Отчеты и личные доклады военных агентов. — Характер бесед начальника генерального штаба с иностранными военными агентами. — Роль министерства иностранных дел в этих беседах и отчеты о них начальника генерального штаба. — Современные взгляды на службу военных агентов. — Командировки и частные отпуска командного состава за границу: цель таких командировок. — Особое значение их в изучении иностранных государств. — Сбор секретных сведений командированными и отпускными. — Запреты выездов за границу командному составу министерством иностранных дел и основания к этому. — Николаи о своих заграничных турах. — Сбор сведений генеральным штабом из других источников: переписка начальников штабов и ее содержание. — Обмен сведениями союзных генеральных штабов. — Свидетельства об этом Николаи. — Ориентировка генерального штаба другими ведомствами. — Агентурная разведка: Николаи об агентурной разведке Германии и других стран. — Недовольство дипломатии агентурной разведкой генерального штаба. — Отповедь Конрада. — Роль внешней политики в агентурной разведке. — Политическое руководство военной разведкой. — Централизация разведки. — Денежные ассигнования на агентурную разведку. — Размеры их в Австро-Венгрии, Германии и России. — Активная разведка генерального штаба. — Сараевское убийство и его истинные вдохновители. — Роль дипломатии в активной военной разведке. — Рассуждения Николаи о современном значении агентурной разведки и ее централизации.

Едва ли нужно особо доказывать необходимость при всех военных действиях быть ориентированными в намерениях, силах и средствах возможных или настоящих противников. Во все времена военной истории знание

своего противника, разведка его играли всегда большую роль. Пренебрежение этим или ошибки всегда жестоко наказывались.

Поэтому давным-давно были установлены различные способы ориентировки в намерениях, силах и средствах противной стороны. Подобная разведка производилась с момента назревания опасности войны или же велась непрерывно и в мирное время. Ближайшие к нам столетия отмечают, как правило, необходимость непрерывного разведывания соседних стран, постоянного наблюдения за развитием в них военного дела, причем, чем ближе к нашим временам мы обратимся, тем более мы заметим не только непрерывность, но и углубление разведки, развертывание ее в различных областях жизни государства.

По существу говоря, всякая борьба требует предварительного знания противной стороны, и поэтому к какому бы виду борьбы ни обратиться, мы всюду найдем элементы разведки каждой из сторон своего противника. Будь то дипломатическое поле, будь то экономическое соревнование и, наконец, самая война — все это требует предварительной ориентировки в замыслах, силах и средствах противников.

Современная война, по образному выражению Клаузевица, «расплывается во все стороны, не находя себе определенных рубежей». Война наших дней захватывает все области жизни государства, поэтому предварительная ориентировка о государстве, которое могло бы оказаться на положении врага, точно так же направляется на все области его жизни. Если в эпоху Людовика XIV, Фридриха и Наполеона разведка имела своими объектами политическую жизнь государства и, главным образом, военные его силы, то со времени Мольтке старшего она обращается и к остальным отраслям жизни государства, в первую очередь — к железным дорогам.

Прошедшая на нашей памяти империалистическая война еще более расширила рамки разведки, включив в них целиком экономическую жизнь государства и его культурные устремления. Наконец, эта же война повысила значение ориентировки не только во внешней политике государства, но и в классовом внутри государства соотношении сил. Последнее, как мы видели, учитывалось и на пороге мировой войны, но в ходе ее и с окончанием так называемая внутренняя политика настолько выросла в своем влиянии на войну, что в наши времена ею мы определяем характер предстоящей войны.

В начале XIX столетия служба разведки сосредоточивалась, главным образом, в двух ведомствах: военном и дипломатическом. С такой схемой организации разведки мы встречаемся и на пороге мировой войны.

В военном ведомстве служба ориентирования составляла часть работы главного командования. Если вспомним, то как Фридрих Великий, так и Наполеон принимали непосредственное и живейшее участие в организации, руководстве и учете данных разведки вероятных противников. С появлением генерального штаба — органа, представлявшего в мирное время интересы главного командования, — служба разведки сосредоточилась в нем. Так было при Мольтке старшем, и так это повелось в остальных армиях Европы не только до мировой войны, но и в наши дни. Мы слышали, что начальник австро-венгерского генерального штаба Конрад считал своей обязанностью следить за развитием иностранных и собственных воору-

женных сил и составлять общую картину их соотношений. С таким же представлением о предварительном ориентировании мы встретимся в кабинете любого начальника генерального штаба, в который мы бы рискнули заглянуть даже в наши дни.

Как мы отметили выше, в современных условиях подготовки к войне разведка одних военных сил государства не может исчерпать все те данные, кои необходимы для составления даже чисто-военных соображений на случай войны. Разведка расширилась и охватывает гораздо большее число объектов, чем это было даже на пороге мировой войны, и поэтому вполне естественно, что и в наши времена мы встречаемся с децентрализованной разведкой, данные которой, однако, должны суммироваться, дабы было составлено действительное, а не частичное или поверхностное представление о силе и мощи вероятного противника.

Ниже мы еще вернемся к этому вопросу, здесь же должны отметить, что на пороге мировой войны генеральный штаб стремился, наоборот, сконцентрировать в своих руках разведку и непосредственно от своих органов получать исчерпывающие сведения о подготовке к войне того или иного государства. Правда, «мозг армии» все же признавал, что дипломатическая линия могла вести разведку вполне самостоятельно и иметь для этого свои особые органы, но, во всяком случае, генеральный штаб, особенно венский, отнюдь не хотел ограничивать себя в непосредственном сборе сведений о внешней политике намеченного объекта.

Нами указано, что внешняя политика в лице своих дипломатических органов вела собственную разведку противника, стремилась получить предварительную ориентировку о тех шагах, кои им будут предприняты на арене международных отношений. Казалось бы, что дипломатия не должна чинить препон в тех же устремлениях генеральному штабу. Однако, читателю хорошо известно, что именно в этой области между Эренталем и Конрадом возникли большие трения. Подробно мы поговорим об этом ниже, а сейчас в общих чертах коснемся первопричины недоразумений на этой почве между дипломатией и генеральным штабом.

При нормальных внешних отношениях государства заявляют о своем намерении жить «в дружбе» друг с другом. Правда, ни одно из государств не отказывается при этом от принятия тех или иных мер обороны, кои могут понадобиться, когда линии внешней политики их настолько перекрестятся, что без войны направить их по правильному руслу не представится уже возможным. Ориентировка о своем соседе состоит в сборе сведений об его обороноспособности, т. е. тех данных, кои в каждом государстве почитаются секретными. Ясно, что ни одно государство не будет их сообщать, за исключением разве такого «ненормального» и продажного правительства, как правительство бывшей царской России, которое само составляло соответствующие меморандумы и передавало их иностранным послам, как нам известно из исторической части настоящей книги. В большинстве случаев подробные и документальные данные получают ориентирующимся государством секретными путями. Поскольку такие пути из тайных становятся явными, они подрывают «дружбу» и доверие поддерживающих дипломатические отношения государств.

На путях дипломатов вырастают препятствия и возникают обычные

политические трения и осложнения. Дело иногда доходит до особых объяснений и переговоров о том или ином факте, свидетельствующем об активных шагах одной из сторон в собирании секретных сведений.

Такова формальная сторона дела, но если вникнуть в существо вопроса, посмотреть его изнанку, то, конечно, идя на установление «дружеских» отношений, ни одно из государств не отказывается заранее от сбора о другом тех сведений, кои ему будут пужны в тех или иных областях жизни, в частности и военной. То, что можно будет получить открыто, будет использовано в ориентировке о своем соседе. Что же составляет его тайну, будет добыто путями, кои являются также тайными. Международная «вежливость» требует, чтобы в этом было проявлено известное проворство рук и «чистота» в работе. Если же, наоборот, в этой области будет отсутствовать тайна, и государство, ведущее разведку, направит ее путями, которые быстро становятся известными другой стороне, то и возникают дипломатические трения. По существу дела, они не должны были бы иметь место, так как и без того каждому дипломату известно, что без предварительной и заблаговременной ориентировки в намерениях, силах и средствах своего соседа ни одно государство обойтись не может. Тем не менее, такие трения возникают и разрастаются особенно там, где во внешних отношениях государств и без того создается напряженное положение по тем или другим причинам. Случаи собирания секретных сведений используются потерпевшей стороной, как предлог для обострения внешних отношений, позволяющих в глазах «обывателя» обвинить противную сторону в нарушении «дружбы» и международной этики, в коварстве и тому подобных неблагоприятных поступках, доказывающих враждебность этого государства. Правда, путь этот бывает не особенно показательным, но во всяком случае используется и в наши дни, в особенности тем правительством, черепная коробка которого отличается особой твердостью.

Но так или иначе, мы должны все же отметить, что известный декорум в сборе секретных сведений соблюдался всегда и во все времена, устанавливалась особая рода этика, которая требовала, чтобы сбор этот не был гласным. Поскольку это не соблюдалось, возникали дипломатические осложнения, ибо «обыватель» всегда требует «дружбы», если о ней состоялось особое соглашение.

Переходя к рассмотрению способов ориентирования о возможном противнике или противниках, а также, вообще, о сборе сведений о той или иной области их жизни, мы должны оговориться, что здесь речь будет идти, как это явствует из наименования главы, о военном ориентировании. Об остальных линиях ориентирования, в соответствии с задачами нашего труда, мы говорить подробно не будем.

Способы ориентирования состоят: 1) из открытого личного наблюдения, 2) из тайного наблюдения и 3) из получения сведений от органов других государств и других ведомств в своем государстве.

Открытое личное наблюдение за состоянием и развитием военного дела в другом государстве осуществляется путем: 1) поездок на смотры, маневры и тому подобные торжественные случаи, обычно по приглашению, или самого начальника генерального штаба или особых миссий из представителей высшего командования; 2) назначения в государства, с кото-

рыми состоят в дипломатических отношениях, особых военных представителей при верховной власти и военных агентов при дипломатических представительствах; 3) командирования офицеров за границу для изучения языков или разрешения им частных отпусков.

Ориентирование через органы других государств и других ведомств в своем государстве состоит: 1) из личной переписки начальников генеральных штабов союзных государств; 2) из обмена данными, добытыми союзными генеральными штабами, и 3) из сообщений другими ведомствами полученных ими военных сведений или же своих данных, имеющих то или иное отношение к обороне государства.

Наконец, тайное наблюдение и секретный сбор сведений составляет так называемую агентурную разведку, в технику которой мы вдаваться не будем, ибо вышли бы из рамок нашего труда.

В дальнейшем мы обращаемся к рассмотрению общих оснований и положений, коими сопровождаются намеченные нами виды ориентирования генерального штаба, что является, как мы говорили выше, одной из основных отраслей его службы.

В исторической части нашего труда мы знакомили читателя с путешествиями главного героя нашей повести Конрада за границу. Мы указывали также на поездки других начальников генеральных штабов, правда, не так подробно, как начальника генерального штаба с берегов Дуная, но мы и не стремились к этому, считая более полезным и достаточным дать один исторический пример в деталях, нежели увлечься остальными и рисковать разбросаться в историческом искусстве.

Как из первой книги нашего труда, так, особенно, из настоящей, со всей очевидностью вытекает, что в персоне начальника генерального штаба всегда выступала не только одна военная линия государства, которую он должен представлять, но проглядывала и дипломатическая линия. Мы не говорим, что начальник генерального штаба являл собою особого вида военную политику, ибо, вообще, не мыслим себе таковой в природе. В его лице всегда сочетались военная и обычная политическая линии поведения того государства, представителем армии которого он являлся. По существу дела, это и должно быть так, поскольку война есть орудие политики.

Таким образом, как на пороге мировой войны, так и в наши даже дни в персоне начальника генерального штаба всегда соединяют линии военную и политическую. Поэтому всякое путешествие этого управляющего центра мозга армии и даже всякое его слово расцениваются не только с военной точки зрения, но и с политической. Однако, преобладающим все же остается военная сторона, и появление там или сям начальника генерального штаба рассматривается как путь факела войны.

Эти две стороны в поездках начальника генерального штаба любого из государств земли мы всегда должны иметь в виду, когда речь заходит о том или другом его турне за границу.

Такие поездки предпринимались, да и ныне совершаются, или в союзные государства или в нейтральные, особенно в те, вовлечение которых в орбиту военного влияния является желательным. Редко начальник генерального штаба отправлялся в страны, дипломатические отношения с которыми были напряженными, ибо, по существу, ему, как официально пред-

ставителю, едва ли бы было доступно какое-либо наблюдение за теми вооруженными силами, которые не сегодня-завтра могут оказаться в состоянии открытой борьбы. Правда, нет правил без исключений, и мы должны напомнить поездку бывшего русского военного министра Сухомлинова в Берлин и его завтрак у Вильгельма, о котором он, Сухомлинов, с восторгом рассказывает в своих воспоминаниях. Но также известно, что ему срочно было приказано немедленно захватить в Париж и побывать с визитом у президента республики, дабы сгладить на фоне франко-русских отношений допущенную некорректность.

Военная сторона путешествий начальников генеральных штабов заключалась: 1) в личном знакомстве с армией того государства, куда поездка совершалась, и в открытом наблюдении за ней; 2) в знакомстве с новыми образцами вооружения, принятыми в иностранной армии; 3) в изучении системы организации и боевой подготовки вооруженных сил иностранного государства, и 4) самое главное — или в разработке нового военного союза, или же в согласовании оперативных соображений уже союзных генеральных штабов.

Слов нет, что турне начальника генерального штаба за границу являлось событием большой важности и поэтому предпринималось: 1) с особого приглашения той страны, куда начальник штаба предполагал поехать, и 2) с особого разрешения на это верховной власти обоих государств. Если мы вспомним, как обставлялись поездки Конрада в Германию, Швейцарию, Полию в Германию и, наконец, взаимные посещения русского и французского, а также английского и французского генеральных штабов, то мы должны свидетельствовать, что каждая поездка начальника генерального штаба является известной гранью в военном деле и военной подготовке его государства. Поэтому подобные поездки всегда предпринимались в сочетании с особыми важными случаями военной жизни государства, к каковым относятся: 1) маневры, 2) военные торжества.

Но бывали случаи, когда для бесед по чисто-военным вопросам начальники генеральных штабов встречались в интимной, приятельской обстановке. Так, Конрад перед надвигающейся мировой войной спешил повидать на курорте своего друга и союзника Мольтке. Он же, под предлогом особой дипломатической миссии, путешествовал в Румынию. В качестве «частных» лиц заглядывали в Вепу начальники генеральных штабов балканских стран, не упускавшие случая повидать своего коллегу по мундиру генерального штаба на берегах Дуная и потолковать с ним по чисто-военным вопросам.

При перечислении этих вопросов, сделанном нами выше, было отмечено, что самыми главными являлись вопросы стратегические, вопросы военных конвенций и вытекающих из них планов войны. В остальных сторонах военной жизни государства лично начальник генерального штаба, конечно, не мог детально ориентироваться по своему высокому положению, да и не во всяком государстве такая ориентировка давалась в исчерпывающем виде. Если все же начальника генерального штаба интересовали эти вопросы, как, например, Конрада при его поездке на маневры в Швейцарию, то с этой целью его сопровождали особые сотрудники из генерального штаба и различных родов войск, которые и помогали начальнику штаба в выполнении его личной ориентировки в деталях устройства, состояния и под-

готовки изучаемой армии в той мере, в какой это допускалось самим объектом исследования.

Выше мы указывали, что каждая поездка начальника генерального штаба носила в себе политические начала. Иногда даже политическая сторона превалировала над военной. Такова поездка Конрада в конце 1912 года в Румынию, свидание трех начальников генеральных штабов тройственного союза на маневрах в Германии в 1913 году, по поводу которого Мольтке писал Конраду, что военный смысл этого свидания заключается лишь в знакомстве Конрада с начальником итальянского генерального штаба, а с точки зрения наблюдения за боевой подготовкой германской армии, по размерам маневрирующих соединений, поездка не представляет интереса. Это свидание было подтверждением военной солидарности тройственного союза, скрепление мечом дипломатического акта «на страх врагам». Политический оттенок мы найдем и в совещаниях начальников русского и французского генеральных штабов.

Поэтому каждое совещание, каждая поездка начальников генеральных штабов за границу прежде всего взвешивались и расценивались дипломатией, как известный ход внешней политики. Мы слышали об этом не один раз. Нами приводилось даже сетование начальника германского генерального штаба Мольтке на дипломатию, которая только и делает, что «бросает камни» на военном пути, намереваясь не пустить на свидание Конрада. Нечего говорить, что каждая поездка начальника генерального штаба в иные страны была под учетом и контролем органов внешней политики и перед ними даже отчитывались представители генерального штаба.

Такое положение дел вызывало чувство обиды, скрытого, а порой и явного протеста начальников генеральных штабов, но, по существу дела, иначе и быть не могло. Если мы вспомним темы бесед и разговоров, круг лиц, с которыми эти беседы велись начальниками генеральных штабов, то приходится констатировать, что за границей начальники генеральных штабов отнюдь не замыкались в рамках чисто-военных вопросов, а «творили» внешнюю политику. Ясно, без доказательств, что в таких действиях они должны были отчитаться перед дипломатией. Да, наконец, поскольку «война — орудие политики», постольку внешняя политика оказывалась сильно заинтересованной даже в чисто военных вопросах, кои рассматривались начальниками генеральных штабов, ибо они отнюдь не касались «мелочей» военного дела, а в большинстве ставили на разрешение крупные стратегические проблемы по обороне государств.

Если мы присмотримся к поездкам начальников генеральных штабов в наши дни, то то же политическое начало найдем и в них, причем даже в гораздо большей мере, нежели то было в начале XX столетия. В современных условиях достаточно начальнику генерального штаба крупного государства положить в карман заграничный паспорт или только предпринять шаги к его получению, как это будет немедленно учтено внешней политикой заинтересованных государств. Призрак войны бродит по Европе и его тенью являются начальники генеральных штабов, начинающие вести такой же «бродячий» образ жизни, подготавливая или подкрепляя уже существующие военные союзы и конвенции.

Контроль внешней политики над свободой передвижения центров мозга

армии является не камнями, разбрасываемыми дипломатами на военном пути, а вполне естественным продолжением внешней политики, но только другими средствами.

Итак, каждая поездка начальника генерального штаба за границу сопровождалась и сопровождается в наши дни отчетом, представляемым им или личным докладом, или же совмещением обоих видов информации верховной власти и министра иностранных дел.

Что касается содержания отчета, то таковое разбивалось на две части: 1) политическую и 2) военную.

Политическая часть отчета заключалась в докладе о ходе тех переговоров, кои велись начальниками генеральных штабов с различными должностными лицами иностранного государства на политические темы — о военных союзах и конвенциях, о линиях внешней политики, кои намечались или проводились тем или иным государством, и т. д.

В военной же части отчета излагались различные совещания и беседы: 1) по плану войны того или иного военного союза; 2) по оценке противной стороны в военном отношении; 3) по организации, устройству и боевой подготовке того государства, куда совершалось турне начальником генерального штаба.

Мы здесь отнюдь не хотим давать каких-либо конспектов отчетов и докладов начальников генеральных штабов об их поездках за границу, ибо нельзя охватить и предусмотреть всех вопросов, кои ими могут быть затронуты и осуществлены, а с другой стороны, для управляющих центров мозга армии не рискуем составлять трафаретов вообще. Большому кораблю большое и плавание, хотя бы в чернильном море.

В исторической части настоящей книги мы приводили пример, когда сам начальник генерального штаба входил лишь членом в особую комиссию, командируемую в иное государство и возглавляемую более ответственным лицом, обычно — представителем верховной власти. Такова была поездка Франца-Фердинанда с высшими военными представителями австро-венгерской армии на Лейпцигские торжества 1913 года.

Обыкновенно посылка таких комиссий связывается с особыми торжественными днями в том или ином государстве, но те же комиссии, за время своего пребывания, решают вопросы внешней политики и обороны государств. С их приездом связываются больше вопросы внешней политики, подкрепляющей свои ходы бряцанием меча, но и последний не упускает случая договориться по тем или иным пунктам.

Если вспомним, то австрийский агент в Риме Шептицкий для улучшения итало-австрийских отношений предлагал отправить в Италию представителя верховной власти или выдающегося генерала. Конрад отводил свою кандидатуру по чисто политическим основаниям, не чувствуя за собой политического авторитета, и выдвигал фигуру Франца-Фердинанда, являвшего бы собой верховную власть и военное ведомство. Препятствий к такой поездке было много, но настойчивого начальника австро-венгерского генерального штаба они остановить не могли. Сараевский выстрел покончил не только с этой миссией, но и свел в могилу намечавшегося ее главу.

В чисто военной области командировки начальника генерального штаба могут заменяться посылкой особых комиссий из состава генерального штаба.

Так, мы познакомили читателя с поездкой комиссии итальянского генерального штаба в Берлин, с командировкой головки германского генерального штаба (без Мольтке) в Вену. Целью этих поездок было разрешение оперативных вопросов по плану войны. Слов нет, что они, с одной стороны, заменяли поездки начальников генеральных штабов, а с другой, дополняли их. Если вспомним, что каждая поездка начальника генерального штаба оставляла особый след во внешней политике, то командированием указанных штабных комиссий достигались почти те же результаты, но с меньшим шумом. Говорим: почти те же, так как подобные комиссии были менее ответственны в своих заявлениях, нежели начальник генерального штаба, а потому, по существу, являлись скорее дополнением его работы в этой области.

Мы не будем здесь утруждать читателя трактованием круга работ подобных миссий и комиссий, командируемых в иные страны, ибо этот круг в своей основе аналогичен тому, который мы набрасывали для поездок начальника генерального штаба. Разница заключалась лишь в том, что круг их работ или расширялся в своем политическом значении, или замыкался в чисто-военных вопросах.

Равным образом, считаем излишним особо доказывать, что посылка таких миссий сопровождалась предварительными дипломатическими переговорами, участием дипломатов в выработке им заданий, даже подбора их состава и, наконец, отчетом этих миссий перед органами внешней политики о результатах совершенных поездок. Это вполне ясно и без нас.

Однако, поездки как начальников генеральных штабов, так и особых миссий в иностранные государства были явлением спорадическим, предпринимались они в особо важных случаях, а, между тем, необходимость постоянного наблюдения за развитием военного дела в других государствах диктовалась самой жизнью.

Такого рода задачи были возложены на особые органы — на военных агентов или военных атташе, откомандированных за границу и постоянно пребывающих при дипломатических представительствах государства.

В наши времена роль и значение этих военных представителей государства известны отлично всем, и если мы позволим себе остановить внимание читателя на их службе, то с единственной целью поделиться нашими выводами из развернутой перед ним исторической картины событий.

Наш труд не претендует на полноту в освещении этого вопроса, и мы отнюдь не собираемся писать катехизиса для военных агентов или составлять «положение» об их службе. Первое считаем, вообще, вредным в военном деле, а второе не входит в круг наших обязанностей, как служителя военного литературного пера.

Возникновение института военных агентов относится к давнопрошедшим временам. Правда, он не имел того постоянного характера, который можно наблюдать с середины XIX века, а вводился тогда, когда назревала война. Во всяком случае уже в эпоху Наполеона служба военных агентов становится необходимой в мирное время для государства и его армии.

С эпохой Мольтке военные агенты получают все более и более свое оформление и принимаются всеми государствами, как необходимые государственные органы за границей. Сложность круга их деятельности, о чем

мы поговорим ниже, создавала на первых порах трения не только в самом ходе их работы, но и среди тех высших органов государства, кои призывались к руководству службой военных агентов. История оставила нам страницы, наполненные теми недоразумениями, кои происходили между стариком Мольтке и Бисмарком в руководстве службой военных агентов. Мы не будем их толковать читателю, ибо с аналогичным положением встретимся в австро-венгерской армии и на этом примере, как более современном, постараемся разобраться в этом вопросе.

Военные агенты являлись органами вооруженных сил государства и, в соответствии с разделением последних на сухопутные силы и морской флот, в крупных государствах также были представлены по двум линиям — сухопутной и морской. Иными словами, крупные государства на пороге мировой войны командировали в ту или иную страну одновременно двух военных агентов — сухопутного и морского. Там, где флот играл подчиненную роль по отношению к армии, как, например, в Австро-Венгрии, там специальных морских военных агентов не было, и их обязанности выполнялись сухопутными военными агентами.

В наши дни война перенесена и в воздух. Воздушные боевые силы государства становятся в ряд с остальными его силами, и поэтому не исключена возможность командирования тем или иным крупным государством, обладающим мощным воздушным флотом, специального военного агента-воздушника в то государство, в котором развитие этого рода войск идет быстрым темпом вперед.

Исходя из этого, можно было бы предположить появление и иного вида военных агентов, сверх перечисленных нами, например — химического, если бы только неизвестный режим экономии, вынуждающий довольно скупно подходить к развертыванию сети военных агентов за границей, очень дорого стоящей в финансовом отношении. Несмотря на известную специализацию военного дела, любому государству приходится все же быть экономным в содержании военной агентуры и разделять таковую по особым представителям в строгом соответствии с значением тех боевых сил и средств, к наблюдению за которыми направляется их деятельность.

В начале XX столетия кроме военных агентов мы могли наблюдать командирование в соседние государства особо уполномоченных военных лиц высших рангов, кои должны были состоять при верховной власти. Такие особо уполномоченные Германии были при бывшем царе в России, и, наоборот, в Берлине при Вильгельме находился особый представитель Николая Романова в военном мундире. Подобные лица являлись отголоском старины, когда именно они-то и были военными агентами, вернее — военными послами в соседнем государстве. На пороге мировой войны с этими должностями была связана более роль представительства армии, нежели сущность службы военного агента. Однако, эти лица порой служили связующим звеном и в военных вопросах. Если перелистать переписку «Вилли» с «Ники», с которой отчасти уже знаком читатель, то мы найдем несколько писем Вильгельма с рекомендацией того или иного своего высокоуполномоченного военного представителя, отправляемого в Петербург. Правда, перечисление качеств этих кандидатов показывает, что от них требовалось нечто иное, чем от военных агентов. Они должны были отличаться знат-

постью рода, «рыцарством», быть приятными собеседниками, уметь рассказывать занимательные вести из каких-нибудь африканских приключений и т. п. Одним словом, это были лица, отнюдь не предназначенные для той черной работы, которая взваливалась на плечи военных агентов.

В виду особой специфической деятельности «состоящих при» бывших «верховных» правителях, отошедшей ныне в область истории вместе с теми лицами, при которых они были аккредитованы, и так как их служба мало имела общего со службой генерального штаба, мы не будем более продолжать знакомства с ними. Не они герои нашей повести.

Нельзя, конечно, отрицать того, что и от военных агентов требовался также известный лоск, который позволял бы им входить в верхи династической и буржуазной линий государства, но, вместе с тем, они должны были обладать и специальными познаниями для своей работы.

Бывший начальник разведывательного бюро австро-венгерского генерального штаба при Конраде Урбанский в своей статье о военных агентах, помещенной в августовском номере журнала «*Militär-Wochenblatt*» 1927 года, пишет: «Чрезвычайная важность поста военного агента была основанием для тщательного выбора лиц при назначении на эту должность. Ни имя, ни чин, ни светский лоск, ни богатство или знание языков не могли быть решающими при выборе военного агента, но на это оказывали влияние специальное образование, ясный военный взгляд и наличие чувства ответственности для правильного суждения о том или другом военном явлении».

Теоретически это верно, но на практике, в том же австро-венгерском генеральном штабе, замечалось иное, и при назначении военных агентов зачастую учитывались те данные, которые, по Урбанскому, не должны быть решающими. Однако, все же наличие военного образования почиталось для кандидатов на посты военных агентов особо необходимым.

Поэтому в большинстве случаев военные агенты назначались из недр генеральных штабов — сухопутного и морского, где последний существовал как особый орган, а при отсутствии его — из получивших высшее морское образование офицеров флота.

Как правило, повторяем, было признано, что для службы военного агента требуются широкие военные познания, дабы быстро ориентироваться в развитии военного дела в том государстве, куда этот военный агент командирован.

Но бывали и исключения. В малые государства зачастую на должность военных агентов командировались обыкновенные рядовые офицеры, но зато носящие на себе печать знатности, лоска и милости начальства.

Современная обстановка войны, значительно усложнившаяся против начала XX столетия, тем более требует от военного агента широких познаний в военном деле, широкого политического развития и, таким образом, еще более вынуждает подбирать этих агентов из числа лиц, получивших высшее военное образование по сухопутной, морской или воздушной линиям. Без наличия такого образования лицо, назначенное военным агентом, не справится с возложенными на него задачами, которые, как увидим ниже, не являются легкими.

Мы не будем здесь вдаваться в перечисление иных качеств, которые должны быть свойственны военным агентам, ибо из нижеследующего из-

ложения они будут вытекать сами собой, а затем некоторые из них настолько специфичны для буржуазного строя, что не могут быть признаны какими-либо извечными нормами.

В первой книге нашего труда мы рискнули, повидимому, не совсем удачно, набросать облик представителей генерального штаба в нашем, конечно, понимании. От такого понимания мы не отходим и ныне, считая, что многие из черт, выделенных нами, как особо необходимые для лиц генерального штаба, будут присущи и необходимы для военных агентов наших дней.

Назначение военных агентов предварительно персонально согласовывалось с тем государством, куда предполагался командированию военный агент. Такое положение нужно признать вполне нормальным, ибо только при соблюдении этого можно рассчитывать, что официальная деятельность военного атташе будет идти нормальным ходом. В противном случае, для военного агента окажутся закрытыми многие двери, проникнуть в которые он, как официальный представитель, не сможет, а если даже и будет пропущен, то найдет пустоту и «светскую» любезность, но не деловой прием.

Выше мы отметили, что институт военных агентов назначался для наблюдения за постановкой и развитием военного дела в том государстве, куда были откомандированы эти представители.

Таким образом, *главнейшая обязанность военных атташе лежала в их военной работе, в знакомстве с вооруженными силами иностранного государства, их организацией, состоянием, боевой подготовкой, а также и с подготовкой к войне всего государства в целом.*

Если военная деятельность, вообще, прорывалась политикой, то, конечно, в своей службе военные агенты не могли миновать не только знакомства, но и изучения политики — внутренней и внешней — того государства, в котором они находились. Без ясного уразумения политической жизни государства нельзя было составить исчерпывающего представления и о структуре его обороны.

Поэтому вполне понятно, что во всех рассуждениях и донесениях военных агентов, с которыми мы знакомим выше, встречается оценка ими политического положения государств и линии их политического поведения. Правда, следует отметить, что объектом их исследования была, главным образом, внешняя политика, но нужно сказать, что и внутренняя не уходила из поля их зрения. Мы слышали доклады австрийского агента из Петербурга о революционном движении в России и оценки им этого движения с военной точки зрения.

Однако, начальник австро-венгерского генерального штаба считал, что военные агенты, помимо хорошей ориентировки в политической жизни государства, могли вести определенную линию политики, как частные люди.

Такой взгляд на военных агентов расширял и усложнял круг их обязанностей, ставя их в ложное положение перед официальными представителями внешней политики.

Ниже мы остановимся на этом немного подробнее. Здесь же подчеркнем, что вся служба военных агентов тесно переплеталась с внешней политикой того государства, от которого они были командированы, а потому их деятельность должна была проходить в тесном контакте с посольствами. Такое

положение, как правило, признавалось всюду, и военные агенты даже числились в составе дипломатического представительства, но они в то же время пользовались и стремились к известной самостоятельности в работе.

«Военные атташе подведомственны мне и я за них отвечаю», — писал Конрад в пылу гнева на министра иностранных дел. Такое заявление начальника австро-венгерского генерального штаба вполне отвечало действительному положению дел. Во всех государствах военные агенты подчинялись соответствующему начальнику генерального штаба — сухопутному или морскому, как органам, прежде всего заинтересованным в сборе сведений о вооруженных силах иностранных государств и состоянии их обороны. Двух мнений на этот счет быть не может, и подчинение военных агентов исключительно начальнику генерального штаба должно быть признано вполне нормальным и жизненным.

Другой вопрос, какие задания давались генеральным штабом своим военным агентам. Сбор сведений о вооруженных силах государств, изучение его военной линии поведения безусловно входило в круг ведения генерального штаба, а потому и задания по этой линии военные агенты должны были получать от генерального штаба и отчетываться перед ним же о достигнутых результатах.

Но мы говорили, что война есть орудие политики, что служба военных агентов тесно связана с внешней политикой, а потому военные агенты в значительной мере углубляли свою работу в область политическую, для которой имелись, собственно говоря, особые органы государства — его дипломатические представительства.

В современных условиях подготовки войны в обязанность военных агентов войдет ориентировка и изучение ими еще и экономической подготовки государства к войне.

По Конраду, военные агенты могли вести самостоятельную линию во внешней политике, и мы не раз замечали, как начальник австро-венгерского генерального штаба набрасывал смелой рукой указания военным агентам по внешней политике, далеко не отвечавшие линии поведения министерства иностранных дел. Правда, Конрад оговаривался, что это — его личное мнение и т. д., но хорошо известно, что личное мнение начальника понимается подчиненными как приказание и проводится, зачастую безоговорочно, в жизнь. Одним словом, генеральный штаб в Вене считал возможным через военных агентов проводить свою внешнюю политику.

Получая такую свободу, военные агенты Дунайской империи, конечно, не преминули широко ее использовать. Мы уже обращали в своем месте внимание читателя на предложения военными агентами тех путей, коими, по их мнению, должна была следовать внешняя политика Австро-Венгрии. Достаточно вспомнить донесения военного агента из Бухареста или Константинополя, чтобы убедиться в этом.

Одним словом, в обход представителей внешней политики генеральным штабом и его органами, в лице военных агентов, творилась своя внешняя политика.

Конечно, Австро-Венгрия в этом не была исключением. Подобное можно обнаружить и в службе военных агентов иных стран, если углубиться в донесения военных атташе их начальникам генеральных штабов.

Такая политическая деятельность военных агентов, даже по мнению Конрада, была частным занятием.

Но нам в исторической части пришлось столкнуться и с оформлением этой деятельности. Как известно, на австрийского военного агента в Румынии, с разрешения Франца-Иосифа, была возложена помощь австрийскому послу в Бухаресте Чернину по втягиванию Румынии в союз с монархией. Военный агент получил на этот счет указания не только от начальника генерального штаба, но ходил за ними и к министру иностранных дел. Такое поручение дипломатического характера, хотя и не входило в круг ведения военного агента, можно все же признать возможным, а его оформление правильным.

Здесь приходится отметить ту роль, которую сыграли военные агенты в 1912 году в образовании Балканской федерации. Начало оформлению союза положили награды военным агентам. В условиях взаимоотношений Балканских государств это вполне нормально, ибо они могли скорее сговориться на почве военного союза, нежели урегулировать стараниями дипломатии свои национальные устремления. Действительно, до тех пор, пока говорили пушки на Балканах, федерация была жива, но как только за зеленым столом собрались дипломаты, так снова возникли споры и рознь, кончившиеся второй Балканской войной.

Что же касается самостоятельных выступлений военных агентов на дипломатическом поприще, хотя бы и по заданиям начальника генерального штаба, то их следует считать ненормальными. За известную линию внешней политики, проводимой в ином государстве, является ответственным министерство иностранных дел и его органы на местах — дипломатические представительства. Поэтому всякие приватные выступления военных агентов во внешней политике, без согласования их или получения соответствующих директив от своих послов или посланников, не могут иметь места. Равным образом, считаем, что та оценка внешней политики, которая дается военными агентами в их докладах начальнику генерального штаба, должна быть строго согласована с дипломатическими представителями.

Между тем, приходилось наблюдать иное. В своей оценке политической обстановки военные агенты стремились быть самостоятельными и, давая таковую, снабжали начальника штаба документами, опираясь на которые он мог не соглашаться с выводами министерства иностранных дел. Нам могут сказать, что министерство иностранных дел не является непогрешимым и может ошибаться в оценке грядущих событий. Это старался нам доказать Конрад; подобные заключения мы можем найти в современной военной литературе в Германии. Не будем спорить, что со стороны министерства иностранных дел могут быть допущены ошибки и таковые были на пороге мировой войны, но отсюда далеко до признания необходимости иметь еще вторые органы по иностранным делам, но только состоящие из лиц в военных мундирах. Не пужно никогда забывать, что война есть орудие политики, а не наоборот.

Если вспомним, то Конрад сильно обиделся на римского посла, который позволил себе дать такую оценку военным приготовлениям Италии, чем делал начальник генерального штаба. Последний, в доказательство своей правоты, в обиду выставлял свои 39 лет службы в военном ведомстве и называл чуть ли

не мальчишкой римского посла. Допустимо вполне, что так же мог поступить любой посол Австро-Венгрии, особенно из таких заслуженных, каким был Паллавичини, если бы он узнал, что его линия поведения внешней политики находит иное толкование в устах новоявленных, но законом непризнанных, дипломатов в военном мундире. Прав был Эренталь, вступившийся за римского посла.

В конечном счете мы должны установить, что на военных агентов возлагались: 1) чисто военные задачи и 2) дипломатические поручения.

Военные агенты являлись официальными представителями государства и как таковые должны были держаться в рамках сохранения «дружественных» отношений.

Таким образом, их работа должна бы носить чисто официальный, открытый характер. Иными словами, знакомство с обороной государства, в которое военный агент командирован, должно было основываться на изучении и получении тех данных, кои ему предоставлялись бы легальным путем. Такой сбор сведений мог происходить только при посещении ими частей и учреждений армии, как результат личных впечатлений, или путем изучения официальных уставов, наставлений, военной литературы или, наконец, широким кругом знакомств, в особенности, в военной среде.

Конрад мельком говорит о методах, кои применялись его военными агентами при сборе нужных им сведений. По словам Конрада, военные агенты составляли свои отчеты лишь на основании личных впечатлений, изучения официальных источников и печати, равно на тех обменах мнениями, кои им приходилось вести открыто в обществе.

Его подчиненный, начальник разведывательного бюро Урбанский, в указанной нами выше статье, свидетельствует: «По личному долголетнему опыту, как начальник разведывательного бюро, я могу сказать, что военные агенты в своем изучении иностранных армий никогда не базировались на агентурной разведке. Хорошо образованный в военном деле офицер, с ясным военным суждением, имел в своем распоряжении иные богатые средства, которые позволяли ему изучать военную мощь государства. Официальное сношение с военными центральными управлениями, наблюдение за маневрами, на которые он приглашался, изучение военной литературы и повседневной печати, изучение заседаний правительственных учреждений давали военным агентам гораздо более ясную картину обороны государства, нежели сообщения темных личностей, которые часто бывали сомнительными и ошибочными».

Мы пока не будем возражать Урбанскому в его защите целомудренности военных агентов в агентурной разведке, ибо сделаем это в своем месте.

Сейчас же остановим наше внимание на официальной жизни этих органов генерального штаба.

Выше мы отметили, что военные агенты, состоя при дипломатических представительствах, пользовались известной самостоятельностью в работе. Прямого подчинения военных агентов дипломатическим представителям мы нигде не найдем со времен самого Мольтке старшего. Когда Бисмарк сделал попытку наложить свою руку на военных агентов, он встретил со стороны начальника генерального штаба такой же эпергичный отпор, какой давал

впоследствии Конрад, заявлявший о непосредственном подчинении военных агентов только начальнику генерального штаба.

Таким образом, военные агенты должны были устанавливать лишь контакт в работе с дипломатическими представителями. Если можно это признать справедливым в чисто военной области, да и то с известными оговорками, то необходимо указать, что в чисто дипломатических выступлениях военные агенты должны были получать ориентировку от посольства и отчитываться перед ним, а не ориентироваться на свой генеральный штаб.

Урбанский ныне заявляет, что в военной политике военные атташе являлись советниками своих послов. Выше мы говорили, насколько такие советники оказывались самостоятельными в своей политической деятельности. Мы не можем себе представить, чтобы Урбанский не знал о тех инструкциях по политической линии, какие давались военным агентам начальником генерального штаба. Остается предположить, что ныне Урбанский широко толкует роль советника, каким должен был быть при после военный агент, не думая его подчинять дипломатической линии даже в вопросах внешней политики.

Возникает вопрос, насколько представители внешней политики на местах могли требовать отчета от военных агентов в чисто-военной их работе. Так, перед нами прошло участие военного агента в Риме в обсуждении совместно с послом данных Конрада, на что потом обиделся начальник генерального штаба. Германский посол в Вене выражал свое неудовольствие, когда германский военный агент во-время не предупредил его об уходе Конрада с поста начальника генерального штаба. Одним словом, дипломаты на местах претендовали на известную осведомленность в военной работе атташе, не говоря уже о происходивших недоразумениях при ведении ими агентурной разведки, расхлебывать которые приходилось исключительно представителям внешней политики.

Признавая нормальной линию непосредственного подчинения военных агентов начальнику генерального штаба, мы не можем все же лишить дипломатических представителей на местах их законного желания быть ориентированными и в военных вопросах, особенно тесно связанных с политикой. Не следует забывать, что дипломатический представитель оценивает иностранное государство в общем целом, а поэтому не может пройти мимо его обороны. Если бы военные агенты не считали нужным ориентировать посла в развитии государством дела обороны, то последнему, наверно, пришлось бы вести параллельную работу по ориентировке в этом вопросе.

В виду сказанного, мы не находим предосудительным участие военного агента в Риме в обсуждении степени готовности Италии к войне, равно как считаем промахом германского военного агента, что он своевременно не ориентировал посла в смене верхов генерального штаба, ибо такая смена имела и большое политическое значение.

Наши современники любят проводить линии подчинения по вертикали и горизонтали. Мы не поклонники такой чиновничьей геометрии, но если угодно, то прочерчиваем вертикальную линию подчинения от военных агентов к начальнику генерального штаба, а от горизонтальной — к дипломатическому представителю на месте — воздерживаемся и заменяем ее пункти-

ром, т. е. лишь ориентировкой в военной работе. Окончательная увязка этих двух линий происходит в верхах, а не в низах.

Как указано было выше, военные агенты являлись официальными представителями и как таковые принимались начальником генерального штаба, а с его разрешения получали доступ как в учреждения, так и в войсковые части.

В зависимости от того, в каких дипломатических отношениях находились государства, устанавливались и различные отношения военных агентов с представителями военного ведомства того государства, куда они были командированы.

В союзном государстве военные агенты, по приглашению и без него, довольно часто посещали кабинет начальника генерального штаба, ведя с ним беседы по различным вопросам как военным, так и внешней политики. Читающий, конечно, помнит все те душевные беседы, которые вел Конрад с германским военным агентом, как представителем союзного государства.

Большой сдержанностью дышали разговоры того же Конрада с итальянскими военными представителями, хотя они также были союзниками. Появление их у начальника генерального штаба связывалось всегда с решением каких-либо важных военных вопросов, например, по плану войны.

Заглядывали к Конраду военные агенты нейтральных государств, например, Турции, с целью позондировать внешне-политическую обстановку в моменты кризисов и выяснить позицию в них Австрии. То же можно сказать и о визитах румынского военного агента.

Наконец, появление русских военных агентов в кабинете начальника австро-венгерского генерального штаба носило также более политический характер, нежели военный. Оно связано было с кризисами в дипломатических отношениях этих государств. В то время, когда дипломаты обеих стран, как, например, в кризисе 1909 года, переставали вести переговоры, на сцену для смягчения кризиса появлялись военные агенты, пытавшиеся продолжить дипломатические переговоры.

Такой же характер носили посещения военным агентом Германии русского военного министра Сухомлинова и начальника генерального штаба Янушкевича на пороге мировой войны. Несмотря на то, что разговор касался мобилизации, как военного явления, посещение носило политический характер. Русские военные деятели пытались доказать военному агенту «миролюбие» России и отсутствие подготовки ее к войне. Правда, в Берлине эти попытки были признаны не чем иным, как «ложью».

Одним словом, скорее важные политические события, нежели ориентировка в состоянии военного дела вели военных агентов в кабинет начальника генерального штаба иностранного государства.

С разрешения начальника генерального штаба военные атташе допускались к осмотру частей и к присутствию на учениях и маневрах. Конечно, для военных агентов союзных государств в этом было гораздо меньше ограничений, нежели для остальных. Австрийский военный агент в Петербурге жаловался Конраду на то, что его не пускают на маневры во внутренние округа, т. е. именно туда, куда хотел проникнуть пытливым взор этого агента, надеявшегося увидеть части в их натуральном виде, а не специально натренированные для осмотров, каковые были в Петербургском военном

округе. Да и в последнем, равно как, например, в Германии, военные агенты на маневрах не пользовались абсолютной свободой передвижения и наблюдения, а держались особой группой, перемещавшейся по указанию прикомандированных к ней представителей генерального штаба. Обиженный австрийский военный агент предлагал Конраду резко ограничить допуск русских военных агентов в Вене к осмотру частей и на маневры.

Характерен в этом отношении случай с ограничением свободы движения военных агентов итальянским генеральным штабом во время атаки Триполи. Как известно, итальянцы оставили их на корабле, в то время как войска были на суше и вели бой за обладание Триполи. Конрад резко протестовал против такой «увеселительной поездки» австрийских военных агентов (сухопутного и морского), но нам думается, что сам он поступил бы таким же образом. Иначе говоря, личное впечатление военного агента о войсковых частях, их боевой подготовке и даже боевых действиях всегда было и будет ограничено.

Мы уже говорили, что личное впечатление о развитии военного дела в том государстве, в котором находился военный агент, черпалось им также из того широкого круга знакомств как в дипломатической, так, главным образом, в военной среде, в которых вращался военный агент. Завязать этот круг знакомств стремился каждый военный агент, так как на различных вечерах, ужинах и балах, т. е. в обстановке обычного времяпровождения буржуазного общества, военные атташе получали нужные им сведения. Разговор с тем или иным дипломатом, или военным лицом высокого ранга зачастую давал ценный материал для ориентировки военного агента.

Здесь небезынтересно отметить еще один источник получения сведений, который часто использовался военными агентами, — это аристократическое женское общество с присущей ему болтливостью. Известно, что «слабый» пол буржуазного общества, особенно его верхов, очень часто горел желанием играть роль в политике и вести разговоры на эту тему. Страдая в то же время «недержанием» языка, дамы-политики зачастую откровенно высказывали то, что им было известно и составляло тайну.

Достаточно вспомнить донесения военного агента Конраду об его разговоре с женой германского посла в Париже, урожденной русской, вскипевшей гневом на Австрию и предрекавшей, что Россия не пойдет ныне на уступки. Пурталес по женским источникам ориентировался в ходе мобилизации России. Жена начальника генерального штаба Италии Полио творила политику сближения с Австро-Венгрией, оказывая особое внимание семье австрийского военного агента.

Это лишь единичные факты «женской политики» и хотя, конечно, на разговоры с дамами полагаться особенно не следует, но учесть их необходимо, ибо очень часто они являются не чем иным, как эхом суждений мужей, занимающих ответственные посты, или вообще разговоров и бесед политических и военных деятелей, упускавших из виду неуместность обсуждения важных вопросов в кругу лиц, к этому совершенно не предназначенных.

Нам могут бросить упрек в антифеминизме, но мы оговариваемся, что речь идет о женщинах буржуазного общества, а не о тех, кои призваны и подготовлены к государственной работе.

Мы не собираемся из сказанного делать правила, но не можем скрыть и того, что роль Бисмарка в юбке очень заманчива для честолюбивых жепщин и наших дней. Художественное перо Льва Толстого запечатлело в лице Анны Павловны Шерер в «Войне и мире» облик такой жепщины-дипломатки и ее «салопа».

На пороге мировой войны в Петербурге существовали всем известные «салоны» Клейнмихель и Игнатъевой. Посещение таких «салонов» может дать военному агенту шюгда и ценные данные по его службе, ибо в них государственная тайна составляет обычно «гвоздь» собрания и предстает в такой же паготе, в какой буржуазные жепщины наполняют залы и гостиные подобных суаре.

Общность рода службы обычно является связующим звеном между людьми. Поэтому в исторической части нашего труда мы отмечали ту связь, которую поддерживали между собой военные агенты, особенно союзных государств. Морской военный агент России в Константинополе довольно откровенно беседовал с австрийским военным агентом о политике России в Турции. Австрийский и германский военные агенты в Петербурге обменивались полученными ими сведениями о русской армии. Военные атташе нейтральных государств, которых сближала ориентировка на то или иное крупное государство во внешней политике, охотно сближались и в военной работе с военными представителями этих крупных государств. Всегда нужно иметь в виду известный обмен сведениями, выводами из своей работы между военными агентами, особенно тех государств, которые находятся в союзе или на пути к нему.

Таковы пути официального осведомления военных агентов, которые нам удалось проследить в исторической части нашей работы. Может быть, в жизни есть еще и иные, но мы исследуем те, след которых нам оставили писания бывших начальников генеральных штабов.

В своих воспоминаниях бывший начальник австро-венгерского генерального штаба отрицает участие военных агентов Австро-Венгрии в тайном сборе сведений о вооруженных силах тех государств, куда они были откомандированы. Конрад указывает, что, несмотря на то, что военные агенты России и Сербии вели агентурную разведку, военным агентам Австро-Венгрии строго было запрещено вступать на подобный путь, чтобы не колебать своего положения.

Его подчиненный, Урбанский, в указанной выше статье о военных агентах свидетельствует об этом так. Указав на то, что обязанности военных агентов в различных государствах определяются также различно, Урбанский говорит: «Только профаны могут считать первой обязанностью военных агентов «шпионство», что в большинстве государств является басней. В течение пяти лет перед войной, когда сношение с военными агентами в Вене составляло мою обязанность, особенно во время маневров, политическое напряжение повело к отозванию лишь двух военных агентов русского посольства. Оба занимались активным руководством тайной разведкой. Все другие военные атташе предпочитали быть вполне лойяльными гостями того государства, при котором они были аккредитованы. Австро-венгерским военным агентам была строго запрещена всякая работа в тайной разведке». Урбанский даже указывает, что к австрийским атташе очень

часто поступали предложения различных секретных сведений, очень часто с целью провокации, но все они отвергались и об них сообщалось соответствующим учреждениям государства.

Нельзя, казалось бы, не верить такой целомудренности австро-венгерских военных агентов, по... это досадное «по»: начальник генерального штаба Конрад говорит иное. В первом томе своих воспоминаний, на стр. 209, Конрад передает суть своего разговора с военным агентом из Петербурга о возможном изменении русскими плана стратегического развертывания. «Граф Спаночи (военный агент в Петербурге — *Б. Ш.*), — пишет Конрад, — полагал, что за 50 — 60 тысяч рублей можно найти лицо, которое бы могло доставить данные о плане развертывания, на что я возразил, что на это из разведывательного фонда могло бы быть отпущено, в крайнем случае, 100 тысяч рублей, если же нужно больше, то можно выпросить у министра иностранных дел. Граф Спаночи полагал, что рано еще выискивать такое лицо, так как изменение плана в России еще не окончательно решено».

Таким образом начальник австро-венгерского генерального штаба опровергает и сам себя и своего бывшего подчиненного.

Официальные военные представители австро-венгерского генерального штаба не ограничивались легальным получением нужных им данных, а вели и агентурную разведку.

Бывший начальник разведывательного управления германского верховного командования Николай в своем труде «тайные силы» бросает свет на работу военных агентов различных стран по агентурной разведке. По вполне понятным причинам Николай также обходит молчанием деятельность военных атташе Германии и Австро-Венгрии. Но для нас важен, вообще, факт такой работы — общей для всех военных агентов, среди которых, конечно, военные атташе срединных государств, как мы только-что слышали, не составляли исключения.

Говоря о русской разведке, Николай указывает, что «руководство разведкой находилось в руках генерального штаба в Петербурге». «Оттуда шла, в контакте с военным атташе и консульствами, обработка Берлина, Вены и вообще заграницы... Военные атташе работали также и в Германии против Австрии».

В доказательство Николай указывает, что известный читателю австрийский шпион Редль «был привлечен из Берлина через русского военного агента». На пороге мировой войны, в апреле 1914 года, русский военный агент в Берлине Базаров был уличен германским правительством в агентурной разведке, и оно потребовало немедленного его отъезда в Россию. «Атташе, — пишет Николай, — отрицал всякое участие в этом деле и считал оскорблением для своего положения и своей личности то обстоятельство, что его утверждению противопоставляют свидетельство какого-то фельдфебеля. Потребовалось еще одно сообщение русскому посольству... После этого сообщения русский военный атташе покинул в тот же день Берлин и свою должность. Он пошел, таким образом, по тому же пути, как и его предшественник Михельсон, который был уличен в соучастии в деле государственной измены».

Сообщая о той же русской разведке в Австро-Венгрии, Николай отмечает: «За последние 30 — 40 лет почти все аккредитованные в Вене военные

атташе России принуждены были покинуть свои посты вследствие обнаружившейся шпионской их деятельности. У полковника Марченко, которому пришлось уйти с поста военного атташе, состоял, между прочим, на службе один австрийский военнослужащий, занимавшийся в течение 20 с лишком лет шпионажем в пользу России. Полковник Занкевич, ушедший в 1913 году, был особенно скомпрометирован своими связями с одним оберлейтенантом военной школы, еще с другим офицером и с несколькими военными».

Французская разведка, по словам Николаи, и за границей поддерживалась военными и морскими атташе и консульствами.

Что касается итальянской разведки в Австрии, то «с тех пор, — пишет Николаи, — как в 1906 году скомпрометированный шпионажем майор Дельмастро принужден был покинуть Вену, итальянские военные атташе больше не принимали участия в разведке; запрет этот не распространился на итальянского морского атташе».

Таковы свидетельства Николаи о разведывательной деятельности военных агентов бывших противников и упорное замалчивание подобной же работы военных атташе Германии и Австро-Венгрии.

Те ограничения в сборе легальными путями сведений, о которых мы говорили выше, ставили военных агентов перед задачей — центр тяжести своей работы переносить на агентурную разведку. С риском для своего официального положения военные агенты всех стран организовывали и руководили агентурной разведкой даже в том государстве, где они были аккредитованы. Более скромным был путь разведки через другие государства.

Не приходится, конечно, говорить, что взгляд на подобных «официальных» и «дружественных» представителей в том государстве, где они были аккредитованы, устанавливался вполне определенный и далеко не лестный, вносящий еще более настороженности в обращении с ними окружающих военных и гражданских представителей государства.

Исключение составляли военные агенты союзных государств, да и то требовалась известная осторожность в сообщении им тех сведений, которые нужны были в общесоюзных интересах.

Поэтому вполне понятны частые смены военных агентов, компрометировавших себя раскрытием их агентурной разведки. Каждый такой случай неизбежно вел за собой быстрый отъезд военного агента и назначение нового. Скользкие пути «дружбы» имеют и свои жертвы.

Возникает, естественно, вопрос о возможности избежать такой компрометации военных агентов и организации разведки помимо них. По свидетельству Николаи, итальянский генеральный штаб с 1906 года стал на этот путь в отношении Австро-Венгрии. Нам неизвестно, насколько это соответствует действительности. Теоретически можно признать нежелательным вовлечение военных агентов в агентурную разведку в том государстве, в котором они аккредитованы, но практически это редко наблюдалось. Военных агентов-«толстовцев» военная история отмечает единицами, так как, конечно, удобнее всего руководить разведкой через военное лицо, непосредственно сидящее на месте, да и сам круг его обязанностей требует подобной работы.

Мы отмечали, что военные агенты союзных государств пользовались большим доверием в государствах, где они были аккредитованы. Военные агенты союзных государств служили связующим звеном между генеральными штабами в важнейших вопросах обороны, как-то: плапа войны, политической ориентировки, боевой подготовки и т. д. Через них начальники генеральных штабов вели свою совершенно секретную переписку, они же были и изустными передатчиками взглядов мозговых центров военной машины государства на тот или иной вопрос. Одним словом, военные агенты союзных государств являлись самыми близкими поверенными начальников генеральных штабов. Правда, полномочия их зависели от той крепости союза, какая устанавливалась в определенное время между государствами. Если вспомним, то на фоне франко-русского союза не раз наблюдались с обеих сторон недоверия и сомнения в его прочности, а поэтому и военный министр Сухомлинов (правда, сторонник германской ориентации) выражал недвусмысленное неудовольствие тем, что в делах обороны России французы были ориентированы, пожалуй, лучше, чем сами русские. До прихода на должность начальника австро-венгерского генерального штаба Конрада отношения между австро-венгерским и германским генеральными штабами были сравнительно сухими и далекими, а поэтому ориентировка военных агентов также не отличалась полнотой. Нужно сказать, что вообще германский генеральный штаб мало доверял сдержанности языка австро-венгерского генерального штаба и старался лишь в общих чертах ориентировать его в своем плане войны. Германский же посол в Вене, после инцидента с уходом Конрада на должность армейского инспектора, резко давал понять и по дипломатической линии, что в виду болтливости ответственных лиц Дунайской империи с ними приходится быть сдержанным.

Являясь органами осведомления генерального штаба, военные агенты вели регулярный отчет в своей работе перед начальниками штабов. Отчет заключался: 1) в регулярных донесениях и 2) в личных докладах начальнику генерального штаба по кругу своей работы.

Донесения, обычно в виде писем, военные агенты довольно часто адресовали своему шефу, причем, конечно, с увеличением напряженности обстановки такие донесения учащались. Письма, по своему содержанию, делились на две части: 1) политическую и 2) военную. В виду той роли, которую военные агенты играли или старались играть в ходах дипломатии, политическая часть их донесений занимала довольно большое место, ориентируя начальника генерального штаба возможно полно в политической жизни того государства, при котором они были аккредитованы. Давая оценку внешней политики государства, военные агенты не ограничивались простой фиксацией положения к определенному времени, по позволяли себе набрасывать и линии внешней политики, которые, по их мнению, должна была принять отечественная дипломатия. Уроки дипломатии, различные проекты военных союзов и тому подобные предложения, часто субъективного свойства, наполняли собой политическую часть докладов военных атташе. Мы высказали по этому вопросу свой определенный взгляд, и здесь не будем ни повторять его, ни вносить одобрения подобной творческой деятельности военных агентов на дипломатическом поприще. Считаем, что в этом их роль должна была сводиться лишь к фиксации существующей политиче-

ской обстановки без своих, может быть и гениальных, предложений линии поведения внешней политики.

Военная часть докладов касалась, главным образом, состояния обороны того государства, куда были командированы военные агенты. Вопросы плана войны, сосредоточения армий, их готовности, организации, устройства, боевой подготовки и т. д. освещались военными агентами перед начальником генерального штаба в той мере, в какой военному агенту удавалось иметь об этом сведения. Не выходил из угла их зрения и высший командный состав армии, которому они давали соответствующую их понимание характеристику.

Едва ли нужно особо говорить, что донесения военных агентов являются документами, в ориентировке генерального штаба настолько важными, что на них строятся большого значения военные предположения, а потому со стороны военных агентов к их письменным докладам должно быть проявлено самое внимательное и вдумчивое отношение. Известно, что оптимистические с русской точки зрения доклады русского военного агента в Японии Ванновского перед войной 1904 года о состоянии и боевой готовности японской армии сыграли не последнюю роль в поверхностном отношении России к подготовке войны с Японией, в сказочно смешном плане Куропаткина, расписанном до момента пленения микадо включительно, и, наконец, в том поражении, которое понесла Россия в 1904 году. Хороший урок для военных агентов всех стран и всех времен...

Что касается личных докладов военных агентов, то они делались периодически, в важных случаях, особенно при напряженной политической обстановке. На этих докладах затрогивались те же вопросы, что и в донесениях, но с большим углублением, благодаря личному обмену мнений. Как бы ни были полны донесения военных агентов, но они никогда не смогут заменить личных докладов, и таковые должны быть обязательными в службе военных атташе.

Прибытие для личных докладов военных атташе использовалось и министерством иностранных дел: 1) для ориентировки и 2) для особых поручений военным агентам по политической линии, как мы об этом говорили выше.

Наконец, необходимо отметить, что с личными докладами военные агенты появлялись в кабинетах верховной власти, давая и здесь свою личную оценку внешнего и военного положения того государства, при котором они были аккредитованы. Подобные доклады нельзя считать правилом, но они не бесполезны для высшего руководства внешней политикой и войной в государстве, а потому в жизни всегда будут иметь место. Обычно же военные агенты посещают, главным образом, кабинет начальника генерального штаба, сотрудниками которого они являются по своей природе и назначению.

Выше мы отмечали, с какими целями военные агенты заглядывали в кабинет начальника генерального штаба того государства, при котором они аккредитованы.

В настоящее время позволим себе остановить внимание читателя на том характере, который приобретали эти беседы двух представителей различных генеральных штабов, главным образом, на том характере, который придавали этим беседам начальники генеральных штабов.

Поскольку военные агенты являлись причастными к политике, постольку тон беседы с ними должен был отвечать общему тону внешней политики государства, а потому пужно признать вполне целесообразным запросы Конрадом министра иностранных дел о тех политических линиях, которых начальник генерального штаба должен был держаться в разговоре с военными агентами. Такая ориентировка для начальника штаба необходима.

При отсутствии ее или нежелании раскрывать политические ходы, обычно начальники генеральных штабов прибегали к излюбленному приему, а именно — указанию на свою непричастность к внешней политике, на то, что начальник штаба — «солдат», не призванный руководить внешней политикой, что он не министр иностранных дел.

Правда, такой тон не всегда выдерживался начальниками штабов, особенно Конрадом, который переходил на обсуждение чисто политических тем. То под видом «частного» лица, то под видом друга, беседующего с приятелем в «кафе», начальник австро-венгерского генерального штаба давал те или иные советы в области внешней политики, которые должны были, по мнению Конрада, отвечать направляющим линиям политики Австро-Венгрии. Мы попросим вспомнить беседы Конрада с военными агентами Турции, Болгарии и России, чтобы не приводить подробно доказательств сказанному.

Интересно отметить совет Конрада русскому военному агенту — прикрутить хвост так называемому русскому «общественному мнению», которое, по словам агента, стояло за войну с Австро-Венгрией.

Известная сдержанность в разговорах с военными агентами на политические темы со стороны начальника генерального штаба проявлялась тогда, когда она ему была нужна.

Когда же начальник штаба, наоборот, хотел провести свою политическую линию, то, несмотря на то, что беседовали два «солдата», разговор принимал характер переговоров дипломатов.

Монтонари смущенно выслушивал обещания Конрада, что за тесный союз с Австрией Италии будет обеспечено большое территориальное приращение за счет Франции. Румынский же военный агент был сильно науган явившимся с визитом начальником австро-венгерского генерального штаба, поставившим перед военным атташе ряд требований к Румынии, которые должны были быть доведены до сведения ее правительства.

В таких тонах говорил не «солдат», а «дипломат», но с военной складкой, а не с обычными манерами представителей внешней политики, особенно с берегов Дуная, отличавшихся всегда известным двусмыслением и туманностью своих обещаний.

Одним словом, в политической части разговоров в кабинете начальника генерального штаба военные агенты чаще встречали большую сдержанность и уклончивость в ответах, нежели откровенные признания главы мозга армии.

Нужно сказать, что военные агенты сами это хорошо учитывали, и, как известно, все заявления Сухомлинова и Янушкевича германскому военному агенту в июльские дни 1914 года расценивались в Берлине, по донесениям военных атташе, как сплошная ложь. Даже «честное слово» начальника русского генерального штаба не имело цены ни у военных агентов, ни в генеральном штабе в Германии.

Каждый разговор с военным агентом, если он затрогивал политические вопросы, немедленно сообщался начальником генерального штаба министерству иностранных дел и учитывался последним в ходе политических отношений с тем государством, откуда был военный агент. Подобный порядок ориентировки министра иностранных дел о беседах с военными агентами нужно признать вполне правильным, ибо ответственным за направление внешней политики являлся министр иностранных дел, который должен был быть в курсе всех разговоров о внешней политике государств, хотя бы они велись в военном кабинете и «солдатами».

Если мы отмечаем сдержанность начальника штаба в разговорах с военными агентами на политические темы, то не меньшая уклончивость замечается и в разговорах о чисто-военных делах. В этой области начальник генерального штаба не выходил из рамок общих рассуждений по тому или иному вопросу, ибо, сам ориентируясь через своих военных агентов, не намерен был давать чужим какие-либо данные сверх того, что допускали интересы обороны государства. Конечно, полный отказ в ответе на поставленные военным агентом вопросы был бы не только не основателен, но и вреден для поддержания дружеских отношений с тем государством, которое представляет военный атташе. В каждом военном вопросе есть общая часть чисто теоретическая, которая не составляет военной тайны и известна каждому, изучающему военное дело. Уклоняться от разговоров в этой части вопроса было бы смешным и показало бы лишь враждебное отношение начальника штаба к официальному представителю, а не стремление охранить интересы обороны. Начальник генерального штаба является настолько опытным и ответственным в военных делах «мужем государственным», что всегда может и должен определить границы своей молчаливости и замкнутости не в ущерб международным отношениям.

Мы охарактеризовали службу военных агентов былых времен. Нами указывалось, что для военных атташе нельзя составить катехизиса, ибо вся их деятельность требует индивидуального подхода в каждом отдельном случае и в различных государствах. Из набросанного выше об их службе можно почерпнуть лишь общую установку, но никак не незыблемые правила. Мы надеемся, что к нашим выводам перелистывающий эту книгу отнесется критически и сам набросает те пути, по которым он пошел бы, если бы судьба поставила его на место военного агента.

Сбор сведений для ориентировки в развитии военного дела за границей производился также офицерами, командированными за границу с иными целями, а также проводящими свой отпуск в других странах.

Правда, начальник австро-венгерского генерального штаба был вынужден прибегнуть к такой мере из-за недостатка ассигнований на агентурную разведку, и подобные поездки офицеров использовались им как дополнительный к этой разведке источник получения чужих данных.

Являясь легально в другое государство, командированные или отпускные офицеры собирали сведения личным наблюдением за теми или иными отраслями военного дела, а иногда стремились получить их и тайными путями.

Подобным поездкам офицеров за границу начальник австро-венгерского генерального штаба придавал особое значение. Только из непосредственного посещения иностранных государств и знакомства с ними командный

состав, в особенности, генерального штаба, по мнению Конрада, мог получить исчерпывающее представление об этом государстве и его путях сообщения. Никакие книжные описания не могли, по Конраду, заменить с той же пользой личное впечатление о стране, которую изучали.

Нельзя, конечно, не согласиться с такими доводами начальника генерального штаба и не признать всей той пользы, которую приносят командировки военнослужащих, особенно генерального штаба, в соседние страны для непосредственного с ними знакомства. Отправляющийся либо с целью изучения иностранного языка или просто в отпуск за границу командный состав выносит много ценного из познания того государства, которое он посещает.

Нередко такие командировки связывались именно со сбором секретных сведений. Конрад не сочетал их с агентурной работой и, наоборот, как мы знаем, доказывал, что подобные задания никогда за последнее время не возлагались на уезжающих за границу офицеров. Если некий офицер Райкович и отправился в Сербию с разведывательными поручениями, то это было на него возложено военно-географическим бюро. Генеральный штаб не только не давал ему никаких секретных поручений, но даже специально предупреждал об этом Райковича.

Подобным заявлениям генерального штаба не верило министерство иностранных дел в Вене; тем более не питала к этому доверия, а, наоборот, использовала в целях возбуждения общественного мнения дипломатия тех стран, в которые вели пути этих офицеров.

В действительности, как мы знаем, на этой почве возникали не только дипломатические трения между странами, но и целый ряд недоразумений между министерством иностранных дел и генеральным штабом в собственном государстве. Представители внешней политики в Австро-Венгрии указывали, что участие командного состава в секретном сборе сведений ведет: 1) к конфликтам с соседними государствами и 2) к невозможности гарантировать безопасность для отправляющихся за границу военнослужащих. В результате всего этого министерство иностранных дел чинило всякие препятствия в выдаче разрешений на поездку командного состава за границу, а затем встало на путь окончательного запрета.

Против подобных шагов дипломатов решительно выступил начальник австрийского генерального штаба.

Слов нет, что заграничные поездки офицеров, особенно генерального штаба, давали дополнительные данные для ориентировки, но не следует забывать, что на них, даже при полной легализации посещения, в иностранных государствах смотрели как на замаскированную агентуру, с соответствующими отсюда выводами. Получившие задания по разведке офицеры редко могли удержаться в рамках частных граждан, посторонних наблюдателей, не возбуждая к себе подозрения, ибо желание расширить и углубить свои личные впечатления толкало их на такие шаги, которые вели к нарушению установленных иностранным государством правил по охранению военной тайны.

Различные маскировки таких поездок, вроде указанной нами поездки Райковича, были секретом полишинеля и, наоборот, возбуждали к себе гораздо большее подозрение, чем открытое путешествие военнослужащего.

Николай в своей книге пишет: «Прежде чем приступить к работе (разведке и контр-разведке против России — *Б. III.*), я предпринял поездку в Россию, паходившуюся еще под влиянием революции 1905 года, с целью ознакомиться со страной и людьми, которых я до тех пор еще не впдал, — без этого ознакомления задача моя казалась мне неразрешимой. У меня не было никаких оснований скрывать в России свое звание германского офицера. Вследствие этого, однако, я натыкался всюду на убеждение, что я прибыл в Россию с целью военной разведки. Во время моего пребывания в крепостях за мной был установлен надзор. В одном большом городе были весьма удивлены моим пребыванием в нем, так как город совершенно не был крепостью. Один из высших чиновников, которому я передал привет от его родных, живущих в Германии, отвел меня немедленно в сторону и спросил, что я хотел бы узнать... всюду в России казалось само собой понятным, что офицер ездит за границу только для шпионажа».

Несколько иначе Николай говорит о своей поездке во Францию в 1913 году. «Прежде чем вступить в новую должность (начальника разведывательного бюро большого генерального штаба — *Б. III.*), — пишет он, — я съездил на короткое время во Францию, желая, по крайней мере, иметь представление о стране и населении, прежде чем предо мною закроются границы и этого государства, против которого, на ряду с Россией, генеральным штабом была организована разведка. Особенно добросовестно выполненные мною французские предписания о прописке германских офицеров привлекли ко мне такое внимание властей, даже приблизительно подобного которому не оказывали в Германии иностранным офицерам. Мое звание офицера генерального штаба еще более усилило это внимание. При этом власти не переставали быть изысканно вежливыми».

Николай не добавляет, что причиной такой изысканности, повидимому, была полная ориентировка французских властей, по прежней работе Николаи по разведке против России, о том, что за офицер генерального штаба прибывает во Францию. Сомнений и догадок у французских властей в отношении истинных намерений поездки Николаи, повидимому, не было, а под маской вежливости и предупредительности скрывалась хорошая осведомленность и принятие соответствующих мер против такой фигуры, какой был офицер германского генерального штаба Николай.

Таковы условия вполне легальных поездок представителей армии, а генерального штаба в частности, за границу, и претензии представителей внешней политики, стремящихся на второстепенных фактах не обострять отношений с соседями, нужно признать справедливыми. От таких претензий до безусловного запрещения заграничных поездок командного состава, конечно, далеко, и последняя мера должна рассматриваться как нежелательная крайность, применяемая лишь в том случае, если отношения между соседними государствами напряжены настолько, что каждое появление военнослужащего, хотя бы как частного лица, будет использовано в целях агитации, как показатель враждебных намерений соседа.

Признаем всю полезность командирования за границу командного состава для непосредственного знакомства с чужой страной, но нам кажется, что возлагать на него поручения по добыванию сведений об обороне государства и рассчитывать на получение особо ценных сведений такого рода не

приходится. Такой приватный легальный источник ориентировки генерального штаба будет безусловно взят на учет в иностранном государстве, и всякий его неловкий шаг создаст лишь излишние затруднения в дипломатических отношениях. Нам вполне понятно стремление Конрада расширить, что называется «без расходов от казны», круг своих органов разведки, но мы также должны признать и заинтересованность в этом вопросе дипломатов. Генеральному штабу не следует бросать и мелких камней на ее пути.

На этом кончаются непосредственные, открытые, легальные пути изучения генеральным штабом дела обороны и развития его в иных странах. Но, как мы уже указали, ориентировка генерального штаба может исходить еще и от союзных генеральных штабов и других ведомств своего государства.

В личной переписке начальников германского и австро-венгерского генеральных штабов, с которой мы довольно подробно знакомили читателя в предшествовавших главах, мы можем встретить немало взаимного осведомления о соседних государствах, их линиях внешней политики и планах войны. Ориентировка в письмах начальников штабов касается крупных вопросов обороны вероятных противников, но это и вполне понятно, ибо корреспонденция таких высоких персон, какими являлись высшие представители мозга армий, только и могла касаться важнейших вопросов стратегии и политики, а не спускаться до мелочного изучения противников, — давать сумму выводов из этого, а не погружаться в работу подчиненных органов.

Обмен подробными сведениями об иностранных государствах между союзными государствами производился через *органы* генерального штаба. В своих воспоминаниях Конрад говорит нам, что такие сведения он получал от представителей германского генерального штаба, командированных в Вену для согласования вопросов по плану войны, или же через германского военного агента. Таким же путем шли сведения из Вены в Берлин.

Правда, обоюдный обмен сведениями генеральных штабов срединных государств Европы не был таким широким, каким может показаться на это с первого взгляда. Николай говорит: «Разведка Антанты угрожала в равной мере Германии, Австро-Венгрии и Италии. Общая опасность влекла за собой и общую оборону. Между австрийским и германским генеральными штабами с 1910 года существовал незначительный обмен поступающими из России сведениями. Сношения между германской и итальянской разведками установились, в отношении Франции, лишь в 1914 году. В мае этого года я приехал по приглашению итальянского генерального штаба в Рим для переговоров по этому вопросу. Оказанный мне прием являлся доказательством честной дружбы итальянского генерального штаба. Наиболее ярко выражали эту точку зрения начальник генерального штаба, генерал Поллио, и начальники его отделов».

«Наоборот, отношения между австрийским и итальянским генеральными штабами были натянутыми и находились всегда под угрозой разведки, ведомой с обеих сторон. Поэтому, — заключает Николай, — об единстве разведки тройственного союза, по сравнению с таковым у Антанты, не могло быть и речи».

Интенсивность обмена данными о вероятных противниках между генеральными штабами зависит: 1) от прочности союза и взаимного доверия в сохранении тайны полученных сведений, 2) от хорошо организованной каждым из государств разведки.

Если вспомним, что на фоне австро-германских отношений не раз появлялись облака сомнений в прочности этого союза, что германский генеральный штаб не верил в сдержанность своего австрийского собрата в сохранении тайны, то станет вполне понятным, почему только с 1910 года между этими штабами существовал «незначительный обмен» сведениями. Что же касается отношений Вены с Римом, то Николай дал этому исчерпывающее объяснение.

Наконец, начальник генерального штаба расширял свою ориентировку об иных государствах сведениями, полученными из других ведомств, преимущественно дипломатического, и из личных бесед с их представителями.

Мы знаем случаи пересылки Берхтольдом Конраду документов, характеризующих политику соседних с Австро-Венгрией стран и личные их беседы об этом.

Нужно отметить, что военных данных в этих ориентировках было мало и они касались, главным образом, политической оценки того или иного государства. Это вполне понятно, если учесть цель составления этих документов, как результат особой, политической, разведки, о чем поговорим несколько ниже. Военные данные в этих документах попадались случайно; политическая разведка лишь с особого на то приказа, как например, на пороге мировой войны, фиксировала в своих донесениях военные события.

Никаких данных об экономическом развитии иностранных государств от других ведомств начальник генерального штаба не получал, и мы не находим следов этого в воспоминаниях Конрада. Такое явление на пороге мировой войны мы отчасти уже объясняли в первой книге нашего труда, когда говорили об экономической подготовке мировой войны.

Выше нами отмечалась необходимость ведения разведки вообще и те трудности, которые сопровождают открытые пути к этому. Поэтому в деле ориентирования большую роль играл тайный сбор сведений, так называемая агентурная разведка.

В исторических главах настоящей книги мы слышали, что и на этой почве генеральный штаб оказывался в конфликте с внешней политикой. Разобрать причины этого мы ставим дальнейшей нашей задачей. Наше изложение работы генерального штаба по агентуре в настоящем труде не может охватить всего вопроса в целом, ибо мы уклонились бы от начерченной нами программы труда. Правда, некоторыми из наших рецензистов она признается неудачной, но что же поделаешь, — этот недостаток мы не находим возможным исправлять в ходе нашего труда, ибо нет ничего хуже в жизни, как перебегание с одного пути на другой.

В начале настоящей главы мы отмечали, что агентурная разведка велась на пороге мировой войны не только генеральным штабом, но и министерством иностранных дел и что в современных условиях агентурой захватывается и экономическая сторона жизни разведываемого государства.

Николай пишет, что «уже во время войн Людовика XIV и Наполеонов-

★

ской эпохи разведка перешла и в область политики... и тайная разведка стала составной частью политики».

Указав на то, что «Франция является творцом постоянной военно-политической разведки», Николай отмечает: «Только тогда, когда Германия располагала государственными людьми с политической волей, появлялись и в ней зачатки работающего на службе у политики шпионажа. Такой шпионаж имелся в эпоху Фридриха Великого и Бисмарка». Николай свидетельствует, что во времена Бисмарка в Германии «существовало полное соглашение между военной и политической разведкой».

Однако, перед мировой войной «политическая разведка Германии хирела в руках дипломатии, комплектовавшейся и действовавшей под углом зрения общественных соображений, строго придерживавшейся корректных путей и довольствовавшейся тем, что она на этих путях находила»... «Военная разведка утратила политическое руководство, а вместе с тем и понимание и поддержку политических факторов. Это не могло быть возмещено ни военными атташе, включенными всюду в рамки дипломатии, ни тем, что вместе с германским военным флотом выросла и разведывательная служба адмиралтейства»...

Николай указывает, что «германские власти относились к стремлениям германского генерального штаба тем недоверчивее, чем выше были эти власти; подчинявшиеся же ведомству иностранных дел учреждения относились даже отрицательно, так как и собственная разведка, и оборона от чужой разведки рассматривались, как вредящие «дружественным отношениям Германии с другими странами».

Николай рисует условия, в которых германскому генеральному штабу приходилось развертывать агентурную разведку за границей. «Подобно тому, как германской разведке приходилось на родине прилагать много усилий для отстаивания перед политической властью хотя бы самых необходимых интересов генерального штаба, — пишет Николай, — так и за границей дела обстояли не лучше... Германская империя не имела центрального разведывательного управления. Генеральный штаб должен был поэтому искать собственных новых путей. Бесперывные политические кризисы, начиная с 1912 года, побуждали к многочисленным поездкам в нейтральные страны, чтобы там искать, с помощью германских представителей, связей, которые обеспечивали бы генеральный штаб во время войны достоверными сведениями об окружающем мире. Прием, который мне оказывали наши представители за границей, был в светском отношении безукоризненным. Но серьезная цель моего визита действовала на них, казалось, отрицательно. Во всяком случае, на деле генеральный штаб остался почти без всякой поддержки. В то время как разведка Англии, Франции и России вокруг Германии поддерживалась всеми официальными учреждениями, германской разведке представлялось искать себе помощников за границей самостоятельно. Но и об этом наши официальные представители говорили мне как о чем-то безнадежном и отсоветовали мне это делать, дабы немцы не были поставлены за границей в затруднительное положение, так как не мог же генеральный штаб думать, что немцы за границей поставят на карту свои деловые интересы».

«Так как, — продолжает Николай, — в области военной разведки гене-

ральный штаб мог самостоятельно развертывать свою активность, то там, несмотря на все препятствия и ограничения, успех был бы возможен».

Николай не раз подчеркивает, что, наоборот, «в России все власти находились к услугам разведки», «русские представительства за границей участвовали в поддержке собственной разведки», что в Австрии, «на ряду с русскими военными агентами, деятельными центрами шпионажа являлись и русские консульства, было доказано, что в шпионаже принимали участие и попы, и другие служащие посольства».

Редактор русского перевода книги Николай «Тайные силы» считает, что «Николай далеко не откровенен, не искренен и не объективен». «Николай, — говорит он, — до неимоверных размеров раздувает и хвалит организацию и деятельность разведки Антанты, в частности царской России, и умышленно, до наивности, преуменьшает таковую у немцев».

Мы также не считаем возможным безоговорочно признать справедливыми все откровения Николай о руководимой им когда-то разведывательной службе германского генерального штаба и если их привели, то с целью показать, что некоторые из условий, в каких была германская разведка, были свойственны и разведке австро-венгерского генерального штаба.

Прежде всего, мы должны отметить, что и это государство за границей имело две разведки, — политическую и военную, и затем, что обе они не только не были увязаны, но, наоборот, находились зачастую на различных путях.

Если вспомним, то римский посол Австро-Венгрии был очень недоволен расширением разведки австро-венгерского генерального штаба в Италии, а в особенности — ее неудачными шагами, что, по его мнению, вполне отвечавшему и взглядам министра иностранных дел, вело только к конфликтам с Италией, к подозрительности последней. Оба дипломата приходили к одному выводу, что нельзя испытывать долготерпения итальянского правительства.

Конрад давал этому резкий отпор и указывал, что разведка генерального штаба в Италии и в России не только не пользуется поддержкой дипломатических органов монархии за границей, но, наоборот, ей чинятся препятствия в то время, когда итальянская и русская разведки гораздо активнее работают в самой Австро-Венгрии. Приводя цифровые данные об осужденных за шпионаж в Австрии, Италии и России, начальник генерального штаба приходит к выводам, что, наоборот, австро-венгерским дипломатам следовало бы сделать представление русскому и итальянскому правительствам об их далеко не «дружеских» действиях.

Николай подтверждает, что «русский шпионаж в Австрии был, пожалуй, еще не интенсивнее, чем в Германии»... «Русская шпионская сеть простиралась по всей монархии, от Карпат до Тирольских гор и до плоскогорий Балкан». «Несмотря на свою принадлежность к тройственному союзу, — пишет он, — Италия вела обширный шпионаж против Австро-Венгрии... В виду союзных отношений итальянские консульства щадились, хотя они и принимали участие в разведке».

Говоря о сербской агентурной разведке, Николай приходит к выводу, что «монархия была, таким образом, окружена поясом, прерывавшимся лишь на границе с германской областью — с Баварией».

Конечно, Николай — «друг» бывшей союзницы Австро-Венгрии, и его свидетельство об успехах вражеской в ней разведки должно быть принято с осторожностью, но все же нельзя не отметить, что начальник австро-венгерского генерального штаба до некоторой степени был прав, когда говорил об интенсивном напоре со всех сторон разведчиков соседних государств на Австро-Венгрию.

Конрад решительно заявлял, что из-за неосновательных требований дипломатов он не намерен прекращать агентурной разведки генерального штаба, и продолжал ее самостоятельными путями, какими она шла и в германском генеральном штабе.

Жалобы начальника австро-венгерского генерального штаба и Николаи, а равно и австро-венгерских дипломатов в деле агентурной разведки затрагивали два основных вопроса: 1) совместимость этого вида разведки с «дружескими отношениями» или, иными словами, вопрос о морали агентуры вообще, и 2) помощь военной разведке со стороны дипломатических органов за границей.

Мы уже указывали, что обойтись без разведки своих соседей ни одно государство не может и вынуждено вести таковую, заведомо подрывая основу «дружбы». Таким образом, в сущности, все государства при этом «играют» в дружбу, и вопрос обостряется лишь тогда, когда нарушения этой «дружбы» становятся: 1) явными и 2) слишком частыми. В сущности, римский посол Австро-Венгрии протестовал лишь против частых неудачных действий агентуры генерального штаба, а не думал оспаривать в основе необходимость ведения тайной разведки. Конрад ссылаясь на гораздо большее число раскрытых нарушений «дружбы» Италией и на этом строил свою защиту. Слов нет, что аргумент веский, по нам думается, что отрицать справедливость заявления римского посла также нельзя. Тайная разведка — дело щекотливое, и его следует вести так, чтобы оно и оставалось тайным. Всякое обнаружение агентуры дает повод государству в лице его дипломатии, говорить, когда это будет нужно, о враждебной позиции соседа и на этом основании против него будировать общественное мнение. Дело заключается не в долготерпении «дружественного» правительства, а в том, чтобы не давать в его руки доказательств нарушения «дружбы», усиливая тем позиции этого правительства в «обывательской» среде. Без этих фактов иному правительству приходится прибегать и к ложным документам, к измышлению случаев нарушения «дружбы» и тому подобным провокационным действиям.

Таким образом, внешняя политика в праве требовать от генерального штаба, чтобы его агентурная сеть не подрывала «дружеских отношений»; иными словами — работала бы тайно, без обнаружения себя охранительными органами того государства, в котором она раскинута.

Что касается помощи со стороны дипломатических органов военной разведке, какой требовал Николай и об отсутствии которой говорил и Конрад, то нам думается, что о таком же содействии военной разведке могла бы говорить и внешняя политика, и с тем большим правом, что «война есть орудие политики, а не наоборот».

В некоторых государствах политическая разведка приходила на помощь военной, но нигде военная разведка не была подчинена политической.

Всюду агентура генерального штаба шла самостоятельным путем и желала его соединять с путем политической разведки. Николай указывает, что во времена Бисмарка такое единение наблюдалось, но нам известно, в вопросе подчинения военных агентов дипломатическим представителям канцлер оказался в резком конфликте с Мольтке старшим и вынужден был уступить «полубогу».

Как указано выше, Николай поднимает вопросы: 1) о политическом руководстве военной разведкой и 2) о централизации разведки.

Если учесть, что ныне ко всем разведкам еще присоединяется и экономическая разведка, то объединение всех разведок в одних специальных органах нужно признать вполне рациональным, но в то же время и трудно осуществимым на деле по чисто-техническим условиям.

Что же касается политического руководства тем или иным видом агентуры, то его нужно считать особенно необходимым, и в этом отношении, поскольку агентура велась через военных агентов, органы дипломатии за границей являлись наиболее отвечающими этой задаче.

При такой постановке дела, по всей вероятности, можно было бы избежать тех конфликтов, которые, подобно инциденту с письмом римского посла и обидой на него Конрада, возникали между генеральным штабом и дипломатией не в одной только Австро-Венгрии, а и в иных странах.

В действительности, различные виды разведок собирали сведения об одном и том же из параллельных источников и затем при сопоставлении полученных данных приходили не только к различным выводам, но даже, при горячих патурах, как у Конрада, к конфликтам. Вместо спокойного обсуждения и проверки добытых сведений на сцену появлялось исчисление своих заслуг и долголетия своего опыта со ссылками на кремневое вооружение, с времен которого этот опыт должен учитываться. Жизнь ярко вскрывала недочеты организации и создавала препоны правильному течению ориентировки государственных органов в положении своих соседей.

Возможно, конечно, услышать, суждение, что параллельный сбор сведений различными видами разведки является гарантией ее полноты, но нам кажется, что подобный параллелизм и проверка должны проводиться в каждом виде разведки в самом процессе подбора ею источников, а не выливаться в конкуренцию различных видов разведки между собой. Модное трестирование не бесполезно и в этой области.

Децентрализация и самостоятельность различных линий разведки вела и к распылению денежных отпусков на агентуру, создавая на этой почве трения между различными органами государства, ведущими разведку.

Мы знаем, что австро-венгерский генеральный штаб получал на эти нужды 150 000 крон (около 50 000 рублей), и Конрад ходатайствовал о доведении этой суммы до 500 000 крон (около 150 000 рублей) за счет отпусков на агентуру министерству иностранных дел.

Для того чтобы судить об основательности ходатайства начальника австро-венгерского генерального штаба, мы сравним ассигнования на разведку австро-венгерскому генеральному штабу с подобными отпусками в других армиях.

Николай говорит, что «германский рейхстаг предоставлял ежегодно генеральному штабу для всей разведки и контр-разведки лишь 300 000 ма-

рок» (около 150 000 рублей)... «Внесенное в январе 1912 года под личным влиянием полковника Людендорфа предложение говорило об увеличении денежных средств, назначенных для разведывательного управления генерального штаба. Было предоставлено на год 450 000 марок (около 220 000 рублей) вместо 300 000».

Мы не знаем, сколько отпускалось на разведку министерству иностранных дел в Вене, об урезке ассигнований которому просил Конрад, но в Берлине, по данным Звонарева, редактора перевода труда Николаи, министерство иностранных дел «на секретные надобности получало в год около 1 500 000 марок» (около 750 000 рублей).

Николаи утверждает, что «Россия затратила на свою разведку в 1912 году около 13 млн рублей, а в предшествовавшем войне полугодии 1914 года до 26 млн».

Звонарев опровергает эти цифры и указывает, что до 1905 года на секретные расходы военному министерству, исключая морское ведомство, отпускалось в год 113 650 рублей, причем из этой суммы, начиная с 1885 года выдавалось с «высочайшего соизволения», в полное и непосредственное распоряжение главнокомандующего кавказским военным округом, для разведки в Турции и Персии 56 890 рублей, т. е. 50% всей суммы. Остальная сумма (56 760 рублей) отпускалась в распоряжение главного управления генерального штаба и распределялась следующим образом:

штабам военных округов	51 000 руб.
консулу в Бомбее	1 200 »
на содержание военной голубятни в Дании	3 000 »
на приобретение случайных сведений	1 560 »

В 1913 году секретная смета военного министерства по статье «на известное его императорскому величеству употребление» была утверждена в размере 1 947 850 рублей.

Из этой суммы на разведку против Германии и Австрии расходовалось около 180 000 рублей. Можно предположить, что приблизительно такая же сумма шла на расходы по контр-разведке против этих стран.

Если сложить весь отпуск на разведку и контр-разведку в Германии и в Австрии, это составит 270 000 рублей, тогда как одна Россия тратила для той же цели на эти государства 360 000 рублей, т. е. превосходила Германию и Австрию.

Приведенные цифры ассигнований на разведку Германии и России говорят в пользу начальника австро-венгерского генерального штаба, и мы отнюдь не можем признать его ходатайства об увеличении сумм лишенными оснований.

Если в Германии разведка генерального штаба и министерства иностранных дел, по Звонареву, поддерживали «самый тесный контакт», то в Вене, наоборот, обе эти линии разведки были в резком противоречии, ослабляя и без того хилую военную разведку Конрада.

К этим суммам необходимо добавить те средства, кои должны тратиться еще и на экономическую разведку.

Таким образом, затрачиваемые государством средства на все виды разведки являются значительными, а поэтому и расходование их должно быть подвергнуто строгой рационализации.

Здесь мы возвращаемся к вышесказанному, — к мнению Николаи о централизации разведки, целесообразность чего теоретически мы также признали, но в то же время указали, что по техническим условиям это редко выполнимо.

Действительно, каждый вид разведки требует работы в специальных областях, порой далеких друг другу по своему характеру, сочетать которые представлялось затруднительным.

Мы слышали, что Конрад рассчитывал на поверку его данных об Италии органами министерства иностранных дел на основании сведений, добытых непосредственно этими органами, т. е., иными словами, начальник австро-венгерского генерального штаба считал нормальным сбор римским послом самостоятельно сведений военного характера.

С такими взглядами Конрада отнюдь нельзя согласиться, и его горькая обида на римского посла, использовавшего данные военного и морского атташе для своих писем, является плодом тех ненормальных отношений, которые существовали между генеральным штабом и министерством иностранных дел на берегах Дуная.

Сепаратизм разведки генерального штаба шел настолько далеко, что сама разведка уже в мирное время принимала активные формы. В исторической части настоящей книги мы показали участие в убийстве Франца-Фердинанда сербского генерального штаба. История еще молчит, но и не опровергает того, что пистолет в руки Принципа вложил никто иной, как русский генеральный штаб. Николаи в цитированном нами труде свидетельствует о том, что сербский генеральный штаб опирался на различные общества, которые вели политическую борьбу с правительством Австро-Венгрии.

Правда, нужно признать, что сербское правительство было поставлено в известность о готовившемся покушении в Сараеве и молчаливо дало на это согласие, предоставив своему генеральному штабу выполнить это, не запятнав имени правительственных органов государства.

Активные формы разведки сербского генерального штаба не являются чем-либо сверхъестественным, и с ними нужно считаться в условиях современной войны.

Не менее деятельное участие в формировании и активных выступлениях албанских банд принимал австро-венгерский генеральный штаб, и министр иностранных дел Австро-Венгрии считал необходимым со своей стороны удерживать в этом Конрада.

Конечно, не побуждения «толстова» играли в этом роль, а та ответственность, которую за активную разведку генерального штаба приходится взваливать на свои плечи министерству иностранных дел.

Это обстоятельство нужно всегда учитывать и не бесполезно знать каждому генеральному штабу, рука которого потянется к активным выступлениям против соседнего государства, с которым не прерваны дипломатические отношения. Если генеральный штаб в активной разведке ставит дипломатию перед совершившимся фактом, — это является плохой услугой всему государству в целом, ибо ставит его отношения с другими государствами, как любят выражаться немцы, «на острие ножа». Такая «услуга» должна быть заранее согласована: надо помнить, что иногда «услужливый дурак опаснее врага».

Тот политический контроль над разведкой, об отсутствии которого в Германии во время мировой войны скорбит Николай, особенно необходим, если разведка генерального штаба становится на самостоятельные пути активных выступлений.

В настоящей главе мы пытались осветить ту зависимость, в которую служба разведки генерального штаба поставлена в отношении внешней политики государства.

«Мировая война, — пишет Николай, — доказала, что борьба между народами выросла из узких рамок решения дела оружием и стала борьбой народных сил в политической, хозяйственной и военных областях и не в последнюю очередь — в области морального состояния народа. Военную разведку сменила разведка государства против окружающих его стран. Она распространилась в равной мере на все области, в которых могло действовать более сильное государство, — на хозяйство, на политику, на вооруженную силу. Разведка не довольствовалась уже чисто официальной работой осведомления, но перешла к положительному действию в экономической борьбе, а также во внутренней и внешней политической пропаганде».

«Война в мирное время» — таково лучшее определение теперешней роли разведки в конкуренции народов», — говорит Николай и предрекает: — Поскольку будущие войны будут происходить лишь между крупными государствами, для которых узы Лиги Наций, связывающие лишь мелкие государства, значения не имеют, — чем больше времени будет требоваться на подготовку войны, тем большее значение будет иметь исход этих войн для всех народов; чем больше будет вследствие этого их военное снаряжение, чем труднее станет переносить в течение данного времени тяжелое бремя вооружений, чем легче технически прогресс сможет дать одному ошеломляющий перевес над другим, тем менее будет возможно обойтись без «мирной» работы разведки».

«За свое будущее, — продолжает Николай, — может быть спокойно лишь то государство, политические, хозяйственные и военные руководители которого и в области разведки выполняют свой долг совместно».

Однако, Николай не выдерживает и снова уклоняется от начертанного им же пути. «Соответственно сущности разведки мы видим, — говорит он, — что выполнение ее находится в руках военных, но руководство — в руках политических».

Признание политического руководства в разведке знаменует собой большой сдвиг в мозгах представителя германского генерального штаба, до чего не дошел, в лице Конрада, его былой соратник — австро-венгерский генеральный штаб.

Не находя политического руководства над германской разведкой, Николай приписывает его разведке государств Антанты перед и во время мировой войны.

Насколько это было так, мы не будем здесь вдаваться в разбор, ибо для нас достаточно того положения, что «военную разведку сменила разведка государства».

Ни о какой самостоятельной разведке генерального штаба в современных условиях говорить не приходится, и тот «мозг армии», который по-

★

пытался бы остаться на этом пути, обнаружил бы или свою дефективность или старческий маразм.

Как то, так и другое не украшает истинного военного, тем более «мужа государственного», коим должен быть каждый из представителей современного генерального штаба.

Современная война есть дело государства, а не единичных «мозгов» его машин управления...

ГЛАВА X.

БОРЬБА ЗА ВЛАСТЬ

Клаузевиц о внешней политике и войне. — Теория Мольтке о «военном успехе». — Борьба генерального штаба с дипломатией за власть и основания для нее. — Органы внешней политики и их роль в подготовке войны и ее ведении. — Дипломатия в вопросах начала войны. — Ее участие в вопросах обороны в целом. — Органы военного ведомства и их круг деятельности в подготовке и ведении войны. — Особая линия генерального штаба и ее сила. — Роль верховной власти в объединении подготовки войны и ее ведения. — Триумвират. — Клаузевиц о коллективном управлении войной. — Власть генерального штаба в управлении войной. — Откровения германского военного пера о борьбе генерального штаба за власть во время мировой войны. — Виды общения генерального штаба с дипломатией. — Личные беседы министра иностранных дел с начальником генерального штаба. — Их содержание, тон и место. — Письма, доклады, справки и запросы. — Составление генеральным штабом дипломатических нот. — Канцелярские ошибки Конрада. — Информация через ответственных сотрудников. — Общение через военного министра. — Органы генерального штаба и министерства иностранных дел, ведавшие перепиской обоих ведомств. — Интимные круги министерства иностранных дел и генерального штаба. — Особые представители дипломатии при ставках верховного командования во время мировой войны. — Их оценка Конрадом. — Управление современной войной. — Роль в этом дипломатии и генерального штаба. — Их взаимное общение в наши дни. — «Версаль» — «Канны» для генеральных штабов Германии и Австро-Венгрии.

В предыдущих главах мы с достаточной полнотой осветили положение Клаузевица, что «война есть продолжение политики, но только другими средствами».

Современники ныне согласно признают, что война является политическим актом, а отнюдь своей природой не довлеет над политикой государства, в частности внешней.

В доказательство сказанному мы приводили текстуально суждения Клаузевица и на примерах, близких нам по времени, пытались показать, насколько политика глубоко проникает в дело войны.

В главе VI настоящей книги нами, в рамках труда, развита теория Клаузевица о войне и внешней политике, из которой читатель может усмотреть, насколько философ войны шел впереди своего времени. Он с полной ясностью подчинял воззрение военное политическому и не мыслил себе вообще отделения войны от внешней политики государства.

Там же нами были приведены рассуждения на эту тему другого корифея военного дела — Мольтке старшего, который сожалел, — нужно сказать, искренно, — о том, что военное дело неотделимо от политики. Мольтке на войне выше всего ставил военный успех, т. е. на время боевых действий отодвигал на второй план политическое лицо войны. Созданная им теория

военного успеха, опиравшаяся на предвзятое толкование мыслей Клаузевица, имела целью эмансипацию войны от политики, дав свободу действий полководцу, как единому распорядителю войны, и подчинение ее законам остальных отраслей жизни государства.

Если заглянем в анналы Пруссии середины XIX века, то мы найдем ту постепенность, с которой прусский фельдмаршал строил свою теорию. «Полубог» очень осторожно, — открыто выступая против Бисмарка лишь во вторую половину войны 1870 года, когда сень победных прусских знамен создавала надежную завесу вокруг начальника генерального штаба, — проводил свою теорию в жизнь. «Молчальник» понимал, что форсировка могла сорвать все дело. С окончанием же войны, когда авторитет начальника германского генерального штаба был прочно закреплен не только в своей стране, но и за границей, Мольтке открыто выступает с проповедью своих идей, находя среди генеральных штабов различных стран многочисленных и горячих поклонников. В первой книге нашего труда мы познакомили читателя с этой борьбой генерального штаба за власть в трактовании ее противной стороной — самим «железным» канцлером Бисмарком.

На наших глазах такая же борьба протекала на берегах Дуная, где начальник генерального штаба Конрад слепо следовал заветам германского фельдмаршала. В предыдущих главах мы с достаточной полнотой освещали всю эту борьбу и повторять ее не будем. В других странах начальники генеральных штабов были менее горячи и в своих отношениях с дипломатией проявляли больше сдержанности, чем это можно было наблюдать в Вене. Однако, и в других столицах можно было найти скрытое недоверие генерального штаба к внешней политике государства. Мы слышали заявление Мольтке младшего, что дипломатия всегда бросает камни на солдатском пути. Такие выгоды генерального штаба отнюдь не были исключением.

Выше мы указывали, что разногласия между стратегией и внешней политикой покоились: 1) на принципиальных взглядах на войну и политику и 2) на личных отношениях¹. Расхождения в принципах, как было нами только-что отмечено, вели свое начало от ложной теории Мольтке старшего и в предыдущих главах нами обрисованы с достаточной полнотой и ясностью. Что же касается личных отношений, то жизнь обычно берет свое, и хотя, по существу дела, таким обострениям отношений не должно бы быть места, но в действительности с ними приходится все время сталкиваться. Это обострение отношений на личной почве нередко может дойти до таких пределов, когда одна из сторон готова идти даже на членовредительство, — в переносном, конечно, смысле. Если правая рука Конрада, не желавшая писать извинительное письмо Эренталу, и осталось при нем без усекновения, то все же для разрядки атмосферы начальник генерального штаба вынужден был покинуть свой пост.

¹ Редакция считает, что вопрос о взаимоотношениях между генеральными штабами и правительственной властью Австро-Венгрии и Германии на протяжении всего труда т. Шапошникова недостаточно мотивирован с точки зрения социально-политических и исторических особенностей этих бывших монархий.

Подобные трения в машине управления, конечно, не знаменовали собой здоровья государственного организма, и к устранению их должны были приниматься срочные меры.

В предыдущих главах мы рассматривали принципиальную сторону совместной работы внешней политики и войны, старались уяснить пределы власти одной и другой. Ныне же позволим остановить внимание на чисто формальной стороне вопроса, вытекающей, конечно, из того или иного понимания принципов военного дела.

Ясно, что ни одна из сторон (внешняя политика и стратегия) не думали исключать друг друга из руководства подготовкой к войне или ее ведением. Существо вопроса заключалось в определении того, кто дает директивные указания для этой подготовки.

Для правильного уяснения этого мы обратимся к рассмотрению тех органов, кои вели внешнюю политику государства и непосредственно вели подготовкой к войне его вооруженных сил.

На пороге мировой войны в каждом из капиталистических государств непосредственное руководство и направление внешней политики находилось в руках министра иностранных дел, ответственного по конституции перед парламентом или же перед верховной властью в таком, например, государстве с ярко выраженным монархическим строем, каким была бывшая царская Россия.

Для согласования деятельности различных министерств, определения их направляющих линий и принятия важных, принципиальных решений по ведомству того или иного министерства, в частности и иностранных дел, собирался совет министров. Решения его в странах конституционных имели большое значение и в некоторых из них являлись решающими в окончательной форме. Даже в бывшей царской России решения такого совета министров, при сильном волеи премьере, являлись обязательными для отдельных министерств. Однако, все же, за исключением Франции и Англии, решения совета могли изменяться верховной властью государства, и это обстоятельство позволяло отдельным министрам, в частности иностранных дел, придавать своей деятельности то направление, какое им было желательно, вопреки постановлениям совета. Если учесть, что вопросы внешней политики в жизни государства играли очень важную роль, то в заседаниях советов министров большинства стран можно было наблюдать известную гегемонию со стороны органа, ведавшего иностранными делами.

В Германии постоянное объединение деятельности различных министров достигалось наличием особого должностного лица — канцлера, ответственного перед представительными учреждениями за все правительство в целом. В своих руках канцлер твердо держал бразды внешней политики и фактически министр иностранных дел (так называемый статс-секретарь по иностранным делам) являлся его помощником. Во всяком случае, важнейшие вопросы внешней политики Германии были в руках канцлера.

Наконец, в большинстве капиталистических государств окончательное утверждение вопросов внешней политики было за верховной властью. В той или иной мере, в зависимости от личности, верховная власть или принимала во внешней политике деятельное участие, или ограничивалась утверждением предложений совета министров, канцлера или министра ино-

странных дел. Даже в таких государствах, как Франция, где по конституции права верховной власти были сильно урезаны, и там, при такой личности как Пуанкаре, верховной властью оказывалось сильное давление на решение совета министров.

Таковы были две, установленные законом, линии, которые направляли внешнюю политику. По существу, они должны бы представлять одно русло, но сплошь да рядом внешняя политика выходила из берегов и разливалась по этим двум артериям, теряя силу и единство. Нередко, мнения министра иностранных дел или канцлера оказывались в противоречии со взглядами верховной власти, и мы могли наблюдать на пороге мировой войны те трения, кои в критические дни государства имели место в машинах управления Германии и России. Если в первой эти трения выливались в личные негодования Вильгельма на Бетмана, в его сожаления, что он, кайзер, не может сейчас же расстаться с канцлером, но все же внешняя политика, в конечном счете, направлялась рукой ответственного канцлера, то в России, при упрямстве Николая Романова, верховная власть могла решительно воздействовать на течение внешней политики. Министру иностранных дел России для доказательства правоты своей линии поведения нужно было применять особые приемы, чтобы ослабить монархическое вето восточного деспота. Династическая линия в руководстве внешней политикой была упорна, ибо отлично понимала, что при обращении внешней политики к оружию на карту ставилась судьба самой династии. Не только в монархической России, но и в Австро-Венгрии были налицо такие неограниченные приемы верховной власти в руководстве внешней политикой. Дряхлый Франц-Иосиф, собрав все свои силы, с гневом указывал Конраду, что в конечном счете политикой руководит он, носитель верховной власти, и он один направляет государственный корабль по мирным путям. Наследник Франц-Фердинанд довольно ясно давал понять, что с войной на карту ставится судьба Габсбургов, а поэтому не считал возможным выпускать из своих рук внешнюю политику, являясь дублером верховной власти.

Как в исторической части нашего труда, так и в последующих главах нами оттенялись особо взгляды дипломатии на войну, как на одно из своих средств, участие ее в подготовке к войне и та роль, которую она намеревалась занять в руководстве самой войной.

Из уст Эренталя мы слышали довольно определенные заявления, что решение вопроса о войне или мире находится в руках министра иностранных дел, причем этот дипломат, в подтверждение правильности своих доводов, ссылаясь даже на Клаузевица. Другие министры иностранных дел (конечно, и канцлер) были менее радикальны в воздействии на стратегию, но и они считали, что обращение к войне должно было состояться не иначе, как с их только решения. Одним словом, в вопросе начала войны органы внешней политики с достаточной четкостью определяли свои права.

Иное было с подготовкой к войне. Мы слышали жалобы Конрада на Эренталя, что внешняя политика не способствует развитию вооруженных сил, мало заботится о подготовке государства к войне и смотрит на армию, как на зонтик, под которым намеревается укрыться, когда военные бури озарят внешний горизонт. Нельзя отказать заявлениям начальника генерального штаба в частичной справедливости, ибо зачастую дипломатия не

отдавала себе отчета в готовности вооруженных сил государства к войне. Но, с другой стороны, мы должны напомнить и совместные доклады русского министра иностранных дел и начальника морского генерального штаба о необходимом развитии русского военного морского флота. Если внешняя политика, в лице дипломатов, чаще смотрела на армию, как на зонтик, то это нужно объяснить той ролью, которую ей стратегия теоретически отводила в руководстве войной. Сам прусский фельдмаршал Мольтке старший проповедывал, что дипломатия играет первенствующую роль в начале и в конце войны. Даже в современных наших трактатах по стратегии мы можем еще встретиться с главами об особой роли внешней политики в начале и в конце войны, т. е. не с чем иным, как с отрывкой взглядов Мольтке старшего, осужденных несколько выше авторами этих же трудов. Стремление генерального штаба ограничить дипломатию в руководстве войной и соответствующая этому теория Мольтке — все это делало свое дело, и действительно органы внешней политики не считали себя ответственными за подготовку к войне в военной ее части в той же мере, в какой они были ответственны за то, что являлось прямой их обязанностью. Конрад собирал плоды с нивы, вспаханной и посеянной руками начальника германского генерального штаба.

Что же касается участия дипломатии в руководстве войной, то в исторической части мы не давали этому примеров, ибо ход событий доведен лишь до первых дней войны. Однако, из истории войны 1870 года, да и протекшей мировой мы отлично знаем, как сначала дипломатия была исключена из этого руководства и как силою вещей она была затем поставлена на свое место. Во всяком случае, можно сказать, что Конрад, хотя и с негодованием, но позволял венским дипломатам укрыться под зонтик и не думал их вытаскивать оттуда для самостоятельного бытия, ибо, по его теории, на войне решал один военный успех и дипломатам нечего было путаться на путях к его достижению. По мирному времени мы знаем, как ревниво начальник австро-венгерского генерального штаба оберегал свое оперативное руководство от посягательств дипломатов, а во время войны сильно негодовал на них, когда по инициативе Берхтольда сербский фронт был изъят из ведения австрийской ставки и подчинен непосредственно Францу-Иосифу. По мнению Конрада, руководство войной должно было быть в руках генерального штаба и дипломатия обязана была идти на поводу у последнего. В своем месте мы отмечаем раздвоение в мозгах Конрада теории Клаузевица о политике и войне. Эта двойственность ярче всего сказывалась в ходе самой жизни: теоретически начальник генерального штаба признавал руководящую роль внешней политики в подготовке к войне, но на практике предъявлял к дипломатии такие требования, которые сводили на-нет всю теорию философа войны.

Таким образом, мы должны установить, что *на пороге мировой войны дипломатия как орган внешней политики государства, не подходила вплотную к вопросам обороны страны, оставаясь на ролях вершителя вопроса о войне или мире, лишь как о факте, снимая с себя всякую ответственность за последствия такого решения.*

Нельзя отрицать того, что дипломатия имела в виду войну, как одно из своих средств, что известные переговоры с другими государствами

о совместном ведении войны велись и выливались в форму союзов. Однако, в государственном механизме управления дипломатия все же не являлась тем органом, который призывался бы к руководству войной. Представители внешней политики доводили дело до войны и на этом считали свою задачу оконченной, ожидая момента, когда весы военного счастья склонятся в ту или иную сторону, чтобы выступить или со своими требованиями, как победители, или же встать на защиту потерпевшей поражение армии.

Дело подготовки войны и ее ведения во всех государствах находилось в руках военного ведомства.

По конституции всех почти государств, а в России по установившемуся порядку, ответственным лицом в военном ведомстве за подготовку к войне являлся военный министр. Так как в большинстве государств морские вооруженные силы составляли особую часть, то, на ряду с сухопутным военным министром, ответственным за состояние и готовность флота оказывался и морской министр. Иными словами, нужно отметить раздвоение органов обороны государства.

В наши дни эта раздвоенность имеет дальнейшую тенденцию к развитию с появлением могущественного оружия борьбы — военного воздушного флота. В некоторых государствах он выделен из состава военного ведомства.

Такое рассредоточение обороны нельзя, конечно, признать вполне нормальным, как не обеспечивающее концентрацию всех сил и средств в нужное время в определенном направлении. Между тем, основной принцип военного дела, как и всякой борьбы, заключается именно в нанесении удара сосредоточенными силами. Мы не в праве распространяться на эту организационную тему и ограничиваемся здесь коротким изложением своих взглядов.

Однако, в руках военного и морского министров не сосредоточивалось целиком все дело подготовки войны. Идейная ее часть и разработка конкретных военных приготовлений всюду была передана в руки генеральных штабов, в некоторых из государств изъятых из подчинения военному министру.

В соответствии с делением вооруженных сил, в большинстве государств было произведено и деление генерального штаба на сухопутный и морской.

Таким образом, в этой области дело подготовки также шло по линии раздвоения, причем довольно часто оба подразделения генерального штаба были в резком противоречии.

Мы только-что указали, что в большинстве государств генеральный штаб был изъят из подчинения соответствующего министра и в своей работе отчитывался только перед верховной властью, не будучи ответственным перед представительными учреждениями государства.

Это положение «мозга армии» в деле обороны и создавало ту особую линию генерального штаба, о которой мы говорили в первой книге нашего труда и упоминали в настоящей. При этом нужно указать, что непосредственное подчинение верховной власти ставило генеральный штаб в положение сильного вершителя дел не только в военном или морском ведомстве, но и за их пределами.

Не являясь конституционным органом, генеральный штаб в то же время имел или присваивал себе такие права, кои в обыденной жизни давали ему возможность претендовать на роль «мозга армии».

Этим положением определялась роль совета министров или канцлера в деле обороны. Эти органы государства, имея довольно ограниченные права в данной области, несли ответственность за оборону в целом перед представительными учреждениями государства. Генеральный штаб, во всяком случае не был им подчинен. Только во Франции и Англии совет министров является решающим органом в деле обороны страны.

По конституции большинства государств высшим органом в обороне государства была верховная власть. Династический характер этой власти создавал ее раздвоение при наличии энергичного и зрелого наследника. С таким положением нам приходилось встречаться в Австро-Венгрии, и были признаки его даже в Германии, где подрастающий кронпринц не прочь был проявить себя самостоятельно в делах государственного управления.

Верховная власть должна была объединять всю машину управления, одним из колес которой являлось военное ведомство.

Однако, хорошо известно, что к середине 50-х годов прошлого столетия такое объединение даже в одном деле — в обороне страны — было признано не по силам для одного лица, зачастую безграмотного в государственных делах, но зато «высокородного». Начиная с эпохи Мольтке старшего, мы констатируем наличие триумvirата в управлении войной.

Триумvirат в Германии сложился из верховной власти, начальника генерального штаба и канцлера. Последний представлял, главным образом, министерство иностранных дел.

С этой формой управления подготовкой и ведением войны государства Европы пошли к мировой войне и вступили в нее.

В первой книге нашего труда мы подробно говорили о достоинствах и недостатках этой системы управления и здесь повторяться не будем. Напомним, что она вызвала сомнения в отношении бестактности ее действия даже у Шлиффена.

По своему составу триумvirат представлял три линии: династическую, военную, или, вернее, генерального штаба, и дипломатическую.

Если вникнуть в существо триумvirата и, особенно, если учесть толкования Мольтке об управлении войной, построенном на единоличной воле полководца, то можно отметить превосходство в триумvirате линии генерального штаба. История с очевидностью дает подтверждения сказанному.

Нам известна борьба генерального штаба с Бисмарком, подобие которой мы наблюдали в Австро-Венгрии на пороге мировой войны. Как ни справедливы были теоретические рассуждения Конрада о главенстве в управлении войной внешней политики, но на поверку выходит, что в действительности в этой области им на первый план выдвигалась линия генерального штаба.

Ниже мы сказали несколько подробнее об этом, а в данное время должны лишь отметить, что триумvirат, как система управления подготовкой и ведением войны, не обеспечивал истинного направления дел и, оставив главенство в руках генерального штаба, шел верными шагами к поражению.

В своем месте мы приводили взгляды на это Клаузевида. Исходя из верного понимания войны как политического акта, философ войны управление ею передал в руки коллегиального правительства, а от монарха требо-

вал одного — здоровых мозгов, которых, кстати сказать, не было у представителей династических линий в некоторых из государств на пороге мировой войны.

В наши дни стараются совершенно обходиться без династических линий, считая, что мозги их атрофированы и поэтому не следует полагаться на дегенератов, хотя бы «божественного» происхождения, а один из германских авторов — Курт Либман, состоящий ныне в должности начальника отделения министерства обороны, — договаривается до необходимости передать дело управления войной в руки совета министров, признает превосходство в этом во время мировой войны за государствами Антанты и, таким образом полностью отвергает и Гогендоллернов, и все учение Мольтке старшего. С опубликованием статьи Либмана нужно признать громадный сдвиг в мышлении германских военных деятелей.

Побежденным всегда свойственно находит превосходство у противника. В действительности, как мы знаем, в странах Антанты также не все шло гладко в управлении войной. В первой книге нашего труда мы характеризовали особую линию французского генерального штаба (ставка Жоффра), которая намеревалась сослать правительство республики в колонии. Парламентский контроль, знаменовавший собой уничтожение особой военной линии, линии генерального штаба, рождался в муках. То превосходство политического руководства войной во Франции, которое приписывается ей германским писателем послевоенного периода, не сразу было завоевано французским правительством. Только устранение Жоффра, представителя линии генерального штаба, позволило французскому правительству встать на верный путь ведения войны. Известно, что на этой дороге оно стояло твердо и отклонило выставленную американцами кандидатуру маршала Франции, героя Марны, в командующие всеми союзными силами на французском фронте. Возможно, что правительство республики боялось отправиться в ссылку в колонии!

Так или иначе, но мы должны установить, что как в подготовке к войне, так и в ее ведении генеральный штаб стремился держать в своих руках вожжи и не выпускать их. Как выше было указано, причинами этого были: 1) ложная теория Мольтке о решающем значении на войне одного военного успеха и 2) подчинение начальника генерального штаба непосредственно верховной власти.

На протяжении многих страниц настоящей книги мы наблюдали энергичную борьбу Конрада за гегемонию в руководстве войной. Такую же скрытую борьбу вел начальник германского генерального штаба, не способный по натуре на открытое выступление против канцлера. Племянник, в отличие от своего знаменитого дяди, предпочитал лучше поплакать в одиночестве, нежели резко выступить против ложного, по его мнению, направления внешней политики Германии накануне мировой войны. Мы слышали, как Жоффри толкал «миролюбивое» правительство Франции на войну.

Теория «военного успеха» позволяла генеральному штабу ставить свои требования внешней политике государства, а не получать от нее директивные указания. Доказательств этому нами приведено много как в исторической части настоящей книги, так и в наших рассуждениях.

Упомянутой нами Либман, исследуя вопрос о взаимоотношении политики и стратегии в управлении войной в срединных государствах, приходит к выводу, что в Германии «уже в мирное время были разногласия между органами, которые прежде всего были призваны к подготовке к войне». «Тесной связи между канцлером и генеральным штабом не было. Попытки генерального штаба к установлению такого контакта не достигли желательного результата. Хотя оперативный план генерального штаба и был в общих чертах известен канцлеру, но не был с последним обсужден с политической стороны и со стороны возможных политических последствий. Таким же поверхностным было знакомство канцлера и генерального штаба с предположениями и планами флота по ведению войны на море... Знаменательно, что все органы не имели руководящих линий, которые должны были бы им быть даны руководителем правительства; что наши вооруженные силы развивались не в соответствии с мировым положением Германии и что ничего не было сделано, чтобы внутренне подготовить народ к неизбежной войне за бытие. Виноваты ли здесь прежде всего ошибки политического руководства, но, с другой стороны, тяжесть ответственности падает и на военные органы — армию и флот, оставившие без изучения вопрос, как, с чисто военной стороны, должна была быть проведена война против Франции, России и Англии».

Либман считает большой ошибкой со стороны срединных государств стремление обосновать и *провести управление войной чисто-военным методом*. Разбирая события мировой войны, под углом зрения управления ею, Либман находит не только разнь, но и борьбу генерального штаба с политикой как в Австрии, так и в Германии.

«При Конраде, — говорит он, — отношение верховного командования к политическому руководству было такое же, как и в Германии: при всех решающих вопросах войны в первую линию выдвигались военные интересы, которые отодвигали на задний план политические. Наоборот, с приходом на смену Конраду нового начальника штаба Арда, державшегося далеко от всякой политики, политические интересы были выдвинуты в ущерб военным».

Либман приходит к заключению, что «в Германии при первом верховном командовании господствовал взгляд, что во время войны политика должна молчать; при втором — совместная или же в разноречивой работа военного и политического руководства; при третьем — открытая борьба военных органов с политическими». «В Австро-Венгрии при Конраде такая же картина, как и в Германии; при его преемнике — полное самоизолирование военного руководства от политики».

С грустью Либман констатирует эти факты, чистосердечно признаваясь в прегрешениях германского генерального штаба. Правда скажется всегда, как бы это ни было нежелательно многим лицам, вплоть до самого Гинденбурга. В современной нам военной литературе Германии редко приходится встречать такие откровенные статьи. Наоборот, в большинстве литературных трудов мы слышим жалобы на плохое политическое руководство Германией со стороны канцлера. Мы уже приводили в своем месте суждения на этот счет Клаузевица, который полагал, что в подобных случаях говорят не то, что следовало бы сказать. Небесполезно это вспомнить и ныне.

В предшествующих главах мы подробно освещали те вопросы, которые служили связующим звеном между генеральным штабом и министерством иностранных дел. В основном они касались политических оснований для конкретной военной подготовки, военной оценки линии политического поведения в отношении тех или иных стран. Отсюда вытекали и частные вопросы, которые совместно разбирались генеральным штабом и министерством иностранных дел.

Мы наблюдали, как генеральный штаб или работал в контакте с органами внешней политики, или, наоборот, оказался с ними в резком противоречии. Причинами последнего бывали чисто-принципиальные вопросы, а иногда оказывались мелочными, формального свойства. Последнее обстоятельство необходимо иметь в виду и в тех государствах, где, как, например, в Австро-Венгрии, бюрократический режим свил себе прочное гнездо.

Общение генерального штаба с министерством иностранных дел выливалось в личные беседы начальника штаба с министром иностранных дел, в официальные сношения и запросы, в обмен мнениями по тем или иным вопросам через сотрудников; при обострении отношений сношения министра иностранных дел с начальником генерального штаба или направлялись через представителя военного ведомства в кабинете — военного министра — или окончательно прерывались.

Нами в исторической части настоящей книги приведено не мало личных бесед начальника генерального штаба с министром иностранных дел, причем в некоторых из них мы старались сохранить оставленный нам воспоминаниями их тон. Этот вид общения политики и стратегии, собственно говоря, нужно было бы признать самым нормальным, если бы с обеих сторон появлялась известная устойчивость в высказанных суждениях. Опасение в отсутствии этого у своего собеседника, желание фиксировать на бумаге весь происходивший разговор и свои суждения в нем — были причиной, по которой осторожный в бюрократических боях начальник генерального штаба предпочитал по принципиальным вопросам или прибегать к письменным сношениям, или закреплять разговор отправляемым вслед за ним министру иностранных дел письмом. Мы отнюдь не хотим рекомендовать такой прием как образец и считаем его особенностью чиновничьей жизни Австро-Венгрии, которой не наблюдали в других странах. При честности в высказанных суждениях подобное личное стенографирование бесед должно отпасть, хотя, слов нет, оно полезно для историка. Однако, жизнь не направляется по документам.

В виду занятости обоих «государственных мужей», при обычном течении дел личные беседы были редки. Но как только на внешнем горизонте появлялись тучи, такие беседы учащались и в критические дни перед войной происходили чуть не каждый день. Это вполне понятно, и особо пояснять это не приходится.

Мы должны указать еще на то, что подобные разговоры не всегда происходили с глазу на глаз, а велись и в присутствии сотрудников министра иностранных дел, наиболее ответственных и близких к министру, а также и в присутствии лиц, посторонних обоим ведомствам. Конрад справедливо протестовал против свидетелей, хотя и близких ко двору, но далеких от служебных, государственных дел вообще. Можно только присоеди-

ниться к таким протестам генерального штаба, преследующим сохранение государственной и военной тайны.

Письменный вид общения начальника генерального штаба с министром, как мы указали выше, использовался в крупных, принципиального значения вопросах, а в Австро-Венгрии, вообще, считаясь нормальным со стороны генерального штаба, запасавшегося документами. Формой этого общения преимущественно избирались письма, но на ряду с ними отправлялись особые справки для ориентировки министра иностранных дел.

В своем месте мы указывали, что начальник генерального штаба Австро-Венгрии посылал министру иностранных дел первую, политическую, часть своих ежегодных мемуаров, а Берхтольду, с которым у начальника генерального штаба установились сразу дружеские отношения, приватные «записки» — в бытность Конрада армейским инспектором.

Обмен различными документами политического характера широко практиковался как генеральным штабом, так и министерством иностранных дел, когда черная кошка не пробегала между ними.

Затем мы наблюдали параллельное составление русским министерством иностранных дел и морским генеральным штабом докладов по одному и тому же вопросу, направляемых одновременно верховной власти. В своем месте мы отмечали содружество русской внешней политики и морского генерального штаба, стремившихся к одной цели — усилению русского военного флота на Черном море.

Считаем необходимым остановить внимание на особой работе генерального штаба, которую приходилось наблюдать как в Австро-Венгрии, так и в Германии, — это черновые наброски дипломатических нот к различным государствам. Поскольку дело касалось военных требований, постольку смелая рука начальника австро-венгерского генерального штаба набрасывала черновики нот, предлагая их вниманию и редакции министра иностранных дел. Мы знакомим читателя в своем месте с этими образцами дипломатического искусства Конрада и повторять их здесь не будем. Известный ультиматум бельгийскому правительству, с выяснением всех нарушений этим ультиматумом положения нейтрального государства, появился также из-под пера начальника германского генерального штаба. Черновики дипломатических документов, набросанные генеральным штабом, подвергались редакции в министерстве иностранных дел и затем отправлялись по адресу. Пурталес не даром советовал Сазонову не давать говорить генеральным штабам, ибо, очевидно, знал, что последние не прочь заняться изготовлением соответствующих их желаниям дипломатических документов. Правда, германский посол, не подозревая истины, передавал русскому министру документы, набросанные именно рукой начальника австро-венгерского генерального штаба. Подобное течение дел указывает, во-первых, на признание министерством иностранных дел своей слабости в составлении документов, в которых содержались военные требования, а во-вторых, на желание генеральных штабов не выпускать из своих рук той особой политической линии, за которую они вели борьбу почти во всех государствах. Мы отнюдь не хотим отрицать за генеральным штабом способности преподнести шедевры дипломатических документов, хотя бы и в черновом виде, но считаем, что все же это не его дело. Генеральный штаб может и должен передать в министер-

ство иностранных дел свои военные требования, но облекать их в письменную форму — это дело того органа, который призван для руководства и направления внешней политики государства. Безграмотный в военном деле (в общей принципиальной части) не может управлять и внешней политикой, ибо «во всяком случае, — говорил Клаузевиц, — военное искусство политике не указ».

Если генеральный штаб до мировой войны и даже в наши дни упражнялся и упражняется в составлении дипломатических документов, то считаем, что кривое зеркало не прикрашивает чисто выбритого дипломатического лица.

В предыдущей главе мы установили, что о результате своих поездок за границу и о беседах с военными агентами начальники генеральных штабов посылали отчеты и лично ориентировали министра иностранных дел. Можно было бы говорить об особой обидности такого способа письменных общений для начальника генерального штаба. Однако, по существу дела, это необходимо, а китайские церемонии повели бы лишь к излишнему и вредному бюрократизму.

Мимоходом остановим внимание на одной характерной мелочи, которая при натянутых отношениях генерального штаба с министерством иностранных дел может только еще больше их испортить. Как известно, привычка Конрада класть на бумагах резкие резолюции, не разбирая того, своя ли это ведомственная бумага или таковая подлежит возвращению в приславшее ее ведомство, послужила к обострению отношений между министром иностранных дел и начальником генерального штаба. Услужливые люди, игравшие на ссоре двух государственных людей, немедленно доставляли подлинную резолюцию Конрада Эрентау. Люди, а особенно с чиновничьей складкой, очень чувствительны к своим бумажным творениям, и всякая критика таковых вызывает в них болезненное чувство обиды. С другой стороны, мы часто наблюдаем служебных лиц, кои не стесняются в выражении своих чувств и мнений в резкой форме в накладываемых резолюциях. Конрад получил за это хороший урок, который счел долгом отметить в своих воспоминаниях в назидание, вообще, всем начальникам генеральных штабов, избавив нас от излишних на сей счет выводов.

Общение начальника генерального штаба с министром иностранных дел через ответственных сотрудников применялось лишь в исключительных случаях, когда, занятые оба службой, министр и начальник штаба не были в состоянии лично увидеться, а между тем время не позволяло откладывать взаимную информацию. Так, в критические дни перед мировой войной кабинет начальника австро-венгерского генерального штаба очень часто посещали ответственные помощники Берхтольда. В то же время Сазонова информировал, по поручению начальника генерального штаба, генерал-квартирмейстер этого же штаба Данилов. Конечно, не решение принципиальных вопросов может быть достигнуто таким видом общения, а лишь взаимная информация, и при том — при посещении ответственными, а не рядовыми сотрудниками.

Наконец, общение через третье лицо — военного министра — нужно считать показателем нездоровых отношений политики со стратегией. Мы наблюдали такую картину лишь в Вене в период, когда борьба Конрада с

Эренталем достигала кульминационной точки. Эренталь избрал посредником военного министра: 1) потому что за военное ведомство по конституции был ответственен военный министр, а не начальник генерального штаба; 2) так как Шонайх был единомышленником министра иностранных дел и 3) из-за нежелания, вообще, продолжать общение с Конрадом, против назначения которого начальником генерального штаба Эренталь сразу же возражал. Если последние две причины были личного свойства, то на первой министр мог играть как на законной. Действительно, закон не обязывал Эренталя сноситься с начальником генерального штаба, как членом правительства, и даже в дни нормальных отношений потребовалось особое приказание верховной власти — Франца-Иосифа, предлагающее министру иностранных дел по всем вопросам внешней политики, затрагивающим конкретную военную подготовку, сноситься с начальником генерального штаба. Так определялись права последнего в общей структуре государственного управления, не предусмотренные законом.

Избранный поверенный в делах, военный министр Австро-Венгрии, оказался не только не в числе друзей, но в стане подлинных врагов начальника генерального штаба, пересылая Эренталю резкие ответы последнего в подлиннике и тем только подливая масло в огонь разгорающейся борьбы. Прямые пути общения наиболее правильны и приемлемы для обеих сторон даже в момент непримиримой вражды.

Выше мы указывали, что в большинстве случаев общение генерального штаба с министерством иностранных дел осуществлялось через их ответственных руководителей — начальника штаба и министра.

Ведя беседы или обмениваясь письмами, эти «государственные мужи» являлись авторами этих писем, или соответствующие документы составлялись по их указаниям подчиненными органами.

В генеральном штабе переписка с органами внешней политики сосредоточивалась в оперативном бюро, где и готовились черновые наброски писем и прочих документов, выправлявшиеся затем рукой начальника генерального штаба.

В первой книге нашего труда мы указывали, что в австро-венгерском генеральном штабе на этой переписке сидел, особо для сего подобранный, помощник начальника оперативного бюро, член «интимного» круга около Конрада — Сламечка. Особенностью этого сотрудника были: острота мышления, бюрократический лоск языка и широкое знакомство с внешней политикой Австро-Венгрии. Конрад скорбел, что достоинства Сламечки не были оценены политическими кругами, среди которых Сламечка не пользовался популярностью. Сламечка был отрицательным представителем «мозга армии» и являлся подручным начальника генерального штаба в его борьбе с министерством иностранных дел. Подлинная физиономия интригана политическими кругами была твердо закреплена за Сламечкой.

Во всех генеральных штабах переписка с министерством иностранных дел входила в круг работы оперативных бюро, и это следует признать нормальным. О Вене мы уже говорили. В Петербурге в морском генеральном штабе, как указывалось нами в своем месте, связь с министерством иностранных дел поддерживалась через оперативные подразделения, и представитель одного из них, Немид, был частым посетителем учреждения у

Певческого моста. Внешняя политика ближе всего стояла к конкретной военной подготовке, принципиальная и общая работа по которой велась в оперативных органах генерального штаба, и поэтому вполне естественно, что эти органы оказывались исполнителями предначертаний начальника штаба по связи с органами внешней политики и хранителями соответствующих документов.

В министерстве иностранных дел переписка с генеральным штабом сосредоточивалась или в канцелярии этого учреждения или в соответствующих отделах, в зависимости от тех стран, которым ведали эти отделы и по каким велась переписка.

В исторической части настоящей книги мы обратили внимание читателя на деятельность интимных кругов при министре иностранных дел.

В первой книге нашего труда мы говорили о подобных же, законом не установленных, но жизнью вызванных на сцену кружках вокруг начальника генерального штаба. Там же нами указывалось, что эти круги образовывались лишь при начальниках, слабых волей и поддававших под влияние своих подчиненных, стремившихся «творить историю» за спиной своего начальства.

Такую же картину приходится наблюдать в министерствах иностранных дел некоторых из государств на пороге мировой войны. Второстепенные персонажи дипломатии, безответственные за свои речи и поступки, прикрывавшиеся именем министра, ткали дипломатическую интригу и вели закулисную игру.

«Всемогущество» подобных кругов было по достоинству оценено бывшим генерал-квартирмейстером русского генерального штаба Даниловым, который в своих воспоминаниях нам поведал, как он старался доказать начальнику канцелярии министерства иностранных дел Базилю всю необходимость общей русской мобилизации. Нечего пояснять, что Данилов рассчитывал на известное давление со стороны Базиля на Сазонова. Признаться, путь был не из ложных.

Обычно общность преступления связывает преступников, и читатель мог наблюдать, как в критические дни в Петербурге интимные кружки генерального штаба и внешней политики объединились в дружной атаке на своих патронов. Тайные силы бюрократического уклада ведомств, при наличии во главе их слабовольных людей, пришли в действие в июльские дни 1914 года на берегах Невы. В то время, как ответственные за решения лица, с «мешками под глазами» от бессонных ночей, как например у Янушкевича, в тяжелых муках рождали эти решения, за их спиной жаждавшие славы второстепенные персонажи истории направляли ее по кровавому пути войны.

Едва ли следует особо останавливаться на всем вреде, который принесли подобные интимные кружки в истории буржуазной политики и стратегии. Эти злокачественные наросты должны всегда устраняться, — если нужно, то даже и операционным путем. За подобными операциями прежде всего должен следить тот государственный деятель, вокруг которого стараются развернуть свою темную работу безответственные дипломаты и стратеги из категории Геростратов наших дней.

Чтобы покончить с теми органами, кои связывали внешнюю политику и стратегию на пороге и в первый период мировой войны, мы должны

сказать несколько слов об особых представителях министерства иностранных дел при ставках верховного командования большинства армий.

Если в 1870 году триумвират в полном составе выезжал на театр военных действий и Бисмарк оказывался поблизости от начальника генерального штаба, готовый всегда принять участие в решении тех или иных вопросов, то в предвидении мировой войны и с ее началом канцлер в Германии и министры иностранных дел прочих стран не пожелали разделить тяготы войны со ставками верховного командования, а предпочли остаться в своих кабинетах. Для связи же с генеральным штабом, вернее — с верховным командованием, от министерства иностранных дел были выделены особые представители с постоянным местопребыванием при ставке.

Отсутствие руководителей внешней политики на театре военных действий в некоторых государствах объясняется тем, что сама верховная власть оставалась в столицах. Однако, даже в Германии, в которой верховное командование, в лице Вильгельма, выехало на фронт, и там член триумвирата по иностранным делам — канцлер — остался в Берлине и являлся редким гостем в ставке верховного командования.

Наш старый знакомый Конрад, с присущей ему резкостью, обрушивается на особый институт дипломатических представительств при ставке верховного командования. Начальник австро-венгерского генерального штаба считает, что при наличии современных средств связи всегда можно быть в тесном контакте с министерством иностранных дел, хотя бы оно оставалось в столице. Наличие для этой цели особого промежуточного органа Конрад считает излишним и указывает, что, познав с началом войны весь вред его, он вошел с представлением об уничтожении особого дипломатического представительства при ставке, но встретил резкий отпор.

Конрад откровенно говорит, что в этом политическом органе он, и не только он, но и весь аппарат верховного командования, видели тайную агентуру министерства иностранных дел, сыскное бюро при ставке верховного командования, созданное для наблюдения за последней. Начальник австро-венгерского генерального штаба поясняет дальше, что подобный дипломатический орган при ставке, не ограничиваясь сбором сведений официальным путем и из официальных источников, стремился получать их окольными путями и, конечно, бесконтрольно сообщал их по телефону в министерство в Вене. Конрад бросает дипломатическому представителю обвинение в распространении в Вене ложных, панических сведений о военных действиях, которые выходили из стен министерства иностранных дел и становились достоянием различных клубов, кафе, ресторанов и, вообще, частных гражданских кругов.

«Понятно, — говорит Конрад, — какой малой симпатией пользовалась в среде работающего с сознанием тяжелой ответственности аппарата верховного командования подобная безответственная агентура».

Нельзя, конечно, не согласиться с доводами начальника генерального штаба Австро-Венгрии и нельзя не признать, что институт дипломатических органов для связи со ставкой не может заменить самого министра иностранных дел, только личное участие которого в решении назревших военных вопросов и бывает нужным. Конечно, если генеральный штаб стал бы скрывать истинную картину положения на фронте, то министру иностран-

ных дел пришлось бы при таких обстоятельствах принимать ошибочное решение. Но нельзя заранее лишать доверия такой высокий орган в военном ведомстве, каким был «мозг армии», и учреждать особый дипломатический сыскной аппарат для наблюдения за ним.

Если дипломатические органы при ставках верховного командования занимались агентурой среди самой ставки, то это служит показателем: 1) той ложной линии поведения, которую, вообще, занимал генеральный штаб в отношении внешней политики, о чем мы говорили выше, и 2) отсутствия взаимного доверия внешней политики и стратегии, что являлось отзвуком той борьбы, которая между генеральным штабом и органами внешней политики велась еще при Мольтке старшем, непрерывно продолжалась до мировой войны и во время ее, дойдя до наших дней если не в полной еще, то все же в довольно значительной и ясно видимой мере.

Борьба за власть вела за собой с обеих сторон и создание особых органов, занимавшихся, помимо открытой и официальной работы, и тайным сбором сведений о противной стороне. Различные Сламечки, Базили и т. п. креатуры генерального штаба и министерства иностранных дел находили широкое поле для своей мизерной, полной интриг, деятельности, внося лишь трения в управление войной. Буржуазная машина государственного управления начинала еще больше скрипеть, и именно в те дни, когда только согласованная работа всех ее колес могла повести к выигрышу войны...

Одним словом, «мозг армии» был взят внешней политикой под подозрение, чего не скрывает даже такой честолюбивый его представитель, каким был начальник австро-венгерского генерального штаба Конрад.

Мировая война в своем ходе привела к окончательной развязке борьбу между органами внешней политики и генеральным штабом, решив ее не в пользу последнего.

В современных условиях в вопросе об управлении войной никто не говорит о преобладающей роли в этом генерального штаба и даже внешней политики. В первой книге нашего труда нами подробно освещен вопрос об интегральном полководце наших дней, которым является не кто иной, как правительство государства, ведущего войну.

Современная война есть дело всего государства в целом, и подготовка к ней, а равно и управление самой войной составляет обязанность всего правительства, составными частями которого являются и органы внешней политики и органы военного ведомства.

Нами в первой книге выяснено, какое значение в современной войне имеет внутреннее соотношение сил в государстве и его экономика, а потому говорить об управлении войной одним лицом, дуумвиратом или триумвиратом не приходится. Война есть дело коллективное, и управление ею переходит в руки такого коллективного органа, каким является правительство большинства стран.

Только одно правительство дает директивные указания по подготовке к войне различным органам управления, в частности и внешней политике. Поэтому в наши дни та роль, которую играла дипломатия на пороге мировой войны, в значительной мере сокращается. Военное ведомство в своей подготовке войны на том или ином фронте, в определении позиции того

или иного государства в ней получает директивные указания не от внешней политики, а от самого правительства.

Правда, и на пороге мировой войны директивные указания по работе военного ведомства должны были бы идти от верховной власти, на утверждение которой и представлялись разработанные варианты конкретной военной подготовки.

Однако, в силу немощности представителей верховной власти, военное ведомство, в лице генерального штаба, устойчивые директивы по своей работе, связанные с внешней политикой, вынуждено было запрашивать и получать от дипломатических органов государства. Не объединенные вверху, оба эти органа и входили в ту полосу борьбы, которую мы наблюдали на протяжении нашей второй книги почти в каждом из рассмотренных нами государств.

Только при таком течении дел во внешней политике могли образоваться три особых линии поведения, о коих мы говорили выше. Если глубже вникнуть, то расчленение внешней политики шло еще дальше, ибо морское ведомство, в лице своего генерального штаба, старалось направить внешнюю политику по тому руслу, которое было желательно именно ему.

Мы уже отмечали, что в наши дни династическая линия отживает свои дни, а если где еще и существует, то как традиционная форма, находящаяся всецело в руках буржуазии этого государства. Какого-либо самостоятельного влияния на внешнюю политику в наши дни династическая линия оказывать не может, и линии поведения этой политики всецело находятся в руках дипломатических органов государства и его коллективного правительства.

Что касается линии поведения во внешней политике генеральных штабов, то прежде всего необходимо отметить ту двойственность и угрозу превращения всего военного ведомства в триумвират генеральных штабов (сухопутного, морского и воздушного), которую мы наблюдали на пороге мировой войны и в ее ходе. Мы не можем углублять этот вопрос, но должны отчетливо высказать свой взгляд на необходимость полного объединения вооруженных сил в лице возглавляющего их органа, который и представлял бы их не только в правительстве, но и в сношениях с другими государственными органами по вопросам принципиальной важности. Только при такой организации удастся избежать тех трений, которые наблюдались в военном ведомстве в его общении с органами внешней политики, к которым шли за директивами и с предложениями самостоятельно сухопутный и морской генеральные штабы, военный и морской министры.

Единый орган внешней политики должен иметь общение с таким же единым органом всех вооруженных сил, а не различными его подразделениями, хотя бы и являющимися «мозгом» этих сил.

Этим положением определяется и роль генерального штаба (сухопутного или даже морского, если бы таковой существовал), как органа подчиненного, но не главенствующего в военном ведомстве вообще, а в вопросах внешней политики — в частности.

Если выше нами было указано, что директивные указания для своей работы по плану войны в части, касающейся внешней политики, военное ведомство получает от правительства, то это отнюдь не означает того, что

мы хотим прервать всякое общение между военным ведомством и органами внешней политики.

Каждая директива не является исчерпывающей, а устанавливает лишь общие отправные данные, работа по которым в деталях уточняется уже теми органами, которые эту директиву получили.

Таким образом, дипломатия остается в постоянном общении с военным ведомством, а в частности и с его органом — генеральным штабом — по всем вопросам, касающимся подготовки войны.

В предыдущих главах мы намечали эти вопросы и роль в них как дипломатии, так и генерального штаба, а потому повторять их не будем.

Наше суждение сводилось в основном к тому, что в подготовке к войне и ее ведении политика играет первенствующую роль, что не одним «военным успехом» решается война, ибо война есть прежде всего акт политический.

Из этого должны вытекать и взаимоотношения политики и стратегии в наши дни. При здравомыслящем и крепком правительстве не может быть какой-либо речи о разногласиях в вопросах внешней политики между органами, ее представляющими в государстве, и генеральным штабом. Та борьба за власть в этой области, которую отмечает история на протяжении XIX века и первой четверти XX века, должна служить ярким примером тех вредных следствий, коими она оканчивалась. Плохое наследство оставил германскому и союзному ему австро-венгерскому генеральным штабам их пророк — прусский фельдмаршал Мольтке старший, завещав борьбу за власть с внешней политикой. Борьба кончилась полным поражением, и «Версаль» оказался «Каннами» для генеральных штабов срединных государств.

Политическая смерть тягостнее естественной...

ГЛАВА XI.

КОАЛИЦИОННАЯ ВОЙНА

Локальный характер войн середины и конца XIX столетия и причины этого. — Империализм и коалиционная война. — Злободневность вопроса о ведении коалиционной войны. — Возможность локальных войн в настоящее время. — Учение Клаузевица о коалиционной войне. — Коалиционная война времен Наполеона. — Коалиция и империализм. — Изучение коалиционной войны на пороге мировой войны. — Основные принципы коалиции: единение политическое, военное и экономическое. — Политическое единение среди государств тройственного союза и тройственного согласия. — Отсутствие у них согласования общих целей политики. — Государственный эгоизм. — Структура государственного управления и ее влияние на ведение коалиционной войны. — Особая линия генерального штаба. — Федерация рабочих государств. — Политическое руководство войной. — Единение коалиции в вопросах заключения мира. — Военное единение коалиции. — Использование сил и средств коалиции. — Общий план действий и условия его создания. — Единое военное управление в эпоху Наполеона. — Вопрос об едином военном управлении перед мировой войной. — Решение его среди государств тройственного союза. — Пояснения по этому поводу Конрада и его послевоенные предложения. — Либман об управлении коалиционной войной. — Вопрос об едином управлении войной среди государств Антанты и его разрешение в ходе мировой войны. — Только политическое единение создает единое управление коалиционной войной. — Экономическое единение и его условия. — Форма соглашений: а) политические акты; б) военные конвенции; в) обмен письмами. — Политические акты и их крепость. — Обмен политическими письмами. — Договоры о ненападении. — Деятельность дипломатии и генерального штаба по заключению политических союзов. — Военные конвенции и их сила. — Обмен письмами генеральных штабов. — Содержание военных конвенций. — Особые акты об управлении войной и заключении мира. — Экономическое соглашение. — Круг деятельности генерального штаба при заключении военных конвенций. — Участие в этом дипломатии и ратификация военных конвенций.

Война 1870 — 1871 годов была не только последней войной за национальное объединение государственных образований в Европе, но она явилась и последней локальной, ограниченной боевой схваткой двух борющихся государств.

С конца наполеоновской эпохи все крупные войны XIX столетия носили преимущественно локальный характер, и искусством дипломатии почиталось сведение вооруженной борьбы к тому расширенному поединку, в какой выливалась война в былые времена истории.

Объяснение локализации войны необходимо искать в той политике национального объединения государств (Германия, Италия, малые балканские государства), которая развертывалась на карте Европы во второй и третьей четверти этого столетия.

Происходившие в то же время колониальные войны Франции, не затрагивая существенно интересов остальных крупных капиталистических госу-

дарств, не выводили войну из ограниченных рамок и не давали ей размаха только-что мицующей наполеоновской эпохи.

В главе VI настоящей книги мы отмечали, что к концу XIX столетия, с развитием империализма среди крупных государств Европы, война должна была потерять локальный характер и будущее сулило возрождение коалиционных войн.

Нельзя сказать, что к началу мировой войны не был предугадан ее коалиционный характер. Ясное суждение как политических, так и военных деятелей конца XIX века и начала нашего столетия с полной определенностью возвещало такую вооруженную борьбу в Европе, в которую будут втянуты не два государства, а многие из крупных государств. Если читатель вспомнит хотя бы суждения начальника русского главного штаба Обручева о характере грядущих европейских вооруженных столкновений, высказанные им при обсуждении проекта франко-русской военной конвенции в 1892 году, то он может освободить нас от доказательств сказанного выше.

Другой вопрос, — насколько к ведению такой войны были подготовлены государства Европы, оказавшиеся в 1914 году ходом событий в вооруженной борьбе. В своем месте мы поговорим об этом несколько подробнее.

Широкий размах прошедшей на нашей памяти европейской, а затем и мировой войны привлек к себе внимание политических и военных деятелей наших дней, уделяющих ныне значительное место в своем литературном творчестве вопросам коалиционной войны.

Вопрос ее ведения в военном искусстве наших дней безусловно имеет большое актуальное значение, но, главным образом, для государств с капиталистической структурой.

Нужно все же сказать, что коалиционный характер прошедшей мировой войны отнюдь не знаменует собой окончательного исчезновения локальных войн. Действительно, еще не отгремели пушки двух капиталистических коалиций, огромных по размерам выставленных ими для вооруженной борьбы сил и средств, как мы столкнулись снова с локальными войнами. Наша гражданская война, война с поляками в 1920 году, война Турции с Грецией — не являются, в широком понимании, войнами коалиций, а должны быть признаны локальными войнами.

В главе VI мы отмечали, что Ленин так и смотрел на эволюцию войны, указывая, что последняя в наши дни может принять характер локальной войны, что в современных условиях отнюдь не исключаются войны малых государств с крупными.

Таким образом, мы не намерены признать безапелляционно, что коалиционная война есть твердо установленный вид войны для наших дней и на ближайшее будущее. Однако, должны отметить, что с ней мы можем снова встретиться, а потому и считаем необходимым остановить более пристальное внимание на изучении опыта мицующей империалистической войны.

Коалиционная война, как особый ее вид, затронута философом войны Клаузевицем, лично ее наблюдавшим, в своей практической военной деятельности.

«Никогда не бывает, — говорит он, — чтобы государство, выступающее в интересах другого, отнеслось бы к ним столь же серьезно, как к своим собственным».

«В европейской политике принято, что государства связываются между собою союзами, обязывающими ко взаимной поддержке; однако, не в том виде, как будто интересы и вражда одного сделались такими же для другого. Они гарантируют друг другу поддержку известными боевыми силами, по большей части весьма умеренными».

«Союзник воюющего, исполняя свою обязанность, не считает себя собственно ведущим такую войну, которая должна начаться ее объявлением и закончиться мирным трактатом. Впрочем, на практике бывает различно».

«Теория войны не затруднялась бы этим вопросом, если бы союзный контингент вполне передавался в распоряжение воюющего с тем, чтобы последний мог распоряжаться контингентом по своему усмотрению; тогда это было бы нечто в роде войска наемного. Но на деле бывает далеко не так. Союзный контингент имеет обыкновенно своего собственного полководца, зависящего только от своего двора, который и указывает полководцу цель, соответствующую собственным половинным намерениям».

Русский переводчик Клаузевица Войде в примечании поясняет: «Таково было положение во времена автора или, вернее, до него. Теперь политическое положение в Европе изменилось. Союзы заключаются в видах крупных целей, требующих соразмерных усилий».

Однако, Клаузевиц не остановился лишь на односторонней форме коалиции, когда одна из сторон предоставляет свою армию в распоряжение своего союзника. Философ войны говорит: «Даже и тогда, когда два государства действительно ведут войну против третьего, то не всегда скажут себе: нам нужно смотреть на это третье, как на нашего врага, мы должны его уничтожить, иначе оно уничтожит нас. На деле, напротив того, смотрят зачастую как на коммерческую сделку; каждый, смотря по ожидаемым выгодам и грозящей опасности, дает свой вклад в 30 000 — 40 000 человек, считая потерю его единственным своим риском».

«Так смотрят на дело не только тогда, когда одно государство помогает другому по делу, которое его не особенно касается, но и тогда даже, когда оба связаны важным интересом. И в таких случаях не обойдется без дипломатической сдержанности. Договаривающиеся обещают себе взаимно небольшую трактатом указанную поддержку, имея в виду остальные свои силы употреблять по особым соображениям, до которых может со временем довести политика».

«Так, — продолжает Клаузевиц, — обыкновенно смотрели на союзную войну. Только в новейшее время крайняя опасность натолкнула народы на естественные пути, как, например, против Бонапарта, или же безграничное насилие Бонапарта к тому же понуждало его союзников. Прежнее состояние союзной войны было половинно и аномалией, потому что понятие о войне и мире в основании не допускает разных их степеней. Однако, другое понимание не было только чем-то принятым дипломатией; оно, напротив того, глубоко обосновано на естественной ограниченности и человеческой слабости».

«Политическая причина, — приходит к выводу Клаузевиц, — веско влияет и на ведение войны... Если же раз допустить такое именно влияние на войну целей политических, то не встретим более пределов, так что

придется низойти и до таких войн, которые ограничиваются просто угрозой противнику, сводясь в сущности только к желанию поддержать свои требования во время переговоров».

Нет сомнения, что Клаузевиц в своей теории исходил из опыта коалиций времен кабинетных войн и войн наполеоновской эпохи, далеких от тех дней, которые переживали мы. Однако, как увидим ниже, основные вехи в ведении коалиционной войны философ поставлены настолько верно и надежно, что они могут служить отправными и для наших дней.

Основу всего Клаузевиц видит в «политической причине», и только она одна может дать крепость и силу коалиции. Без политического единства союзников немислимо и прочное военное соглашение между ними. «Политическая причина» определяет и взаимоотношения союзников. Клаузевиц подчеркивает вполне естественный государственный эгоизм каждого из союзников, указывает нам на трудности в разрешении вопроса об едином командовании, ибо армия каждого из союзных государств есть прежде всего вооруженная сила этого государства, действующая в его интересах.

Опыт коалиционных войн до Бонапарта, когда не все союзники вступали в войну по «политической причине», а ограничивались выставлением вооруженного контингента на помощь своему союзнику, признается Клаузевицем «половинным и аномалией». Уже в войнах коалиций наполеоновской эпохи он видит возвращение войны на естественные пути, которыми она следует и в наши дни. Правда, в эпоху Наполеона под его рукой собирались различные контингенты его союзников, если так можно назвать тех вассалов маленького капрала, которых вела по путям войны его крепкая рука. Такое участие в войне 1812 года прусских и австрийских войск было мыслимо лишь при полной потере правительствами этих государств своего политического лица. Как только ослабла военная слава Наполеона, как только Пруссия и Австрия почувствовали почву под ногами, как политические организмы, так сейчас же начались трещины в коалиции, созданной Наполеоном.

Средина XIX века была наполнена локальными войнами, ибо «политическая причина» — национальное объединение — вело войну по этому пути.

С конца этого столетия крупные европейские государства встали на путь империализма и с ним вошли в эпоху коалиционных войн.

В своем месте мы более или менее подробно говорили о том, что такое империализм и каково его влияние на войну. Было указано, что в переживаемой нами эпохе на основе экономических отношений государства или вступают в союзы, или находятся в резком противоречии друг с другом. Экономическая зависимость одних государств от других ведет их к тесному политическому единству, создает для союзников общие «политические причины», которые и являются теми основами, на коих покоится и крепнет их военное соглашение. Уже на пороге мировой войны мы могли наблюдать этот процесс в некоторых из государств Европы. Если в начале вступления в должность начальника генерального штаба Австро-Венгрии Конрад мечтал о возможности ведения локальной войны с Италией или Сербией, то, по мере его знакомства со складывающимися в Европе политическими отношениями, он отказался от этого и признал, что будущая война возможна лишь как коалиционная война.

Конечно, Конрад не являлся пророком в этом, ибо такой характер будущей войны, как было сказано выше, был предугадан многими политическими и военными деятелями различных государств. Коалиционная война как грядущая форма войны, была узаконена даже соответствующими политическими и военными соглашениями. Но нужно сказать, что глубокого изучения вопроса об управлении такой войной в начале XX столетия ни в одном государстве проведено не было. Как ни странно, на пороге мировой войны, когда ходом истории государства объединялись во враждебные военные тресты, коалиционная война, как таковая, признавалась слабой формой ведения войны. Военная литература тех времен говорила лишь о слабости коалиций, слагая гимны славы локальной войне, в коей единая воля полководца получает наиболее яркое отображение. Объяснение этому мы находим в изучении опыта эпохи Мольтке с его знаменитым триумvirатом и локализацией войн и в довольно поверхностном изучении управления коалиционными войнами в эпоху Фридриха, Французской революции и Наполеона.

Мировая война сразу поставила вопрос об управлении коалиционной войной, вынудив все государства идти в этом ощупью, и не довела его до окончательного разрешения даже в Версале.

Для того чтобы правильным путем подойти к разрешению управления коалиционной войной в наши дни, мы должны остановить внимание на основных принципах, на которых только и может покоиться коалиция.

При кратком разборе теории Клаузевица о влиянии «политической причины» на войну уже было отмечено, что только политическое единение членов коалиции является залогом ее крепости и силы. При отсутствии противоречий в политике, или когда эти разногласия между союзниками регулируются взаимными уступками, можно рассчитывать и на единение их в военном усилии.

Политическое единство дает возможность: 1) установить общие политические цели, которые союзники намерены достичь войной, 2) организовать политическое управление войной и 3) установить вопросы заключения мира.

Одновременно с политическим единением в коалиционной войне должно быть налицо и военное единство всех членов коалиции. Оно заключается: 1) в использовании всех вооруженных сил и средств для достижения общих целей войны, 2) в организации военного управления войной.

Наконец, в наши дни особое значение приобретает для ведения войны и экономическое единение членов коалиции, помогающих друг другу в экономической жизни, давая возможность более слабым в этом отношении союзникам выдерживать тяжесть экономической борьбы, сопровождающей ныне войну.

Эти три основных единства дают то подлинное единение для коалиции, которое ей необходимо для ведения победоносной войны и в отсутствии которого в прежние времена заключалась ее слабость, подмеченная военными теоретиками прошлого и настоящего столетия.

В дальнейшем мы обратимся к рассмотрению намеченных нами основных принципов построения коалиции.

Мы не раз повторяли, что «политика проникает все дело войны», а

помому понятно, что единение коалиции должно начинаться именно с ее *политического единства*.

На пороге мировой войны мы наблюдали два союза: тройственный союз и тройственное согласие.

Если вспомним, то в обоих из них не было того политического единения, которое необходимо для ведения войны коалицией. Политика Германии и политика Австро-Венгрии не только не были согласованы, но даже в некоторых странах начинали перекрещиваться. Конрад не раз жаловался на последнее и скорбел, что политика Австро-Венгрии не находит отклика в Берлине. Наоборот, германская дипломатия и генеральный штаб негодовали порой на Австрию, которая своей агрессивной политикой грозила втянуть Германию в европейскую войну. Каждый раз, когда возникал кризис в Вене, ей приходилось проверять верность Германии союзному договору и особо оговаривать вооруженную поддержку. Если вспомним мемуар Лихновского об австро-венгерской внешней политике, то такое же недоверие найдем и в германских политических кругах, какое было в Вене в отношениях к Берлину. Характерным показателем такой несогласованности политики обеих стран является замалчивание Австрией истинных целей войны в то время, когда дыхание ее уже охватывало европейский континент.

Италия была еще менее искренна в своих политических симпатиях к серединным государствам и вела, в сущности, двойственную политику. Помирить ее политические устремления с таковыми же Вены являлось несбыточной мечтой. В здоровой оценке этого нельзя отказать начальнику австро-венгерского генерального штаба Конраду.

Если мы обратимся к тройственному согласию, то можем наблюдать ту же картину. Политические противоречия охватывали и эту коалицию, не раз угрожая сорвать франко-русский союз. Политического же соглашения между Францией и Англией вообще не существовало. Острова стремились сохранить свободу в своей внешней политике. Правда, следует отметить, что экономическая зависимость России от Франции подчиняла до некоторой степени политику России французским желаниям, но все же Петербург старался сохранить свою самостоятельную линию поведения. Труднее всего было согласовать политические устремления Англии и России, но таковые, под угрозой надвигающейся войны, привели: 1) к англо-русскому соглашению 1907 года и 2) к тесному сотрудничеству английской и русской политики в подготовке мировой войны. Однако, большой вопрос для России — вопрос о проливах — оставался открытым и к началу мировой войны.

Таким образом, можно с определенностью сказать, что политического единения перед мировой войной не было достигнуто ни тройственным союзом, ни тройственным согласием. В каждом из них государства были самостоятельными в своей внешней политике и не согласовали те общие *политические цели*, которых решено было достигнуть войной. Регулирование этого важного вопроса в дни мира шло от случая к случаю и таким же порядком продолжалось во время мировой войны. Лишь путем жертв и напряженной борьбы Антанта дошла к концу 1917 года до необходимости образования особого политического коалиционного органа, а серединные государства не разрешили этого вопроса до своего крушения.

Мы уже приводили суждения Клаузевица, что ни одно государство не будет защищать интересы другого так, как свои собственные, и *государственный эгоизм* каждого из союзников является одной из главных причин политического разногласия среди членов коалиции. Такой эгоизм свойственен был каждому государственному образованию капиталистического общества во все времена истории и, в особенности, с развитием империализма получил наиболее острые формы. Начальник австро-венгерского генерального штаба был ярким выразителем государственного эгоизма Австро-Венгрии. «Престиж» Дунайской империи был одним из главных двигателей политических устремлений Конрада. В государствах с капиталистической структурой мы всегда будем встречаться с обостренным государственным эгоизмом, подкрепленным доказательствами особенностей экономического, культурного и национального их развития. Согласовать линии политического поведения таких государств представляется чрезвычайно трудным, ибо экономическая конкуренция лежит в основе их отношений. Империализм в самом себе таит противоречия.

Некоторые из современных германских военных писателей, находя, что у Антанты было больше политического единства, нежели в стане срединных государств, приписывают это однородной демократической структуре управления этими государствами. Династические линии срединных государств оказывались большим, по их мнению, тормозом в достижении политической согласованности союзников. Нет сомнения, что династические линии влияли на политику государств, но не в такой мере, как думают об этом современники нам по перу. Тлетворное влияние былых императоров отмечалось более в такой стране, как Россия, и ограничивалось шумихой в таких государствах, как Германия. Слов нет, что наладить единство политики в коалиции стран, различных по формам управления, гораздо труднее, чем в тех, где они родственны. Мы знаем, что монархизм бывшей России не раз создавал трения с республиканской Францией чисто из-за внутренних причин, но также известно, что эти трения сглаживались обеими сторонами, когда интересы внешней политики совпадали. «Пугало» — Александр III — слушал с непокрытой головой Марсельезу на борту французского броненосца, а французские социалисты и левые радикалы давали деньги по займам деспотическому правительству России. Общая опасность соединяла противоположности.

Собственно говоря, превосходство на стороне Антанты в политическом единении заключалось в том, что в структуре ее государств в военное время отсутствовал триумвират с главенствующей в нем линией генерального штаба, как это было нами установлено в предыдущей главе. Таким образом, не династическая, а линия генерального штаба, расходившаяся в срединных государствах с линией внешней политики, создавала те трения в достижении политического единения, которого не хватало тройственному союзу. Если генеральные штабы Вены и Берлина до войны договорились, — правда, довольно неопределенно, — до согласованности в военных действиях, то в политических воззрениях они стояли на разных путях. Хотя Конрад и старается нам доказать полное единомыслие с Мольтке в политике, но из писем последнего мы знаем, что он далеко не одобрял линии политического поведения Вены. Германские авторы, не говоря открыто, именно и

отвергают прославленный триумvirат, отдавая преимущество кабинету министров, как органу, управляющему политикой и, вместе с тем, войной.

По существу, вопрос о политическом единении коалиции теряет остроту для государств с *подлинно-социалистической* структурой, ибо такие государства преследуют одни общие цели — борьбу с капитализмом, руководятся одной партией — коммунистической, ведущей пролетариат всех стран по одному общему пути в строительстве социализма. *В таких государствах с момента их образования возникает не коалиция, а федерация.*

Поскольку в обеих коалициях в установлении общих целей отсутствовало политическое единение, то не могло быть речи *об едином политическом руководстве войной.*

Ни в одной из коалиций, из-за боязни умаления престижа входящих в нее государств, вопрос об едином политическом руководстве и не поднимался. Каждое из европейских государств, даже такое кабальное, как Россия, отстаивало свой престиж. Выше мы говорили, что при Наполеоне Австрия и Пруссия, потеряв свое политическое лицо, оказывались зависимыми от Бонапарта в своей политике. Однако, скрытно оба эти государства продолжали сноситься со своими фактическими врагами и выставляли лишь союзные контингенты, цену которым определял Клаузевиц, но не участвовали в войне.

В обеих враждебных коалициях времен империалистической войны мыслилось, что политическое руководство войной будет достигнуто своевременными и соответствующими дипломатическими переговорами. Однако, опыт мировой войны говорит о том, что такой способ с первых же периодов войны потерпел неудачу в обоих лагерях. Скорее всего он был разрешен в стане Антанты на совещаниях союзников, в которых принимали участие, с правом решающего голоса, руководители внешней и внутренней политики отдельных членов коалиции, и, наоборот, он не только совершенно не нашел разрешения у срединных государств, но к концу войны даже разъединил Австро-Венгрию с Германией. По размерам нашего труда мы не в праве вдаваться в подробный разбор этого явления во время мировой войны.

Отсутствие единого политического руководства войной у обеих коалиций заставило ныне государственных деятелей воевавших стран и военных писателей уделить большое внимание этому вопросу.

Маршал Хейг приходит к выводу, что коалиция для единого руководства войной должна не только организовать единое военное командование, но и выдвинуть единого политика для общего руководства политикой коалиции. Ни до мировой войны ни в ее ходе обе коалиции не дошли путем опыта до такого предложения, и он фактически не осуществим. В первой книге нашего труда мы отмечали, что в современных условиях можно говорить лишь о коллективном руководстве войной даже в отдельных государствах, а тем более, когда борьба ведется коалицией. Методы командования — приказы — совершенно не применимы в высшей стороне войны, т. е. в политике. История нам дает пример, как Наполеон пытался руководить политикой, в сущности вассальных, Пруссии и Австрии и в конечном счете не преуспел в этом. В лагере Антанты стремление найти общую линию политического поведения во время мировой войны не направлялось

по пути передачи политического руководства в руки одного лица, например, Пуанкаре или Ллойд-Джорджа.

Известный нам германский автор Либман, учитывая государственный эгоизм отдельных членов коалиции, особенно в его болезненных проявлениях в Австро-Венгрии, останавливается на осуществлении общего политического руководства войной исключительно в виде особого совета из представителей правительств входящих в коалицию государств, в частности их министров иностранных дел, созданного на паритетных началах. Только в таком органе возможно найти общую линию политического поведения всей коалиции во время войны, а следовательно, и в подготовке к ней. Примеряя этот мундир для государств тройственного союза, Либман находит, что такой совет должен был заседать в Берлине под председательством самого Вильгельма.

По существу дела, управление войной, как политическим явлением, в государствах с капиталистической структурой только и может мыслиться как коллективное, осуществляемое коллективным органом в виде предлагаемого Либманом совета.

В государствах, где у власти стоят трудящиеся, вопрос этот разрешается значительно проще, ибо в основе руководства лежит одна линия политического поведения и вся работа, как правило, идет коллективным путем.

Следующим основным условием прочности коалиции является единение в вопросе о заключении мира. Поскольку установлены общие политические цели, которых коалиция стремится достигнуть войной, поскольку налажено общее политическое руководство войной, постольку легче предвидеть и оговорить обязательства членов коалиции итти согласованно в вопросе о заключении мира. Трения в этом создают опасность сепаратного мира, угроза которого не раз нависала над обеими коалициями в ходе мировой войны и вылилась в постепенный раскол тройственного союза. До мировой войны вопросы сепаратного мира не были предусмотрены ни одной из коалиций, и только в ее ходе особым соглашением Антанты пыталась застраховать себя от него, не добившись, в конечном счете, реальных результатов. На стороне тройственного союза гарантия от распада заключалась в одних лишь клятвах в верности общему делу войны. По существу, все это было призрачным, и никакая бумага не могла предохранить коалицию от распада в то время, когда жизненные интересы того или иного государства были настолько потрясены войной, что выход мыслился лишь в заключении сепаратного мира. Правда, этот выход из войны не так прост для государства, которое на него решилось: 1) благодаря сопротивлению этому части своего населения; 2) благодаря давлению союзников, и 3) вследствие нежелания признать свое поражение перед врагами, которые, конечно, не упустят случая увеличить свои требования. Сепаратное заключение мира в современных условиях сопровождается такими потрясениями для государственности, которые по тяжести последствий мало уступают тяготам самой войны. Сознание этого удерживало многие из буржуазных правительств от заключения сепаратного мира; наоборот, по мнению той партии, которая в крушении буржуазного правительства видит истинные пути к достижению победы, выход из империалистической войны и превращение ее в войну гражданскую может считаться единственно правильным ходом.

Таким образом, сказанное выше позволяет прийти к выводу, что на пороге мировой войны обе системы союзов капиталистических государств в Европе не были подготовлены к единому политическому руководству войной и с ее началом вступили в полосу кризисов, проистекавших из-за отсутствия этого единения. Мы слышали, что теоретически как военные деятели, так и «государственные мужи» признавали главенство политики в деле войны, но на практике линия генерального штаба старалась обособиться от влияния политики и быть самостоятельной как в подготовке, так и в ведении войны. «Престиж» отдельных членов коалиции, как самостоятельных политических государств, отталкивал крупные государства от подчинения в политике какому-либо одному из таких государств. Иное дело — такие вассалы, как Бельгия, Португалия, Сербия, Черногория, подпавшие под влияние государств Антанты. До паритетных же советов дойти было трудно, ибо всякие дипломатические конференции в годы мира являлись ярким показателем, как тяжело бывает помирить противоречия различных государств.

Единое управление войной мыслилось достижимым по военной линии Войны рассматривалась как исключительно военное явление, но не как политический акт.

Выше нами было намечено при рассмотрении военного единения обратить внимание на два вопроса: 1) об использовании сил и средств коалиции и 2) об организации военного управления.

В приведенной нами теории Клаузевица было указано, что в коалициях его времен государства, вступавшие в союз, смотрели на него, как на коммерческую сделку, и или выставляли определенный контингент на помощь своему союзнику, или, когда сами вели действительную войну, то использовали свои вооруженные силы в общих целях коалиции с большой осмотрительностью.

Действительно, если мы оглянемся на времена Фридриха, Французской революции и Наполеона, то мы как раз найдем примеры или выставления вспомогательных контингентов, или же участия государств в коалиции силами, заранее определенными особыми соглашениями, далеко не исчерпывающими всех их возможностей.

Но и на пороге XX столетия, когда союзы изменили свой характер и сделались более прочными, когда государства, входящие в них, в случае войны оказываются вовлеченными в нее в силу защиты собственных своих интересов, а не только интересов своих союзников, и то мы сталкиваемся, как говорил Клаузевиц, «с дипломатической сдержанностью» в этом вопросе.

Если вспомним распределение австро-венгерских сил по театрам военных действий или группировку русских армий по фронтам, то можно сказать, что они в большей мере отвечали политическим и военным целям этих государств, нежели были направлены к достижению общих целей коалиции. Начальник австро-венгерского генерального штаба Конрад отлично сознавал второстепенное военное значение сербского фронта и полагал ограничиться на нем минимальными силами. Однако, политическое значение войны с Сербией толкало его на увеличение сил против нее, а в августовские дни 1914 года II австро-венгерская армия оказалась на сербском театре военных действий вместо того, чтобы быть на русском. Мольтке

вместе с Вильгельмом загружали телеграф из опасения, как бы Вена не увлеклась сербским фронтом и не сосредоточила там излишние силы в ущерб русскому театру.

Русское сосредоточение, как известно, не было произведено исключительно с учетом общности действий с французами, для какой-либо цели силы выставлялись согласно особому соглашению. Обручев при заключении франко-русской конвенции с полной определенностью указывал, что Россия не может себя связывать соглашением в группировке сил без учета других своих политических задач. Тем же путем шла и Франция, не желавшая ввязываться в войну России с Австрией. Наконец, английские вооруженные силы, по конвенции с Францией, направлялись на материк Европы для совместных действий лишь только в виде экспедиционного корпуса.

Германские вооруженные силы разворачивались также с учетом, прежде всего, интересов Германии, и как Конрад ни просил Мольтке увеличить германские войска на русском фронте, доводы его остались тщетными.

Одним словом, что бы ни говорили о том, что теория Клаузевица о влиянии политический цели на войну в наши дни устарела, мы должны именно свидетельствовать, что и в современных коалиционных войнах нам приходится встречаться с использованием членами коалиций своих вооруженных сил, прежде всего, в своих собственных интересах, так как, несмотря на то, что в наши дни, — как говорит Клаузевиц, — «оба (государства) связаны важным интересом», и в таких случаях «не обойдется без дипломатической сдержанности».

Иными словами, военные цели коалиций намечались с учетом политических целей отдельных членов коалиции, и, несмотря на предварительные соглашения, общности этих целей было трудно достигнуть. Правда, на французском фронте наличие одного врага, в лице Германии, вело и к единой военной цели союзников, но уже на русском фронте как у России, так и у государств тройственного союза военные цели раздваивались. Мы слышали об этом подробные рассказы Конрада и вскользь говорили о тех стараниях, какие прикладывались французским генеральным штабом и дипломатией, чтобы побудить русскую стратегию направить главные усилия против Германии.

Военные соглашения, которые были налицо в Европе на пороге мировой войны, в рассмотрении вопроса об общем плане действий не шли далее определения: 1) главного противника; 2) количества выставляемых сил (со стороны России — против Германии); 3) времени окончания их сосредоточения.

В остальном каждый из членов коалиции был свободен в выборе способа действий, сообразуя его со структурой своих вооруженных сил, со средствами и театром военных действий. Общего плана операций не было разработано ни у одной из коалиций, и таковой (например, между Германией и Австро-Венгрией) был оговорен лишь в общих чертах, да и то оставлял много недоуменных вопросов, неразрешение которых своевременно сказалось с первых же дней войны.

Несмотря на предварительное соглашение между французским и английским генеральными штабами о действиях английского экспедиционного корпуса на материке, общего плана действий выработано не было, и Френч

был свободен в принятии тех или иных оперативных решений, кои отвечали бы более интересам англичан, нежели общесоюзным.

Здесь, естественно, возникает вопрос: можно ли и должно ли остановиться при подготовке и ведении коалиционной войны на установлении лишь самых главных отправных данных в общем плане действий, или необходимо стремиться к более детальному уточнению последнего?

Ход империалистической войны, в особенности на одном фронте, показал с очевидностью, что конкретизация общего плана действий должна идти дальше, нежели она была сделана в действительности. Необходимо стремиться к направлению главных усилий коалиции к достижению одной общей цели, но, вместе с тем, нужно самым тщательным образом взвешивать все особенности (политические, экономические и военные) каждого из членов коалиции. Ошибки в этом поведут лишь к краху. Мы не будем говорить о политическом перенапряжении Австро-Венгрии: укажем лишь на срок окончания сосредоточения русских армий на германском фронте, принятый русским генеральным штабом по настоянию французов, по существу, форсированный для русских армий и приведший, в конечном счете, к разгрому под Танненбергом.

Общий план действий является результатом единой стратегии коалиции, а таковая мыслима лишь при общих линиях политического поведения союзников.

Как нам выше было отмечено, на пороге мировой войны, в обеих коалициях не было общего политического руководства на случай войны, а поэтому не могло быть установлено и единое военное управление.

История говорит, что в коалиционных войнах прошлого оно было осуществлено только Наполеоном, в распоряжении которого находились, в сущности, не армии его союзников, а вассальные контингенты. Попытки Гофкригсрата в Вене осуществить такое единое управление в отношении союзных армий, в частности, русской во главе с Суворовым, встречали резкий отпор и насмешки последнего.

«Союзный контингент, — говорит Клаузевиц, — имеет обыкновенно своего собственного полководца, зависящего только от своего двора, который и указывает полководцу цель, соответствующую собственным половинным намерениям».

Действительно, в войну 1813 года в коалиции врагов Наполеона единое военное управление было в руках главнокомандующего Шварценберга, оказавшегося в этой роли более статистом, нежели полновластным главнокомандующим. Все союзные государства были заражены «престижем», чувствовали себя равными, и назначение Шварценберга главнокомандующим отнюдь не знаменовало какой-либо особой роли Австрии в союзе. Члены коалиции застраховали себя от возможных покушений единого главнокомандующего к проявлению власти, и соглашение союзников гласило, что «союзные командующие армиями могут обращаться к их правителям, если им приказ Шварценберга кажется нецелесообразным». Иными словами, за командующими союзными контингентами была оставлена свобода, ибо, как определил это Клаузевиц, они «зависели только от своего двора».

С точки зрения наполеоновского ведения войны такое ограничение власти главнокомандующего, конечно, вредно, но, вместе с тем, мы должны

установить, что оно и естественно, поскольку не было единого политического руководства войной, а такое направлялось особыми дипломатическими переговорами союзников.

Наличие в 1813 году общего главнокомандующего, хотя бы с правами и с обликом статиста, показывает, что уже и в те времена было признано необходимым организовать единое военное управление.

Сознание его теоретической необходимости в коалиционной войне было воспринято и на пороге мировой войны в обоих союзах, но в жизнь проведено не было. В этом все генеральные штабы отличались той «дипломатической сдержанностью», о которой говорил нам Клаузевиц.

В лагере тройственного союза, в сущности, вопрос об едином командовании и не поднимался. Причины этого кроются как в политической самостоятельности входящих в него государств, так и в том недоверии, которое было у них друг к другу.

Если вспомним, то уже давно подвергалась сомнению верность Италии тройственному союзу. Ее политика шла самостоятельными путями и находилась в резком, едва прикрытом, противоречии с политикой Вены. О тайных замыслах Конрада разбить Италию, конечно, догадывались в Риме, и поэтому не только не могло быть речи о каком-либо единении в командовании во время войны, но даже ставилось под большой вопрос самое участие Италии в войне на стороне срединных государств. Точно так же были не выяснены отношения Рима с Берлином.

Поскольку не было политического единения между Германией и Австро-Венгрией, постольку это переносилось и на военное сотрудничество. Мы слышали, как от такового удерживал в свое время Конрада министр иностранных дел Эренталь, не желавший даже в этой области становиться под опеку Вильгельма и его дипломатии. Сам Конрад, хотя и уверяет нас в дружеских отношениях с Мольтке, отнюдь, однако, не был склонен пожертвовать своей самостоятельностью в вопросах подготовки и ведения войны, как представитель будущего верховного командования австро-венгерскими вооруженными силами.

Ныне в своих воспоминаниях Конрад объясняет это тем, что принятие на себя Вильгельмом верховного командования вооруженными силами Германии и Австро-Венгрии было бы нецелесообразным, ибо в австро-венгерской армии, состоявшей в большем числе из славян, имя и фигура Вильгельма не были популярными. С этим можно отчасти согласиться, но существо дела, конечно, заключалось в нежелании Конрада потерять свой военный престиж. Встать под команду пруссаков было немислимо для такого уверенного в своих силах начальника генерального штаба, каким был Конрад. Мы не можем проследить все те перипетии, кои сопровождали в ходе мировой войны борьбу вокруг единого командования в тройственном союзе, но она с очевидностью свидетельствует о выявленной нами только-что боязни Конрада и об его стараниях ограничить германское влияние даже тогда, когда всем союзом было признано необходимым принятие на себя Вильгельмом верховного командования. Оно касалось только ведения операций, и положение Вильгельма было почти аналогичным положением Шварценберга. Мы приводили мысли Конрада по поводу лейпцигских празднеств 1913 года, на которых, по его мнению, Германия демон-

стрировала свое величие в союзе, умаляя заслуги Австрии. Ясно, что при таких думках начальника генерального штаба нечего было и поднимать вопроса об едином командовании. Во всяком случае, в Вене об этом никто не думал, и там были бы поражены, если бы такое предложение последовало со стороны Берлина.

Но там также были далеки от подобных проектов, зная болезненное чувство «престижа» своего союзника. Союз с Австро-Венгрией для Германии был скорее военной необходимостью, чем политическим содружеством. В последнем отношении Дунайская империя была скорее тяжелым камнем, а только сознание того, что без содействия австро-венгерской армии Германия не в состоянии вести войну на два фронта, вынуждало Берлин беречь этот союз. С недоверием относясь к активной политике Австрии, далеко не отвечавшей линии политического поведения Германии, Берлин, в лице генерального штаба, оказывался также сдержанным и в тесном военном сотрудничестве. В своем месте мы приводили причины этого: боязнь германского генерального штаба за сохранение в тайне своих оперативных предположений, если бы они были открыты представителям австро-венгерского генерального штаба. В Германии, конечно, хорошо сознавали свое военное превосходство, и в докладе 1912 года Людендорф откровенно об этом писал, но отсюда было далеко до предложений объединения командования под германской рукой. Грубые натуры «солдат» в генеральских мундирах не подходили для тонких и нежных австро-венгерских вояк. Известно, что назначение Макензепе командующим XI германской армией в 1915 году было вызвано отчасти его придворным лоском, необходимым для австро-венгерской армии. Из истории мировой войны мы знаем, что только горячая голова Людендорфа шла по пути подчинения себе австро-венгерской армии, а остальные начальники генеральных штабов были сдержаны в своих империалистических устремлениях.

Военное единение среди тройственного союза покоилось на договоренности генеральных штабов или, как любят немцы говорить, шло от случая к случаю. Путь, конечно, мало надежный.

В настоящей книге нами подробно освещены вопросы, которые подлежали совместному обсуждению начальников генеральных штабов обоих соседних государств. Они касались: 1) определения главного противника, 2) установления главного театра военных действий, 3) числа сосредоточиваемых по театрам войск, 4) способа действий и 5) вопросов связи союзных командований.

Конрад нам говорит, что по всем этим вопросам он договорился с Мольтке с достаточной ясностью и определенностью. Между тем, нужно твердо установить, что переговоры носили характер общих и довольно неясных разговоров, оставляя много сомнительных мест. Известно, что Германия выставила на восточном фронте меньше сил, чем рассчитывал Конрад, что эти силы занялись обороной Восточной Пруссии, в то время как начальник австро-венгерского штаба считался с их наступлением на Седлец. Одним словом, даже первая операция обоими союзными начальниками генеральных штабов не была конкретизирована в отношении единства ее проведения обеими армиями. Что же касается единого военного руководства войной в целом, то об этом уже не приходится говорить.

Серединным государствам не удалось добиться объединения военного управления союзными войсками и на одном фронте — против России. Решить вопрос можно было: 1) назначением общего командующего из германских генералов или 2) подчинением VIII германской армии Конраду. Ни того, ни другого сделано не было. При превосходстве в числе на русском фронте австро-венгерских войск Мольтке не считал возможным подчинять их германскому командованию, но, с другой стороны, не хотел передавать германские войска VIII армии, а вместе с ними и судьбу восточных границ Германии в австрийские руки, тем более, что предполагаемый способ действий Мольтке здесь шел в разрез с намерениями Конрада.

К сожалению, мы не можем подробно останавливаться на тех трениях, кои в ходе мировой войны на русском фронте возникали между Германией и Австро-Венгрией в ведении операций двумя самостоятельными командованиями, и на том, как постепенно расширялось влияние германского командования на весь фронт. Встречая упорство Конрада и обходя его путем назначений к самостоятельным австрийским командующим фронтами германских начальников штабов, коалиция, вернее, германское главное командование, пыталась разрешить вопрос единого командования на всем восточном фронте. Фактически же это единение было также от случая к случаю, и нужно признать, что в этом тройственный союз потерпел неудачу.

Вопрос единого военного управления остался неразрешенным до конца войны и настолько был болезненным, что в своих воспоминаниях начальник австро-венгерского генерального штаба Конрад уделяет ему особое внимание. Конрад находит, что его разрешение могло последовать не через назначение единого главнокомандующего, а через создание союзного совета (коллегии) из германских и австрийских генералов, которые могли бы совместно обсуждать план операций, их подготовку и общие черты выполнения. Возможно, что такой совет собирался бы в одном месте, если главные квартиры располагались бы поблизости, но даже если бы этого не было, то современные средства связи всегда позволяют осуществить это путем телеграфных и письменных сношений.

В этом предложении обращает на себя внимание признание совета органом командования, что для германской системы военного управления было не только необычно, но составляло известную революцию, особенно учтя взгляды Мольтке старшего на военные советы. Оно могло последовать только от потомка членов гофкригсрата, и во время мировой войны безусловно не нашло бы сочувствия в Берлине при таких твердых «солдатах» в генеральском мундире, как Людендорф и Гинденбург. Последние мыслили руководство войной не в форме постановлений совета, а в виде приказа, что всегда и встречало отпор со стороны начальника австро-венгерского генерального штаба.

Послевоенная литературная мысль Германии более склонна идти на уступки и признает заслуживающими внимания мысли Конрада. Выше мы отмечали, что Либман политическое руководство войной коалиции срединных государств мыслит в виде союзного совета на паритетных началах. Этот же совет должен являться и высшим органом военного командования. Сдвиг не малый в германских военных кругах.

Либман находит, что такой совет должен был состоять из начальников генеральных штабов союзнических армий, которым были бы подчинены и морские силы, и кои, кроме того, не были бы в составе командования определенными фронтами, дабы в своих суждениях не давать преимуществ тому или иному фронту, а представлять вооруженные силы своего государства в целом. Затем, как нами уже указывалось выше, в состав совета должны были входить германский канцлер и министр иностранных дел Австро-Венгрии. Как последние, так и начальники штабов участвовали бы только в заседаниях, которые были бы решающими, а для текущей деятельности совета их представляли бы особые заместители. Председатель — Вильгельм и место заседаний — Берлин.

Либман очерчивает и задачи совета, которые сводились бы к установлению государственными руководящими деятелями политических целей для ведения войны и соответствующих способов к их достижению, причем «политика» учитывалась бы в самом широком понимании; затем в круг ведения советом входили бы также вопросы общей экономики и пропаганды, поскольку их необходимо было урегулировать между союзниками. В этом совете политическое руководство получало не только место и голос, но непосредственно решало бы вопросы войны; за ним было решение, а начальники генеральных штабов являлись бы лишь военными советниками. Совет через начальников генеральных штабов устанавливал бы единое использование вооруженных сил коалиции для достижения политических целей войны и определял бы управление ими на том фронте, где были собраны войска различных союзных государств.

Германский автор настоящего проекта доказывает, что в таком совете все государства оставались бы суверенными, не было бы никакого умаления «престижа» союзников и внешнее превосходство Германии заключалось бы лишь в том, что заседания совета происходили в германской столице. Образование такого совета возможно было осуществить и в ходе самой войны, если бы это было оговорено заранее в мирное время. Никаких изменений во внутреннем устройстве армии каждого из союзных государств не нужно было вносить, за исключением того, что коалиционная война требует образования подобного совета и освобождения начальника генерального штаба от непосредственного командования фронтом. Либман не исключает того, что при решении в совете важных вопросов на заседания приглашаются командующие фронтами, морскими силами и воздушными флотами.

Что касается объединения военного командования отдельных фронтов, на которых сражаются плечо к плечу войска различных членов коалиции, то оно, по мнению германского автора, должно быть разрешено созданием *единого военного командования*, ибо на фронте непосредственно оказывают влияние стратегические и тактические условия обстановки. На фронте назначается *единый главнокомандующий* и только от него одного должны идти все распоряжения. Его недоставало на восточном фронте центральных государств.

Выступая в литературе с подобным проектом единого управления войной, Либман предвидит возражения, что его проектом умалится значение личности, а его рассуждения могут быть признаны чисто теоретическими.

Однако, он считает, что в будущей войне прежде всего должен согласованно работать на войну весь государственный аппарат и если гений будет способствовать этому, то ему пути не заказаны.

В первой книге нашего труда мы подробно говорили об интегральном полководце наших дней и коллективном управлении войной, поэтому здесь не будем вдаваться в дополнительное освещение этого вопроса.

Таким образом, единого, построенного на коллективных началах, управления войной в коалиции срединных государств Европы не было во время мировой войны, равно как не было предпринято каких-либо шагов к этому в мирное время.

Если мы обратимся теперь к тройственному согласию — Антанте, то в вопросе об едином управлении войной найдем сначала аналогичное явление, которое в ходе войны совершило более или менее положительную эволюцию.

Установление единого командования на стороне Антанты осложнялось территориальным разделением коалиции, а именно: Россия, Сербия, а затем и Румыния выходили из сферы постоянного личного общения с правительствами западных государств.

Выше мы отмечали, что не раз нами упоминавшийся Либман видит преимущества Антанты в однородном внутреннем государственном устройстве отдельных членов коалиции, при котором уже в мирное время армия была тесно спаяна с правительством путем возглавления армии и флота военным и морским министрами, входившими членами в правительство и ответственными перед представительными учреждениями государств. Иными словами, влияние на армию и флот верховной власти — династической линии — было в этих государствах ограничено. По заключению Либмана, и в военное время фактическое управление войной направлялось по военной линии через этих ответственных министров.

Однако, дело далеко обстояло не так.

Разбирая вопрос об едином управлении войной на стороне Антанты, всегда нужно учитывать: 1) отдельное положение России, Сербии и Румынии и 2) организацию этого управления на восточном фронте западных государств коалиции.

Говорить о передаче управления войной в руки какого-либо государства перед мировой войной в странах Антанты так же не приходилось, как и у срединных государств. Каждое из отдельных государств коалиции было вполне суверенно и считалось со своей самостоятельностью в военной своей структуре. Несмотря на экономическую зависимость России от Франции, настоячивое влияние французского генерального штаба на русскую стратегию все же имело свои пределы. Ныне указывается, что русский генеральный штаб подпал под влияние Парижа и шел на поводу у мозга французской армии. Нельзя, конечно, отрицать, что много уступок приходилось делать, даже в ущерб прямым своим интересам, русскому генеральному штабу в выработке совместного плана сосредоточения, но в то же время, например, в последнем железнодорожном займе Франции России, французскому генеральному штабу пришлось сделать уступки в своем проекте. Между тем, здесь-то как раз можно было больше всего оказать давления, ибо дело касалось денежной помощи. Тем более не поднимался

вопрос об организации единого управления войной, как затрагивающего суверенные права России, которая к тому же обладала армией, которая численно была сильнее армий своих союзников. Хотя, нужно сказать, французское правительство указывало на необходимость усиления военных сил России. Все, что было сделано в этой области, сводилось к установлению главного противника, определенного количества войск, выставляемого Россией против этого врага, сроков сосредоточения способов связи союзных командований. Бывший военный министр Сухомлинов в своих воспоминаниях рассказывает довольно характерную деталь об установлении общих оснований для совместных операций союзников. Говоря о своей беседе с начальником французского генерального штаба Жоффром в 1913 году об общем плане действий России и Франции против Германии, разрабатываемом и согласуемом обоими генеральными штабами, оба собеседника пришли к единодушному решению, что пусть, де, штабы этим делом занимаются, а они, будущие полководцы, поведут операции по своему усмотрению.

В определении общих военных целей Франция делала нажим более по дипломатической линии, нежели по военной.

С началом войны единство в ее ведении оставалось на той же дороге политического согласования и договоренности обоих командований от случая к случаю.

Подобным же способом происходила увязка операций и с Сербией, но с большим успехом, в силу политической и экономической зависимости этого вассала от своих капиталистических союзников.

Читающему наш труд известно, что между генеральными штабами Франции и Англии на пороге мировой войны существовало соглашение на случай возможных военных действий. Оно предусматривало, однако, только общее развертывание, по которому английский экспедиционный корпус сосредоточивался в районе Мобеж-Ле-Като. Это развертывание было проработано в деталях; все же остальное, в особенности совместный план операций, подлежало дальнейшему согласованию с началом войны. Вопрос единого командования, во всяком случае, не только не был разрешен, но даже и не затрагивался обоими государствами.

С началом войны английский кабинет просил о присылке в Лондон военной миссии для установления договоренности в дальнейших действиях. Как командующий английским экспедиционным корпусом Френч, так и сам военный министр Китченер считали себя вполне независимыми от французского командования, и не только не могло быть речи о подчинении их французскому главнокомандующему, но и самое согласование совместных боевых действий пошло затем с большими трениями. Мы уже говорили о независимом положении Френча в первой Марнской операции и о затруднениях союзников в установлении общих действий.

Английский генерал получил из Лондона определенные указания: «Вы должны знать о том, что, совершенно ясно, ваша позиция вполне независима и что вы никогда, ни в коем случае и смысле, не подчиняетесь союзному главнокомандующему».

Мы не можем детально здесь рассматривать этот вопрос, так как вышли бы из рамок нашего труда. Должны отметить, что с самостоятельностью английской военной линии было покончено лишь 25 марта 1918 года,

да и то приказы Фоша носили дипломатический характер, т. е. не отличались особой твердостью. Несколько ниже мы вернемся к этому.

Марнский успех ослабил трения между союзниками, так как создал известный авторитет для французского командования, и дальнейшие операции протекали более или менее согласованно.

Однако, 1915 год показал, что практиковавшаяся система управления коалиционной войной не дает успеха и должна быть подвергнута ревизии. Вступление в войну Италии, поражение России и намечающиеся осенью операции срединных государств на Балканах говорили о необходимости выработки общего плана действий союзников. 19 июля 1915 года в Шантильи первый раз собрался военный совет из политических представителей западных государств, представителей их генеральных штабов и командующих союзными силами (английскими и французскими) во Франции. На этом совете был выработан первый общий план действий, сам по себе хороший, но запоздалый по времени. Во всяком случае на этом совете в первый раз политические деятели совместно с военными обсуждали оперативные предположения.

С июля 1915 года началась полоса военных советов союзников, в подробности которой вдаваться мы не можем. Однако, мы должны указать, что единства в действиях все же не было. Англичане упорно отстаивали свою военную самостоятельность. Френча сменил Хейг, оказавшийся столь же ярким поклонником независимости, как и его предшественник, тем более, что в Лондоне начальник генерального штаба Робертсон стоял на этой же позиции. Одно время, в течение 13 дней, Жоффри был назначен главнокомандующим и над союзными силами на Востоке, но затем, по настоянию французской же политики, покинул пост главнокомандующего вообще.

Верденские неудачи и, вообще, события 1916 года привели английских политиков к убеждению о необходимости более тесной увязки действий. По предложению Ллойд-Джорджа, после совещания союзников в Кале 26 и 27 февраля 1917 года, английский кабинет принял обязательство «приказать командующему английскими вооруженными силами выполнять французские предложения, кроме случаев, в коих грозит опасность его (английской) армии». Через сто лет была возобновлена формулировка подчинения союзного командующего, подобная подчиненности в 1813 году союзников общему главнокомандующему Шварценбергу.

Однако, Хейг отказался стать в положение подчиненного и, несмотря на требования французской политики, продолжал считать себя лишь союзником.

Осенью 1917 года Ллойд-Джордж снова обратился к французскому правительству с предложением установления общего плана действий, но на этот раз с большей конкретностью в установлении общего органа по управлению войной из политиков и военных союзников. 7 ноября 1917 года в Рапалло было решено образовать постоянный высший военный совет, компетенция которого распространялась на фронт во Франции и Италии. Совет должен был собираться ежемесячно в полном составе в Версале, а военные его члены заседали постоянно. Совет должен был установить общее управление войной, согласовать военные операции союзников, подготовить решения для союзных правительств и обеспечить их осуществле-

ние. Однако, главнокомандующего еще не было и об нем не заикался сам автор проекта — Ллойд-Джордж, ибо подчинение английских войск французским не встретило бы еще сочувствия ни в британской армии, ни среди общественного мнения Англии.

«Военный комитет» совета, членом которого был Фош, был вскоре преобразован в «распорядительный военный комитет» под председательством того же Фоша. Этот орган, хотя и занялся организацией резервов для отражения надвигающегося германского наступления весной 1918 года, но не имел приказаний, а ограничивался просьбами. Как известно, к 20 марта в резерве английских войск не было, а французские были далеко от участка прорыва.

Однако, так или иначе, но была осознана необходимость общего главнокомандующего, и 25 марта 1918 года, под угрозой развивающегося наступления немцев, в Дулансе было решено о назначении на эту должность Фоша. Но, по его же предложению, новый главнокомандующий должен был координировать действия самостоятельных командующих французской и английской армиями, что было далеко еще до прямого приказа. Фош сам еще боялся за свою авторитетность, хотя 14 апреля и было всему свету заявлено, что французское и английское правительства назначают Фоша «главнокомандующим союзными армиями во Франции», к чему вскоре присоединились Америка и Италия.

Так, под давлением политики и тяжелой военной обстановки Антанта сломала военную независимость союзных командований и дошла до объединенного командования фронтом, но не всей войной в целом, причем нужно отметить, что это было достигнуто ценою жертв: с поста начальника английского генерального штаба ушел Робертсон и был назначен Вильсон, симпатизировавший Фошу. Хейг был оставлен командующим английскими армиями, так как, по словам Ллойд-Джорджа, боевая репутация этого генерала в Англии была столь значительна, что не приходилось думать об его смене.

Мы не говорили ничего об объединении командования западных государств с Россией. Такого не могло и быть как по дальности расстояния, так в особенности потому, что во главе армии стал Николай Романов. Если к тому же учесть, что и в лице начальника штаба верховного русского командования Алексеева мысль о безоговорочном подчинении русского командования таковому же западных союзников не находила поддержки и даже встречала отпор и уклонение от поездки на заседания военных советов в Шантильи и других местах, то вполне понятно, что военное единение России с западными государствами шло от случая к случаю со всеми вытекающими от сего последствиями.

Напоминая читателю теорию Клаузевида о ведении коалиционной войны, мы приводили суждения его русского переводчика, признававшего устаревшими мысли философа войны для XX столетия. Однако, сказанное нами выше говорит о том, что отправные пути его мышления справедливы и для наших дней. О согласованной стратегии коалиции можно говорить лишь тогда, когда достигнуто политическое единство между ее членами и преодолены самостоятельные линии поведения генеральных штабов, как представителей верховных командований различных армий союзников. *Единство*

действий коалиций должно быть достигнуто прежде всего на политическом поле и верховное командование войной мыслится не иначе как в лице коллективного междусоюзнического органа с политическим составом, а не исключительно военным. Одни «мозги армий» союзников, хотя бы и согласованные в своей деятельности, окажутся не в состоянии разрешить сложную проблему управления современной коалиционной войной.

Это особенно необходимо иметь в виду, так как война наших дней глубоко вторгается в экономическую жизнь воюющих государств и построена на использовании их экономики.

Одновременно с политическим и военным единством коалиции в ней должно быть установлено и экономическое единение. О влиянии экономики на войну мы говорили в первой книге нашего труда, а поэтому здесь мы лишь укажем на то, что различные страны коалиции находятся на разных ступенях экономического своего развития. Этим определяется и их стойкость в войне. Коалиционная война требует уравнивания экономической сопротивляемости государств, а поэтому возлагает на единое руководство войной союзников учет экономической жизнеспособности отдельных членов коалиции, равенство не по передовым, а по отстающим и помощь им в экономической борьбе, сопровождающей ныне боевые действия. Неучет этого или отказ в помощи может повести к преждевременному выходу из войны слабых и наиболее потрясенных в экономическом отношении членов коалиции.

Таким образом, коалиционная война наших дней требует особой ее экономической подготовки, заранее обдуманной союзниками, договоренной и осуществленной ими до начала войны. На пороге мировой войны в обеих коалициях в этом отношении сделано было мало. Одни русско-французские займы показывали помощь Франции своему союзнику в деле подготовки войны и.п., вернее, носили характер купли русской крови для спасения буржуазной республики. Ход мировой войны привел обе стороны к той или другой материальной помощи своим слабым экономически союзникам, хотя нужно отметить, что эта помощь оказывалась с учетом прежде всего своих интересов, с известной «дипломатической сдержанностью», как говорил об этом Клаузевиц.

Необходимость экономического единения коалиций требует, прежде всего, политического руководства войной и отнюдь не может быть основана на одном только едином военном командовании. Приказ здесь окажется недействительным способом управления. Полагаем, что приводить особо доказательства сказанному не нужно, ибо это понятно и без нас.

Мы расчленили вопрос о коалиционной войне на составные части и говорили о них, может быть, излишне подробно. Можно упрекнуть нас в излишнем теоретизировании вопроса и усложнении его. Однако, опыт мировой войны показывает, что коалиционная война капиталистических государств, в виду наличия массы тех противоречий, кои знаменуют собой отношения этих государств, отнюдь не так проста, как она казалась всем государствам Европы перед 1914 годом, не подготовившимся к ее ведению и в трепнях, ценою жертв и поражений, рождавшим единство, столь необходимое для ведения всякой войны.

В государствах, где у власти находится пролетариат, вопрос коалиционной войны разрешается проще, ибо эти государства составляют федерацию.

Однако, и в ней должны быть заранее увязаны вопросы военного и экономического единства, что при политическом единении, составляющем основу Федерации, гораздо легче осуществимо, нежели в коалиции капиталистических стран.

Мы не беремся набрасывать здесь проекты органов управления коалиционной войной, ибо считаем это делом государственной важности, а не частных занятий с пером в руках. Нами формулированы отправные данные для этого: коллективизм и три кита единения коалиции, с учетом чисто военных особенностей при фронтовом управлении. Предоставляем затем желающим полный простор составления различных проектов управления войной государственными «мужами», в том числе и высшими представителями «мозга армии», отнюдь не желая оспаривать их достоинства и их лавры. Нам не раз указывали на излишнюю нашу скромность, но мы предпочитаем оставаться в литературной тени, нежели быть назойливым, непризванным и непризнанным «мужем государственным». Приватная политика и стратегия — большой соблазн для служителей литературного пера, но в то же время и большое зло для практической деятельности и жизни. Способность к воздержанию — иногда очень полезное качество темперамента...

В дальнейшем мы рассмотрим те формы, в которые выливались соглашения по установлению единения коалиции на случай вооруженной борьбы.

Исторические документы отмечают два вида соглашений: 1) политические акты союзов и 2) военные соглашения или военные конвенции.

Выше нами было указано, что в основание каждой коалиции должно быть положено политическое единение, а потому и акты, скрепляющие это единение, приобретают большое значение.

Обе коалиции в Европе на пороге мировой войны были связаны такими политическими соглашениями об оказании вооруженной поддержки при нападении на того или иного члена коалиции. Тройственный союз был скреплен договором, причем таковой рассматривал вступление в войну всего союза только в случае нападения на одного из членов союза. Если же нападающей стороной оказывалось государство, входившее в союз, то остальные его члены дополнительно решали вопрос о своем участии в войне. Подобное толкование союзных обязательств было применено Италией, уклонившейся от войны в виду начала ее Австро-Венгрией. По тем же причинам не приняла участия в войне на стороне тройственного союза и Румыния. Союзный договор, однако, не считался прочным даже в Вене, где каждый раз, как только возникал политический кризис, вынуждены были запрашивать Берлин, окажет ли он поддержку австро-венгерской дипломатии в случае обращения к войне или же ей необходимо быть сдержанной. Недоверие к политической лояльности Берлина в Вене было настолько глубоким, что даже такой поклонник Вильгельма, каким был Конрад, и тот советовал взять с него особую расписку о готовности исполнить союзнические обязательства. О прочности австро-итальянского союза говорить не приходится ибо в него не верили ни в Вене, ни в Риме. Одним словом, документ скреплявший тройственный союз, был малоденной бумагой в глазах союзников, и если в Берлине оказывали поддержку Австро-Венгрию, то в силу военной необходимости, так как без армии Дунайской империи война на

два фронта для Германии была немислима. Начальник австро-венгерского генерального штаба вполне справедливо в свое время указывал, что Германия, из-за боязни быть изолированной, не может не оказывать поддержки Австро-Венгрии. Истинного же политического единения между государствами тройственного союза было мало, и их линии политического поведения часто не только расходились, но и перекрещивались между собою.

В противном лагере политическое единение было фиксировано различными путями. Между Россией и Францией существовало политическое соглашение об оказании вооруженной помощи при нападении Германии, причем вооруженный конфликт между Австро-Венгрией и Россией не объявлял к вступлению в него Франции.

Англия была связана с Францией туманным обязательством, в виде обмена письмами, которое сводилось к тому, что первая решит вопрос о вооруженной помощи в последний момент, и мы видели на пороге мировой войны, какое беспокойство было в Париже до выяснения позиции Англии.

Наконец, Италия и Франция обменялись такими же политическими письмами, в которых римское правительство гарантировало свой нейтралитет в случае франко-германской войны. Письма, как форма соглашения, не носили того обязательства, как политический акт о союзе, не ратифицировались правительствами и, наоборот, были документами тайного сговора. Такое полуофициальное значение писем учитывалось обеими сторонами, не особенно доверявшими их действительности.

По существу же, разницы особой не было, ибо война наших дней настолько грандиозное явление для государства, вступающего в нее, что даже политический акт о союзе не есть еще гарантия безусловного его выполнения.

Политические акты о союзах начала XX столетия предусматривали оказание вооруженной помощи в случае войны, но они могут заключаться и в обратном смысле, т. е. принять вид договора о ненападении. Таковым, по существу дела, были письма итальянского и французского послов на пороге мировой войны. Договоры о ненападении преследуют цель сократить вероятных противников и свести их к ограниченному числу. Иными словами, эти политические акты так же умножают силы заключающего их государства, как и договоры о союзной вооруженной поддержке.

Политические акты о союзах предусматривают, главным образом, лишь общие основания оказания вооруженной помощи, т. е. устанавливают мотивы ее, но не касаются деталей ведения коалиционной войны.

Таким образом, заключение и формулировка этих договоров является прямой обязанностью дипломатии. Однако, так как этими договорами принимаются обязательства оказания вооруженной помощи, кладутся начала коалиционной войны, то и политический договор должен быть оценен с военной стороны. Такая оценка делается при ближайшем участии генеральных штабов государств, заключающих политический договор. Нормально развитием договора о политическом единении двух государств должно быть заключение военного и экономического соглашения, кои уже детализируют соответственно условия ведения коалиционной войны.

Однако, история конца XIX и начала XX столетия дает нам обратные примеры, когда единение союзников начиналось с заключения военного

★

соглашения — военной конвенции — и затем уже скреплялось политическим актом о союзе или даже совершенно не имело такового.

Франко-русская военная конвенция 1892 года была заключена на 7 лет раньше политического договора о союзе.

Англо-французское военное соглашение совершенно не было подытожено политическим договором.

В теоретических наших рассуждениях о коалиционной войне было установлено, что единство коалиции и согласованность ее стратегий могут быть достигнуты лишь при политическом единении, т. е. при заключении союзного договора. Наличие военных конвенций между государствами без заключения соответствующих союзных политических договоров можно объяснить нежеланием заранее связывать себя политическими обязательствами и подготовкой коалиционной войны на всякий случай, без твердо принятого решения вступить в нее.

Хотя военные конвенции, заключаемые военными представителями государств, преимущественно начальниками генеральных штабов, и скрепляются подписью верховной власти, получая, таким образом, силу документа, но, тем не менее, они не составляют еще таких же крепких актов, как политический договор о союзе. В этом отношении был глубоко прав Конрад, заявлявший, что договоры генеральных штабов не имеют никакой ценности. Обращение его к союзному начальнику итальянского генерального штаба в тяжелые дни, предшествовавшие войне, является доказательством сказанному.

В силу изложенного мы не склонны преувеличивать особо значение военных конвенций без укрепления их политическими актами о договоре.

Военное соглашение может и не иметь формы конвенций. Нам отлично известно, что в союзе Германии и Австро-Венгрии такое соглашение было заменено обменом письмами начальников генеральных штабов. Конрад предпочитал даже такой вид соглашения и стремился распространить его и на другие государства, с которыми намечался военный союз. По существу дела, письма начальников генеральных штабов захватывали все те же вопросы, что и специальные военные конвенции, фиксируя соглашение по ним на бумаге, тем более, что они писались с ведома и редакции как верховной власти, так и министра иностранных дел. Мы приводили случай, когда Эренталь задержал подобное письмо Конрада к начальнику румынского генерального штаба, не согласившись с его редакцией. Однако, письма носили менее официальный характер, чем военные конвенции, и не могли считаться документами соглашения союзников. Подтверждение сказанному мы находим: 1) в том, что Мольтке далеко не выполнил своих обязательств по назначению обещанного числа войск и сосредоточению их в Восточной Пруссии, и 2) в том, что эти важные документы, если бы они действительно признавались таковыми, до настоящего времени не разысканы государственным архивом современной Германии, сделавшись апокрифическими, о чем мы подробно говорили в своем месте.

В своих теоретических рассуждениях о коалиционной войне мы указывали, что должны содержать в себе военные конвенции. В них должны быть оговорены и конкретизированы основные вопросы такой войны: определение главного противника, операционные направления, группировка сил,

определение их численности, районы развертывания, сроки его, условия организации командования на фронтах и связи союзного командования, условия материального содействия.

Что касается управления войной в целом, то это выходит за пределы чисто военных соглашений и должно предусматриваться особым политическим актом, равно как и вопрос об обязательстве не заключать мира сепаратно.

Нельзя, конечно, набросать трафарет для военных конвенций и по пунктам предусмотреть все вопросы, которые будут в них затронуты. Они варьируются в зависимости от цели конвенции. Теоретические же обоснования нами даны выше.

На ряду с военной конвенцией должно быть заключено и *экономическое соглашение*, предусматривающее и конкретизирующее экономические обязательства договаривающихся сторон в случае войны.

Нормально военная конвенция является продолжением политического акта о союзе. Если вся ответственность и тяжесть работы по заключению политического акта лежит на дипломатии, а генеральный штаб лишь консультирует, то при заключении военной конвенции, наоборот, договаривающиеся стороны обычно представлены генеральными штабами.

Вполне естественно, что разработка соглашения об общем плане действий производится через посредство генеральных штабов, как органов, ответственных за военный план войны и могущих наиболее полно отразить и защитить интересы своего государства.

Переговоры о военной конвенции: 1) носят секретный характер и 2) бывают длительными, так как обе стороны осторожно подходят к принятию на себя тех или иных обязательств.

Мы не приводим здесь подробностей тех переговоров, кои протекают при заключении военных конвенций, ибо нельзя, конечно, для этого дать трафареты. Обычно ведение переговоров берет на себя сам начальник генерального штаба, но не исключается, что его может представлять особое лицо, в особенности, если конвенция не носит чрезвычайного характера. В переговорах большое участие принимают военные агенты, как лица, постоянно представляющие военные интересы своего государства в договаривающихся государствах.

Из исторической части настоящей книги мы уже знаем, что договоры генеральных штабов сами по себе не имеют никакой силы и должны быть ратифицированы высшей государственной властью.

Из сказанного в настоящем труде о политике и стратегии, нам думается, вполне ясно, что *руководство подготовкой и ведением войны должно в первую очередь осуществляться политикой*. Поэтому дипломатия должна принимать самое живое участие и в заключении военных конвенций. Действительно, мы видели, как Эренталь твердо держал в своих руках начальника генерального штаба, отсрочивая начало переписки Конрада с Мольтке или даже отклоняя попытку соглашения начальника австро-венгерского генерального штаба с румынским генеральным штабом. То же можно видеть и в других странах. Это вполне понятно, ибо кроме того, что война есть политический акт, а потому и соглашение о ней должно быть проверено и утверждено представителями внешней политики, всякое соглашение, хотя

бы и военное, накладывает на государство известные обязательства, т. е. отражается на его внешней политике.

Наконец, как мы только-что указали, военные конвенции ратифицируются высшей государственной властью. Обычно под подписью заключающих конвенцию начальников генеральных штабов на документе следуют внизу соответственные утверждающие подписи представителей высшей государственной власти. Даже форма военного соглашения путем обмена письмами, как, например, Конрада с Мольтке, фиксирует участие в этом высшей государственной власти и утверждение ею содержания писем. Как Конрад, так и Мольтке в своих письмах непременно указывали, что содержание их известно министру иностранных дел или канцлеру, Францу-Иосифу или Вильгельму, в зависимости от того, кто был автором письма.

Военные конвенции не составляют незыблемые акты военного соглашения договаривающихся сторон, а подлежат постоянному развитию, конкретизации и даже изменению, если политическая или военная обстановка вынуждает к этому. Подобное развитие конвенций разрабатывается и принимается на периодических совещаниях начальников генеральных штабов. Протоколы этих совещаний докладываются на утверждение высшей государственной власти. Таковы были пути франко-русской военной конвенции, претерпевшей за время с 1892 года по 1913 год немалые изменения.

На этом мы кончаем наши рассуждения о современной коалиционной войне капиталистических государств.

Человечество всегда склонно искать новое в том, что прочно забыто или же преднамеренно обойдено внимательным изучением, но, по сути дела, вовсе не является новым.

В настоящей главе мы показали, что коалиционная война не является чем-то новым для теории военного искусства и, если это до настоящего времени не понято, то это, как говорил Клаузевиц, «глубоко основано на естественной ограниченности и человеческой слабости».

Нам думается, что создавать из «человеческой слабости» что-то новое, присущее только нашему времени, было бы большой ошибкой.

Америка давно открыта...

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Мы опускаем наше перо...

Не будем здесь повторять всех тех выводов, к которым мы пришли в последних главах этой книги, — они, вероятно, еще свежи в памяти читателя.

Мы несколько отступили от той схемы, по которой написана наша первая книга. Мы решили здесь дать сначала исторический материал, а затем уже перейти к теоретической части. Поэтому эта книга расширилась в своих размерах.

Говорят, что краткость есть выражение ума, и наше длинное повествование об участии генерального штаба в делах внешней политики может послужить не в нашу пользу.

Историческая часть настоящей книги, конечно, не претендует дать исчерпывающую политическую историю Европы на пороге мировой войны. Она представляет собою лишь канву для нашей основной работы по исследованию деятельности генерального штаба. Не будем спорить против того, что эта канва редка, что некоторые нити ее могут вызвать сомнение. Мы, во всяком случае, стремились дать жизнь так, как она протекала, притом не только по документам, но и по воспоминаниям современников.

Успели ли мы в этом, — судить не нам.

Нами не раз указывалось, что современная война не имеет пределов, и мы делали вывод, что столь же обширен и круг деятельности «мозга армии», за исследование которого мы взялись.

В послесловии к первой книге мы приглашали терпеливого читателя развернуть вторую книгу нашего труда. Ныне она просмотрена читателем, но мы вынуждены снова злоупотребить его снисходительным отношением к нашему труду и предупредить, что работа будет продолжена дальше.

Мы не коснулись еще в деталях работы генерального штаба по плану войны, — работы, составляющей основу всей деятельности «мозга армии». Эта задача еще перед нами впереди.

ИСТОЧНИКИ

1. *Byakenen*. — Мемуары дипломата (русск. перевод). ГИЗ.
2. *Die Britischen Amtlichen Dokumente über den Ursprung des Weltkrieges 1898 — 1914*. Berlin (Deutsche Ausgabe).
3. Воспоминания кронпринца Вильгельма. Книгоизд. «Слово». Берлин, 1922 г.
4. *Vittne*. — Воспоминания, т. II, ГИЗ. Москва — Петроград, 1923 г.
5. *Der Weltkrieg 1914 — 1918*. Band I. Reichsarchiv. Berlin, 1925.
6. *Данилов Ю. П.* — Россия в мировой войне 1914 — 1915 гг. Книгоизд. «Слово». Берлин, 1924 г.
7. *Die deutschen Dokumente zum Kriegsausbruch*. I—IV. Charlottenburg, 1919.
8. *Diplomatische Aktenstücke zur Vorgeschichte des Krieges 1914*. I—III. Republik Oesterreich. Wien, 1919.
9. *Добролюбовский С.* — Мобилизация русской армии в 1914 г. «Военный сборник». Белград, т. I.
10. *Зайончковский*. — Подготовка России к мировой войне в международном отношении. Изд. Штаба РККА. 1926 г.
11. *Зайончковский*. — Подготовка России к мировой войне (планы войны). Изд. Штаба РККА. 1926 г.
12. *Извольский А. И.* — Воспоминания (русск. перевод). Издат. «Петроград». Петроград—Москва, 1924 г.
13. *Каутский Карл*. — Как возникла мировая война (русск. перевод). «Красная Новь». Москва, 1924 г.
14. *Conrad, Feldmarschall*. — *Aus meiner Dienstzeit 1906 — 1918*. Band I—V. Ricola-Verlag. Wien-Berlin, 1921 — 1925.
15. *Котляревский С. А.* — Австро-Венгрия в годы мировой войны. Москва.
16. «Красный Архив», Историч. журнал, тт. I—VIII. Центрархив, 1922 — 1925 гг.
17. *Ленин Н. (В. Ульянов)*. — Собрание сочинений. Том XIII. ГИЗ. 1-е изд. Москва.
18. *Les armées françaises dans la Grande guerre* — Т. I. Ministère de la guerre. Etat-major de l'armée — service historique. Paris, MDCCCXXII.
19. *Liebmann Curt*. — Die Entwicklung der Frage eines einheitlichen Oberbefehls im Weltkriege. Wissen-und Wehr-Monatshefte, 1927, 1 и 2 II.
20. *Людendorff*. — Мои воспоминания о войне 1914—1918 гг. (русск. перевод). Москва, 1923 г.
21. *Lüdendorff*. — *Kriegführung und Politik*. Berlin, 1922.
22. *Lüdendorff*. — *Urkunden der Obersten Heeresleitung*. Berlin, 1922.
23. Материалы по истории франко-русских отношений за 1910—1914 гг. Москва, 1922 г.
24. *Меринг Франц*. — Очерки по истории войны и военного искусства. Изд. «Красная Новь». Москва, 1924.
25. *Moltke Helmuth, Generaloberst*. — *Erinnerungen, Briefe. Dokumente 1877 — 1916*. Stuttgart, 1922.
26. *Мольтке*, фельдмаршал. — Военные поучения. С.-Петербург, 1913 г.
27. *Николай*. — Тайные силы (русск. перевод). Москва, 1925 г.
28. *Новицкий В. Ф.* — Мировая война 1914 — 1918 гг. Кампания 1914 года в Бельгии и Франции. Том I. ГИЗ. Москва, 1926 г.
29. *Павлович М.* — Борьба за Азию и Африку. Москва, 1923 г.

30. *Навлович М.* — Мировая война 1914—1918 гг. и грядущие войны. Харьков, 1923 г.
31. Переписка Вильгельма II с Николаем II. ГИЗ, Москва, 1923 г.
32. *Петров М. А.* — Подготовка России к мировой войне на море. Издат. Штаба РККА, 1926 г.
33. *Полыванов А. А.* — Мемуары. Высш. воен. редакц. совет. Москва, 1924 г.
34. *Покровский М. П.* — Дипломатия и войны царской России в XIX столетии. Изд. «Красная Новь», Москва, 1923 г.
35. *Покровский М.* — Русская история в самом сжатом очерке. Часть III, выпуск 1-й. Изд. «Красная Новь», Москва, 1923 г.
36. *Пуанкаре.* — Происхождение мировой войны (русск. перевод). Москва, 1924 г.
37. *Пурталес.* — Между миром и войной (русск. перевод). ГИЗ, Москва — Петроград, 1924 г.
38. *Свечин А.* — Стратегия. Изд. 1-е и 2-е. Москва, 1926 г. и 1927 г.
39. *Сухолиннов В.* — Воспоминания. Русск. универс., изд. Берлин, 1924 г.
40. Стратегия в трудах военных классиков, тт. I и II. Москва, 1922—1923 гг.
41. *Фалькенгайн.* — Верховное командование (русск. перевод). Москва, 1923 г.
42. *Турпин.* — Из воспоминаний (русск. перевод) ГИЗ, Москва — Ленинград, 1925 г.
43. *Föerster.* — *Graff Schlifffen und der Weltkrieg.* Berlin 1921.
44. *Zwehl.* — *Erich. v. Falkenhayn.* Berlin, 1926.
45. *Чернин.* — В дни мировой войны (русск. перевод). ГИЗ, Москва — Петроград, 1923 г.
46. *S. Churchill.* — *Weltkrisis 1911—1914.* Leipzig, 1924.
47. *Schwarte.* — *Der Grosse Krieg 1914—1918.* Band I, V. 1921—1923.
48. *Jagow.* — *Ursachen und Ausbruch des Weltkrieges.* Berlin, 1919.

О П Е Ч А Т К И

<i>Стр.</i>	<i>Строка:</i>	<i>Напечатано:</i>	<i>Следует читать:</i>
10	12 сверху	олиум	одиум
83	14 »	вывоз	вызов
85	1 »	бывшей	бывший
117	18 снизу	Вельгельма»	Вильгельма
162	22 сверху	Добровольский	Добророльский
165	17 »	Мобилизация	«Мобилизация
177	24 »	Лехновского	Лихновского
282	2 »	олиум	одиум